

1902.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЭРНЕСТА РЕНАНА

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ.

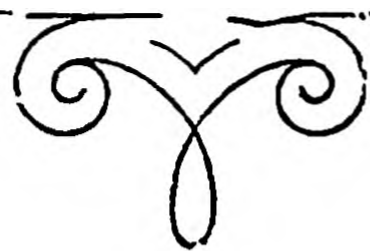
портретомъ автора и очеркомъ его жизни и дѣятельности.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
подъ редакціей В. Н. МИХАЙЛОВА.

ТОМЪ III.

Изданіе Б. К. ФУКСА.
КІЕВЪ.

Дозволено Цензурою. Москва, 20 Марта 1902 года.

К І Е В Ъ.
Типографія М. М. Ф и х а, Б.-Васильковская, № 10.
1902.

КРИТИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ.

Предисловіе.

Очерки, собранные въ этомъ томѣ, вовсе не связаны между собой еѣдинствомъ темы. Они связаны лишь вдохновеніемъ, продиктовавшимъ ихъ автору, и одушевляющимъ ихъ чувствомъ. Всѣ они сводятся къ мысли, которую я ставлю выше всѣхъ мнѣній и гипотезъ,—мысли, что мораль есть нѣчто важное и истинное по преимуществу, и что она сама можетъ сообщить жизни смыслъ и цѣль. Непроницаемый туманъ скрываетъ отъ нашихъ глазъ тайну этого страннаго міра, реальность котораго навязывается намъ и въ то же время подавляетъ насъ; философія и наука будутъ вѣчно гнаться за этой тайной и никогда не достигнутъ пониманія формулы этого Протея, котораго не ограничиваетъ никакая причина и не выражаетъ никакая рѣчь. Но въ то же время она представляетъ несомнѣнную основу, которой не сломитъ никакой скептицизмъ и въ которой люди до конца дней своихъ будутъ находить во всѣхъ своихъ колебаніяхъ твердую почву: добро есть добро, зло есть зло. Для того, чтобы ненавидѣть послѣднее и любить первое не нужно никакой системы, и въ этомъ смыслѣ вѣра и любовь, повидимому, не связанныя съ разумомъ, составляютъ истинную основу нравственной увѣренности и единственное средство, которымъ располагаетъ человекъ для того, чтобы понять что нибудь въ проблемѣ своего происхожденія и назначенія.

Я составилъ этотъ томъ изъ произведеній, по возможности не допускающихъ полемики, имѣя въ виду прекрасную привиллегію морали—объединять въ одномъ чувствѣ всѣхъ честныхъ людей, какъ бы они ни расходились во взглядахъ относительно всего человѣческаго и божескаго. Я хотѣлъ, чтобы томъ этотъ явился протестомъ противъ узкой мысли, которую часто приписывали мнѣ мало знавшіе меня люди. Я не только никогда не помышлялъ о томъ, чтобы умалять значеніе религіи въ нашемъ мірѣ, но цѣлью всѣхъ моихъ произведеній было, напротивъ, очистить и оживить чувство, которое можетъ сохранить свое господствующее значеніе только при томъ условіи, что оно разовьется до новаго уровня утонченности. Въ наше время религія не можетъ не считаться съ утонченностью человѣческой души и умственнымъ развитіемъ. Я хотѣлъ служить ей, пытаюсь перенести ее въ неуязвимую область, удаляя отъ отдѣльныхъ догматовъ и вѣрованій въ сверхъестественное. Ибо, если суждено погибнуть этимъ послѣднимъ, то все же не слѣдуетъ, чтобы погибла религія, и мо-

жетъ быть, придетъ день, когда тѣ, кто теперь ставятъ мнѣ въ вину различіе между нетлѣнной основой религіи и ея переходящими формами, будутъ очень счастливы, находя защиту отъ грубыхъ нападокъ въ томъ самомъ убѣжищѣ, которымъ они такъ пренебрегаютъ. Конечно, я хочу свободы мысли, ибо истина имѣетъ такія же присущія ей права, какъ и добродѣтель, и такъ какъ трусливая ложь, которая никого не обманываетъ и сводится къ лицемерію, не приноситъ никакой пользы. Въ частности, изученіе исторіи, которое, по моему мнѣнію, даетъ истинную основу для науки о человѣчествѣ, показываетъ ясно необходимость большей свободы теологіи, ибо духъ ея противорѣчитъ духу истинной критики, и исторія, находящаяся подъ игомъ религіозной догмы, осуждена или на открытую партійность, или же на грубый эмпиризмъ, который не умѣетъ уловить смысла матеріальныхъ фактовъ. Но, скажу откровенно, въ моихъ глазахъ сама наука и критика суть второстепенные элементы по сравненію съ необходимостью сохранить традиціи добра. Я не могъ бы удалиться изъ міра съ чувствомъ удовлетворенія, еслибы дѣятельность моя ограничилась порядкомъ того или другого изслѣдованія, той или иной частной системой. Въ самомъ дѣлѣ, я болѣе, чѣмъ когда либо убѣжденъ, что моральная жизнь имѣетъ высшую цѣль и соотвѣтствуетъ нѣкоторому объекту. Еслибы цѣлью жизни было счастье, то не было бы никакого основанія отличать удѣлъ человѣка отъ судьбы низшихъ существъ. Но это вовсе не такъ: мораль вовсе не есть синонимъ искусства быть счастливымъ. А разъ самопожертвованіе является обязанностью и потребностью человѣка, то я не вижу границъ горизонта, который открывается предо мной. Какъ благоуханія съ острововъ Эритрейскаго моря, которыя носились надъ морской поверхностью передъ кораблями,—этотъ божественный инстинктъ является для меня предзнаменованіемъ невѣдомой страны и предвѣстникомъ безконечнаго.

Удивительная способность долга наставлять и умиротворять души людей даетъ объясненіе довольно обычному явленію въ исторіи философіи, а именно кажущемуся противорѣчію, которое мы замѣчаемъ у многихъ благородныхъ умовъ, не вѣрившихъ ни во что, кромѣ добродѣтели. Когда Кантъ, этотъ Аристотель новаго времени, принялся за критику самыхъ основъ человѣческаго разума, съ твердымъ рѣшеніемъ не останавливаться иначе, какъ дойдя до несомнѣннаго, онъ не нашелъ ничего болѣе яснаго, чѣмъ долгъ. Передъ лицомъ этого величественнаго откровенія для него исчезла всякая возможность сомнѣнія. На основѣ моральнаго сознанія неумолимый критикъ возстановилъ все, что онъ разрушилъ въ началѣ: Богъ, религія и свобода, которые разумъ опуталъ для него сѣтью противорѣчій, оказались стоящими внѣ области споровъ, въ мягкомъ и чистомъ свѣтѣ, оказались основанными не на силлогизмахъ, но на самыхъ настоятельныхъ потребностяхъ человѣческой природы, защищенными отъ возможности оспариванія. Эта прекрасная и смѣлая перемена фронта нѣмецкаго мыслителя повторяется у всѣхъ тѣхъ, кто съ нѣкоторой энергіей совершилъ мысленный кругъ. Такимъ обра-

зомъ религія, предметъ вѣчныхъ споровъ для діалектики и самоочевидной интуиціей для моральнаго чувства, является удѣломъ лишь тѣхъ, кто достоинъ ея и кто, повинуваясь голосу своего сердца, приходитъ къ обнаруженію ея.

Я знаю, что эта вѣра въ высшія истины, свободныя отъ символовъ, въ которые облекла ихъ религія, не удовлетворитъ большинство людей, привыкшихъ вносить во все безконечное грубую точность, требуемую практической жизнью, и неспособныхъ, даже въ вопросахъ морали, отказаться отъ своекорыстныхъ соображеній. Умъ человѣческаго рода узокъ; сужденія его всегда партійны; число людей, способныхъ тонко улавливать истинныя аналогіи вещей, безконечно мало. И такъ какъ съ одной стороны весьма важно, чтобы всѣ вѣрили въ долгъ, а съ другой стороны, невозможно, чтобы всѣ имѣли возвышенный взглядъ на то, что служить основой долга, то добросовѣстный мыслитель испытываетъ въ началѣ нѣчто вродѣ опасенія, подвергая анализу ограниченныя сужденія, которыя для большей части ему подобныхъ служатъ основаніемъ для того, чтобы дѣлать добро. Рука дрожитъ, когда она поднимается впервые на эти хрупкіе устои несчастной обрушивающейся развалины, которую называютъ человѣческой моралью; видно, что лишь чудомъ могла она стоять несмотря настолько причинъ, ведущихъ ее къ дряхлости и униженію, и начинаешь колебаться, слѣдуетъ ли хоть наружно содѣйствовать тѣмъ, кто старается разрушить результатъ такого самопожертвованія, столько слезъ и крови.

Эти сомнѣнія, часто поднимались въ моей душѣ, когда я видѣлъ возмущеніе многихъ честныхъ умовъ при видѣ моихъ спекулятивныхъ вольностей, и мнѣ нужно было много серьезныхъ мотивовъ для того, чтобы подавить эти сомнѣнія. Мнѣ приходилось доказывать самому себѣ, что мысля свободно и говоря свободно о томъ, о чемъ я мыслю, я дѣлаю доброе и полезное дѣло, и это удалось мнѣ только тогда, когда я воочію увидѣлъ насколько неполна и неправильна мысль, что благочестіе создается міромъ. Разсматривая критику и свободное развитіе духа, какъ враждебныя силы, лица, занимающіяся довольно поверхностно счастіемъ человѣческаго рода, не замѣчаютъ того, что они идутъ къ цѣли, прямо противоположной той, которой они стремятся достигнуть. Въ дѣйствительности вытравленіе критическаго духа неизбежно приводитъ къ беотизму или суетности, излагающимъ конецъ всякой серьезной морали, и влекутъ за собой гораздо больше дурныхъ послѣдствій для народа, чѣмъ свободное мышленіе вмѣстѣ со всѣми своими законными или предполагаемыми послѣдствіями. Мнѣ не кажется, чтобы тѣ страны, въ которыхъ удалось совершенно подавить мысль (напр. Испанія, или Мусульманскія земли) или тѣ, въ которыхъ, какъ въ Италіи, XIX вѣка она доведена до незначительныхъ размѣровъ,—стали много болѣе нравственными. Все, что возвышаетъ человѣка и побуждаетъ къ заботамъ о своей душѣ,—улучшаетъ и очищаетъ его; качества доктринъ играютъ весьма малую роль. Читатели, способные развить въ себѣ вкусъ къ произведенію, съумѣютъ также найти его вредныя стороны, если таковыя есть. Что же касается тѣхъ,

которые чувствуютъ возмущеніе, то само это чувство настолько тонко и трогательно, что они не должны сожалѣть о немъ. Можно было бы даже сказать, что они должны быть признательными тому, кто вызвалъ ихъ на этотъ актъ вѣры и доставилъ имъ случай увидѣть въ себѣ человѣка, одареннаго специальной привилегіей обладанія истиной.

Я считалъ нужнымъ сдѣлать эти необходимыя замѣчанія для того, чтобы объяснить, почему я не позволилъ себѣ отвѣчать на критику, обращенную на мои предыдущіе очерки; я сдѣлалъ это отнюдь не подъ вліяніемъ презрѣнія, а подъ вліяніемъ вполне определенной для меня мысли, что всякій слагаетъ себѣ вѣру на свой манеръ. Защищать какую нибудь догму это значитъ доказывать, что ея придерживаются и что, слѣдовательно, въ ней нуждаются. Живость этихъ нападеній нерѣдко внушала мнѣ уваженіе къ нападающимъ, и я думалъ, съ удовольствіемъ, что они могутъ отклонить отъ чтенія моихъ произведеній тѣхъ, для кого оно могло бы быть вреднымъ. Мнѣ хотѣлось иногда, чтобы эти критическіе отзывы были написаны лучшимъ слогомъ, чтобы можно было избѣгнуть нѣкоторыхъ недоразумѣній. Но религія дѣлаетъ столько добра въ мірѣ, что ей можно простить нѣсколько узкихъ идей и нѣсколько скверный слогъ. Религіи неизбѣжно принуждены клеветать на тѣхъ, кого онѣ (обыкновенно совершенно неосновательно) считаютъ своими противниками. Въ самомъ дѣлѣ, всякая изъ нихъ выставляется, какъ очевидная, а слѣдовательно, онѣ обязаны утверждать, что лишь извращенность сердца можетъ побудить къ тому, чтобы стать къ ней въ оппозицію. Критикъ, составившій себѣ правильное мнѣніе о томъ, что такое общественное мнѣніе, легко разбирается въ немъ. Приучившись распутывать бессмыслицу, лежащую въ основѣ исторіи, онъ знаетъ, что біографія всѣхъ людей, уклонившихся отъ религіозныхъ идей, принятыхъ въ ихъ время, начертана заранѣе. Онъ довольствуется своимъ собственнымъ уваженіемъ и уваженіемъ небольшого числа другихъ. Не слѣдуетъ забывать, что несправедливость, которую по необходимости оказываетъ намъ церковь, гораздо меньше тѣхъ благъ, которыя даетъ намъ она съ нравственнымъ воспитаніемъ, и той услуги, которую оказываетъ она намъ, поддерживая въ человѣчествѣ чувства божественнаго, безъ котораго міръ, съ точки зрѣнія морали, сталъ бы пустыней.

Написанные въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ отрывки, собранные въ этомъ томѣ, могли бы быть перепечатаны безъ серьезныхъ измѣненій. Лишь одинъ изъ нихъ написанъ раньше того времени, когда опредѣлилась моя манера писать и когда установились мои взгляды на исторію. Это именно статья о Тости. Я не считалъ нужнымъ исключать ее, такъ какъ она довольно живо изображаетъ одну сторону итальянскаго вопроса, который специально изслѣдуется въ этомъ томѣ. Въ то время, когда статья эта была написана (въ началѣ 1851) я былъ полонъ предразсудковъ относительно революціи и формы общества, создавшагося подъ вліяніемъ ея,—предразсудковъ обычныхъ во Франціи и впоследствии уничтоженныхъ жестокими уроками. Я считалъ революцію синонимомъ либерализма, и такъ какъ это послѣднее

слово выражаетъ для меня достаточно удачно формулу наиболее высокаго развитія челоуѣчества, то фактъ, который, согласно неправильной философіи исторіи, обозначаетъ его появленіе, казался мнѣ какъ бы священнымъ. Я не видѣлъ еще яда скрывающагося въ соціальной системѣ, созданной французскимъ духомъ; я не замѣчалъ еще, что Революція съ своей жестокостью, съ своимъ кодексомъ, основаннымъ на совершенно матеріалистическомъ пониманіи собственности, съ своимъ презрѣніемъ къ личнымъ правамъ, съ свойственной ей манерой считаться лишь съ индивидуумомъ и видѣть въ немъ лишь мимолетное существо безъ всякихъ нравственныхъ узъ, заключаетъ зародышъ разрушенія, который вскорѣ долженъ былъ привести къ властвованію посредственности и слабости, къ уничтоженію всякой крупной инициативы,—къ кажущемуся благосостоянію, условія котораго сами уничтожали себя. Конечно, если бы было доказано, что черезъ двѣсти лѣтъ образованные люди будутъ смотрѣть на 1789 годъ, какъ на годъ окончательнаго основанія свободы политической, религіозной и гражданской, какъ на время, создавшее фазисъ болѣе возвышеннаго развитія для челоуѣческаго духа, болѣе совершенныхъ религіозныхъ идей, какъ на лучшую, болѣе благородную и болѣе свѣтлую эру, то не было бы ни одного ума, любящаго красоту и добро, который не счелъ бы своимъ долгомъ взять 1789 годъ за исходный пунктъ своей вѣры и своихъ надеждъ. Но если оказывается, что принципы 1789 г. слишкомъ часто имѣютъ такое значеніе, какое имъ желаютъ придать тѣ или другіе люди, что послѣдствіемъ ихъ является паденіе всего духовнаго и либеральнаго развитія, что они приводятъ къ деспотизму матеріальныхъ интересовъ и подавленію всѣхъ подъ предлогомъ равенства,—то, не смотря на рискъ вызвать анаѰему мало просвѣщеннаго либерализма, слѣдуетъ воздать должное чувствамъ, которыя руководили творцами этого необычнаго движенія и сдѣлать то, что сдѣлали бы они сами, т. е. отречься отъ послѣдствій, которыхъ они не хотѣли и не замѣчали. Самое важное, чтобы фанатическая привязанность къ воспоминаніямъ извѣстной эпохи не была препятствіемъ въ существенной работѣ нашего времени—въ основаніи свободы путемъ возрожденія индивидуальнаго сознанія. Если 89 годъ является препятствіемъ къ этому, то откажемся отъ него. Для націи ничего не можетъ быть гибельнѣе фетишизма, заставляющаго ее видѣть свое самолюбіе въ защитѣ нѣсколькихъ фразъ, съ помощью которыхъ можно, умѣло прикрываясь ими, вести ее къ крайнимъ предѣламъ рабства и униженія.

Я знаю, что многія изъ этихъ опасеній за будущее покажутся анахронизмомъ, и что въ нихъ увидятъ слѣдствіе той меланхоліи, въ которой, какъ мнѣ говорятъ, упрекали меня нѣкоторые люди столь же снисходительные къ настоящему, какъ и оно снисходительно къ нимъ. Но у всякаго свой характеръ, и хотя я по временамъ испытывалъ искушеніе и питалъ зависть къ этимъ счастливымъ натурамъ, удовлетворяющимся всегда и безъ особеннаго труда, но я долженъ сознаться, что послѣ нѣ котораго размышленія, чувствовалъ, что горжусь моимъ пессимизмомъ, и еслибы при томъ же положеніи пессимизмъ этотъ сталъ смяг-

чатся, то я сталъ бы съ жадностью искать, какой нервъ ослабѣлъ въ моемъ сердцѣ. Быть можетъ, въ одинъ прекрасный день суровость эта смягчится. Этому можетъ способствовать прежде всего то обстоятельство, что люди, оптимизмъ которыхъ не кажется мнѣ обоснованнымъ, не впадая въ несвойственную ихъ характеру меланхолю, поймутъ, что то, что составляетъ счастье для однихъ, можетъ не быть таковымъ для всѣхъ.

Статья относительно Выставки вызвала различныя возраженія, изъ коихъ одни заставили меня подумать, а другія растрогали. Моему положенію, которое я считаю неоспоримымъ, что развитіе искусства и промышленности весьма далеки отъ параллельнаго движенія, противопоставили исторію: обратились къ античной Греціи, Италіи и эпохѣ Возрожденія и, наконецъ, къ Франціи XVII вѣка. На самомъ дѣлѣ въ Греціи, Италіи и Франціи въ указанное время уже была развита та степень опытности въ механическихъ искусствахъ, безъ которой невозможно существованіе культурнаго общества, но въ нихъ не было ничего, аналогичнаго тому матеріалистическому идолопоклонству, которое въ наше время овладѣло лучшими умами. Греція никогда не была тѣмъ, что можно было бы назвать промышленнымъ государствомъ; она постоянно устраивала состязанія въ искусствѣ, поэзіи, силѣ, ловкости и даже красотѣ, но никогда не занималась промышленными состязаніями. Гееренъ и Бёккъ показали ясно, что въ самыя блестящія эпохи дѣятельность греческаго міра была направлена цѣликомъ на общественную жизнь ¹⁾. Тоже самое можно сказать объ Италіи XV и XVI вѣка: промышленный духъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ развился за послѣдніе 30—40 лѣтъ, былъ тогда совершенно неизвѣстенъ. Кольберъ, не смотря на должное попеченіе о промышленности, отводилъ ей четвертое или пятое мѣсто въ государствѣ.

Конечно, матеріальныя улучшенія, въ особенности, когда они направлены на пользу народа, не могутъ быть безразличны. Нѣкоторая легкость въ доставленіи жизненныхъ удобствъ есть очевидное условіе полной цивилизаціи. Никто и никогда не выражалъ сомнѣній относительно этого пункта. Ошибка школы, которая предпочитаетъ промышленное развитіе химерическому величію прошлаго, добытому нерѣдко цѣной отреченія и самопожертвованія, состоитъ въ томъ, что она приписываетъ цѣлой массѣ предметовъ абсолютную цѣнность, дѣлающую ихъ желательными сами по себѣ, въ то время, какъ они имѣютъ значеніе лишь въ зависимости отъ того, что они обозначаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое утѣшеніе могутъ дать намъ взамѣнъ потери поэзіи, свободы и столькихъ прекрасныхъ вещей, отъ которыхъ промышленность приписываетъ себѣ право отучить человѣчество? Одно единственное— благосостояніе. Я не стану разбирать, реальное-ли это благосостояніе или только кажущееся, не стану разбирать, легче-ли на

¹⁾ См. Heeren, De la politique et du commerce des peuples de é antiquité (франц. переводъ т. VІІ стр. 229 и слѣд.),—Boeckh, Die Staatshaushaltung der Athener (2-е изд. Берлинъ 1851), т. I стр. 789 и слѣд.).

самомъ дѣлѣ вести народу жизнь скромную и независимую въ настоящее время, чѣмъ прежде. Предположимъ, что низшіе классы получаютъ въ настоящее время по дешевымъ цѣнамъ много предметовъ второстепенной полезности, котрые нѣкогда были имъ недоступны. Можно ли сказать на основаніи этого, что отсюда для нихъ проистекаютъ выгоды, матеріальныя и моральныя, настолько значительныя, что онѣ могутъ уравновѣсить развращающее вліяніе многихъ желаній, которыя промышленность создала, но не можетъ удовлетворить? На то обстоятельство, что мѣщанка можетъ нарядиться въ предметы, которые нѣкогда носили лишь герцогини, смотрятъ, какъ на пріобрѣтеніе цивилизаціи, но при этомъ никому не приходитъ въ голову, что мѣщанка, надѣвая костюмъ герцогини, не заимствовала вмѣстѣ съ этимъ ея манеры носить этотъ костюмъ, и что она не сдѣлала ничего болѣе, какъ только обмѣняла свое естественное платье на несвойственную ей и не типичную одежду. Простая матерія была бы гораздо лучше: она прикрывала меньше жадности и не была лишена граціи.

Положеніе, которое я развивалъ въ упомянутой статьѣ, носило совершенно эстетическій характеръ. Цѣлью промышленности не является ни мораль ни умственное развитіе. Итакъ, пусть, она довольствуется своей скромной ролью, пусть не мечтаетъ о томъ, чтобы перейти предѣлы своихъ полезныхъ трудовъ, и никто не станетъ ее упрекать ни въ чемъ. Промышленность имѣетъ возможность обойтись безъ поэзіи: это утѣшеніе нужно оставить бѣднякамъ. Поле, заросшее бурьяномъ, гораздо болѣе живописно чѣмъ воздѣланныя поля, и если художнику придется выбирать пейзажъ, то онъ скорѣе примется за песчаники Бретани и величественные пустыри Римской деревни, чѣмъ за равнины Боса или богатая долины Нормандіи. Что можетъ быть вульгарнѣе большой дороги и что можетъ быть живописнѣе тропинки?... Но что это я осмѣлился сказать, и въ какой только ереси меня не обвиняли? Мнѣ кажется, что я, къ негодованію разсудительныхъ людей, уже попалъ въ трактатъ политической экономіи, гдѣ будетъ упомянуто, что изъ любви къ живописному, я предлагалъ оставить поля невоздѣланными и уничтожить всѣ проѣзжія дороги.

Противъ меня было направлено еще одно возраженіе. Отмѣчая, что Выставка не дала ни одной строфы достойной упоминанія, я заранѣе извинялся передъ неизвѣстными поэтами, произведенія которыхъ могли не дойти до меня. Муза Выставки прибѣгла къ рѣшительному средству, чтобы доказать свое существованіе; она отыскала меня и вотъ передъ моими глазами цѣлая эпопея и нѣсколько одъ, которыя протестуютъ противъ моего рѣшенія. Но, скажу откровенно, поэмы эти, носящія въ общемъ весьма мало академическій характеръ и начертанныя по большей части руками трудолюбивыми, но неграмотными, тронули мое сердце. Слишкомъ часто я принимался читать ихъ съ презрѣніемъ и почти никогда не оканчивалъ, не будучи растроганнымъ. Форма ихъ, за немногими исключеніями, полна недостатковъ и, къ сожалѣнію, не вслѣдствіе грубости, а вслѣдствіе притязательности и дурного вкуса. Но нѣкоторыя изъ этихъ произведеній дышутъ такой честностью, симпатіей, желаніемъ понять возвы-

шенное, въ нихъ находишь столько сердечности и патріотизма, заслуживающаго почтеніе, благодаря своей наивности, что я, хотя и рѣшился посмѣяться надъ ними, обыкновенно оканчивалъ тѣмъ, что любовался ими и совершенно забывалъ о томъ, что для доказательства моего положенія мнѣ необходимо находить ихъ дурными. Но я никогда не рѣшусь встрѣтить шутками что-нибудь честное. Хотя и весьма существенно, чтобы на обширномъ попрощѣ гласности духу критики было предоставлено его мѣсто и полная свобода, но все же необходимо остерегаться разрушать иллюзію и даже нѣкоторый дурной вкусъ вездѣ, гдѣ иллюзія и дурной вкусъ необходимы. Неловкое усиліе, сдѣланное съ цѣлью добиться свѣта истины, неуклюжее выраженіе добраго и чистаго чувства суть вещи священныя, и было бы жестоко встрѣчать ихъ улыбкой. Самая неловкость этихъ первыхъ попытокъ формирующагося сознанія не лишена прелести, а еслибы эта неловкость была не много менѣ претенціозной, менѣ старалась подражать свѣтской утонченности, то въ концѣ концовъ я нашель бы новую теорію эстетики, которая могла бы реабилитировать ее. Да, правы тѣ, которые утверждаютъ, что на Выставкѣ была своя поэзія, рожденная нѣсколькими симпатичными умами, привыкшими принимать за реальность свои мечтанія о прогрессѣ. Вся утонченность свѣта не стоитъ одного добраго чувства, даже если оно дурно выражено, и я былъ бы не утѣшенъ, если бы возмутилъ наивный энтузіазмъ этихъ людей съ простымъ сердцемъ, вѣра которыхъ спасаетъ насъ. Для полнаго развитія духа націи нужны весьма разнообразные элементы; одной вѣры недостаточно, еще болѣе недостаточно одной критики.

Работа о поэзіи кельтическихъ племенъ носить характеръ нѣсколько отличный отъ другихъ произведеній, собранныхъ въ этомъ томѣ. Однако я присоединилъ сюда эту работу потому, что въ извѣстномъ смыслѣ она объясняетъ ихъ и кромѣ того, когда я писалъ ее, я имѣлъ въ виду не цѣли эрудиціи, а ея эстетическую и моральную цѣнность. Мы, бретонцы, особенно тѣ изъ насъ, которые живутъ при землѣ или отдѣлены отъ этой жизни, близкой къ природѣ, однимъ или двумя поколѣніями,—мы вѣримъ, что человѣкъ больше обязанъ своей крови, чѣмъ самому себѣ, и нашъ первый культъ направляется на предковъ. Разъ въ своей жизни я пожелалъ высказать, что я думаю относительно расы, которую я считаю хорошей, хотя я знаю, что она можетъ сдѣлать кучу наивностей, если эксплуатировать ея честность. Старыя воспоминанія этой расы для меня не только любопытный предметъ изученія: это область, въ которой всегда любила блуждать моя фантазія и въ которую я люблю удаляться, какъ въ идеальное отечество....

Патріархи неизвѣстнаго племени, у очага котораго я черпалъ вѣру въ невидимое, смиренный классъ земледѣльцевъ и моряковъ, которому я обязанъ сохраненіемъ душевной силы въ странѣ потухшей, въ вѣкѣ лишенномъ надеждъ,—вы безъ всякаго сомнѣнія скитались по очарованнымъ морямъ, въ которыхъ отецъ нашъ, Бранданъ, искалъ обѣтованной земли; вы созерцали зеленые острова, травы которыхъ купались въ волнахъ, вы про-

бѣгали съ св. Патриціемъ по кругамъ того міра, котораго не умѣютъ уже видѣть наши глаза. По временамъ мнѣ становится жаль, что судно ваше, покидая Ирландію или Камбрію, не попало подъ вліяніе другихъ вѣтровъ. Я вижу въ моихъ мечтахъ эти мирныя общины Клонферта и Лизмора, гдѣ я долженъ былъ бы жить, эту бѣдную Ирландію, живущую звуками твоихъ колоколовъ и слушающую рассказы о твоихъ таинственныхъ странствованіяхъ. Безполезныя въ этомъ мірѣ, который понимаетъ лишь то, что его порабощаетъ или ему служитъ, бѣжимъ вмѣстѣ въ тотъ блистательный Эдемъ душевныхъ радостей, хотя бы тотъ самый, который наши святыя видѣли въ своихъ снахъ! Будемъ утѣшаться нашими химерами, нашимъ благородствомъ, нашимъ презрѣніемъ! Кто знаетъ, быть можетъ, мечты наши болѣе истинны, чѣмъ сама реальность? Богъ свидѣтель, престарѣлыя отцы: мою единственную радость составляетъ мысль, что я—ваше созданіе и что черезъ меня вы живете и говорите.

28 апрѣля 1859 года.

Де-Саси и либеральная школа.

Честность есть истинный аристократизмъ нашего времени; она не нуждается въ покровительствѣ и, хотя многіе пытаются разыграть ее, но овладѣть ею имъ никакъ не удастся. Благородство всегда связывается съ тѣми качествами, которыя въ рѣшительный періодъ составляютъ спасеніе человѣчества. Привилегированный классъ, развившійся изъ феодализма, который вплоть до 1789 г. является во Франціи германскимъ учрежденіемъ, пользовался въ теченіе болѣе, чѣмъ тысячи лѣтъ, благодѣяніями великаго переворота, который замѣнилъ кажущееся варварство, но, въ дѣйствительности, индивидуальную и локальную независимость замѣнилъ административнымъ деспотизмомъ Римской Имперіи. Я часто представляю себѣ, что аристократія будущаго будетъ состоять изъ тѣхъ, кто въ той или иной формѣ устоялъ передъ дурными теченіями времени или передъ тѣмъ общимъ упадкомъ характеровъ, который, освобождая человѣка отъ всего, опредѣляющаго политическое самосознаніе, заставляетъ примириться со всѣмъ,—передъ тѣмъ вульгарнымъ матеріализмомъ, подъ вліяніемъ котораго міръ сталъ какъ бы обширнымъ полемъ покрытымъ колосьями, которыя гнутся во всѣ стороны при каждомъ порывѣ вѣтра: передъ этимъ гибельнымъ положеніемъ, которое, по моему мнѣнію, можетъ привести общество не къ разрушенію (такъ какъ слова этого нельзя примѣнить, когда дѣло идетъ о человѣческомъ родѣ въ совокупности),—но къ бурной реакціи индивидуальныхъ силъ противъ унижительной лѣности и покорной инертности.

Весьма важный фактъ, который съ настоящаго времени можно считать однимъ изъ наиболѣе крупныхъ результатовъ добытыхъ первой половиной нашего столѣтія, состоитъ въ томъ, что моральная устойчивость, о которой я говорилъ встрѣчалась обыкновенно среди людей предавшихся умственному труду. Правда, прежніе общественные классы внесли свою долю, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ претендовать на честь особенно энергичнаго протеста. Революція до такой степени сломала въ нашей странѣ всякое единство и солидарность, что иначе и быть не могло, да кромѣ того административная дѣятельность государства встрѣтилась не только въ наше время, съ болѣе энергичнымъ противодействіемъ со стороны отдѣльныхъ индивидуумовъ, чѣмъ сословій. Люди мысли составляютъ истинную аристократію нашей исто-

ри. Французскіе рыцари, по крайней мѣрѣ со времени правленія династіи Валуа, знали лишь такія легкія качества, какъ бра-вированіе, игривость, изящество, которыя и дали имъ возможность сыграть въ мірѣ такую блестящую роль. Имъ слишкомъ часто недоставало серьезности и моральности; они забыли о существенномъ назначеніи аристократіи—о защитѣ противъ королевской власти своихъ правъ, которыя во многихъ отношеніяхъ были правами всѣхъ. Въ частности съ XVII вѣка всѣ обязанности рыцарей свелись къ одной: служить королю. Безъ сомнѣнія, это было очень хорошо, но это было далеко не все. Французская аристократія не исполнила другой своей обязанности: быть представительницей привилегій индивидуума, ограничивать власть, предохранять новое время отъ того преувеличеннаго понятія о государствѣ, которое привело къ упадку античнаго общества. Она понимала свои привилегіи лишь какъ верховенство надъ буржуазіей; ея прерогативы стали для нея основой для презрѣнія, а не для истинной гордости; поводомъ къ рабству и наглости, а не долгомъ, который нужно исполнить. Отсюда тотъ духъ—легкій и въ то же время тяжело-консервативный, игривый и рутинерскій, который сформировалъ характеръ французской знати; отсюда внутренняя порочность, которая помѣшала ей стать основой свободнаго управленія и которая сдѣлала то, что, когда управленіе водворилось безъ нея, то она стала наиболѣе рѣшительнымъ врагомъ порядка, основательницей и поддержкой котораго ей надлежало быть.

Гдѣ же было то противодѣйствіе, которое, не смотря на отсутствіе урегулированныхъ учрежденій, столько разъ въ нашей исторіи ограничивало власть? Гдѣ же короли Франціи встрѣчали ту силу, которая заставляла ихъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ?—Среди людей мысли. На всемъ пространствѣ среднихъ вѣковъ можно открыть Клерка и, если такъ можно сказать, публициста, который руководитъ королевской властью въ то самое время, когда ее наиболѣе могла возмутить подобная мысль. Единственная эпоха тиранніи въ собственномъ смыслѣ этого слова могла водвориться только тогда, когда люди мысли были подавлены. Терроръ, обезглавливая Францію, былъ истинной причиной неслыханнаго паденія характеровъ, которымъ отличаются послѣдніе годы XVIII и первые XIX вѣка. Конечно, еслибы поколѣнія 89 и 92 г. не были уменьшены топоромъ и изгнаніемъ, еслибы пережили революцію всѣ тѣ выдающіеся представители XVIII в., которые по обычнымъ законамъ должны были бы продолжать свое существованіе въ XIX вѣкѣ и руководить возстановленіемъ новаго общества, то все случившееся затѣмъ не было бы возможно. Въ этомъ отношеніи нельзя дѣлать никакихъ сравненій между нашимъ временемъ и первыми годами XIX вѣка. Общество, вышедшее непосредственно изъ горнила Революціи, было рабскимъ потому, что вся умственная аристократія исчезла, потому что самыя серьезныя умственныя работы сводились къ переводу Горація или къ латинскимъ стихамъ. Не таково состояніе нашего времени. Духъ пережилъ свое кажущееся пораженіе: средства обойтись безъ него не открыты, и до сихъ поръ кажется, что несмотря на торжественныя обѣщанія никто не нашелъ секрета

нравиться безъ таланта или вызывать привязанность безъ участія сердца.

Среди этой однообразной равнины, которую создало вокругъ насъ равенство, уцѣлѣла единственная твердыня—твердыня духа. Литературу нерѣдко упрекаютъ въ томъ, что она питаетъ наклонность проникать въ область политики, и упрекъ этотъ основателенъ, если подъ политикой подразумѣвать легкомысленныя волненія грубаго тщеславія. Человѣкъ одаренный высшими способностями, совершаетъ на самомъ дѣлѣ святотатство и поступаетъ крайне неумѣстно, если прилагаетъ свои дарованія къ веденію незначительныхъ дѣлъ или къ деталямъ администраціи; ибо практическая жизнь требуетъ совсѣмъ иныхъ качествъ, чѣмъ высшая спекуляція. Высокія стремленія и глубокіе взгляды мало примѣнимы тамъ, гдѣ все то, что низко и близко къ землѣ, имѣетъ гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ, чѣмъ все то, что крупно задумано и прочувствовано. Но очень жалкое понятіе о литературѣ имѣетъ тотъ, кто полагаетъ, что она должна ограничиваться простой игрой ума безъ всякаго приложенія къ общественнымъ вопросамъ, волнующимъ наше время. Такой взглядъ низводитъ очень низко политику и литературу и въ результатѣ привелъ бы насъ къ положенію древнихъ грамматиковъ. Если литература имѣетъ серьезный характеръ, то она подразумѣваетъ опредѣленную систему относительно всего божескаго и людскаго; съ другой стороны политика предполагаетъ опредѣленный взглядъ на цѣль общества, и, слѣдовательно, и философію. Литература и наука не могутъ быть чѣмъ то безобиднымъ, чѣмъ можно было бы управлять административно, подобно спектаклямъ или общественнымъ развлеченіямъ. Истинно прекрасныя произведенія не дѣлаются по заказу; человѣкъ способный мыслить самостоятельно никогда не подчинится игу, первымъ условіемъ котораго бываетъ обыкновенно ограниченность тѣхъ, кто его выносить. Попытка основанія оффиціальной литературы неизбѣжно окончится неудачей вслѣдствіе невозможности сдѣлать оригинальными тѣхъ, у кого нѣтъ оригинальности, и дисциплинировать тѣхъ, у кого она есть.

I.

„Я искренно сознаюсь, говорить г. де-Саси въ началѣ своего сборника, вызвавшаго съ моей стороны послѣдующія соображенія¹⁾, что я не измѣнился. Пусть это будетъ заслуга или вина, я остался все тѣмъ же. Я не только не измѣнилъ своихъ убѣжденій, но размышленіе, возрастъ и опытъ подтвердили ихъ. Я либераль, какимъ былъ въ тридцать лѣтъ. Я вѣрю въ право и справедливость, какъ вѣрилъ въ самые наивные дни моей юности. Я возстановляю принципъ свободы, который время и обстоятельства устранили изъ области политики, въ наукахъ, философіи, во всемъ, что входитъ въ область сознанія и чистой мысли. Это именно пытаемся мы дѣлать въ *Journal de Débats*. Этотъ духъ

¹⁾ *Variétés littéraires, morales et historiques*, par. M. de Sacy, de l'Académie française; 2 тома. Парижъ 1858.

соединяетъ насъ всѣхъ, не смотря на разницу въ оттѣнкахъ вкусовъ и убѣжденій; и я надѣюсь, что его найдутъ въ каждой строкѣ критическихъ и литературныхъ статей, собранныхъ въ этихъ двухъ томахъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, величайшая гордость либеральной партіи и лучшій отвѣтъ, который она могла бы дать на всѣ несправедливые упреки, состоитъ въ томъ, что на другой день послѣ катастрофы, вина которой падала, повидимому, на нее, она осталась такой же, какой была тогда, когда ей принадлежала власть надъ міромъ. Я сейчасъ скажу, съ какими оговорками слѣдуетъ, по моему мнѣнію, принимать принципы этой школы. Но ей нельзя во всякомъ случаѣ отказать въ одномъ: она обладаетъ серьезными убѣжденіями и не поступаетъ ими въ тяжелое время; она стоитъ выше успѣха и не перестаетъ надѣяться вопреки всему. Не будемъ разрѣшать вопроса, могло ли ея противодѣйствіе современнымъ слабостямъ быть, не скажу, болѣе искреннимъ, но болѣе дѣйствительнымъ. Быть можетъ, отвыкнувъ считаться съ другими преградами, кромѣ своей совѣсти, она не всегда пользовалась всей своей свободой, какъ сказалъ Гизо, въ одну торжественную минуту. Такъ какъ государство заинтересовано въ томъ, чтобы не доводить положенія до крайности, то индивидуумъ имѣетъ противъ него много шансовъ, когда онъ достаточно благоразуменъ и твердо рѣшилъ не уступать; но, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что люди умѣренные, рассматривающіе свободу, какъ право тѣхъ, которые достойны ея, а не какъ привилегію людей дерзкихъ, чувствуютъ себя въ большомъ затрудненіи, когда имъ приходится стать собственными цензорами. Впрочемъ, это принужденіе ведетъ къ прекраснымъ литературнымъ результатамъ: повидимому, облагороженіе публициста начинается съ того момента, когда ему можно было сказать все, только подъ условіемъ сказать хорошо.

Прежде едва соглашались предоставить мѣсто въ литературѣ человѣку, занимающемуся грубой работой писанія на одинъ день, а теперь французская академія, одаренная такимъ пылкимъ тактомъ и такъ умѣющая разбираться и слѣдовать всякому движенію общественнаго мнѣнія, приняла въ свою среду человѣка, который не написалъ ничего кромѣ журнальныхъ статей и который открыто заявляетъ, что онъ никогда не станетъ писать ничего иного. Прежде существовало мнѣніе, что спѣшное творчество ежедневной прессы не можетъ обладать основательностью произведеній, явившихся результатомъ кропотливаго изслѣдованія; полагали, что нашъ старый академическій языкъ не приличествуетъ дѣловому краснорѣчію позитивнаго вѣка. Но вотъ появляется книга, состоящая изъ журнальныхъ статей, и, чтобы ни говорили о ея основной мысли, принадлежащая къ числу тѣхъ, которыя въ наше время наиболѣе живо напоминаютъ языкъ такъ называемаго классическаго вѣка. Пустой случай служить нерѣдко поводомъ къ возникновенію далеко не пустыхъ произведеній: Боссюэ, Бейль, Вольтеръ не создали почти ни одного произведенія, которое не было бы вызвано какимъ нибудь современнымъ фактомъ; лучшія книги древности были въ свое время написаны

на опредѣленный случай. Мало того: именно тогда мы не находимся въ опасности впасть въ декламацію, когда какое нибудь обстоятельство заставляетъ насъ говорить или писать такимъ образомъ и когда можно быть увѣренными, что не только выборъ побуждаетъ васъ занимать публику собой и своими мыслями.

Есть два рода умовъ: къ первому принадлежатъ тѣ, кто выработываетъ свои взгляды путемъ оригинальнаго аналитическаго разсмотрѣнія вещей, ко второму тѣ, кто основывается на какомъ нибудь общемъ положеніи и на вѣрѣ въ правоту ихъ инстинкта. Г. де-Саси принадлежитъ, несомнѣнно, къ послѣднимъ. Онъ не историкъ, не философъ, не теологъ, не критикъ и не политикъ: это честный человекъ, обращающійся лишь къ собственному здравому смыслу и увѣренный въ своихъ мнѣніяхъ относительно всѣхъ вопросовъ, которые другіе стараются разрѣшить при помощи науки и философіи. Противъ мнѣній его сталъ бы протестовать историкъ, поэтъ и философъ, и часто не безъ основанія, но обычный здравый смыслъ имѣетъ также свои права подъ условіемъ, что онъ не будетъ нетерпимымъ и не захочетъ стать преградой большой оригинальности. Такой оригинальностью отличается де-Саси. Мнѣнія этого привлекательнаго писателя не имѣютъ ничего общаго съ мнѣніями ограниченнаго ума, который отказывается признать все то, что нарушаетъ его привычки и который закрываетъ глаза на все, чего онъ не понимаетъ; это скорѣй, если такъ можно выразиться, рядъ условій, заключенныхъ съ собственнымъ сердцемъ для того, чтобы не смотрѣть на то, что не можетъ сдѣлать его лучше. Истинно ограниченный умъ не замѣчаетъ своего ничтожества; по его мнѣнію, міръ ограничивается горизонтомъ, который онъ обнимаетъ своими глазами, и это именно раздражаетъ насъ, какъ все, что притязательно и пусто. Здѣсь же мы видимъ сознательную и намѣренную границу, предубѣжденія вполне сознаваемые и не направленные къ тому, чтобы навязать ихъ другимъ. Эти предубѣжденія, не являющіяся послѣдствіемъ ни лѣни, ни принужденія, являются условіемъ цѣлаго ряда прекрасныхъ качествъ ведущихъ къ благу міра. Общество можетъ стать сильнымъ только при условіи, что нѣкоторыя положенія будутъ приняты на вѣру, и что для ихъ установленія не потребуютъ никакого доказательства.

Прежде чѣмъ разбирать, что можетъ создать такого рода умъ въ примѣненіи къ такимъ умственнымъ работамъ, сущность коихъ состоитъ въ томъ, чтобы въ одно и тоже время имѣть въ виду много элементовъ, и въ томъ, чтобы обнимать въ широкомъ чувствѣ симпатіи разнообразныя міры,—нужно посмотрѣть на примѣненіе его къ его природному элементу,—морали. Я можетъ быть пожелалъ бы сдѣлать нѣкоторыя ограниченія въ сужденіяхъ де-Саси, какъ литературнаго критика и историка, но я могу только одобрить его, какъ моралиста. Честнаго человека дѣлаетъ не широта и пронизательность ума и не любопытство: систематическое упрямство, столь вредное во всѣхъ областяхъ чистой спекуляціи, составляетъ, напротивъ, условіе и наиболѣе вѣрное основаніе практической мудрости.

Очаровательное качество, которое я назвалъ бы любовью ко всему древнему, придаетъ произведеніямъ де-Саси изъ области

морали нѣжность, въ которой рѣдко кого можно сравнить съ нимъ, и заключаетъ въ себѣ тайну изысканнаго тона—смѣсь тонкости и добродушія, который пропиталъ всю книгу прелестнымъ благоуханіемъ древности. Благодаря этому авторъ возвышается почти до поэзіи, хотя это слово не вполне подходитъ для обозначенія его обычныхъ свойствъ. Въ самомъ дѣлѣ, поэзія и мораль—двѣ различныя вещи, но обѣ онѣ предполагаютъ, что человѣкъ не есть существо одного дня, безъ связи съ безконечнымъ, которое ему предшествуетъ и безъ отвѣтственности передъ безконечнымъ, которое слѣдуетъ за нимъ. Я долженъ сознаться, что мнѣ было бы совершенно невозможно жить или даже путешествовать по странѣ, въ которой нѣтъ ни древности, ни архивовъ. Интересъ и красоту придаетъ вещамъ слѣдъ человѣка, который жилъ среди нихъ, любилъ и страдалъ. Въ маленькомъ городкѣ Умбріи съ его этрусскими стѣнами, римскими развалинами, средневѣковыми башнями, изъ эпохи возрожденія и іезуитскими храмами XVII вѣка, всегда будетъ гораздо болѣе прелести, чѣмъ въ нашихъ вѣчно перестраиваемыхъ городахъ, гдѣ прошедшее остается не по праву, а изъ состраданія, какъ театральная декорация. Краска, покрывающая слѣды древности, выравниваніе мѣстности, истребляющее старыя жилища человѣчества,—являются природными врагами всякой поэзіи. Честность есть также вещь, которой нельзя создать сразу: она есть плодъ цѣлаго ряда поколѣній. Никакой абстрактный принципъ, ни философскій, ни религіозный, не можетъ создать честнаго человѣка. Если кто нибудь говоритъ, что онъ началъ быть честнымъ лишь съ момента своего обращенія, то я могу лишь сказать, что это не болѣе, какъ иллюзія, и что я не довѣрялъ бы этому человѣку, если бы не зналъ, что онъ оклеветанъ риторикой и обстоятельствами своего дѣла. Многія весьма хорошія вещи изъ области духа очень молоды въ этомъ мірѣ, но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ областью морали: здѣсь нечего открывать и изобрѣтать. Въ морали древнее тождественно съ истиннымъ, ибо древнее это честь, это свобода.

Впрочемъ, Г. де-Саси любилъ прошлое не безъ основанія: онъ зналъ его лишь по лучшимъ преданіямъ. Знаменитый Сильвестръ де-Саси, отецъ нашего публициста, принадлежалъ къ тому обществу, для котораго слово янсенизмъ означало не столько догматическія различія, какъ суровое исповѣданіе и строгости религіозности. Наболѣе очаровательны, по моему мнѣнію, страницы изъ книги де-Саси, посвященныя тому міру, среди котораго онъ прожилъ свою юность и послѣднимъ пережиткомъ котораго онъ остался среди насъ. „Какими типичными представителями старой парижской буржуазіи были эти люди, говоритъ онъ о двухъ почтенныхъ книгопродавцахъ, пользующихся симпатіей всѣхъ библиофиловъ¹⁾),—„буржуазіи обогащенной честной торговлей, этихъ семействъ, въ которыхъ ремесло переходило, какъ знатность рожденія, отъ отца къ сыну, съ ихъ дѣдовскимъ законченнымъ магазиномъ съ вывѣской, которая стоила дворянскаго герба. Какое свободное и полное граціи добродушіе проглядывало въ ихъ при-

¹⁾ Г-да де-Бюръ.

вѣтствіи! Какое выраженіе искренности и честности было написано на ихъ лицахъ! Старое доброе время цѣликомъ жило въ нихъ. Никакой притязательности, ни слѣда спеси; въ манерахъ ихъ не было ничего, что указывало бы на скромность ихъ занятія или на гордость по поводу пріобрѣтеннаго богатства. Они были счастливы, насколько это возможно въ этомъ мірѣ, благодаря пріятному и мирному однообразію, благодаря союзу, который не разрушался ни на одинъ день, благодаря счастью, которое они резѣвивали вокругъ себя... О, если это на самомъ дѣлѣ добрые люди прежняго времени, то я долженъ сознаться, что время это стоитъ больше нашего... Увы! неужели и семейное начало будетъ причислено къ числу тѣхъ феодальныхъ пережитковъ, которые мы уничтожили?.. Я не знаю, можетъ быть, это потому, я становлюся старъ, но мнѣ кажется, что у людей, которыхъ я зналъ въ моей молодости, были оригинальныя лица и привлекательный характеръ, чего я не замѣчаю теперь. Я видѣлъ всѣхъ членовъ старой Академіи Надписей. Я не желаю обидѣть никого, но мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, что теперь трудно было бы имѣть такой составъ. Богъ и новая Академія простятъ мнѣ, если я ошибаюсь! Во всякомъ случаѣ, можно сказать съ увѣренностью, что весна и лѣто были въ то время гораздо красивѣе, чѣмъ теперь. Кто говоритъ обратное, тотъ лжетъ. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что всеобщій упадокъ отразился на ученыхъ“.

Я обязанъ передъ новой Академіей Надписей выразить здѣсь легкій протестъ, но зато какъ прелестна эта идиллія улицъ *Haute-feuille* и *Serpente* (увы! существуютъ ли онѣ еще?) и какъ сердить меня эта потребность въ прямыхъ линіяхъ, которая каждый день уничтожаетъ вокругъ насъ слѣды стараго времени! Читая эти прекрасныя страницы, я вижу, какъ живыхъ, нашихъ прежнихъ товарищей: Сильвестра де-Саси, Лянжюина, Анкетиль-Дюперронъ, Камюса, Лярше дю Тейля Виллюазона, Сенъ Круа Доду и всѣхъ тѣхъ, которые шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ возстановили упавшую науку! Можетъ быть, мы понимаемъ больше, можетъ быть, мы болѣе тонкіе филологи, болѣе изысканные критики. Съ тѣхъ поръ какъ наука, подобно всему остальному умиротворена, намъ трудно понять ихъ упорство, ихъ соперничество, ихъ увѣренность въ собственныхъ мнѣніяхъ, но за то какая молодость, какая твердость, какое уваженіе къ самимъ себѣ! Какая суровость характеровъ! Какъ они повѣрили и какъ любили. У нихъ было много предразсудковъ, но кто знаетъ, не приходится ли намъ завидовать имъ и въ этомъ отношеніи? Они были строго религіозны, но отнюдь не узко религіозны. Сектантскій духъ, который они вносили въ свою вѣру, имѣлъ самъ по себѣ много положительныхъ сторонъ, такъ какъ члены секты почти всегда бываютъ индивидуально выше приверженцевъ господствующей церкви уже потому одному, что ихъ вѣра есть результатъ выбора и предполагаетъ личное усиліе разума.

Именно въ одномъ изъ такихъ ученыхъ и патриархальныхъ домовъ, украшенныхъ лишь строгой поэзіей долга, слѣдуетъ искать происхожденія Г. де-Саси. Этотъ изысканный вкусъ къ умственному труду, это основательное и законченное развитіе,

ЭТОТЪ ТОНКО СОХРАНЕННЫЙ, НЕ СМОТЯ НА ВСЕВОЗМОЖНЫЕ СОБЛАЗНЫ, ОТТѢНОКЪ РЕЛИГІИ, ВЪ КОТОРОМЪ УДАЧНО СОЕДИНЯЮТСЯ ВЫГОДНЫЯ СТОРОНЫ СКЕПТИЦИЗМА И ВѢРЫ, ЭТО БЛАГОЧЕСТІЕ ВЪ ОДНО И ТО ЖЕ ВРЕМЯ ИСКРЕННЕЕ И СВОБОДНОЕ, ПОДАЮЩЕЕ РУКУ ВСЕМУ, ЧТО ВНѢ ЕГО СТРЕМИТСЯ КЪ ТОЙ ЖЕ ЦѢЛИ ДРУГИМИ ПУТЯМИ,—ГДѢ НАЙТИ ОБЪЯСНЕНІЕ ВСѢХЪ ЭТИХЪ КАЧЕСТВЪ, КОТОРЫЯ ТАКЪ РѢДКИ ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ, КАКЪ НЕ ВЪ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХЪ ПРИВЫЧКАХЪ ЦЕРКВИ ИЗБРАННЫХЪ, КОТОРАЯ НЕ ТОЛЬКО НЕ ТРЕБОВАЛА ОТЪ ВѢРУЮЩИХЪ СЛѢПОГО ПОСЛУШАНІЯ, НО ДАЖЕ ВМѢНЯЛА ИМЪ ВЪ ОБЯЗАННОСТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ МЫШЛЕНІЕ? ЭТИМЪ СУРОВЫМЪ ХРИСТІАНАМЪ НЕ ПРИХОДИЛА ВЪ ГОЛОВУ ТЕОРІЯ, ИЗОБРЕТЕННАЯ ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ И СТОЛЬ ВЫГОДНАЯ ДЛЯ ЛѢНИ, СОГЛАСНО КОТОРОЙ ВѢРУЮЩІЙ СЛАГАЕТЪ СЪ СЕБЯ ОБЯЗАННОСТЬ ПРИВОДИТЬ ВЪ ПОРЯДОКЪ ДѢЛА ВѢРЫ НА ТОГО, КТО ОБЯЗАНЪ ЗАНИМАТЬСЯ ЭТИМЪ ПО ЗАКОНУ, А ЗАТѢМЪ СОВЕРШЕННО СВОБОДЕНЪ ОТЪ ОБЯЗАННОСТИ УСВОИТЬ СЕБѢ ЕЕ ПУТЕМЪ РАЗМЫШЛЕНІЯ. ОНИ ЛЮБИЛИ КНИГИ И МНОГО ЧИТАЛИ, ОНИ ДАЖЕ ПЕРЕПИСЫВАЛИ ИХЪ, И ВО МНОГИХЪ СЕМЬЯХЪ ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ НЕ БЫЛО ЗАНЯТІЯ БОЛѢЕ ПРІЯТНАГО, ЧѢМЪ ПЕРЕПИСЫВАНІЕ ВСѢХЪ ПИСАНІЙ СЕНЬ-СИРАНА ИЛИ ОТЦА КЕНЕЛЯ. НЕ РѢДКО СУЩЕСТВОВАВШАЯ У СВѢТСКИХЪ ЛЮДЕЙ ПРИВЫЧКА ЧИТАТЬ МОЛИТВЕННИКЪ, ИЗВѢСТНУЮ ЧАСТЬ ВЪ ОПРЕДѢЛЕННЫЙ ЧАСЪ, ОЖИВЛЯЯ МОНОТОННОСТЬ ДНЯ МОЛИТВАМИ, ГИМНАМИ, БЛАГОЧЕСТИВЫМИ ТВОРЕНІЯМИ ПРЕДСТАВЛЯЛА ПРЕПЯТСТВІЕ ДЛЯ РАЗВИТІЯ ВУЛЬГАРНОСТИ И РАСПУЩЕННОСТИ, КОТОРАЯ СЪ ТѢХЪ ПОРЪ ВОЦАРИЛАСЯ ВЪ НАШИХЪ ПРАВАХЪ. ДРЕВНОСТЬ ИЗУЧАЛИ ПО СПОСОБУ ЛЕБО, ИСТОРИЮ ПО СПОСОБУ РОЛЛЕНА. ПУТЕМЪ СЕРЬЕЗНАГО ОТНОШЕНІЯ, ЧЕСТНОСТИ И ЧТЕНІЯ ДРЕВНИХЪ ДОХОДИЛИ ДО ТѢХЪ ЖЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХЪ ПРИНЦИПОВЪ, КЪ КОТОРЫМЪ ФИЛОСОФІЯ ТОГО ВѢКА ПРИХОДИЛА СОВЕРШЕННО ПРОТИВОПОЛОЖНЫМЪ ПУТЕМЪ. ОБЩІЙ ОТТѢНОКЪ ПЕЧАЛИ ДОПОЛНЯЛЪ ВЕЛИКУЮ ПОЭЗІЮ, ПОНИМАНІЯ КОТОРОЙ НЕДОСТАВАЛО ВСЕЙ ЭПОХѢ. ЭТО НЕ БЫЛА ТА РАЗСЛАБЛЯЮЩАЯ ПЕЧАЛЬ, КОТОРАЯ ПРИВОДИТЪ ЛИШЬ КЪ БЕЗСИЛІЮ И СОСТАВЛЯЕТЪ ЯЗВУ НАШЕГО ВѢКА; ЭТО БЫЛА ПЛОДОТВОРНАЯ ПЕЧАЛЬ, ПОРОЖДАЕМАЯ СЕРЬЕЗНЫМЪ ПОНИМАНІЕМЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО НАЗНАЧЕНІЯ, КАКЪ МЕЛАНХОЛІЯ АЛЬБЕРТА, ДЮРЕРА, ТА ПЕЧАЛЬ, КОТОРАЯ УПРАВЛЯЕТЪ И СОЗДАЕТЪ ВСЕ ВЕЛИКОЕ. ПРАВСТВЕННАЯ ЛЕГКОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ ОСНОВЫВАЕТСЯ БОЛЬШЕЙ ЧАСТІЮ НА ТОМЪ, ЧТО ЖИЗНЬ СТАЛА СЛИШКОМЪ ЛЕГКОЙ И ВЕСЕЛОЙ, И БЕЗЪ СОМНѢНІЯ, ЕСЛИ ОСУЩЕСТВИТСЯ МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКІЙ ИДЕАЛЪ, О КОТОРОМЪ МЕЧТАЮТЪ НѢКОТОРЫЕ РЕФОРМАТОРЫ, ТО МІРЪ, ОСВОБОДИВШИСЬ ОТЪ УКОЛОВЪ СТРАДАНІЯ, ПОТЕРЯЕТЪ ОДНО ИЗЪ СРЕДСТВЪ, КОТОРЫЯ МНОГО СОДѢЙСТВОВАЛИ ТОМУ, ЧТОБЫ СДѢЛАТЬ ИЗЪ ЧЕЛОВѢКА РАЗУМНОЕ И МОРАЛЬНОЕ СУЩЕСТВО.

СВѢТСКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ, ЗАНИМАЮЩІЙСЯ ТЕОЛОГІЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ ВЪ КАТОЛИЧЕСКИХЪ СТРАНАХЪ ТАКОЕ РѢДКОЕ ЯВЛЕНІЕ, ЧТО МНОГІЕ НЕ МОГУТЪ БЕЗЪ УДИВЛЕНІЯ ВИДѢТЬ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ ПОСТОЯННО ПРИНИМАЛЪ УЧАСТІЕ ВЪ НАШИХЪ СПОРАХЪ, ПЫТАЕТСЯ ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ ИЗДАНІЕМЪ *Bibliothèque spirituelle* ПОДНЯТЬ АСКЕТИЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ ИЗЪ ТОГО НЕДОВѢРІЯ, КОТОРОМУ ОНА ПОДВЕРГЛАСЯ. ДРУГІЕ РѢШИЛИ, ЧТО ЛЮБОВЬ КЪ ТАКИМЪ ВЕЩАМЪ ПРЕДПОЛАГАЕТЪ ПРИСУТСТВІЕ УСЕРДІЯ, ПРЕВЫШАЮЩАГО ВѢРУ, СВОЙСТВЕННУЮ НАШЕМУ ВРЕМЕНИ. ЗДѢСЬ СКРЫВАЕТСЯ ДВОЯКАГО РОДА ОШИБКА, ОСНОВАННАЯ НА МАЛОЙ ОПЫТНОСТИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ ВЪ ДѢЛАХЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ. ПРАВДА, ВЪ ЭПОХИ ТЕОЛОГИЧЕСКАГО ДОГМАТИЗМА ХРИСТІАНСКОЕ БЛАГО-

честіе предполагало законченную вѣру, но это исчезло съ тѣхъ поръ, какъ религія покинула область споровъ для того, чтобы укрыться въ спокойную сферу чувства. Впрочемъ, еще и съ другой точки зрѣнія Г. де-Саси заслуживаетъ большой благодарности, именно за то, что онъ хотѣлъ возродить любовь къ духовнымъ произведеніямъ. Чтеніе такихъ произведеній оказывало очень хорошее вліяніе, въ особенности на женщинъ: оно отрывало ихъ отъ игривыхъ мыслей или грубыхъ заботъ, оно занимало то мѣсто, которое потомъ захватили произведенія плоскія и безнравственныя. Оно давало индивидуальную основу ихъ религіи и этимъ предохраняло ихъ отъ унижающей послушности, отъ моральнаго отреченія,—необходимаго послѣдствія набожности, которая не размышляетъ. Одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ новой школы, которая, къ великому огорченію истиннаго благочестія, овладѣла совѣстью людей, является именно ея безсиліе создать мало-мальски серьезную аскетическую литературу. Она умѣетъ только бранить и спорить. Гдѣ же ея Таулеры и Анри Сузо? Точно также исчезли здоровыя принципы духовной жизни, оставляя пустоту въ чистыхъ душахъ, которымъ они доставляли безконечное количество утѣшеній.

Въ данный моментъ меня интересуетъ не критикъ, а моралистъ; мнѣ нужно разобрать не истинность того или иного вѣрованія, а вліяніе его на характеръ и вкусы. Никто не станетъ отрицать, что религія производитъ совершенно различное вліяніе на нравственное и умственное развитіе индивидуума въ зависимости отъ того, какъ она воспринята. Вѣра, которая на первый взглядъ кажется наиболѣе непримиримой съ свободнымъ развитіемъ, возвышаетъ, облагораживаетъ и укрѣпляетъ человѣка, если только она является плодомъ убѣжденія, пріобрѣтеннаго путемъ разума. Напротивъ, вѣра, которую принимаютъ какъ оффиціальное ярмо, получаемое изъ рукъ внѣшняго авторитета, унижаетъ и подавляетъ, даже если она повидимому весьма велика. Послѣдніе вѣка были очень часто нетерпимы и мало образованы въ своихъ вѣрованіяхъ, но никогда до нашего времени, никому не приходило въ голову провозглашать какъ принципъ, что дѣло религіи освободить насъ отъ размышленія о божественномъ, о нашемъ назначеніи, о нашихъ обязанностяхъ. Конечно, послѣ того, какъ человѣка отдали въ гражданскую и административную опеку, было совершенно естественно сдѣлать то же самое съ его совѣстью и пріучить людей смотрѣть на догматы, какъ на нѣчто выходящее въ готовомъ видѣ изъ нѣкоего безошибочнаго центра, безъ всякой надобности понимать или оспаривать ихъ.

Столь рѣшительная любовь Г. де-Саси къ прошлому должна была неизбѣжно сдѣлать его строгимъ къ настоящему. Г. де-Саси пессимистъ и онъ правъ. Бываютъ времена, когда оптимизмъ внушаетъ произвольное подозрѣніе въ незначительности или изменности того, кто его исповѣдуетъ. Здѣсь, впрочемъ, нужно нѣкоторое поясненіе. Хотя я вполне согласенъ съ Г. де-Саси относительно серьезныхъ опасностей для современнаго общества вслѣдствіе потери столькихъ основательныхъ качествъ, которыя составляли силу стараго міра, я нѣсколько расхожусь съ нимъ въ

оцѣнкѣ умственнаго движенія нашей эпохи. Я полагаю, что ни одинъ вѣкъ не заглянулъ такъ глубоко, какъ нашъ, въ истинную теорію вселенной и человѣчества; я полагаю, что нѣсколько тысячъ нашихъ современниковъ обладаютъ большимъ количествомъ проницательности, тонкости истинной философіи и даже моральной утонченности, чѣмъ всѣ прошедшіе вѣка, вмѣстѣ взятые; но эта богатая культура, съ которой не можетъ сравниться ни одно время, лежитъ, по моему мнѣнію, внѣ времени и можетъ имѣть на него не мало вліянія. Грубый матеріализмъ, оцѣнивающій вещи только съ точки зрѣнія ихъ непосредственной полезности, стремится все болѣе овладѣть властью надъ человѣчествомъ и устранить все, что удовлетворяетъ лишь любовь къ прекрасному или чистую любознательность. Хозяйственныя заботы, которыми еле занимались прежнія общества, стали крупными дѣлами, а мужественныя стремленія нашихъ предковъ уступили мѣсто низменнымъ заботамъ. Языкомъ какой бы философіи или религіи мы ни говорили, человѣкъ существуетъ здѣсь для цѣли идеальной, трансцендентной, стоящей выше наслажденія и обычныхъ интересовъ. Помогаетъ ли намъ матеріальный прогрессъ приблизиться къ этой цѣли? Сталъ ли міръ со времени своего перерожденія болѣе разумнымъ въ своей совокупности, болѣе честнымъ, болѣе привязаннымъ къ свободѣ, болѣе чувствительнымъ въ прекрасному? Вотъ въ чемъ весь вопросъ. Можно вѣрить въ прогрессъ и не раздѣлять опаснаго оптимизма, который безъ стыда смотритъ на паденіе духа, когда это паденіе способствуетъ нѣкоторымъ улучшеніямъ. Если бы при этомъ было доказано, что нѣкоторыя изъ этихъ улучшеній проблематичны, то, въ глазахъ людей съ либеральными убѣжденіями, они будутъ очень незначительнымъ вознагражденіемъ за потерю единственныхъ вещей, которыя дѣлаютъ жизнь человѣческую желательной и сообщаютъ ей смыслъ и цѣнность.

Конечно, нельзя пренебрегать матеріальнымъ прогрессомъ, и еслибы намъ пришлось сдѣлать выборъ между двумя обществами, въ одинаковой степени разумными и честными, но изъ которыхъ одно представляло бы роскошное развитіе внѣшней цивилизаціи, а другое было бы лишено этого преимущества, то намъ слѣдовало бы, конечно, выбрать первое безъ всякаго колебанія. слѣдуетъ только помнить одно: матеріальный прогрессъ нельзя ни въ коемъ случаѣ разсматривать, какъ вознагражденіе за нравственный упадокъ. Равнодушіе къ благородной борьбѣ приводящее къ тому, что крупные политическіе вопросы кажутся второстепенными по сравненію съ вопросами промышленности и администраціи, служитъ наиболѣе вѣрнымъ признакомъ упадка даннаго общества. Всякій деспотизмъ возникалъ именно такимъ путемъ, что старался убѣдить общество въ умѣніи гораздо лучше управиться съ его дѣлами, чѣмъ оно само. У всякаго народа есть въ исторіи такой часъ искушенія, когда искушитель говоритъ ему, указывая на блага сего міра: „я дамъ тебѣ все это, если ты станешь поклоняться мнѣ“.

Не будемъ слишкомъ великодушно приписывать прошедшимъ вѣкамъ моральную силу, которая была всегда привиллегіей малаго числа людей. Количество добродѣтели уменьшается или

увеличивается въ зависимости отъ того, насколько удобную атмосферу для своей жизни и развитія находитъ незначительное количество аристократіи, въ которой заключенъ весь запасъ человѣческаго благородства. Никто не станетъ отрицать, что грандіозное развитіе промышленности, берущее громадную податъ съ тѣхъ, которые не занимаются ею, т. е. съ тѣхъ, которыхъ прежде называли знатью, заставляетъ свѣтъ въ нѣкоторомъ смыслѣ плясать подъ свою дудку. Роковой законъ современнаго общества стремится все болѣе и болѣе къ тому, чтобы заставить cadaго эксплоатировать доставшійся ему даръ или капиталъ, и къ тому, чтобы сдѣлать жизнь невозможной для того, кто не производитъ никакихъ денежныхъ цѣнностей. Нѣкоторые сторонники современной системы не скрываютъ этого слѣдствія и признаютъ, что промышленность только тогда перестанетъ приносить вредъ нѣкоторымъ классамъ, когда всѣ станутъ промышленниками. Кто же можетъ не видѣть, что послѣдствіемъ такого положенія вещей, еслибы оно дошло до своихъ крайнихъ предѣловъ (чего, по моему мнѣнію, не случится никогда), было бы то, что планета наша стала бы совершенно недоступной именно для тѣхъ, обязанность которыхъ не приносить внутренней свободы въ жертву матеріальнымъ выгодамъ? Неужели изъ художника вы сдѣлаете ремесленника, производящаго статуи или картину по дѣйствительному или предполагаемому заказу покупателя? Но развѣ это не значило бы сразу уничтожить истинное искусство, гораздо менѣе прибыльное, чѣмъ то, которое приспособляется къ легкомыслию и дурному вкусу? Или можетъ быть изъ ученаго вы сдѣлаете ремесленника, изготовляющаго свои труды для публики? Но вѣдь съ научными трудами бываетъ обыкновенно такъ, что чѣмъ болѣе они заслуживаютъ одобренія, тѣмъ менѣе суждено имъ имѣть читателей. Одинъ изъ лучшихъ математиковъ нашего времени, который въ то же время обладалъ всѣми человѣческими добродѣтелями, Абель, умеръ отъ нищеты. Итакъ, очевидно, что для большинства прекрасныхъ произведеній существуетъ безконечно большая непропорціональность между цѣнностью труда и тѣмъ, что онъ приносить, или, лучше сказать, цѣнность труда находится въ обратномъ отношеніи къ тому, что онъ приносить. Отсюда слѣдуетъ, что общество, въ которомъ непродизводитель бываетъ подавленъ тѣмъ, кто производитъ по заказу публики, должно дойти до значительнаго упадка всего благороднаго, или, выражаясь иначе, непродизводительнаго. Средніе вѣка довели признаніе этой истины до парадокса, вмѣняя нищенство въ добродѣтель и устанавливая, что человѣкъ, посвятившій себя исполненію духовныхъ обязанностей, долженъ жить милостыней. Это было равносильно признанію, что есть въ мірѣ вещи, которыя не оплачиваются, что духъ не выражаетъ никакой матеріальной цѣнности и что никакое вознагражденіе не можетъ стать платой, когда дѣло касается услугъ душѣ. Церковь съ большимъ тактомъ сохранила этотъ принципъ: она не допускаетъ мысли, что ее можно вознаградить; она считаетъ себя всегда бѣдной. Если бы ей принадлежала вселенная, то она все-таки сказала бы, что въ области вещей матеріальныхъ она не хочетъ

ничего кромѣ того, чего требовалъ Св. Павелъ: *victum et vestitum*.

Все увеличивающаяся власть человѣка надъ природой есть очевидное благо, и можно только радоваться успѣхамъ, которые сдѣлалъ нашъ вѣкъ въ этомъ отношеніи. Но успѣхи эти имѣютъ первостепенное значеніе лишь постольку, поскольку, возвышая человѣка надъ препятствіями, созданными природой, они облегчаютъ ему исполненіе своей идеальной миссии. Прекрасная мысль, актъ добродѣтели, благородное чувство дѣлаютъ человѣка въ гораздо большей степени царемъ творенія, чѣмъ возможность моментальной передачи въ другой конецъ міра своихъ приказаній и желаній. Царство это живетъ въ душѣ нашей: аскетъ, живущій въ пустынѣ, созерцатель вершинъ Гималая, который во многихъ отношеніяхъ является рабомъ природы, являются въ болѣе значительной степени ея владыками и толкователями ея духа, чѣмъ матеріалистъ, взбудораживающій поверхность земную и не понимающій божественнаго смысла жизни. Ихъ печаль, полная философіи и прелести, была лучше нашихъ грубыхъ радостей, а ихъ заблужденія дѣлаютъ гораздо болѣе чести человѣческой природѣ, чѣмъ все то множество существованій съ притязаніемъ на разумность и наполненныхъ лишь корыстными расчетами или незначительной борьбой тщеславія.

Итакъ, совершенно правъ Г. де-Саси, жалуясь на исчезновеніе столькихъ прекрасныхъ вещей, для которыхъ нѣтъ болѣе мѣста въ нашемъ обществѣ. Такъ какъ вещи эти не относятся къ числу необходимыхъ на каждый день, то отсутствіе ихъ не замѣчается; но со временемъ всѣмъ бросится въ глаза огромная пустота, которая останется въ мірѣ послѣ ихъ исчезновенія. Въ социальныхъ теоріяхъ вѣкъ нашъ дѣлаетъ ту же самую ошибку, которую онъ допускаетъ въ теоріи воспитанія, отказываясь видѣть, что общая культура, служащая къ тому, чтобы сформировать нравственнаго и умственнаго человѣка, стоитъ выше специальныхъ познаній, которыя одни имѣютъ положительное приложеніе. Все, что не подходитъ подъ его утилитарныя категоріи, кажется ему роскошью и украшеніемъ. Конечно, нѣтъ надобности сожалѣть объ исчезновеніи жантильома, потому что названіе это подразумевало фактъ рожденія, а выдающіеся люди набираются въ наше время почти въ равномъ количествѣ изъ всѣхъ сословій; но слѣдуетъ сожалѣть объ исчезновеніи честнаго человѣка, въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому слову XVII вѣкъ, а это значило: человѣкъ, отрѣшившійся отъ узкихъ взглядовъ какой нибудь профессіи, не имѣющій ни формъ, ни образа мыслей, свойственныхъ извѣстному классу. Каждый специальный родъ труда влечетъ за собой очень часто особенныя привычки, и для того, чтобы успѣшно заниматься имъ, бываетъ очень хорошо обладать тѣмъ, что называютъ духомъ сословія. Благородство же состоитъ именно въ томъ, чтобы не имѣть никакихъ подобныхъ ограниченій; выдающаяся часть общества можетъ быть представлена лишь людьми, стоящими внѣ какого бы то ни было сословія. Совершенно несправедливо, чтобы люди эти были богаты, такъ какъ они не оказываютъ обществу никакой денежно-

цѣнной услуги, но вполне справедливо, чтобы они были аристократіей въ самомъ узкомъ смыслѣ слова, какой только можно придать этому выраженію,—для того, чтобы общее движеніе всего человѣческаго сохраняло свое достоинство и для того, чтобы были свободно выражены различныя отношенія къ жизни, законности которыхъ не могутъ понять люди, посвятившіе себя отдѣльнымъ занятіямъ и спеціальнымъ цѣлямъ.

Я думаю, что все изысканное и значительное пострадаетъ въ ближайшемъ будущемъ отъ слишкомъ узкаго основанія, которое создали реформаторы современнаго общества. Все вѣчно перестало быть возможнымъ. Все то, для совершенія чего необходимы двѣ или три сотни лѣтъ, имѣетъ возможность видѣть, какъ за время его существованія свѣтъ десять разъ мѣняетъ мастера и планъ. Угрожающее человѣчеству исчезновеніе поэзіи зависитъ отъ тѣхъ же причинъ. Поэзія заключается вся цѣликомъ въ душѣ и въ моральномъ чувствѣ, между тѣмъ постоянная тенденція нашей эпохи стремится къ тому, чтобы замѣстить во всемъ моральные двигатели матеріальными. Самый незначительный предметъ,—напр., грубая ткань,—становится какъ бы гуманной моральной вещью, если среди ея нитей, быть можетъ, жили, чувствовали и страдали сотни живыхъ существъ, если пряжа, работая за веретеномъ, и ткачъ, передвигая быстрѣе или медленѣе челнокъ,—принимали въ трудѣ участіе, переплетая его своими мыслями, разговорами и пѣніемъ. Теперь мѣсто всего этого заняла желѣзная машина, лишенная души и красоты. Превжнія машины, чудесно приспособленныя къ человѣку, дошли со временемъ до по-истинѣ органическаго единства и до совершенной гармоніи; но современной угловатой машинѣ, лишенной, красоты и пропорціональности, никогда не суждено сдѣлаться членомъ человѣка. Она принижаетъ и дѣлаетъ грубымъ того, кто ей служитъ, вмѣсто того, чтобы, подобно превжнему орудію, стать другомъ и помощникомъ человѣка.

Человѣкъ—существо божественное лишь по своей душѣ: если только онъ добьется осуществленія моральнаго и интеллектуальнаго совершенства, то цѣль его существованія достигнута. Все, что можетъ служить для достиженія этой высшей цѣли, не можетъ быть безразлично; но мы сдѣлаемъ грубую ошибку, если будемъ думать, что матеріальныя улучшенія, не ведущія къ прогрессу духа и морали, имѣютъ сами по себѣ какую нибудь цѣнность. Внѣшнія вещи имѣютъ цѣнность лишь благодаря человѣческимъ чувствамъ, которымъ они соотвѣтствуютъ. Въ самомъ обыкновенномъ саду можно найти теперь роскошныя цвѣты, которые нѣкогда росли лишь въ королевскихъ оранжереяхъ. Но какое это имѣетъ значеніе, если полевые цвѣты, какъ ихъ создалъ Богъ, говорили больше человѣческому сердцу и пробуждали въ немъ болѣе тонкое пониманіе природы? Въ наши дни женщины могутъ наряжаться такъ, какъ нѣкогда наряжались однѣ королевы; но что же изъ этого, если онѣ не стали ни болѣе красивыми, ни болѣе милыми? Что за польза въ томъ, что средства къ наслажденію стали тысячекратно утонченнѣе и до безконечности умножились, если бѣдность нашихъ отцовъ была болѣе счастлива

и радостна? Развѣ развитіе разумности пропорціонально развитію промышленности? И развѣ мы можемъ сравниться въ любви къ прекрасному съ предшествующимъ поколѣніемъ, создавшимъ блестящее и оживленное движеніе, которымъ мы живемъ до сихъ поръ? Развѣ воспитаніе получило болѣе либеральное направленіе? Развѣ характеры стали болѣе сильными и возвышенными? Развѣ мы видѣли у людей новаго времени больше достоинства, благородства, умственной культуры, уваженія къ чужимъ мнѣніямъ, твердости къ соблазнамъ роскоши и власти? Я не рѣшусь отвѣчать на эти вопросы; скажу только, что прогрессъ можетъ состоять только въ этомъ. Пока онъ не осуществится, до тѣхъ поръ всѣ благородныя души будутъ имѣть очень скудное утѣшеніе въ томъ, что замѣнъ за добродѣтели прошедшаго они получили лишь увеличеніе благосостоянія, которое не даетъ счастья, и увѣренность въ покоѣ, который не дѣлаетъ никого лучше, чѣмъ онъ есть.

II.

Теперь остается рѣшить: производить ли такое же хорошее вліяніе на мнѣнія Г. де-Саси въ области науки и исторіи его по существу консервативное отношеніе ко всему доброму и прекрасному? Здѣсь я колеблюсь отвѣчать. Моралистъ, основывающійся на непроизвольномъ чувствѣ того, что онъ считаетъ лучшимъ, и критикъ, дѣйствующій при помощи независимаго изслѣдованія безъ всякихъ предвзятыхъ видовъ,—непремѣнно придутъ къ разногласію по многимъ пунктамъ. Моралистъ никогда не колеблется въ своихъ сужденіяхъ, потому что они являются у него, какъ результатъ сдѣланнаго разъ на всегда выбора, потому что мотивы его основаны на складѣ его ума, а не на безпристрастномъ и долго взвѣшиваемомъ изслѣдованіи. Критикъ всегда колеблется потому, что безконечное разнообразіе міра является предъ нимъ во всей своей сложности, и онъ не можетъ съ легкимъ сердцемъ рѣшиться на то, чтобы закрыть глаза на цѣлыя стороны реальности. Моралистъ неособенно любопытенъ, потому что, по его мнѣнію, законы добра и красоты осуществлены въ нѣсколькихъ шедеврахъ, съ которыми ничто никогда не сравнится. Критикъ, наоборотъ, всегда ищетъ, потому что всякій новый элементъ, присоединяющійся къ его прежнимъ познаніямъ, нѣсколько видоизмѣняетъ совокупность его мнѣній; онъ полагаетъ, что самое правильное сужденіе не можетъ замѣнить того, чему могутъ научить насъ лишь положительныя данныя; поэтому всякое открытіе, всякій остроумный способъ истолкованія уже извѣстныхъ фактовъ есть для него цѣлое событіе. Моралистъ любитъ лишь совершенно зрѣлую литературу и совершенно законченныя произведенія. Критикъ, наоборотъ, предпочитаетъ всѣ первыя начинанія и все то, что лишь находится на пути къ созданію, потому что для него все служитъ документомъ и указаніемъ на тайные законы, управляющіе развитіемъ духа. Моралистъ любитъ старое, но не очень старое, потому что въ примитивныхъ твореніяхъ есть свобода, которая разстраиваетъ его обдуманныя привычки. Критикъ отыскиваетъ повсюду примитивныя элементы; если бы онъ зналъ,

что нибудь болѣе древнее, чѣмъ Веды и Библия, то это стало бы предметомъ его благоговѣнія. Даже Греція кажется ему слишкомъ юной; онъ испытываетъ искушеніе признать, что египетскіе жрецы были правы, что греки были лишь легкомысленными и остроумными дѣтьми, которыя исказили для насъ болѣе ветхую древность. Моралистъ и критикъ сходятся лишь въ одномъ, но это одно равносильно всему цѣлому: это именно любовь къ истинѣ и добру, а, слѣдовательно, и къ свободѣ, которая является условіемъ одного и другого. Характеръ сближаетъ людей гораздо больше, чѣмъ умъ, и самыя крупныя различія въ мнѣніяхъ—ничто въ сравненіи съ моральной симпатіей, которая вытекаетъ изъ общихъ надеждъ и общихъ стремленій.

Критика Г. де-Саси есть критика личнаго предпочтенія. Литература XVII столѣтія и латинская литература древности,—вотъ, мнѣ думается, два литературные памятника, на которыхъ остановился его выборъ.

„Я долженъ сознаться,—говоритъ онъ:—что въ литературѣ вкусъ у меня исключительный. Такъ какъ у меня не было времени читать столько, сколько я хотѣлъ бы, то я прочелъ лишь превосходныя книги и постоянно прочитывалъ ихъ съизнова. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что есть масса книгъ, очень хорошихъ въ своемъ родѣ, извѣстныхъ всѣмъ, и съ которыми, однако, я никогда не познакомлюсь. Быть можетъ, это большое несчастіе; но я совершенно невольно и подъ вліяніемъ инстинкта, съ которымъ я не могу совладать, отыскиваю въ библиотекѣ тѣ книги, которыя дѣти знаютъ уже наизусть“. О вкусахъ не спорятъ, и нельзя не признать изысканныхъ качествъ вкуса Г. де-Саси. Однако, здѣсь я позволю себѣ быть еще немного болѣе архаическимъ, чѣмъ онъ. Я люблю средніе вѣка и глубокую древность. Я предпочитаю *Dies Irae* гимнамъ Сантейля, поэзію, вдохновившую романсы Круглаго Стола—поэзіи Буало и мистика XIII в.—мистикъ Портъ Рояля. Прекраснаго, какъ и хорошаго слѣдуетъ искать въ прошломъ, но не слѣдуетъ останавливаться на полъ-пути; нужно идти до предѣловъ, исключаяющихъ возможность всякой реторики, ибо лишь примитивное истинно и одно оно имѣетъ право на наши привязанности.

Конечно, нельзя отказать XVII вѣку въ специальномъ дарѣ, который дѣлаетъ литературу классической; это значитъ дѣлать изъ нея нѣкоторое сочетаніе совершенства формы, неизвѣстной мѣры (я хотѣлъ сказать посредственности) мысли, благодаря которому литература становится украшеніемъ всякой памяти и достояніемъ школы; но не слѣдуетъ ставить челоуѣческому духу предѣловъ, которые приличны для школы. На томъ основаніи, что литература эта была обязательнымъ орудіемъ воспитанія и что нѣтъ никого, кто бы не могъ сказать о ней: *Р u e g o m i h i p r o f u i t o l i m*,—не слѣдуетъ приписывать ей исключительныхъ свойствъ красоты и превосходства. Этихъ исключительныхъ свойствъ я не могу признать за произведеніями XVII в. въ частности, какъ бы ни были солидны и прочны ихъ качества. Иноземныя націи, за исключеніемъ тѣхъ, которыя не обладаютъ никакой оригинальностью въ литературѣ, не понимаютъ той необы-

чайной привлекательности, какую имѣютъ для насъ произведенія этого времени, и видятъ въ нихъ, если такъ можно выразиться, не болѣе какъ литературу третичную, отраженіе латинской литературы, которая, въ свою очередь, была отраженіемъ греческой. Нѣмцы, обладающіе такимъ широкимъ и эклектическимъ вкусомъ, которые съ такой страстью работали надъ освѣщеніемъ всѣхъ мельчайшихъ частныхъ литературъ итальянской, испанской, нашей средневѣковой провансальской, совершенно не занимаются нашимъ великимъ вѣкомъ и съ трудомъ рѣшаются признать за нимъ нѣкоторый интересъ. По моему мнѣнію, они очень не правы, но ихъ пренебреженіе вытекаетъ изъ очень серьезной причины. Эта литература слишкомъ исключительно французская, и я опасаюсь, что она нѣсколько пострадаетъ отъ критики, отечество коей—человѣческой духъ, и которой несвойственны никакія исключительныя предпочтенія. Никто не станетъ оспаривать ея титула классической, ее оставятъ во владѣніи школы, гдѣ она одна можетъ дать пищу, приспособленную для юношества; ее будутъ читать любопытные, подобно тому, какъ они читаютъ все,— какъ документъ для исторіи памятной эпохи, писатели будутъ искать въ ней секрета выразить на нашемъ языкѣ тѣ мысли, которыя были прежде чужды ему. Но я очень сомнѣваюсь, останется ли она въ совокупности столь исключительнымъ предметомъ для чтенія людей со вкусомъ; я сомнѣваюсь будутъ ли по прежнему выдающіеся умы всѣхъ временъ прибѣгать къ ней, чтобы возвыситься, утѣшиться и прояснить свой взглядъ на свое назначеніе. Мы уже переросли тотъ умственный періодъ, когда создавалась эта литература; мы видимъ тысячи вещей, которыхъ совершенно не видѣли люди XVII в.; основа познаній, которыми они жили, въ нашихъ глазахъ не полна и неточна. Трудно допустить, чтобы симпатіи публики, которая читаетъ не для успокоенія совѣсти, но по внутренней потребности, безконечно привязывались къ книгамъ, въ которыхъ мало чему можно научиться относительно занимающихъ насъ вопросовъ, въ которыхъ нерѣдко оскорбляется наше моральное и религіозное чувство и въ которыхъ мы постоянно замѣчаемъ промахи, хотя и видимъ талантъ ихъ виновниковъ.

Точно также я чувствую искушеніе признать, что и въ области исторіи Г. де-Саси слишкомъ мало заботится о первоначалахъ. Вѣрный своей литературной системѣ, онъ опасается, чтобы оспариваніе фактовъ и различіе въ мнѣніяхъ не вредили красотамъ стиля исторіи; онъ находитъ, что проще всего было бы брать себѣ систему по своему вкусу и вѣрить ей на слово. „Я готовъ совершенно спокойно сознаться, говоритъ онъ, что при видѣ страшныхъ кипъ *in folio*, загромаждающихъ входъ въ нашу исторію, я чувствую полную готовность проклинать эрудицію и пожалѣть, что мы уже вышли изъ того времени, когда вѣрили въ троянское происхожденіе и въ добраго короля Франсіона, сына Гектора и основателя французской монархіи“. Онъ съ трудомъ прощаетъ наиболѣе краснорѣчивымъ историкамъ нашего времени то обстоятельство, что они въ одно и тоже время ученые и критики; онъ хотѣлъ бы дать историкамъ какое нибудь условное

толкованіе, о которомъ историки, ораторы или моралисты, Титы Ливіи и Плутархи, могли бы свободно спорить... XVII в. (за исключеніемъ крупной школы Бенекдитиновъ) понималъ исторію именно такъ, но это именно одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, въ которомъ намъ труднѣе всего слѣдовать классическимъ традиціямъ. Исторія есть для насъ непосредственное созерцаніе прошлаго, и доставить намъ эту интуицію можетъ лишь полемика и истолкованіе документовъ. Я, конечно, рискую привести въ негодование Г. де-Саси, но если бы пришлось выбирать между замѣтками оригинальнаго историка и его обработаннымъ текстомъ, то я предпочелъ бы первыя. Я отдалъ бы всю прекрасную прозу Тита Ливіа за нѣсколько документовъ, которые были у него въ рукахъ и которые онъ нерѣдко измѣнялъ такимъ страннымъ образомъ. Собраніе писемъ, депешъ, счетъ расходовъ, хартіи, надписи говорятъ мнѣ гораздо больше, чѣмъ самое свободное изложеніе. Я даже не вѣрю, чтобы можно было получить ясное понятіе объ исторіи, о ея предѣлахъ и о степени довѣрія, какое можно питать къ различнымъ способамъ изслѣдованія, безъ привычки обращаться съ оригинальными документами.

Либерализмъ, который питаетъ притязанія утверждать, что онъ основывается на принципахъ разума, увѣренъ, что онъ не нуждается въ преданіяхъ. Въ этомъ его ошибка. „Нужно надѣяться, говоритъ де-Саси, что мы уже покончили съ Галлами и Франками. Въ сущности совершенно все равно, ведетъ ли наша свобода свое происхожденіе отъ Германцевъ или нѣтъ. Ребенокъ родился, онъ великъ и силенъ. Если бы какой нибудь Буленвиллье потребовалъ бы теперь правъ завоеванія именемъ Франковъ, его предковъ, то мы отвѣтили бы ему, что въ 1789 и въ 1830 побѣжденные Римляне, рабы, отомстили и что они теперь завоеватели и побѣдители“. О, нѣтъ! Ни 1789 ни 1830 годы не имѣли для основанія свободы такого значенія, какое имѣлъ фактъ, созданный варварами тысячу лѣтъ тому назадъ, какое имѣла хартія, вырванная возмущившимися баронами, оскорбленіе, нанесенное все-захватывающей королевской власти, твердое сопротивленіе городовъ при защитѣ ихъ учрежденій. Если бы въ Галліи вмѣсто стремленія къ равенству и однообразію было немножко провинціального или муниципальнаго духа, если бы сильныя единицы, какъ итальянскіе города или нѣмецкіе гильдіи, могли образоваться на нашей почвѣ; если бы у Руана, Ліона, Марселя были свои саггосіо—символъ независимости,—то административная централизація стала бы невысказанной, Филиппъ Красивый, Людовикъ XI, Ришелье, Людовикъ XIV были бы сломлены, и революція не была бы возможной, не только необходимой. Ошибка либеральной школы состоитъ именно въ излишней увѣренности, что свободу легко создать путемъ размышленія, и въ непониманіи того, что учрежденіе прочно только тогда, когда оно имѣетъ подъ собой историческую почву. Подъ вліяніемъ идеи, совершенно подобной той, которая царитъ уже долгіе вѣка въ Китаѣ,—я говорю о томъ ложномъ мнѣніи, что лучшее общество то, которое рационально организовано для своей пользы,—она забыла, что уваженіе къ личности и къ существующимъ правамъ настолько выше счастья

всѣхъ, насколько моральныя интересы выше чисто временныхъ. Она не замѣтила того, что всѣ усилія ея могли создать лишь хорошую администрацію, но отнюдь не свободу, потому что свобода вытекаетъ изъ состоянія, предшествующаго государственному бытію, а вовсе не есть сочиненная декларация или же болѣе или менѣе правильно построенное философское разсужденіе.

Изъ двухъ политическихъ системъ, между которыми будетъ вѣчно раздѣленъ міръ, и изъ коихъ первая основана на абстрактномъ правѣ, а другая на предшествующемъ обладаніи, Франція, страна логики и благородныхъ идей, всегда выбирала первую. Кто осмѣлится упрекнуть ее за это, когда этой благородной слабости она обязана блескомъ своей исторіи и симпатіей человѣческаго рода? Но ужъ такова измѣнчивая природа всего, что относится къ обществу, что нація, желавшая вполнѣ искренно трудиться для свободы человѣческаго рода, была тѣмъ самымъ поставлена въ невозможность основать собственную свободу. Рабы, покупающіе по частицамъ свою свободу и послѣ вѣковыхъ усилій добивающіеся не равенства съ своими господами, а лишь возможности существовать рядомъ съ ними, очутились въ новое время болѣе свободными, чѣмъ нація, которая съ начала среднихъ вѣковъ превозглашала права человѣка ¹⁾. Свобода, покупаемая или отвоєванная шагъ за шагомъ, оказалась болѣе прочной, чѣмъ свобода естественная. Разсчитывая положить основы отвлеченнаго права, создали рабство, въ то время, какъ высокіе англійскіе бароны, весьма мало благородные, крайне мало образованные, но за то крайне несговорчивые, когда дѣло касалось ихъ привиллегій, защищая ихъ, положили основаніе истинной свободы.

Мнѣ кажется, что либеральная школа почти по всѣмъ вопросамъ, касающимся организаціи гражданскаго общества, гораздо лучше видѣла цѣль, которой нужно достигнуть, чѣмъ средства, необходимыя для этого. Она не могла смотрѣть на различныя общественныя функціи иначе, какъ на принадлежность государства, потому что она сама уничтожала привиллегіи отдѣльныхъ индивидуумовъ и учрежденій. Такъ какъ въ такой системѣ власть находится исключительно въ рукахъ чиновниковъ и такъ какъ эти послѣдніе не имѣютъ права собственности на свои должности, а, слѣдовательно, и никакой возможности сопротивленія, то мы легко можемъ видѣть до какой степени могла дойти такимъ образомъ тираннія. Конечно, если можетъ быть что нибудь теоретически бессмысленное, то сюда прежде всего относится продажа судебныхъ должностей, на основаніи которой извѣстныя лица имѣли право продавать и покупать право судить. Однако, вполнѣ понятно, что магистратъ, имѣющій право собственности на свою должность и стоящій такимъ образомъ выше всякихъ желаній и надеждъ,

¹⁾ Извѣстенъ любопытный приказъ Людовика X: „Такъ какъ согласно праву природы, всякій долженъ быть свободенъ *), то мы, принимая во вниманіе, что наше королевство называется королевствомъ Франковъ, и желая, чтобы все согласовалось съ своимъ именемъ, по совѣщаніи нашего великаго совѣта, приказали и приказываемъ“.

*) Непереводимая игра словъ: въ старомъ французскомъ языкѣ слово Франсъ значило „свободный“ и „Франкъ“.

представляетъ гораздо болѣе прочныя гарантіи, чѣмъ магистратъ-чиновникъ, а, слѣдовательно, зависящій отъ того, кто предоставляетъ ему должность. Тоже самое нужно сказать о власти исполнительной. Феодалныя понятія, согласно которымъ король владѣетъ своей короной по праву меча, точно также, какъ подданный владѣетъ своими вольностями, направлены противъ него, противорѣчатъ здравому разсудку. Логическимъ это понятіе становится въ томъ случаѣ, если разсматривать верховную власть, какъ полномочіе общества. Исторія показываетъ, что первое понятіе, не смотря на всю его абсурдность, создало лучшее изъ всѣхъ существующихъ политическихъ государствъ и что превосходство цивилизаціи новаго времени надъ цивилизаціей древности основано на томъ, что королевство въ теченіе долгихъ вѣковъ было для насъ лишь большимъ помѣстьемъ, всѣ счеты съ которымъ у насъ прекращались, какъ только намъ удавалось освободиться отъ барщины, установленной обычаемъ или постановленной со-словіями.

Для того, чтобы увидѣть во всей ясности тотъ великій законъ философіи исторіи, котораго не могла-бы открыть одна логика, лучше всего приняться за изученіе Китая. Для философіи исторіи Китайъ представляетъ весьма поучительное зрѣлище другого человѣчества, которое развивалось почти безъ соприкосновенія съ Европой и западной Азіей и которое шло по своему пути съ такой непоколебимостью, о которой не могутъ дать понятія наши гораздо болѣе сложныя цивилизаціи. Китайъ съ самыхъ древнихъ временъ осуществилъ типъ рациональнаго общества, основаннаго на равенствѣ, на соревнованіи, на просвѣщенной администраціи. Чеу-Ли, родъ императорскаго альманаха изъ временъ Чеу, ¹⁾ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ до Р. Х., далеко превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣ попытки новѣйшихъ наиболѣе бюрократическихъ государствъ. Императоръ и наследные принцы подчинены обрядамъ и цензурѣ; чиновники всѣхъ степеней управляются іерархической зависимостью и системой постоянного наблюденія; наконецъ, народъ—образованіемъ, которое имѣетъ, право давать ему лишь государство. Вся система основана на одной идеѣ, что лишь государство призвано заботиться о благѣ всѣхъ ²⁾. Представьте себѣ, что Академія моральныхъ и политическихъ наукъ и Французская Академія превращены въ министерства и первая управляетъ всѣмъ, что касается мысли, вторая—всѣмъ, что касается нравовъ, и вы будете имѣть довольно вѣрное представленіе объ интеллектуальномъ и политическомъ строеніи Китая. Тамъ уже давно осуществленъ идеаль тѣхъ, кто мечтаетъ объ административномъ регулированіи мысли ³⁾. Когда іезуиты доказали въ Кіенъ-Лонгѣ существованіе ошибокъ въ священной астрономіи, то императоръ запретилъ исправлять ихъ потому, что

¹⁾ См. переводъ, сдѣланный покойнымъ Эдуардомъ Біо (Парижъ 1851) и трудъ того-же ученаго по Исторіи Народнаго Просвѣщенія въ Китаѣ (Парижъ 1847).

²⁾ M. Mohl, Journal Asiatique. Августъ 1851.

³⁾ См. записки Базена о Пекинской Академіи, (Journal Asiatique. Январь, 1868).

эта реформа могла бы поставить въ затруднительное положеніе священныя книги и заставила бы ввести новыя слова. До чего же дошла эта организація, повидимому, столь разумная, а въ дѣйствительности гибельная? До такого состоянія дряхлости, подобнаго которому не знаетъ исторія, и благодаря которому имперія, имѣющая 150 милліоновъ населенія, ожидаетъ прихода нѣсколькихъ тысячъ варваровъ, которые должны дать ей властителей и преобразователей. Съ Китаемъ случится то-же самое, что случилось съ Римскою имперіей послѣ нашествія германскихъ полчищъ. Всякое государство, приносящее въ жертву благосостоянію моральные интересы и свободную инициативу индивидуумовъ, идетъ по направленію, обратному поставленной имъ цѣли, и достаточно бываетъ небольшого числа энергичныхъ людей, явятся-ли они въ странѣ, или придутъ извнѣ, чтобы разрушить государство, равнодушное ко всему, кромѣ покоя, заставить его признать свою власть, и такимъ образомъ основать заново истинную знать, которая является знатію моральной силы и сильной воли.

„Каковы-бы ни были предубѣжденія противъ варваровъ и ихъ господства, во всякомъ случаѣ приходится признать,—говоритъ де-Саси—что цивилизація наша—римская, что унасъ римская централизація, римскіе законы и алфавитъ, такъ что римскій духъ побѣдилъ духъ варварства!“ Это вполнѣ вѣрно. Весь секретъ нашей исторіи въ этой борьбѣ галло-романскаго духа съ германскимъ (который Г. де-Саси называетъ варварскимъ), ибо галлы всегда испытывалъ чувство ужаса передъ раздѣленіемъ власти, свойственнымъ феодализму, и постоянно хотѣлъ вернуться къ равноправному управленію имперіи, не той имперіи первыхъ цезарей, которая уже носила на себѣ печать аристократическаго духа, но имперіи Діоклетіана, которая всегда оставалась идеаломъ для нашей страны. Французская революція и все послѣдующее есть послѣдній актъ борьбы гальскаго и германскаго духа,—борьбы, которая завершилась побѣдой перваго. Я знаю, что много германскихъ элементовъ вошло въ первыя начинанія революціи и придало этимъ первымъ годамъ истинно либеральную внѣшность, но они исчезли въ борьбѣ и были вытѣснены гальскимъ духомъ, который со времени Кснвента и вплоть до 1815 года далъ полную волю своей симпатіи къ единой администраціи и своему отвращенію ко всякой самостоятельности. Именно тогда государственныя соображенія, провозглашенныя впервые законниками Филиппа Красиваго, окончательно восторжествовали надъ благороднымъ принципомъ среднихъ вѣковъ, который имѣлъ въ виду лишь права индивидуума. Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые смотрятъ на средніе вѣка, какъ на эпоху полнаго счастья и нравственности, но мнѣ кажется, что либеральная школа нѣсколько клеветаетъ на нихъ. Средніе вѣка стали жестокими только во второй половинѣ, когда церковь стала гонителемъ, а феодализмъ кровавымъ. Передъ этимъ были долгіе вѣка, когда феодализмъ былъ по истинѣ патріархальнымъ, а Церковь—матерью. Я думаю, что съ VIII-го до XII-го вѣка христіанскія страны, обезпеченныя отъ набѣговъ сарацинъ и норманновъ, жили довольно счастливо.

Я не настаивалъ бы на этихъ историческихъ тонкостяхъ, еслибы всѣ промахи въ практикѣ либеральной школы не вытекали почти всѣ изъ ея философіи исторіи, несовершенной и нерѣдко неправильной. Ошибка по вопросу о Каролингской революціи, относительно началъ феодализма, относительно XIII вѣка или Филиппа Красиваго—вовсе не такъ безобидна, какъ думаетъ Г. де-Саси. Нельзя отдѣлаться отъ слѣдствій принципа, изъ котораго мы исходимъ. Такъ какъ либеральная партія явилась результатомъ отвлеченнаго понятія о разумной власти, примѣняемой для блага націи, то она не можетъ смотрѣть на себя, какъ на партію, призванную защищать права всѣхъ и развивать личную инициативу. Логика вещей довела ее до того, что она стала слишкомъ много управлять. Она была права, полагая, что для цвѣтущаго состоянія націи необходимо, чтобы она была очень сильной, но она ошиблась, полагая, что ею нужно очень много править для того, чтобы укрѣпить ее. Не смотря на безчисленные мѣры предосторожности, порядокъ, который она установила и поддерживала не безъ славы, разрушился съ такой неслыханной неожиданностью, подобной которой не помнитъ исторія. Я не намѣренъ ставить въ вину либеральной партіи положеніе, котораго она не создала. Надъ ней господствовалъ роковой принципъ; революція, съ которой онъ былъ связанъ, могла дать администрацію, а не учрежденія. Именно тотъ самый принципъ, который создаетъ учрежденія, т. е. начало завоеванія и личного права, она стремилась подавить.

Организація народнаго просвѣщенія представляетъ, по моему мнѣнію, наиболѣе удобный примѣръ для того, чтобы понять серьезные послѣдствія принципа, усвоеннаго либеральной школой, и показать, какъ этотъ самый принципъ можетъ обратиться противъ тѣхъ, кто установилъ его. Англія, Германія, древняя Франція заботились объ интересахъ науки и воспитанія черезъ посредство богатыхъ и почти независимыхъ отъ свѣтской власти корпорацій. Современная Франція рѣшила эту проблему при помощи администраціи. Ежегодно каждый городъ Франціи получаетъ изъ бюро на улицѣ de Grenelle, людей, которыхъ онъ не знаетъ и которые обязаны воспитывать его дѣтей согласно правиламъ, въ обработкѣ коихъ онъ не принималъ никакого участія. „Все, что касается отдыха, рекреаций, прогулокъ и сна, говоритъ уставъ 1802 года, должно совершаться совмѣстно... Въ каждомъ лицѣ должна быть бібліотека, состоящая изъ 1500 томовъ; во всѣхъ бібліотекахъ должны находиться одни и тѣ-же произведенія, никакое произведеніе не можетъ войти въ ихъ составъ безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ“. Это постановленіе считали наиболѣе блестящимъ актомъ эпохи, и я охотно присоединился бы къ этому мнѣнію, еслибы было доказано, что люди, призванные примѣнять этотъ уставъ, будутъ всегда людьми, одаренными широкимъ, выдающимся и тонкимъ умомъ, что они тонко будутъ понимать проблемы воспитанія и управленія умами. Но развѣ можно питать, искренно говоря, подобную увѣренность? Если же возможно допустить, какъ гипотезу, что это управленіе попадетъ въ руки людей, не обладающихъ всѣми

перечисленными свойствами, то подумайте только о послѣдствіяхъ. Всѣ наиболѣе цѣнные интересы мысли, все литературное, научное, философское и религиозное движеніе подверглось бы тѣмъ болѣе опасностямъ со стороны подобнаго правленія, чѣмъ болѣе была бы усовершенствована административная машина, служащая для этого.

Итакъ, перестанемъ думать, что революція 1789 г. избавляетъ насъ отъ обязанности проникать дальше въ прошедшее. Какъ бы ни было важно это событіе, но оно вызвало въ насъ оптический обманъ, подобно тому, какъ горы, стоящія ближе къ намъ, скрываютъ отъ нашихъ глазъ болѣе высокія горы, лежащія дальше. Революція сперва очаровала насъ своими гордыми манерами, тѣмъ страстнымъ величіемъ, которое свойственно исторіи, разыгрывающейся на улицахъ. Она долго ослѣпляла меня: я хорошо видѣлъ умственную посредственность и необразованность тѣхъ, кто создалъ ее, но я упорно приписывалъ ихъ творенію крупное политическое значеніе. Впослѣдствіи я понялъ, что, за немногими исключеніями, люди этого времени были столь же наивны въ политикѣ, какъ въ исторіи и философіи. Такъ какъ они видѣли заразъ очень немного, то они совершенно не замѣчали, что человѣческое общество есть сложная машина, что въ условіяхъ его существованія и блеска есть множество неуловимыхъ оттѣнковъ. Имъ совершенно не доставало глубокаго знанія исторіи; постоянная напыщенность, свойственная дурному тону, омрачала ихъ разсудокъ и приводила ихъ въ особаго рода опьяненіе, свойственное французскому духу,—опьяненіе, въ которомъ часто совершаются великія вещи, но которое дѣлаетъ совершенно невозможнымъ всякое предвидѣніе будущаго и всякій мало-мальски широкій политическій взглядъ.

Развѣ это даетъ поводъ для отчаянія и для вывода, что либеральное развитіе Франціи погибло въ самомъ расцвѣтѣ? Конечно, нѣтъ. Это даетъ лишь поводъ для того, чтобы увеличить серьезное отношеніе и замѣнить своей ревностью преимущества, которыхъ не завѣщали намъ наши предки. Въ политикѣ, какъ и въ морали, истинны тѣ обязанности, которыя являются повседневными. Лишь слабыя души измѣняютъ свои мнѣнія сообразно возможнымъ выгодамъ будущаго. Я почти готовъ сказать, что честному человѣку нѣтъ дѣла до будущаго, потому что, чтобы посвятить себя служенію добру и красотѣ, вовсе не необходима увѣренность, что имъ суждено восторжествовать. Если какой-нибудь классъ французскаго общества не исполнилъ своихъ обязанностей, то отсюда слѣдуетъ сдѣлать только одинъ выводъ, а именно тотъ, что нужно занять его мѣсто. Всякая нація проходитъ по пути исторію, неся съ собой существенный недостатокъ, подкапывающій ее, подобно тому, какъ каждый изъ насъ, рождаясь, приноситъ на свѣтъ начало зла, которое должно восторжествовать, если не произойдетъ какой-нибудь случай; но цѣлый рядъ случайностей постоянно сталкиваетъ событія съ того пути, по которому они пошли-бы, повинувшись необходимому стремленію. Революціонныя движенія афинской демократіи до сихъ поръ интересуютъ многихъ, не смотря на то, что эта демократія съ са-

маго перваго дня своего существованія была запятнана радикальнымъ недостаткомъ. Зародышъ разложенія скрывался въ Римской имперіи со временъ Августа; однако она просуществовала съ своей раной четыре или пять сотенъ лѣтъ, и въ своей медленной агоніи пережила вѣкъ Антоніевъ. Пустота, которую мы видимъ въ сердцѣ Франціи, не должна отнимать у насъ надеждъ на отдаленное будущее и не должна препятствовать постояннымъ усиліямъ.

Конечно, еслибы въ современной Европѣ воцарилась одна раса и одно владычество, еслибы христіанскіе народы образовали единый міръ, аналогичный *orbis romanus*, то упадокъ былъ бы неизбѣженъ, такъ какъ внѣ этого замкнутаго круга не было бы никакихъ возрождающихъ элементовъ. Но современный міръ будетъ спасенъ началомъ разнообразія и чистой жизненности въ собственномъ смыслѣ,—началомъ, которое создало въ Европѣ непобѣдимое препятствіе для всякаго всемірнаго господства. Цивилизація, раздѣленная на части, обладаетъ средствами, которыхъ не знаетъ единая цивилизація. Римская имперія погибла потому, что у нея не было противовѣса, но еслибы рядомъ съ имперіей были сильно организованные славяне или германцы, то имперія, принужденная считаться въ препятствіями внѣ ея, пошла бы по совершенно иному пути. Въ самомъ дѣлѣ, деспотизмъ можетъ существовать только при одномъ условіи, а именно, чтобы всѣ страны, окружающія его, были въ гармоніи съ нимъ. Вотъ основаніе для надежды. Стоикъ былъ правъ, завертываясь въ свой плащъ и теряя надежду на добродѣтель, потому что изъ того желѣзнаго кольца, въ которомъ онъ жилъ, не было никакого исхода, и на концѣ обитаемаго міра ему пришлось бы встрѣтиться съ ненавистнымъ центуріономъ, представителемъ своего неумолимаго отечества. Сотни разъ погибала въ исторіи наиболѣе возвышенная и утонченная мысль, сотни разъ правое дѣло оказывалось неправильнымъ, и я увѣренъ, что инициаторы наиболѣе благородныхъ усилій человѣчества, направленныхъ къ тому, чтобы приблизиться къ благу, останутся на всегда въ числѣ неизвѣстныхъ святыхъ. Это основано на томъ, что въ прошлые вѣка власть мысли была ограничена очень узкими предѣлами. Съ самаго начала новаго времени сознаніе человѣчества безконечно расширилось. Величіе характера и благородство вознаграждаются уже не только симпатіей небольшого числа прекрасныхъ душъ, которыя всегда сочувствуютъ побѣжденнымъ. Симмакъ уже не пишетъ своей защиты мертвыхъ боговъ въ пустомъ пространствѣ, и Боэцій не пишетъ въ тюрьмѣ своихъ Утѣшеній филозофіи.

К у з е н ь .

Почти всѣ поколѣнія, входя въ жизнь, начинали съ преувеличеннаго понятія о своей силѣ и о роли, которую имъ суждено сыграть.

Великія поколѣнія—это тѣ, которыя послѣ борьбы, ошибокъ, полупобѣдъ и пораженій добиваются на старости осуществленія

части своихъ юношескихъ мечтаній. Одной же изъ характерныхъ чертъ поколѣнія, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ выступило на арену дѣятельности, является то обстоятельство, что первые шаги ея сопровождаются недовѣріемъ и равнодушіемъ. Поколѣніе, предшествовавшее намъ, то, которое вошло въ жизнь въ 1815 году и достигло въ 1830 году полной мужественной зрѣлости, принесло съ собой неограниченныя ожиданія. Оно полагало, что призваніе его—все обновить, и считало себя способнымъ создать въ своемъ вѣкѣ новую литературу, философію, исторію и искусство, какъ будто человѣчество второй разъ родилось вмѣстѣ съ нимъ. Оно не дало всего, что обѣщало, потому что обѣщало оно безконечно много; оно не обновило человѣческаго духа, потому что дѣло это труднѣе, чѣмъ кажется въ началѣ. Но даже выполнивъ лишь очень малую часть своей программы, оно сдѣлало очень много; послѣдующее же поколѣніе дало бы очень мало, даже еслибы исполнило всѣ свои обѣщанія. Съ первыхъ шаговъ ему показали горизонтъ совершенно вблизи. Самая возвышенная цѣль, представлявшаяся его дѣятельности, состояла въ томъ, чтобы робко сохранять то, что создали его отцы, и опытъ показалъ, что даже такое требованіе было чрезмѣрно велико. Въ минуту испытанія умовъ и сердець, одни, при первомъ же приближеніи бури, закрыли глаза и хотѣли ничего не видѣть; другіе, увлеченные обманчивымъ блескомъ, пошли на удачу—въ ночную темноту. У однихъ мы видѣли всѣ признаки слабыхъ душъ: досаду и угрюмую реакцію, у другихъ—оскорбленіе преждевременно подвергнутой испытанію души, и у всѣхъ—горькое признаніе: „мы не окажемся достойными нашихъ отцовъ!“ Неужели это недовѣріе, эта низкая оцѣнка самого себя, заслуживаютъ имени скромности или сознанія своей малоцѣнности? Вопросъ этотъ рѣшить будущее. Во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что ни одно поколѣніе не вступало на арену исторіи съ столь мало опредѣленнымъ чувствомъ своихъ обязанностей, съ такой малой заботой о цѣли, которой нужно было достигнуть, съ такимъ малымъ запасомъ вѣры и философіи. Либеральная древность усматривала порокъ въ томъ чувствѣ, изъ котораго христіанство сдѣлало добродѣтель и назвало смиреніемъ. Въ древности полагали, что нехорошо цѣнить себя низко и добровольно отказываться отъ гордости. Что же подумали бы древніе о юношествахъ, которое, вмѣсто того, чтобы сказать своимъ отцамъ, какъ нѣкогда спартанскія дѣти: „Мы будемъ когда нибудь тѣмъ, что вы теперь“, рѣшается умереть отъ холода и страха, и осуждаетъ себя на неподвижность для того, чтобы не обрушить хрупкаго зданія, подъ которымъ она надѣется найти покой?

Я не стану разбирать, насколько виновно въ этомъ упадкѣ поколѣніе, предшествовавшее намъ. Я не буду разбирать, не могло ли оно оставить намъ болѣе свободы, завѣщая невыгоды приобрѣтеннаго положенія, не подавило ли оно и извратило нашу оригинальность, окружая насъ кольцомъ, изъ котораго выходъ намъ былъ запрещенъ, вслѣдствіе чего, одни, болѣе послушные, замкнулись въ добровольной посредственности, другіе, болѣе бурные, изъ духа противорѣчія устремились въ приключенія. Лучше

будетъ не обвинять никого, кромѣ рокового вліянiя неизлѣчимои слабости. Быть можетъ, французскому духу не суждено перейти извѣстныхъ предѣловъ и, можетъ быть, всѣ латинскія націи съ ихъ блестящими и вполнѣ внѣшними качествами, съ ихъ тщеславіемъ, поверхностностью и недостаткомъ моральнаго чувства и религіозной инициативы осуждены лишь на то, чтобы плѣнять міръ звучной риторикой и удивлять его отъ времени до времени рѣзкими проявленіями.

Одной изъ наиболѣе бьющихъ въ глаза чертъ сравнительной слабости новаго поколѣнiя является его равнодушіе къ интеллектуальной культурѣ и ко всему безкорыстному. Какого бы мнѣнiя мы не были относительно совокупности работъ предшествующаго поколѣнiя, нельзя не признать, что никогда человѣческая раса не обладала въ такой высокой степени этой жадностью, которая побуждаетъ пылко схватывать жизнь, какъ какую нибудь желанную добычу. Пробѣлы въ его развитіи были пробѣлами его ума, а не любопытства: оно любило свѣтъ и привязалось къ нему. Я вовсе не вѣрю въ его меланхолю: оно такъ много говорило о ней, что я не вѣрю въ ея глубину. Когда пришелъ часъ дѣйствовать, всѣ эти вчерашніе Вертеры оказались съ очень свѣтлыми головами и полнымъ пониманіемъ дѣйствительности. Мы являемся по-истинѣ разочарованными, мы не вѣримъ въ человѣческій духъ, безразлично скептики ли мы или ханжи, мы лишены любви къ созерцанію вещей, мы лишены страстной привязанности къ міру. Страшная переменна! Въ наше время дѣло разума защищаютъ люди другого вѣка и удерживаютъ юношество отъ склонности къ полному отреченію!

I.

Всѣ эти размышленія, вызванныя современными событіями, никогда такъ живо не поражали меня, какъ тогда, когда я читалъ прекрасную книгу Кузена, которую онъ недавно далъ читающей публикѣ. ¹⁾ Составляющія ее части весьма разнообразны, и авторъ сдѣлалъ очень хорошо, что не старался создать между ними никакой искусственной связи; но ихъ объединяетъ одна общая черта, а именно—живой и блестящій энтузіазмъ, любовь къ прекрасному во всѣхъ его проявленіяхъ,—любовь, которой никто не былъ такъ богато одаренъ, быть можетъ, со временъ античной Греціи;—наконецъ постоянно живая активность—божественная привиллегія генія, который своимъ прикосновеніемъ превращаетъ все въ золото и создаетъ интересъ къ предметамъ, оживляя ихъ своей страстью. Кузенъ въ гораздо большей степени, чѣмъ какой нибудь другой писатель нашего времени, обладалъ даромъ руководить мнѣніями и сообщать другимъ свои поклоненія и симпатіи. Кто не помнитъ о полной граціи картинъ старости Канта? Кто не помнитъ краснорѣчивыхъ страницъ о Санта-Роза и его прекрасныхъ очерковъ о Руссо? Мы не станемъ перечислять здѣсь предметовъ, которые любилъ и заставлялъ любить другихъ Кузенъ; мы поста-

¹⁾ Fragments et souvenirs. Paris 1858.

раемся найти общую причину, которая подчинила нашъ вѣкъ чарамъ этого блестящаго ума. Томъ, о которомъ мы говоримъ, есть въ этомъ отношеніи истинное откровеніе. Нѣсколько запоздалая мысль, которая все-таки, надѣюсь, встрѣтитъ всеобщее одобреніе, побудила Кузена издать въ 1858 году свои впечатлѣнія изъ путешествія по Германіи, которое онъ совершилъ въ 1817 году. Онъ счелъ нужнымъ дать намъ, по прошествіи сорока лѣтъ, воспоминанія о первыхъ впечатлѣніяхъ, полученныхъ имъ въ тотъ рѣшительный моментъ, когда онъ отправился за Рейнъ искать закваску новаго духа. Ни одно произведеніе не способно дать намъ въ такой степени тайну его интеллектуальнаго воспитанія и уяснить намъ его истинную оригинальность.

Поверхностные критики, называющіе нѣмецкимъ все, что не ясно, и неяснымъ все, чего они не понимаютъ, обвинили Кузена въ нѣмецкомъ духѣ; но я не знаю болѣе легкомысленнаго сужденія. Кузень, напротивъ, кажется мнѣ однимъ изъ наиболѣе характерныхъ представителей французскаго духа, даже среди того поколѣнія, которое въ своихъ качествахъ и недостаткахъ носило выдающійся національный характеръ. Въ этотъ моментъ я ограничусь поверхностнымъ и совершенно внѣшнимъ признакомъ. Существенный признакъ французскаго духа состоитъ въ томъ, что его понимаютъ лишь во Франціи. Чѣмъ болѣе въ какомънибудь произведеніи выражены черты спеціальнаго таланта, тѣмъ менѣе оно можетъ быть оцѣнено внѣ страны. Исторія цивилизаціи Гизо, въ переводѣ на англійскій или нѣмецкій языки, сохраняетъ всю свою цѣнность и переводъ не будетъ нисколько ниже оригинала. Но развѣ можно сказать то же самое о лекціяхъ Вилльмена? Конечно, нѣтъ! Эти очерки, столь утонченные, потеряли бы часть своей прелести и тотъ античскій оттѣнокъ, который такъ увлекаетъ насъ. Я также думаю, что такое сложное произведеніе, какъ сочиненія Кузена, можетъ быть хорошо оцѣнено лишь читателями, проникнутыми французскимъ вкусомъ, и что иностранецъ не замѣтитъ въ немъ тѣхъ многочисленныхъ красотъ, которыя возбуждаютъ нашъ восторгъ, и замѣтитъ тысячу недостатковъ, которые скрываетъ отъ нашихъ глазъ удивительное искусство автора.

Въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе имѣетъ интересный рассказъ Кузена о его путешествіи. Читателю ясно, что Кузень видѣлъ и узналъ Германію лишь въ той формѣ, которая соотвѣтствовала его оригинальности. Крупныя препятствія, къ счастью, помѣшали ему выйти изъ этихъ предѣловъ; онъ самъ сознается, что очень многое въ ученіи философовъ, которыхъ онъ изучалъ, производило на него впечатлѣніе Дантовскаго мрака. Такимъ образомъ совершаютъ всѣ истинно плодотворныя интеллектуальныя соприкосновенія. Знаніе слишкомъ многого есть препятствіе для созданія: обыкновенно усваивается только то, что извѣстно на половину. Если бы Рафаэль и Микель-Анжело знали греческіе памятники въ такой степени, какъ ихъ знаютъ теперь, то общеніе съ древностью не было бы для нихъ такъ плодотворно. Ватиканскій Торсъ и нѣсколько второстепенныхъ остатковъ сказали имъ гораздо болѣе, чѣмъ могли бы сказать всѣ сокровища Акро-

поля и Помпей. Если бы Магометъ подробно изучилъ іудаизмъ и христіанство, то онъ не создалъ бы новой религіи: онъ сталъ бы іудеемъ или христіаниномъ, и для него стало бы невозможно основать религію, приспособленную къ потребностямъ Аравіи. Точное познаніе ведетъ къ дѣленію и различенію, а не къ объединенію; доктрины объединяются воедино не столько подъ вліяніемъ знанія, сколько подъ вліяніемъ угадыванія и предвидѣнія.

Когда Кузенъ видѣлъ Германію, она находилась въ одномъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ моментовъ, когда нація охотно открываетъ свою душу тому, кто присматривается къ ней съ симпатіей. Это было въ 1817 году,—вслѣдъ за тѣмъ великимъ движеніемъ, которое подняло Германію противъ чисто французскаго притязанія править умами. Иностранное иго и злоупотребленіе централизаціей дали возможность нѣмецкому духу понять самого себя. Германскіе народы только тогда чувствуютъ полный приливъ силъ, когда они видятъ въ опасности свою интеллектуальную свободу; одушевлять ихъ способны лишь права души и совѣсти. Союзъ добродѣтели,—оригинальная роль такихъ мыслителей и поэтовъ, какъ Фихте, Арндтъ, Уландъ,—придалъ особый характеръ героическому перевороту, который потрясъ всю Германію и сдѣлалъ изъ него самую крупную побѣду, какую одерживали когда-либо соединенныя моральныя силы человѣчества.

Съ своей стороны Франція была прекрасно подготовлена для воспріятія новаго духа. Гальское племя, повидимому, нуждается въ оплодотвореніи отъ времени до времени германскимъ для того, чтобы произвести все, что въ немъ есть: самыя прекрасныя проявленія человѣческой природы явились результатомъ такого взаимнаго общенія, которое, по моему мнѣнію, представляетъ изъ себя начало современной цивилизаціи, причину ея превосходства и лучшую гарантію прочности. Первые годы реставраціи были именно однимъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ моментовъ, когда неуловимыми путями протекаетъ новый строй идей и чувствъ. Стѣны рушились, горизонтъ расширился. Франція открыла свой слухъ неслышаннымъ до того времени звукамъ. Подобныя прививки совершаются обыкновенно путемъ мгновенной операціи, и производятъ такое впечатлѣніе, какъ если бы таинственное начало проникло въ данный моментъ весь моральный темпераментъ и измѣнило его до самаго основанія. Въ такое время въ одномъ словѣ, въ одной страницѣ скрывается интеллектуальная революція, а умы, вдыхающіе вѣянія неизвѣстнаго міра, подобны тѣмъ воздушнымъ существамъ изъ античныхъ сказокъ, которыхъ создавалъ вѣтеръ.

Сухость, формализмъ, мелочность ума, никогда не достигали такого развитія въ новое время, какъ во Франціи въ концѣ предыдущаго и началѣ текущаго вѣка. Замкнутая въ оффиціальныя рамки, изъ которыхъ ей запрещено было выходить, мысль какъ бы атрофировалась и была низведена до скуднаго школьнаго занятія. Научныя традиціи были уничтожены вездѣ, кромѣ физическихъ и математическихъ наукъ, не требующихъ отъ своихъ адептовъ ни возвышеннаго характера, ни самостоятельности; фило-

софія упала, поэзія была низведена къ реторическому многословію и блѣднымъ декламаціямъ. Но въ такой странѣ, какъ Франція, одаренной неисчерпаемыми источниками, никогда не слѣдуетъ отчаиваться. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ достаточно было для того, чтобы вызвать неслыханное пробужденіе; для того, чтобы вызвать такое чудо, достаточно было свободы,—не той свободы, которая даетъ право всякому говорить свое и этимъ благопріятствуетъ лишь посредственности, но той правильной свободы, которая одинаково далека отъ распушенности, вырождающейся въ суматоху, и отъ угнетенія, которое стремится къ тому, чтобы образовать вокругъ себя пустыню.

Будущему слѣдуетъ предоставить задачу—опредѣлить роль всѣхъ, принимавшихъ участіе въ этомъ знаменитомъ движеніи; но уже теперь можно сказать, что никто не сдѣлалъ для него такъ много, какъ Кузень, что никто не внесъ въ него болѣе живой, болѣе рѣшительной и увѣренной въ себѣ самостоятельности. Оригинальность его лежитъ не столько въ его произведеніяхъ, сколько въ его личномъ характерѣ. Въ области философіи Кузень никогда не претендовалъ на творчество и даже не разъ высказывалъ гордость по тому поводу, что онъ не изобрѣлъ ничего подобнаго, и даже считалъ это характерной чертой хорошей философіи. Что касается стиля, то онъ одаренъ слишкомъ изысканнымъ вкусомъ для того, чтобы не понять, что опытные писатели не нуждаются ни въ какихъ нововведеніяхъ и что, не насилуя стараго языка, можно все выразить при его помощи. Что касается эрудиціи и филологіи, то не смотря на серьезныя услуги, оказанныя имъ, онъ никогда не претендовалъ на званіе знатока. Ему прежде всего свойственны духъ всего этого, страсть ко всему хорошему и прекрасному, ореоль, которымъ онъ окружаетъ все дорогое ему, блескъ, жизнь и свѣтъ, которые пріобрѣтаетъ все въ его рукахъ. Вотъ что придаетъ такую прелесть этому наслѣдію столь отдаленнаго отъ насъ времени. Каждая страница благоухаетъ амброзіей юности, которой такъ благопріятствовало время, ясностью той эпохи, когда надежда, свобода, благородная и старая, великодушная и добрая династія разливали повсюду пріятные и теплые лучи весенняго солнца.

XVIII вѣкъ и его продолжатели въ началѣ XIX-го, не смотря на драгоцѣнныя качества, были виновны въ томъ, что примѣшивали къ благодѣтельнымъ ученіямъ систематическую пошлость. Среди нихъ оживалъ, повидимому, эпикуреизмъ,—по крайней мѣрѣ, поэзія Лукреція. Они проповѣдывали истинный спиритуализмъ, гуманность, благочестіе, соціальную справедливость, но въ то же время считали полезнымъ называть себя матеріалистами и формально отречься отъ идеи, реальность которой они обосновывали. Они проповѣдывали существованіе истиннаго Бога, которому служатъ честностью и справедливостью, и называли себя въ то же время атеистами. Они превозглашали идеализмъ *par excellence*, святость правъ, верховенство разума, и въ то же время отрицали идею и сводили все къ чувствамъ. Будучи на свой манеръ апостолами и крестоносцами, они называли фанатиками и безумцами тѣхъ, кто дѣлалъ въ пользу другихъ убѣжденій то, что они дѣлали для

своихъ. Результатъ былъ вызванъ первымъ знакомствомъ съ фізіологіей и научной космологіей. Увидѣвши, въ чемъ состоитъ дѣятельность органовъ, они рѣшили, что этимъ объясняется весь человѣкъ; узнали о существованіи атомовъ и законовъ, управляющихъ ихъ движеніемъ, и пришли къ тому заключенію, что они объясняютъ весь міръ. Одна лишь душа ускользала изъ ихъ рукъ. И вотъ именно значеніе души хотѣлъ возстановить Кузень; онъ взялъ на себя это благородное дѣло и на защиту его потратилъ столько истиннаго краснорѣчія и неисчерпаемыхъ запасовъ ума.

Не пошелъ ли онъ слишкомъ далеко по этому пути реакціи противъ поверхностнаго матеріализма господствующей школы? Многіе держатся этого мнѣнія, но я не раздѣляю его. Мнѣ кажется, что его ученіе нужно не ограничивать, а лишь пояснять. Оно истинно въ своемъ цѣломъ, хотя отдѣльныя части его нуждаются въ большей научной точности. Конечно, спиритуализмъ заключаетъ въ себѣ истину. Благородное и истинное существованіе начинается только тогда, когда въ мірѣ появляется душа. Сознательная и нравственная личность есть завершеніе мірового зданія; все имѣетъ въ виду ее, и только она одна придаетъ вещамъ смыслъ и цѣнность. Душа есть первая и въ то же время единственная полная реальность. Матерія же есть сложный дѣлимый агрегатъ, не обладающій единствомъ, нѣчто случайное, измѣняющее свою форму, лишенное тождественности индивидуальности и свободы. Душа бессмертна: она не подчинена рабскимъ условіямъ существованія матеріи, ей доступно безконечное, она не ограничена временемъ и пространствомъ и живетъ въ области чистой идеи, въ мірѣ истины добра и красоты, которому нѣтъ ни предѣловъ, ни конца. Она свободно властвуетъ: ей подчинено тѣло, служащее ея мѣстопробываніемъ, и его низшіе инстинкты. Путемъ развитія разума и совершенствованія нравственности она создаетъ себѣ безграничное царство. Она принадлежитъ къ божественному роду, потому что поднимается надъ уровнемъ планеты, съ которой она связана въ пространственномъ отношеніи; она достигаетъ предѣловъ абсолютнаго и проникаетъ въ глубь вселенной. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что она создаетъ Бога, потому что она одна открываетъ его необходимость. Ибо Богъ, смутно обнаруживаемый природой, становится понятнымъ только тогда, когда какой нибудь добродѣтельный человѣкъ падаетъ въ борьбѣ за справедливость, когда чистая совѣсть предпочла сохранить скорѣе стыдливость, чѣмъ жизнь, когда какое нибудь благородное и доброе существо узрѣло небо въ безмятежной ясности своего сердца. Душа даетъ безконечно щедрыя награды, потому что она одна можетъ доставить человѣку то безконечное наслажденіе, какое даютъ добрыя дѣла. Она создаетъ также и безконечно мучительныя наказанія, потому что передъ ея судилищемъ низость и зло встрѣчаютъ лишь презрѣніе.

Итакъ, слѣдуетъ всецѣло одобрить мнѣніе Кузена, что душа есть сама сушность, что въ ней заключается весь человѣкъ, потому что существуетъ то, что, повидимому, свободно, сознательно, недѣлимо и непротяженно. Итакъ, душа существуетъ, а тѣло лишь кажется существующимъ. Но какимъ образомъ душа мо-

жетъ входить въ число реальностей? Каково ея происхожденіе? Ибо вполне очевидно, что у нея есть начало, такъ какъ мечта о предшествующемъ существованіи не можетъ имѣть мѣста въ научной теоріи. Всѣ начала очень скромны, и эта скромность никого не унижаетъ. Хотя намъ и кажется, что божественный плодъ, сорванный съ своего дерева, существовалъ всегда совершенно самостоятельно, но онъ связанъ съ родившей его почвой многочисленными корнями. Въ душѣ нѣтъ ничего матеріальнаго, но она возникаетъ по матеріальному побужденію. Старая гипотеза, предполагавшая существованіе двухъ субстанцій, соединеніе которыхъ создало человѣка,—гипотеза, которую слѣдовало бы сохранить для удобства выражаться,—совершенно вѣрна, если разумѣть два рода феноменовъ, изъ которыхъ одни бесконечно превосходятъ другіе. Но гипотеза эта будетъ совершенно ложна, если мы станемъ понимать ее въ томъ смыслѣ, что въ извѣстный моментъ органическаго существованія къ зародышу, который прежде не заслуживалъ имени человѣка, прибавляется новое существо. Это очень грубое представленіе, противорѣчащее экспериментально-научному познанію жизни. Съ нимъ никогда не примирится ни одинъ фізіологъ. Если, вообще, можно естественно вывести какой нибудь выводъ изъ общаго наблюденія фактовъ, то прежде всего тотъ, что сознаніе индивидуума возникаетъ и развивается, что оно представляетъ результатъ, болѣе реальный, чѣмъ вызывающая его причина, и несоизмѣримый съ ней. Точно также гармонія оркестра не могла бы существовать безъ трубъ и струнъ исполнителей, хотя она представляетъ вещь совершенно другого порядка, чѣмъ матеріальные предметы, служащіе для ея осуществленія.

Итакъ, матеріализмъ есть не только ошибка, но даже бессмыслица. Онъ представляетъ продуктъ узкихъ умовъ, которые погружаются въ созданныя ими слова и останавливаютъ свое вниманіе на мелочахъ. Разумъ и нравственность появляются въ мірѣ, какъ слѣдствіе существованія извѣстнаго организма, но, разъ они существуютъ, мы безъ труда забываемъ о создавшей ихъ причинѣ. Матерія есть необходимое условіе существованія мысли, но мысль одерживаетъ верхъ надъ матеріей, покоряетъ ее, презираетъ и переживаетъ. Матеріалистъ похожъ на ребенка, который видитъ въ книгѣ лишь рядъ листовъ, покрытыхъ черными пятнами и связанныхъ между собой, и для котораго картина есть лишь кусокъ полотна, покрытый красками. Но развѣ это все? Развѣ кромѣ всего этого въ книгѣ и картинѣ нѣтъ души, мысли или чувства, служащаго ихъ выраженіемъ? Развѣ именно эта душа или чувство не заслуживаютъ того, чтобы мы принимали во вниманіе только ихъ? Матеріалистъ видитъ лишь грубую реальность, а не ея значеніе; онъ видитъ форму, а не смыслъ. Или нѣтъ: будетъ правильнѣе, если мы скажемъ, что онъ видитъ и духъ, но только по своему; но, уступая ложному чувству робости, онъ отступаетъ передъ возвышенными формами, а между тѣмъ только въ нихъ заключается истина, когда дѣло идетъ о вопросахъ морали.

Тоже самое можно сказать объ атеизмѣ. То огромное недоумѣніе, которое такъ часто превращаетъ самыхъ искреннихъ

и благочестивыхъ поклонниковъ Божества въ богохульствующихъ, есть прежде всего грамматическая ошибка. Люди расходятся въ пониманіи словъ. Какой гимнъ можетъ сравниться съ поэмой Лукреція? Кто изъ святыхъ далъ въ своей жизни примѣръ болѣе идеальнаго аскетизма и нравственнаго совершенства, чѣмъ тотъ современный мыслитель, котораго можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ считаетъ себя атеистомъ? Низменные и почти всегда своекорыстныя молитвы обыденныхъ людей представляютъ изъ себя несравненно меньшую жертву Божеству, чѣмъ та излишняя сдержанность, которая очень часто закрываетъ уста добросовѣстному ученому и не позволяетъ ему произнести того слова, которое изъ легкомыслія и лицемѣрія профанируется всѣми.

Кузень не всегда считается съ этими тонкими оттѣнками. Такъ какъ онъ стремится сдѣлать свое мышленіе доступнымъ для толпы, то ему приходится больше заботиться о ясности и доступности своихъ положеній, чѣмъ объ ихъ тонкости. Въ религіозныхъ и философскихъ ученіяхъ форма всегда имѣетъ относительный характеръ, а истинна лишь самая основа. Не смотря на это, все-таки нельзя сказать, что форма совершенно безразлична. Человѣчество, не способное въ цѣломъ къ критическимъ тонкостямъ, всегда смотритъ съ безпокойствомъ на уничтоженіе символа вѣры, который долго пользовался ея признаніемъ, подобно древнему патриарху, потерявшему своихъ боговъ. Съ другой стороны, наука обязана отыскивать формулы, наиболѣе близкія къ истинѣ. Вслѣдствіе этого возникаетъ противорѣчіе, которое исчезнетъ только вмѣстѣ съ человѣческимъ духомъ. Всѣ мнѣнія вполне законны, если только они серьезны и честны. Самая крупная ошибка критики состоитъ въ ея упрекѣ гениальнымъ людямъ, что они не были иными, чѣмъ были въ дѣйствительности. Кузень достигъ своей цѣли, которая состояла не въ томъ, чтобы создать оригинальную доктрину, а въ томъ, чтобы придать, краснорѣчивую и, такъ сказать, популярную форму великимъ истинамъ морали. Далѣе я покажу, что всѣ свойственныя ему черты, которыя недоброжелательные судьи могли бы назвать недостатками, представляютъ ничто иное, какъ послѣдствіе этого великаго предвзятаго мнѣнія. Разъ только мы признали, что намѣренія автора были благородны и возвышенны, мы неизбежно будемъ принуждены извинить недостатки, являющіеся ихъ послѣдствіемъ, и о всѣхъ ихъ можно сказать то же самое, что церковь говоритъ о первородномъ грѣхѣ:

Felix culpa!

II

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что общее направленіе жизненнаго пути Кузена мало удалялось отъ того, что, основываясь на примѣрѣ философовъ прошлаго, мы привыкли считать идеаломъ жизни, посвященной мысли. Миръ не существовалъ для Декарта, когда онъ въ глубинѣ своей голландской котловины размышлялъ объ исходномъ пунктѣ всякаго познанія и о міровыхъ законахъ, чувствуя себя, какъ онъ самъ говоритъ, настолько одинокимъ среди многолюднаго города, какъ въ лѣсной

чащѣ. Не существовалъ онъ и для Спинозы, этого аскета новой философіи, котораго Кузень такъ удачно сравнилъ съ неизвѣстнымъ авторомъ „Подраженія Христу“, и который въ своемъ убогомъ жилищѣ полировалъ стекло своихъ очковъ, чтобы любоваться тѣмъ, что Шлейермахеръ называетъ вѣчнымъ моремъ. Не существовалъ онъ и для основателя германской философіи, когда онъ, въ теченіе сорока лѣтъ, создавалъ самый глубокій анализъ механизма человѣческаго духа, не сводя глазъ съ башни Кенигсбергскаго дворца, и для Лейбница, мечтающаго о своихъ монадахъ, хотя въ жизни его значительную роль играла практическая дѣятельность. Подобно чистымъ духамъ, стоящимъ выше матеріальныхъ выгодъ, страстей и событій ихъ времени, они совершенно не подозрѣвали существованія человѣческаго общества и во всякомъ случаѣ, совершенно не принимали его во вниманіе въ своихъ разсужденіяхъ. Если бы сказали этимъ великимъ людямъ: „будьте осторожны: вы возбудите противъ себя всѣхъ, создадите затрудненія своимъ друзьямъ, напугаете слабыя головы и запутаете неспособныхъ“,—то они улыбнулись бы и, можетъ быть, рѣшили бы молчать, но во всякомъ случаѣ ихъ гордая мысль ни на минуту не свернула бы въ сторону для того, чтобы заняться низменными заботами, чуждыми единственно доступной имъ любви къ истинѣ.

Всего этого нельзя сказать о Кузень. Если подъ словомъ философъ разумѣть особаго рода ученаго, изобрѣтателя новой системы, творца оригинальной доктрины, то названія этого нельзя примѣнить къ Кузену. Онъ больше относится къ литературѣ, чѣмъ къ наукѣ. Онъ прежде всего представляетъ изъ себя типъ писателя, оратора, и критика, занимающагося философіей. Имя его вызываетъ представленіе таланта, краснорѣчія, а не особаго рода опредѣленной спекуляціи. Природа дала ему слишкомъ много даровъ, чтобы онъ ограничивался славой одного. Одно изъ присущихъ ему многочисленныхъ качествъ было бы вполне достаточно для того, чтобы исключить его изъ рядовъ суровыхъ владыкъ абстрактной мысли, которые всѣ носятъ на челѣ роковое клеймо. Особенность спеціальнаго призванія состоитъ въ томъ, что его предписываетъ сама природа и что человекъ, одаренный имъ, неизбежно бываетъ осужденъ на безсиліе или посредственность, если только пожелаетъ удалиться съ присущаго ему пути. Между тѣмъ Кузень вполне успѣшно осуществилъ всѣ свои планы и самъ любилъ указывать на это. Невольно чувствуется, что талантъ, примѣненный имъ къ философіи, могъ быть примѣненъ ко всякому другому предмету, что онъ выбралъ философію по доброй волѣ, а не вслѣдствіе необходимости, что она была для него предметомъ серьезнаго и искренняго влеченія, но не исключительной и непреоборимой любви.

Прежде всего философъ, въ старинномъ смыслѣ этого слова, никогда не былъ писателемъ. Я сейчасъ поясню это. Истинная и сильная мысль всегда выражалась оригинально; только ложныя или слабыя мысли создавали безусловно слабо написанныя произведенія. Языкъ Бейля и Лейбница тяжелъ и неловокъ, и не смотря на это, какой прелестью дышетъ суровая искренность

ихъ произведеній! Я хочу лишь сказать, что прежніе философы не были художниками слова, что ихъ поглощала лишь забота объ истинѣ, что красота явилась результатомъ всего произведенія и его направленія, и что авторъ совершенно не думалъ о ней. Кузень создалъ себѣ болѣе тѣсныя условія. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что забота о слогѣ влечетъ за собой нѣкоторыя пожертвованія мыслью. Искусство хорошо писать на французскомъ языкѣ представляется особенно сложнымъ и требуетъ непрерывнаго ряда компромиссовъ, въ которыхъ оригинальность, хорошій вкусъ, научная точность и пуризмъ борются изъ-за обладанія духомъ. Хорошій писатель бываетъ нерѣдко принужденъ сказать лишь часть того, что онъ думаетъ, и если только онъ достаточно щепетилень, то ему приходится постоянно слѣдить за собой, чтобы, подъ вліяніемъ требованій слога, не сказать чегонибудь такого, чего онъ совсѣмъ не думаетъ. Впрочемъ, краснорѣчіе въ томъ видѣ, какъ его понималъ Кузень, предъявляетъ крайне настоятельныя требованія. Не всѣ доктрины одинаково краснорѣчивы, и я думаю, что Кузень склонялся въ сторону нѣкоторыхъ доктринъ не столько подъ вліяніемъ чисто научной аргументаціи, какъ того соображенія, что онѣ даютъ возможность изящнаго развитія своихъ положеній. Въ этомъ, конечно, нѣтъ критики, потому что, въ концѣ концовъ, прекрасное есть одинъ изъ признаковъ истины. Во всякомъ случаѣ Декартъ былъ бы крайне удивленъ, еслибы ему сказали, что въ послѣдствіи самой истинной философіей будетъ признана та, которую можно выразить самыми изящными фразами и что красота ораторскаго оборота, заключающаго въ себѣ какуюнибудь доктрину, можетъ служить доказательствомъ ея вѣрности.

Политическая карьера, которую такъ успѣшно прошелъ Кузень, точно также въ значительной мѣрѣ ограничила его философскую свободу. Конечно, еслибы міромъ управляли идеи, то философу было бы вполне естественно править, но сѣтъ человѣческихъ дѣлъ соткана изъ другого матеріала. Матеріальные интересы получаютъ все большее значеніе въ управленіи міромъ. Такъ какъ невѣжество, глупость и злоба точно также играютъ значительную роль въ ходѣ событій, то, принимаясь за житейскія дѣла, человѣкъ бываетъ принужденъ считаться съ крайне нефилософскими элементами. Что же касается глубины мысли и метафизической возвышенности, то онѣ находятъ крайне скудное примѣненіе въ подобной сферѣ,—среда, въ которой дѣйствуетъ политика, очень изменна; человѣчество, какъ цѣлое, можно уподобить человѣку среднихъ способностей, эгоисту, своекорыстному, нерѣдко неблагодарному. Вслѣдствіе этого практическій человѣкъ необходимо долженъ быть также изменнымъ. Если у него возвышенныя цѣли, то онѣ только спутають его. Поэтому-то великіе люди принимаютъ участіе въ практической жизни лишь своими недостатками или мелкими качествами. Человѣкъ, совершенно отрѣшившійся отъ мірскихъ слабостей, былъ бы совершенно безсиленъ, потому что между нимъ и той посредственной средой, въ которую онъ случайно попалъ, не было бы никакой общей среды.

Философу свойственно не думать о послѣдствіяхъ, или, лучше сказать, поднимать свое размышленіе на такую высоту, на которой исключается возможность всякой спекуляціи и даже совершенно не приходитъ въ голову. Дойдя до такой степени зрѣлости и доброты, какую можетъ дать только изученіе, мыслитель бываетъ какъ бы поставленъ въ невозможность дѣлать зло. Философія есть для него ни что иное, какъ эпопея вселенной. Свои размышленія и размысленія древности онъ охотнѣе всего обозначаетъ словомъ *placita*, т. е. то, что ему понравилось, опредѣленная точка зрѣнія, которую онъ выбралъ изъ тысячи другихъ. Источникъ добра скрывается, по его мнѣнію, не въ той или другой доктринѣ, но въ благородствѣ, въ сознаніи божественнаго происхожденія, въ той привычкѣ, которая дѣлаетъ для него недоступной идею зла. Но состояніе это несвойственно всему человечеству. Хотя человечество головой своей касается неба, но въ цѣломъ ему присущъ узкій и формальный духъ. На самой ничтожной высотѣ у него начинается кружиться голова. Но въ глазахъ философа человечество состоитъ изъ нѣсколькихъ исключительныхъ индивидуумовъ, не подверженныхъ искушеніямъ и недоразумѣніямъ толпы; въ политикѣ же происходитъ совершенно иначе. Если только онъ рѣшительно вмѣшивается въ людскую суматоху, то ему неизбежно приходится подчиниться ея условіямъ. Онъ долженъ рѣшиться на компромиссы съ посредственностью, ему приходится считаться съ ней и дѣлать ей уступки. Всякое слово онъ долженъ взвѣшивать не только съ точки зрѣнія его истинности, но также съ точки зрѣнія его полезности. Всякую доктрину онъ долженъ принять не потому, что она кажется ему болѣе научной, но потому, что она болѣе приспособлена къ обстоятельствамъ, болѣе полезна для него по своей цѣли.

Но,—возразить кто нибудь—развѣ истина можетъ повести къ неприятымъ послѣдствіямъ и развѣ наука можетъ скрывать въ своемъ лонѣ бурю? Развѣ тактичный человекъ, опѣнивающий доктрины не по ихъ научному значенію, а по ихъ общей физиономіи и тенденціи, обладаетъ удовлетворительнымъ критеріемъ? Если та или иная доктрина представляетъ полезную поддержку обществу, то развѣ это не служитъ крупнымъ доказательствомъ ея истинности?

Это разсужденіе было бы вполне основательно, если бы человеческій родъ состоялъ изъ нѣсколькихъ тысячъ людей, одинаково воспитанныхъ, живущихъ лишь интеллектуальной и моральной жизнью и способныхъ на всѣ тонкости мышленія. Въ сущности человечество основано на истинѣ, и ему обыкновенно не удается уловить лишь отгѣнковъ; его излюбленныя формулы обыкновенно страдаютъ грубостью и тяжеловѣсностью. Для того, чтобы установить понятія толпы, нужно дать ей законченный символъ вѣры, производящій впечатлѣніе очевидности. Ничто не заключало бы въ себѣ гибельныхъ послѣдствій, если бы всѣ люди дошли до той степени чистоты, когда мысль становится единственнымъ выраженіемъ благоговѣнія передъ Божествомъ; но самыя могущественныя и прекрасныя доктрины, попадая во власть ограниченныхъ и схоластическихъ умовъ, могутъ стать гибельными. Итакъ,

мыслителю, который захочетъ вмѣшаться въ людскія дѣла, придется принимать тысячи предосторожностей. Доктрина философа была бы хороша для всѣхъ, если бы всѣ были такъ же честны и разумны, какъ и онъ. Ему нечего стѣсняться въ своихъ произведеніяхъ, потому что всякій читаетъ ихъ на свой рискъ и страхъ, и разъ уже беретъ ихъ въ свои руки, то тѣмъ самымъ доказываетъ, что подобное чтеніе не можетъ быть опасно для него. Но философъ невольно содрогается, когда дѣло идетъ о приобрѣтеніи болѣе широкаго круга приверженцевъ. Область людской скорби незнакома ему, и онъ избѣгаетъ всякаго соприкосновенія съ моральнымъ міромъ, состоянія и потребностей котораго онъ не знаетъ.

Мы далеки отъ мысли дѣлать упреки знаменитому писателю, которому такъ много обязана провѣщенная культура Франціи. Здѣсь мы стараемся лишь уяснить себѣ тѣ ограниченія, какія создаютъ другъ другу человѣческія способности. Кто осмѣлится выразить сожалѣніе о томъ, что Кузенъ былъ такимъ, а не инымъ? Кто станетъ сожалѣть о томъ, что онъ былъ краснорѣчивымъ философомъ, принималъ участіе въ современномъ ему движеніи, былъ настоящимъ стратегикомъ мысли, обращался какъ дипломатъ съ вопросами, которые до того времени трактовались съ научной простотой? Но сколько жертвъ пришлось ему принести, сколько разъ онъ долженъ былъ предпочесть блѣдную мысль глубокой и живой, сколько разъ приходилось ему питаться притязательной глупостью и рѣзкимъ догматизмомъ, для того, чтобы выполнить эту программу, для того, чтобы всегда остаться возможнымъ! Ройе-Колляръ еще до Кузена превозгласилъ тотъ принципъ, что всякое правительство имѣетъ свою философію, и такимъ образомъ замѣнилъ господствующую религію стараго режима господствующей философіей. Онъ, повидимому, наиболѣе настаивалъ на томъ аргументѣ въ пользу спиритуализма, что, по его мнѣнію, спиритуализмъ больше другихъ философскихъ доктринъ соотвѣтствуетъ представительному образу правленія. Такимъ образомъ онъ выводилъ философію изъ чисто научной сферы и вводилъ въ область такихъ вопросовъ, при рѣшеніи которыхъ нужно считаться съ общественнымъ мнѣніемъ и тактомъ. Однимъ словомъ, изъ философіи дѣлали нѣчто чисто свѣтское. Съ одной точки зрѣнія это облагородило ее, но съ другой—унизило и подчинило цѣлой массѣ требованій. Развѣ у всякаго правительства есть своя химія, астрономія, физика или филология? Благодаря этому мѣрой всѣхъ вещей становилось политика, а какъ бы ни была хороша какая нибудь цѣль, но если только она чужда чистому стремленію къ истинѣ, то философія всегда страдаетъ отъ подчиненія ей.

Мы привыкли думать, что французскому духу свойственна логическая строгость, благодаря которой теоріи никогда не остаются у насъ долго абстракціями и стремятся къ тому, чтобы воплотиться въ дѣла. Конечно, это одно изъ качествъ французскаго духа, но я не рѣшаюсь назвать его положительнымъ качествомъ. Трудно представить себѣ болѣе крупное препятствіе для свободы мысли. Во Франціи совершенно невозможна такая жизнь,

какую вель Кантъ, мирная жизнь провинціального университета, окруженная священнымъ благоговѣніемъ. Подумайте только, сколько хлопотъ выпало бы на долю Канта, если бы онъ былъ профессоромъ одного изъ нашихъ факультетовъ. Сколько разъ пришлось бы ему обращаться къ министру! Сколькимъ инспекторамъ и главамъ кабинетовъ пришлось бы ему давать отчетъ въ своемъ ученіи! Для того, чтобы пріобрѣсти свободу, ему пришлось бы стать политикомъ; для того, чтобы доставить ему право излагать свои взгляды на категоріи человѣческаго мышленія, пришлось бы строить цѣлыя баррикады. Иностранцы нерѣдко удивляются, видя, что страна, самая рѣшительная и систематическая, когда дѣло идетъ о революціи, становится ограниченной и робкой, когда дѣло касается чистаго мышленія. Въ сущности это понятно: во Франціи теорія рождается, такъ сказать, вооруженной съ головы до ногъ: противникъ это—революціонеръ, котораго нужно остерегаться. И дѣйствительно, какъ только исчезаетъ плотина, преграждавшая ей путь, она навязывается всѣмъ и становится тираномъ или источникомъ несчастій. Напротивъ, въ Германіи, гдѣ мысль рождается беззащитной, чуждой мірскимъ дѣламъ, гдѣ она прежде всего заявляетъ, что не имѣетъ ни права, ни желанія касаться господствующаго порядка,—вполнѣ естественно, что она болѣе свободна. Тамъ она требуетъ власти лишь надъ воздухомъ, и ей предоставляютъ ее.—Если ваши теоріи хороши,—пожалуй скажетъ мнѣ кто нибудь—то они должны быть вполнѣ хороши въ приложеніи къ жизни.—Конечно, да, но только въ томъ случаѣ, если бы человѣчество было достойно этого и способно сдѣлать это. Теорія всегда представляетъ изъ себя идеаль: время ея осуществленія придетъ тогда, когда въ мірѣ не будетъ ни злыхъ, ни глупыхъ.

Я еще разъ повторяю, что дѣло идетъ вовсе не о критикѣ, направленной противъ представителей поколѣнія, съ которымъ мы не въ состояніи сравниться. Но такъ какъ обстоятельства освободили насъ отъ заботъ, тяготѣвшихъ надъ нами, такъ какъ намъ не приходится считаться ни съ общественнымъ мнѣніемъ, ни приносить нашу свободу въ жертву обязанности остаться „возможными“, то мы должны за то преуспѣвать въ независимой и безкорыстной наукѣ. Компромиссъ, который вполнѣ подходит для оратора, вредитъ писателю и совершенно предосудителенъ для ученаго. Раздѣлимъ между собой міръ духовный, если міръ дѣйствиій закрыть для насъ. Де-Местръ въ одномъ изъ своихъ произведеній такъ изображаетъ современную науку: „руки ея полны книгъ и всевозможныхъ инструментовъ, лицо ея блѣдно отъ бессонницы и труда; запачканная чернилами и задыхаясь тащится она по пути къ истинѣ, наклоняя свое изрытое алгебраическими знаками чело.“ Конечно, такой рыцарь, какъ де-Местръ, чувствовалъ себя очень обезкураженнымъ трудностью изысканій, и истина была очень нелюбезна, что оказалась для него столь недоступной. Насъ ничто не обязываетъ къ подобной деликатности, намъ нечего краснѣть, если мы покажемся педантами, такъ какъ слово это обозначаетъ людей терпѣливыхъ и серьезныхъ. Конечно, было бы гораздо удобнѣе, если бы можно было, не вставая съ

кресла, получить несомнѣнное положеніе: папская непогрѣшимость представляетъ изъ себя очень аристократическое учрежденіе и должна очень нравиться свѣтскимъ людямъ. Къ несчастію истина—особаго мѣщанскаго происхожденія и мало чувствительна къ величію; она отдается лишь тѣмъ, у кого руки загрубѣли и лобъ покрытъ морщинами. Что же дѣлать? Развѣ мы виновны въ томъ, что эта гордая богиня требуетъ отъ своихъ поклонниковъ продолжительнаго искуса и механическихъ работъ, что она подобно небесному царству, претерпѣваетъ насиліе и любитъ лишь сильныхъ?

Такъ какъ философія является центромъ,—такъ сказать общей областью, объединяющей всѣ роды интеллектуальной культуры, то къ ней можно придти самыми разнообразными путями. Литература, политика, науки физическія и историческія ведутъ къ ней и создаютъ различные, но всегда несовершенные способы мышленія. Такъ какъ Кузенъ, не смотря на значительную цѣнность своихъ доктринъ, принадлежалъ къ числу философовъ—литераторовъ и политиковъ, то люди, обращающіе вниманіе на научную сторону произведенія, неизбежно найдутъ у него нѣкоторые пробѣлы, объясняющіеся, впрочемъ, тѣмъ университетскимъ образованіемъ, которое онъ получилъ. Преподаваніе старыхъ университетовъ носило болѣе литературный, чѣмъ научный характеръ. Никому не приходило въ голову, чтобы математическія и физическія науки могли имѣть какое нибудь значеніе внѣ сферы практическаго примѣненія. Это такая же грубая ошибка, какъ и та, которую дѣлаютъ люди съ ограниченнымъ и завистливымъ умомъ, утверждая, что изученіе литературы можетъ быть полезно лишь для литератора. Что касается меня, то я хотѣлъ бы, чтобы науки физическія и математическія занимали въ воспитаніи такое же мѣсто, какъ изученіе литературы. При этомъ нужно остерегаться гибельнаго въ такихъ случаяхъ промышленнаго и утилитарнаго духа, который одинаково унижаетъ науку и литературу и который внушилъ нѣсколькимъ посредственнымъ умамъ увѣренность, что, научивши молодыхъ людей, какъ производить измѣренія земли, дѣлать свѣчи или мыло, можно возвысить ихъ душу и повліять на образованіе ихъ характера. Что касается чисто спекулятивныхъ научныхъ занятій, то они содѣйствуютъ повышенію интеллектуальной культуры не въ меньшей степени, чѣмъ изученіе литературы. Весьма возможно, что если бы имъ отводилось больше мѣста въ общемъ образованіи, то они исправили бы ту нежелательную склонность французскаго духа, которая побуждаетъ его обращать больше вниманія на форму, чѣмъ на сущность вещей и предпочитать истиннѣ ораторскія украшенія.

Университетская философія именно потому выродилась во что-то скудное, именно потому была принуждена молчать или повторяться, что не поняла прогрессивнаго и живого значенія науки. Въ самомъ дѣлѣ, что останется намъ дѣлать, если въ философіи мы будемъ видѣть не такую науку, которая путемъ постепеннаго приближенія постигаетъ свой предметъ, а окаменѣлую схоластику, которая не даетъ возможности надѣяться на новыя пріобрѣтенія? Останется лишь одно: выразить въ болѣе или менѣе

изящныхъ фразъ доктрину, которая считается установленной разъ на всегда. Но для кого же не ясно, что это очень скучное занятіе, которымъ никогда не рѣшатся заниматься молодые, живые и искренніе умы? Кромѣ того, мнѣ кажется, что къ наукамъ, какъ историческимъ, такъ и естественнымъ должно перейти наслѣдіе философіи. Если только философія не хочетъ походить на постоянно и тщетно возобновляемую пряжу Пенелопы, то нужно, чтобы она стала ученой. Всякая отрасль человѣческихъ познаній приносить свою спеціальную дань всеобщей наукѣ. Общія принципы, которые одни лишь имѣютъ философскую цѣнность, возможны лишь при помощи научнаго изслѣдованія отдѣльныхъ частей. Попытка создать теорію вещей изъ соединенія пустыхъ, созданныхъ умомъ, положеній настолько же тщетна, какъ попытка ткача, который пожелалъ бы получить полотно при помощи одного челнока безъ пряжи.

Мнѣ кажется, что особенно историческія науки призваны замѣстить школьную абстрактную философію въ разрѣшеніи тѣхъ проблемъ, которыя наиболѣе живо занимаютъ въ наше время человѣческій духъ. Если даже не отрицать того, что человѣкъ обладаетъ способностью интуиціи, при помощи которой онъ можетъ выйти изъ предѣловъ экспериментальнаго познанія, то все же, мнѣ кажется, можно признать, что для него существуетъ лишь два рода наукъ: науки естественныя и науки о человѣчествѣ; все же, стоящее внѣ ихъ, чувствуется, замѣчается, но не доказывается. Великой проблемой нашего вѣка является не Богъ и не природа, а человѣчество. Къ наукамъ о человѣчествѣ относятся собственно науки историческія и филологическія. Старая психологія, видѣвшая въ индивидуумѣ изолированное явленіе, дѣлала, конечно, очень полезное дѣло и дала прочные результаты; но въ наше время было замѣчено, что, кромѣ индивидуума, есть еще видъ, который идетъ своимъ путемъ, развивается согласно своимъ законамъ и составляетъ предметъ особой науки. Эта послѣдняя гораздо болѣе плодovitа и привлекательна, чѣмъ наука о внутреннемъ механизмѣ человѣческой души. Ей суждено стать главнымъ предметомъ размышленій мыслителя, но она можетъ сложиться лишь при помощи самаго терпѣливаго труда, потому что прошедшее дошло до насъ въ крайне смутномъ видѣ. Политика изучаетъ человѣческій родъ для того, чтобы управлять имъ; политическая экономія—для того, чтобы вести народное хозяйство; наука же, о которой мы говоримъ, изучаетъ человѣчество, какъ высшую реальность, доступную опыту,—для того, чтобы раскрыть законы его развитія и, если можно, опредѣлить его возникновеніе и судьбу. Исторія,—въ смыслѣ исторіи человѣческаго духа,—представляетъ изъ себя истинную философію нашего времени. Всякій вопросъ неизбежно принимаетъ въ наше время видъ историческаго спора, всякое изложеніе положеній становится курсомъ исторіи. Всякій изъ насъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть теперь, лишь благодаря своему методу въ исторіи.

Вообще мысль о независимой высшей наукѣ, чуждой политики, не составляетъ плодъ того поколѣнія, къ которому принадлежитъ Кузень. Конечно, никто не рѣшится порицать эту черту,

давшую такіе блестящіе результаты. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что немало неудобствъ заключается въ такомъ интеллектуальномъ положеніи, когда все принимаетъ политическій характеръ, когда нельзя бываетъ составить себѣ мнѣнія о самыхъ безобидныхъ вещахъ, не причисляя себя къ партіи правительства или къ оппозиціи. Этотъ принципъ, дающій государству право вмѣшательства въ область духовной жизни, неизбѣжно привелъ бы, независимо отъ желанія установившихъ его, къ продолжительному упадку великой свободной науки. Въ этомъ я позволяю себѣ сдѣлать нѣсколько упрековъ по адресу предыдущаго поколѣнія. Оно излишне стремилось къ тому, чтобы подчинить правиламъ духъ: интеллектуальная культура стала одной изъ областей общественнаго управленія, министерство народнаго просвѣщенія стало министерствомъ науки и литературы. Конечно, намѣренія эти были благія и носили либеральный характеръ, но человѣкъ никогда не можетъ быть увѣренъ въ томъ, каковъ будетъ его замѣститель, и самый вѣрный методъ состоитъ въ томъ, чтобы разсчитывать на замѣстителя, враждебнаго нововведеніямъ предшественниковъ. По моему мнѣнію, либеральная партія создала могущественное орудіе тиранніи, опасное для современной цивилизаціи, подчиняя высшую культуру политикѣ и возводя въ принципъ, что лишь государство можетъ преподавать и что ученый только въ томъ случаѣ можетъ устно сообщать свои мысли другимъ, если онъ является наемникомъ государства, которое можетъ, конечно, ставить свои условія. Въ этомъ отношеніи средніе вѣка были болѣе либеральны: Абельяру не приходилось требовать разрѣшенія для того, чтобы собирать вокругъ на себя горѣ св. Женевьевы толпу, жаждущую слышать его.

III.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ затрудненій, созданныхъ этой системой, которая была прекрасна и благородна, но, какъ всякая система, страдала нѣкоторыми недостатками, является отношеніе между наукой и господствующей религіей. Для мыслителя, свободного отъ честолюбія и стремящагося здѣсь, на землѣ, только къ свободѣ, все это очень просто. Религія является для него весьма интереснымъ моральнымъ и историческимъ явленіемъ. Она—продуктъ божественнаго инстинкта, увлекающаго душу къ безконечному, и той потребности, подъ вліяніемъ которой человѣкъ стремится придать этому чувству конкретную и опредѣленную форму. Такимъ образомъ всѣ религіи представляютъ весьма несовершенныя, но очень почтенныя формы вѣчнаго чувства. Все это вполне ясно. Но если человѣкъ не довольствуется чистой критикой, принимается за практическую дѣятельность и сталкивается съ толпой, для которой религія есть предметъ страсти и страстнаго интереса, то ему приходится мириться съ такими силами, которыя по своей природѣ требовательны и недовѣрчивы. Вслѣдствіе этого возникаютъ безчисленныя затрудненія: приходится дѣлать уступки, изощряться въ ловкости,—и въ результатѣ не удается угодить никому. Кромѣ того, онъ остается недоволенъ собой: въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ нравственность значительной ча-

сти человѣческаго рода связана съ религіей, то невольно возникает опасеніе, что, стараясь очистить религію, можно пошатнуть нравственность. Между тѣмъ человѣческому духу присущи очевидныя права, защита которыхъ составляетъ священную обязанность призванныхъ къ этому людей. Робость имѣетъ свои основанія, но во всякомъ случаѣ не настолько, чтобы въ угоду ей замедлять прогрессъ. Въ противномъ случаѣ пришлось бы запретить христіанскимъ проповѣдникамъ касаться идоловъ, потому что, разрушая эти древнія изображенія, съ которыми такъ долго были связаны религіозныя идеи, они рискуютъ поколебать связанное съ ними чувство.

Никто не выказалъ большей ловкости въ этой роковой борьбѣ, чѣмъ Кузень. Его общія воззрѣнія изложены чрезвычайно ясно въ томъ замѣчательномъ отрывкѣ, гдѣ онъ рассказываетъ намъ о соображеніяхъ, которыя тѣснились въ его головѣ въ послѣднюю ночь его пребыванія въ Германіи. Онъ принимаетъ христіанство въ самой общей его формѣ, избѣгаетъ говорить о частностяхъ, отказывается присматриваться къ предмету вблизи и вооружается всѣми тѣми классическими именами, которыя обыкновенно принято причислять къ умѣренной партіи въ католической церкви. „Со времени Никейскаго Собора христіанское ученіе прочно устанавливается, развивается вполне правильно и принимаетъ характеръ поразительной ясности и величія. Но не то было прежде: какіе трудные и неясные роды, сколько мрака, сколько пробѣловъ!... Итакъ, разъ на всегда откажемся отъ экзегетики и теологіи. Возьмемъ христіанское ученіе въ томъ видѣ, какъ оно вышло съ Никейскаго Собора, съ его опредѣленнымъ и законченнымъ ученіемъ о Св. Троицѣ. Примемъ это ученіе въ томъ видѣ, какъ оно есть, не изслѣдуя ни его исторіи, ни происхожденія, ни образованія“.... Это очень ловкое, но врядъ-ли вполне философское разсужденіе. Въ религіи, которая является передъ нами, какъ историческій фактъ, самое важное именно ея происхожденіе. Если есть какая нибудь книга, данная Божественнымъ откровеніемъ, то она заслуживаетъ того, чтобы люди старались понять ее. Если Богъ нѣкогда говорилъ съ людьми, то было бы не вполне естественно оказывать предпочтеніе не самому тексту его ученій, а отдѣльными попыткамъ истолкованія откровенныхъ данныхъ и при томъ сдѣланныхъ по прошествию четырехъ, пяти или даже шестнадцати и семнадцати вѣковъ.

„Я никогда не встрѣчалъ до сихъ поръ двухъ богослововъ, которые соглашались бы между собой. Съ высоты своихъ ориенталистическихъ и древне-еврейскихъ познаній, которыхъ я не могу провѣрить, они нападаютъ другъ на друга и взаимно обвиняютъ другъ друга въ самыхъ грубыхъ ошибкахъ“. Это вполне вѣрно по отношенію къ богословамъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, но совершенно не относится къ тѣмъ, кто старается создать съ рационалистической точки зрѣнія исторію текстовъ, признанныхъ священными. Благодаря тому прогрессу въ изученіи древне-еврейскаго языка, который произошелъ за послѣднія 50 лѣтъ, мы понимаемъ почти всѣ древне-еврейскіе памятники точно такъ же, какъ Гомера (за исключеніемъ, конечно, тѣхъ мѣстъ,

которыя, за недостаткомъ связи, навсегда останутся загадками). Неопредѣленность научной экзегетики не была бы больше, чѣмъ неопредѣленность въ исторіи греческой философіи и литературы болѣе отдаленныхъ періодовъ, если бы экзегетика не касалась текстовъ, которые составляютъ предметъ вѣры для большого числа людей, и вслѣдствіе чего при изслѣдованіи самыя безнадежныя положенія находятъ защитниковъ и самыя достовѣрныя результаты встрѣчаются съ упрекомъ въ парадоксальности, если только они противорѣчатъ принятымъ мнѣніямъ.

Вообще, мнѣ кажется, что Кузенъ дѣлаетъ слишкомъ большую и въ то же время слишкомъ незначительную уступку по этому щекотливому пункту: онъ дѣлаетъ слишкомъ большую уступку, потому что признаетъ за религіознымъ преподаваніемъ такой авторитетъ, который въ дѣйствительности свелъ бы философію къ роли рабыни, какъ говорили прежде; въ то же время уступка его слишкомъ незначительна, потому что преклоненіе передъ ученіемъ, понятымъ совершенно своеобразно, содержитъ въ себѣ долю индифферентизма и презрѣнія. Въ сущности, гораздо больше почтенія къ христіанству выказываютъ тѣ, кто постоянно возвращается къ нему и говоритъ больше, чѣмъ того требуетъ благоразуміе. Если они занимаются имъ, то это происходитъ потому, что они отводятъ ему значительное мѣсто среди человѣческихъ дѣлъ и, можетъ быть, еще любятъ его. Мало-религіозное воспитаніе, полученное людьми предшествующаго поколѣнія, только одно въ состояніи объяснить, какимъ образомъ они могли занять по отношенію къ христіанству положеніе, указывающее на отсутствіе всякой предыдущей связи. Такъ какъ они познакомились съ христіанствомъ сравнительно поздно, въ сознательномъ возрастѣ, такъ какъ имъ ежечасно не повторяли этихъ прекрасныхъ вѣрованій, которыя постоянно оставляютъ въ душѣ отпечатокъ поэзіи и нравственности, то они обошлись съ религіей такъ сухо и высокоумѣнно, что мы испытываемъ при этомъ нѣкоторое оскорбленіе. Они стали христіанами по политическимъ соображеніямъ, а мы—по непосредственному чувству. Кто изъ насъ болѣе близокъ къ царству Божію? Конечно, трудно представить себѣ что либо менѣе обоснованное, чѣмъ упреки, которые духовенство считало себя уполномоченными сдѣлать Кузену: я не знаю чело- вѣка во всей Франціи, которому церковь обязана большей благодарностью, чѣмъ ему. Кто изъ духовныхъ, съумѣлъ, подобно ему, воскресить спиритуализмъ и возстановить права тѣхъ священныхъ словъ, которыя навсегда казались изгнанными изъ школьной философіи, и при томъ сдѣлать все это во время страшнаго упадка религіозныхъ идей въ началѣ этого вѣка? И развѣ во время послѣдующихъ религіозныхъ движеній не случалось видѣть, что люди охотно повинуются общественному мнѣнію и совершенно неожиданно находятъ прелесть въ самыхъ суровыхъ дѣятеляхъ католицизма и при томъ въ такихъ, о которыхъ, повидимому, забыли сами католики? Однако, нужно сознаться, что положеніе католика, идущаго въ разрѣзъ съ церковью, очень трудно. Намъ не приходится въ голову подвергнуть сомнѣнію искренность внутреннихъ процессовъ подобной души, свободной въ сво-

ихъ проявленіяхъ; однако, можно сказать, что общій характеръ произведенія Кузена нельзя назвать тождественнымъ религіозному чувству. Вниманіе его обращено прежде всего на классическое величіе и на ораторскій типъ, завѣщанный древностью и семнадцатымъ вѣкомъ; онъ неособенно любитъ простой, наивный и популярный тонъ истиннаго примитивнаго христіанства. Онъ не зналъ среднихъ вѣковъ, этого удивительнаго источника поэзіи. Эстетика новой католической школы произвела на него, повидимому, очень слабое впечатлѣніе.

Читатель уже видѣлъ, что Кузену пришлось покориться тяжелой необходимости, неизвѣстной древнимъ мудрецамъ. Не довольствуясь званіемъ философа, онъ не только хотѣлъ быть писателемъ и политикомъ, но, что самое худшее, онъ хотѣлъ стать главой учебнаго заведенія. Мнѣ трудно представить себѣ болѣе щекотливое положеніе. Одинокій философъ отвѣтственъ лишь за спасеніе собственной души, въ то время, какъ на совѣсти главы учебнаго заведенія лежитъ цѣлая масса душъ. Онъ долженъ постоянно слѣдить за тѣмъ, чтобы не „соблазнить единаго изъ малыхъ“, слѣдующихъ за нимъ. Это побуждаетъ его къ тысячѣ работъ не философскаго, а скорѣе материнскаго характера: ему приходится считаться съ безконечными колебаніями, принимать во вниманіе нѣжную совѣсть (самую лучшую изъ всѣхъ), для которой онъ является духовнымъ руководителемъ. Что же говорить о томъ случаѣ, когда этимъ учебнымъ заведеніемъ будетъ весь университетъ и когда философъ беретъ на себя задачу преподавать двадцатилѣтнимъ юношамъ то, что они позже будутъ говорить дѣтямъ о Богѣ, вселенной и человѣческомъ духѣ! Кузень не отступилъ передъ этимъ смѣлымъ предпріятіемъ. Введеніе преподаванія философіи есть въ значительной степени результатъ его усилій и, конечно, это далеко не малая слава. Хотя преподаваніе это необходимо должно было быть очень робкимъ, но все же оно развивало молодые умы, заставляло ихъ думать и, послѣ преподаванія исторіи, давало самые лучшіе результаты. Впрочемъ, школа Кузена и въ другомъ отношеніи оказала наукѣ выдающіяся услуги, а именно—дала очень солидное число работъ по исторіи философіи. Не говоря уже о нѣсколькихъ избранныхъ умахъ, которыхъ иногда причисляютъ къ школѣ Кузена, но къ которымъ не подходитъ имя учениковъ, эклектизмъ создалъ большое число характеровъ, выдающихся своей честностью, и добросовѣстныхъ тружениковъ. Но на-ряду со всѣмъ этимъ сколько тамъ наивности! Сколько разъ учителю пришлось бы посмѣяться надъ апломбомъ своихъ учениковъ, которые берутъ на себя роль жандармовъ философіи и думаютъ, что въ ихъ школьной редакціи имъ удастся получить всю совокупность науки, сведя ее предварительно къ размѣрамъ учебника! Это неизбѣжныя неудобства! Какъ бы ни было возвышенно развитіе, но въ рукахъ обыденныхъ умовъ оно непременно приметъ педантичскій и вульгарный характеръ.

Итакъ, чтобы судить о философіи Кузена, недостаточно разсматривать ее отдѣльно, какъ научное построеніе; нужно помнить о томъ практическомъ примѣненіи, которое хотѣлъ сдѣлать изъ нея Кузень. Нужно разобрать, могла ли она стать болѣе совер-

пенной, принимая во вниманіе, что она должна была остаться школьной философіей и отвѣчать на нападки тѣхъ, для которыхъ даже ея робость была неслыханной дерзостью. Въ этомъ отношеніи Кузеньъ чрезвычайно похожъ на Вольтера, о которомъ онъ отзывается такъ дурно: это прежде всего глава извѣстной интеллектуальной партіи, который стремится организовать, упорядочить и дисциплинировать ее. Среди очень дѣйствительныхъ средствъ, направленныхъ къ достиженію этой цѣли, мало удачныхъ съ точки зрѣнія чистой науки,—я приведу только одно: выборъ знамени. Имена, которыя стали священными и передъ которыми преклоняются всѣ, представляютъ для всѣхъ новаторовъ одну изъ лучшихъ гарантій въ борьбѣ съ мелкими умами. Платонъ, Декартъ и Боссюэ, вотъ тѣ три имени, которыя чаще всего призываетъ Кузеньъ и прикрываясь которыми ему лучше всего удавалось замаскировать свою оригинальность. Конечно, выборъ этотъ вполне удаченъ: Платонъ, несомнѣнно, несравненный философъ. Я сожалею только о той несправедливости, которую оказываютъ ему, дѣлая его предметомъ нѣсколько педантическаго удивленія юныхъ учениковъ, которые стараются найти опредѣленную доктрину въ очаровательныхъ философскихъ фантазіяхъ, оставленныхъ этимъ рѣдкимъ умомъ. Декартъ несомнѣнно перворазрядный мыслитель, въ особенности въ области геометріи. Жаль только, что его слишкомъ высоко оцѣнили, какъ метафизика, а также для вящей славы его считали своимъ долгомъ думать, что его философія носитъ специфически французскій характеръ, хотя обстоятельство это не имѣетъ никакого значенія, когда дѣло идетъ о метафизикѣ. Развѣ это подтверждаетъ истинность теоріи? Отъ Боссюэ, прекраснаго писателя и великолѣпнаго оратора, намъ мало чему можно научиться относительно сущности вещей, и ему причинили большую несправедливость, насильно приписывая ему философію. У него не было другой философіи, кромѣ той, которая заключалась въ его старыхъ Наваррскихъ запискахъ, и когда онъ переписывалъ ихъ для своего царственнаго ученика, то ему не приходило въ голову, что когда нибудь къ нимъ отнесутся такъ серьезно. Все это совершенно лишено критическаго духа и искажаетъ истинную картину исторіи, но за то все это—очень тонкая политика, и мы не имѣемъ права смѣяться надъ этимъ. Мы просто находимся въ иномъ положеніи: мы можемъ быть болѣе искренними. Патріотизмъ, необходимый для оратора и представляющій прекрасную тему для краснорѣчиваго развитія, вовсе не такъ необходимъ для ученаго, который обязанъ не имѣть никакихъ безусловныхъ привязанностей. Я нерѣдко испытывалъ удивленіе, видя, что такой тонкій умъ, какъ Кузеньъ, никогда не боится упрека въ банальности, когда дѣло касается славы Франціи и удивляется всему, даже гражданскому кодексу. Но люди, которыхъ обстоятельства освободили отъ заботъ о ловкости и краснорѣчьи, не должны пользоваться превосходствомъ такого положенія и бранить тѣхъ, кто жилъ среди другихъ обстоятельствъ. Конечно, все это теряетъ значеніе по сравненію съ той высшей славой, которую приносятъ тотъ фактъ, что ученый выражалъ собой одинъ изъ моментовъ развитія чело-вѣческаго духа, что онъ внушилъ свои идеи поколѣнію свобод-

ныхъ людей при помощи средствъ, не противорѣчащихъ свободѣ, что онъ, наконецъ, былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ, которыхъ всѣ привѣтствуютъ какъ учителей, дающихъ толчекъ ихъ мысли.

IV.

Этотъ очаровательный умъ, вѣчно юный, всегда открытый для новыхъ восторговъ и новыхъ симпатій, обладалъ чудеснымъ даромъ: онъ съ легкостью несъ бремя, которое могло бы подавить весьма многихъ. Въ этомъ лабиринтѣ расчетовъ, предосторожностей и заботъ, которыя могли подавить менѣе живую оригинальность, Кузень показался вдругъ въ совершенно новомъ свѣтѣ передъ публикой, которая привыкла видѣть въ немъ лишь отвлеченнаго мыслителя. Мишле говоритъ гдѣ-то о поздней любви мудрецовъ, которые, къ срединѣ своей жизни и даже перешагнувъ черезъ нее, кончаютъ тѣмъ, что направляютъ весь пылъ юной страсти на одинъ образъ. Но Кузень искалъ вознагражденія за свою жизнь и свою серьезную юность въ воспоминаніяхъ о красотахъ, исчезнувшихъ два вѣка тому назадъ, и это представляетъ невиданное соединеніе чудесной исторической интуиціи съ неподражаемой живостью воображенія. Этотъ оригинальный возвратъ, который я всегда считалъ наиболее характернымъ признакомъ интеллектуальнаго развитія нашего вѣка, нерѣдко ставили въ упрекъ Кузену и называли отступничествомъ. Ученики, которыхъ онъ убѣдилъ послѣдовать за нимъ въ культъ философіи, не могли видѣть безъ возмущенія, что ихъ учитель пріобрѣтаетъ непонятныя имъ привязанности. Ученикъ всегда понимаетъ учителя только отчасти: всегда остаются черты, ускользающія отъ него. По временамъ кажется, что Кузень находитъ злое удовольствіе въ томъ, чтобы сбивать съ толку обожающихъ его учениковъ. Въ сущности, я думаю, что Кузень нашелъ свой истинный путь въ тѣхъ промежуточныхъ произведеніяхъ, въ которыхъ онъ съ такимъ искусствомъ выказалъ данныя ему природой утонченность и грацію, которыя не могли выказать себя съ хорошей стороны въ метафизикѣ. Въ настоящее время нельзя быть цѣльнымъ философомъ. Философія лишь одна сторона жизни, одинъ способъ разсматривать вещи, а отнюдь не исключительное занятіе. Если разсматривать ее, какъ спеціальность, то она представляетъ изъ себя самую узкую и наименѣе плодотворную спеціальность.

Любовь къ прекрасному направляется у Кузена послѣдовательно на весьма разнообразные предметы. Любовь къ прекрасному не знаетъ нетерпимости: она подразумеваетъ лишь исключительное предпочтеніе, о которомъ совершенно невозможно спорить. Вслѣдствіе этого эстетика принимаетъ всегда парадоксальный характеръ. Такъ какъ предметъ ея—красота—находится въ самыхъ разнообразныхъ системахъ, то, съ точки зрѣнія спекуляціи, она весьма непостоянна. Ее устанавливаетъ лишь выборъ, который свободенъ и безвозмезденъ, какъ благодать. Выборъ Кузена обнаруживаетъ всегда утонченность во всѣхъ вопросахъ, въ которыхъ особенно нуженъ тонкій тактъ. Я предпочитаю подобно ему первую половину XVII вѣка второй его половинѣ, и въ женщинахъ этого времени усматриваю особенную черту благородства

и величія. Во Франціи наканунѣ того времени, когда она должна была, говоря словами Вольтера, сдѣлаться наименѣе поэтической изъ всѣхъ культурныхъ націй, былъ историческій моментъ, который имѣетъ много прелести для воображенія. Правда, эпоха эта не блещетъ своей естественностью, но этотъ недостатокъ не особенно существенный: вообще можно сказать, что Кузень совершенно не чувствителенъ къ простотѣ и примитивности. Я думаю, что его очень мало трогаетъ нѣчто только наивное и доброе. Лишь величіе поражаетъ его и вызываетъ въ немъ удивленіе.

Пуритане видѣли отступничество въ аристократическомъ тонѣ, который усвоилъ себѣ Кузень, посѣщая Королевскую Площадь. Нападкамъ подверглась законность его симпатій и историческая вѣрность его картинъ, но все это происходило потому, что люди не поняли истиннаго смысла этихъ очаровательныхъ произведеній. Въ нихъ нужно искать очерковъ морали, а не критики; въ нихъ нужно искать не исторію, а историческія фантазіи, нерѣдко болѣе вѣрныя, чѣмъ сама истина. Въ такой эпохѣ, какъ наша, когда всякая выдающаяся личность живетъ среди такихъ лишеній, мечтанія объ идеальномъ прошломъ стали необходимымъ развлеченіемъ. Когда-то люди мечтали о Бетикѣ, въ которой правила царствуютъ въ ущербъ свободѣ, но мы видѣли Бетику вблизи и возвращаемся мысленно къ тѣмъ эпохамъ, когда великіе характеры находили достаточно мѣста для развитія. Кузень всегда вполнѣ признавалъ революцію, но никто лучше его не почувствовалъ всей тяжести завѣщаннаго ею наслѣдія. Предпринятая благородными сердцами, поддержанная героями, законченная узкими и необразованными умами, французская революція обладала недостатками, свойственными всѣмъ революціямъ, основаннымъ на абстрактныхъ правахъ, а не на правахъ прошлаго. Тѣ, кто совершилъ ее, или, лучше сказать, извлекъ изъ нея практическіе послѣдствія, были совершенно незнакомы съ философіей исторіи и съ дѣтской наивностью представляли себѣ условія существованія человѣческаго общества. Они совершенно не видѣли того, что употребляютъ средства, совершенно противорѣчащія ихъ цѣли. Они стремились къ революціи политической, а при томъ образѣ дѣйствій, который они примѣняли, они могли совершить лишь революцію административную. Они хотѣли свободы, но превеличивали принципъ государственности и основали общество аналогичное римской имперіи, Китаю или Египту, гдѣ личность совершенно лишена гарантій, гдѣ всякая инициатива передана правительству, гдѣ все существующее на-ряду съ государствомъ считается врагомъ и возбуждаетъ подозрѣнія. Они создали такое общество, которое въ концѣ концовъ привело бы къ полному упадку духа, еслибы духовная сила Европы не создала противовѣса этимъ гибельнымъ стремленіямъ. Такимъ образомъ, какъ только социальное равенство было установлено закономъ и префектъ, платный чиновникъ, занялъ мѣсто интенданта или провинціального правителя, который былъ не платнымъ аристократомъ, то революція остановилась. Въ сущности, французская революція, которую считаютъ обыкновенно событіемъ міровой исто-

рии (самъ Гегель сдѣлалъ эту ошибку), есть фактъ, свойственный исключительно Франціи (очень типичный для Франціи), носить чисто гальскій характеръ, представляетъ слѣдствіе того тщеславія, подъ вліяніемъ котораго Галль переноситъ все, за исключеніемъ соціальнаго неравенства, и той безусловной логики, которая побуждаетъ его реформировать общество согласно абстрактному типу, не принимая во вниманіе исторіи и освященныхъ ею правъ.

Итакъ, не простая прихоть побудила Кузена такъ глубоко отождествлять себя съ привязанностями другого вѣка. Это глубокій инстинктъ живой и сильной природы, который старается обмануть скучную реальность прекрасными мечтами. Счастливы тотъ, кто можетъ, подобно полярному путешественнику, найти укромное убѣжище въ радостяхъ своего воображенія и сердца! Счастливы тотъ, кто въ изслѣдованіяхъ прошлаго и въ стремленіяхъ будущаго находитъ удовлетвореніе своихъ нравственныхъ потребностей и забвеніе дѣйствительности! Куда могли спастись благородныя души въ первые вѣка нашей эры, среди развращеннаго міра, когда исчезла всякая добродѣтель, когда всякая земная обитель не была достойна того, чтобы человѣкъ знатный могъ заниматься ею?—Въ вѣчную обитель идеала. Христіанство и философія дали великимъ сердцамъ предметъ для любви, которая не могла привязаться къ отечеству. Благородная жизнь стойковъ Плотина и Порфирія, героизмъ мучениковъ сохранили достоинство человѣческой души и доказали постоянство добродѣтели. Пусть же въ наше время какая нибудь лига объединитъ, безъ различія сектъ, всѣхъ тѣхъ, въ комъ безкорыстныя стремленія вызываютъ страстную любовь, и выразитъ протестъ противъ упадка характеровъ и нравовъ! Все прекрасное солидарно: культу чистоты и добра противорѣчитъ лишь все низкое и рабское.

Такимъ путемъ возродится надежда и снова зацвѣтетъ то, что казалось увядшимъ. Жизнь получитъ свою цѣнность и то, что теперь называютъ скептицизмомъ, сравнится съ чудесами вѣры. Какую бы систему мы ни усваивали относительно вселенной и человѣческой жизни, все же нельзя отрицать, что проблемы, возникающія при этомъ, не возбуждаютъ особенно сильно нашего любопытства. Даже еслибы добродѣтель была лишь ловушкой для благородныхъ сердецъ, еслибы самыя святыя надежды были лишь обманомъ, еслибы человѣчество было пустой суетой, а красота—иллюзіей нашихъ чувствъ, то все же чистое изслѣдованіе имѣло бы свою прелесть. Если даже предположить, что міръ есть не болѣе, какъ кошмаръ больного божества или случайное явленіе на поверхности небытія, то назовемъ ли мы его мечтой или реальностью, твореніемъ мрака или свѣта, онъ все же полонъ тайнъ, къ открытію которыхъ мы испытываемъ непреодолимое влеченіе. Какъ дурно ни говорить о немъ, онъ все же не перестанетъ представлять изъ себя самое странное и самое привлекательное зрѣлище. Въ „Жизнеописаніи Томы Аквинскаго“ мы читаемъ, что однажды ему являлся Христосъ и спросилъ: какую награду хотѣлъ бы онъ получить за свои ученыя сочиненія? „Никакой другой награды, кромѣ Тебя, Господи“ отвѣчалъ до с-

tor angelicus. Критикъ еще болѣе безкорыстенъ и еслибы Истина обратилась къ нему съ тѣмъ же вопросомъ, и онъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы: „Никакой другой награды, кромѣ того, что я искалъ тебя!“

Огюстенъ Тьерри.

Огюстенъ Тьерри не нуждается въ тѣхъ вульгарныхъ панегирикахъ, при помощи которыхъ стараются на нѣсколько минутъ воскресить надъ могилой уже забытую славу. Произведенія его извѣстны всѣмъ. Кто не помнитъ тѣхъ, полныхъ честности и прелести страницъ *Dix ans d'Etudes* и *Récits Mérovingiens*, на которыхъ авторъ посвятилъ насъ въ самыя сокровенныя тайны развитія своей мысли? Я не стану рассказывать здѣсь о его почти чудесной жизни, о геройской борьбѣ сильной души съ скорбью, о той легендѣ, которая ободряла и поддерживала людей съ самымъ испытаннымъ призваніемъ. Мы предоставимъ его друзьямъ благоговѣнно вспоминать о его рѣдкихъ качествахъ, о той простотѣ, честности и добротѣ, которыми можетъ обладать лишь человѣкъ гениальный и которыя нерѣдко склоняли слушателей признать превосходство его сердца надъ умомъ. Я буду говорить только о томъ, что онъ любилъ и что помогло ему переносить жизнь, т. е. буду говорить о его произведеніи. Я попытаюсь показать его научную стоимость, защитить его отъ несправедливыхъ обвиненій, постигнуть ихъ духъ и пояснить ихъ возвышенный смыслъ.

I.

Сильное призваніе бываетъ обыкновенно непобѣдимо и въ свое время даетъ о себѣ знать особой точностью и стойкостью. Въ началѣ своей научной карьеры, т. е. не задолго до окончанія колледжа, О. Тьерри составилъ себѣ вполне опредѣленный взглядъ на задачу, которую ему предстояло выполнить. Онъ съ увѣренностью заявилъ, что исторія составляетъ характерную черту XIX вѣка и что она дастъ ему свое имя точно такъ же, какъ философія дала свое имя XVIII вѣку. Этотъ парадоксъ его юношескихъ лѣтъ сталъ въ настоящее время вполне подтвердившимся фактомъ. Да, исторія представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ оригинальный и специфическій продуктъ нашего времени. Всякій вѣкъ имѣетъ свойственный ему родъ литературы, который является для него предлогомъ сказать все и въ которомъ самыя тонкіе отѣнки мысли находятъ свое выраженіе. Нужно сознаться, что современное общество представляетъ крайне неблагоприятную среду для развитія поэзіи, искусства и всѣхъ свободныхъ проявленій. Подобныя произведенія предполагаютъ вѣру и простоту, которыхъ у насъ нѣтъ. Человѣкъ не можетъ стать ребенкомъ во второй разъ, и наивность, необходимая для созданія искреннихъ и свободныхъ произведеній, представляетъ качество, которое менѣе всего возможно выработать въ себѣ. Если бы въ наше время появился

какой нибудь геній въ родѣ тѣхъ, какіе были въ старое время, то онъ показался бы грубымъ и тяжелымъ. Насъ утомила бы его исключительная вѣра, и мы скоро замѣтили бы въ немъ недостатокъ образованія, пристрастность и ограниченность его сужденій. Но то, что является источникомъ нашего безсилія въ областяхъ, требующихъ крупной оригинальности ума или характера, то же самое служитъ причиной нашего превосходства въ области исторіи. Обиліе событій, ознаменовавшихъ конецъ XVII-го вѣка и начало XVIII-го, многочисленность и разнообразіе послѣдующихъ эпизодовъ, наконецъ, развитіе нашего сознанія, которое прибрѣло способность понимать дѣйствіе и законы общественныхъ переворотовъ,— все это представляетъ весьма благопріятное условіе для пониманія прошедшаго. Какъ въ философіи мы неспособны изобрѣсти новую систему, но находимся въ болѣе выгодномъ положеніи для того, чтобы судить о всѣхъ существующихъ системахъ, точно такъ же можно сказать, что ни одинъ историческій моментъ не былъ такъ благопріятенъ для пониманія движеній, неуловимой истинности которыхъ не могли охватить ни XVII вѣкъ—съ его догматической окоченѣлостью, ни XVIII-ый—съ его философской суровостью. Критика начинается тамъ, гдѣ кончается творческой геній, и только тогда въ древнихъ произведеніяхъ люди замѣчаютъ силу, тайна которой была лишь наполовину извѣстна современникамъ, когда эпоха всего великаго проходила.

При такомъ пониманіи не будетъ никакого преувеличенія, если мы скажемъ, что исторія не существуетъ даже сорока лѣтъ и что она связана съ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій, которыя продолжаются и заканчиваются на нашихъ глазахъ. Конечно, и въ древности и въ новое время были прекрасные повѣствователи, которые дали намъ живой образъ общества ихъ времени и событій, свидѣтелями, которыхъ были они сами. Внутренняя борьба городовъ и послѣдовательныя перемѣны политической жизни не могутъ быть описаны съ большей живостью, чѣмъ то сдѣлали исторіографы Греціи, Рима и Итальянскаго Ренессанса, вообще исторіографы латинскихъ и греческихъ странъ. Іудея обладала другимъ талантомъ. Ей свойственна пророческая и апокалипсическая исторія, идея божественнаго предназначенія, заставляющая царства исполнять божественный планъ,—идея, которая нашла своего послѣдняго истолкователя въ Боссюэ и которая заключала въ себѣ зародышъ философіи исторіи въ томъ видѣ, какъ ее поняли въ наше время. Но за то никогда до нашего времени не было непосредственнаго чувства прошлой жизни. Даже если самые талантливые историки древности стараются представить намъ эпоху, нѣсколько удаленную отъ нихъ, то въ результатѣ получаютъ лишь странныя недоразумѣнія, колоссальныя анахронизмы. Они не понимаютъ того, что находится передъ ихъ глазами, мѣряютъ все мѣркой настоящаго, и приходятъ по основнымъ вопросамъ къ такимъ безсмыслицамъ, которые возбуждаютъ пашъ смѣхъ. Титъ Ливій находится въ этомъ отношеніи на одномъ уровнѣ съ Мезереемъ; даже гениальный грекъ, не смотря на свою крайнюю проникательность, не обладалъ всѣмъ тѣмъ, что мы считаемъ самымъ существеннымъ для пониманія отдален-

ныхъ эпохъ. Нашъ вѣкъ первый усвоилъ себѣ ту утонченность которая въ однообразныхъ и безцвѣтныхъ на видъ древнихъ сказаніяхъ умѣетъ схватывать черты нравовъ и характера, не находящія никакой аналогіи въ нынѣшнемъ состояніи общества.

Слава Огюстена Тьерри состоитъ именно въ томъ, что онъ значительно содѣйствовалъ этому пріобрѣтенію, одному изъ самыхъ прекрасныхъ пріобрѣтеній XIX вѣка. Историческое чувство проявилось въ немъ совершенно произвольно и какъ бы при помощи откровенія. Онъ самъ рассказываетъ о томъ впечатлѣніи, какое производила на него съ самаго дѣтства во время пребыванія въ Колледжѣ города Блуа, страница Шатобріана, полная живого чувства эпохъ и расъ. Начиная съ 1817 года, онъ указывалъ на неудовлетворительность старой школы и пытался намѣтить основныя черты новаго метода, который впоследствии внушилъ ему написать его произведенія. Подумайте только, въ какомъ состояніи находилось изученіе исторіи въ это рѣшительное время. Милло и Анкетиль считались хорошими авторами. Имперія, которая, согласно остроумному выраженію О. Тьерри, отдала въ административную опеку исторію точно такъ же, какъ и всѣ остальные соціальныя силы, продолжала подъ руководствомъ своихъ министровъ пользоваться совершенно не имѣющимъ значенія курсомъ Гено и весьма посредственной исторіей Велли. Де-Монлозье не получилъ разрѣшенія на изданіе своихъ трудовъ, хотя подъ ихъ парадоксальной формой скрывались очень остроумныя воззрѣнія. Принявъ форму національной теоріи, самая ложная исторія царствовала и защищала съ нетерпимостью установленнаго вѣроученія. Самому Огюстену Тьерри пришлось дожидаться запрещенія цензуры Реставраціи, которое постигло его соображеніе относительно мерovingской эпохи потому, что онъ отнималъ у французской монархіи пять вѣковъ существованія. Бенедиктинскія собранія, ученымъ продолжателемъ которыхъ явилась Академія надписей и изящной литературы, содержали зародышъ лучшаго будущаго, но имѣли въ то время очень ограниченный кругъ читателей.

Къ счастью въ числѣ ихъ было нѣсколько человѣкъ, которымъ было суждено замѣнить ложь условной исторіи самыми истинными образами прошедшаго. „Въ началѣ 1820 года,—говоритъ Тьерри:—я началъ читать огромное собраніе оригинальныхъ историковъ Франціи и Галліи. По мѣрѣ того, какъ я подвигался въ этомъ чтеніи, я чувствовалъ съ живымъ удовольствіемъ, которое вызвала во мнѣ написанная въ то время картина людей и событій нашей древней исторіи, глухое чувство гнѣва противъ тѣхъ современныхъ писателей, которые вмѣсто того, чтобы вѣрно передавать эту картину, измѣняли факты, искажали характеры и придавали всему ложный или неопредѣленный видъ. Мое негодованіе росло по мѣрѣ того, какъ я дѣлалъ новыя сравненія истинной исторіи Франціи, въ томъ видѣ, какъ видѣлъ ее въ оригинальныхъ документахъ, съ блѣдными компиляціями, которыя присвоили себѣ ея званіе и распространяли по свѣту и въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, подобно догматамъ вѣры, самыя непонятныя заблужденія... По тому спокойствію,

съ которымъ я проходилъ по этому лабиринту сомнѣній и затрудненій, мнѣ казалось, что я, наконецъ, встрѣтился съ моимъ истиннымъ призваніемъ. Призваніе это, за которое я ухватился со всѣмъ пыломъ юности, состояло не въ томъ, чтобы внести немного свѣта въ какой нибудь мало извѣстный уголокъ среднихъ вѣковъ, но въ томъ, чтобы во Франціи XIX вѣка водрузить знамя исторической реформы. Реформа въ изученіи исторіи, реформа въ манерѣ писать ее! Безпощадная борьба съ необразованными писателями, которые смотрятъ и не видятъ, и съ писателями, лишенными воображенія, которые не умѣютъ изображать! Безпощадная борьба съ Велли, Мезереемъ, ихъ продолжателями и учениками! Безпощадная борьба съ наиболѣе праславленными историками философской школы, за ихъ рассчитанную сухость и презрительное невѣдѣніе національныхъ началъ! — Такова была программа моей попытки. Нѣсколько людей, имена которыхъ было бы несправедливо отдѣлять отъ его имени: Форіель, Шатобрианъ, Вальтеръ Скоттъ были его инициаторами въ дѣлѣ воскресенія исторіи. Первый сдѣлалъ это благодаря своей широкой любознательности и рѣдкой сообразительности, а два остальные—благодаря своему глубокому пониманію вѣчныхъ инстинктовъ человѣчества.

Если мы въ самомъ дѣлѣ попытаемся опредѣлить, какой даръ изъ числа тѣхъ, которыми обладали историческіе гени нашего вѣка, достался знаменитому учителю, приемы котораго мы пытаемся характеризовать, то найдемъ, что онъ состоитъ въ непосредственной интуиціи къ чувствамъ и страстямъ прошедшаго. Тамъ, гдѣ историки, болѣе склонные къ спекуляціи, видѣли осуществленіе плановъ Провидѣнія или же результатъ общихъ положеній, Огюстенъ Тьерри видѣлъ дѣятельность людей. Никто такъ ясно не понималъ съ перваго взгляда взаимодѣйствіе человѣческихъ побужденій, никто не сообщилъ такой дѣятельной жизни прошедшимъ поколѣніямъ, никто такъ своеобразно не прочувствовалъ радостей и печалей прежнихъ людей! Мы отнюдь не намѣрены сдѣлать упрекъ той школѣ, которая желаетъ видѣть въ теченіи событій этого міра примѣненіе законовъ, превышающихъ индивидуальную волю. Исторія допускаетъ крайнее разнообразіе методовъ и даетъ возможность самыхъ разнообразныхъ способовъ изложенія. Начиная съ самой отвлеченной теоріи, подъ тѣмъ условіемъ, конечно, что она не была простой химерой, вплоть до самаго детальнаго описанія, если только оно точно, все имѣетъ свою цѣну и свое значеніе, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы уловить безконечную цѣпь причинъ и слѣдствій, послѣднимъ звеномъ которой является настоящее. Если мы станемъ на небольшомъ протяженіи наблюдать тѣ неровности, соединеніе которыхъ составляетъ движеніе морской поверхности, то испытываемъ искушеніе принять это движеніе за нѣчто случайное, что было бы невозможно подчинить правильному закону; если же мы будемъ наблюдать большую поверхность воды, то соединеніе этихъ неровностей составитъ волны; соединеніе этихъ послѣднихъ составитъ еще болѣе крупныя волны; наконецъ, если бы мы могли обнять своимъ взоромъ весь океанъ, мы увидѣли

бы приливы и отливы, непобѣдимыя теченія, переносящія отъ одного полюса къ другому огромныя массы воды. Точно также въ исторіи совокупность различныхъ событій, составляющихъ ткань человѣческихъ дѣлъ, кажется сначала хаосомъ страстей и интересовъ, въ которомъ трудно различить общее движеніе. Но это движеніе и его формула открываются передъ тѣмъ, кто болѣе широко смотритъ на совокупность явленія. Исторія не тождественна ни съ непогрѣшимой геометрией, ни съ простымъ твореніемъ свободной человѣческой дѣятельности, ни съ игрой случая: она управляется глубокими причинами, но причины эти примѣняются людьми. Комедія этого міра есть въ одно и то же время людская и божественная комедія. Одинаково существенно показать взаимодействіе положеній и индивидуумовъ. Исторія теоретическая и повѣствовательная взаимно дополняютъ и предполагаютъ другъ друга, но отнюдь не противорѣчатъ другъ другу и не исключаютъ.

Здѣсь мнѣ нуженъ блестящій контрастъ, и я останавливаюсь на немъ тѣмъ охотнѣе, что онъ можетъ показать, какъ два генія могутъ съ различныхъ сторонъ содѣйствовать одному и тому же дѣлу. Въ то время, какъ Огюстенъ Тьерри въ своихъ интересныхъ очеркахъ прислушивался къ чувствамъ, въ теченіе долгихъ вѣковъ не находившимъ истолкованія, одинъ профессоръ на кафедрѣ, окруженный рукоплесканіями, приводилъ въ восторгъ своихъ слушателей изображеніемъ развитія цивилизаціи и анализомъ составляющихъ ее элементовъ. Чего остается желать отъ этихъ удивительныхъ томовъ, которые остаются образцомъ философіи исторіи по своей возвышенной и въ то же время самой вѣрной манерѣ? Однако, можно ли сказать, что всѣ тѣ люди, которыхъ мастерской рукой изобразилъ Гизо, это дѣйствительно люди съ ихъ страстями и оригинальными взглядами? Конечно, нѣтъ! Мы видимъ тамъ законы, разсужденія, абстракціи. Все это вещи вполне реальныя (въ извѣстномъ смыслѣ абстракціи управляютъ міромъ), но онѣ еще не составляютъ всей реальности. Что же чувствуемъ мы въ описаніяхъ Огюстена Тьерри? Мы видимъ существа, подобныя намъ, страсти, подобныя тѣмъ, которыя кипятъ на нашихъ глазахъ. Онъ былъ философомъ въ крайне незначительной степени, если подъ этимъ словомъ мы разумѣемъ синонимъ слова метафизикъ; но если понимать это слово въ широкомъ значеніи, то онъ былъ великимъ философомъ. Онъ видѣлъ въ исторіи борьбу свободныхъ факторовъ, въ которой каждый дѣлаетъ свою судьбу. Его закономъ и его,—если такъ можно выразиться, Провидѣніемъ,—была человѣческая природа. Объясненіе событій, котораго другіе искали въ волѣ, господствующей надъ конечными причинами, или въ силѣ вещей, онъ искалъ въ инстинктахъ человѣческаго сердца, въ противоположности расъ и въ вѣчномъ неравенствѣ, которое на протяженіи всѣхъ вѣковъ поддерживааетъ примитивное различіе между побѣдителями и побѣжденными.

Въ этомъ причина того очаровательнаго впечатлѣнія, которое производятъ на читателей всѣхъ классовъ произведенія О. Тьерри. Не всѣ могутъ слѣдить за развивающеюся нитью тон-

кихъ выводовъ и улавливать наблюденія, которыя предполагаютъ сопоставленіе большой массы фактовъ, не всѣмъ дано интересоваться коллективными бытіями, такъ какъ люди, мало знакомые съ философскимъ размышленіемъ, склонны принимать ихъ за произвольныя фикціи. Но всѣмъ доступно пониманіе человеческой природы, дѣйствующей и широко развивающейся передъ глазами читателя въ симпатичномъ разсказѣ, какъ бы ни были далеки отъ нашихъ нравовъ передаваемые факты. Средніе вѣка только потому кажутся такими сухими, однообразными и безцвѣтными, что люди не умѣютъ истолковать оставленныхъ ими памятниковъ. Люди этой эпохи кажутся намъ совершенно отвлеченными, а вѣдь эти блѣдныя и сухія личности жили, какъ и мы. И если исторія вмѣсто того, чтобы показать ихъ намъ въ свойственномъ имъ видѣ, полными жизни и свѣта, даетъ лишь неясные образы, лишенные выразительности, то это просто вина исторіи. Свѣтскіе люди могутъ быть прекрасными судьями общей вѣрности разсказа, но отнюдь не того научнаго труда, который необходимъ для познанія фактовъ. Они только тогда отказываются интересоваться событіями отдаленной эпохи, потому что имъ даютъ бездушную картину, которая такъ же похожа на истинную исторію, какъ византійская мозаика, изображающая отдѣльныхъ индивидуумовъ, стоящихъ къ зрителю лицомъ, похожа на сложную картину, на которой дѣйствующія лица изображены въ естественныхъ соотношеніяхъ.

Тьерри обладалъ удивительной ясностью, граничащей съ чудеснымъ,—талантомъ, въ высшей степени существеннымъ для подобнаго возстановленія. Я говорю о томъ внутреннемъ чувствѣ, которое подъ мертвой буквой хроникъ и хартій умѣетъ видѣть духъ ихъ. Очень немногіе историки умѣли лучше извлекать изъ текста всѣ свѣдѣнія относительно социальныхъ отношеній и нравовъ эпохи. Когда мнѣ приходилось производить для него какія нибудь изслѣдованія, то я не могъ безъ удивленія смотрѣть, какъ живо и быстро разбирается онъ въ оригинальномъ документѣ, усваиваетъ его, нерѣдко опережаетъ и приобщаетъ къ своему разсказу. Самый маленькій осколокъ раскрывалъ передъ нимъ органическое цѣлое, возникавшее въ его воображеніи какъ бы подъ вліяніемъ возрождающей силы. Когда слабость глазъ не позволила ему читать писанныхъ памятниковъ, то этотъ особенный даръ распространился на архитектуру. Проѣзжая съ Форьелемъ по югу Франціи и обладая зрѣніемъ только въ такой степени, которая давала ему возможность идти, когда его вели, онъ, при видѣ развалинъ, снова получалъ свою способность къ чтенію. Глазъ его, столь неувѣренный въ обычныхъ обстоятельствахъ, получалъ тогда необычайную зоркость: ни одна изъ главныхъ линий, ни одна характерная черта не ускользала отъ него.

Откуда черпалъ онъ тотъ плодотворный порывъ, который, какъ во снѣ Езекииля, проходилъ по полю, полному умершихъ, и возвращалъ имъ жизнь, дѣлая людей изъ разсѣянныхъ костей?— Въ живомъ чувствѣ своей эпохи и въ пылѣ своей страсти. Совокупность идей, которымъ Возрожденіе дало названіе либерализма, является душой его исторіи, вдохновляющей его музой, укрѣп-

ляющей его вѣрой. Сцены изъ эпохи нашествія, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ Компьенѣ, гдѣ занималъ скромный учительскій постъ, обнаружили передъ нимъ законы завоеванія, а феодалъная реакція, послѣдовавшая за возвращеніемъ старой династїи, показала ему самыя отдаленныя соціальныя послѣдствія. Немногіе годы были настолько плодотворны крупными уроками и внезапными открытіями въ области духа, какъ эти *In saecula animi!* Только въ двухъ войнахъ нашего вѣка—1813 и 1815 года—было нѣчто эпическое и возвышенное. Другія войны имперїи представляютъ ничто иное, какъ упражненія въ чистой стратегїи, и лишены интереса. Та же война, о которой я говорю, соотвѣтствовала идейному движенію и имѣла истинно интеллектуальное значеніе. Одинъ человѣкъ, принимавшій участіе въ этой грандіозной борьбѣ, рассказывалъ мнѣ, что когда его разбудила канонада въ первую ночь, проведенную имъ въ Силезїи среди собранныхъ тамъ французскихъ войскъ, то ему казалось, что онъ принимаетъ участіе въ огромномъ богослуженїи. Смутныя надежды и мистическія идеи лежали въ основѣ коалиціи разнородныхъ элементовъ, составившихъ Священный союзъ. Не одна мадамъ Крюденеръ видѣла въ немъ зарю новаго искупленія. Сень-Симонъ, съ которымъ у Ог. Тьерри завязались совершенно случайно первыя литературныя отношенія, принялъ сначала то-же самое событіе за исходный пунктъ своей соціальной реформы. Наконецъ, ко времени подъема, вызваннаго объединительными тенденціями Революціи и Имперїи у народовъ, самосознаніе которыхъ пробудилось подъ вліяніемъ иноземнаго ига, относится возникновеніе той плодотворной идеи, которая послужила для Ог. Тьерри базисомъ его исторической системы. Это была національная идея, которая совершенно отсутствуетъ въ XVIII вѣкѣ, занятомъ своей общей философїей, и къ отрицанію которой вели прїобрѣтенія начала XIX вѣка.

Высказывалось мнѣніе, что активное участіе О. Тьерри въ борьбѣ его юности оказало отрицательное явленіе на его качества, какъ историка. Упрекъ этотъ основанъ на томъ мнѣніи, что главнымъ качествомъ историка является нѣчто въ родѣ пассивной безличности, которая воспроизводитъ показанія лѣтописцевъ, не измѣняя и не объясняя ихъ. Но вѣдь это значило бы ставить ему въ упрекъ именно то, что составляетъ основу его геніальности. Широкое пониманіе человѣческихъ дѣлъ получается лишь при помощи пониманія настоящаго, а послѣднее выдаетъ свой секретъ въ зависимости отъ участія, которое принимаетъ въ немъ самъ человѣкъ. Конечно, только самое терпѣливое изученіе можетъ показать намъ истину, когда дѣло идетъ о характерахъ и событіяхъ эпохи, удаленной отъ насъ. Бенедиктинцы и авторы большихъ сборниковъ XVII и XVIII вѣковъ, создали необходимое условіе существованія исторїи, соединяя оригинальные документы, но они не создали самой исторїи. Эти трудолюбивые изслѣдователи старинныхъ рукописей, которые такъ хорошо знали источники нашихъ лѣтописей, не преобразовали ни одного изъ ошибочныхъ взглядовъ условной исторїи. Они еще менѣе умны, чѣмъ люди, подобные Мезерею и Велли, потому что они даже не пытаются увидѣть что нибудь, кромѣ издаваемыхъ ими текстовъ. Но

если бы они задались цѣлью истолковать эти тексты и вывести изъ нихъ послѣдствія, то они сдѣлали бы это съ такой же малой долей проникательности, какъ историки-ораторы ихъ времени. Для этого нужно было обладать нѣкоторой привычкой къ свѣтской жизни,—привычкой, которую нельзя пріобрѣсти ни въ монастырѣ, ни во время мирныхъ палеографическихъ изысканій. Двадцатилѣтній юноша, попавшій въ эту страстную среду и одаренный той проникательностью, которую даетъ привычка къ политикѣ, могъ съ перваго взгляда замѣтить въ произведеніяхъ этихъ великихъ учителей массу пробѣловъ и ошибочныхъ взглядовъ. Памятники ничего не могутъ сказать тому, кто не умѣетъ оживлять ихъ яркимъ сознаниемъ прошлаго, возможность котораго, конечно, не исключается эрудиціей, но которое отнюдь не связано неразрывно съ эрудиціей.

Впрочемъ, Тьерри удивительно точно показалъ, въ какой мѣрѣ онъ обязанъ своимъ ученымъ предшественникамъ, и тѣ предѣлы, въ которыхъ онъ являлся новаторомъ. „Боже меня сохрани отъ того, чтобы я сталъ посягать на славу великой школы, предшествовавшей Революціи. Она собрала и освѣтила цѣлый міръ фактовъ, погребенныхъ въ пыли архивовъ; она основала географію, хронологію, критику французской исторіи. Но дѣло въ томъ, что въ исторіи есть двѣ совершенно различныя задачи... Исслѣдованіе и разборъ фактовъ, если они стремятся только къ точности, представляютъ ничто иное, какъ различныя стороны одной и той же исторической проблемы. Когда работа эта выполнена, то остается истолковывать, изображать и найти законъ послѣдовательности, связывающій между собою факты, придающій событіямъ ихъ значеніе, ихъ характеръ и, наконецъ, жизнь, которая всегда должна оживлять картину человѣческой жизни. Какъ я уже имѣлъ случай показать, всѣ попытки до 1789 года, направленные къ тому, чтобы разрѣшить первую изъ этихъ задачъ, были очень велики и хороши; но попытки, направленные къ тому, чтобы отвѣтить на второй вопросъ, почти всѣ носили ложный и ограниченный характеръ... Бенедиктинцамъ недоставало пониманія и чувствованія великихъ соціальныхъ переворотовъ. Они съ большимъ любопытствомъ изучали публичные акты, судебныя формулы, частные договоры; они разбирали, классифицировали, анализировали тексты, отдѣляли истину отъ лжи во всевозможныхъ актахъ и дѣлали это съ удивительной проникательностью. Но отъ нихъ ускользаетъ политическое значеніе всего того, что живо для воображенія подъ этими мертвыми письменами, весь взглядъ на само общество и его различные элементы, будутъ-ли они молоды, стары, будутъ-ли они варварскіе или цивилизованные,—и этимъ обусловлено несовершенство ихъ трудовъ. Взглядъ этотъ мы пріобрѣли при помощи нашего собственнаго опыта, мы обязаны имъ тѣми чудесными превращеніями власти и общества, которыя совершались на нашихъ глазахъ“.

Итакъ, участіе въ политическомъ движеніи не только не повредило трудамъ Тьерри, какъ можно было думать, но даже, напротивъ,—нужно сказать, что онъ сталъ историкомъ именно потому, что онъ былъ страстно привязанъ къ своему дѣлу. Въ XVII

вѣкъ не было выдающихся историковъ, потому что не было общественной жизни. Исторія не является одной изъ тѣхъ наукъ, которыя въ древности называли *umbrales*, для занятія которыми нужно обладать спокойнымъ умомъ и привычкой къ труду; она связана съ самыми глубокими проблемами человѣческой жизни, для нея нуженъ весь человѣкъ со всѣми его страстями. Участіе души въ ней столь же необходимо, какъ въ поэмѣ или произведеніи искусства, и индивидуальность писателя должна отражаться въ ней. Слава великой школы, къ которой принадлежитъ Тьерри, состоитъ въ томъ, что она пришла къ исторіи путемъ политики и въ томъ, что она поняла либеральную дѣятельность прошедшаго при помощи той, которая одушевляла ихъ. Я не рѣшаюсь согласиться съ тѣмъ, что это волненіе принесло небольшую пользу съ точки зрѣнія изслѣдованія памятниковъ, такъ какъ я нѣсколько ниже попытаюсь показать, что даже съ этой точки зрѣнія былъ достигнутъ значительный прогрессъ. Но если дѣло идетъ о полной исторіи, то вопросъ этотъ не представлялъ бы никакихъ сомнѣній. Станемъ выше по своей эрудиціи, по своей точности, по тонкому изслѣдованію подробностей; будемъ лучшими палеографами, лучшими генеалогами, воспользуемся привилегіей, которая даетъ намъ возможность съ меньшими затрудненіями быть безпристрастными, и отдыхомъ, который даетъ намъ возможность предпринимать терпѣливые труды. Все это, конечно, очень хорошо: качества эти имѣютъ свою цѣнность, и я нисколько не намѣренъ отрицать ея. Но не будемъ дѣлать упрековъ тѣмъ, кого высшія заслуги лишили мелкихъ выгодъ, которыя являются цѣной нашего паденія. Они были людьми въ болѣе значительной степени, чѣмъ мы, и наше право критиковать ихъ не должно изгонять изъ нашихъ умовъ память о той высшей чести, что они двигали цѣлое умственное движеніе не своими досугами, но своими мужественными способностями.

II.

Я пытался отвѣтить тѣмъ критикамъ, которые, обращая исключительное вниманіе на историческіе источники, считали своимъ долгомъ сдѣлать упреки Ог. Тьерри. Я показалъ, что школа, которую можно назвать бенедиктинской въ томъ смыслѣ, что она постоянно ищетъ своихъ предковъ въ ученой конгрегаціи *Saint-Maur*, занимается тѣмъ, чтобы доставить матеріалы исторіи, но не конструировать самую исторію; я показалъ, что для исполненія этой задачи необходимо соединеніе свѣтскаго человѣка съ политикомъ. Я пойду еще дальше и скажу, что само познаніе источниковъ значительно выиграло, благодаря болѣе широкому и свободному методу, который сорокъ лѣтъ тому назадъ былъ примененъ къ исторіи. Конечно, нашему времени не досталась на долю честь открыть впервые столько важныхъ документовъ, сколько открыли изслѣдователи XVII вѣка. Въ подобномъ трудѣ самая обильная жатва достается первымъ работникамъ, а тѣмъ, которые приходятъ позже, остается подбирать отдѣльные колосья, даже если они значительно превосходятъ своихъ предшественниковъ. Но если горизонты открытій въ собственномъ смыслѣ зна-

чительно сузились, то мы получаемъ за это очень щедрое вознагражденіе. Понять значеніе какогонибудь текста—это, въ извѣстномъ смыслѣ, то же, что открыть его. Свидѣтельскія показанія, мимо которыхъ старая критика прошла совершенно индифферентно, стали теперь проблесками свѣта. Цѣлая масса свѣдѣній, казавшаяся второстепенной въ XVII и XVIII вѣкахъ, получила неожиданный смыслъ въ глазахъ болѣе просвѣщенной критики. Какимъ образомъ, напримѣръ, происходитъ такой фактъ, что эрудиты изъ аббатства Saint-Germain des Prés, издавшіе такое множество текстовъ, имѣющихъ посредственное значеніе, представили одному современному академику заботу объ изданіи одного изъ самыхъ драгоценныхъ памятниковъ французской древности, а именно „Полиптика“—Ирминона, не смотря на то, что онъ находился въ ихъ библиотекѣ и они очень хорошо знали о его существованіи? Чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что современная критика, слѣдуя по пути, открытому такимъ числомъ трудолюбивыхъ работниковъ, находить сокровища, не замѣченныя ихъ предшественниками? Все это потому, что ничто не можетъ замѣнить того знакомства съ практической жизнью, которое не дается ни книгами, ни трудолюбіемъ. Созданіе новыхъ историческихъ наблюденій почти всегда тождественно съ открытіемъ документовъ, на которые до того времени никто не обращалъ вниманія, или съ открытіемъ въ извѣстныхъ уже документахъ того, чего другіе не умѣли видѣть въ нихъ. Какіе обрывки текстовъ, весьма посредственно понятыхъ, насколько дѣло идетъ объ ихъ буквальномъ смыслѣ, открыли Шатобриану гораздо больше, чѣмъ эрудиты старой школы узнали при помощи самаго добросовѣстнаго изученія памятниковъ древности и среднихъ вѣковъ? Возобновленіе изученія исторіи, которое произошло въ наше время, обязано прежде всего инициативѣ трехъ министровъ,—несомнѣнно ученыхъ, но занимавшихся отнюдь не изслѣдованіями изъ первыхъ рукъ: Гизо, Вильменъ и Кузенъ, благодаря своимъ новымъ воззрѣніямъ на политическую, литературную и философскую исторію, непосредственно доставили наукѣ столько же текстовъ, какъ и самый трудолюбивый компиляторъ.

Боже меня сохрани отъ желанія подчинить занятіе наукой практической жизни и отъ мнѣнія, что внѣшнее волненіе составляетъ необходимое условіе для того, чтобы писать исторію! Если бы я думалъ чтонибудь подобное, то жизнь О. Тьерри была бы лучшимъ опроверженіемъ моихъ мнѣній, потому что онъ тяжело заболѣлъ именно въ то время, когда могъ играть крупную роль въ событіяхъ. На всемъ протяженіи періода своей дѣятельности онъ принималъ участіе въ воинствующей политикѣ лишь безобиднымъ карбонаризмомъ. Впрочемъ, и это продолжалось очень недолго и занимаетъ въ его жизни лишь 1821 и 1822 годы. Очень мало опасны такіе заговорщики, которые на другой день послѣ ожесточенной схватки съ еще большимъ рвеніемъ возвращаются къ своимъ книгамъ въ рабочій кабинетъ. Но на фонѣ всѣхъ этихъ страстныхъ порывовъ, нерѣдко крайне ошибочныхъ по своему непосредственному объекту, но почти всегда благородныхъ по своимъ мотивамъ, ясно выдѣлялось крупное воспи-

таніе характера и духа и, какъ замѣчаетъ самъ Тьерри, „самое прекрасное движеніе къ серьезному изученію почти безъ перерыва смѣняло революціонную вспышку“. Нужно отдать справедливость Реставраціи: она поняла, въ какомъ просторѣ нуждается свободное развитіе науки, литературы и искусства. Такъ какъ либерализмъ представляетъ существенную форму всякаго выдающагося умственнаго произведенія, то всякая власть, принимающая къ сердцу духовные интересы, должна принимать участіе въ либеральной оппозиціи, хоть тѣмъ, чтобы проявлять къ ней благородную терпимость. Реставрація дѣлала еще лучше: она ободряла ее. Въ 1828 году Тьерри чуть было не получилъ, по приказу короля, званія члена Института, которое досталось ему впоследствии путемъ избранія. Говорятъ, что Реставрація пала именно потому, что принимала участіе въ заговорахъ своихъ умныхъ противниковъ. Къ сожалѣнію, это не вѣрно: она погибла бы и безъ этого, какъ гибнетъ все, но только за ней не осталось бы той славы, что она связала свое имя съ самымъ блестящимъ и самымъ оживленнымъ періодомъ развитія французскаго духа.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что та историческая школа, которая, согласно своей системѣ, занимается исключительно точностью дегалей, находитъ нѣкоторыя несовершенства въ слишкомъ смѣлыхъ обобщеніяхъ, въ истолкованіи фактовъ или характеровъ въ томъ видѣ, какъ они изображены Ог. Тьерри; дарованія ума обыкновенно взаимно исключаютъ другъ друга: утонченные умы мало любятъ вѣсскія истины, доставляющія наслажденіе основательнымъ умамъ. Для того, чтобы замѣтить эти тонкіе оттѣнки, необходимо обладать специальнымъ чувствомъ; разсужденіе и буквальное доказательство здѣсь плодотворны такъ же мало, какъ схоластическая логика въ философіи. Исторія, какъ ее понималъ Тьерри, гораздо менѣе истинна въ частностяхъ, чѣмъ во всей совокупности. Изложеніе требуетъ опредѣленнаго предвзятаго взгляда; распредѣленіе ролей не можетъ быть въ дѣйствительности настолько опредѣленнымъ, какъ на картинѣ. Въ „Разсказахъ изъ временъ Меровинговъ“ въ частности Тьерри усвоилъ манеру, которая нуждается въ объясненіяхъ для того, чтобы не возбуждать недоразумѣній. Вообще можно сказать, что тонкія подробности въ исторіи есть ничто иное, какъ ложь, если ихъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Напримѣръ, Григорій Турскій съ удивительной живостью рассказываетъ въ своихъ драматическихъ повѣствованіяхъ о дѣяніяхъ и рѣчахъ своихъ героевъ. Благодаря этому неопѣненному сокровищу исторія имѣетъ возможность проникнуть удивительно глубоко въ самое сердце варварской жизни. Однако, если мы поймемъ буквально рассказы Григорія Турскаго, то развѣ у насъ есть какая нибудь гарантія, что они воспроизводятъ точную истину? Развѣ этотъ наивный рассказчикъ присутствовалъ при описанныхъ имъ сценахъ? Развѣ свидѣтели, указаніями которыхъ онъ пользовался, дѣлали замѣтки тутъ же на мѣстѣ для того, чтобы сохранить всѣ частности? Развѣ въ то время были стенографы, которые на лету схватываютъ брошенное слово? Ясно, что во всѣхъ подобныхъ детальныя описанія, переданныхъ намъ, всѣ условія

представляют личное созданіе историка, который вмѣсто того, чтобы сухо излагать факты, предпочелъ представить ихъ въ дѣйствіи. На подобные тексты можно смотрѣть, какъ на нѣчто приблизительное. Не слѣдуетъ произвольно уклоняться отъ нихъ, но не слѣдуетъ понимать ихъ буквально. Попробуемъ въ наше время съ нашими безчисленными средствами получать свѣдѣнія и нашей гласностью подробно ознакомиться съ тѣмъ, какъ совершился какой нибудь крупный современный историческій эпизодъ, какія рѣчи говорились тамъ, каковы были взгляды и намѣренія дѣйствующихъ лицъ, и мы тотчасъ убѣдимся, что не можемъ достигнуть этого результата. Съ своей стороны, я часто пытался въ качествѣ опыта исторической критики, составить себѣ полное представленіе о событіяхъ, которыя совершились почти на моихъ глазахъ,—какъ февральскія или іюльскія событія и т. д. Мнѣ никогда не удавалось удовлетворить себя. Итакъ, нужно сдѣлать выборъ между двумя системами: или писать общую исторію и рисовать лишь самыя крупныя черты политическихъ, социальныхъ и религиозныхъ переворотовъ,—или же заняться тѣмъ, что является общепринятымъ въ сферѣ частныхъ обстоятельствъ, и принимать ихъ не какъ абсолютную истину, но лишь какъ нѣкоторыя черты нравовъ, имѣющія свое значеніе.

Одинъ примѣръ даетъ возможность понять тотъ упрекъ, который дѣлали произведеніямъ Ог. Тьерри, и тотъ отвѣтъ, который указываетъ намъ здравая критика. Однимъ изъ наиболее памятныхъ для читателя эпизодовъ Исторіи покоренія, Англіи и Норманнами является эпизодъ съ Томой Бекетомъ. Всѣмъ извѣстно, съ какой тонкостью знаменитый историкъ умѣлъ показать, что сопротивленіе Бекета королевской власти и его популярность есть послѣдній протестъ англо-саксонской расы противъ норманнской династіи. Конечно, это толкованіе заключаетъ значительную долю истины, но оно вовсе не настолько подтверждается текстами, чтобы его нельзя было оспаривать съ точки зрѣнія чисто буквальной критики. Противники Тьерри торжествовали, когда имъ удалось открыть одинъ документъ, изъ котораго, по ихъ мнѣнію, слѣдовало, что Тома Бекетъ, котораго Тьерри дѣлаетъ представителемъ англо-саксонской расы, въ дѣйствительности родился въ Нормандіи, происходилъ изъ норманнской семьи, что имя его не только не англійское, слѣдовало писать *Béquet* согласно требованіямъ французской орфографіи. Ученыя изслѣдованія Эдельстана дю-Мериль недавно показали¹⁾, что матеріальный фактъ, служившій основаніемъ для этого утвержденія, былъ крайне недостоверенъ. Но если даже предположить, что онъ доказанъ, то развѣ онъ представляетъ существенное возраженіе и развѣ вслѣдствіе этого слѣдовало бы исключить изъ Исторіи эту самую прекрасную главу ея? Конечно, нѣтъ. Роль историческихъ дѣятелей нерѣдко стоитъ въ рѣзкой противоположности съ ихъ происхожденіемъ. Значительная часть представителей третьяго сословія въ 1879 году состояла изъ аристократовъ; интересы аристократіи нашли въ наше время самыхъ горячихъ защитниковъ среди

¹⁾ *Correspondance litteraire*. Августъ 1853.

плебеевъ. Церковь въ особенности обладала даромъ отрывать человѣка отъ его расы, касты и семьи, для того, чтобы сдѣлать изъ него отвлеченнаго защитника идеи и права. Родился ли Тома Бекетъ въ Нормандіи или гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ, это въ сущности дѣло второстепенной важности; важно то, что его роль въ исторіи подъ вліяніемъ обстоятельствъ носила характеръ англо-саксонскій. Я долженъ сознаться, что въ роли этой есть еще одинъ элементъ: онъ прежде всего является духовнымъ, и можно весьма сомнѣваться, сознавалъ ли Тома Бекетъ вполне ясно ту національную и патриотическую борьбу, которая нашла пріютъ за его спиной. Но церковь, поддерживая интересы и мнѣнія, противоположныя мнѣніямъ побѣдителей, была естественной союзницей побѣжденныхъ; кромѣ того, симпатія обездоленныхъ классовъ должна была привязаться къ каждому, кто пытался обуздать жадность новыхъ властителей и такимъ образомъ Тома Бекетъ, почти помимо своего желанія и совершенно не подозрѣвая этого, сталъ для исторіи англо-саксомъ, безъ всякаго отношенія къ тому, родился ли онъ въ Нормандіи или нѣтъ.

Большая часть упрековъ, сдѣланныхъ Тьерри, можетъ быть, сводится къ тому же. Всякое обобщеніе—доступно нападкамъ; и единственный способъ писать исторію, недоступную для критики, состоитъ въ томъ, чтобы усвоить пошлую манеру, которая ограничивается незначительными частностями. Мало того: это самая ложная исторія, и мнимая точность, которой она такъ гордится, есть ничто иное, какъ ложь. Воображенію, которое съ такой яростью преслѣдуютъ анаемами историки—чистые эрудиты, гораздо чаще удается добыть истину, чѣмъ той рабской вѣрности, которая довольствуется воспроизведеніемъ оригинальныхъ сказаній лѣтописцевъ. Гравюры Пиронези, изображающія развалины Рима, въ сущности неправильны, если смотрѣть на нихъ, какъ на изображеніе существующихъ въ дѣйствительности памятниковъ: онѣ измѣняютъ цѣлую массу частныхъ и прибавляютъ новыя, измѣняютъ ихъ расположеніе и разстояніе. Но если смотрѣть на нихъ не какъ на изображеніе матеріальныхъ чертъ пейзажа, а какъ на попытку передать общее впечатлѣніе, то онѣ окажутся точнѣе любой фотографіи. Эта послѣдняя показываетъ намъ лишь мертвыя очертанія, но скрываетъ отъ насъ душу и идеальный типъ изображеннаго предмета, въ то время какъ гравюра даетъ намъ его моральное и эстетическое значеніе, т. е. съ точки зрѣнія возвышенной философіи ея самую сокровенную реальность.

Итакъ, перестанемъ упрекать творческихъ геніевъ первой половины XIX вѣка въ неточности тѣхъ подробностей, которыя нашли мѣсто въ ихъ произведеніяхъ. Во всѣхъ отрасляхъ наукъ неизбежно случается, что послѣдующее поколѣніе, примѣняя точный анализъ къ твореніямъ авторовъ предыдущаго поколѣнія, находитъ въ нихъ ошибки, преждевременные выводы и догадки, не подтверждающіяся при болѣе зрѣломъ изслѣдованіи. Въ настоящее время начинающій ученый находитъ ошибки у Форіеля, благодаря самому же Форіелю. Когда Кузенъ создавалъ во Франціи исторію философіи, то онъ не зналъ ее такъ хорошо, какъ

теперь знает ее всякій докторъ правъ или литературы, которые безъ него знали бы очень мало. Безъ любви и, такъ сказать, безъ страстной привязанности нельзя создать ничего, нельзя положить основаніе какой нибудь науки, не разрѣшая многихъ вопросовъ, относительно которыхъ наука далеко не сказала своего послѣдняго слова. Слава изобрѣтенія есть нѣчто высшее. Сама критика не могла бы посягнуть на нее, потому что самымъ прекраснымъ вознагражденіемъ творческаго генія служить то, что онъ далъ начало движенію, которое превзошло его самого.

Впрочемъ, исторія есть въ такой же мѣрѣ искусство, какъ и наука; совершенство формы составляетъ существенную часть ея, и всякая критика, которая при оцѣнкѣ историческихъ произведеній принимаетъ во вниманіе лишь спеціальныя изслѣдованія, оказывается уже по тому самому неправильной. Когда дѣло идетъ о предметѣ, связанномъ съ моралью и съ политикой, то мысль можетъ считаться полной только тогда, когда она приняла безукоризненную форму даже въ смыслѣ гармоніи, и не будетъ никакого преувеличенія, если мы скажемъ, что дурно построенная фраза почти всегда соотвѣтствуетъ неточной мысли. Французскій языкъ достигъ въ этомъ отношеніи такого совершенства, что его можно принять за діапазонъ, малѣйшій диссонансъ съ которымъ указываетъ на ошибку въ сужденіи или дурной вкусъ. Никому не удастся понять того безконечнаго искусства, которое вкладывалъ въ свои произведенія Тьерри, никто не сумѣетъ представить себѣ, сколько времени и труда тратилъ онъ на то, чтобы согласить тоны, взвѣсить отдѣльныя части и соорудить гармоническое цѣлое при помощи первобытныхъ матеріаловъ, которыхъ въ одномъ мѣстѣ оказывалось слишкомъ мало, въ другомъ слишкомъ много. Если подвергнуть его трудъ самому строгому изслѣдованію, то въ немъ нельзя будетъ найти ни одной декламаторской черты: картина, нарисованная имъ, является результатомъ живого изображенія фактовъ, въ ней нѣтъ и слѣда тѣхъ искусственныхъ способовъ такъ называемаго „мѣстнаго тона“, при помощи котораго новички стараются восполнить ученое искусство, тайна котораго скрыта отъ нихъ.

Забота о слогѣ достигала у него очень значительныхъ размѣровъ. Его больше всего привлекала та скромная сторона литературнаго труда, которая состоитъ главнымъ образомъ въ стирани и смягченіи. Эта сторона очень мало понятна для людей неопытныхъ, которые не могутъ понять, какъ трудно искусству скрыть само себя. Онъ диктовалъ 15 — 20 строкъ въ сутки, а заканчивалъ ихъ только тогда, когда онѣ были доведены до высшей степени возможнаго ему совершенства. Очень поучительный урокъ для нашего времени и современнаго паденія литературныхъ нравовъ! Всѣ труды этого человѣка, вся жизнь котораго была посвящена мысли, заключаютъ не больше пяти томовъ. Онъ сумѣлъ противустоять увлеченіямъ успѣха. Своей непоколебимой совѣстью онъ протестовалъ противъ скандаловъ, которые за послѣднее время зацѣпали область исторіи. Въ его глазахъ были святотатствомъ импровизованныя описанія, жалкія компиляціи, украшенныя знаменитымъ именемъ, при помощи которыхъ ста-

рались эксплуатировать расположеніе публики,—однимъ словомъ, примѣненіе приѣмовъ меркантильной литературы къ избранной ученой специальности. Уже Плиній замѣтилъ, что исторія имѣеть привиллегію нравиться даже тогда, когда она лишена качествъ, весьма существенныхъ для всѣхъ остальныхъ родовъ литературы. Наблюденіе это не могло ускользнуть отъ вниманія промышленнаго духа, который въ наше время забрался даже въ духовную сферу. Въ самомъ дѣлѣ, исторія гораздо больше остальныхъ наукъ пострадала отъ того обезцѣвленія, которое постигло за послѣднее время всякій серьезный трудъ. Люди, лишенные всякаго призванія, набросились на нее, какъ на легкую добычу, и уничтожили цвѣтъ того, до чего они и не коснулись. Всѣ постыдныя извиненія, при помощи которыхъ старались оправдать подобную профанацію, не находили у Тьерри никакого снисхожденія. Призваніе человѣка, посвятившаго себя умственному труду, казалось ему священнымъ. Онъ вѣрилъ, что права истины и красоты не подлежатъ измѣненіямъ. Онъ былъ увѣренъ, что не можетъ быть никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ для писателя, который приноситъ свободное развитіе своей мысли въ жертву внѣшней необходимости.

Твердость литературныхъ принциповъ, которая предохраняла его отъ опаснаго успѣха въ легкой литературѣ, была связана съ серьезными основами его духа, съ его ужасомъ къ легкости и дурному вкусу, съ той чудесной чуткостью ко всему, что относится къ благороднымъ проявленіямъ ума. Люди, знавшіе его въ молодости, сохранили отчетливое воспоминаніе о его живомъ отношеніи ко всевозможнымъ областямъ. Жестокіе недуги, которые могли бы сломить всякую другую личность, нисколько не разстроили его душевнаго цѣлаго. „Онъ заключилъ, согласно его собственному трогательному выраженію, дружбу съ потемками“. Передъ моими глазами находится его корреспонденція, съ однимъ очень близкимъ и извѣстнымъ другомъ, относящаяся къ первымъ днямъ его слѣпоты. Нетерпѣніе и иллюзіи, слѣды которыхъ остались на этихъ пожелтѣвшихъ листкахъ, поневолѣ вызываютъ изумленіе. Его пылъ къ труду не только не былъ подавленъ испытаніемъ, которое могло не одну душу лишитъ бодрости, но даже сталъ больше, чѣмъ прежде; невольно чувствуешь, что двигательные импульсы его дѣятельности не поражены смертью органа и что страстная привязанность сильнѣе ударовъ судьбы.

Свойственная его уму склонность къ созерцанію фактовъ, а не къ идеальнымъ соображеніямъ, была причиной того оригинальнаго религіознаго движенія, значеніе котораго до сихъ поръ не было вполне понято ¹⁾. Тьерри никогда не думалъ о философскихъ и религіозныхъ проблемахъ. Исторія была для него лишь картиной гражданской жизни народовъ, а религія являлась

¹⁾ Я сообщилъ содержаніе послѣдующихъ строкъ лицамъ, близкимъ съ Тьерри. Они уполномочили меня назвать въ случаѣ надобности ихъ имена и нашли, что мое изложеніе вполне вѣрно выражаетъ послѣднія чувства знаменитаго историка. Его сотрудникъ Буркело, посвященный въ его самыя сокровенныя мысли, уже разбиралъ весьма точно этотъ вопросъ въ біографіи Тьерри. (См. *L' Athenaeum français*, 31 мая 1856 г.)

въ его изложеніи не иначе, какъ подчиненной политикѣ. Онъ очень мало былъ знакомъ съ догматами въ ихъ теологической формѣ, хотя съ такимъ интересомъ умѣлъ изображать ихъ социальную роль. Когда же въ немъ проснулись религіозныя потребности, которыя обыкновенно возникаютъ подъ вліяніемъ возраста и созерцанія революцій, то онъ оказался въ положеніи прямодушнаго новичка передъ проблемой, которая требуетъ какъ можно больше мышленія и тонкости ума. Не чувствуя большой любви къ абстракціямъ и привыкнувъ разсматривать вещи съ практической стороны, онъ принялъ религію, какъ существующій фактъ, и не вкладывалъ особенной тонкости въ свое обращеніе. Свойственный ему тонкій вкусъ подсказывалъ, что нужно умирать, исповѣдуя какую нибудь религію; католицизмъ же казался ему самой совершенной религіей и, кромѣ того, религіей Франціи. Онъ привязался къ ней вполнѣ искренно, но безъ всякихъ догматическихъ притязаній: не исполнялъ обрядовъ, предполагающихъ безусловную вѣру, и съ помощью искусныхъ предосторожностей отклонялъ отъ себя назойливыя требованія. Когда ему указали однажды на то, что въ нѣкоторыхъ вѣрованіяхъ заключается очень много узкаго, то онъ отвѣтилъ: „мнѣ нужны теперь не широкія мысли, а узкія“. Чувство приличія и чудесное умѣніе красиво устраивать свою жизнь не покидали его никогда вплоть до самой смерти. Когда кто нибудь пытался представить передъ нимъ догматы въ рѣзкой формѣ, то онъ отказывался слушать, не желая знать ничего такого, что могло бы противодѣйствовать его стремленію къ вѣрѣ. Дальше этого его теологія не шла. Онъ то хватался за религію, то оставлялъ ее: за періодами усердія почти всегда слѣдовали періоды равнодушія. Такъ онъ оставался между сомнѣніемъ и вѣрой, полный благихъ намѣреній и любопытныхъ противорѣчій.

Такимъ образомъ возникло весьма противорѣчивое положеніе, не лишенное прелести для того, кто умѣлъ наблюдать, и обнаруживающее въ полномъ блескѣ его прямодушіе, тонкость его ума и его дѣтскую наивность. Нерѣдко возраженіе казалось ему столь же привлекательнымъ, какъ и отвѣтъ на него, и среди близкихъ себѣ людей онъ готовъ былъ на уступки, которыми нетрудно было бы злоупотребить. Нерѣдко къ этому подмѣшивалась мягкая и тонкая иронія, остававшаяся незамѣченной для узкихъ и догматическихъ умовъ. Онъ сохранялъ по отношенію къ священникамъ такую же изысканную вѣжливость, какъ и къ женщинамъ. Менѣе сдержанный въ своихъ словахъ, чѣмъ въ дѣйствіяхъ и произведеніяхъ, онъ въ разговорѣ нерѣдко переходилъ предѣлы своей мысли. Онъ только тогда твердо держался своего мнѣнія, когда ему удавалось придать при помощи стилистической работы высшую степень ясности и мѣры. Въ своихъ книгахъ онъ не рассчитываетъ на снисходительность. Правда, онъ рѣшилъ исправить свои главныя произведенія и уничтожить всѣ неточности, вызванныя поспѣшностью перваго труда. Среди безчисленныхъ сдѣланныхъ ему возраженій, онъ нашелъ нѣкоторыя основательными и отдалъ имъ должную дань. Его любовь къ истинѣ была такъ велика, что критика, даже наименѣе серьезная, встрѣчала въ немъ

полную сговорчивость и готовность къ измѣненіямъ. Но все это не имѣло ничего общаго съ отреченіемъ. Онъ обладалъ удивительнымъ талантомъ къ исправленію; онъ умѣлъ измѣнять доступныя упрекамъ мѣста такъ, что общій видъ цѣлаго нисколько не измѣнялся. Слѣдующее изданіе „Завоеванія Англіи Норманнами“ подтвердитъ мои слова, но преждевременное знакомство съ частью исправленнаго текста (благодаря любезности От. Тьерри) даетъ мнѣ право утверждать, что духъ книги окажется тотъ же самый и что измѣненія можно будетъ открыть лишь при внимательномъ сравненіи обоихъ текстовъ. Исчезнутъ только мелкія погрѣшности, неизбѣжныя въ произведеніи, которое было написано въ пылу страстнаго увлеченія.

Такъ сохранилось до самого конца пламя этой ясной и чистой жизни. Отвращеніе, скука и отчаяніе никогда не коснулись ея. Міръ мало понимаетъ подобный стоицизмъ. Онъ нерѣдко видитъ сухость въ черствости этихъ великихъ душъ, которыя были строги къ самимъ себѣ, а вслѣдствіе этого и къ другимъ, и которыя имѣютъ такой видъ, какъ будто сами могутъ утѣшать себя, лишь бы вселенная была открыта ихъ созерцанію. Но въ сущности это—высшая степень безкорыстія и самое прекрасное торжество человѣческой души. То, что чувствительные и добродѣтельные люди, одаренные чуткой совѣстью, называютъ обыкновенно эгоизмомъ генія, есть ничто иное, какъ отреченіе отъ личныхъ наслажденій и забвеніе о себѣ самомъ во имя идеала. Подобно всѣмъ здоровымъ и сильнымъ натурамъ, которыя мало занимаютъ собой и страстно привязаны къ дѣламъ, Тьерри, не смотря на свои страданія, сохранилъ привязанность къ жизни, любовь къ своему произведенію и любознательность. Я видѣлъ его за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ параличъ, постепенно захватывая все больше мѣста, поразилъ органъ, служащій очагомъ его духовной жизни,—единственной жизни, которая еще была доступна ему. Печальные симптомы указывали на близкій конецъ; не смотря на это, онъ все также былъ пылокъ, все также стремился къ жизни. Его занимала одна лишь мысль: успѣетъ ли онъ окончить начатая имъ исправленія? Въ тотъ день, когда онъ пересталъ существовать для мысли, онъ разбудилъ своего слугу въ 4 часа утра и сталъ диктовать ему небольшое измѣненіе въ одной фразѣ „Завоеванія“, которая только въ его глазахъ нуждалась въ исправленіи. Когда онъ диктовалъ это исправленіе, языкъ его запутался и съ этого момента умъ его подернулся мракомъ, который уже не разсѣялся никогда. Ненасытно стремясь къ совершенству, онъ умеръ, какъ и всѣ великіе художники, мечтая о томъ, чтобы стать еще совершеннѣе. Не смотря на это, никто въ такой степени, какъ онъ, не имѣетъ права унести въ могилу удовлетвореніе по поводу законченнаго произведенія. Произведенія его, носящія печать двойной геніальности: смѣлости въ созданіи и законченности подробностей,—останутся навсегда памятникомъ того, что можетъ сдѣлать человѣческая воля, не смотря на препятствія, казавшіяся непобѣдимыми. Жизнь его осуществила чудесный, быть можетъ, единственный примѣръ сильной души, которая умѣетъ обойтись безъ внѣшнихъ чувствъ, и въ теченіе тридцати лѣтъ

продолжаетъ блестящую умственную дѣятельность, не смотря на то, что органы внѣшнихъ чувствъ уже давно стали почти добычей смерти.

Огюстенъ Тьерри далъ великій нравственный урокъ нашему времени. Мiръ чувствъ покинулъ его и, не смотря на это, у него было основаніе жить. Вселенная казалась ему чѣмъ-то любопытнымъ и привлекательнымъ, заслуживающимъ того, чтобы имъ заниматься. Онъ былъ одаренъ духомъ изслѣдованія, тѣмъ огромнымъ стремленіемъ къ истинѣ, которое побуждаетъ съ жадностью хвататься за жизнь и стойко выдерживать ее. Мы можемъ смѣло сказать, что, благодаря этимъ качествамъ, нашъ вѣкъ оправится отъ своего униженія. Когда мiръ будетъ исчерпанъ, когда всѣ тайны земли и неба, настоящаго и прошедшаго будутъ познаны, тогда придетъ время сказать съ Экклезіастомъ: „Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ... Все суета“. Но пока это не случится, никто не имѣетъ права говорить о скукѣ и отвращеніи. Безсмертіе состоитъ въ томъ, что человѣкъ принимаетъ участіе въ безсмертномъ твореніи, т. е. въ искусствѣ, наукѣ, религіи, добродѣтели и всѣхъ формахъ преданія добра и красоты. Такъ какъ эти творенія существуютъ всегда, то даже въ самыя печальныя времена есть занятіе для высокихъ умовъ и обязанности для благородныхъ сердець.

Л а м е н н е .

Разсказываютъ, что когда римскіе миссіонеры обратили въ христіанство Нортумбрійскихъ Саксовъ и потребовали отъ нихъ, чтобы они сами разрушили почитаемыхъ ими идоловъ, то никто не осмѣлился поднять руку на эти изображенія, освященные вѣрою и молитвой. Среди всеобщаго колебанія внезапно поднялся одинъ жрецъ и однимъ ударомъ топора низвергнулъ бога, все ничтожество котораго онъ зналъ лучше всѣхъ. Нападенія жрецовъ всегда носятъ подобный холодный и увѣренный характеръ; въ наносимыхъ ими ударахъ чувствуется смѣлость, которой никогда не удастся достигнуть свѣтскому человѣку. Послѣдній привыкъ издали смотрѣть на алтари и приближаться къ нимъ съ почтеніемъ даже тогда, когда они покинуты божествомъ. Напротивъ, жрецъ знаетъ всѣ тайны алтаря и со смѣлостью своего человѣка открываетъ ихъ для всѣхъ взоровъ.

Критика должна старательно пользоваться всѣми случаями, когда она получаетъ возможность проникнуть въ тайны, обыкновенно закрытыя отъ нея густымъ покрываломъ. Вѣра почти всегда бываетъ основана такъ глубоко, что трудно бываетъ прослѣдить за ней, да кромѣ того вѣра свѣтскаго человѣка рѣдко доходитъ до такой ясности, чтобы ее можно было ясно опредѣлить или спорить о ней. Но если апологетъ становится отступникомъ, если священникъ въ своемъ завѣщаніи оставляетъ кровное оскорбленіе тому ученію, которому онъ прежде служилъ, то это такой

случай, когда тайны вѣрованій являются, такъ сказать, въ своей наготѣ. Я не знаю, видалъ ли міръ со времени Тертуллиана болѣе разительный примѣръ подобнаго явленія, чѣмъ тотъ, который показалъ нашему вѣку Ламенне. Никогда столь великія страсти не вызывали такихъ бурь въ такой великой душѣ: никогда ради новаго міра не вызывали болѣе краснорѣчивыхъ выраженій страданія. Подобно библейской женщинѣ, во чревѣ которой сталкивались два народа: избранный и отверженный, онъ почувствовалъ въ своей пылающей груди борьбу цѣлыхъ вѣковъ. Нужно внимательно отмѣчать всякое судорожное движеніе этихъ героическихъ людей, носящихъ въ сердцѣ раны своего времени, всякій ихъ крикъ, всякую ихъ скорбь, ибо онѣ служатъ симптомами всего того, что волнуетъ человѣчество. Тайныя волненія смягчаемыя посредственностью и скрываемыя вслѣдствіе разсчета, оказываются у нихъ въ грубой и откровенной вѣрности.

Изъ произведеній Ламенне мы уже не можемъ научиться ничему. Никто не собирается учиться по нимъ исторіи, философіи или политикѣ, но сама его личность представляетъ весьма поучительное явленіе, отраженіе человѣческой природы и цѣлую психологію. Итакъ, намъ предстоитъ изучить самого человѣка. Мы оставимъ въ сторонѣ основательность тѣхъ дѣлъ, которыя онъ защищалъ, стоимость тѣхъ идей, которыхъ онъ придерживался въ разное время, и въ немъ самомъ станемъ искать причину повидимому, загадочныхъ превращеній и нить, связывающую ихъ между собой. Можетъ быть, эти изысканія прольютъ свѣтъ на состояніе души современнаго человѣка и на законы, управляющіе нѣкоторыми видоизмѣненіями мысли.

I.

Трудно найти какую нибудь другую жизнь, которая на первый взглядъ казалась бы настолько разбитой, какъ жизнь Ламенне. Изъ двухъ частей, составляющихъ ее, вторая кажется не продолженіемъ первой, но ея противоположностью. И все же я надѣюсь доказать, что врядъ ли какая нибудь другая жизнь была до такой степени подъ властью одного неизмѣннаго принципа, и очень немногія натуры были болѣе цѣльными и менѣе склонными къ переменамъ. Въ дѣйствительности, Ламенне представляетъ изъ себя простой и цѣльный характеръ. У него совершенно не было того, что даетъ человѣку возможность мѣнять поприще, пріобрѣтать обширныя познанія, заниматься разнообразными предметами; однимъ словомъ, онъ совершенно не обладалъ гибкостью ума. Въ этомъ его недостатокъ, но въ то же время основаніе его величія. Обстоятельства направляли его въ совершенно противоположныя стороны, но они не измѣняли ни особенностей его воображенія, ни пріемовъ его слога. Это была крѣпкая душа и ограниченный умъ, который могъ понимать міръ только однимъ способомъ. Эволюція мысли служила для него лишь предлогомъ къ тому, чтобы удовлетворять вѣчной потребности его природы. Потребность эта состояла въ томъ, что онъ былъ склоненъ выражать негодованіе по поводу того, что считалъ добромъ,

а роковая послѣдовательность приводила его къ потребности проклинать и осуждать.

Одна и таже система краснорѣчивой ненависти, примѣненная къ самымъ разнообразнымъ предметамъ,—вотъ весь Ламенне. Изъ той пропасти, которую онъ носилъ въ своей груди, поднимались сѣрные испаренія, омрачающія небо, грызущія землю. Стремленіе видѣть повсюду тайную несправедливость, представленіе какого-то сатаническаго и коварнаго идеала, который онъ создалъ специально для того, чтобы давать исходъ своему гнѣву,—все это вызывало въ немъ тѣ мрачные образы, которые всегда тѣснились и омрачали его умъ. Единство его простирается лишь на реторику, на форму, а не на сущность его идей, но слѣдуетъ помнить, что форма у него является болѣе существенной, чѣмъ содержаніе. Онъ не былъ ни политикомъ, ни философомъ, ни ученымъ: это былъ удивительный поэтъ, повинующійся голосу строгой и постоянно раздраженной музыки. Всѣ тѣ обороты, которыми вначалѣ онъ пользовался противъ либеральныхъ понятій и философіи, онъ направилъ впослѣдствіи противъ королей и папы. Реторика его не была особенно разнообразна: все у него сводилось къ аду. Это была реторика проповѣдниковъ, апологетовъ и вообще духовныхъ лицъ. Онъ воздвигалъ передъ своимъ воображеніемъ призракъ, которому онъ давалъ имя Сатаны и который являлся для него олицетвореніемъ всего зла, а затѣмъ наносилъ ему звучные и страшные удары. Его никогда не беспокоила забота о точности. Въ мірѣ, по крайней мѣрѣ, въ наше время, мы не находимъ ни въ учрежденіяхъ, ни въ индивидуумахъ типовъ абсолютнаго зла. Вмѣсто того, чтобы освѣдомиться, познать людей своего времени и разобратъ, насколько они правы, онъ понималъ ихъ согласно потребностямъ своего положенія, и для того, чтобы имѣть возможность безпрепятственно проклинать ихъ, онъ начиналъ съ того, что признавалъ ихъ дурными.

Вслѣдствіе этого онъ сталъ именно тѣмъ, что онъ есть: страшной пружиной, лукомъ, вѣчно натянутымъ и готовымъ во всякое время выбросить стрѣлу. Живое и проходящее пламя страсти, свойственной южанамъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ пылающимъ мрачнымъ огнемъ, съ этимъ глубокимъ и упорнымъ гнѣвомъ, который не хочетъ успокоенія. Нельзя придумать болѣе дурныхъ задатковъ для философа и для критика, не можетъ быть ничего лучше для художника и поэта. Искусству нужны предвзятая мнѣнія; ему нельзя мириться съ тѣми средними положеніями, къ которымъ стремится критика. Абсолютная форма мнѣній Ламенне, которая принесла намъ столько жалкихъ разсужденій и ошибочныхъ сужденій, принесла намъ также пятьдесятъ страницъ высокаго стиля, самыхъ прекрасныхъ во всемъ XIX вѣкѣ. Никогда мыслитель не встрѣчался съ болѣе удивительнымъ распределеніемъ даровъ ума: Ламенне станетъ совершенно необъяснимымъ явленіемъ, если мы не установили прежде всего того положенія, что одинъ и тотъ же человекъ можетъ въ одно время быть превосходнымъ художникомъ, посредственнымъ философомъ и безтолковымъ политикомъ.

У Ламенне не было какогонибудь извѣстнаго учителя; нельзя назвать ни имени, съ которымъ онъ связанъ, ни учрежденія, которое могло бы претендовать на часть его славы. Онъ черпалъ все въ своей сильной натурѣ и въ тѣхъ общихъ вѣрованіяхъ, которыя были такъ распространены въ его средѣ. Это свободное и произвольное воспитаніе, весьма способствующее развитію индивидуальнаго генія, были причиной того, что въ его общемъ развитіи остались пробѣлы, которые ему удалось пополнить лишь значительно позже: онъ никогда не былъ на уровнѣ своего времени, и то, что бродило возлѣ него, не производило на него никакого вліянія. Полная дисциплина духа, плодъ продолжительной гимнастики всѣхъ способностей, предполагаетъ многочисленныя соприкосновенія съ разнообразными сферами умственной дѣятельности. Она возможна лишь въ такихъ крупныхъ центрахъ научнаго и литературнаго движенія, какъ столицы или германскіе университетскіе города. Ламенне не обязанъ ничѣмъ этимъ общимъ вліяніемъ. Его основы, и, такъ сказать, его объясненіе, сводится къ весьма рѣзко выраженному характеру его расы и къ духовному воспитанію: Бретань и семинарія—вотъ и все.

Я назвалъ прежде всего Бретань. Отъ нея онъ получилъ искренность, стремительную правдивость. Горячая вѣра бретонскихъ народовъ отличается тѣмъ, что она не основывается ни на страхѣ, ни на униженіи, которыя въ большей или меньшей степени входятъ въ составъ суевѣрій южныхъ народовъ. У нихъ вѣра является продуктомъ честной природы, которая жаждетъ отдаться какомунибудь дѣлу. Между тѣмъ благородныя души охотнѣе всего посвящаютъ себя дѣламъ, не имѣющимъ никакой надежды на успѣхъ. Тайнственное наслажденіе, доставляемое вѣрой, гораздо больше тогда, когда она относится къ прошедшему, чѣмъ тогда, когда она относится къ будущему. Гораздо болѣе похвально любить то, что было, чѣмъ то, что будетъ. Прошлое такъ поэтично, а въ будущемъ поэзіи такъ мало! Вотъ почему Бретонецъ такъ отсталъ въ своихъ симпатіяхъ. Всѣ Бретонцы, голосъ которыхъ раздается въ наше время, отличаются особеннымъ недоброжелательствомъ къ своему времени. Это обусловлено могучимъ расовымъ инстинктомъ. Онъ внушаетъ имъ отвращеніе ко всему нарушающему античное благородство, о которомъ такъ мало заботится, повидимому, нашъ вѣкъ. Это обусловлено въ особенности тѣмъ рыцарскимъ и благороднымъ характеромъ, который влечетъ ихъ къ побѣжденнымъ и дѣлаетъ вѣрность высшимъ законамъ. Они любятъ все старое и избитое потому, что оно слабо, потому что толпа покидаетъ его чтобы поклониться другимъ богамъ. И въ этомъ же секретъ ихъ энергіи. Среди этого легкомысленнаго человѣчества, которое смѣется, забавляется и обогащается, они сохраняютъ то, что составляетъ силу человѣка, то, что даетъ побѣду въ конечномъ счетѣ,— я разумѣю вѣру, серьезность, антипатію ко всему вульгарному, презрѣніе къ легкомыслію.

Семинарія произвела не меньшее вліяніе на того особеннаго человѣка, котораго я стараюсь теперь охарактеризовать. Духовное воспитаніе, которое имѣетъ крайне невыгодныя стороны, когда

дѣло идетъ о томъ, чтобы воспитать гражданина и практическаго дѣятеля, имѣеть очень хорошія стороны въ томъ смыслѣ, что пробуждаетъ и развиваетъ оригинальность ума. Университетское образованіе, несравненно болѣе основательное и систематическое, имѣеть тотъ недостатокъ, что оно слишкомъ однообразно и оставляетъ мало простора личнымъ вкусамъ профессора и его ученика. Церковь же въ литературѣ въ общемъ менѣе догматична, чѣмъ университетъ. Вкусы ея не такъ чисты, методы менѣе строги, но за то у нея меньше литературныхъ предразсудковъ XVII вѣка. Въ ней содержаніе менѣе приносится въ жертву формѣ, въ ней, правда, больше декламации, но меньше реторики. Это въ особенности относится къ высшему образованію. Интеллектуальный режимъ большихъ семинарій, совершенно не подчиненный какому нибудь наблюденію или оффиціальному контролю, представляетъ изъ себя примѣръ полной свободы. Такъ какъ отъ ученика не требуютъ ничего строго опредѣленнаго, то онъ вполне принадлежитъ самому себѣ. Прибавьте къ этому полное одиночество, долгіе часы размышленія и молчанія, постоянная забота о цѣли, стоящей выше личныхъ расчетовъ,—и вы поймете, что подобныя учрежденія представляютъ удивительную обстановку для развитія сознанія. Подобная жизнь уничтожаетъ слабый умъ, но придаетъ удивительную энергію уму, способному къ самостоятельному мышленію. Правда, человекъ выходитъ оттуда немного суровымъ, потому что привыкаетъ ставить очень много вещей выше личныхъ интересовъ, наслажденій и даже чувствъ, но вѣдь это является условіемъ всего великаго, ибо великое никогда не можетъ осуществиться безъ содѣйствія сильной и безкорыстной страсти. Вотъ почему семинаріи являются такой благотворной средой для выдающихся умовъ и занимаютъ такое крупное мѣсто въ литературной статистикѣ. Даже ничтожность получаемаго тамъ образованія имѣеть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгодныя стороны: благодаря этому обстоятельству умъ молодыхъ людей сохраняетъ больше свободы, чѣмъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ преподаваніе слишкомъ строго опредѣлено. Старая схоластика, которую тамъ преподають, настолько не значительна, что никто не можетъ довольствоваться ею и всякій сберегаетъ собственную проницательность для самостоятельнаго мышленія. Положительное образованіе состоитъ тамъ, какъ и вездѣ, изъ того, что каждый пріобрѣтаетъ самъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи французскій духъ, болѣе склонный къ блестящему ораторскому изложенію, чѣмъ къ научному познанію, не испытываетъ особенно настоятельныхъ потребностей.

Я не вижу никакого преувеличенія въ утвержденіи, что Ламенне вышелъ изъ семинаріи вполне сложившимся, обладая всѣми существенными чертами. Первые пробы пера, напечатанныя имъ въ это время, настолько же совершенны по стилю, какъ и его самыя извѣстныя произведенія. Въ нихъ мы встрѣчаемся съ той же торжественностью и силой, которыя составляютъ отличительную черту его генія. У него былъ съ самаго начала широкій духовный слогъ, сохранившійся у него, не смотря на всѣ его превращенія. Этотъ звучный словарь съ рѣзкими оттѣнками онъ

примѣнялъ ко всевозможнымъ областямъ. Духовнымъ всегда присушь опредѣленный стиль, отъ котораго они никогда не могутъ отдѣлаться. Абсолютизмъ его положеній даетъ ему возможность принимать надменный тонъ, который очень мало присталъ бы философу. Такъ какъ принято думать, что священникъ говорить отъ имени Бога, то онъ получаетъ возможность, излагая свою мысль, принимать тонъ превосходства, котораго не могъ бы усвоить себѣ, не погрѣшая противъ скромности, человѣкъ, говорящій отъ собственнаго имени. Это бываетъ особенно непріятно въ полемикѣ, гдѣ вполне естественно равенство противниковъ. И дѣйствительно, трудно представить себѣ что-нибудь болѣе утомительное, чѣмъ католическая полемика, въ которой апологетъ старается усвоить себѣ всевозможныя выгоды положенія, недоступныя для критика. За то въ ораторскихъ произведеніяхъ подобное отношеніе къ вещамъ сверху внизъ производитъ довольно большое впечатлѣніе. Поэтому-то пастырскія посланія епископовъ нерѣдко читаются съ удовольствіемъ, а языкъ папскихъ буллъ, не содержащихъ ничего значительнаго, обладаетъ цѣльнымъ характеромъ и торжественной гармоніей.

По сравненію съ тѣми новыми результатами, которые были получены и вошли въ обращеніе въ области исторіи, критики и философіи, основныя идеи Ламенне кажутся несовершенными и отсталыми. Онъ не участвовалъ въ томъ великомъ движеніи научнаго обновленія, которое овладѣло умами послѣ той умственной пустоты, которую представляла изъ себя имперія. Движеніе это вызывало въ немъ только раздраженіе: онъ уже былъ слишкомъ законченнымъ человѣкомъ, чтобы мѣняться и учиться чему либо. Впрочемъ, такой абсолютный умъ вѣдь и не могъ быть любознательнымъ. Впрочемъ естественно, что человѣкъ, считающій себя обладателемъ истины, которую онъ получилъ путемъ откровенія извнѣ или отъ вдохновенія собственнаго генія, пренебрегаетъ труднымъ и скромнымъ путемъ изслѣдованія и смотритъ на отыскиваніе подробностей, какъ на простую причуду любителя. Я не сдѣлалъ бы этихъ замѣчаній, если бы на каждой страницѣ „Опыта о равнодушіи“ не шла рѣчь о предметахъ, которые относятся къ наукѣ и о которыхъ авторъ, по недостатку образованности, выражается крайне невѣрно. вмѣсто того, чтобы познакомиться съ результатами, уже достовѣрными или еще только вѣроятными, въ области филологическихъ и историческихъ наукъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться тѣми колоссальными трудами, которые создала Германія во всѣхъ отрасляхъ исторіи, и значеніе которыхъ онъ призналъ нѣсколько позже, вмѣсто того, чтобы самому стать въ ряды изслѣдователей, онъ предпочелъ держаться источниковъ, заимствованныхъ изъ десятыхъ рукъ и произвольно истолковывать ихъ данныя. Я знаю, что свѣтскіе люди мало заботятся о качествѣ образованія, предлагаемаго имъ: ихъ интересуется лишь пріятность и красота формы. Не смотря на мое почтеніе къ свѣтскимъ людямъ, я не могу согласиться съ ними по этому пункту. Прежде, чѣмъ говорить о чемъ-нибудь, необходимо обстоятельно познать этотъ предметъ, насколько это возможно. Вольтеръ писалъ Сидевиллю,

что онъ рѣшилъ не читать Литературной исторіи Франціи, которую томъ за томомъ терпѣливо составляли Бенедиктинцы конгрегаціей Saint Maur! Очень жаль! Онъ могъ бы избѣгнуть очень многихъ ошибокъ въ своихъ сужденіяхъ о среднихъ вѣкахъ, ихъ нравахъ и учрежденіяхъ, если бы болѣе тщательно изучилъ тотъ ученый трудъ, о которомъ онъ выражался такимъ развязнымъ тономъ. Точно такъ же Боссюэ всю свою жизнь писалъ о Библии и, не смотря на это, только въ послѣдніе годы ему пришло въ голову изучить древне-еврейскій языкъ. Замѣтите при этомъ, что онъ не колеблясь, подвергалъ преслѣдованіямъ Ришарда Симона, который очень хорошо зналъ этотъ языкъ. Большая часть вопросовъ, которыми занимаются такъ называемые писатели, входитъ въ область науки, а между тѣмъ писатель считаетъ ниже своего достоинства быть смѣшаннымъ съ ученымъ. Людямъ кажется, что своимъ непринужденнымъ видомъ они предохраняютъ себя отъ упрека въ педантизмъ, который возбуждаетъ въ насъ такія опасенія. Но и ученый будетъ вполне правъ, если улыбнется, встрѣчаясь съ стилистическими упражненіями, основанными на дурно выбранномъ матеріалѣ, въ то время, какъ мы безъ труда можемъ найти прекрасные источники по тому же вопросу. Разъ ктонибудь беретъ за подобные предметы, то онъ долженъ приступать къ нимъ во всеоружіи тѣхъ познаній, которыя необходимы для нихъ и которыя не могутъ быть замѣщены никакимъ краснорѣчіемъ.

Упрекъ этотъ относится не только лично къ Ламенне, но ко всей школѣ, которая во многихъ отношеніяхъ стоитъ такъ высоко и которая старалась въ первой половины XIX вѣка вернуть католицизму утраченный имъ престижъ. Школа эта, заслуги которой въ области философіи и эстетики несомнѣнны, не можетъ похвалиться тѣмъ же въ области эрудиціи. Это очень просто. Ученая часть стараго духовенства, пережившая революцію, или перешла въ ряды свѣтскихъ людей или же, подъ вліяніемъ янсенистскихъ и галликанскихъ теченій, не примкнула къ новой школѣ. Дону и донъ-Бріаль охотно подали бы другъ другу руки, если бы дѣло шло объ осужденіи идей, столь противорѣчащихъ привычкамъ ихъ духа. Въ области эрудиціи традиціи являются необходимымъ элементомъ, и никакія самыя похвальныя усилія не могутъ замѣнить ихъ. Шатобріанъ, въ такой значительной степени одаренный живой интуиціей времени и расъ, принужденъ былъ остановиться на порогѣ великой исторіи по недостатку своего образованія. Бональ, высказавшій цѣнныя соображенія относительно послѣдовательности философскихъ системъ, читалъ по исторіи философіи только Жерандо. Де-Местръ, одаренный умомъ чуткимъ къ очень многимъ вещамъ, ограничился іезуитской филологіей, курьезными образчиками которой являются „Петербургскіе вечера“. Точно такъ же и Ламенне держался старыхъ аргументовъ, которые уже сто лѣтъ тому назадъ смѣшили апологетовъ. Ему ни на минуту не приходитъ въ голову, что наука совершенно измѣнила свою фізіономію. Даже покинувъ церковь, онъ не обновился: по крайней мѣрѣ, въ области философіи онъ не пошелъ дальше своихъ школьныхъ замѣтокъ.

Такъ какъ онъ постоянно искалъ аргументовъ не для безпристрастной истины, а для того, чтобы подтвердить извѣстныя положенія, то онъ представлялъ изъ себя могущественную умственную машину, работающую надъ пустотой. Вѣра въ собственную непогрѣшимость помѣшала ему обращаться съ запросами на сторону и понять духъ истинной критики, которая отдается въ руки фактовъ, связанная по рукамъ и по ногамъ, и предоставляетъ имъ тащить ее туда, куда они хотятъ.

Пусть читатель не пойметъ моей мысли какъ нибудь превратно. Было бы смѣшно упрекать Ламенне въ томъ, что онъ не былъ точнымъ и умнымъ писателемъ, точно такъ же, какъ было бы странно упрекать какого нибудь трудолюбиваго эрудита въ томъ, что ему недостаетъ блестящаго воображенія. Обязанность критики состоитъ не въ сожалѣніяхъ о томъ, что люди были такими, а не иными, а въ томъ, чтобы объяснить, какими они были. Ламенне—отвергнутый наслѣдникъ великихъ средне вѣковыхъ папъ, такихъ, какъ Григорій и Иннокентій, рожденный для того, чтобы навязывать свое мнѣніе, а не для того, чтобы изслѣдовать, не могъ довольствоваться скромной, но плодотворной ролью человѣка, отдающагося своему дѣлу. Окруженный тѣми ловушками, которыя современное общество создаетъ для честолюбія, Ламенне могъ стать лишь главой партіи или школы. Всѣ его качества и недостатки заранѣе предназначали его для этой роли, которая, въ свою очередь, должна была увеличить его недостатки. Ничто такъ не умаляетъ человѣческаго ума, какъ бѣгство изъ свободной атмосферы человѣческаго духа въ сборище людей выдающихся, такъ какъ они привязаны къ извѣстной идеѣ, но второстепенныхъ потому, что они носятъ имя учениковъ. Эта губительная умственная система почти всегда вредитъ больше учителю, чѣмъ ученикамъ, и въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, школа потеряла своего учителя и создала учениковъ, болѣе вѣрныхъ его идеямъ, чѣмъ онъ самъ.

До него очень многіе вкладывали въ религіозную вѣру страсти и интриги; смѣлое нововведеніе Ламенне состояло въ томъ, что онъ сдѣлалъ изъ католицизма партію. Если выраженіе это заключаетъ въ себѣ святотатство, то отвѣтственность за него падаетъ на самого Ламенне. Лишь одна лига служила иллюстраціей того особеннаго положенія, которое стремится занять католицизмъ въ государствѣ: это недостаточно серьезное обращеніе къ демократіи, странная смѣсь революціоннаго духа и ретроградныхъ стремленій. Среди однообразія современной жизни все, объединяющее людей и создающее силу, стоящую внѣ государства, представляетъ явленіе настолько положительное, что католическая партія нерѣдко могла содѣйствовать прогрессу. Школа Ламенне была права, протестуя противъ древней схоластики, стремясь къ теологическому методу, болѣе приспособленному къ потребностямъ времени, создавая противовѣсъ нѣсколько исключительному университетскому духу. По всѣмъ этимъ пунктамъ она въ сущности одержала побѣду. Тенденціи ея сообщились всему духовенству въ то время, какъ основатель ея, увлекаемый своей судьбой, стремился къ другимъ горизонтамъ. Ламенне былъ для современ-

наго католическаго движенія тѣмъ же, чѣмъ былъ Сократъ для философскаго движенія древней Греціи: все беретъ свое начало въ немъ. Перемѣна, которой онъ жаждалъ такъ страстно, совершилась безъ него, вопреки ему и сопровождалась его проклятіями. Если бы онъ подождалъ еще нѣсколько лѣтъ, то увидѣлъ бы, что тѣ самые принципы, которые вызвали его осужденіе, стали руководящими началами католической политики. Но его искренность и его потребность говорить правду сильнымъ міра сего были настолько велики, что можетъ быть въ это время они поправились бы ему гораздо меньше, чѣмъ тогда, когда они вызвали неодобреніе робкихъ и крики посредственности.

Какъ бы тамъ ни было, полное торжество ультрамонтанизма и доктринъ крайняго фидеизма составляетъ дѣло рукъ Ламенне и самую ясную часть его наслѣдства. Съ точки зрѣнія политики мы убѣждены, что отклоненіе отъ старыхъ галликанскихъ правилъ было неблагоразуміемъ, въ которомъ Церковь раскается прежде всего; но съ точки зрѣнія эстетики или умственнаго движенія, нельзя отрицать, что новая католическая школа, созданная Ламенне, стоитъ выше старой школы. Хотя она, въ извѣстномъ смыслѣ, болѣе враждебна разуму, но за то въ другихъ отношеніяхъ она болѣе близка къ философіи. Она не смотритъ на свѣтскаго человѣка съ такимъ презрѣніемъ и отчужденіемъ, которыя были такъ смѣшны въ схоластической теологіи. Вмѣсто того, чтобы тратить время на мелкіе споры или ограничиваться ролью почтенныхъ служителей алтаря, не отвѣчающихъ потребностямъ времени, она принимаетъ участіе въ движеніи вѣка, принимается за проблемы и старается разрѣшить ихъ по своему. Я отнюдь не думаю отрицать, что это особенное направленіе, слегка приближающееся къ янсенизму и составлявшее до конца реставраціи одну изъ характерныхъ чертъ французскаго духовенства, носить въ высшей степени почтенный характеръ. Если же къ этому присоединяется нѣкоторый оттѣнокъ прежнихъ духовныхъ нравовъ, какъ это было, на примѣръ, въ братствѣ Св. Сульпиція, то получается одинъ изъ самыхъ пріятныхъ и трогательныхъ образовъ прошедшаго. Многие люди, усматривающіе опасность для свободнаго развитія духа въ слишкомъ большомъ значеніи духовенства, полагаютъ даже, что безобидная незначительность духовнаго образованія прежнихъ временъ была гораздо лучше притязаній школы, гораздо болѣе заслуживающей серьезнаго отношенія. Я не раздѣляю этого мнѣнія. Никогда не слѣдуетъ считать себя вполнѣ правымъ, а своихъ противниковъ годными только на то, чтобы быть пораженными. Напротивъ, мы должны желать, чтобы всякая идея нашла самое высшее свое выраженіе. Между всѣми элементами интеллектуальнаго развитія эпохи существуетъ солидарность. Великіе вѣка это именно тѣ, когда всѣ направленія имѣютъ выдающихся защитниковъ и вызываютъ стремленіе къ серьезному изученію и основательному размышленію.

Я вышелъ бы за предѣлы моей темы, еслибы сталъ излагать здѣсь, при помощи какихъ ассоціацій идей неокатолическая школа могла нѣкоторое время заключать въ себѣ самые разно-

образные элементы и какая роковая послѣдовательность привела ее къ самымъ противоположнымъ крайностямъ. Въ Ламенне я занимаюсь только человѣкомъ, а судьба школы, основанной имъ, осуществилась помимо его и вопреки его желанію. Это привело бы меня, кромѣ того, къ распутыванію двусмысленности, которая и въ наше время привлекаетъ для свободы нѣсколькихъ лишнихъ сторонниковъ. Для католика свобода вовсе не является, какъ для истиннаго либерала, правомъ cadaго человѣка вѣрить и дѣлать то, что кажется ему хорошимъ, лишь бы только свобода другихъ не терпѣла отъ этого никакого ущерба. Свобода католика есть всегда до нѣкоторой степени, свобода добра, право истины, т. е., конечно, право и свобода того, что является правдой и добромъ въ глазахъ католика. Я знаю, что многіе изъ католиковъ понимаютъ свободу болѣе правильно и готовы предоставить другимъ такую же самую свободу, какой они требуютъ для себя, но да будетъ мнѣ позволено сказать имъ, что въ этомъ отношеніи они расходятся съ основами своей религіи ¹⁾. Разъ только мы признаемъ безусловно истинность за какимъ нибудь ученіемъ, внѣ котораго нѣтъ спасенія, то для насъ будетъ немыслимо не создать для него привиллегій. Право истины важнѣе всѣхъ другихъ, и мы отдаемъ самую крупную услугу своимъ ближнимъ, если за какую бы то ни было цѣну доставляемъ имъ необходимое благо. Въ подобныхъ вопросахъ рѣшающее значеніе имѣетъ авторитетъ самой церкви. Послушаемъ слова энциклики папы Григорія XVI, осудившаго ученія Ламенне: „Изъ нечистаго источника индифферентизма вытекаетъ нелѣпый и ошибочный принципъ или скорѣе, то безумное требованіе, чтобы всѣ обладали свободой совѣсти. Путь къ этому губельному заблужденію подготовляется полной и безграничной свободой мнѣній, которая широко распространяется на погибель религіознаго и гражданскаго общества, благодаря тому, что нѣкоторые крайне ошибочно усматриваютъ въ ней пользу для религіи. Но св. Августинъ говорилъ: „что можетъ такъ скоро умертвить душу, какъ свобода заблужденія? Въ самомъ дѣлѣ, если всякая задержка будетъ устранена, то что можетъ остановить людей на тропинкѣ истины и удержать ихъ отъ паденія въ пропасть“? И дальше: „Сюда относится та губельная свобода, къ которой никогда нельзя испытывать достаточнаго отвращенія, — свобода книжной лавки, которая издаетъ всякое произведеніе, свобода, которой смѣютъ требовать и которую расширяютъ нѣкоторые съ такимъ шумомъ и рвеніемъ“ ²⁾. Письмо кардинала Паккакъ, Ламенне, объясняющее

¹⁾ Слишкомъ много времени понадобилось бы для того, чтобы привести здѣсь подробныя доказательства этого утвержденія. Я ограничусь здѣсь ссылкой на диссертацию каноника Муццарелли, теолога, пользующагося большимъ авторитетомъ въ Римѣ. Этотъ ученый доказалъ при помощи огромнаго числа текстовъ, что католикъ не можетъ исповѣдывать основныхъ доктринъ современнаго либерализма, не становясь въ противорѣчіе съ ученіемъ и практикой церкви во всѣ вѣка. Отрывки изъ этой диссертации были переведены въ V томѣ „Исторіи церкви“ Барона Анрионъ.

²⁾ *Atque ex hoc putidissimo indifferentismi fonte absurda illa fluit ac erronea sententia, seu potius deliramentum, asserendam esse ac vindicandam cui libet libertatem conscientiae. Cui quidem pestilentissimo errori viam*

значение энциклики, не оставляет никаких сомнений относительно смысла этих слов: „Святой отец также не одобряет и даже отвергает учения, относящиеся къ свободѣ исповѣданій и гражданской и политической свободѣ... Учение будущаго о свободѣ вѣроисповѣданій и свободѣ печати точно также заслуживаетъ крайняго порицанія и противорѣчитъ ученію, правиламъ и политикѣ церкви. Все это крайне поразило и огорчило святого отца. Подобныя доктрины могутъ быть терпимы въ нѣкоторыхъ, указанныхъ благоразуміемъ, обстоятельствахъ, какъ незначительное зло, но ни въ какомъ случаѣ ни одинъ католикъ не можетъ выставить ихъ, какъ нѣчто благое или какъ нѣчто желательное“¹⁾.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ разочарованія, на которое осуждены искреннія и благородныя сердца, вѣрующія въ возможность примиренія католицизма съ новѣйшими теченіями. Почти всегда сама церковь беретъ на себя задачу дать имъ почувствовать, что они заблуждаются и что единственно послѣдовательны тѣ изъ католиковъ, кто отвергаетъ всякую либеральную идею. Не наше дѣло настаивать на этомъ: непослѣдовательность въ нашихъ глазахъ не является особенно опаснымъ упрекомъ: нерѣдко она бываетъ похвалой. Если человекъ хоть разъ любилъ свободу, то отъ этого всегда остается что нибудь. Можно забыть о ней, чувствуя за собой силу, можно тяжело погрѣшить противъ нея, но если только въ человекѣ есть немножко благородной крови и великодушныя инстинкты, то онъ приходитъ въ себя. Всякая партія, каковы бы ни были ея принципы, является либеральной уже потому, что она представляетъ изъ себя партію.—Для служенія своему дѣлу ей необходимо обратиться къ свободѣ и возстать противъ административнаго деспотизма, который стремится обуздать интеллектуальныя и моральныя силы человечества.

Какъ бы тамъ ни было, нельзя отказать Ламенне въ томъ, что онъ съ такой проницательностью видѣлъ будущее католичества и изобрѣлъ всѣ тѣ военныя машины, которыми впоследствии съ такой ловкостью пользовалась католическая партія. Отъ него берутъ свое начало и такія нововведенія, какъ упорная борьба съ университетомъ, искусное изображеніе самыхъ широкихъ привилегій въ видѣ самыхъ законныхъ требованій свободы и рѣшительное преобладаніе публицистики надъ церковью. Современное состояніе церкви во Франціи есть именно то, котораго желалъ Ламенне въ 1825 году, и общее состояніе церкви все болѣе тяготеетъ къ этому идеалу. Католическая партія, сначала отвергнутая официальной церковью, стремится въ свою очередь стать официальной. К а т о л и ч е с к о е а г е н т с т в о, которое хотѣлъ основать

---

sternit plena illa atque immoderata libertas opinionum, quae in sacrae et civilis rei laebet late grassatur, dictantibus per summam impudentiam nonnullis aliquid ex ea commodi in religionem promonere. At quae pejor mors animae quam libertas erroris? inquiebat Augustinus. Freno quippe omni adempte, quo homines contineantur in semitis veritatis, prorutt jam in praecipua ipsorum natura ad malum inclinala... Huc spectat deterrima illa, ac nunquam salis execranda et detestabilis, libertas artis librariae ad scripta quaelibet edenda in vulgus, quam tanto convicio audent nonnulli efflagitare ac promoveri“.

¹⁾ Affaires de Rome, стр. 131-132.

Ламенне, нѣчто въ родѣ администраціи, главное управленіе которой должно находиться въ Римѣ и главнымъ орудіемъ которой должна быть журналистика, вошло въ сущности въ программу католической реакціи во всей Европѣ. Ламенне понялъ все это и присоединялъ къ этимъ стремленіямъ свой голосъ, но когда пожеланія его должны были осуществиться, то онъ уже заранѣе проклялъ ихъ. Онъ видѣлъ, что система національныхъ церквей, состоящихъ изъ епархій, организованныхъ на основаніи божественнаго права, терялась въ идеѣ католицизма, что феодализмъ или, другими словами, раздѣленіе верховной власти, стремился къ исчезновенію изъ церкви точно также, какъ изъ государства, что церковь всего міра повиновалась стремленію къ централизаци. Справедливость всѣхъ этихъ предсказаній по истинѣ достойна удивленія: я увѣренъ, что будущее подтвердитъ все то, что онъ такъ тонко предвидѣлъ.

Не рискуя пускаться въ пророческія предсказанія по такому трудному предмету, можно однако сказать, что мы находимся наканунѣ крупной революціи въ лонѣ католичества и даже что она уже совершилась. Тотъ типъ правительства, который Наполеонъ создалъ для Франціи, сталъ типомъ управленія церковью. Епископъ въ роли духовнаго владыки своей епархіи, устанавливающаго порядокъ литургіи и непосредственно обращающагося къ вѣрующимъ при помощи пастырскихъ посланій, уже не соответствуетъ современному состоянію міра и стремленію современныхъ обществъ къ крупнымъ аггломератамъ. Епископъ становится съ теченіемъ времени лишь представителемъ центральной власти, чѣмъ-то въ родѣ префекта. Что же уцѣлѣетъ при подобномъ состояніи церкви? Двѣ вещи: римская администрація и журналистика. Въ самомъ дѣлѣ, только одна журналистика способна къ центральной дѣятельности. Епископъ обращается къ нѣсколькимъ тысячамъ вѣрующихъ, разсѣяннымъ по территоріи въ нѣсколько квадратныхъ миль. Католическій журналистъ обращается ко всему христіанскому міру; онъ можетъ поучать даже въ епархіи того епископа, который борется съ нимъ, и говорить съ вѣрующими безъ разрѣшенія пастыря. Никто не обратилъ должнаго вниманія на эту революцію. Католическая журналистика заняла въ наше время мѣсто нищенствующихъ орденовъ тринадцатаго вѣка. Это власть, неподчиненная епископу, получившая свои полномочія отъ самого папы и проявляющая свою дѣятельность на территоріи епископа, безъ его участія. Епископская власть въ концѣ концовъ побѣдила религіозные ордена послѣ долгой борьбы, но побѣдитъ ли она журналистику? Во всякомъ случаѣ до сихъ поръ побѣда всегда оставалась на сторонѣ послѣдней. Мы видѣли, какъ архіепископъ чувствовалъ себя униженнымъ передъ журналистомъ, его прихожаниномъ. Мы уже приняли за правило, что священникъ не можетъ сдѣлать ничего съ журналомъ, который печатается въ его приходѣ. Вполнѣ очевидно, что управленіе церковью все болѣе подчиняется внѣ-епископскимъ вліяніямъ и что будущее принадлежитъ всему тому, что вблизи или издали будетъ производить въ католичествомъ центральное вліяніе.

Но подумайте только надъ другимъ слѣдствіемъ, вытекающимъ неизбѣжно изъ этихъ посылокъ! Центральная администрація, учрежденная въ Римѣ и предназначенная для того, чтобы привлекать къ себѣ все, не можетъ уже быть итальянскимъ папствомъ послѣднихъ вѣковъ, основаннымъ на традиціяхъ и привычкахъ римскаго духа. Папы имѣли ограниченную власть въ католичествѣ, и власть эта могла переходить къ Италиі. Но какъ только католицизмъ будетъ на самомъ дѣлѣ подъ властью Рима, то онъ пожелаетъ, чтобы Римъ былъ истиннымъ образомъ католицизма. Уже и теперь мѣстное духовенство имѣетъ въ Римѣ своихъ представителей, которые и теперь имѣютъ большое значеніе, а со-временемъ станутъ могущественны и отгѣснятъ чисто римскій механизмъ. Произойдетъ нѣчто подобное тому, что случилось въ свѣтскомъ Римѣ, когда онъ сталъ повелителемъ міра: Римъ пересталъ быть Римомъ, провинціи нахлынули на него, овладѣли имъ и сдѣлали изъ него свое правительство. Точно также папская власть возьметъ въ свои руки управленіе всѣмъ католическимъ міромъ, но послѣдній пожелаетъ тогда, чтобы власть эта носила католическій, а не итальянскій характеръ. Въ настоящее время близится къ осуществленію тотъ самый фактъ, который такъ часто и послѣдовательно совершался въ средніе вѣка, когда папская власть носила космополитическій характеръ. Точно такъ же, какъ въ средніе вѣка были папы изъ разныхъ націй, точно такъ же, какъ Римъ въ императорскую эпоху имѣлъ императоровъ, созданныхъ провинціями, такъ и въ Римѣ будутъ папы, чуждые Италиі, въ особенности Французы, потому что Франція почти всегда была исходнымъ пунктомъ католической партіи и надолго еще останется ея очагомъ. Вопросъ былъ поставленъ въ надлежащей формѣ, когда Пій IV призналъ, что, слѣдуя итальянской политикѣ, онъ теряетъ власть. Папская власть должна носить универсальный характеръ, число итальянцевъ въ римской администраціи будетъ все уменьшаться и уступать свое мѣсто иностранцамъ. Но какъ только Италиія перестанетъ получать пользу отъ папства, она не захочетъ его болѣе и не потерпитъ, чтобы значительная часть ея территоріи оставалась въ рукахъ администраціи, не имѣющей ничего итальянскаго. Что же слѣдуетъ изъ всего этого? Изъ этого слѣдуетъ, что папы покинутъ Италию и что до истеченія пятидесяти лѣтъ конклавъ избереетъ не-итальянскаго папу. Это будетъ послѣдняя побѣда католической партіи, которая окончательно возьметъ власть въ свои руки.

Въ 1832 году положеніе вещей было весьма далеко отъ осуществленія всего этого. Въ Римѣ при помощи какого-то предчувствія и съ обычной тонкостью поняли, что преданность Ламенне слишкомъ велика и не можетъ быть безкорыстной. Итальянцы вообще мало понимаютъ значеніе католической партіи. Риму свойственны болѣе спокойныя и болѣе политическія привычки; подобное чрезмѣрное усердіе тамъ всегда принимаютъ за слѣдствіе *fugia francese*, никогда не одобряютъ его настолько, чтобы скомпрометтироваться самимъ, и принимаютъ его сдержанно съ отгѣнкомъ тонкой ироніи. Конечно, папы поступаютъ

очень ловко, осуждая союзниковъ, желающихъ спасти ихъ для собственной выгоды. Почти всѣхъ апологетовъ, которые поднялись въ наше время на защиту церкви, постигло осужденіе. Конечно, такой методъ опирается на благоразумную неблагодарность, которая побуждаетъ власть называть своихъ публицистовъ только тогда, когда это приноситъ пользу интересамъ власти, но онъ вытекаетъ также изъ отношенія католицизма къ требованіямъ современнаго разума. Для того, чтобы защитить ортодоксію, приходится расходиться съ ней. Компромиссъ, при помощи котораго люди стараются быть одновременно либералами и католиками не можетъ существовать долго, вслѣдствіе взаимнаго отталкиванія насильно соединенныхъ элементовъ. Что же случится тогда? Остается или перестать быть либераломъ, остаться католикомъ, или перестать быть католикомъ и остаться либераломъ.

Что касается Ламенне, то уже тогда проницательный глазъ могъ предвидѣть въ немъ ту смѣлую эволюцію, которой онъ удивилъ міръ два года спустя. Трудно представить себѣ, чтобы этотъ пылкій епископъ примирился съ энцикликой, сталъ дисциплинированнымъ писателемъ и, согласно высшему приказанію, отказался отъ крайнихъ проявленій своего усердія. Нельзя произвольно пріобрѣсти умѣренность, послѣ такого горячечнаго произведенія, какъ „Будущее“; Ламенне оставалось только рѣшиться на разрывъ. Только новое ученіе, гордое, рѣшительное и не противорѣчащее его бурному темпераменту, могло отнынѣ дать пищу его страстямъ и тему для его громоваго стиля.

II

Въ одной индусской эпопеѣ есть странный эпизодъ. Какой-то пустынный былъ изгнанъ изъ неба Индры и при помощи своей мысли и своихъ заслугъ создаетъ новаго Индру и новое небо. Странное произведеніе, озаглавленное: „Римскія дѣла“, представляетъ подобное же зрѣлище. Спокойный тонъ, изящный вкусъ и искренность этой книги, несомнѣнно, дѣлаютъ большую честь Ламенне. Никто такъ достойно и скромно не сводилъ своихъ счетовъ съ прошедшимъ. Если человѣкъ, попавшій въ лабиринтъ мелкихъ интригъ, могъ вынести такія живыя впечатлѣнія объ Италіи и Римѣ въ частности, если среди этого рассчитаннаго ничтожества и сухости сердца,—характерныхъ чертъ римскаго міра,—онъ могъ проснуться для новой жизни и наслаждаться поэзіей, если въ книгѣ, содержащей изложеніе праздныхъ споровъ есть роскошныя страницы, свидѣтельствующія о любви къ одиночеству и къ внутренней жизни,—то все это служитъ несомнѣннымъ признакомъ благородной и избранной души. Въ то самое время, когда мелочность и зависть строятъ противъ него козни, Ламенне находитъ время для тонкихъ наблюденій и чувствъ. Онъ сохраняетъ воспоминаніе о простыхъ и благочестивыхъ отшельникахъ, и о своемъ возницѣ Паскалѣ. Повидимому, Италія вызвала въ немъ поэтическое движеніе какъ это обыкновенно бываетъ съ суровыми сѣверными натурами. Зимніе мѣсяцы 1832 года, проведенные имъ въ Фраскати у Театицевъ, представляютъ, вѣроятно, время самага благочестиваго и самага сосредото-

точеннаго настроенія. Врядъ ли удастся кому-нибудь понять тѣ мечтанія о золотомъ вѣкѣ, которыя тогда посѣтили эту богатую и чистую душу. Взрывъ, который совершился въ слѣдующемъ году, уже тогда кипѣлъ къ его груди. Борьба съ внѣшними препятствіями лишь возвышала и смягчала его душу. Какъ очаровательно рассказано посѣщеніе камедуловъ въ окрестностяхъ Альбано! Это стремленіе къ покою какъ-то не мирится съ положеніемъ священника, ведущаго горячую полемику! „Мы хорошо понимаемъ ту привлекательность, которую имѣетъ отшельническая жизнь для души, утомленной міромъ и разочаровавшейся въ своихъ иллюзіяхъ. Кто не испытывалъ стремленія къ чему-либо подобному? Кто не обращалъ своихъ взоровъ къ пустынѣ и не мечталъ о покоѣ въ укромномъ уголкѣ чаши или въ горной пещерѣ, возлѣ неизвѣстнаго источника, гдѣ птицы небесныя утоляютъ свою жажду? Однако, не таково истинное назначеніе человека: онъ рожденъ для дѣйствія и долженъ исполнить свою задачу. Что за важность, если она очень тяжела! Вѣдь она дается тому, кто принимаетъ ее съ любовью. Однако, бываетъ такое время, когда смѣлость, повидимому, ослабѣваетъ, когда люди задаютъ себѣ вопросъ, не гонятся ли они за химерой, стремясь къ благу, которое, повидимому, такъ легко достижимо, но въ дѣйствительности встрѣчаетъ такое множество препятствій, и когда при каждомъ дыханіи на груди чувствуется тяжесть неизмѣримой скуки. Я нерѣдко убѣждался, что въ подобныя минуты видъ природы, болѣе близкое соприкосновеніе съ ней, постепенно успокаиваетъ внутреннее смятеніе... Лѣсной мракъ, журчаніе текущаго капля за каплей источника, пѣніе птицъ въ кустахъ, жужжаніе насекомыхъ, яркія цвѣта и запахъ цвѣтовъ, колыханіе травы, колеблемой вѣтромъ,—все это и кромѣ того обильныя испаренія жизни, той ясности, которую Богъ проливаетъ потоками въ нѣдра своего творенія, вѣчно юнаго и вѣчно приспособленнаго для видимой цѣли—таинственнаго счастья всѣхъ существъ и cadaго существа въ частности,—оживляютъ увядшую душу, роняютъ въ нее новое сѣмя и возстановляютъ ея угасшую силу“.

Нужно сознаться, что этотъ добросовѣстный рассказъ производитъ впечатлѣніе весьма выгодное для Ламенне. Самая мысль о путешествіи, простота, съ которой онъ отправился въ Римъ въ полной увѣренности, что его пылкая вѣра и страстная любовь къ справедливости побѣдятъ все, наивное разочарованіе при видѣ римскихъ прелатовъ, которые рѣшились не понимать и не слушать его идей, его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что дипломатическія ноты, исходящія отъ схизматическихъ державъ, имѣютъ гораздо больше значенія въ Римѣ, чѣмъ чистые доводы евангельскаго рвенія и вѣры,—вотъ черты удивительной чистоты характера. Когда три скромныхъ христіанина, какъ онъ называлъ ихъ ¹⁾, направлялись къ городу, священному, по ихъ мнѣнію, то они по-истинѣ были представителями другого вѣка по наивной простотѣ своей вѣры. Въ этотъ моментъ Ламенне напоминаетъ мнѣ другого своего соотечественника, кармелитанца Конекту, ко-

¹⁾ Ламенне, Монталамберъ, Лякордеръ.

торый отправился изъ Ренна въ 1432 году для того, чтобы побудить къ реформамъ папу и кардиналоу. Онъ былъ сожженъ, какъ еретикъ, а Ламенне вернулся, но потерялъ вѣру. „Нѣкоторымъ душамъ, говоритъ онъ, свойственна простота, мѣшающая понять много вещей, особенно тѣхъ, изъ которыхъ складывается реальный міръ. Человѣкъ не надѣется найти его совершеннымъ (это была бы уже не простота, а безуміе), но все-таки думаетъ, что между міромъ и идеальнымъ типомъ его, созданнымъ спекулятивными послылками, существуетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая аналогія. Трудно придумать что нибудь болѣе обманчивое, чѣмъ эта мысль. Она тщательно внушается народу для того, чтобы легче было править имъ, и въ этомъ отношеніи она можетъ играть по временамъ роль условнаго блага. Она также вполне естественна для возвышенныхъ и чистыхъ умовъ. Правда, опытъ разубѣждаетъ ихъ, но это бываетъ обыкновенно слишкомъ поздно“.

Я знаю, что люди, враждебные Ламенне, могутъ воспользоваться его колебаніями, его неловкими и противорѣчивыми шагами, которые онъ дѣлалъ по возвращеніи во Францію; но рѣзкій переломъ всей жизни не совершается въ одинъ день. Впрочемъ, суровость духа очень часто мирится съ нѣкоторой нерѣшительностью въ практической жизни. Вѣра Ламенне всегда носила болѣе политическій и моральный характеръ, чѣмъ догматическій и научный. Онъ прежде всего стремился къ извѣстному направленію, которое онъ считалъ самымъ лучшимъ и самымъ справедливымъ. Разъ ему доказали, что то направленіе, о которомъ онъ мечталъ, непримиримо съ католицизмомъ, то трудно было требовать отъ него вѣрности ученію, которое оказалось совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ его считалъ. По догматическимъ вопросамъ онъ сдѣлалъ всѣ требуемыя отъ него уступки; онъ сохранилъ лишь за собой священное право всякой совѣсти быть судьей своего поведенія. Онъ не дошелъ до того героическаго отреченія, которое нисколько не удивляется тому, что человѣкъ держится сегодня однихъ мнѣній, а завтра совершенно противоположныхъ. Если даже предположить, что онъ оставилъ католичество отнюдь не по строго научнымъ побужденіямъ, то это вовсе не бросаетъ тѣни на его честность. Очень немногіе становятся вѣрующими или покидаютъ вѣру на основаніи достаточныхъ доказательствъ. Прийти къ вѣрѣ можно тысячами путей и тысячами путей уйти онъ неа. Упрекъ въ гордости, который ортодоксы примѣняютъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, неоснователенъ. Кромѣ того, слово это у христіанскихъ моралистовъ имѣетъ очень странное значеніе: по временамъ оно служитъ для обозначенія драгоценныхъ качествъ и даже добродѣтелей. Но Ламенне въ извѣстномъ смыслѣ былъ менѣе гордъ, чѣмъ кто бы то ни было: въ основѣ его натуры лежали простота и искренность. Въ душу его никогда не проникало вульгарное честолюбіе, которое предпочитаетъ официальные почести прочной славѣ и которое побуждаетъ человѣка, одержимаго имъ, не жить для того, чтобы не стать „невозможнымъ“, какъ говорятъ теперь. Гордый человѣкъ былъ бы сломленъ неудачами и оскорбленіями; которыя ему пришлось вынести; душа менѣе безкорыстная потеряла бы свою

наивность и свѣжесть, но духъ Ламенне вышелъ изъ всего этого болѣе живымъ и творческимъ, чѣмъ прежде. Суетный умъ трагилъ бы время на безплодныя выраженія своей досады, а Ламенне сталъ болѣе совершеннымъ подѣ вліяніемъ испытанія. Униженіе не только не подавило его, но возвысило его и очистило. Поэтическое сотрясеніе его души создало вдохновенныя слова, которыя смѣло и вполнѣ вѣрно онъ назвалъ „словами вѣрующаго“, хотя въ это время онъ уже утратилъ свою первоначальную вѣру.

Весной 1833 года Ламенне, уединившись въ Кеснэ, написалъ ту странную книгу, которую слѣдуетъ хвалить безъ всякихъ ограниченій, подѣ условіемъ, конечно, что никто не захочетъ подражать ей. Всѣ страсти его души, всѣ долго сдерживаемыя бурныя порывы, нѣжность и благочестіе,—все это ударило ему въ голову, какъ опьяненіе, и казалось великолѣпнымъ апокалипсисомъ, истинной оргіей гнѣва и любви. Два основныя качества Ламенне: простота и величіе—свободно развиваются въ этихъ маленькихъ поэмахъ, въ которыхъ тонкое и истинное чувство вполнѣ гармонично заполнило законченную схему. Онъ отказался отъ поэтическаго ритма, который не соотвѣтствовалъ болѣе скорѣе ораторскому, чѣмъ лирическому характеру его мыслей и, основываясь на воспоминаніяхъ изъ Библии и другихъ образчиковъ духовнаго стиля, онъ создалъ тутъ величественную и гармоническую форму, которая представляетъ единственный примѣръ геніальнаго подражанія во всей литературной исторіи. Онъ настолько усвоилъ себѣ слогъ псалмовъ и пророковъ, что управлялъ имъ вполнѣ свободно, какъ формой, вполнѣ естественной для его духа. Впрочемъ, благочестіе пережило его вѣру и кажется, что духъ его прежнихъ вѣрованій возродился подѣ вліяніемъ вѣтра, который долженъ былъ сломить ихъ. Какое то очарованіе наполняетъ меня, когда я читаю эти краснорѣчивыя страницы, на которыхъ внутреннія смятенія великой души нашли такое глубокое выраженіе. Только особенности бретонской природы, въ которой суровость присутствуетъ наряду съ тоской и гдѣ подѣ кажущейся грубостью скрывается безконечная нѣжность, могутъ объяснить тѣ рѣзкія мѣста, странныя повторенія, въ которыхъ кровавыя параболы окружаютъ невыразимо кроткія мечтанія, подобно счастливымъ островамъ, окруженнымъ океаномъ гнѣва. Все смѣнялось въ этой страстной душѣ, какъ въ миражѣ. Подобно паломнику, который совершилъ путешествіе по катакомбамъ св. Патриція и, возвратясь изъ своего подземнаго путешествія, смѣшивалъ адскія и небесныя видѣнія, Ламенне бросаетъ среди страницъ, пылающихъ ненавистью, подобные зеленѣющіе оазисы:

„Когда послѣ долгаго бездождія кроткій дождь падаетъ на землю, она жадно пьетъ небесную влагу, которая освѣжаетъ и оплодотворяетъ ее.

„Такъ жаждущіе народы жадно будутъ пить слово Божіе, когда оно сойдетъ на нихъ, какъ теплый потокъ.

„Справедливость и любовь, міръ и свобода взойдутъ въ ихъ сердцахъ.

„И будетъ такъ, какъ тогда, когда всѣ люди были братьями, и никто не услышитъ болѣе ни голоса господина, ни голоса рабовъ, ни стоновъ бѣднаго, ни вздоховъ угнетеннаго, а лишь веселое пѣніе и благословенія.

„Отцы скажутъ своимъ сыновьямъ: наши первые дни были полны смятенія, слезъ и безпокойства. Теперь солнце, восходя и заходя освѣщаетъ нашу радость. Благословенъ Богъ, давшій намъ возможность увидѣть всѣ эти блага передъ смертью!

„И матери скажутъ своимъ дочерямъ: смотрите на насъ, теперь мы спокойны, но когда-то горе, печаль и безпокойство вырыли на нашемъ челѣ глубокія морщины. Ваше чело подобно поверхности озера весной, когда никакой вѣтеръ не колеблетъ его. Благословенъ Богъ, что онъ далъ намъ увидѣть все это передъ смертью!

„И молодые люди скажутъ молодымъ дѣвушкамъ: вы прекрасны, какъ полевые цвѣтки, чисты какъ роса, освѣжающая ихъ, какъ свѣтъ, красиво окрашивающій ихъ. Намъ пріятно видѣть нашихъ отцовъ, пріятно быть возлѣ нашихъ матерей; но когда мы видимъ васъ и находимся около васъ, то въ нашей душѣ происходитъ нѣчто такое, что можно назвать лишь въ небѣ. Благословенъ Богъ за то, что онъ далъ намъ видѣть всѣ эти блага передъ нашей смертью!

„И молодыя дѣвушки отвѣтятъ: цвѣты вянутъ, исчезаютъ; приходитъ день, когда роса перестаетъ освѣжать, свѣтъ красиво окрашивать ихъ. Только одна добродѣтель на землѣ не вянетъ и не проходитъ. Наши отцы подобны колосу, который наполняется зернами къ осени, и наши матери подобны винограднымъ лозамъ, отягченнымъ гроздьями. Намъ сладко видѣть нашихъ отцовъ, сладко быть рядомъ съ нашими матерями. Также мягки сыновья нашихъ матерей и нашихъ отцовъ. Благословенъ Богъ, показавшій намъ эти блага передъ смертью“.

И дальше:

„Въ тотъ часъ, когда востокъ начинаетъ омрачаться, когда всѣ звуки затихаютъ, онъ шелъ вдоль желтѣющихъ посѣвовъ по пустынной тропинкѣ.

„Пчела уже вернулась въ улей и птица укрылась въ свое ночное убѣжище, листья неподвижно спали на своемъ стеблѣ. Печальное и кроткое молчаніе царило надъ уснувшей землей.

„Въ спокойномъ воздухѣ слышался одинъ лишь голосъ, — далекій звукъ деревенскаго колокола.

„Онъ говорилъ: помните о мертвыхъ.

„И, какъ бы подъ вліяніемъ мечтаній, ему почудилось, что къ этому воздушному голосу примѣшивается слабый и смутный голосъ мертвыхъ.

„Вернетесь ли вы къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ совершилось ваше кратковременное странствіе и станете ли искать тамъ воспоминаній о радостяхъ и скорбяхъ, которыя минули такъ скоро?

„Вы исчезли, какъ дымъ, выходящій изъ нашихъ соломенныхъ хижинъ и внезапно разсѣивающійся по воздуху.

„Ваши могилы зеленѣютъ тамъ внизу, подъ старымъ тисомъ кладбища. Когда влажные порывы запада шумятъ въ высокой

травѣ, то можно подумать, что это стонуть духи. Вы ли это супруги смерти трепещете на вашемъ таинственномъ ложѣ?

„Теперь вы спокойны: у васъ нѣтъ болѣе ни заботъ, ни слезъ. Теперь для васъ свѣтятъ болѣе прекрасныя звѣзды, болѣе лучезарное солнце наводняетъ своимъ блескомъ поля, воздушныя моря и безконечныя горизонты.

„О! говорите мнѣ о тайнахъ того міра, который предчувствуютъ мои желанія, на лонѣ котораго жаждетъ покоиться моя душа, утомленная мракомъ земнымъ. Говорите мнѣ о томъ, кто одинъ только можетъ напомнить бездну, вырытую имъ во мнѣ.

„Послѣ долгаго ожиданія, смягчаемаго вѣрой, пришелъ вашъ часъ, братья! Придетъ и мой часъ, и кто нибудь другой послѣ дневного труда будетъ возвращаться въ свою хижину и услышитъ голосъ: помните о мертвыхъ!“

Я хорошо знаю, какія важныя возраженія могутъ вызвать оригинальныя произведенія Ламенне, въ которыхъ онъ въ наше время далъ исходъ пожирающей его страсти, если разсматривать ихъ, какъ произведенія политическія или философскія. Произведенія эти слѣдуетъ разсматривать, какъ поэмы, полныя дыханія и жизни, а не какъ теоріи, выработанныя критически и при помощи мышленія. Параболическій слогъ, усвоенный имъ требуетъ рѣшительнаго дѣленія людей добрыхъ и злыхъ, на жертвъ и палачей, что не имѣетъ основанія въ дѣйствительности. Проблема организаціи людей вовсе не такъ проста, какъ ему кажется, и королямъ можно извинить, что они не разрѣшили ея. Аристократы вовсе не всѣ являются союзниками сатаны; они чаще всего застаютъ существованіе неравенства, а не создаютъ его. Много неизбѣжнаго зла представлено Ламенне какъ результатъ чьей либо вины. Я повторяю, что это было бы очень странно въ произведеніи, посвященномъ соціальной наукѣ. Въ мірѣ зло такъ тѣсно связано съ добромъ, что невозможно бываетъ отдѣлить одно отъ другого, а уничтожая злоупотребленія мы тѣмъ самымъ уничтожили бы условія существованія самого общества. Но искусство требуетъ рѣшительнаго, заранѣе составленнаго мнѣнія: для того, чтобы возбудить ненависть къ злу и любовь къ добру оно создаетъ абсолютныя типы, которыхъ мы тщетно искали бы въ реальномъ мірѣ.

Крайне демократическое направленіе, къ которому присоединился Ламенне, кажется многимъ чѣмъ-то въ родѣ пропасти, куда онъ бросился въ отчаяніи послѣ того, какъ уже потерялъ вѣру и, такъ сказать, попалъ въ руки фурій. Этотъ поворотъ былъ гораздо болѣе послѣдователенъ, чѣмъ можетъ казаться, и былъ связанъ со складомъ его ума. Подобно всѣмъ гордымъ и оригинальнымъ натурамъ, Ламенне очень сильно ощущалъ потребность въ свободѣ. Съ 1814 года мы видимъ, какъ онъ возмущается по поводу ограниченія свободы печати ¹⁾. Я сомнѣваюсь, желалъ ли онъ искренно этой свободы для другихъ, но во всякомъ случаѣ онъ желалъ ея для самого себя и видѣлъ, что единственное сред-

¹⁾ Смотр. отрывки корреспонденціи, приведенныя Сентъ-Бевомъ въ превосходной статьѣ, посвященной Ламенне (Portraits contempor. t.).

ство достигнуть ея состоитъ въ томъ, чтобы требовать ея для всѣхъ. Впрочемъ, политика духовенства,—конечно не высшаго духовенства, которое всегда вело очень свѣтскую политику,—а политика священниковъ и монаховъ,—принимала форму обращенія къ народу. Ламенне былъ прямымъ наслѣдникомъ демократическихъ монаховъ Италіи: Савонароллы, Іоанна изъ Висенса,—тѣхъ смѣлыхъ францисканцевъ, которые были привязаны къ папской власти, когда она содѣйствовала ихъ цѣлямъ, и которые становились самыми непримиримыми врагами ея, когда она переставала поддерживать ихъ. Послѣ революціи 1830 года эта черта начинаетъ играть у Ламенне все бѣльшую и бѣльшую роль, все большее значеніе. Когда его воспримчивый характеръ и воображеніе пришли въ возбужденіе, то онъ сталъ воспринимать самымъ трагическимъ образомъ всѣ самыя простыя полицейскія мѣры: самый безобидный жандармъ казался ему сбиромъ, обрызганнымъ кровью. Нѣсколько неловкихъ шаговъ, сдѣланныхъ второстепенными чиновниками, выводили его изъ себя, и новый режимъ принялъ въ его глазахъ видъ самаго страшнаго деспотизма. Республиканскія возстанія 1832 и 1834 года окончательно лишили его разсудка. Борьба съ возстаніями привела къ насиліямъ, избѣжать которыхъ не могутъ самыя лучшія правительства. Репресалии—очень грустная роль; при этомъ человекъ производитъ крайне невыгодное впечатлѣніе и жестоко упрекаетъ правительство въ безчеловѣчности за мѣры строгости, къ которымъ его принудили прибѣгнуть. Странно, что чѣмъ болѣе честно правительство, тѣмъ менѣе прощаютъ ему въ этомъ отношеніи: *dat veniam corvis, vexat sensu a columba s.* Ламенне считалъ вполне естественнымъ, когда реставрація защищалась противъ либеральной партіи, но не могъ простить послѣдней того, что она защищается отъ партіи ультра-революціонной. Спускаясь по ронской долиинѣ во время этихъ движеній, онъ замѣчалъ, что противъ него всюду принимаются мѣры предосторожности. Это приводило его въ отчаяніе и онъ видѣлъ повсюду лишь море крови. Къ этому моменту относится его обращеніе. Легитимистская партія почти вся повиновалась тому же чувству, и такимъ образомъ возникло движеніе, которое присоединило къ демократической партіи нѣкоторое число выдающихся легитимистовъ.

Итакъ, въ той перемѣнѣ фронта, при помощи которой Ламенне перешелъ отъ самаго крайняго католицизма къ самой пылкой демократіи, нѣтъ ничего удивительнаго. Его невозмутимая діалектика увлекала его къ рѣшительнымъ и безусловнымъ положеніямъ: его могли удовлетворить католицизмъ или демократія. Такъ какъ католицизмъ призналъ невозможнымъ соединеніе этихъ двухъ элементовъ и заставилъ его сдѣлать выборъ, то онъ искалъ въ демократіи, которая была всегда его первой потребностью, героическаго и грандіознаго дѣла, за которое онъ могъ бы бороться и страдать. Подобно всѣмъ бурнымъ умамъ, онъ больше всего проклиналъ умѣренную партію. Къ республиканской партіи его влекли потребность въ негодованіи, живое чувство человѣчества и справедливости,—всѣ тѣ связи, которыя устанавливаются между людьми, которые являются жертвами одной

власти или считаютъ себя таковыми. Его мечты о совершенствѣ постоянно приводили его, какъ къ идеалу, къ первымъ вѣкамъ христіанства и побуждали его смотрѣть на преслѣдованіе, какъ на первый признакъ истинности: поэтому онъ всегда хотѣлъ быть въ числѣ тѣхъ, кто страдаетъ. Наконецъ, глубокое чувство доброты и состраданія, которое онъ всегда сохранялъ подъ платьемъ священника и которое выражалось у него живой нѣжностью, придавало въ его глазахъ глубокую прелесть всему чистому и возвышенному въ народныхъ чувствахъ. Такъ какъ народъ является представителемъ инстинктовъ человѣческаго сердца во всей ихъ произвольности, то гениальный человѣкъ испытываетъ къ нему естественную симпатію и приближается къ нему гораздо больше, чѣмъ классы, занятые грубыми удовольствіями и интересами, не имѣющими въ себѣ ничего великаго.

Трудно не испытать сожалѣнія при видѣ крайностей, которыми далъ себя увлечь Ламенне, стремясь къ новому идеалу. Въ демократѣ проявился мрачный и фанатическій священникъ. Его стремительный гений, мѣняя предметъ почитанія, измѣнилъ лишь направленіе своей ненависти и во второмъ случаѣ проявилъ такое же страстное отношеніе къ дѣлу, какъ и въ первомъ. Никогда никто не проявилъ такой способности къ забвенію всего того, во что онъ вѣрилъ, и никогда еще никто не чувствовалъ себя послѣ разочарованія настолько свѣжимъ и готовымъ къ воспріятію другого вѣрованія. Его мысли были въ этотъ моментъ настолько заняты, что онъ совершенно потерялъ изъ виду всѣ тѣ мысли, которыя царили въ его умѣ нѣсколько раньше. При видѣ этихъ быстрыхъ измѣненій умы не столько тонкіе, какъ основательные могутъ задать себѣ вопросъ: дѣйствовалъ ли онъ по убѣжденію?—Конечно, да; и если можетъ быть излишество въ искренности, то я готовъ сказать, что онъ грѣшилъ излишней убѣжденностью, потому что совершенно не могъ управлять беспорядочными движеніями своей мысли. Вѣра рождалась въ его умѣ, какъ какое-то навожденіе, которое навязывалось ему насильно, овладѣвало его способностями и внушало ему рѣчи, которыя были сильнѣе его самого. Потомъ, когда ему удавалось вылить занимавшую его идею въ форму своего огненнаго стиля, онъ опьянялся собственнымъ видѣніемъ. Такимъ образомъ то, что минутой раньше возбуждало его гнѣвъ, теперь становилось объектомъ его вѣры, при чемъ никакое воспоминаніе о своемъ прошедшемъ и никакая сдержанность по отношенію къ будущему не умѣряетъ его неумѣреннаго догматизма.

Пусть читатель замѣтитъ, что мы упрекаемъ Ламенне вовсе не за измѣненія, а за безусловность его измѣненій, а также за то, что у него ничего не оставалось отъ оставленной вѣры, за то, что онъ рѣзко переходилъ отъ любви къ ненависти. Когда ему говорили объ этихъ измѣненіяхъ, онъ обыкновенно возражалъ: „Мнѣ искренно жаль человѣка, который никогда не мѣнялся“. И онъ былъ правъ, если подъ измѣненіемъ понимать рациональное развитіе ума, обнимающаго съ каждымъ днемъ все болѣе широкіе горизонты и не забывающаго о тѣхъ элементахъ добра и истины, которые были въ предыдущихъ состояніяхъ. Но измѣне-

нія Ламенне были другого рода. Сегодня онъ вѣровалъ, а завтра проклиналъ предметъ своей вѣры. Этимъ онъ обнаружилъ недостатокъ критическаго духа, потому что въ основѣ критики лежитъ принципъ, что ученіе можетъ пріобрѣтать сторонниковъ только тѣмъ, что въ немъ есть законнаго. Мы посчитали бы себя оскорбленными, еслибы предположили, что мы могли вѣрить въ нѣчто такое, въ чемъ не было ничего истиннаго или пріятнаго. Еслибы вмѣсто того, чтобы оставлять христіанство по тѣмъ соображеніямъ, въ которыхъ политика и страсти играли большую роль, чѣмъ холодный разумъ, онъ вышелъ бы изъ него черезъ царскія врата исторіи и критики, то онъ сохранилъ бы спокойствіе и избѣжалъ бы рѣзкихъ противорѣчій, которыя въ глазахъ многихъ запятнали его честность.

Когда я пробую создать идеальный образъ Ламенне согласно требованіямъ моего сердца, то я постоянно кончаю сожалѣніемъ о томъ, что, покинувъ вѣру, которой онъ посвятилъ сначала всѣ лучшія силы своей души, онъ въ то же время не отказался отъ дѣятельной жизни. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы, становясь мыслителемъ и поэтомъ, онъ пересталъ заниматься міромъ и его революціями и, сохраняя благородную надежду на будущее человечества, удалился отъ вѣка, который не хотѣлъ слушать его призывовъ къ спасенію души. Тогда, освободившись отъ всѣхъ обязанностей передъ человечествомъ, онъ могъ бы продолжать свои странствія въ области духа и сохранилъ бы свою зрѣлость, богатую опытомъ и разочарованіями, для одного искусства. Ламенне не было свойственно такое отреченіе или, лучше сказать, такой эгоизмъ. Первый опытъ не отбилъ у него охоты къ дѣйствию. Онъ вернулся къ нему и снова наткнулся на тѣ же утесы. Человѣкъ, желающій оказывать вліяніе на другихъ, самъ неизбежно попадаетъ подъ чужое вліяніе. Ламенне постоянно хотѣлось видѣть вокругъ себя свиту учениковъ. Подъ вліяніемъ бурнаго характера, который стремится къ власти для того, чтобы проявлять ее во имя чего нибудь несомнѣннаго и подъ вліяніемъ потребности, которая побуждаетъ повелительные умы овладѣвать свободой другихъ, онъ предпочиталъ имѣть дѣло съ посредственными умами. Такимъ образомъ для того, чтобы обезпечить себѣ превосходство, онъ нерѣдко долженъ былъ подпадать подъ власть менѣе достойныхъ. И вообще, онъ никогда не переставалъ въ той или иной формѣ быть человѣкомъ школы или партіи.

Благодаря благородному, но не благоразумному усердію, которое не давало Ламенне возможности пользоваться присущей мудрецу наградой, онъ нерѣдко обнаруживалъ себя такими сторонами, которыя не возвышали его надъ уровнемъ обыденнаго человѣка. Немногіе умы были настолько лишены всѣхъ свойствъ, необходимыхъ для веденія практическихъ дѣлъ. Великія способности генія, предназначенныя для того, чтобы утѣшать и плѣнять человечество, находятъ очень малое примѣненіе, когда приходится управлять имъ; для этого гораздо болѣе подходитъ обыкновенный, но опытный человѣкъ, и не трудно показать, что всѣ качества наиболѣе знаменитыхъ людей дѣла суть ничто иное, какъ извѣстный родъ посредственности. Конечно, для мыслителя очевь

тяжело видѣть, что меньшія заслуги или интриги успѣваютъ тамъ, гдѣ его встрѣчаетъ неудача, не смотря на то, что онъ развиваетъ всѣ свои способности. Но, съ другой стороны, никто не обязанъ оказывать услугъ, на которыя никто не соглашается и не требуетъ. Міръ не только не нуждается въ насъ, но лучше всего преуспѣваетъ именно тогда, когда у насъ есть достаточно времени для того, чтобы думать всласть. Міръ обходится безъ насъ,—будемъ же и мы обходиться безъ него. Ламенне никогда не могъ рѣшиться на такое отреченіе. „Если только,—говорить онъ въ одномъ мѣстѣ,—человѣкъ обладаетъ крупными познаніями, если его умъ обнимаетъ широкіе горизонты, постигаетъ много предметовъ, легко понимаетъ ихъ и приводитъ въ систему, или же если онъ, проникая въ глубь вещей, видитъ то, чего не видятъ другіе, если онъ ищетъ причинъ въ слѣдствіи, законовъ въ феноменахъ и рассуждаетъ глубоко и правильно, то о немъ тотчасъ скажутъ: „это теоретикъ, спекулятивный умъ, совершенно негодный для практической дѣятельности!“ Берегитесь! Скоро намъ придется опредѣлять дѣловаго человѣка, практическаго дѣятеля, государственнаго человѣка точно такъ же, какъ дурака. Это правда. Но только дѣло въ томъ, что въ практической сферѣ высшій человѣкъ, котораго описываетъ Ламенне, не можетъ примѣнить всѣхъ своихъ способностей, въ то время, какъ обыкновенный человѣкъ пользуется всѣми своими правами. Если бы защита глупости не вызвала такой немилости на голову Эразма, то я предложилъ бы моралистамъ на разсмотрѣніе интересный парадоксъ: Аполлогію дураковъ. Люди недостаточно думаютъ, какія услуги отдастъ міру посредственностью, какъ велики заботы, отъ которыхъ она насъ освобождаетъ и какой признательностью обязаны мы ей.

Вообще недостатки Ламенне вытекаютъ изъ слишкомъ абсолютныхъ сужденій о людяхъ и вещахъ. Онъ не видѣлъ того; что въ основѣ вѣжливости лежитъ справедливость и философское отношеніе; онъ не понималъ того, что въ почтеніи подчасъ бываетъ оттѣнокъ ироніи. Его слогу свойственны формы тяжелыя и полная гнѣва: въ нихъ никогда не бываетъ легкой и тонкой шутки. Грубость выраженій нерѣдко нарушаетъ чистоту его вкусовъ. Ему приходитъ въ голову, что онъ совершенно правъ, и онъ начинаетъ негодовать противъ тѣхъ, кто, подобно ему, не видитъ того, что ему кажется очевиднымъ. У него слишкомъ много гнѣва и слишкомъ мало презрѣнія. Литературныя послѣдствія этого очень серьезны: гнѣвъ ведетъ къ декламаціямъ и къ дурному вкусу; презрѣніе, напротивъ, создаетъ тонкій слогъ. Гнѣвъ нуждается въ томъ, чтобы его раздѣляли другіе; онъ нескроменъ, потому что стремится сообщить о себѣ другимъ. Презрѣніе есть тонкое и роскошное удовольствіе, которымъ человѣкъ наслаждается одинъ! Онъ скроменъ потому, что онъ существуетъ самъ по себѣ. Въ этомъ отношеніи мнѣ невольно хочется противопоставить Ламенне другого человѣка, который, подобно ему, былъ священникомъ и даже преподавалъ теологію; это—Дону. Вѣра его, быть можетъ, угасла еще болѣе, чѣмъ вѣра Ламенне. Всю свою жизнь онъ работалъ надъ духовными вопросами, но въ его про-

изведеніяхъ нельзя найти ни одной уступки старымъ вѣрованіямъ, но и ни одного рѣзкаго выраженія противъ нихъ. Прочтите въ „Литературной исторіи Франціи“ его прекрасную статью о св. Бернардѣ. Это—сплошная критика среднихъ вѣковъ и ихъ учрежденій, но только прикрытая поверхностнымъ почтеніемъ. Ламенне не понималъ ни снисходительности умнаго чело-вѣка, который понимаетъ все, ни возвышеннаго спокойствія фило-софа, который, пройдя область споровъ и противорѣчій, при-шелъ, какъ говорили когда-то, „почить въ Богѣ“. Ему было отка-зано въ покоѣ здѣсь. Послѣ цѣлыхъ лѣтъ нетерпѣнія онъ до-шелъ до смерти, постоянно обманываемый благороднымъ волне-ніемъ своего сердца.

Этимъ объясняется сравнительная посредственность фило-софскихъ произведеній Ламенне, относящихся ко второму періоду. Вылившись поэзію своей души въ „Словахъ вѣрующаго“ и „Голосъ изъ тюрьмы“, онъ впалъ въ сухую діалектику, въ которой не было никакого примѣненія для его качествъ и въ ко-торой обнаружили всѣ его недостатки. Истинное разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ получается отнюдь не при помощи абстракт-ной логики, а благодаря проницательности, гибкости и разносто-ронности ума. Въ геометріи и алгебрѣ, гдѣ всѣ принципы просты и безусловно вѣрны, можно заняться комбинированіемъ формуль и спокойно сочетать ихъ, нисколько не заботясь о скрывающихся за ними реальностяхъ. Напротивъ, въ наукахъ политическихъ и моральныхъ, гдѣ всѣ положенія, вслѣдствіе несовершенства своего выраженія и пристрастнаго отношенія, отчасти основаны на вѣр-ныхъ основахъ, отчасти на ложныхъ, результаты мышленія мо-гутъ имѣть законное значеніе только подъ условіемъ, что они на каждомъ шагу провѣряются опытомъ и здравымъ разсудкомъ. Если бы мы пытались при помощи тяжелыхъ формъ силлогизма найти истину въ такихъ тонкихъ вопросахъ, то попытка эта была бы аналогична тому, какъ если бы мы стали гоняться съ увѣсистой глубиной за крылатымъ насѣкомымъ. Логика не улавливаетъ от-тѣнковъ, а между тѣмъ всѣ истины моральнаго порядка состоятъ именно изъ оттѣнковъ. Онѣ проскальзываютъ сквозь сѣть схола-стики и не даютъ заглянуть себѣ въ лицо: ихъ удается открыть по-степенно, украдкой,—то больше, то меньше. Прямолинейное мыш-леніе Ламенне мало подходило къ этимъ утонченнымъ изслѣдова-ніямъ. Разсужденія его нерѣдко переходятъ въ праздную игру формуль, которыя слишкомъ просты для того, чтобы быть истин-ными. Онъ бросался на истину съ тяжелой стремительностью ди-каго кабана, но она легко уклонялась въ сторону, и ему никогда не удавалось поймать ее вслѣдствіе своей неловкости.

III.

Могутъ ли посмертныя произведенія Ламенне, съ такой бла-гоговѣйной заботливостью собранныя исполнителемъ его литера-турнаго завѣщанія, Форгомъ, измѣнить мнѣніе о его характерѣ, составленное на основаніи другихъ его произведеній? Я не рѣ-шаюсь сказать этого о введеніи въ „Божественную коме-дію“, такъ какъ произведеніе это мало гармонируетъ съ его склон-

ностями, но я могу смѣло рекомендовать томъ, озаглавленный: „Философскіе и литературныя отрывки“—всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ основательно познакомиться съ знаменитымъ писателемъ. Въ Ламенне въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было всегда два человѣка: одинъ—искренній предъ самимъ собой и полный самоотреченія мыслитель, оставившій намъ свои признанія въ „Римскихъ дѣлахъ“; другой—нѣсколько напыщенный ораторъ, котораго торжественныя привычки его слога нерѣдко приводятъ къ декламации. Оба эти человѣка ясно проглядываютъ въ посмертныхъ произведеніяхъ. Въ предисловіи къ Данте преобладаетъ ораторъ; въ отрывкахъ мы видимъ симпатичнаго человѣка, достойнаго вниманія критики. Мы найдемъ его еще больше въ корреспонденціи, о будущемъ напечатаніи которой недавно объявляли ¹⁾. Эта корреспонденція будетъ, по моему мнѣнію, однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ документовъ для исторіи интеллектуальнаго развитія первой половины XIX вѣка. Будетъ очень прискорбно, если что нибудь повліяетъ на ограниченіе полноты свѣдѣній относительно человѣка, имя котораго принадлежитъ обществу.

Очень жаль, что Ламенне, переводя „Божественную комедию“, счелъ своимъ долгомъ присоединить къ переводу соображенія, относящіяся къ области исторіи литературы, съ которой онъ не былъ достаточно знакомъ, и цѣлую философію исторіи, которая по временамъ переходитъ въ общія мѣста. Занятый разработкой нѣсколькихъ положеній, которыя онъ принимаетъ за общія, онъ не видитъ безконечно разнообразныхъ оттѣнковъ существующаго, а тѣмъ болѣе того, что существовало прежде, Исторія подъ его перомъ кажется безцвѣтной пачкотней, состоящей изъ смѣси бѣлаго и чернаго цвѣтовъ. Онъ безъ всякаго различія примѣняетъ къ событіямъ прошлаго ту легкую теорію, которая по эстетическимъ соображеніямъ предполагаетъ, что всѣ люди достойны любви или ненависти. Хотите, на примѣръ, узнать, какъ онъ опредѣляетъ германское нашествіе и феодализмъ, которые составляютъ узловой пунктъ міровой исторіи? „Характеръ варваровъ былъ весьма похожъ на характеръ тѣхъ племенъ, которыя мы называемъ теперь дикими... Варвары не внесли въ покоренныя ими націи никакихъ цивилизаціонныхъ элементовъ, никакихъ принциповъ высшей и прочной организаціи. Къ своимъ врожденнымъ порокамъ, какъ то: жестокость, хитрость, вѣроломство, жадность и другіе пороки, общіе всѣмъ дикимъ народамъ, они присоединили пороки покоренныхъ націй. Эти послѣднія подъ ихъ вліяніемъ погрузились въ безпредѣльную пропасть нищеты, невѣжества, грубости, жестокости и анархіи, высшимъ выраженіемъ которыхъ является феодальный режимъ. Въ исторіи нельзя найти эпохи, настолько полной несчастьями. Это было царство грубой силы тысячи самодержавныхъ тирановъ, изъ которыхъ каждый властвовалъ въ своемъ помѣстьѣ и велъ войну съ другими. Съ взаимнаго согласія они угнетали и грабили народъ, ничѣмъ не ограждаемый отъ ихъ бурныхъ страстей, не сдерживаемыхъ никакимъ закономъ или чувствомъ

¹⁾ Она вышла впоследствии въ Парижѣ въ 1858 году.

справедливости, никакими понятіями объ истинномъ долгѣ, ибо для этихъ христіанъ, какъ они называли себѣ, рабъ, простолюдинъ или крѣпостной не входили въ составъ человѣчества“. Это, конечно, вѣрно во многихъ отношеніяхъ, но сколько дѣленій пришлось бы сдѣлать для того, чтобы эти сужденія стали точными! Какъ несправедливо оцѣнивать дѣятельность германской расы въ Европѣ на основаніи дѣтской неспособности Меровинговъ или той странной анархіи, въ которую впалъ феодализмъ около XIV вѣка, и не принимать во вниманіе той серьезности, той торжественности и глубины нравственнаго чувства, которую принесли съ собой германцы и которую вернулъ человѣчеству героическій вѣкъ послѣ періода униженія и дряхлости! Если бы Ламенне не основывался на поверхностныхъ данныхъ, а прочелъ хотя бы древніе законы варваровъ, собранные въ *Congruis Juris germanici antiqui*, то онъ увидѣлъ бы, что германская раса не только не ограничилась разрушеніемъ, но содѣйствовала болѣе, чѣмъ кто либо другой, упроченію свободы и правъ индивидуума передъ государствомъ, что она создала учрежденія, которыми по справедливости гордятся современные народы.

Исторія христіанскаго богословія внушаетъ Ламенне болѣе тонкія и истинныя мысли. Онъ не доходитъ до научной точности, потому что не знаетъ подробностей, однако высказываетъ въ своихъ отрывкахъ соображенія, указывающія на сильное развитіе мысли. Я не знаю, въ какое время своей жизни дошелъ онъ до подобныхъ результатовъ. Повидимому, онъ оставилъ католичество изъ-за личныхъ столкновеній, а не подъ вліяніемъ неизбежнаго хода своей мысли. Только въ послѣдствіи занятіе наукой открыло ему научныя основанія дѣйствій, которыя онъ совершилъ подъ вліяніемъ страсти. Въ эти изысканія, которыя обладали только тѣмъ недостаткомъ, что начались *post factum*, онъ внесъ рѣдкую вѣрность метода. Подобной вѣрности не могутъ оцѣнить свѣтскіе люди, не занимавшіеся богословіемъ. Напримѣръ, по вопросу критики сверхъестественнаго элемента въ книгѣ его можно найти прекрасный разборъ, почти равняющійся прекрасному изслѣдованію вѣры въ чудесное, сдѣланному Литтре¹⁾. „Чудеса существуютъ, когда въ нихъ вѣруютъ; они исчезаютъ, когда въ нихъ перестаютъ вѣрить“. Можно-ли сказать лучше? И какъ прекрасна слѣдующая страница: „Относительно вдохновенія древне-еврейскихъ книгъ слѣдуетъ замѣтить, что у древнихъ народовъ всякое законодательство, какъ и всякая поэзія считались вдохновеннымъ, а когда это мнѣніе установилось, то отъ него въ языкѣ остались слѣды въ видѣ освященныхъ формулъ, которыя уцѣлѣли и до настоящаго дня. Человѣкъ всюду видѣлъ и чувствовалъ Бога, и, конечно, ошибка его состояла не въ этомъ. Подъ вліяніемъ живой и увѣренной интуиціи онъ открывалъ его въ себѣ и внутри себя, но онъ не зналъ того, что должны были открыть ему лишь постепенно разумъ, философія и наука, т. е. формы его присутствія и законовъ его дѣятельности. Для того, чтобы доказать сверхъестественную вдохновенность

¹⁾ Предисловіе ко второму изданію перевода Ж и з н и І и с у с а Штраусса.

библейскихъ писателей, люди прежде всего забываютъ о томъ, что повсюду исторія, основанная на преданіяхъ, состояла изъ рассказовъ, истинныхъ въ своей основѣ, но украшенныхъ въ своихъ частностяхъ поэтическимъ вымысломъ, который принималъ такія разнообразныя формы подъ вліяніемъ восточнаго духа, склоннаго къ чудесному. Затѣмъ этимъ поэтическимъ чудесамъ и вымыслу стали приписывать буквальное значеніе и придавать имъ безусловную вѣру. На этихъ поэтическихъ чудесахъ былъ основанъ божественный авторитетъ книги, и въ то же самое время на авторитетѣ ея основываютъ истинность вымысла, такъ что, если кто не соглашается блуждать въ этомъ кругѣ, то у него не останется никакихъ возможныхъ доказательствъ, или во всякомъ случаѣ останутся только доказательства, основанныя на разумѣ, при чемъ эти послѣднія обладаютъ такимъ же значеніемъ, какъ чистый естественный разумъ, которому предстоитъ разрѣшеніе такой страшной проблемы: найти въ природѣ основаніе для вѣры въ то, что предполагается стоящимъ выше природы“.

Въ литературномъ отношеніи посмертные О т р ы в к и, о которыхъ мы говорили, представляютъ, по моему мнѣнію, такой же интересъ. Въ нихъ видно, насколько Ламенне заботился о слогѣ: изящная фраза нравилась ему сама по себѣ и онъ часто записывалъ какую нибудь мысль только потому, что форма ея казалась ему удачной. Отдѣльныя положенія представляютъ очень неблагодарный родъ произведеній. Очень поразительны притязанія автора, который любитъ своимъ мышленіемъ и доводитъ благоговѣніе передъ своимъ слогомъ до того, что не можетъ пожертвовать ни однимъ элементомъ его. Первымъ условіемъ законченнаго произведенія является правило, чтобы читатель могъ вѣрить, что оно было составлено за-разъ и что всякая мысль его родилась произвольно въ умѣ автора по поводу даннаго предмета. Всѣ посредствующія звенья, которыя послужили только для того, чтобы подготовить окончательную редакцію, всѣ поправки должны быть незамѣтны. Было-бы жаль, если бы Ламенне не оставилъ намъ своей авторской исповѣди. Если намъ непріятно видѣть, какъ талантливый ораторъ прячетъ въ столь антитезы и блестящіе обороты по мѣрѣ того, какъ они приходятъ ему въ голову, то въ глазахъ критика забота о красотѣ слога является цѣнной гарантіей серьезнаго отношенія. Хорошій слогъ предполагаетъ строгую дисциплину, привычку укрощать свои мысли и жертвовать ея крайними проявленіями,—качества, непримиримыя съ распушенностью и низкой степенью развитія ума. Этимъ Ламенне существенно отличается отъ основателей сектъ, которые вообще пишутъ очень скверно. Такъ какъ онъ видѣлъ немного вещей заразъ, то у него было достаточно времени для того, чтобы сообщить своему слогу ту ясность, которая при болѣе сложной мысли достается лишь съ трудомъ. Онъ очень гордился этимъ и очень строго судилъ тѣхъ, кто довольствуется слогомъ, созданнымъ лѣнью. „Теперь уже почти никто не знаетъ французскаго языка, никто не пишетъ имъ, никто не говоритъ. Если упадокъ этотъ будетъ продолжаться, то этотъ прекрасный языкъ станетъ едва понятнымъ жаргономъ. Порчѣ его способствовали въ особенности журналы и ораторскія

трибуны, точно также секты мелкихъ авторовъ прозаическихъ и поэтическихъ, которые съ безпримѣрной гордостью и вѣрой въ самихъ себя явились для того, чтобы вытряхивать свою глупость и невѣжество“...

Я не оканчиваю этой фразы: какъ это нерѣдко случается у Ламенне, она оканчивается грубымъ ругательствомъ. Это единственное пятно, которое онъ допустилъ на своемъ слогѣ. Ему не доставало утонченности ума, которая дѣлать людей не по рѣшительнымъ оттѣнкамъ, а по безконечному числу темпераментовъ. Сюда же относится и слѣдующая оригинальная черта, которая повторяется упорно на каждой страницѣ, а именно его антипатія къ женщинамъ. Ламенне относится къ нимъ съ возмутительной суровостью. Онъ заявляетъ, что никогда не встрѣчалъ женщины, которая могла бы слѣдить за разсужденіемъ въ теченіе четверти часа. Ему кажется, что онъ вполне объясняетъ ихъ особенности, приписывая имъ тщеславіе и легкомысліе. Его схоластическое отношеніе къ вещамъ не дало ему возможности замѣтить, что женщины своимъ особымъ путемъ могутъ дойти до пониманія всего, пользуясь не школьными правилами, а вѣрнымъ и тонкимъ тактомъ. Кузена часто упрекали въ томъ, что, занимаясь ими, онъ забылъ философію, но, по моему мнѣнію, его философія именно тогда была лучше всего. Я всегда замѣчалъ, что утонченная философія извѣстнаго рода лучше бываетъ понята женщинами, чѣмъ мужчинами. Если бы мнѣ пришлось избирать аудиторію для изложенія высшихъ результатовъ науки и мышленія, то я предпочелъ бы, чтобы меня слушали женщины, чѣмъ мужчины, воспитанные на методахъ Роллена и Портъ-Рояля. Ламенне былъ ослѣпленъ той свойственной священникамъ гордостью, которая не покидала его никогда. Онъ видѣлъ женщину такой униженной и послушной, что никогда не могъ ставить ее очень высоко. Если бы когда либо была издана переписка его (того времени, когда онъ былъ исповѣдникомъ), то, безъ сомнѣнія, удалось бы открыть причину этого справедливаго негодованія.

Но его жесткую суровость нерѣдко смягчало живое чувство поэзіи, кроткое и блаженное стремленіе къ тѣмъ яснымъ сферамъ, о которыхъ постоянно тосковала его душа. Эта мягкая нота, подобная звукамъ эоловой арфы среди грохота бури, составляетъ характерную черту Ламенне. Среди всѣхъ поэтическихъ натуръ этого времени его натура осталась самой искренней. Онъ никогда не доходилъ до осмѣянія самого себя, къ которому приходило благодаря тщеславію и лести легкомысленной публики столько людей, пользовавшихся сначала успѣхомъ. Онъ умѣлъ избѣгать того презрительнаго тона, который побуждаетъ людей, добившихся извѣстности, относиться къ себѣ не серьезно, клеветать на себя и унижать свой гешъ до уровня ремесла. Онъ всегда думалъ и чувствовалъ самостоятельно. Онъ всегда былъ истиннымъ и уважалъ себя до самаго конца. „Почему печальна моя душа? Развѣ не прекрасно солнце? Развѣ свѣтъ не свѣтитъ кротко, когда листья и цвѣты тысячью оттѣнковъ сверкаютъ подъ его лучами и вся природа оживляется новой жизнью? Все живущее благо-

словляетъ расточившаго всѣ эти щедроты. Маленькая птичка поетъ хвалу въ кустахъ, насѣкомое жужжитъ ее въ травѣ. Почему печальна моя душа, когда всѣ существа полны радости, наслажденія жизнью, когда всѣ они погружаются и теряются въ любви?”

„Солнце прекрасно, свѣтъ его кротокъ. Маленькая птичка, насѣкомое, растеніе и вся природа находятъ жизнь, и пропитывается ею, а я вздыхаю, потому что эта жизнь не дошла до меня, потому что солнце не взошло въ области духа, потому что область эта осталась темной и холодной. Когда потоки свѣта и огня наполняютъ другой міръ, мой остается чернымъ и холоднымъ. Зима окружаетъ ее инеемъ, какъ вѣчнымъ саваномъ. Дайте плакать тѣмъ, у кого нѣтъ весны“.

Этой весной была для него простая жизнь и любовь. Чистота его сердца давала ему возможность составить идеальнѣйшей доброты въ то время, какъ чудесная сила его спекулятивныхъ способностей увлекала его къ самымъ недоступнымъ вершинамъ размышленія. Люди, привыкшіе жить разумной жизнью, испытываютъ смущеніе, смѣшанное съ восторгомъ, при видѣ всего кроткаго и смиреннаго: ихъ разстраиваетъ наивное довольство простыхъ существъ. Въ этой пустынѣ уединенной жизни, созданной возвышеннымъ полетомъ ихъ мысли, они готовы просить, какъ милости, ласки ребенка. Имъ кажется достойной зависти женщина, несущая у груди новорожденнаго и всецѣло поглощенная имъ. Вотъ чего искалъ въ своихъ мечтахъ Ламенне, вотъ муки, заставлявшія его сердце болѣзненно сокращаться и извлекавшія изъ его груди краснорѣчивыя воздыханія за неизвѣстнымъ идеаломъ. Человѣкъ, къ которому прикоснулся Богъ, почти бываетъ существомъ особеннымъ: чтобы онъ ни дѣлалъ, среди людей онъ все же является не на своемъ мѣстѣ. Его легко можно узнать по присущему ему знаку. Онъ не находитъ товарищей среди своихъ сверстниковъ; ему не улыбаются молодые дѣвушки. Ламенне слишкомъ глубоко былъ жрецомъ для того, чтобы когда либо утратить присущія этому типу характерныя черты. Кромѣ того, онъ слишкомъ поздно бросилъ свое призваніе для того, чтобы начать новую полную жизнь. Онъ сохранилъ суровую напряженность своего сана и неясныя стремленія нѣжнаго сердца, соединенныя съ высокимъ спиритуализмомъ. Его богатая и прямая натура хотѣла одновременно коснуться двухъ полюсовъ жизни, но непреоборимое стремленіе привлекало его къ абстракціи и тѣмъ самымъ создавало безконечную пропасть между нимъ и наивностью. Эта пустота была его мученіемъ, но въ то же время основой его благородства. Если бы жизнь не была настолько лишена условій счастья, то, можетъ быть, онъ не показался бы намъ такимъ возвышеннымъ и чистымъ.

Смерть его носила тотъ же отбѣнокъ, что и его жизнь: она была величественная, гордая и слишкомъ возбужденная. Онъ легъ въ кровать съ чувствомъ упорства, которое вошло у него въ систему, и умеръ съ гнѣвомъ въ душѣ. Онъ не довольствовался твердостью по отношенію къ назойливой настойчивости: онъ хотѣлъ быть грубымъ. Онъ не довольствовался простыми

похоронами и хотѣлъ лечь въ общей могилѣ. Здѣсь, какъ и всегда, онъ, благодаря чрезмѣрному усердію, зашелъ дальше, чѣмъ слѣдовало. Похороны его представляли странное зрѣлище. День былъ печальный и туманный; только небольшое число друзей могло слѣдовать за гробомъ среди двухъ рядовъ солдатъ. Все происходило въ молчаніи и безъ молитвъ. Когда стали бросать землю, то могильщикъ, думая, что умершій былъ простымъ человекомъ, спросилъ: „А что, нѣтъ креста?—“ „Нѣтъ“—отвѣчали ему. Такъ надъ могилой стараго священника не осталось никакого памятника, по которому можно было бы отличить ее. О! почему лучъ благодати, которая такъ часто снисходила на него, не освѣтилъ его въ послѣдній часъ—не для того, чтобы смягчить его, но для того, чтобы хоть слегка нарушить его послѣдовательность?

Нашелъ ли онъ миръ въ послѣднюю минуту и открылась ли передъ нимъ истина, которую онъ искалъ такъ долго? Кажется, нѣтъ. Говорятъ, онъ жаловался, что проблема, надъ которой онъ думалъ всю свою жизнь, осталась для него столь же темной. Что за важность! Сомнѣніе—одинъ изъ видовъ преклоненія передъ истиной. Въ концѣ концовъ, если онъ и погрѣшилъ противъ нея, то только потому, что слишкомъ сильно любилъ ее. Онъ хотѣлъ безусловно обладать ею. Но говорятъ, что истину можно потерять какъ и капризную женщину, если слишкомъ сильно любить ее. Оттѣнокъ равнодушія по отношенію къ ней даетъ гораздо лучше результаты. Если ты гонишься за ней, она убѣгаетъ, но если только ты остановишься усталый и обезкураженный, то она сама придетъ къ тебѣ. Но для этого необходима извѣстная степень холодности, на которую обыкновенно мало способны прекрасныя души. Онѣ бросаются на облако, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, живетъ Богъ и, видя пустоту, онѣ раздражаются упреками и нерѣдко проклятіями противъ обманувшей ихъ тѣни. Конечно, проклятія эти можно извинить, потому что источникомъ ихъ является любовь къ истинѣ и потому что они представляютъ изъ себя лишь иное выраженіе преклоненія передъ ней.

Ламенне былъ слишкомъ скоро забытъ партіями, которые мало думаютъ о сохраненіи памяти своихъ умершихъ. Предметъ ужаса для благочестивыхъ душъ, которыя не могутъ простить ему того, что онъ предпочелъ имъ истину, онъ былъ покинутъ безъ похоронъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ сразилъ его рокъ. Надъ прахомъ его слышалось лишь молчаніе или проклятія. Мы хотѣли исполнить долгъ гостепріимства его блуждающей душѣ и сказать о ней нѣсколько симпатическихъ, безпристрастныхъ словъ. Самодовольная посредственность находить удобнымъ поносить гениальнаго человека, который никогда не пользовался, подобно ей, привилегіей непогрѣшимости и безошибочности. Пусть всѣ осуждающіе его зададутъ себѣ вопросъ: способны ли они по его примѣру посвятить всю свою жизнь на защиту своей мысли. Теперь онъ знаетъ слово той загадки, которую такъ отважно пытался разрѣшить. Кто знаетъ: можетъ быть, совершенно утративъ надежду, онъ встрѣтилъ чудесное разочарованіе и, можетъ быть, всѣ его заблужденія, плодъ пылкаго стремленія къ истинѣ, дадутъ ему право на обладаніе ею? Я думаю, что онъ сталъ святымъ, если

только дошелъ до умиротворенія своего гнѣва и до полнаго очищенія его сердца; пусть же всѣ желающіе, чтобы слава досталась ему цѣной ада, помѣщаютъ его, подобно Данте, въ кругѣ тѣхъ благородныхъ испытуемыхъ, участь которыхъ можетъ возбуждать зависть избранныхъ.

Домъ Луиджи Тости или партія Гвельфовъ въ современной Италіи.

I.

Въ началѣ 1848 года одинъ монахъ изъ Монте-Кассино, посвящая Пію IX исторію первыхъ попытокъ итальянскаго народа, направленныхъ къ завоеванію независимости, обратился къ нему со слѣдующими словами:

„Я извлекъ изъ итальянской исторіи эти страницы, содержащія повѣствованіе о Ломбардской лигѣ въ XII вѣкѣ. Я приношу ихъ къ вашимъ стопамъ, какъ нѣчто святое. Соберите ихъ, прочтите и отвѣтите Италіи, ожидающей отъ васъ спасительнаго слова въ той борьбѣ, которую она ведетъ на глазахъ самого Бога. Для всего міра вы являетесь обладателемъ истины. Вамъ принадлежитъ задача отдѣлать въ Христовомъ Евангеліи оживляющій духъ отъ губительно дѣйствующей буквы. Для Италіи вы являетесь учителемъ гражданской мудрости: вамъ предстоитъ открыть въ событіяхъ изъ человѣческой жизни идею, заложенную въ нихъ божественнымъ разумомъ. Исторія, святой отецъ, есть также Евангеліе, потому что Слово Господне сверкаетъ не только въ безконечности божественной мысли, но проникаетъ и оплодотворяетъ нѣдра страдающаго и уповающаго человѣчества. И распвѣтомъ этого человѣческаго Евангелія является исторія нашей Италіи, ибо ни одинъ народъ не можетъ записать на страницахъ своей исторіи болѣе продолжительныхъ и болѣе сильныхъ мученій, ни одинъ народъ не могъ показать потомству Голгофы, болѣе похожей на Голгофу Назарянина.

„Съ этой книгой въ рукахъ войдите, св. отецъ, на мистическую скалу церкви, созерцайте будущее, вопрошайте прошедшее и судите по біенію нашихъ сердець о томъ, дѣйствительно ли мы—сыны тѣхъ ломбардовъ, которые, тѣсно связывая личность римскаго первосвященника съ своей свободой, умѣли защищать его своей чистой кровью.

„Дайте намъ, св. отецъ, то знамя, которое Александръ III повелѣлъ водрузить на могилѣ Св. Петра въ день своего триумфа. Часъ пробилъ, человѣчество ожидаетъ васъ... Поспѣшите благословить вашими ключами торжественное сочетаніе милосердія и права. Пусть не смущаетъ васъ шумъ человѣческихъ событій и гнѣвъ властителей. Страшный громъ бури предшествуетъ божественному слову, когда оно созидаетъ или искупляетъ. Вашъ тронъ останется непоколебимымъ на пьедесталѣ сердець, вкусившихъ свободы Христа. Но онъ упалъ бы, если бы опирался на головы людей. Дѣйствуйте смѣло во имя Господа. Даже грѣхъ толпы

можетъ быть въ начертаніяхъ Божіихъ источникомъ добра. Когда ваши сыны дойдутъ до безумнаго идолопоклонства, вы сойдете съ высотъ Ватикана и разобьете каменные скрижали закона. И тогда Слово Божіе, чистый духъ, поселится во храмъ человѣческаго разума; вашъ взглядъ будетъ скользить въ безконечности времени и пространства, не встрѣчая предѣловъ стада, пастыремъ котораго вы являетесь. Богъ сдѣлалъ идею римскаго первосвященства существенной частью итальянской индивидуальности. Развѣ вы хотите лишитъ насъ такого величественнаго правительства? Или, можетъ быть, вы хотите почитать другой народъ? Вы можете сдѣлать это, но помните, что вамъ придется потревожить покой апостоловъ въ ихъ гробницахъ и оторвать папскій престолъ, который пустилъ въ нашей почвѣ корни 259 первосвященниками. Нѣтъ, человѣкъ не могъ бы раздѣлить того, что объединилъ Богъ, и въ тотъ день, когда это случится, Богъ помѣститъ Альпы на краяхъ міра и весь міръ сталъ бы Италіей.

„Благословите, св. отецъ, эту книгу, благословите память предковъ, надежды настоящаго, славу будущаго. Благословите того, кто написалъ ее, и путемъ молитвы вы увидите, какъ любовь къ отечеству превращается въ священную любовь къ Богу въ душѣ, чуждой земнымъ утѣшеніямъ ¹⁾“.

Имя автора этихъ строкъ—Луиджи Гости—мало извѣстно намъ. Литературная извѣстность носитъ въ Италіи чисто мѣстный характеръ, и во Франціи намъ трудно понять всѣхъ этихъ людей, посвятившихъ себя служенію добру и красотѣ, сфера дѣятельности которыхъ ограничена нѣсколькими учениками или ограниченнымъ кругомъ. Когда я познакомился съ Гости, я получилъ возможность оцѣнить, сколько энтузіазма и возвышенныхъ чувствъ можетъ скрываться подъ одеждой итальянскаго монаха. Мнѣ хотѣлось бы показать на этомъ замѣчательномъ примѣрѣ, что одни и тѣ же стремленія могутъ въ зависимости отъ мѣста принимать самыя противоположныя формы. Я хочу показать богатство синонимовъ того языка, которымъ пользуются прекрасныя людскія души. Пришлось бы отказаться отъ званія философа, если бы для сохраненія этого имени нужно было не выражать симпатіи къ благородству души, гдѣ бы оно намъ не представлялось.

Нравственное состояніе итальянскаго духовенства, его роль въ политическомъ и умственномъ движеніи страны, представляютъ, быть можетъ, одну изъ тѣхъ чертъ итальянскихъ дѣлъ, которую труднѣе всего понять издали. Примѣръ французскаго духовенства вовсе не даетъ намъ возможности представить себѣ искренно либерализмъ въ рядахъ оффиціальной церкви. Свобода для партіи, которую у насъ называютъ ультрамонтанской, есть вообще ничто иное, какъ право властвовать самодержавно. Но мы должны прибавить тутъ же, что скоро ультрамонтаны будутъ только за Альпами. Къ счастью, непослѣдовательность является однимъ изъ существенныхъ элементовъ въ человѣческихъ дѣлахъ. Было бы несправедливо и жестоко не довѣрять благород-

¹⁾ Storia della Lega Lombarda (Monte Cassino).

нымъ стремленіямъ людей, которые для того, чтобы мыслить свободно, принуждены лгать передъ платьемъ, которое они носятъ, передъ мѣстностью, въ которой они живутъ, и которые принуждены выносить на своей груди десятивѣковое иго.

Въ 1849 и 1850 гг. я проѣхалъ по всей Италіи и, долженъ признаться, у монаховъ и священниковъ я нашелъ наиболѣе ярко выраженное стремленіе къ религіозной реформѣ и политической независимости, уже издавна бродившее въ этой странѣ.

Неаполитанское королевство, безспорно, самая печальная часть Италіи; здѣсь—царство нравственнаго упадка и превратныхъ религіозныхъ инстинктовъ, достаточно сильныхъ, чтобы надолго подать надежду тѣмъ, которые упорствуютъ въ желаніи основать зданіе челоуѣчества на упадкѣ челоуѣческой природы. И вотъ, какъ разъ рядомъ съ низменной религіей лаццарони появилось выраженіе самаго чистаго религіознаго чувства, какое тогда могла понимать Италія. Древнее аббатство Монте-Кассино сдѣлалось среди всеобщаго варварства страны, гдѣ все мыслящее возбуждаетъ подозрѣніе, центромъ полнаго оригинальнаго умственнаго движенія. Есть особый родъ возвышенности души, которая пріобрѣтается только привычкой къ презрѣнію. И Неаполь былъ всегда страной мыслителей, потому что онъ былъ всегда страной грубой черни и королей, достойныхъ ея, здѣсь становились философами въ силу негодованія, такъ точно, какъ нигдѣ лучше не понимали, какъ въ Байѣ и Миценѣ, гимнъ къ стыдливости Ипполита.

Чтобы опредѣлить однимъ словомъ религіозныя и политическія тенденціи школы Монте-Кассино, я не нахожу для нея болѣе соотвѣтствующаго имени, какъ партія Гвельфовъ. Въ исторіи встрѣчаются группы идей, которыя, не имѣя, повидимому, необходимой связи, слѣдуютъ рядомъ по теченію вѣковъ и встрѣчаются на протяженіи интеллектуальныхъ и политическихъ революцій народа, какъ основные законы его индивидуальности, подобно первымъ впечатлѣніямъ дѣтства, которыя остаются необходимыми формами нашего мышленія, не смотря на развитіе умственныхъ способностей и на внѣшнія вліянія. Мы, несомнѣнно, далеки отъ Фридриха и Иннокентія, но различныя тенденціи, раздѣлявшія Италію въ XIII вѣкѣ, образуютъ и теперь тѣ же два враждебныя лагеря: съ одной стороны—народъ, папство, монашество, съ другой—аристократія, состоящая изъ богатыхъ и просвѣщенныхъ людей, проникнутая либеральными и мірскими тенденціями и безпрестанно призывающая чужестранныя вліянія для борьбы съ внутренней проказой и для основанія единства страны. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни измѣнялось въ различныя эпохи исторіи итальянскихъ политическихъ партій значеніе словъ „Гвельфъ и Гибелинъ“,—нельзя не признать, что партія Гвельфовъ была въ общемъ ни чѣмъ инымъ, какъ представительницей муниципальных и демократическихъ стремленій въ противовѣсъ идеямъ другой политики, съ болѣе широкими горизонтами находившей опору въ партіи Гибелиновъ. Союзъ папскаго престола съ Гвельфами, хотя часто случайный и рѣдко искренній, представлялъ слишкомъ заманчивую тему, чтобы ею не успѣли восполь-

зоваться люди, желавшіе во что бы то ни стало успокоить свою совѣсть, и обрадованные возможностью, прикрываясь ультра-католицизмомъ, быть патріотами, можно сказать, почти революціонерами.

Тости началъ свою литературную дѣятельность исторіей своего аббатства. Эта книга, драгоценная ¹⁾ благодаря богатству заключающихся въ ней неизданныхъ матеріаловъ, есть ничто иное, какъ длинная апологія монашества—апологія искусная, потому что она беретъ монашество въ его прекраснѣйшую эпоху, въ первую половину среднихъ вѣковъ, и въ его прекраснѣйшей формѣ—бenedиктинской, до появленія нищенствующихъ орденовъ. Затѣмъ Тости беретъ на себя трудную задачу—оправданія папства въ лицѣ Бонифація VIII ²⁾. Исторія безапелляціонно приняла приговоръ Филиппа Красиваго, который, низвергнувъ съ престола этого несговорчиваго папу, приказалъ высѣчь на его надгробномъ камнѣ слова: „Еретикъ и святопродавецъ“—и скрѣпилъ этотъ свой королевскій приговоръ перстнемъ святаго Петра ³⁾. Неокатолическая школа возликовала, видя торжественное возвеличеніе, въ числѣ великихъ людей, облагодѣтельствовавшихъ челоуѣчество и Италію,—этого папы, проклятаго Данте и осмѣяннаго Фра-Жакопоне. Былъ ли Тости понятъ, какъ слѣдуетъ? И понималъ ли вполнѣ тогда самъ Тости свою мысль? Дѣйствительно, по временамъ могло казаться, что въ церкви онъ видитъ господство разума надъ силой: въ его глазахъ за папствомъ и Гвельфами скрывался демократическій и итальянскій принципъ. Во всякомъ случаѣ политическая тенденція была облечена у него въ ортодоксальную форму апологета; было не вполнѣ ясно, какая изъ двухъ этихъ мыслей служила прикрытіемъ другой, и это неустойчивое равновѣсіе могло создать одинаково, какъ Монталамбера, такъ и Ламенне.

Въ „Исторіи ломбардской лиги“, написанной въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ 48 году, раскрывается политическое направленіе, которое вскорѣ должно было увлечь цѣлую часть Италіи при кликахъ: „Да здравствуетъ Пій IX“, и сообщило этому движенію такой странной характеръ увлеченія и слабости, недомыслія и искренности. Скажемъ съ самаго начала, что отсутствіе задней мысли въ людяхъ, которыхъ мы постараемся охарактеризовать (политики, очевидно, не таковы), должно поставить внѣ всякаго подозрѣнія искренность ихъ убѣжденій и наивность ихъ энтузіазма. Борьба современныхъ принциповъ и древнихъ вѣрованій лишена у итальянцевъ той ясности и опредѣленности, которую обыкновенно вноситъ въ нее французскій духъ. Что происходитъ обыкновенно у насъ въ сознаніи

¹⁾ Storia della Badia del Monte Cassino (Napoli, 1844).

²⁾ Storia di Bonifazio VIII e de'suoi tempi (Monte Cassino, 1846).

³⁾ Можно видѣть еще теперь въ архивѣ Ватикана подлинныя письма Бонифація, въ которыхъ выскоблены мѣста, оскорбительныя для французскаго короля. Нотаріусъ Апостольскаго престола заявляетъ, что это сдѣлано имъ по повелѣнію Климента V, преемника Бонифація VIII.

людей, считающихъ возможнымъ въ извѣстную эпоху ихъ умственной жизни примирить католицизмъ съ современными теченіями? Одно изъ двухъ: или католицизмъ одерживаетъ у нихъ верхъ надъ современными имъ вѣяніями, и тогда они возвращаются къ старому благочестію; или одерживаютъ верхъ современные вѣянія, и тогда они больше не католики,—по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ строгой ортодоксіи. Не такъ происходитъ въ Италіи. Итальянецъ—по природѣ католикъ; но онъ любитъ свое отечество, стремится къ демократіи и свободѣ. И волей-неволей католицизмъ долженъ подчиняться его требованіямъ и служить его патріотизму. И рѣдко итальянецъ обладаетъ достаточно серьезнымъ и глубокимъ умомъ, чтобы видѣть противорѣчія этой системы, ея неосуществимость и разногласія соединенныхъ въ ней элементовъ.

Если бы вопросъ возрожденія Италіи былъ только простымъ національнымъ вопросомъ, слѣдовало бы принять безъ всякаго колебанія содѣйствіе партіи, опирающейся на традиціи прошлаго, отличительную черту которой составляетъ отвращеніе къ иностраннымъ порядкамъ. Но это задача далеко не простая. Дѣло не въ томъ, чтобы Италія завоевала себѣ случайную независимость, которую она потеряла бы на слѣдующій день послѣ своей побѣды по недостатку дисциплины и политическаго воспитанія, а въ томъ, чтобы она сумѣла сьорганизоваться сообразно принципамъ современности. Въ тотъ день, когда она окажется способной сохранить свою свободу, она будетъ ее имѣть. И тогда является вопросъ: можетъ ли быть полезнымъ вліяніе партіи Гвельфовъ для этой болѣе важной и трудной задачи? Думаю, что въ этомъ позволительно усумниться. Представители узкаго и исключительнаго патріотизма, какимъ былъ всегда патріотизмъ Италіи и Гвельфовъ, скажутъ, какъ Юлій II: „Fuori i barbari“, и хотѣтъ, чтобы они сознались, что есть много, чему поучиться у этихъ варваровъ, и чтобы они обратились къ этимъ варварамъ за поученіями и опекой,—это значило бы требовать слишкомъ многого отъ тѣхъ, которые до сихъ поръ еще мечтаютъ о первенствѣ Италіи и о ея господствѣ надъ всѣмъ міромъ. Если патріотизмъ народовъ есть то же самое, что тщеславіе отдѣльныхъ людей, т. е. полнѣйшее довольство самимъ собою, исключющее всякое желаніе позаимствовать что нибудь извнѣ и совершенствоваться при помощи другихъ,—то именно въ средѣ итальянскаго духовенства слѣдуетъ искать типовъ совершеннаго патріотизма. Самыя неумѣренныя требованія германизма кажутся скромными въ сравненіи съ этимъ непреклоннымъ итальянизмомъ, такъ что иногда изъ-за удовольствія видѣть униженной эту неукротимѣйшую безпримѣрную гордость, забываешь о состраданіи, которое долженъ возбуждать благородный и несчастный народъ. Было бы большимъ заблужденіемъ относительно состоянія Италіи думать, что волнующіе ее вопросы, возникаютъ подъ вліяніемъ духа современности, какъ, на примѣръ, еслибы кто нибудь думалъ, что отношенія политическихъ партій здѣсь приблизительно таковы же, какія были во Франціи въ эпоху революціи. Я называю духомъ современности въ исторіи религіи и политики итогъ умственнаго и соціальнаго движенія, скрытый и невидимый въ

первую половину средних вѣковъ, развивающійся непрерывно и постоянно съ XII вѣка и находящій свое окончательное выраженіе въ 1789 году. Въ этомъ году было провозглашено начало господства человѣческаго сознанія и актъ совершенствія человѣческаго разума, вступающаго въ обладаніе верховными правами какъ созидающей и преобразующей силы, каковыя были до сихъ поръ присвоены страстямъ, случайностямъ и другимъ темнымъ причинамъ, извѣстнымъ подъ именемъ провидѣнія. Признаніе господства разума, рациональная организація общества на основаніяхъ, имъ же добытыхъ—вотъ что называется духомъ современности¹⁾.

Изучая исторію Италіи, приходится признать, что она совершенно не знала стремленія къ сознанію, т. е. къ установленію господства разума, и если считать протестантизмъ, философію и революцію тремя фазисами развитія современнаго общества, то всѣ они были ей равно чужды. Протестантизмъ имѣлъ здѣсь только отдѣльныхъ послѣдователей; Италія осталась католической. Прошло время Вольтера, а Италія оставалась вѣрующей по старому. Революція создала для міра способный къ безконечному совершенствованію идеаль раціональнаго общества, а Италія опять оставалась плохо устроенной страной, гдѣ право существуетъ исключительно, какъ привиллегія, а всякое богатство, какъ результатъ злоупотребленія.

И пусть не говорятъ, что внѣшнее давленіе убило свободу этого народа и преградило ему путь къ естественному развитію. Подобное давленіе существовало и въ другихъ странахъ, а между тѣмъ оно не могло измѣнить ихъ судебъ. Или, можетъ быть, кто нибудь думаетъ, что Италія не сумѣла бы сдѣлаться протестантской страной, если бы дѣйствительно имѣла всѣ данныя для этого? Не фанатизмъ Льва X или Бембо, его апостольскаго секретаря, могъ бы ей помѣшать въ этомъ. Кто противопоставилъ непроходимое варварство успѣхамъ реформаціи, принятой всѣми съ энтузіазмомъ, даже предугаданной всѣми просвѣщенными и искренне религіозными умами, которыхъ тогда насчитывала Италія? Кто обуздалъ то вольнодумство, грозившее ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтоженіемъ послѣднихъ слѣдовъ христіанства въ этой странѣ? Народъ. Было бы тѣмъ несправедливѣе считать религію Италіи навязанной ей извнѣ, что народъ оказывается здѣсь почти всегда суевѣрнѣе самаго духовенства, роль котораго часто сводится къ воспрещенію слишкомъ грубыхъ или безнравственныхъ обычаевъ. Ученая и книжная Италія—Италія Академіи и Университетовъ—была языческой, народъ былъ благочестивымъ. Откройте сочиненія всѣхъ либеральныхъ мыслителей Италіи: Маккиавели, Помпоната, Цезальпина, Кардана, Ванини, и вы найдете у нихъ на каждой страницѣ человѣчество,

¹⁾ Я считаю своимъ долгомъ напомнить здѣсь тѣ объясненія, которыя сдѣланы въ предисловіи къ настоящей книгѣ. Впослѣдствіи я призналъ, что французская революція не представляетъ ни столь важной, ни столь благодатной эры, какъ я думалъ въ то время, когда писалъ настоящую статью. Но то, что я говорю о духѣ современности, по моему, вѣрно и теперь.

раздѣленнымъ на двѣ части: съ одной стороны—народъ, вѣрящій въ святыхъ и чудеса и позволяющій вести себя священникамъ, съ другой стороны—люди образованные, взирающіе съ презрѣніемъ на легковѣрную толпу. Начиная съ двѣнадцатаго вѣка и до нашего времени легко прослѣдить во всей исторіи Италіи слѣды либеральной партіи, состоявшей изъ непопулярнаго меньшинства просвѣщенныхъ умовъ, смѣлыхъ, часто ожесточенныхъ и извращенныхъ въ неравной борьбѣ и постоянно побѣждаемыхъ большинствомъ, которое безъ всякой критики отдается своимъ неразумнымъ инстинктамъ. Отсюда—то презрѣніе къ толпѣ, то чувство возмущенія, сознающаго свое безсиліе, то твердое, рѣзкое, стоическое, являющееся отличительной чертой сильныхъ характеровъ Италіи. Граждане древняго міра, лишеныя отечества, патриціи, родившіеся слишкомъ поздно—они, казалось, не могли примириться съ новымъ культомъ, свергнувшимъ Зевса Капитолійскаго и покрывшимъ таблицами индульгенцій благородный портикъ Агриппы.

Было бы неточно думать, что Соборъ тридцати, Карлъ Борромейскій, Пій V, іезуиты—наложили на этотъ народъ роковые узы. Италія не только допустила ихъ, но приняла съ такой готовностью, что гораздо справедливѣе будетъ сказать: она надѣла ихъ сама. Великая католическая реакція, остановившая во второй половинѣ XVI вѣка развитіе Италіи, была дѣйствительно національнымъ дѣломъ. При болѣе близкомъ изученіи этой интересной реакціи—видишь, что народъ и міряне принимали въ ней еще большее участіе, чѣмъ духовенство; чувствуется, что Италія, утомленная раціонализмомъ, упала въ изнеможеніи на этомъ пути, и приходится убѣдиться, что если она не восприняла духа современности въ религіи и политикѣ, какъ это случилось съ ней весьма рано въ искусствѣ и литературѣ, то только потому, что она не имѣла необходимыхъ для этого данныхъ.

И, дѣйствительно, въ теченіе всей своей исторической жизни Италія всегда оставалась въ сторонѣ отъ теченія событій, положившихъ основаніе духу современности. Въ то время, когда жизнь западныхъ народовъ истекаетъ изъ двухъ источниковъ, являясь результатомъ сочетанія двухъ элементовъ: романскаго и германскаго,—Италія осталась цѣльной и античной. Германскій элементъ былъ здѣсь весьма быстро уничтоженъ силой муниципій, которыя остались латинскими. Античная жизнь, жизнь города-государства, съ его форумомъ, цирками, зрѣлищами, ораторами и грамматиками,—продолжается почти безконечно въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Исторія итальянскихъ республикъ, основавшихся въ XII вѣкѣ, воспроизводитъ до малѣйшей черты жизнь маленькихъ республикъ Греціи; княжества XIV и XV вѣковъ—тѣ же античныя тиранніи; какой нибудь болѣе вліятельный гражданинъ становится самымъ важнымъ лицомъ въ своемъ городкѣ безъ всякихъ притязаній на божественное право и безъ установившейся идеи наслѣдственности. Въ искусствѣ, въ поэзіи, литературѣ опять-таки нѣтъ ничего германскаго. Отъ одного конца Италіи до другого—нѣтъ ни одного истинно національнаго памятника, который можно было бы назвать готическимъ. Итальян-

ское искусство, совершенное въ своихъ узкихъ границахъ, совсѣмъ лишено того чувства безконечности, которое составляло основаніе настроенія варваровъ и на цѣлыя столѣтія вытѣснило идеаль красоты.

Но особенно благодаря враждебности ко всякой централизаціи Италія оставалась вѣрной духу муниципій древности. Домъ Гогенштауфеновъ одинъ былъ способенъ основать въ Италіи современный принципъ національнаго единства. Италія подкопала его. Папство противопоставляло ему, съ одной стороны, лигу итальянскихъ республикъ, съ другой—варварское рыцарство въ лицѣ Анжуйскаго дома, поражая такимъ образомъ однимъ ударомъ Италію, которая запутывается болѣе чѣмъ когда либо во внутренней борьбѣ, и Германію, для которой эта славная династія одна могла сдѣлаться центромъ и очагомъ новой жизни.

Эту ненависть къ имперіи, составляющую основаніе политики Гвельфовъ, Гости примѣняетъ со строгой и непреклонной, чисто монашеской, послѣдовательностью ко всей итальянской исторіи. Отождествляя единство съ деспотизмомъ, онъ не прощаетъ ни древнему Риму того, что онъ хотѣлъ оковать весь міръ въ узы своей имперіи, ни династіи Каролинговъ, что она стремилась превратить идеальное единство христіанскаго міра въ единство матеріальное. Созданіе священной имперіи было въ его глазахъ огромной ошибкой папства.

„Печальное коронованіе! Карлу Августу, вѣнчанному Богомъ, жизнь и побѣда!—воскликаетъ первосвященникъ, и съ этими словами начинается исторія бѣдствій Италіи. Одной рукой онъ возлагаетъ золотую корону на голову этого иностранца, а другой—терновый вѣнецъ на голову злосчастной Италіи. Лучше варвары, чѣмъ императоръ! Тѣ были только бурей, которая пронеслась, не губя ростковъ, а этотъ тайно подкапывалъ въ самомъ корнѣ итальянскую доблесть и убивалъ отечество въ самомъ началѣ его жизни“.

Ломбардскій феодализмъ былъ лучше, продолжаетъ Гости, потому что онъ былъ расчлененъ: онъ приближалъ власть къ націи, и народу легче дышалось сквозь поры этой разъединенной массы. Все, что содѣйствовало разъединенію и увеличенію числа владѣтелей Италіи, ослабленію имперской власти, служило ко благу страны, перенося власть изъ рукъ императоровъ въ руки герцоговъ и графовъ, изъ рукъ герцоговъ и графовъ—въ руки ихъ вассаловъ, а изъ рукъ послѣднихъ—въ руки народа. Этотъ крайній индивидуализмъ, дѣлавшій до сихъ поръ невозможной всякую прочную федерацію и допускавшій только временныя лиги, и составляетъ въ глазахъ новогвельфскихъ писателей славу и доказательство благородства Италіи. Другіе народы, гордящіеся своимъ искусственнымъ единствомъ, возложеннымъ на нихъ внѣшней волей одного человѣка, смотрятъ съ состраданіемъ на неспособность Италіи достигнуть единства. Лицемѣрное и тщеславное состраданіе!

Они счастливы тѣмъ, что привязаны силой къ тронамъ, а Италія сразу осуществила идеаль совершенной цивилизаціи—республику. Флоренція, Миланъ, Венеція и сто другихъ городовъ

были республиками, въ то время, когда Англія, Испанія, Франція и Германія оставались монархіями. Италія, еще воодушевленная духомъ древняго Рима, возвышалась до великой идеи народнаго правительства, тогда какъ другіе народы задыхались подъ гнетомъ германскаго духа. Парижъ, Лондонъ были только городами, а каждая изъ нашихъ общинъ была государствомъ, такъ какъ въ оградѣ ихъ стѣнъ жилъ духъ, жила душа, а не грубая матерія монархіи. Одной Италіи была извѣстна святая идея отечества, въ то время, какъ остальная Европа принадлежала разнымъ владѣтелямъ и находила въ ихъ волѣ свой строй и законы. Какая нація среднихъ вѣковъ можетъ похвастаться Кароччіо, этимъ символомъ итальянскаго патріотизма? Идущій въ бой итальянецъ—не наемный солдатъ, проливающій свою кровь за плату: это гражданинъ, требующій, чтобы отечество слѣдовало за нимъ. Въ лагерѣ сосредоточено все, что составляетъ жизнь общины: мачта, на которой развѣвается знамя, крестъ, обносимый въ публичныхъ процессіяхъ, колоколъ, сзывающій гражданъ, боевыя трубы. Здѣсь каждый день совершаются святые таинства держатся военные совѣты, отправляется правосудіе, какъ на форумѣ; сюда приносятъ раненныхъ и здѣсь находятся священники напутствующие умирающихъ. Это отечество въ лагерѣ; высшее усиліе защититъ его, и все потеряно, когда эта святая патріотизма попала въ руки непріятеля.

Вотъ почему, говоритъ дальше Тости, ни одинъ народъ не умѣлъ такъ любить и ненавидѣть, какъ Италія. Даже ея преступленія ничто иное, какъ крайности ея патріотизма. Казнь Уголино изъ Джерардеско наполняетъ насъ ужасомъ. Но говорили, что „онъ хотѣлъ передать крѣпость непріятелю“. Возможна ли болѣе святая идея отечества, чѣмъ эта, требующая для искупленія одного только подозрѣнія въ измѣнѣ,—не меньше, какъ самой жестокой казни. Въ остальной Европѣ, гдѣ была извѣстна только вѣрность къ отдѣльному человѣку, общественное мнѣніе никогда такъ не возмущалось противъ измѣнника. Контенабль де-Бурбонъ, сражавшійся противъ Франціи, только мстилъ этимъ за интриги и оставался въ глазахъ міра безупречнымъ рыцаремъ.

Вотъ почему Италія не имѣла рыцарства. Рыцарство, по мнѣнію Тости, плодъ чисто германскаго чувства, могло возникнуть только въ странѣ, не знающей ни отчества, ни гражданской жизни. Овладѣть сердцемъ дамы—вотъ высшая цѣль рыцаря. Когда нѣтъ войны, онъ отправляется на мѣста турнира, сражается съ своими противниками, воображаемыми врагами и умираетъ изъ-за одного взгляда. Итальянецъ не чувствуетъ потребностей въ такомъ безцѣльномъ обнаруженіи силы. Рыцарь—побѣдитель получаетъ въ награду замокъ, т. е. право поработить своихъ ближнихъ... А развѣ мы видимъ, чтобы побѣдители при Леньяно, возвратившись послѣ побѣды, получали помѣстья. Нѣтъ, для нихъ было достаточно того, что они побѣдили нѣмцевъ и освободили отечество.

Такой демократическій пуританизмъ можетъ удивлять только тѣхъ, кто не знаетъ Италіи. Она безспорно самая демократическая страна Европы, единственная, находящая демократію въ своей

исторіи. Монархическая власть никогда не могла укорениться въ этой странѣ, за исключеніемъ южной части полуострова, которую ея нравственный упадокъ передавалъ въ руки неограниченной власти; феодальная аристократія быстро ассимилировалась народомъ. Но даетъ ли это ему право быть гордымъ и презрительнымъ къ намъ?—Конечно, нѣтъ. Если видѣть въ прошедшемъ только введеніе, опытъ, приносимый въ жертву будущему строю, то зачѣмъ возмущаться противъ полезныхъ предразсудковъ, положившихъ основаніе, на которомъ должно было воздвигнуться зданіе современнаго общества? Такъ, на примѣръ, наследственность власти. Это, конечно, самое прямое отрицаніе верховенства народа, какъ его понимали греки и римляне, какъ его понимаетъ Италія, и это идея, возникшая у варваровъ, принципъ слѣдовъ которыхъ, даже самыхъ легкихъ, мы не находимъ въ античной древности. Въ ней королевская власть рассматривается, какъ собственность, такъ что лишеніе короля его власти является по отношенію къ нему несправедливостью и лишеніемъ права; такое понятіе правительства можетъ быть у правительства народа, у котораго отняли его верховныя права, не спрашивая на то его позволенія. Италія, жившая всегда, не смотря на завоеваніе варваровъ, традиціями Греціи и Рима, никогда не понимала наследственной власти. Завидывать ли ей этому? Можетъ быть, если бы она, какъ мы, пережила послѣднее подчиненіе королевской власти, ей не пришлось бы теперь оплакивать свою славу и сожалѣть, что какой нибудь тиранъ не одарилъ ее тѣми благами, которыми другія, менѣе славныя страны, обязаны наследственнымъ династіямъ и долгому подчиненію.

Движеніе, увлекающее современныя государства, не направлено къ индивидуальной и муниципальной жизни древности, а скорѣе къ жизни коллективной, въ которой цѣлый народъ дѣйствуетъ и мыслить въ одномъ данномъ направленіи. Итальянецъ плохо понимаетъ это подчиненіе и посвященіе личности общей цѣли: онъ требуетъ болѣе непосредственной близости своихъ верховныхъ правъ, онъ хочетъ непосредственно видѣть ту часть, которую онъ въ немъ имѣетъ, а въ подчиненіи лишь видитъ реакцію своихъ собственныхъ дѣйствій. Такая социальная форма, превосходная при зачаткахъ цивилизаціи, становится слабой, даже невозможной при болѣе сильной организаціи челоуѣчества. Цивилизація и общественная жизнь могли возникнуть только въ независимыхъ городахъ и на ограниченной территоріи. Вотъ почему въ то время, когда Европа совершенно не знала гражданской жизни, эта жизнь процвѣтала, какъ въ самую блестящую эпоху Греціи, на берегахъ Арно, въ Ломбардіи, среди лагунъ Адриатическаго моря. Но значеніе этихъ государствъ, ограниченныхъ предѣлами городовъ, прекратилось въ тотъ моментъ, когда челоуѣчество стало соединяться въ большія массы. Не Кампоформійскій договоръ уничтожилъ Венеціанскую республику послѣ 14-ти вѣковаго существованія ея, но сама Венеція, этотъ городъ-государство, сдѣлалась аномаліей въ современной Европѣ, и ей не осталось ничего другого, какъ умереть.

II.

Катастрофа застала Тости въ то время, когда онъ писалъ послѣднія страницы своей патріотической исторіи.

„Между тѣмъ, какъ я былъ весь занятъ этими разсказами, говоритъ онъ въ концѣ своей книги, въ 1848 году, въ этомъ году спасенія, произошелъ такой взрывъ происшествій, что писать исторію сдѣлалось несвоевременнымъ. Я писалъ для итальянцевъ исторію ихъ славы, когда вся Италія поднялась, чтобы броситься туда, куда призывали ее усмиренныя небеса. Свободная отъ оковъ, въ которыя она была заключена въ продолженіе полувѣка людьми прошлаго времени, она стряхнула ихъ съ себя, и отголосокъ ея торжественнаго похода дошелъ до глубины моего уединенія. Тогда оторвалъ перо отъ этихъ страницъ я, человекъ среднихъ вѣковъ, посвятилъ отечеству, которое, какъ изъ-за палисадъ феодальнаго замка, вырывается изъ среднихъ вѣковъ, настоящую книгу, какъ документъ правъ, опредѣляющихъ ему мѣсто въ соборѣ народовъ, и той безмѣрной любви, которой я исполненъ къ нему. Пусть поэтому ученые не ищутъ на этихъ страницахъ чего нибудь рѣдкаго и труднаго, неизвѣстныхъ до-нынѣ фактовъ и съ трудомъ открытыхъ истинъ; нѣтъ, это простой разсказъ, который я составилъ для своихъ братьевъ у отечественнаго очага, наканунѣ большого путешествія.

„Итакъ, братья, пусть ваша душа будетъ на высотѣ не только вашего народа, но и всего человѣчества. Пусть сердце ваше переполнится любовью, которая распространилась бы за границы Альпъ и морей. Не печальтесь, что слабы одни, измѣнчивы другіе: золото и сила поддерживаютъ ихъ жизнь, но время ихъ уничтожить. Христосъ, побѣдивъ міръ, сравнялъ и освободилъ сословія; Онъ сравнялъ и освободилъ народы. Онъ оберегаетъ правосудіе не одного какого нибудь народа или города, а всей человѣческой семьи. Передъ Нимъ каждый народъ будетъ занимать свое мѣсто. Вы, итальянцы, помѣстите нашъ народъ на вѣчной скамьѣ Капитолійской, такъ какъ только оттуда будетъ провозглашенъ приговоръ братства, которое и есть конечная цѣль дѣяній Христа.

„Исторія людей окончена. Счастливъ тотъ, кто напишетъ первую исторію человѣчества. Я, итальянецъ, чуждый жизни, которая такъ богата въ своемъ будущемъ, сижу на развалинахъ эпохи, которая уже прошла, и моя любовь будетъ издали слѣдовать за вами. И если только какая нибудь рука ударитъ меня по плечу и пригласитъ слѣдовать за вами, она найдетъ меня на краю священной могилы; тамъ я открою брэнность покровы человѣческихъ формъ и нетлѣнности человѣческаго ума, который все переживаетъ“.

Нужно было видѣть искры этого огня, живыя послѣ двухъ лѣтъ обмановъ и печалей, чтобы понять, сколько погибло надеждъ и благородныхъ мечтаній въ этихъ, сдѣлавшихся восторженными вслѣдствіе уединенія, душахъ, чуждыхъ, впрочемъ, тѣхъ отбѣнковъ и чувствованій, которыя могутъ быть пріобрѣтены практической жизнью и опытностью. Мы, свыкшіеся съ революціями, неспособ-

ны на такую наивность, привыкли съ самаго начала удѣлять часть своихъ надеждъ для энтузіазма, часть—для будущихъ разочарованій. Критикуя прошлое, мы сдѣлались критиками самихъ себя. Вѣдь если въ продолженіе предшествующихъ намъ трехъ тысячъ извѣстныхъ лѣтъ исторіи нѣтъ такого движенія, которое мы могли бы рѣшительно осудить или оправдать, то развѣ не вполне правдоподобно, что въ будущемъ насъ будутъ судить такъ, какъ мы судимъ прошлое? Въ будущемъ не раздѣлятъ нашего гнѣва, какъ мы не понимаемъ негодованія прошлыхъ вѣковъ. Какъ можно надѣяться на свою безошибочность, если съ самаго начала человѣчества ни одна партія, ни идея не имѣла этого преимущества? Зачѣмъ утруждать себя энтузіазмомъ или ненавистью, когда можно быть увѣреннымъ, что въ будущемъ не поймутъ этихъ чувствъ и признаютъ отчасти правоту нашихъ противниковъ и отчасти насъ самихъ.

Но не отъ Италіи и особенно не отъ монаха слѣдуетъ ожидать такого спокойствія въ критикѣ. Вѣдь 48 годъ былъ годомъ сильнаго мистическаго энтузіазма. Въ промежутокъ нѣсколькихъ недѣль, какъ три боевыя призыва вышли въ Монте-Кассино его „*Lique l'ombarde*“ „*Voquant du dix-neuvième siècle*“ и „*Psautier de pèlerin*“. Особенно въ этихъ двухъ послѣднихъ произведеніяхъ его горячая вѣра въ отечество, его безграничныя надежды на будущее Италіи достигли высокой степени поэтическаго выраженія. Когда Тости писалъ эти огненные страницы, онъ не зналъ Ламенне. Онъ находилъ секретъ своего стиля въ своемъ воображеніи и въ своемъ дисциплинированномъ умѣ священника. Одинаковый по своей страстности и подобный ему стиль былъ открытъ 15 лѣтъ тому назадъ другому вдохновенному монаху. Я хотѣлъ бы выписать здѣсь „*Prière du soldat*“, чтобы выяснить то странное поведеніе этихъ монаховъ, призывающихъ къ оружію изъ глубины Аппенинскихъ пустынь:

„Приходите, сыны Альпъ, спѣшите сыны моря въ Ломбардскую долину: тамъ ждетъ васъ Господь“.

„Откройте передъ Господомъ свои груди, охраняемыя Имъ. Онъ поднимаются отъ ударовъ опьяненнаго сердца“.

„Впередъ! пусть ваши ноги погрузятся въ землю ломбардской долины, въ землю, еще совсѣмъ свѣжую отъ крови вашихъ братьевъ“.

„Господи! дай быстроту лошадямъ Твоей колесницы и благослови слугъ твоей мести“.

„Вызови изъ мрака вѣковъ солнце Гелбое, и пусть его лучи, отраженные нашими щитами, ослѣпятъ глаза людей Сѣвера, идущихъ на насъ“.

„Вырви у кометъ, прислужницъ Твоего гнѣва, ихъ кровавыя косы и надѣнь ихъ на шлемы нашихъ солдатъ; пусть грозный видъ ихъ головъ приведетъ въ такой страхъ злыхъ, чтобы они обратились въ бѣгство“.

„Наточи наши сабли и оживи въ насъ воспоминанья о рабствѣ! Опьяни насъ сладостью свободы“.

„Счастливы тѣ, которые умираютъ для Бога и за отечество. Надъ ихъ костями вырастаютъ цвѣты безсмертія въ то

время, когда ихъ тѣла, освѣщенные славой, ложатся въ глубь земли“.

„Счастливы тотъ, кто послѣ возвращенія съ битвы, кровью своихъ ранъ окрашиваетъ грудь своей возлюбленной“.

„Онъ будетъ отцемъ сильныхъ; имя его будетъ сіять, какъ солнце на небесахъ вѣчности“.

Видѣніе апокалиптического всадника выдается своей яркостью между страницами „*Paroles d'un croyant*“.

...„Онъ ѣхалъ по дорогѣ, устланной спинами и головами тысячи народовъ, которые сгибались подъ нимъ съ руками, привязанными къ бокамъ“.

„Я же слышалъ глухіе удары копытъ по этимъ головамъ и спинамъ, и мнѣ стало жаль ихъ“.

„Когда же лошади проходили, всѣ эти головы, подобно колосьямъ, которые дрожатъ, волнуемые вѣтромъ, поднимали свои лица съ глазами, полными слезъ“.

„И всѣ они выражали одну жалостливую просьбу и, казалось, единогласно зывали:“

„Отче нашъ, иже еси на небеси! да будетъ воля Твоя! мы знаемъ, что мы бѣдные грѣшники“.

„Мы знаемъ, что назначеніе наше—не эта земля живыхъ, а юдоль плача и несчастій“.

„И хотя мы грѣшны всѣ, мы дѣло Твоихъ рукъ; вѣдь ты видишь на нашихъ членахъ печать Твоего божественнаго лица“.

„Мы перенесемъ, Господи, все, что ты захочешь: голодъ, жажду, скорби, смерть“.

Затѣмъ слѣдуютъ мечты, какъ очарованные острова посреди этихъ бурныхъ морей, какія, должно быть, возрождаются подъ зелеными дубами Монте Кассино:

„И вотъ благородная дама (человѣчество), исполненная духа святаго, стала передъ Гавріиломъ, какъ пальма, наклоняющая свою верхушку передъ всходящимъ солнцемъ, привѣтствуя его“.

„И говоритъ ей ангелъ: скажи мнѣ женщина, что ты чувствуешь въ своемъ сердцѣ; положи руку на твое сердце; прислушайся, что оно тебѣ скажетъ“.

„Она приложила руку къ своему сердцу и неподвижно, съ нерѣшительнымъ взоромъ, ждала его отвѣта“.

„Божій вѣстникъ!—сказала она—я чувствую во всемъ огромное желаніе Бога; я чувствую пламя, которое называется любовью на землѣ и Богомъ на небесахъ“.

„И сказалъ ей ангелъ: скажи, что ты чувствуешь въ своемъ умѣ, спроси совѣта у него и узнай, что онъ тебѣ отвѣтитъ“.

„Она замолчала. Съ сложенными руками и наклоненной головой, она воскликнула: „Истина, истина!“

„Пусть любовь и истина будутъ съ тобою!—сказалъ ей Гавріиль“.

„Пусть любовь будетъ тебѣ товарищемъ на жизненномъ пути, а истина—руководителемъ во всякомъ начинаніи“.

„Пусть любовь будетъ для тебя хлѣбомъ, который тебя насытитъ, и водою, которая утолитъ твою жажду; пусть она будетъ тебѣ тихимъ и ночнымъ освѣжающимъ сномъ“.

„Пусть любовь будетъ тебѣ нарядомъ, о которомъ ты мечтаешь, повязкой, опоясывающей твою грудь, ожерельемъ на твою шею, супружескимъ украшеніемъ твоей головы“.

„Пусть любовь будетъ для тебя кристальной водой твоихъ утреннихъ омовеній, надромъ, бальзамомъ для твоей головы, распространяющими вокругъ тебя благоуханія Сарона весною“.

„Да шествуетъ истина передъ тобою, какъ факель во мракѣ!“

„Да сядетъ она на высотѣ твоего разума, какъ кормчій, слѣдящій съ кормы за утренней звѣздой“.

„Пусть истина научить твою молодую мысль возноситься все выше и выше, пока она не достигнетъ, дрожа отъ восторга, границъ, дальше которыхъ нельзя вознестись“.

Если бы для Италіи, чтобы быть свободной, нужны были только благочестивыя молитвы и поэтическія вдохновенія, она уже сегодня была бы таковой. Но небо, давая ей самые восхитительные подарки, отказало ей въ томъ, что дѣлаетъ народы свободными: въ силѣ, серьезности, мужественности и твердости.

A guisa di leon quando si rosa.

Быть можетъ, что поль существуетъ и для народовъ, какъ для живущихъ существъ; и дары природы вѣдь не случайности. Будучи менѣе слабой, Италія была бы, несомнѣнно, не столь прекрасной. Кто захочетъ жалѣть ее и скажетъ, что имѣетъ не лучшую часть?

Въ 1850 г. однажды въ воскресенье я шелъ одинъ изъ Венеціи въ Лидо. Лагуна была безплодна, и только слышенъ былъ звукъ колоколовъ церкви Св. Марка, который разносился по спокойной поверхности морского берега. „*Barcaiuolo*“—характерный типъ той интеллигентной живости, какой отличается народъ Венеціи,—со слезами на глазахъ и съ гордостью пѣлъ вполголоса гимнъ итальянской независимости: „*Benedetta la santa bandiera, che'l Vicario di Cristo innalzò!* По напѣву онъ былъ похожъ на тѣ гимны, которые поются каждый вечеръ передъ Мадонной. Подобные напѣвы не побуждаютъ къ побѣдѣ. Вѣдь подъ наплывомъ совсѣмъ иныхъ чувствъ вырвался изъ груди нашихъ отцовъ гимнъ, полный воинственности: *Allons, enfants de la patrie*. Венеція, сдѣлавшись свободною, не имѣетъ ничего болѣе спѣшнаго, какъ возвратиться къ своему апокрифу Св. Марка, который она дѣлаетъ своимъ символомъ. Эти солдаты, имѣющіе претензію шествовать во имя новыхъ идей, не находятъ ничего лучшаго, какъ придать себѣ названіе крестноносцевъ. Они воображаютъ, что такой личиной они обратятъ въ бѣгство сильныя арміи. Отнынѣ только умъ, умеренность и дѣятельная умственная жизнь станутъ побуждать. Было бы хорошо, если бы какой либо тяжелый урокъ научилъ Италію не полагаться на изъѣденную червями дощечку, которая ранитъ руки вмѣсто того, чтобы поддерживать ихъ. Хорошо было бы, если бы всѣ тѣ, которые великодушно надѣялись устроить новую жизнь при помощи того, что уже не признается, терпѣли бы только разочарованія до тѣхъ поръ, пока въ сердцахъ ихъ не останется ни капли надежды.

Гости прекрасно понималъ, что смыслъ исторіи Италіи заключается въ Римѣ. Но онъ не понялъ, что цѣль римскаго пап-

ства въ исторіи Италіи была противоположна той цѣли, которой оно желало достигнуть. Дѣло въ томъ, что Италія—это престоль умственного могущества, распространявшагося на весь свѣтъ, котораго онъ не можетъ надѣяться привести въ территоріальныя единство и независимость. Италія хотѣла для себя пріобрѣсти преимущество непогрѣшимости: она заставила принять свои приговоры, за то свѣтъ приговорилъ ее къ небытію, и въ тотъ день, когда она захотѣла существовать для себя самой, ей на пути стала Европа, говоря ей: „Стой! ты намъ принадлежишь!“ Папство среднихъ вѣковъ совсѣмъ даже и не думало предлагать эту странную аномалію. Въ это время папство не было итальянской институціей, а лишь католической. Папа, почти всегда чуждый Италіи, считаетъ себя главою христіанства, а не итальянскимъ княземъ. Его временное княжество по многимъ причинамъ только номинально. Онъ не царствуетъ у себя: его царство—цѣлый міръ. Между его тремя коронами нѣтъ ни одной, которая за какой либо клочекъ земли дала ему право на мѣсто среди монарховъ. Удивляются, что папы въ среднихъ вѣкахъ такъ мало построили: это и понятно—вся ихъ забота была о католикахъ. Римъ для нихъ очень мало значилъ, и въ четырнадцатомъ вѣкѣ папство, считая возможнымъ оставить Римъ, было только послѣдовательно своему назначенію. Перенесеніе папства въ Авиньонъ, законное въ своемъ принципѣ, явилось для Италіи прекраснымъ случаемъ отдѣленія своей судьбы отъ судьбы церкви; Италія же сдѣлала неисправимую ошибку, возстановивъ связи, которыя порвались. И вотъ она усердно призываетъ папу и его дворъ, проклинаетъ французскихъ папъ и безразсудно, смѣшно провозглашаетъ свою побѣду: *Nunquam Gallus cantabit in Sancta Sede*. Она захотѣла Итальянскаго папства и она будетъ его имѣть. На мѣсто древняго Латеранскаго папства, пришедшаго въ большой упадокъ во время большой схизмы, поднимается скоро чисто итальянскій дворецъ Ватикана,—дворецъ, подобный флорентійскому, совершенно безъ религіознаго или католическаго характера. Италія построила его для католиковъ, и церковь стала ея собственностью. Папа уже только Итальянскій князь, подобно Медичи изъ Флоренціи, Серорцамъ и Висконти изъ Милана, ла-Роверамъ изъ Ирбина. Прощайте, великія надежды Георгія и Иннокентія! Прощай, всемірная монархія. Что значить этимъ князьямъ: Борджіа ла-Роверъ, Медичи, Альдобрандини, Фарнѣзе, что значить (за исключеніемъ доходовъ, которые они съ него получали) весь этотъ свѣтъ: Германія, Англія, Норвегія, Швеція—который не имѣетъ съ ними сношеній и который прежде папа, какъ общій отецъ, безъ труда объединялъ? Эти князья имѣли другія заботы—закруглять свои маленькія государства по способу Маккіавели, возстановлять своихъ племянниковъ, воевать оружіемъ съ маленькими князьями и интригой съ двумя могущественными державами, которыя съ этого времени будутъ имѣть вліяніе на итальянскія дѣла.

Прослѣдите послѣдовательно за этой перемѣной до нашихъ временъ и вы увидите удивительное зрѣлище, какое изъ себя представляютъ XVII и XVIII вѣка. Что имѣло въ эту эпоху зна-

ченіе для побѣды въ теологическихъ спорахъ? Имѣть значеніе въ римскомъ дворѣ, доставить Риму ловкихъ агентовъ для всѣхъ итальянскихъ продѣлокъ, добиться признанія у конгрегацій, составленныхъ изъ однихъ только итальянцевъ. Разсмотримъ случай, какой представила исторія Фенелона. Онъ, самый возвышенный умъ своего вѣка, соглашается быть судимымъ нѣсколькими итальянцами, навѣрно, не обладавшими ни той сердечной чистотой, ни тѣмъ замѣчательнымъ умомъ. Католицизмъ сдѣлался лениникомъ Италіи, но за то Италія перестала существовать. Латеранъ прекрасно изображаетъ великое папство среднихъ вѣковъ, а Ватиканъ свѣтское папство и итальянское возрожденіе, но дѣйствительною резиденціею новѣйшаго папства является Квириналь. Жалкое собраніе чиновниковъ, центръ маленькой власти, стоящей только на дипломатіи. Государственныя заботы въ новѣйшія времена представляютъ изъ себя такое сложное дѣло, которое никакъ не можетъ быть дѣлимимъ. Этотъ несчастный кусокъ земли достаточенъ для того, чтобы завладѣть мыслями главы католичества. Какое паденіе, великій Боже! Прежній монархъ душъ нисходитъ до сдѣлокъ съ еретиками, чтобы фигурировать между монархами третьяго или четвертаго разряда.

Папа среднихъ вѣковъ царствуетъ вездѣ и нигдѣ; онъ мало тяготитъ Италію, потому что его царство обнимаетъ всю вселенную, а онъ не имѣетъ времени думать о независимыхъ и всегда мятежныхъ муниципалитетахъ, которые составляютъ его специальное достояніе. Папа XV и половины XVI вѣковъ смотритъ на себя, какъ на прямого главу своихъ маленькихъ государствъ; но, по крайней мѣрѣ, этотъ властитель—національный и чисто итальянскій. Напротивъ, папу нашего времени гораздо труднѣе одолѣть, такъ какъ онъ въ то же время неограниченный прямой глава части Италіи, при томъ еще всемірный и космополитическій въ своей политикѣ. Въ сущности въ наши дни, какъ въ средніе вѣка, Римомъ управлялъ монархъ, чуждый ему, хотя носящій итальянское имя и рожденный въ Италіи. Ибо, какъ скоро этотъ итальянецъ по рожденію желаетъ сдѣлаться итальянцемъ и въ политикѣ, то прямая невозможность становится ему преградой на каждомъ шагу, и ему приходится оставаться вѣрнымъ своимъ обязанностямъ первосвященника и возвратиться къ своей политикѣ чужестранца. И вотъ, два подобныхъ положенія приведутъ къ двумъ подобнымъ эффектамъ. Если Европа и Италія будутъ продолжать слѣдовать по тому пути, по которому начали, то, я думаю, черезъ нѣкоторое время папство снова отдѣлится отъ Италіи. Въ сущности, нововведеніе это будетъ очень маловажнымъ, такъ какъ папа, хотя итальянецъ по имени, не могъ быть имъ въ своей политикѣ. Гдѣ теперь центръ католичества? Кто держитъ ключи Св. Петра? Пусть только хоть на этотъ разъ Италія не побѣдитъ за ними. Тогда не обращать вниманія на это большое раздѣленіе будетъ первымъ и самымъ необходимымъ условіемъ ея независимости.

Религіозныя привычки слишкомъ глубоко укоренились въ Италіи, чтобы можно было думать и обращать вниманіе на это при политическихъ реформахъ страны. Италія представляетъ полную про-

тивоположность Франціи, гдѣ почти всѣ общественныя завоеванія имѣли революціонный и совсѣмъ свѣтскій характеръ; движенія въ Италіи, которыя въ среднихъ вѣкахъ основали муниципальную свободу, производились подъ религіозной фформой. Революція, которой въ будущемъ будетъ благодаренъ полуостровъ своимъ политическимъ существованіемъ, по всей вѣроятности, будетъ имѣть тотъ же характеръ. Но не будетъ стараго католицизма, судьба котораго съ этого времени связана съ принципами, погубившими Италію, нужно искать новой закваски. Только благородныя иллюзіи могли заставить надѣяться на папскую партію, что она могла создать сильную свободную Италію во имя Св. Петра. Время Юлія II прошло. Пусть всѣ, кто надѣялся на это, оставятъ всякую надежду. Ужъ нельзя говорить: Пій IX и Италія; нужно говорить: Пій IX или Италія. Если Италія довольна сама собой, если она хочетъ остаться тѣмъ, чѣмъ была со времени Собора тридцати, то пусть она слушаетъ школу іезуитовъ, которые учатъ ее обходиться безъ отечества. Пусть она займетъ надлежащее мѣсто между новыми народами, если она желаетъ быть народомъ серьезнымъ, сильнымъ умѣреннымъ, благоразумнымъ,—такимъ, о которомъ она говоритъ вмѣстѣ съ Петраркой:

Dell' empra Rabilonia, ond' è fuggita
Ongi vergognd, ond' ongi bene è fori,
Albegro di dolor, marde d'errori,
Son fuggit' io per allungar la vita.

Италіи нуженъ Арнольдъ Бресскій. Конечно, я совершенно не вѣрю, что попытки, направленные къ тому, чтобы привить Италіи не созданное для нея, могутъ увѣнчаться успѣхомъ. Протестантизмъ слишкомъ серьезенъ для народа, привыкшаго къ поверхностнымъ и легкимъ формамъ религіи. Только англиканское добродушіе могло вообразить себѣ, что чистый текстъ Библии пріобрѣтетъ въ Италіи многочисленныхъ послѣдователей. Италія должна создать религіозную реформу самостоятельной внутренней работой. Не нужно мѣшать ей въ этой священной работѣ. Всякое предсказаніе здѣсь очень рискованно, но я думаю, что въ этой странѣ слишкомъ много разрушенныхъ иллюзіи, неразрушимыхъ надеждъ, страданій, покорности судьбѣ, гнѣва, а также слишкомъ мало раціонализма и критики для того, чтобы можно было предсказать близость великаго религіознаго движенія.

Когда я посѣтилъ Монте-Кассино, Тости уже не было тамъ, но тамъ жила вся душа его. Изъ стараго аббатства святого Бенедикта онъ сдѣлалъ убѣжище изящнаго искусства, возвышенныхъ чувствъ и духовной жизни. Пусть всякій, кто хочетъ понять муки людей, одаренныхъ благородными стремленіями и принужденныхъ жить среди народа, отправляется туда. Первые удары реакціи должны были обрушиться на благородное аббатство, которое стало центромъ интеллектуальнаго и либеральнаго развитія этой части Италіи. Однажды по дорогѣ, окаймляющей горы, проскакалъ галопомъ эскадронъ конницы. Монастырь былъ занятъ войскомъ. Типографія, выпустившая сочиненія Тости и

нѣсколько ученыхъ работъ, была опечатана.¹⁾ Одинъ изъ священниковъ, обвиненный, кажется, въ рационализмъ и пантеизмъ, былъ препровожденъ въ Неаполь и заключенъ въ тюрьму. Гости принужденъ былъ удалиться. Благодаря прежнимъ связямъ ему удалось найти себѣ убѣжище возлѣ Рима у церкви св. Павла, внѣ городскихъ стѣнъ.

Здѣсь я увидѣлъ его. Онъ примирился съ судьбой, былъ счастливъ своими мыслями, но, мнѣ кажется, онъ утратилъ тогда всякую надежду. Никогда факты такъ жестоко не противорѣчили человѣческимъ расчетамъ. Та самая папская власть, которую онъ превозносилъ до небесъ и называлъ священнымъ ковчегомъ Италіи, теперь одобряетъ все отвергнутое имъ, и провозглашаетъ самую дорогую и святую мысль его: идею итальянскаго отечества, ужаснымъ еретическимъ созданіемъ ада. Я старался не касаться этой болѣзненной раны и не вызывать въ немъ мучительнаго сознанія. Онъ говорилъ о прекрасныхъ дняхъ, проведенныхъ въ Монте-Кассино, и о благородной жизни, которую онъ велъ тамъ, какъ о золотомъ вѣкѣ. Я дѣлалъ видъ, что вѣрю въ возможность возвращенія этихъ счастливыхъ дней. „Нѣтъ, скавалъ онъ, мечты не повторяются. Если во снѣ вы видѣли отверстыя небеса и лики блаженныхъ, то тщетно вы будете стараться послѣ пробужденія возстановить божественное видѣніе: оно исчезло навсегда“. Онъ говорилъ много о Франціи, которая была ему совершенно незнакома, и любопытство его давало возможность предположить, что онъ направлялъ свои взоры въ эту сторону.

Нѣтъ Гости! Что сталъ бы ты дѣлать среди насъ? Франція—это мѣсто ссылки для такихъ душъ, какъ твоя. Гдѣ было бы мѣсто твоей чистой поэтической душѣ среди слѣпыхъ страстей грубого матеріализма и неразумной религіи? Изъ твоей кельи ты слышишь журчаніе Тибра, ты видишь каждый вечеръ, какъ горы Альбано погружаются въ потокахъ свѣта. Чего тебѣ нужно больше? Останься итальянцемъ, останься монахомъ, довольствуйся твоимъ нравственнымъ благородствомъ и симпатіей всѣхъ, кто въ душѣ обожаетъ тебя.

Революціонныя движенія Италіи.

Италія многому научила міръ; но изъ всего того, что она завѣщала ему, самое важное—это ея исторія. Событія развертывались здѣсь съ удивительной полнотой; благодаря этому, тѣ уроки, которые можно извлечь изъ исторіи другихъ странъ только съ помощью терпѣливаго анализа, написаны въ лѣтописяхъ этой чудесной страны гигантскими, блестящими буквами. Нигдѣ не было такой страстной борьбы за жизнь, нигдѣ нельзя лучше изу-

¹⁾ Въ такомъ положеніи она оставалась до 1850 года и, я думаю, находится и до-нынѣ. Когда въ ноябрѣ 1849 года землетрясеніе сорвало печати, аббатству стали угрожать еще большія преслѣдованія.

читать философію человѣческой дѣятельности, чѣмъ въ этомъ совершенномъ зеркалѣ. Исторія Италіи,—то трагическая, то великолѣпная,—была самымъ интереснымъ предметомъ для мыслителя и самой ослѣпительной мечтой для воображенія. Конечно, исторія Франціи представляетъ изъ себя весьма логическое развитіе и удивительное единство; но эта исторія далека отъ того, чтобы представлять изъ себя законченное цѣлое; ея окончательная формула еще ускользаетъ отъ насъ, и будущее, которое она намъ готовить, окружено тайной. Италія, наоборотъ, имѣетъ то преимущество, что она пережила два полныхъ, смѣнившихъ другъ друга друга круга развитія: развитіе древности и развитіе среднихъ вѣковъ. Послѣ того страннаго сна, который она перенесла въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ, можно сказать, что ея исторія окончена и что ея будущее, какимъ бы оно ни было, не будетъ имѣть почти никакой связи съ прошлымъ.

Книга Феррари ¹⁾ проливаетъ много свѣта тѣмъ, кого интересуется великая проблема Италіи. Феррари, отличающійся живымъ и подвижнымъ умомъ и обладающій въ высшей степени достоинствами и недостатками своей націи, умѣлъ лучше всякаго другого разобратъ въ этомъ лабиринтѣ волненій безъ цѣли, но не безъ результата, и слѣпой, но плодотворной ненависти; этотъ лабиринтъ и составляетъ основную ткань лѣтописей его страны. Нужно быть итальянцемъ, чтобы заставить понять и полюбить тотъ адъ, въ который была погружена болѣе тысячи лѣтъ Италія, руководимая своимъ геніемъ. Странная вещь! Такой социальный строй, въ которомъ самыя обычныя жестокости равнялись жестокостямъ самыхъ страшныхъ дней террора, такой политической режимъ, который породилъ въ различныхъ городахъ Италіи болѣе семи тысячъ двухъ сотъ революцій и болѣе семи сотъ массовыхъ убійствъ (эта интересная статистика установлена Феррари), который каждая пять-шесть лѣтъ приводилъ къ гражданскимъ войнамъ и постоянно вызывалъ убійства и отвратительныя измѣны,—такой строй былъ такъ дорогъ для Италіи, что она никогда не согласилась бы промѣнять его на спокойствіе, купленное цѣною уменьшенія ея дѣятельности. Единственная свобода, которой она, повидимому, дорожила, была свобода вести гражданскія войны; то, что въ нашей спокойной и робкой цивилизаціи служитъ помѣхой для всякихъ общественныхъ отправленій, было для этого народа, пожираемаго потребностью общественной жизни, необходимымъ условіемъ великихъ дѣлъ и плодотворнаго творчества. Представьте себѣ смущеніе почтеннаго Сисмонди, ортодоксальнаго республиканца и строгаго протестанта, при столкновеніи съ этимъ бѣшеннымъ хороводомъ, который на каждомъ шагѣ опрокидывалъ его столь точный здравый смыслъ и столь твердые принципы! Феррари понимаетъ все это при помощи своего племенного инстинкта, который не былъ развитъ въ такой степени ни у одного историка. Онъ самъ принимаетъ во всемъ участіе, онъ входитъ въ дьявольскій кругъ, от-

¹⁾ *Histoires des révolutions d'Italie*, 4 vol. in 8-o Paris, 1857—1858.

лично зная, что онъ ведетъ въ пропасть; онъ почти негодуетъ на тѣхъ, которые, говоря о мірѣ, единеніи и согласіи, замедляютъ все ускоряющійся ходъ революцій. Его Богъ—Богъ Маккиавелли, роковая судьба, которую не можетъ предотвратить никакой законъ, никакой догматъ, и которая осуждаетъ человѣка вѣчно преслѣдовать свою цѣль, никогда не достигая ея, или, въ случаѣ достиженія, разочаровываться въ ней и находить ее ребяческой. Неисчерпаемая молодость воображенія, истинно аттическая любовь къ жизни и дѣятельности дѣлаютъ въ его описаніи чарующимъ этотъ ужасный міръ безъ вѣры и добродѣтели; онъ превращаетъ для него въ празднество это зрѣлище, которое, повидимому, способно возбуждать только отчаяніе.

Я не выпускаю изъ виду важныхъ недостатковъ, которые повредятъ книгѣ Феррари въ глазахъ читателей, требующихъ обоснованныхъ сужденій и простого, чистаго слога, а не смѣлыхъ замѣчаній и новыхъ утонченныхъ истинъ, выраженныхъ всегда въ преувеличенной формѣ. Феррари—замѣчательный мыслитель и высоко одаренный артистъ; ему извѣстны всѣ тайны нашего языка, и онъ умѣетъ пользоваться ими; и, однако, его стиль часто неглазокъ и утомителенъ. Прекрасныя описанія, удачныя выраженія, живыя и яркія краски—все это въ изобиліи выходитъ изъ подъ его пера. Но ему, повидимому, совсѣмъ не знакомо искусство создавать изъ всего этого прочное гармоническое соединеніе, не боящееся самой строгой критики. Его взгляды обыкновенно вѣрны и тверды; но онъ мало заботится о точности и ясности въ мелочахъ. Такимъ образомъ его книга представляетъ изъ себя странную смѣсь большихъ достоинствъ, которыя оцѣнятъ лишь немногіе, и маленькихъ недостатковъ, которыя всѣмъ сразу бросятся въ глаза. Я не стану спорить съ тѣми, кто обвиняетъ его въ систематичности и парадоксальности, въ неуваженіи ко всякимъ политическимъ, литературнымъ и историческимъ приличіямъ; я скажу только, что меня онъ восхищаетъ. Я знаю лишь очень немного книгъ, которыя такъ рельефно обрисовывали бы свой предметъ и порождали бы столько размышленій какъ объ этомъ, такъ и объ иномъ мірѣ. Замѣчаемые въ его книгѣ странные пробѣлы и въ особенности отсутствіе всякаго нравственнаго сужденія, отъ котораго авторъ, безъ сомнѣнія, намѣренно воздерживается, имѣютъ свои основанія въ этой исторіи или, вѣрнѣе, въ этомъ странномъ кошмарѣ, отъ котораго пробуждаешься съ сомнѣніемъ, носитъ ли человѣческая природа божественный или адскій характеръ, но съ увѣренностью въ томъ, что судьба человѣчества не проста, что нѣчто неизвѣстное двигаетъ его.

Каждая страна порождаетъ свою философію исторіи; чтобы лучше всего судить о націи, нужно изучить тѣ историческія теоріи, которыя она породила. Недостатки системы Феррари—это недостатки самой исторіи Италіи; поэтому они очень поучительны. Какъ всѣ великіе люди его страны, Феррари буквально одержимъ своей идеей: скорѣе идея владѣетъ имъ, чѣмъ онъ ею. Занятый мыслью о роковой необходимости, съ которой революціи слѣдуютъ одна за другой, какъ конвульсивныя движенія больного,

Феррари совершенно забываетъ о двухъ элементахъ, которые нужно признать въ исторіи, хотя бы для утѣшенія честныхъ людей—о случаѣ и о свободѣ. Читая его книгу, можно подумать, что исторія не создается людьми; въ ней нѣтъ ни одного дѣйствующаго лица, которому онъ приписывалъ бы какую нибудь личную роль. Какъ были бы удивлены всѣ эти флорентинцы, пизанцы, сѣнцы двѣнадцатаго, тринадцатаго и четырнадцатаго столѣтій, если бы они могли прочесть книгу своего соотечественника девятнадцатаго вѣка и нашли бы въ ней свои безразсудныя страсти, свои увлеченія и свои капризы, возведенныя въ абстрактныя теоріи и въ непреложные законы! Конечно, историкъ-философъ имѣетъ полное право открывать въ событіяхъ множество такихъ вещей, которыхъ не видѣли современники и герои этихъ событій. Великіе законы исторіи можно замѣтить только на разстояніи: черезъ тысячу четыреста лѣтъ мы увидѣли, на примѣръ, что германскіе варвары оказали міру большую услугу, внеся идею индивидуальныхъ правъ и свободы; но Сидоній, Апполлинарій и Кловисъ, вѣроятно, очень удивились бы, если бы услышали эту мысль. Ничто не носитъ съ собой своей формулы; будущее лучше узнаетъ, чѣмъ мы были. Естественно также и то, что обогащенные опытомъ прошлыхъ событій, мы высказываемъ такіе взгляды относительно роли великихъ людей, которыхъ сами великіе люди совсѣмъ не подозрѣвали. Поэтому я не упрекаю Феррари, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, въ томъ, что онъ приписываетъ событіямъ большее значеніе, чѣмъ они имѣли въ дѣйствительности: по моему мнѣнію, у него ошибочна лишь та мысль, что они управляются абсолютными законами. Всякій историческій законъ вѣренъ только приблизительно; стараться дать одно и то же объясненіе безконечному разнообразію событій, значитъ обрекать себя на постоянныя неудачи. Я особенно жалѣю о томъ, что Феррари считалъ своей обязанностью найти законы итальянской исторіи въ остальныхъ странахъ Европы. Эта часть его труда кажется мнѣ самой утонченной и самой систематической. Его обыденное глубокое пониманіе политическихъ событій, когда дѣло идетъ объ Италіи, измѣняетъ ему на этой чуждой почвѣ. Италія совсѣмъ не дала образца для европейскихъ революцій въ средніе вѣка и въ новое время; наоборотъ, я нахожу, что европейскія революціи шли путемъ, діаметрально противоположнымъ тому, какимъ шли итальянскія революціи. Судьбу этой послѣдней страны можетъ объяснить только тотъ, кто отдалъ себѣ точный отчетъ въ ея изолированномъ положеніи среди семьи государствъ, созданныхъ разрушеніемъ римской имперіи.

Великій законъ развитія, которому слѣдовали различныя государства латинской Европы, состоитъ въ слѣдующемъ: германская раса, разрушая рамки римской администраціи, замѣнила ее раздробленными владѣніями, на которыя смотрѣли, какъ на личную собственность, т. е. поставила на ея мѣстѣ феодальную систему. Германскія учрежденія въ началѣ, въ особенности въ эпоху каролинговъ, не признавали никакого различія въ національностяхъ: раздѣленія внутри страны, занятой Германцами, создавались исключительно по волѣ завоевателя, безъ всякаго отноше-

ніа къ географіи и этнографіи. Но національности вскорѣ берутъ верхъ; онѣ достигаютъ этого тѣмъ, что соединяются съ какой нибудь германской фамиліей, которая становится ихъ спорой и защитой. Изъ этого соединенія древняго римскаго государства съ германизмомъ произошло новое государство; оно необходимо должно было стать умѣреннымъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда съ виду оно казалось вполне абсолютнымъ. Во всякомъ случаѣ оно совершенно отличалось отъ древнихъ деспотическихъ государствъ Востока, гдѣ индивидуумъ не имѣетъ никакихъ правъ передъ властителемъ или государствомъ. Франція возникла съ того дня, когда Робертъ Сильный взялъ подъ свою защиту народности, покинутыя слабыми каролингами. Въ этотъ день была сразу основана и Франція и французская правящая династія; въ этотъ день былъ заключенъ вѣковой союзъ, давшій начало могучему единству галльскихъ племенъ. Такимъ образомъ каждая національность Европы представляетъ изъ себя какъ бы обоюдное соглашеніе между раздробленными частями древней имперіи и германской фамиліей, которая становилась ея представителемъ. Такимъ образомъ произошло ограниченіе власти, неизвѣстное ни восточнымъ монархіямъ, ни тиранніямъ, происшедшимъ изъ древнихъ республикъ. Властитель имѣлъ право и обязанности по отношенію къ своимъ подданнымъ; подданные имѣли права и обязанности по отношенію къ своимъ властителямъ; прогрессируя въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ въ этомъ направленіи, христіанская Европа дошла до самаго лучшаго соціального устройства изъ всѣхъ, какія міръ зналъ до сихъ поръ.

Если мы будемъ стараться приложить этотъ историческій законъ къ Италіи, то мы увидимъ, что онъ нарушается на каждомъ шагу. Италія не только не пользуется постоянно представляющимися ей случаями образовать себѣ правящую династію, но, наоборотъ, она какъ бы старается разрушить свое правленіе, какъ только оно начинаетъ образовываться. Путемъ постоянныхъ заговоровъ, возникающихъ сразу во всѣхъ пунктахъ страны, она сламываетъ готское владычество, доставлявшее такія преимущества и обезпечивавшее за ней примѣсь самой лучшей части германской крови изъ всей той, которая пришлась на долю остальной Европѣ. Ломбардцы къ ея счастью основываютъ въ ней могущественную единую монархію; но папы, выразители желаній итальянцевъ, сламываютъ ломбардское владычество оружіемъ Каролинговъ. Однако, еще ничто не было потеряно. Послѣ распадена имперіи Каролинговъ мы находимъ итальянскихъ королей въ условіяхъ, очень похожихъ на тѣ, которыя дали Франціи династію Капетинговъ. Но напрасная надежда! Италія все больше и больше отдается во власть преувеличенной жажды свободы дѣйствій; поэтому она всегда предпочитаетъ отдаленныхъ правителей, облеченныхъ неопредѣленной властью, національнымъ правителямъ, имѣющимъ лишь опредѣленную власть. Она сламываетъ власть Беранже такъ же, какъ сломала власть готовъ и ломбардцевъ: благодаря чудесамъ, ловкости и постоянному содѣйствію папства, она дѣлаетъ невозможнымъ титулъ короля Италіи.

Начиная съ десятаго вѣка, судьба Италіи безповоротно опредѣляется; она никогда не будетъ имѣть матеріальнаго единства. Духъ обособленія и ненависть будутъ раздроблять ее до послѣднихъ предѣловъ. Каждый городъ будетъ отдѣльнымъ государствомъ. Въ стѣнахъ каждаго города будетъ столько же соперничающихъ между собою обществъ, сколько въ немъ будетъ кварталовъ, цѣховъ и братствъ. Каждое мѣстечко Италіи имѣетъ свою исторію; неизвѣстные города въ родѣ Семи-фонти, Комасино, являются театромъ титанической борьбы, исторія которой, написанная современниками, не уступаетъ по живости исторіи междоусобныхъ войнъ Спарты и Аѳинъ; нѣтъ ни короля, ни столицы, ни уваженія къ наслѣдственнымъ правамъ; есть лишь нѣсколько временныхъ лигъ, распадающихся вскорѣ по возникновеніи. И на двухъ полюсахъ этого страннаго соціальнаго строя по временамъ даютъ о себѣ знать двѣ идеальныя, неопредѣленныя власти. Итальянцы терпятъ ихъ, пока онѣ бездѣйствуютъ, и ненавидятъ, когда онѣ стремятся управлять. Эти власти: папство, которое было превращено Теодоратомъ и Марозіемъ въ итальянское дожество, а Гильдебрандомъ въ универсальное королевство, и Имперія, не имѣющая собственныхъ областей, особенно послѣ прекращенія дома Гогенштауфеновъ, не соотвѣтствующая территоріальнымъ дѣленіямъ и нигдѣ не имѣющая резиденціи. Ужасъ итальянцевъ ко всякимъ конкретнымъ и матеріальнымъ властямъ, дѣлалъ невозможнымъ образованіе правленія, подобнаго тому, которое было зародышемъ Франціи. Властитель Италіи можетъ все и не можетъ ничего. Ея папа объявляетъ себя *minor Deo, major homine*, но въ дѣйствительности онъ такъ слабъ, что достаточно четырехъ сотъ бандитовъ изъ Ногарета, имѣющихъ за своей спиной французскаго короля, чтобы дать ему пощечину и нанести ударъ, отъ котораго онъ уже не можетъ оправиться.

Правда, въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ вѣкахъ, во время конца муниципальныхъ войнъ, когда распространились болѣе широкія идеи безпристрастія, справедливости и организаціи, появились нѣкоторыя попытки къ объединенію. Республики превратились въ ленныя владѣнія, и нѣкоторымъ фамиліямъ удалось присвоить себѣ почти правильную власть надъ значительными частями итальянской территоріи; былъ даже такой моментъ, когда Висконти могли мечтать о титулѣ короля Италіи. Ленный владѣлецъ дѣлалъ отчасти то же, что короли дѣлали въ другихъ странахъ и о чемъ совсѣмъ не думали консулы и подесты прежнихъ временъ; онъ защищалъ личность, заботился о безопасности торговли, подавлялъ насилія партій и не допускалъ междоусобныхъ войнъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи онъ сдѣлалъ даже больше: онъ основалъ Возрожденіе и далъ свободу мысли, которая до сихъ поръ не была извѣстна въ христіанскомъ мірѣ. Но здѣсь проявился одинъ изъ самыхъ главныхъ законовъ всеобщей политики; этотъ законъ состоитъ въ томъ, что власти, получившія свое начало изъ междоусобныхъ войнъ, никогда не превращаются въ династіи. Въ республикѣ могутъ появиться только тираны, Висконти, Сфорца, короли безъ коро-

ны, безъ довѣрія, безъ закона, безъ опредѣленнаго титула, пользующіеся властью вслѣдствіе скрытой и таинственной необходимости; въ ней никогда не могутъ появиться Каролинги и Штауфены. Медичи избѣгли этого закона, только соединивъ свои права съ правами иностраннаго дома. Какая-то странная необходимость заставляетъ всѣ королевскія династіи въ Европѣ опираться на германское имя, какъ будто бы серьезность этой націи была необходима для того, чтобы дать новымъ обществамъ основу и прочность.

Чѣмъ же должна была стать Италия, висѣвшая между двумя неосязаемыми властями: иностраннымъ государемъ и космополитическимъ папой, колебавшаяся между двумя крайностями: быть всѣмъ или ничѣмъ, не имѣвшая матеріальнаго центра, во кругъ котораго она могла бы сгруппировать свою защиту, въ то время, когда стало уже невозможно поддерживать средневѣковой режимъ муниципалитетовъ и княжествъ? Увы! это слишкомъ извѣстно. Италия была осуждена не имѣть ни государя, ни столицы, ни національной арміи (Феррари прекрасно освѣтилъ этотъ послѣдній пунктъ); поэтому часть ея территоріи сдѣлалась недвижимой собственностью единственной постоянной власти, которую она имѣла, т. е. папства, а остальное стало добычей большихъ европейскихъ государствъ, превращавшихъ части ея территоріи въ свои феодалныя владѣнія. И нужно сказать правду, Италия не боролась съ такой судьбой. Во всѣ эпохи своей исторіи Италия, повидимому, гораздо меньше стремилась къ національной независимости, чѣмъ къ свободѣ своихъ внутреннихъ дѣйствій. Данте находитъ весьма естественнымъ угрожать своимъ неблагодарнымъ соотечественникамъ гнѣвомъ императора; ни одна партія, желая отомстить своимъ противникамъ, не стѣснялась призывать внѣшнихъ враговъ; вмѣшательство миротворца, иностраннаго государя, пришедшаго для того, чтобы прекратить городскія распри, никого не оскорбляетъ. Въ нашихъ глазахъ національное правительство — первое условіе свободы. Но мнѣнія итальянцевъ на этотъ счетъ совершенно противоположны нашимъ: каждый городъ находилъ болѣе выгоднымъ систематически управляться иностранцами и торговаться о минимумѣ срубленныхъ головъ съ кочующими подестами, которые гуртомъ управляли провинціями Италии. Этотъ отвратительный режимъ, съ нашей точки зрѣнія самый ужасный изъ всѣхъ, нравился городамъ; они предпочитали его королевской власти; внутренняя жизнедѣятельность этого народа была такъ велика, что ему казалось въ тысячу разъ лучшимъ интенсивно чувствовать свое существованіе даже въ страданіяхъ, чѣмъ наслаждаться спокойствіемъ королевства, гдѣ каждый подчиненъ общимъ интересамъ и является лишь функцией цѣлаго.

Еще одно обстоятельство препятствовало національному единству Италии. Я говорю здѣсь о той всемірной роли, о томъ первенствѣ, которое всегда оставалось за Италией со временъ древней имперіи. Благодаря своему тѣсному союзу съ папой и своеобразной связи съ имперіей, благодаря своему финансовому и дипломатическому значенію и тому громадному вліянію, которое

она оказывала на интеллектуальные перевороты и на переменны вкусовъ, Италія принимала участіе въ дѣлахъ всего міра; поэтому было справедливо, чтобы и міръ принималъ участіе въ ея дѣлахъ. Народамъ, предпочитающимъ величіе своихъ поступковъ, имѣющихъ всеобщее значеніе внутренней централизаціи, всегда приходится обращаться къ иностранному вмѣшательству. Такія страны не могутъ сами управлять своими дѣлами. Италія сдѣлалась отечествомъ всего міра; она привлекла къ себѣ интриги цѣлой Европы; каждая нація могла извлечь изъ нея выгоды; каждый народъ могъ въ ней найти тайну своего происхожденія. Поэтому Италія не могла стремиться къ счастливой и скромной жизни страны, которой нужно только то, чтобы ей предоставили спокойно заниматься своими дѣлами. Она накладываетъ свою руку на дѣла всѣхъ націй; всѣ націи накладываютъ руку на ея дѣла. Ея священники, легаты, дипломаты и ловкіе люди наполняютъ весь міръ; поэтому справедливо, чтобы и ее наполняли люди всѣхъ націй; владычица всего міра, она должна повиноваться всѣмъ¹⁾.

Папство, съ которымъ средневѣковая Италія была такъ тѣсно связана и огромное развитіе котораго было ея дѣломъ, ставило эту страну въ совершенно особенныя политическія условія. Не говоря уже о томъ, что съ територіальной точки зрѣнія папство нейтрализовало центральную часть полуострова и ставило непобѣдимое препятствіе его единству, оно вносило въ ходъ итальянскихъ дѣлъ первостепенные интересы, не имѣющіе въ себѣ ничего національнаго. Политическое существованіе и религиозное главенство непримиримы; если Италія имѣетъ божественное право управлять совѣстью, то ей приходится отказаться отъ управленія своими дѣлами, лежащими во времени. Католическій міръ согласенъ на то, чтобы имѣть въ Италіи свое центральное агентство; но онъ не можетъ допустить того, чтобы это агентство было чисто итальянскимъ. Когда папскій престолъ былъ перенесенъ въ Авиньонъ, Италія подняла громкій крикъ. Съ одной стороны, это перенесеніе, столь согласное съ всемірнымъ значеніемъ папства въ средніе вѣка, казалось ей новымъ вавилонскимъ плѣненіемъ, грабежомъ ея правъ; съ другой стороны, она находить несправедливымъ, чтобы ею управляли французскіе легаты, представители государя, рожденнаго и живущаго далеко отъ нея. Великая непослѣдовательность, возникавшая каждый разъ, когда у итальянцевъ поднимали голову ультрамонтанскія и патриотическія идеи! Міръ можетъ примириться съ теологическимъ главенствомъ Италіи только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ имѣть нѣкоторое вліяніе на нее. Если Римъ есть постоянное средоточіе католицизма, то онъ и та часть Италіи, которая раздѣляетъ его участь, должны принадлежать католицизму, а не самимъ себѣ.

Въ тотъ день, когда Италія призвала къ себѣ папство, удалившееся отъ нея и слѣдовавшее своей космополитической тенденціи, она создала себѣ ужасное затрудненіе, цѣлыя вѣка влі-

¹⁾ Эти взгляды, прекрасно развитые у Феррари, уже высказаны у Кинэ, въ его замѣчательной книгѣ объ итальянскихъ революціяхъ.

явшее на ея будущее. Политика не должна слишкомъ заботиться о своей красотѣ; но здѣсь красота имѣетъ свои права, потому что она соотвѣтствуетъ глубокимъ основаніямъ. Попробуйте вообразить себѣ для Рима другую судьбу, чѣмъ та, которую назначили ему столѣтія. Вообразите себѣ итальянское возрожденіе, въ которомъ Римъ игралъ бы роль, или такое, въ которомъ онъ не игралъ бы роли. Что касается меня, то я не могу безъ ужаса представить себѣ того дня, когда жизнь снова проникнетъ въ эти божественныя развалины. Я могу представить себѣ Римъ только такимъ, какъ онъ есть: музеемъ всѣхъ павшихъ величій, мѣстомъ свиданія всѣхъ убійцъ этого міра, всѣхъ властителей, лишенныхъ трона, разочарованныхъ политиковъ, скептическихъ мыслителей, и всевозможныхъ больныхъ и разочарованныхъ людей; и если роковому уровню современной банальности суждено когда нибудь воцариться среди этой плотной массы священныхъ развалинъ, то я хотѣлъ бы, чтобы священникамъ и монахамъ платили за ихъ сохраненіе, чтобы поддержать внутри ихъ печаль и нищету, а вокругъ нихъ горячку и пустыню.

Итакъ, не случай и не явная несправедливость сдѣлали Италію націей, непохожей на другія. Она въ одно и то же время, чтобы ни говорила географія,—это имѣетъ здѣсь мало значенія,—и больше, и меньше ихъ. Причины этой странной судьбы лежатъ гораздо глубже. Италія имѣла единство, но это было единство духовное; это единство лучше всего понимали гениальные люди. Въ 1350 году, когда Петрарка писалъ свои *Canzone* къ Кола ди Ріенци, ни одна страна еще не проявила такого высокаго патриотизма: слово Франція произносилось съ такой любовью только восемьдесятъ лѣтъ спустя Жанною д'Аркъ. Соперничающіе города Италіи питали другъ къ другу такую ненависть, на которую только способно человѣческое сердце, и, однако, немногія страны живѣе чувствовали свое благородство. Нигдѣ человѣкъ не испытывалъ такъ глубоко счастья жить и умереть ради чего нибудь великаго. Будучи всегда глубоко разрозненными, когда дѣло касалось собственныхъ интересовъ, различныя части Италіи прочно объединялись, конечно, не для того, чтобы бороться съ иностранцами, но для того, чтобы ненавидѣть ихъ, измѣнять имъ и презирать ихъ во имя блестящей славы своего общаго прошлаго.

Такимъ образомъ несчастья Италіи и ея національное безсиліе являются слѣдствіями ея славы. Эта страна, которую съ точки зрѣнія нашихъ узкихъ идей о централизаціи и національности нельзя назвать родиной, была въ то же самое время наиболѣе любимой изъ всѣхъ странъ въ мірѣ: ни одна страна не возбуждала большей преданности, ни одна не можетъ насчитать столько благородныхъ жертвъ. Мы думаемъ, что мы поступаемъ великодушно по отношенію къ этой странѣ, даря ей милостыню своего состраданія, тогда какъ она тысячу разъ улыбалась надъ нашимъ упадкомъ. „Оставьте при себѣ, ваше состраданіе!“ —могла бы она отвѣтить намъ:—„когда вы были прикованы къ матеріальной идеѣ наследственной власти, которая передавалась, какъ законно пріобрѣтенное имущество, я испытывала святое наслажденіе принадлежать самой себѣ; когда у васъ были только власте-

лины, у меня была родина; когда у васъ не было гражданъ, у меня было болѣе ста шестидесяти свободныхъ независимыхъ республикъ, имѣвшихъ свою исторію и свои архивы, какъ большія государства. Когда вы знали только варварскій жаргонъ вашихъ мелкихъ ученыхъ, у меня были Петрарки и Боккачіо; я читала Гомера, и весь древній міръ оживалъ въ моей груди. Кто открылъ вамъ тайну красоты? Кто создалъ папу? Кто создалъ императора? У кого еще и теперь ключъ отъ вашей совѣсти? Знаете ли вы, какое смятеніе произошло бы въ міръ, если бы я возстановила Капиталій и разрушила бы Ватиканъ?“

Конечно, если судить съ точки зрѣнія современныхъ идей, то такое величіе покажется странымъ, а гордящіеся имъ люди покажутся людьми другой эпохи. Европа, повидимому, все больше и больше привыкаетъ къ той мысли, что покой—высшее благо общества, что хорошо все то, что подавляетъ внутреннюю борьбу въ государствахъ, и что только равенство обязанностей можетъ предохранить человѣчскій родъ отъ возвращенія тѣхъ религіозныхъ и политическихъ распрей, которыя наполняютъ лѣтописи прошлаго. Я согласенъ, что съ этой точки зрѣнія Италія должна возбуждать глубокое сожалѣніе. Если идеаль націй состоитъ въ томъ, чтобы дойти до такого робкаго режима, когда всякое различіе во мнѣніяхъ предупреждается административными мѣрами, до такого однообразія, когда діаметръ общественной шарманки опредѣляется государствомъ,—то страна, гдѣ все измѣняется на разстояніи нѣсколькихъ миль и гдѣ свобода ненависти доходитъ до послѣднихъ предѣловъ, должна казаться совершенно варварской. Я не стану разубѣждать тѣхъ, кто думаетъ такъ: каждый видитъ свое счастье въ томъ, что ему нравится. Я признаю, что управленіе Пизы и Флоренціи было гораздо хуже нашего; я буду оспаривать только то мнѣніе, что мы имѣемъ право жалѣть ихъ. Имъ тысячу разъ представлялись случаи промѣнять свою шумную свободу на спокойную, неслышную жизнь, но они всегда отвергали ихъ. Кто знаетъ: быть можетъ, за нѣсколько лѣтъ своего бурнаго существованія онѣ больше пережили, чѣмъ тѣ безвѣстныя народности, которыя цѣлыя столѣтія счастливо прозябали подъ тѣнью своихъ виноградниковъ и фіговыхъ деревьевъ?

Но рѣдко бываетъ, чтобы слишкомъ блестящая судьба не готовила въ будущемъ горькихъ превратностей. За тѣмъ бѣшеннымъ волненіемъ, о которомъ не можетъ дать представленія ни одна летаргія, не исключая даже исторіи Греціи, слѣдуетъ глубочайшая исторія, какую только переживалъ когда либо какой нибудь народъ. Эти, изобиловавшія революціями, республики становятся мирными общинами римскихъ государствъ. Та самая Тоскана, гдѣ въ теченіе четырехъ вѣковъ кровь лилась ручьями въ гражданскихъ войнахъ, есть единственная страна въ Европѣ, гдѣ смертная казнь можетъ быть уничтожена. Италія, бывшая такой остроумной, живой и разумной, пока она не имѣла властителя или, по крайней мѣрѣ, постоянно присутствующаго, дѣйствительнаго властителя, какъ только получаетъ реальное правленіе, становится слабой, тихой, лишенной энергіи. По удачному выраже-

нію Феррари, она засыпаетъ въ мирѣ Господнемъ. Она не хотѣла спасительнаго униженія имѣть наслѣдственнаго государя; она будетъ имѣть ихъ двадцать, и каждый царствующій домъ въ Европѣ будетъ считать своимъ правомъ выкраивать изъ нея княжества для своихъ слабыхъ членовъ. Она не хотѣла того принужденія и отреченія, которыя необходимы для образованія національной арміи; она станетъ добычей жадныхъ солдатскихъ ордъ, которыя будутъ другъ за другомъ сваливаться на ея богатые города. Она не хотѣла пожертвовать ничѣмъ изъ своей мѣстной жизни, изъ своихъ вольностей, изъ своей ненасытной дѣятельности; она потеряетъ даже воспоминаніе о томъ, чѣмъ она была; ея единственной заботой станетъ слагать сонеты и *cisalate* для своихъ нелѣпыхъ академій. Она не захотѣла религіозной реформы, которая уничтожила бы главный рычагъ ея политическаго вліянія на міръ, она предпочла протестантизму матеріалистическое невѣріе. Поэтому она будетъ носить такое тяжелое религіозное иго, какого не носила ни одна страна, кромѣ Испаніи; она будетъ выносить тяжесть того свинцоваго свода, который, по словамъ ея поэта, давилъ лицомъровъ въ аду. Когда видишь въ Болоньѣ или въ Верронѣ, какъ кроатскій солдатъ, съ своимъ неповоротливымъ видомъ и своей возмутительной непреклонностью, управляетъ движеніями умнаго и очаровательнаго народа, то сердце наполняется негодованіемъ противъ судьбы, заставляющей такой жестокой цѣной искупать роковой даръ красоты. Но, поразмысливъ, находишь извѣстный историческій смыслъ въ этомъ неловкомъ и безобразномъ существѣ; онъ представляетъ собою мечь Европы за всеобщее преобладаніе Італіи и то иго, которое насильственно налагается извнѣ на каждое общество, не имѣющее его внутри себя. Доказательствомъ этого служитъ то, что единственная страна Італіи, пользующаяся независимой жизнью въ наши дни, это именно та, которая не принимала участія въ великолѣпныхъ приключеніяхъ Італіи. Серьезное прошлое Пьемонта очень скромно по сравненію съ славными лѣтописями Генуи, Флоренціи и Милана, и поэтому одинъ Пьемонтъ обладаетъ необходимыми условіями современнаго государства: царствующимъ домомъ, провинціальнымъ дворянствомъ, буржуазіей и арміей.

Значитъ ли это, что Італія навсегда осуждена нести тяжесть своей блестящей и исключительной судьбы?—Конечно, нѣтъ! По моему мнѣнію, новая эра для Італіи началась приблизительно полъ вѣка тому назадъ, съ того дня, когда она сравнила себя съ другими націями и увидѣла, чего ей недостаетъ. Італія семнадцатаго и восемнадцатаго вѣковъ не страдала отъ своего упадка, потому что у нея исчезло даже самое чувство жизни. Тогда ни одинъ итальянецъ не стыдился своей родины и не чувствовалъ себя униженнымъ. Никто не говорилъ тогда вмѣстѣ съ Леопарди: „О, родина! я вижу твои стѣны и твои арки, твои колонны и твои статуи! Я вижу опустошенныя башни нашихъ предковъ; но я не вижу твоей славы, Італія,—страна, созданная для того, чтобы удивлять націи, какъ своимъ счастьемъ, такъ и своимъ несчастьемъ“. Эпоха революціи и имперіи, которая оставила такой глу-

бокій слѣдъ по ту сторону Альпъ, открыла Италіи то, чего она до сихъ поръ не подозрѣвала: она показала ей ея отсталость и обездоленность. Тогда и Италія увидѣла, что ея духовное первенство не можетъ утѣшить ее въ томъ, что она послѣдняя изъ націй. Тогда въ первый разъ слышались слова: намъ стыдно быть итальянцами. Тогда образовалась, главнымъ образомъ на сѣверѣ, обширная партія, болѣе или менѣе проникнутая французскими идеями, которая стремилась сдѣлать изъ Италіи страну, похожую на всѣ другія, проклинала папу, проклинала Карла Великаго и очень сожалѣла о томъ, что Павія не представляетъ изъ себя столицы всего полуострова и что весь онъ не называется Ломбардіей.

Это движеніе, получившее, благодаря постояннымъ пятидесятилѣтнимъ усиліямъ, непобѣдимую силу, зашло слишкомъ далеко, чтобы его можно было остановить. Я вѣрю въ національное будущее Италіи. Но я утверждаю также, что національное будущее, когда Италія будетъ сильной независимой страной, имѣющей армію и занимающейся своими, а не чужими дѣлами, совсѣмъ не будетъ согласоваться съ итальянскими традиціями, и что въ нѣкоторомъ смыслѣ Италія почувствуетъ себя униженной. Истинное величіе Италіи не въ этомъ. Даже въ самыя скверныя эпохи Италія, лишенная независимости, безъ военныхъ силъ, безъ единства, занимала гораздо болѣе высокое мѣсто въ мірѣ, чѣмъ націи съ самымъ прочнымъ устройствомъ. Испанія, конечно, принадлежитъ къ тѣмъ странамъ Европы, національная цѣльность которыхъ наиболѣе обезпечена; и, однако, кто же станетъ сравнивать современную роль Испаніи съ ролью Италіи, какъ бы она ни была покорена и унижена? Нельзя представлять изъ себя двухъ разныхъ вещей въ одно и тоже время, и если Италія сдѣлается такой же страной, какъ и другія, то она должна перестать быть племенемъ Левія, не обладающимъ никакимъ земнымъ могуществомъ, но получившимъ все отъ неба. Я испытываю нѣкоторое религіозное почтеніе къ итальянскому патриоту, потому что онъ кладетъ основу будущему. Но въ моихъ глазахъ онъ не истинный итальянецъ. Истинный итальянецъ—это какойнибудь прелатъ римскаго двора, съ гордостью думающій, что ему не въ чѣмъ завидовать этимъ варварамъ, приходящимъ вымаливать его милости. Истинный итальянецъ—это какойнибудь неогвельфскій монахъ, который изъ глубины своего монастыря объявляетъ, что италія—владычица міра или скоро будетъ таковой. Истинный итальянецъ,—это какойнибудь сектантъ, признаюсъ—весьма опасный, который хочетъ возрожденія Италіи только для того, чтобы властвовать во имя новаго химерическаго папства. Истинный итальянецъ—это нераскаянный Феррари, который находитъ, что участь Италіи достаточно прекрасна для того, чтобы отбросить всякое раскаяніе и сожалѣніе.

Книга Феррари проливаетъ яркій свѣтъ на всѣ эти проблемы. Въ ней Италія является во всемъ своемъ величіи и во всемъ своемъ ничтожествѣ: она мать всего добраго и всего злаго, всякаго заблужденія и всякой истины; она достойна то поклоненія, то проклятій міра, являясь то мудрой властительницей,

которая устроила его, то куртизанкой, которая его соблазнила, то шуткомъ, который забавляетъ. Ей не хватало только одной вещи, повидимому, весьма скромной, но въ сущности самой важной, а именно честности. Доходя въ преступленіяхъ до артистическаго совершенства, считая почти дураками тѣхъ, кто останавливается на этомъ прозаическомъ различіи добра и зла, такъ какъ она считала подобныя убѣжденія непримиримыми съ искусствомъ успѣха, она смотрѣла на жизнь, какъ на стратегическую задачу въ духѣ Браччіо, или какъ на рядъ злодѣйскихъ продѣлокъ въ духѣ Борджіа. Даже ея патріотизмъ весьма мало щепетилецъ: ея самые добродѣтельные граждане испытываютъ презрѣніе къ человѣческому роду и исходятъ изъ того принципа, что разъ міръ наполненъ дураками, то чтобы управлять имъ, нужно и самому притворяться безумнымъ. „Я признаюсь, говоритъ Ріенци, что для блага народа я притворялся то сумасшедшимъ, то скоморохомъ, то человѣкомъ серьезнымъ, то простакомъ, то хитрецомъ, то робкимъ, то вѣроломнымъ“. Я знаю, что бывали и реакціи противъ этого страннаго помраченія нравственнаго чувства, но и имъ не хватало серьезности и послѣдовательности. Ни грандіозные парадоксы Гильдебранда, ни благочестивый карнавалъ Саванароллы, ни проповѣди Жана Винцента не могутъ сравниться съ простымъ здоровымъ чувствомъ и разсудкомъ. Въ этой исторіи нѣтъ ни св. Людовика, ни Вашингтона, ни Лафайета. Феррари скажетъ, что все это не политики, а просто честные люди. Можетъ быть. Но дай Богъ, для счастья Италіи, чтобы въ ея предѣлахъ можно было насчитать побольше такихъ людей съ робкой совѣстью и узкимъ умомъ! Эти люди избавили бы ее отъ горькихъ разочарованій и отъ тяжелой необходимости въ старости начинать тотъ же путь, который нація, находившіяся, повидимому, въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, прошли тысячу лѣтъ тому назадъ.

Тайная исторія Прокопа.

Самая странная изъ всѣхъ проблемъ, когда либо поднимавшихся въ исторической критикѣ, это та, которая была вызвана Тайной исторіей Прокопа¹⁾. До начала семнадцатаго вѣка исторія была для Юстиніана длиннымъ панегирикомъ. Немногія фигуры выступаютъ въ прошломъ съ такой величественностью. Въ Юстиніанѣ, послѣднемъ наслѣдникѣ римскаго величія, какъ бы сконцентрировались всѣ лучи этого величія въ моментъ наступленія средневѣковой ночи. Его имя, связанное съ великой компиляціей, которая сдѣлалась общимъ сводомъ законовъ для цивилизованныхъ народовъ, было среди юристовъ такимъ же непререкаемымъ авторитетомъ, какимъ Аристотель былъ среди

¹⁾ См. переводъ ея Изамберта, съ подробными комментаріями. Парижъ 1856.

философовъ, а Библия—среди теологовъ. Рядомъ съ нимъ и куртизанка Θεодора раздѣляла тѣ же почести; мозаика въ Сень-Виталѣ въ Равеннѣ, изображающая ихъ обоихъ въ святилищѣ, почти наравнѣ со святыми, является лишь эхомъ мнѣнія, господствовавшего цѣлые вѣка.

Это мнѣніе казалось безапелляціоннымъ. Какъ вдругъ ученый элленистъ, Николай Алеманни, открылъ въ 1620 году среди манускриптовъ, хранившихся въ Ватиканѣ, страницы, которыя должны были представить на строгій судъ исторіи столь долго обожаемаго монарха. До тѣхъ поръ было только извѣстно по смутнымъ слухамъ, что за восемью оффиціальными томами, посвященными славі Юстиніана историкомъ Прокопомъ Цезарейскимъ, слѣдовалъ девятый томъ, носящій подозрительное названіе *Anecdoton* (неизданный), гдѣ авторъ вознаградилъ себя за свои лестныя слова оригинальнымъ злословіемъ. Этотъ документъ долго считали потеряннымъ или сомнѣвались въ его существованіи; но Алеманни возвратилъ его для науки. Съ самыхъ первыхъ строкъ вѣроломнаго прибавленія авторъ дѣлаетъ полное признаніе, что въ своей оффиціальной исторіи, подъ вліяніемъ страха, подвергаясь постоянному шпіонству, онъ не могъ изображать фактовъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ; и теперь, раскрывая гнусности, которыя онъ скрывалъ до сихъ поръ, онъ знаетъ, на что онъ обрекаетъ себя: потомство сочтетъ невѣроятнымъ то, что онъ скажетъ и зачислитъ его въ число пустыхъ сочинителей трагедій.

Дѣйствительно, самое богатое воображеніе не можетъ представить себѣ всей мрачности той ужасной картины, которую рисуетъ намъ Тайная исторія. Представьте себѣ общество, лишенное всякаго нравственнаго чувства, гдѣ грубая жадность развращенныхъ натуръ является единственнымъ закономъ, адъ, въ которомъ два мрачныхъ генія царствуютъ надъ зломъ, искусно культивируютъ его, любятъ его ради него самого, ради удовольствія совершать злые поступки, неслыханную продажность, невѣроятный упадокъ нравовъ, организованное воровство, полное отсутствіе безопасности личности, ослабленіе здраваго смысла, грозящее безуміемъ, Византію, превращенную то въ клѣтку для сумасшедшихъ, то въ страшный разбойничій притонъ, гдѣ весело среди бѣлаго дня совершались убійства милліоновъ людей, цѣлый міръ отравителей и убійцъ, бѣшенныхъ и сумасшедшихъ. Вотъ тотъ ужасный кошмаръ, который развертывается на протяженіи двухъ сотъ страницъ страннаго сочиненія, разбираемаго нами. Это не грандіозное преступленіе Италіи пятнадцатаго вѣка,—преступленіе, совершенное страстными натурами въ порывѣ увлеченія, которое мы находимъ у героическихъ злодѣевъ школы Борджіа; это не преступленіе, совершаемое сознательно въ силу теоріи, почти единственнымъ примѣромъ котораго послужилъ нашъ терроръ. Нѣтъ, это низкое и отвратительное преступленіе, испорченность вслѣдствіе истощенія, постыдный развратъ пьяныхъ евнуховъ. Въ этомъ отношеніи Тайная исторія есть драгоценная, незамѣнимая книга, истинное произведеніе искусства, хотя самъ авторъ и не подозрѣвалъ этого. Идеаль низости и зла, картина низкаго и злого вѣка, никогда не будутъ болѣе нарисо-

ваны такимъ художникомъ. Когда прочтешь эту странную книгу, то не удивляешься той гипотезѣ, къ которой прибѣгъ авторъ, чтобы объяснить себѣ столько преступленій: по его мнѣнію, Юстиніанъ и Θεодора—не люди, а демоны, принявшіе видъ людей для того, чтобы сдѣлать какъ можно больше зла.

Сейчасъ же по напечатаніи Тайной исторіи представлялся одинъ вопросъ, который и до сихъ поръ не рѣшенъ критикой. Кто заслуживаетъ довѣрія: Прокопъ-льстецъ или Прокопъ-памфлетистъ? Нельзя вѣрить безъ всякихъ доказательствъ лжецу, который самъ разоблачилъ свой обманъ: тѣ же поводы, которые заставляли его льстить, могли заставить его клеветать; уничтожая своимъ собственнымъ признаніемъ всякое довѣріе къ своему первому произведенію, онъ тѣмъ самымъ дискредитируетъ и то, которое онъ ставитъ на его мѣсто. Отсюда возникло важное сомнѣніе, раздѣлившее историковъ на два лагеря: одни, какъ Монтескье и Гиббонъ, отнеслись съ полнымъ довѣріемъ къ Тайной исторіи; другіе, какъ напр., Людевигъ, Лавальеръ и вообще юридическая школа, смотрѣли на Тайную исторію, какъ на пасквиль, полный клеветы, и старались объяснить корыстными мотивами это отреченіе отъ своихъ словъ.

Всякій непредубѣжденный человѣкъ естественно отдастъ предпочтеніе Тайной исторіи, прежде чѣмъ произведетъ изслѣдованія по этому поводу. Критика подозрительна: ее беспокоитъ всякая угроза свободѣ слова и печати; преступленіе, которое она меньше всего прощаетъ властителямъ,—это желаніе обмануть ее. Конечно, съ точки зрѣнія нравственности исторіи по дозрѣнію всегда должно быть направлено противъ тѣхъ, кто опасается свободы. Однако, когда дѣло идетъ о старой исторіи, бывшей триста лѣтъ тому назадъ, то позволительно полное безпристрастіе,—въ особенности, когда особенныя причины заставляютъ историка быть на сторожѣ и не спѣшить со своимъ приговоромъ.

Въ дѣйствительности, въ человѣческой душѣ дурное всегда бываетъ до нѣкоторой степени уравновѣшено хорошимъ; когда намъ изображаютъ какойнибудь характеръ абсолютно дурнымъ, то мы имѣемъ полное основаніе не довѣрять вѣрности портрета. Если бы изображеніе Прокопа было точнымъ, то Юстиніанъ и Θεодора были бы двумя самыми злыми существами изъ всѣхъ, какія только существовали на протяженіи историческихъ временъ. Я оставляю въ сторонѣ Θεодору: пусть другіе разберутъ, возможны ли тѣ низости, въ которыхъ онъ обвиняетъ ее, или на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на плодъ грязнаго воображенія, которому грезятся фантастическія преступленія. Ограничиваясь Юстиніаномъ, я скажу, что основное положеніе Прокопа уничтожаетъ само себя своей преувеличенностью. Это положеніе, повторяемое на каждой страницѣ, состоитъ въ томъ, что Юстиніанъ былъ безкорыстнымъ врагомъ человѣческаго рода вообще и римской имперіи въ частности. Въ этомъ смыслѣ онъ истолковываетъ самыя безобидныя и подчасъ самыя справедливыя мѣры, которыя предпринималъ Юстиніанъ во время своего правленія. Мнѣ кажется, что, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда неслыханная власть, распространявшаяся

почти на все человечество, вскружила голову первымъ цезарямъ, любовь ко злу ради зла никогда не была достаточнымъ импульсомъ для цѣлой жизни и не служила основнымъ принципомъ системы правленія. Какое бы большое мѣсто я ни отводилъ оффиціальной лжи, какъ бы глубоко я ни различалъ личнаго характера государей отъ ихъ исторической роли, какъ бы я ни признавалъ, что злодѣи могли совершать великіе поступки и прослыть за великихъ людей, я все-таки не могу повѣрить, чтобы бѣшенный человекъ могъ оставить по себѣ такое воспоминаніе, какое оставилъ Юстиніанъ, и не могу допустить, чтобы царствованіе, столь славное по своей администраціи, законодательству и побѣдамъ, было дѣломъ Домиціана въ сообществѣ съ Мессалиной. Я знаю, что гнусные люди царствовали въ Римѣ, но Римъ не пересталъ отъ этого быть владыкой міра. Но здѣсь намъ представляется совсѣмъ другая задача; нужно объяснить возрожденіе, послѣдній проблескъ жизни въ умирающемъ тѣлѣ; нужно объяснить, какимъ образомъ имперія въ періодъ упадка могла опять овладѣть всемірнымъ скипетромъ, распространить свою власть отъ Бретани и Сахары до Тигра, и держать въ нерѣшимости варварскій міръ, бывшій уже болѣе, чѣмъ на половину, побѣдителемъ.

Недовѣріе еще увеличивается, когда мы ближе присмотримся къ критическимъ приемамъ, свойственнымъ нашему историку, и къ его умственнымъ привычкамъ. Это—или неопредѣленная декламація безъ точныхъ фактовъ, или сплетни греческихъ городовъ, слова лакеевъ, невѣроятно нелѣпыя жалобы прислуги ¹⁾. Часто, вслѣдствіе странной разсѣянности, одни и тѣ же факты служатъ основой для противоположныхъ утвержденій. Юстиніанъ—въ одно и то же время коварный тиранъ, который расточалъ изумительную дѣятельность ума, для того, чтобы мучить человѣчскій родъ, и „дуракъ, какихъ свѣтъ не производилъ, пентюхъ, осель, который повинуется возжамъ, шевеля ушами“. Прокопъ не думаетъ о томъ, что, выставляя предметъ своей антипатіи въ такомъ смѣшномъ видѣ, онъ лишаетъ себя права изображать его жестокимъ. Сильное предвзятое мнѣніе заставляеть его принимать самыя противорѣчивыя показанія, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы очернить тѣхъ, кого онъ ненавидитъ.

Но его описаніе внѣшней политики Юстиніана особенно похоже на обвинительную рѣчь, гдѣ все истолковывается въ дурную сторону. Иностранныя дѣла составляли главную сторону царствованія Юстиніана. Этотъ государь далъ образецъ истинной политики, которой нужно слѣдовать въ сношеніяхъ съ варварами: разсѣляя ихъ и привязывая къ имперіи, онъ сдѣлалъ на Востокѣ для славянъ то, что нужно было попробовать на Западѣ для германцевъ. Но Прокопъ, по глупости или вслѣдствіе произвольнаго ослѣпленія, совсѣмъ не понималъ этого искуснаго поведенія, которое обезпечило восточной имперіи удлиненіе ея жизни на тысячу лѣтъ. Если вѣрить клеветнику, то единственнымъ мотивомъ для побѣдъ Юстиніана было желаніе имѣть какъ можно боль-

¹⁾ См., напр., стр. 151, 189.

ше людей, которыхъ онъ могъ бы мучить. Очевидно, Прокопъ принадлежалъ къ исключительной партіи, которая стремилась сохранить старыя римскія традиціи, противилась дарованію гражданскихъ правъ славянамъ и всякому соглашенію съ ними. Никогда еще узкія тенденціи греческаго ума и его презрѣніе къ иностранцамъ не проявились съ большей наивностью. Конечно, Прокопу, какъ и всѣмъ его современникамъ, было извинительно не замѣчать того элемента серьезности и нравственности, который германцы и славяне внесли въ міръ, и той услуги, которую они оказывали, составляя противовѣсъ легкомысленнымъ народамъ юга. Но какъ объяснить иначе, чѣмъ странной близорукостью, тѣ упреки, которые онъ дѣлаетъ Юстиніану по поводу издержекъ этого государя, направленныхъ на увеличеніе внѣшняго вліянія имперіи? Широкая внѣшняя политика всегда дорого стоитъ: Юстиніанъ, чтобы поднять свой флотъ и распространить свою роль владыки до послѣднихъ предѣловъ міра, былъ принужденъ приносить огромныя жертвы. Прокопу все это кажется слѣдствіемъ намѣренія императора передать варварамъ всѣ римскія богатства. Разъ рѣшивъ порицать все, онъ недоволенъ какъ въ томъ случаѣ, когда съ внѣшними врагами вступаютъ въ соглашеніе, такъ и въ томъ, когда собираются подати для того, чтобы сражаться съ ними. Одна мысль о варварахъ беспокоитъ его и лишаетъ его здраваго разсудка; онъ закрываетъ глаза и этимъ думаетъ устранить опасность, угрожающую тому соціальному порядку, который ему нравится.

Этотъ духъ презрительнаго Фанаріота, не признающаго ничего внѣ того маленькаго мірка, гдѣ онъ привыкъ жить, кажется мнѣ самой существенной чертой характера Прокопа. Чувствуется, что большая часть его антипатіи къ Юстиніану и его предшественнику—Юстину—происходитъ оттого, что какъ одинъ, такъ и другой представляли изъ себя постепенное вторженіе славянъ и албанцевъ въ дѣла Византіи. Эти варварскіе императоры, рожденные въ Албаніи, едва умѣющіе писать и очень плохо говорящіе по гречески, совершенно не обладающіе изящными манерами древняго аристократическаго класса, были очень не популярны среди утонченныхъ константинопольскихъ грековъ. За Прокопомъ повсюду чувствуется маленькій кружокъ недовольныхъ; два послѣднія царствованія или разрушили ихъ честолюбивыя намѣренія или оскорбили ихъ инстинкты, и ихъ признанія значительно увеличили число страницъ тайной рукописи, которая сдѣлалась самой жестокой местию, о какой только могла мечтать гордость оскорбленныхъ патриціевъ.

Большинство легко соглашается съ такимъ объясненіемъ, которое ищетъ происхожденія всякой оппозиціи въ личномъ недовольствѣ. Защитники Юстиніана также приписали клеветы Прокопа мученіямъ обманутаго честолюбія и оказанной ему немилости. Но ничто не доказываетъ вѣрности такого предположенія. Карьера Прокопа была настолько правильной и почетной, насколько это возможно при деспотическомъ правленіи. Я скорѣе представляю его себѣ человѣкомъ честнымъ, но слабымъ, который былъ раболѣпнымъ льстецомъ противъ воли и старался реа-

билитировать себя своими клеветами. Въ немъ чувствуется искренняя ненависть ко злу, природная любовь къ порядку, но ограниченный умъ, разсуждающій обо всемъ съ точки зрѣнія партійныхъ предразсудковъ. Его нападки скорѣе похожи на кастовыя нападки, чѣмъ на нападки, вызванныя личными мотивами. Люди, принадлежащіе къ классамъ, привыкшимъ играть важную роль, обыкновенно плохо пишутъ исторію своего времени. Они живо чувствуютъ обиду и не умѣютъ противостоятъ ей. Считаая себя совершенно необходимыми актерами на міровой сценѣ, они воображаютъ, что человѣческія событія не могутъ обойтись безъ нихъ и что они совершаютъ актъ самоотреченія, жертвуя своей гордостью, ради того, чтобы принимать участіе въ дѣлахъ. А затѣмъ они мстятъ за свое униженіе дворянскимъ презрѣніемъ и несправедливой строгостью. Такія же возраженія мнѣ всегда хотѣлось сдѣлать Сенъ-Симону: если вашъ вѣкъ былъ такъ плохъ, какъ вы говорите, если пребываніе при дворѣ было такъ унижительно, то зачѣмъ же вы тамъ оставались? То же самое я говорю и о Прокопѣ. Когда мудрецъ, который безъ сожалѣнія примирился съ своей неизвѣстностью, раскрываетъ передо мной слабости своего вѣка, то я охотно вѣрю ему. Но когда сенаторъ жалуется на обиды, которыя ему пришлось претерпѣть, злословить на господина, которому онъ служилъ, сѣтуетъ на то, что ему приходилось ждать въ передней съ лакеями (стр. 184), что надъ однимъ изъ его друзей издѣвались евнухи (стр. 185), что однажды императоръ сухо принялъ его среди цѣлой толпы просителей (стр. 181),—то такая критика кажется мнѣ подозрительной. Въ нѣкоторомъ смыслѣ она все-таки является свидѣтельствомъ противъ своего правительства, потому что только дурнымъ правительствамъ свойственно оскорблять тѣхъ, кто имъ служитъ; но она не заслуживаетъ большого довѣрія, потому что нѣтъ болѣе непримиримой вражды, чѣмъ та, которая вызывается оскорбленнымъ самолюбіемъ; меньше всего способенъ простить своему вѣку тотъ человѣкъ, который не имѣлъ мужества отказаться отъ міра и мститъ міру за вынесенныя обиды.

Мы очень далеки отъ той снисходительной философіи исторіи, которая подъ предлогомъ общаго блага умѣетъ найти извиненія для всякой тиранніи; но мы должны остерегаться также безъ провѣрки принимать показанія недовольныхъ, оскорбленныхъ роковымъ ходомъ событій. Злоупотребленія всегда вытекаютъ изъ привиллегій, и для реформаторовъ нарушеніе священныхъ правъ является обязательнымъ преступленіемъ. Естественно, что люди, пользовавшіеся этими привиллегіями и пострадавшіе отъ реформъ, изображаютъ въ видѣ тирановъ тѣхъ государей, которые произвели эти реформы. И они правы, потому что уничтоженіе древнихъ правъ не можетъ совершиться безъ деспотизма; но у нихъ не хватаетъ широты ума, если они не видятъ, что древнія права становятся несправедливыми съ теченіемъ времени и создаютъ сплетеніе различныхъ золъ, столь же вредныхъ для народа, какъ и деспотизмъ реформаторовъ. Человѣчскій родъ, который, хромая, идетъ своимъ путемъ, опирается поочередно то на одно, то на другое зло: на привиллегіи, вызываю-

щія деспотизмъ многихъ, и на реформу привиллегій, вызывающую деспотизмъ одного.

Юстиніанъ былъ яркимъ образцомъ того, что называютъ революціоннымъ государемъ. Чтобы тамъ ни говорилъ Прокопъ, я увѣренъ, что часто имъ руководило въ его реформахъ безкорыстное желаніе добра. Но ради того, чтобы исправить зло, онъ сдѣлалъ, быть можетъ, еще болѣе важную ошибку, чѣмъ самое зло: онъ поставилъ свою волю на мѣсто учреждений; онъ ослабилъ всѣ сословія и принизилъ характеры. Люди, воспитанные на древнихъ принципахъ личнаго достоинства, подвергаясь постояннымъ оскорбленіямъ на глазахъ чиновниковъ, находящихся на положеніи слугъ императора, теряли уваженіе къ самимъ себѣ. На ногахъ оставались только императоръ и его приближенные, дворъ, нѣчто въ родѣ Версаля, въ которомъ можно было задохнуться и гдѣ души лишались всего своего достоинства. Сердце обливается кровью, когда видишь два класса людей, отъ которыхъ ожидаешь нѣкотораго чувства чести и собственнаго достоинства—священниковъ и военныхъ—на колѣняхъ передъ Θεодорой, въ ожиданіи повышеній въ награду за свое низкопоклонство. Къ этому нужно присоединить придирчивую администрацію, всюду сующую свой носъ, централизацію, которая уничтожала всякія посредствующія власти между государемъ и подданными, и тогда будетъ легко представить себѣ, какое изобиліе интригъ долженъ былъ вызывать подобный режимъ и какое колоссальное значеніе для міровыхъ событій имѣли причуды и капризы властителя.

Что же касается до порочнаго образа жизни, который Прокопъ приписываетъ Юстиніану, то его трудно примирить съ трезвостью, неутомимой дѣятельностью и любовью къ труду, которыхъ у него не отрицаетъ даже его обвинитель. По моему мнѣнію, вѣрно то, что въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, Юстиніанъ былъ человѣкомъ весьма грубымъ, но онъ не стоялъ ниже уровня своего вѣка. Ослабленіе сословія патриціевъ и почти полное исчезновеніе идеи наслѣдственнаго благородства до невѣроятной степени понизило нравы высшаго общества. Такъ какъ происхожденіе женщинъ ставилось ни во что, а прелесть нравственныхъ качествъ совершенно не цѣнилась этимъ грубымъ вѣкомъ, то богатые и грубые люди руководились въ своихъ союзахъ только низшими аппетитами, и поэтому почти всѣ важные браки заключались съ женщинами изъ театра. Издали законъ, запрещающій сенаторамъ и высшимъ офицерскимъ чинамъ жениться на комедьянткахъ: самъ императоръ первый нарушилъ его. Эти женщины сохраняли въ своемъ новомъ положеніи свое отвратительное поведеніе, и ихъ успѣхъ былъ публичнымъ ободреніемъ авантюризму и легкимъ нравамъ.

Я думаю, что въ рассказахъ Прокопа о глупости Юстиніана есть большія преувеличенія, но есть также и большая доля истины: это былъ серьезный и прилежный, но тяжелый и грубый умъ. Лошадиныя скачки и балетъ, повидимому, замѣняли ему всякую литературу. Эти недостатки не имѣли бы никакихъ послѣдствій у частнаго человѣка; но при абсолютномъ правленіи вкусы госу-

даря имѣютъ большое значеніе; тому, чьи вкусы являются закономъ, непозволительно заниматься только той литературой, которая ему нравится. Тупость, одобренная императоромъ, возросла до громадныхъ размѣровъ. Къ довершенію несчастья она приобрѣла бѣшеную страсть къ религіознымъ преніямъ. Юстиніанъ, отличавшійся узкимъ абсолютнымъ умомъ, серьезно считалъ себя компетентнымъ въ подобныхъ вещахъ, и проливалъ потоки крови изъ за незначительныхъ тонкостей. Малая Азія, самая прекрасная страна въ мірѣ, обратилась въ пустыню изъ-за этого. Можно сказать безъ преувеличенія, что ни одинъ властитель, не исключая даже Филиппа II, не назначилъ столько пытокъ за религіозныя мнѣнія. Строгий и по своему добросовѣстный, онъ внесъ въ религію жестокость древняго закона и мрачное благочестіе свѣтскаго преслѣдователя.

Даже законодательная работа, и главнымъ образомъ составившая славу Юстиніана, является признакомъ упадка; такая работа, по мнѣнію людей свѣдущихъ въ исторіи законодательства, предпринимается только тогда, когда поколѣніе великихъ юристовъ близко къ гибели. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что эпохи законодательства не всегда были эпохами, наиболѣе одаренными любовью къ справедливости и нравственнымъ чувствомъ. Истинныя политическія произведенія никогда не вытекаютъ изъ юридическихъ учрежденій. Магистраты, отлично охраняющіе нѣкоторыя изъ соціальныхъ гарантій, не могутъ создать ни политическихъ гарантій, ни свободы.

Кромѣ того, нѣтъ ничего болѣе опаснаго для исторіи, какъ судить о силѣ и нравственности народа, исходя изъ абстрактнаго совершенства его кодекса. Если мы сравнимъ безформенное законодательство германскаго міра въ шестомъ вѣкѣ съ научнымъ законодательствомъ Византіи, то съ перваго взгляда превосходство послѣдняго покажется намъ несомнѣннымъ. Съ одной стороны—варварство, плата за убійство, денежная оцѣнка личности, возмутительныя неправильности съ точки зрѣнія того, что мы называемъ цивилизаціей; съ другой—всеобщее философское право, основанное на абсолютномъ разумѣ. И, однако, я скажу безъ всякаго колебанія, что германское право стояло выше. Результатомъ византійской организаціи явился самый постыдный упадокъ, какой только помнить исторія; изъ германскаго духа, освящавшаго индивидуумъ, вытекло истинное понятіе о человѣческомъ достоинствѣ. У германцевъ кровь имѣла цѣну, но она не имѣла ея въ Константинополѣ. Для свободы лучше самое неравномѣрное право, чѣмъ равенство въ подчиненіи. Въ средне-вѣковый феодальный періодъ личность имѣла обязанности, но за то она имѣла и привилегіи. Эти привилегіи составляли ея неотъемлемую собственность, которая была гарантирована отъ всякой человѣческой власти. Каждый человѣкъ имѣлъ нѣчто въ родѣ хартіи, которую онъ передавалъ, какъ имущество, своимъ дѣтямъ. Государство,—этотъ неподобный самодержецъ, который имѣетъ право на всѣхъ и на котораго никто не имѣетъ правъ,—еще существовало. Именно поэтому въ феодальный періодъ среднихъ вѣковъ, законодательство котораго съ философской точки

зрѣнія такъ несовершенно, не было тирановъ въ родѣ Юстиніана. Если бы тогда начала образовываться власть, подобная власти византійскаго Цезаря, то феодалы, епископы, аббаты, общины, свободные люди всѣхъ сословій, словомъ, тысячи правъ, организованныхъ противъ правъ властелина, вступили бы въ союзъ между собой. Папа поддержалъ бы этотъ союзъ! тиранъ былъ бы отлученъ отъ церкви и остановленъ съ первыхъ же шаговъ.

Въ дѣйствительности вѣкъ Юстиніана, хотя былъ и не такъ плохъ, какъ это утверждалъ Прокопъ, но все же былъ ужасенъ. Юстиніанъ и Теодора, конечно, не были демонами въ образѣ людей, но все же они были очень плохими правителями. Если даже Тайная исторія лжива отъ начала до конца, то одно ея существованіе является чрезвычайно убѣдительнымъ фактомъ; для того, чтобы ненависть не могла удовлетворить себя, не прибѣгая къ этому утонченному коварству, для того, чтобы она дошла до такой страшнѣйшей степени, нуженъ былъ дѣйствительно неслыханный деспотизмъ. Юстиніанъ, быть можетъ, совсѣмъ не былъ виновенъ въ тѣхъ злодѣянїяхъ, въ которыхъ обвиняетъ его Прокопъ въ своемъ памфлетѣ; но онъ виновенъ въ томъ упадкѣ душъ и въ томъ раболѣпствѣ, которыя нужны были для появленія такого образца злобы и лицемерія. Подавляемая истина мститъ за себя клеветой. Конечно, это несправедливо: совершенная мудрость требуетъ того, чтобы ко всему относились справедливо. Но кто же виноватъ? Тѣ, кто подавляя свободу, сознавались этимъ самымъ, что имъ было что скрывать; тѣ, кто искажая, общественное мнѣніе, сдѣлали всякое одобреніе подозрительнымъ и только все злое—вѣроятнымъ. Тайная исторія явилась наказаніемъ для нихъ: ложь, вызванная ненавистью, служитъ отвѣтомъ на ложь, вызванную лестью. Было очень простое средство предупредить и ту другую: нужно было только уважать личность и свободу!

Сеансы Гарири.

Одной изъ важнѣйшихъ услугъ, которыя де-Саси оказалъ изученію арабской литературы, является, по мнѣнію всѣхъ ориенталистовъ, комментированное изданіе знаменитой работы, извѣстной подъ именемъ Мекама или Сеансы Гарири¹⁾, которое онъ далъ въ 1822 г. Какъ до, такъ и послѣ этого изданія поднималось много возраженій противъ этого большого предпріятія. Главное возраженіе состояло въ томъ, что книга,—повидимому, столь незначительная и вдобавокъ изложенная въ такой формѣ, которая съ нашей европейской точки зрѣнія переходитъ всѣ границы дурного вкуса, представляетъ весьма мало интереса. Но де-Саси со своимъ вѣрнымъ и сильнымъ умомъ умѣлъ стать выше этихъ

¹⁾ Второе изданіе съ французскими примѣчаніями. Рейнольдъ и Деренбургъ 1853 г.

узкихъ сужденій и понялъ истинное значеніе работы Гарири. Въ его глазахъ одно обстоятельство преобладало надъ всѣми другими: онъ принималъ во вниманіе главнымъ образомъ ту роль, которую эта книга играла и еще и теперь играетъ на Востокѣ. Дѣйствительно, можно сказать, что совершенно невозможно проникнуть во всѣ тонкости арабскаго языка безъ глубокаго изученія этихъ страннхъ произведеній, представляющихъ изъ себя нѣчто вродѣ всеобщей мусульманской реторики, и оставшихся въ Азіи до нашего времени школой красиваго языка и образцомъ изысканнаго слога. Поэтому де - Саси совершенно справедливо полагалъ, что изданіе этого интереснаго труда будетъ необходимымъ дополненіемъ къ его работамъ по арабской грамматикѣ и самымъ прекраснымъ примѣненіемъ принципа, который онъ самъ ввелъ такимъ блестящимъ образомъ: а именно того принципа, что духъ восточныхъ языковъ слѣдуетъ изучать у самихъ восточныхъ грамматиковъ.

Весь ученый міръ, какъ въ Европѣ, такъ и на Востокѣ, единогласно призналъ, что знаменитый издатель въ совершенствѣ выполнилъ свою трудную задачу. Предисловіе, написанное на самомъ чистомъ арабскомъ языкѣ, комментаріи,—правда, большею частью составленные по комментаріямъ Мотарреци и Шериши, но кое-гдѣ также и по собственнымъ замѣчаніямъ де-Саси—вызвали одобреніе самыхъ требовательныхъ ученыхъ Египта и Сирии. Этотъ великолѣпный томъ in-folio, заключающій въ себѣ 660 стр., отъ первой до послѣдней строчки написанный на арабскомъ языкѣ, скоро сдѣлался классической книгой на мусульманскомъ востокѣ. Тамъ сочинялись цѣлыя книги, посвященныя исключительно разбору работы ученаго француза; ничтожество критиковъ, сопоставленное съ торжественностью похвалъ, является лучшей оцѣнкой, какую получилъ ученый трудъ нашего соотечественника.

Шейкъ Абу-Могаммедъ - аль - Кассемъ-бенъ-Али-бенъ-Могаммедъ бенъ-Отманъ, получившій столь большую извѣстность подъ именемъ Г а р и р и, родился въ Бассорѣ въ 1055 г. послѣ Р. X. Почти вся его жизнь прошла въ его родномъ городѣ, съ которымъ онъ раздѣлялъ всѣ превратности его судьбы. Картина этой жизни, протекшей въ арабскомъ городѣ двѣнадцатаго столѣтія, составленная по большей части на основаніи собственной переписки Гарири, дошедшей до насъ, составляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ частей предисловія новыхъ издателей. Среди политической анархіи, водворившейся послѣ разрушенія учрежденій калифата, и среди хасса феодальной системы, введенной Сельджукидами, продолжалось довольно большое умственное движеніе въ долину Тигра и Евфрата, бывшей уже въ теченіе трехъ столѣтій центромъ цивилизаціи цѣлаго міра. Гарири игралъ довольно важную политическую роль, служа то безсильнымъ Багдадскимъ калифамъ, то Сельджукскимъ султанамъ. Онъ былъ арабомъ по происхожденію, изъ племени Бени-Гарамъ, и среди всѣхъ переворотовъ въ нравахъ, которые происходили со всѣхъ сторонъ, онъ остался вѣрнымъ привычкамъ своей расы. Строгіе мусульмане косо смотрѣли на его свободныя и совершенно свѣтскія манеры. Тѣмъ не менѣе онъ при жизни достигъ огромной извѣст-

ности и, когда онъ говорилъ въ мечети Бени-Гарама, опираясь на свою любимую колонну, то вокругъ него собирался многочисленный кружокъ слушателей. Тамъ онъ прочелъ всѣ свои Мекама или Сеансы, нѣчто вродѣ новелль, литературной формы, существовавшей и до него, но которую онъ ввелъ въ такую моду, въ какой до него не былъ ни одинъ родъ литературныхъ произведеній.

Изъ всѣхъ произведеній арабской литературы Сеансы Гарири, можетъ быть, болѣе всего удивятъ европейцевъ; имъ будетъ весьма трудно составить себѣ представленіе объ этой книгѣ безъ спеціальнаго изученія этой литературы. Прежде всего, говоря обо всякой книгѣ, мы спрашиваемъ, что служить ея предметомъ. Для Востока, наоборотъ, предметъ является только предлогомъ, и единство какого нибудь труда заключается обыкновенно только въ чисто личномъ взглядѣ, который внесъ въ него авторъ. Гарири самъ знакомитъ насъ съ тѣмъ предметомъ, который онъ имѣлъ въ виду, сочиняя свои Сеансы. „Я хотѣлъ, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, чтобы въ нихъ заключались всѣ слова языка, какъ серьезныя, такъ и шутливыя, выраженія, какъ легкія, такъ и торжественныя, всѣ перлы и брилліанты краснорѣчія, также какъ и всѣ наиболѣе остроумныя изреченія, включая и отрывки изъ Корана и нѣкоторыя замѣчательныя метониміи. Я включилъ туда, кромѣ того, арабскія пословицы, литературныя замѣчанія, грамматическіе вопросы, лексикологическіе случаи, новеллы, которыя еще не были рассказаны, различныя рѣчи, поученія, способныя заставить плакать грѣшника, и шутки, способныя заставить несчастнаго забыть свои печали“.

Канва, на которой Гарири вышилъ этотъ странный рисунокъ, кажется сначала самой вздорной. Это—серія метаморфозъ ученаго нищаго, по имени Абу-Зеидъ изъ Саруджа, который, подобно Протею, является во всѣхъ формахъ, играетъ всѣ роли, въ родѣ нѣкоторыхъ комическихъ персонажей въ какомъ нибудь итальянскомъ театрѣ,—напримѣръ, въ Стентерелло во Флоренціи. Разсказъ объ этомъ вложенъ въ уста честнаго и разумнаго человѣка, Гареть-бенъ-Гамама, который, путешествуя по своимъ дѣламъ и ради своего образованія, повсюду встрѣчаетъ Абу-Зеида въ новомъ костюмѣ, нѣкоторое время принимаетъ его вмѣстѣ съ толпой за того, за кого онъ себя выдаетъ, но въ концѣ концовъ подъ всѣми масками узнаетъ хитраго нищаго. Абу-Зеидъ въ видѣ воодушевленнаго проповѣдника приводитъ въ восторгъ своихъ слушателей и исторгаетъ слезы у грѣшниковъ; но въ тотъ же вечеръ Гареть встрѣчаетъ его въ кабакѣ предающимся разврату на ту милостыню, которую онъ собралъ у благочестивыхъ вѣрующихъ. То въ качествѣ краснорѣчиваго адвоката онъ входитъ въ соглашеніе со своимъ противникомъ, чтобы обмануть судью и его партію. Являясь то хромымъ, то слѣпымъ, то школьнымъ учителемъ, то импровизаторомъ, то странствующимъ проповѣдникомъ, то притворнымъ дервишемъ, то докторомъ, то благочестивымъ, то развратникомъ,—онъ умѣетъ измѣнять свое лицо такъ же, какъ и свое платье, и становится во всѣ жизненныя положенія, чтобы насмѣхаться надъ добрыми душами и пользо-

ваться ихъ простотой. Но это не значить, что онъ человѣкъ совершенно безнравственный и лишенный всякаго чувства чести. Низкій лакей для публики, онъ бываетъ обличителемъ для людей, занимающихъ извѣстныя мѣста; по временамъ онъ драпируется въ свои лохмотья съ величіемъ, достойнымъ Эди Опильтрея и самыхъ гордыхъ нищихъ Вальтеръ Скотта. Онъ былъ нѣкогда богатъ и уважаемъ; крестоносцы взяли его родной городъ и ограбили его; онъ не думаетъ, что онъ обязанъ оставаться честнымъ человѣкомъ, не смотря на судьбу. Въмѣсто морали онъ выработалъ себѣ разъ на всегда одно правило; всѣ его принципы сводятся къ одному: „чтобы достигъ своихъ цѣлей, нужно безбоязненно пройти весь ипподромъ лжи и хитростей; разстилай свои сѣти и лови дураковъ, которые попадутся въ нихъ.“ Благодаря своимъ талантамъ онъ могъ бы получить прибыльныя должности; но онъ предпочелъ жизнь нищаго, потому что она доставляетъ больше независимости и даетъ человѣку возможность лучше развить всѣ свои способности. Доживъ до старости, онъ рекомендуетъ эту профессію своему сыну, какъ самую лучшую и самую достойную. Онъ объясняетъ ему принципы этой жизни и умоляетъ его не измѣнять ея традиціямъ. Одинъ изъ самыхъ странныхъ сеансовъ— тридцатый, въ которомъ Абу-Зеидъ, достигнувъ апогея своей нищенской жизни, объявляется королемъ народа бродягъ и фокусниковъ; съ высоты своего нищенскаго трона онъ произноситъ торжественную рѣчь, въ которой онъ платитъ всему міру презрѣніемъ за презрѣніе міра къ нему самому. Подъ конецъ его жизни религія, которою онъ такъ часто игралъ, беретъ свои права; онъ раскаивается, возвращается въ городъ Саруджъ и становится имамомъ своего прихода. Гаретъ встрѣчаетъ его въ послѣдній разъ въ видѣ честнаго человѣка, и друзья расстаются навсегда. Серьезна ли эта развязка, или обращеніе Абу-Зеида ничто иное, какъ послѣдняя комедія послѣ столькихъ другихъ? Это неизвѣстно: Гарири до конца держитъ въ тайнѣ совѣсть своего героя; такимъ образомъ его пониманіе жизни остается въ какомъ-то туманѣ, гдѣ смѣхъ сливается со слезами, серьезное съ шуткой, иронія съ уваженіемъ.

Для того, чтобы понять все искусство и всю оригинальность плана сеансовъ, нужно видѣть съ какой изобрѣтательностью, съ какимъ разнообразіемъ, съ какой тонкой наблюдательностью Гарири провелъ своего нищаго черезъ пятьдесятъ различныхъ положеній. Идея человѣческой комедіи, которую только неявно предчувствовали для общества девятнадцатаго вѣка, нашла осуществленіе у Гарири для мусульманскаго общества двѣнадцатаго вѣка. Бальзаку не хватало именно этого неуловимаго героя, выполняющаго съ ироніей всѣ роли, подъ маской котораго проницательному Гарету удается каждый разъ увидѣть только ловкаго и презрительнаго комедьянта; и къ чести нашего общества мы можемъ сказать, что если въ немъ къ несчастью и встрѣчается мною Абу-Зеидовъ, то, по крайней мѣрѣ, у насъ подобная личность невозможна съ точки зрѣнія искусства. Современный міръ слишкомъ сложенъ, добро и зло слишкомъ спутаны въ немъ, для того, чтобы его можно было цѣликомъ изобразить

какъ въ типѣ лицемѣра, такъ и въ типѣ честнаго человѣка. Представленіе о смѣшномъ нахалѣ, одинаково искусномъ, какъ въ грамматическихъ тонкостяхъ, такъ и въ плутняхъ, употребляющемъ свои литературныя познанія только на то, чтобы выпросить себѣ обѣдъ или милостыню, можетъ разсмѣшить насъ на одну минуту, но въ концѣ концовъ внушить намъ только отвращеніе.

Наоборотъ, для арабовъ Абу-Зеидъ вовсе не былъ личностью, достойной презрѣнія. Гарири ни разу не порицаетъ его серьезно; онъ заставляетъ его умереть честнымъ человѣкомъ; онъ надѣляется его по временамъ очень высокими чувствами, какъ, напр. нѣжнымъ воспоминаніемъ о своей родинѣ, выраженнымъ въ прелестныхъ стихахъ. На Востокѣ человѣкъ не борется съ судьбой, которая хочетъ унижить его. Ему заранѣе предназначено быть благороднымъ или низкимъ. Каждый разъ, когда Гаретъ ловитъ Абу-Зеида на мѣстѣ преступленія въ какомъ нибудь обманѣ, нищій говоритъ одно и то же въ свое оправданіе: „Саруджъ взятъ; мое имущество и моя семья въ рукахъ невѣрныхъ. Я вижу, что судьба не остается постоянно одинаковой, и стараюсь подражать ей“. Къ этой вѣрѣ въ фатализмъ примѣшивается грустная мысль, сознаніе глубокаго паденія мусульманскаго общества. „Поколѣніе великодушныхъ людей изсякло; порокъ сравнялъ всѣхъ людей. Если міръ становится низкимъ, зачѣмъ упорно оставаться благороднымъ?“ Сознаніе этого упадка тяготѣетъ, какъ кошмаръ, надъ всей арабской поэзіей послѣ уничтоженія либеральнаго духа калифата. За сто лѣтъ до Гарири, Гаманди сочинилъ книгу, очень похожую на книгу пѣвца изъ Бассоры, описывающую плутни нѣкоего Абульфата — Эскандери: когда продѣлки этого человѣка открываются, онъ непоколебимо отвѣчаетъ: „не бойся подлости и безчестія, потому что вѣкъ, который осудилъ тебя на это, еще хуже тебя. Если ты будешь бороться съ его низостью, то ты не побѣдишь его. Дитя не обязано быть мудрѣе своего отца“.

Эта низкая покорность порокамъ своего вѣка, это обыкновеніе ободрять себя къ безчестнымъ поступкамъ примѣромъ самой судьбы—является чисто мусульманской чертой. Востокъ никогда не могъ понять той гордости, которая поднимаетъ человѣка выше судьбы и ставитъ его нравственность внѣ вліянія капризовъ судьбы; для того, чтобы найти такую странную комбинацію цинизма и литературы, подлости и ума, намъ нужно вернуться къ итальянскимъ паразитамъ шестнадцатаго вѣка, живущимъ своей грамматикой и своей риторикой. Для насъ интеллектуальное развитіе есть нѣкотораго рода дворянство, которое налагаетъ обязанности. На востокѣ типъ ученаго нищаго и плута вовсе не выдумка. Въ эпоху Гарири существовали подобные бродячіе грамматикки, нѣчто въ родѣ педантичныхъ рапсодовъ; это были люди совершенно погрязшіе во всякихъ порокахъ и платившіе остроумнымъ словомъ или стихами за свои трактирныя издержки. Рейнаръ очень искусно доказалъ, что Абу-Зеидъ былъ дѣйствительной личностью, и что рамкой для поэмы Гарири послужилъ историческій фактъ. Однажды, когда онъ сидѣлъ подъ портикомъ Бени-Гарама въ Бас-

сорѣ, онъ увидѣлъ старика, очень жалкаго вида, который удивилъ его изяществомъ своей рѣчи и легкостью, съ которой онъ принималъ всевозможные тоны. Вечеромъ онъ говорилъ о немъ съ нѣсколькими собравшимися у него людьми, и оказалось, что всѣ видѣли этого субъекта въ многочисленныхъ мечетяхъ Бассоры, одѣтаго въ различные костюмы и прибѣгающаго къ новымъ уловкамъ, чтобы получить милостыню. Этотъ старикъ былъ шейкомъ изъ Саруджа, — города, сосѣдняго съ Эдессой; послѣ того какъ его родной городъ былъ взятъ христіанами, его семья обращена въ рабство, а все имущество разграблено, онъ избралъ профессію импровизатора и принялся ходить по всей странѣ, живя различными хитростями. Дѣйствительно, изъ одной замѣтки историка Ибнъ-аль-Атира мы узнаемъ, что городъ Саруджъ былъ взятъ въ январѣ 1101 года. Этотъ странный нищій поразилъ Гарири, и внушилъ ему идею его главнаго дѣйствующаго лица и нить его рассказовъ. Такимъ образомъ, по странному сближенію, замыселъ одного изъ самыхъ характерныхъ произведеній арабской литературы связанъ съ однимъ изъ эпизодовъ изъ исторіи крестовыхъ походовъ.

Лишь весьма немногіе труды имѣли столь обширное литературное вліяніе, какъ Сеансы Гарири. Отъ Волги до Нигера, отъ Ганга до Гибралтарскаго пролива, эта книга была образцомъ остроумія и красоты слога для всѣхъ народовъ, которые вмѣстѣ съ исламизмомъ приняли языкъ Магомета. Она еще и теперь остается классической книгой во всѣхъ мусульманскихъ школахъ Азіи, въ особенности въ Индіи. Не странно-ли то обстоятельство, которое можетъ освѣтить намъ судьбу всего арабскаго народа, что книга, написанная въ Бассорѣ, напечатанная въ первый разъ въ Калькуттѣ, главные комментаторы которой родились одинъ въ Ксересѣ, а другой на берегахъ Оксуса, получила свою окончательную форму въ рукахъ французскаго ученаго? Люди, путешествовавшіе по Левану, въ одинъ голосъ говорятъ, что Сеансы всегда производятъ сильное впечатлѣніе, когда ихъ читаютъ передъ большой толпой; они вызвали также много арабскихъ, сирійскихъ и еврейскихъ подражаній; даже въ наши дни на востокѣ появлялись попытки въ томъ же родѣ.

Нужно признаться, что этимъ успѣхомъ книга обязана главнымъ образомъ тому качеству, которое мы цѣнимъ меньше всѣхъ другихъ, а именно тому необычному слогу, состоящему изъ намековъ, пословицъ, загадокъ, и каламбуровъ, этой страсти употреблять только рѣдкія выраженія, которыхъ нельзя понять безъ комментарій къ этимъ ребяческимъ выходкамъ въ стихосложеніи, истиннымъ литературнымъ фокусамъ, не имѣющимъ никакихъ достоинствъ кромѣ трудности. Представьте себѣ книгу въ 400 стр., всю написанную такимъ слогомъ: „Съ того дня, когда я бросилъ въ Каирѣ якорь отдыха, зажегъ свой фонарь объ огонь его генія и наполнилъ раковину моего уха перлами его разговора, до того часа, когда надъ нашими головами закаркалъ воронъ разлуки“. Излишне напоминать, что этотъ переводъ не передаетъ ни рифмъ, ни аллитерацій, ни игры словъ, ни множества другихъ непереводаемыхъ красотъ. Что сказать о стихахъ, назы-

ваемыхъ тигровая кожа, гдѣ всѣ буквы по очереди съ точками и безъ точекъ, или о такихъ, главная заслуга которыхъ въ томъ, что въ нихъ ни разу не встрѣчается буква Р., или о такихъ, наконецъ, въ которыхъ заключаются всѣ глаголы извѣстной формы и показаны всѣ ихъ неправильности? Этотъ грамматическій диллетантизмъ, который кажется намъ такимъ нелѣпымъ, объясняется, когда мы вспомнимъ, что грамматика въ глазахъ арабовъ самое благородное искусство, что сама поэзія заимствуетъ изъ нея свои самые прекрасные образы и что поэтъ не можетъ придумать лучшаго выраженія для своего комплимента, чѣмъ такая фраза: „если предметъ твоихъ желаній глаголь въ будущемъ времени, то онъ станетъ прошедшимъ, прежде чѣмъ успѣютъ прибавить къ нему частицу, которая образуетъ изъ него условное наклоненіе“.

Трудно представить себѣ, какого огромнаго труда стоили эти трудныя мелочи, и серьезному человѣку тяжело смотрѣть, какъ пропадаетъ даромъ столько усилій ради такой смѣшной цѣли. Но современники Гарири думали объ этомъ не такъ, какъ мы; рассказываютъ, что когда онъ представилъ свой сборникъ критикамъ Багдада, то тѣ нашли нужнымъ исключить изъ него только одно выраженіе. Впрочемъ, смѣшное имѣетъ свои права, когда оно относится къ прошлому: для тѣхъ, кто умѣетъ воспринимать вещи соотвѣтственно тому мѣсту, которое онѣ занимали въ исторіи человѣческаго ума, слогъ Астреи и Великаго Кира имѣетъ свою прелесть. Прибавимъ къ чести Гарири, что его Сеансы, переведенные рифма за рифмой, каламбуръ за каламбуромъ, однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ поэтовъ Германіи, Фридрихомъ Дюкертомъ, съ интересомъ и съ увлеченіемъ читаются по ту сторону Рейна. Нашъ языкъ слишкомъ строгъ для того, чтобы на подобную попытку отвѣтили чѣмънибудь кромѣ насмѣшки; существуетъ, однако, довольно серьезная попытка въ этомъ направленіи, сдѣланная однимъ изъ самыхъ искусныхъ ориенталистовъ Мункомъ ¹⁾.

Гарири является въ концѣ концовъ самымъ остроумнымъ и самымъ интереснымъ писателемъ времени упадка Аравіи.

Нигдѣ, кромѣ его произведенія, нельзя такъ осязательно воспринять ту сферу воображенія, которая доступна мусульманскимъ націямъ, и ту руковую границу, которая, повидимому, положена имъ въ интеллектуальной и моральной области. Вообще, нужно сознаться, Гарири показываетъ намъ мусульманскую цивилизацію не съ хорошей стороны. Въ то время, какъ древній арабскій геній, проявленія котораго мы находимъ въ древне-исламической поэзіи и въ коранѣ, носитъ характеръ силы и оригинальности, а арабская наука и философія вполне достойны нашего восхищенія, такъ какъ онѣ явились продолженіемъ умственныхъ традицій человѣческаго рода, та безцвѣтная риторика, которая охватила Востокъ, начиная съ десятаго столѣтія, почти не заслуживаетъ вниманія историка и критика. Ничто не можетъ быть живо выражено этимъ условнымъ и искусственнымъ язы-

¹⁾ Journal asiatique 1834.

камь; человѣческая мысль какъ бы сведена до размѣровъ сонета и мадригала; всюду изобилуютъ грамматическія тонкости. Возьмемъ для примѣра двѣ соперничающія школы: Бассорскую и Куфскую. Въ чемъ состояло разногласіе этихъ двухъ знаменитыхъ академій, которыя наполнили шумомъ своей борьбы весь мусульманскій міръ? Вы думаете, что онѣ спорили о какойнибудь философской или политической системѣ, что рѣчь шла о какомънибудь глубокомъ несогласіи по живымъ вопросамъ о человѣчествѣ, Богѣ, человѣкѣ, обществѣ? Нѣтъ! вопросъ состоялъ только въ томъ, глаголь ли происходитъ изъ имени существительнаго или имя существительное происходитъ изъ глагола. Грамматика—весьма почтенная наука, когда она направлена только на то, чтобы учить правильности языка; она имѣетъ истинное философское значеніе, когда она служитъ для изученія человѣческаго духа, занимаясь однимъ изъ самыхъ интересныхъ проявленій его произвольнаго творчества, но здѣсь она ничто иное, какъ пустая игра, и такой она будетъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда разумъ ограничиваютъ изученіемъ и размѣщеніемъ слоговъ. Нужно близко изучить этотъ упадокъ Востока, чтобы представить себѣ печальныя слѣдствія человѣческой дѣятельности, упражняющейся въ пустотѣ, и вознаграждающей себя ложной риторикой и софизмами за безсиліе мысли. Если бы это было средствомъ для прекращенія ссоры и для водворенія міра, то пожалуй, еще можно было бы согласиться купить этой высокой цѣной столь желанное благо. Но нѣтъ: человѣкъ тѣмъ больше страсти вкладываетъ въ споръ, чѣмъ ничтожнѣе его предметъ. Люди такъ же душатъ другъ друга изъ-за голубыхъ или зеленыхъ кучеровъ, какъ и изъ-за мнѣній и принциповъ; большое заблужденіе думать, что измельчаніе ума служитъ гарантіей покоя.

Ф а р с ъ П а т е л е н а .

Фарсъ Пателена—лучшая изъ всѣхъ комедій, которыя дали намъ среднія вѣка; эта комедія, которая, возродившись скорѣе въ ослабленномъ, чѣмъ въ улучшенномъ видѣ, могла имѣть успѣхъ въ девятнадцатомъ столѣтіи и составить репутацію де-Брїе и Палапрату, появилась недавно въ своемъ первоначальномъ видѣ благодаря заботамъ Генена¹⁾. Превосходные судьи, Литтре, въ *Revue des deux mondes* (15 іюля 1855 г.) и Магненъ, въ *Journal des Savants* (декабрь 1855), отнеслись съ уваженіемъ къ эрудици, изысканному вкусу и добросовѣстной точности новаго издателя. Задача, которую онъ взялъ на себя, представляла большія трудности: манускрипты фарса Пателена рѣдки и не заслуживаютъ большого довѣрія. Первые изданія были дѣломъ нарождающагося книгопечатанія; они полны ошибокъ, и для того, чтобы исправить ихъ, нужна большая про-

¹⁾ Парижъ, Шамеро, 1854 г.

ницательность. Прекрасное изданіе Генена, совершенное какъ въ типографскомъ, такъ и въ филологическомъ отношеніяхъ, останется навсегда образцовымъ изданіемъ и займетъ свое мѣсто въ томъ ряду реставрированныхъ произведеній древности, который составляетъ существенную часть научной работы девятнадцатаго вѣка.

Пателенъ—это самая остроумная и самая законченная пьеса въ нашемъ древнемъ комическомъ театрѣ. Конечно, наивныя представленія тринадцатаго вѣка имѣютъ больше прелести: въ особенности „Jeu de la Feuillée“ Адамъ де ла Галля превосходитъ эту комедію какъ по истинному изяществу, такъ и по юмору, достойному Аристофана¹⁾. Но этимъ первымъ попыткамъ не хватало пониманія сцены и распредѣленія частей, тогда какъ Пателенъ представляетъ изъ себя настоящую комедію, въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ Мольеръ и какъ ее понимали въ древности. Авторъ былъ, повидимому, способный человѣкъ, вкладывавшій въ свое искусство большую опытность и часто даже слишкомъ много размышленія. Характерной чертой примитивныхъ и истинно наивныхъ произведеній является то, что писатель даже не подозрѣваетъ тѣхъ красотъ, которыми мы восхищаемся въ его произведеніи,—счастливое невѣдѣніе, изъ котораго вытекаютъ неподражаемая чистота и трезвость! Здѣсь, наоборотъ, авторъ слишкомъ сознаетъ свои остроты и повторяетъ ихъ почти до утомленія. Несмотря на этотъ недостатокъ фарсъ среднихъ вѣковъ вмѣстѣ съ Пателеномъ вступаетъ на почву истиннаго искусства. Въ то время какъ мистерія никогда не могла, по крайней мѣрѣ во Франціи, превратиться въ трагедію и осталась навсегда пораженной неизлѣчимымъ безсиліемъ, такъ что трагическій геній при своемъ пробужденіи долженъ былъ связать себя съ чуждыми традиціями,—фарсъ вполне приближается къ новой комедіи. „Именно фарсъ, говоритъ Гененъ, далъ начало истинной и прочной славѣ французскаго театра, изъ него вытекла какъ комедія, основанная на интригѣ, такъ и комедія характеровъ. Я сомнѣваюсь, чтобы Сидъ и Цинна произошли отъ мистерій страстей; но я вполне увѣренъ, что между фарсомъ Пателена и наслѣдникомъ Тартюфомъ и даже Мизантропомъ существуетъ прямая связь“.

Ни авторъ, ни время появленія фарса Пателена неизвестны. Споры объ этихъ двухъ вопросахъ не могли не навести такого остроумнаго критика, какъ Гененъ, на весьма интересныя предположенія. Что касается времени, то Гененъ, руководясь различными сопоставленіями, помѣщаетъ его въ эпоху Карла VII и Людовика XI, около 1460 г. Это, по крайней мѣрѣ, тотъ предѣлъ, ближе котораго его нельзя помѣстить, и нужно сознаться, что возраженія, сдѣланныя Генену искусными критиками, клонятся къ тому, чтобы отнести Пателена къ болѣе древнему періоду.—Вопросъ объ авторѣ также не выясненъ; Гененъ, приписывая Пателена Антонию де-ла-Саль, автору „Chronique de petit Jehan de Saintré“ и „Quinze joies de Mariage“ и одному

¹⁾ См. Французскій театръ въ средніе вѣка. Монмеркэ и Мишель, Парижъ, 1839 г.

изъ разказчиковъ *Sent Nouvelles nouvelles*, безъ сомнѣнiя, хотѣлъ скорѣе обозначить, къ какому роду литературныхъ произведенiй принадлежитъ фарсъ Пателена, чѣмъ указать его истинное происхожденiе.

Дѣйствительно, опубликованный Гененомъ фарсъ, является образцомъ той грубой, насмѣшливой, остроумной, безнравственной литературы, которую далъ конецъ среднихъ вѣковъ и которая нашла въ Людовикѣ XI своего ревностнаго покровителя и свое полное воплощенiе. Рассказываютъ, что на празднествѣ коронованiя этого безцеремоннаго короля стѣсняла Реймская корона, плохо сидѣвшая на его головѣ; онъ снялъ ее, положилъ на столъ возлѣ себя, а затѣмъ, не обращая вниманiя на присутствующее дворянство и на герцога Бургундскаго, представителя древней вѣжливости, болталъ все время съ веселымъ и ловкимъ малымъ, стоявшимъ за его стуломъ. Вкусы публики уже раньше сдѣлали то, что Людовикъ XI сдѣлалъ въ первый день своего царствованiя. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ существовала цѣлая литература, которую можно назвать литературой Людовика XI, гдѣ высшая добродѣтель, изящество и величiе безжалостно принесены въ жертву успѣху. Благородныя фiкци, которыми жили среднiе вѣка, исчезли; Карлъ Великiй сдѣлался комической личностью, изъ которой романисты, недостойные послѣдователи трубадууровъ, создали типъ дурака. Образъ Артура поблѣднѣлъ въ слабыхъ подражанiяхъ и почти сравнялся по безцвѣтности съ Амадисомъ; униженная церковь сама объявляетъ, что она переживаетъ свой желѣзный вѣкъ; святые не появляются; бѣдная Жанна д'Аркъ появилась на одно мгновенiе со своими фантазiями изъ другихъ временъ, въ сопровожденiи св. Екатерины, св. Михаила и своихъ райскихъ сестеръ только для того, чтобы схоластическiй педантизмъ и алчный эгоизмъ осудили ее; это прекрасное видѣнiе никого не разбудило вокругъ себя и было понятно только черезъ четыреста лѣтъ. Всѣ тѣ нравственные элементы, которые германская раса, повидимому, внесла въ Галлiю, вмѣстѣ съ собой, чувство личной независимости, возмущенiе противъ римской административной и правительственной системъ, гдѣ индивидуумъ не имѣлъ никакихъ правъ противъ государства, величiе воображенiя и рыцарскiй героизмъ исчезли. Остался духъ галловъ, духъ неизмѣнный и положительный, лишенный возвышенныхъ стремленiй, очень привязанный къ этому миру и допускающiй мораль только съ тѣмъ условiемъ, чтобы подъ ней понимали искусство преуспѣвать здѣсь, на землѣ. Этотъ насмѣшливый духъ, разрушающiй всякое благородство и всякiй идеалъ, появился впервые въ срединѣ среднихъ вѣковъ въ царствованiе Людовика Святого, короля монаха и рыцаря; затѣмъ при Филиппѣ Красивомъ и почти подъ его королевскимъ влiянiемъ, онъ проявился съ замѣчательной смѣлостью въ произведенiяхъ Жакде-Мейнга, но здѣсь онъ не былъ еще лишенъ силы и нѣкотораго благородства; и, наконецъ, у Пателена онъ явился во всемъ своемъ буржуазномъ видѣ. Эпопея эпохи плутовъ, какъ назвалъ его Мишле,—фарсъ Пателена есть выраженiе этого низкаго и безнравственнаго, но остроумнаго безобразiя, которое

характеризуетъ пятнадцатый вѣкъ и которое съ такой оригинальностью отразилось въ миниатюрахъ этого времени. Это безобразіе было, впрочемъ, полезно и мы не должны негодовать на него, потому что благородные и поэтичныя средніе вѣка должны были исчезнуть. Благородство всегда покупается дорогою цѣной; германскій феодализмъ сдѣлался невыносимой цѣпью для міра; была необходима реакція снизу и для этой грубой работы не требовалось нѣжныхъ рукъ. Что было бы съ нами, если бы Людовикъ XI имѣлъ не такое низкое сердце, менѣе жадную душу и болѣе чуткую совѣсть?

Съ этой точки зрѣнія можно утверждать, что фарсъ Пателена свидѣтельствуетъ даже о прогрессѣ. Историкъ и литературный критикъ часто судятъ весьма различно объ одномъ и томъ же предметѣ. Критикъ никогда не долженъ становиться на сторону пошлости; историкъ знаетъ, что отгѣнки вещей безконечны, что благо для однихъ есть зло для другихъ, и что всякое абсолютное сужденіе о переворотахъ прошлаго—несовершенно. Историкъ не долженъ подчиняться требованіямъ эстетики; вѣка, самыя низкіе съ точки зрѣнія искусства, часто бываютъ для него самыми плодотворными. Четырнадцатый вѣкъ, столь бѣдный мыслью и поэзіей, настолько уступающій тринадцатому по оригинальности, въ сущности гораздо болѣе похожъ на новое время и въ нѣкоторомъ смыслѣ дальше ушелъ впередъ. Поэзія требуетъ, чтобы индивидуальный міръ ея героевъ былъ неограниченъ, чтобы они могли свободно развиваться, не стѣсняемые сѣтью обязанностей, въ которыхъ заключаетъ цивилизованнаго человѣка равенство правъ. Но этотъ социальный строй, столь необходимый для искусства, можетъ быть осуществленъ только цѣной насилій и притѣсненія. Правильная эпоха, подобная той, въ которую мы живемъ, не можетъ дать великой поэмы, потому что человѣческія дѣйствія не могутъ достигнуть въ ней большихъ размѣровъ, не дѣлаясь отвратительными. Въ этомъ смыслѣ средніе вѣка являются тѣмъ же для новаго времени, чѣмъ героическій періодъ былъ для древности, т. е. той эпохой, къ которой должно восходить искусство, чтобы найти благопріятное поле для своего творчества. Но историкъ не обязанъ раздѣлять этихъ сожалѣній артиста. Поэтическій идеаль пѣсни о Роландѣ гораздо выше идеала фарса Пателена; и, однако, условія жизни человѣчества были во многихъ отношеніяхъ лучше въ ту эпоху, когда апплодировали Пателену, чѣмъ въ ту, когда питались подвигами Роланда. Когда низшій классъ занимаетъ мѣсто аристократіи, то это не обходится безъ нѣкотораго временнаго пониженія умственнаго уровня и вкуса. Чѣмъ наполнены обыкновенно народныя пѣсни, по крайней мѣрѣ, во Франціи? Ихъ содержаніе составляютъ хитрость, практическая ловкость, игривое и насмѣшливое остроуміе и очень рѣдко нравственныя поступки и подъемъ духа. Въ нихъ рѣдко заботятся о добрѣ и красотѣ: преуспѣвать и прокладывать свою дорогу,—вотъ основной мотивъ для дѣятельности, который мы въ нихъ находимъ; самый порочный далеко не всегда бываетъ тамъ самымъ смѣшнымъ.

Пателенъ представляется мнѣ самымъ законченнымъ типомъ этихъ первыхъ попытокъ буржуазной литературы, которая воз-

никла вслѣдъ за паденіемъ великаго аристократическаго идеала. Когда переходишь отъ благородныхъ фикцій, созданныхъ прекрасной эпохой среднихъ вѣковъ, къ плоскимъ и грубымъ произведеніямъ четырнадцатаго и пятнадцатаго вѣковъ, то испытываешь сначала глубокое разочарованіе. Изъ міра величія и гордости опускаешься до литературы безъ идеала и безъ изящества. Вмѣсто серьезности и уваженія, являющихся главнымъ условіемъ великаго искусства, видишь передъ собой только вульгарный скептицизмъ, не тотъ скептицизмъ, который является слѣдствіемъ сильной мысли, критикующей самое себя, но скептицизмъ низкихъ душъ, которыя не могутъ подняться до пониманія прекраснаго и чистаго. Роландъ со своимъ героизмомъ, Ланцело и Тристанъ съ ихъ утонченной чувствительностью, рыцарь Св. Граалья, преслѣдующій свою святую химеру, приключенія Аукассина и Николетти, Амиса и Амилія, уже менѣе грандіозныя, но все еще полныя прелести—все это не имѣетъ никакого отношенія къ этому. Публикѣ, которую долженъ теперь удовлетворять поэтъ, нужны другіе герои. Обезславленный и выставленный къ позорному столбу адвокатъ, разговаривающій съ своей достойной супругой Гильометтой о томъ, какъ подновить свое поношенное платье; адвокатъ, обольщающій красивыми словами суконщика, своего сосѣда, чтобы заставить того дать ему сукно въ кредитъ, и затѣмъ прибѣгающій къ грубой уловкѣ, чтобы не заплатить ему; суконщикъ, который радуется, что обманулъ Пателена, продавъ ему по восемьдесятъ су то, что стоитъ по двадцати; пастухъ Тибо Аньелэ, обкрадывающій своего хозяина суконщика, и встрѣчающій въ Пателенѣ полную готовность защищать его противъ ихъ общаго кредитора; наконецъ, пастухъ, обманывающій адвоката, который помогъ ему выиграть его неправо дѣло, и обращающій противъ него ту хитрость, которой тотъ научилъ его,— вотъ новая литература, которая слѣдуетъ за литературой трубадуровъ и миннезингеровъ: цѣлый міръ мопенниковъ и воровъ, гдѣ самый честный человѣкъ суконщикъ, который тоже далеко не вполне честенъ, является самымъ несчастнымъ. Если бы Людовикъ XI присутствовалъ на этомъ спектаклѣ, что, впрочемъ очень вѣроятно, то онъ, конечно, понравился бы ему. Я ясно представляю, какъ онъ со своимъ насмѣшливымъ видомъ апплодировалъ Пателену; особенно Аньелэ долженъ былъ казаться ему героемъ. Всѣ персонажи пьесы въ одно время обманываютъ другихъ и сами бывають обмануты; только Аньелэ обманываетъ всѣхъ: своего патрона, судью и адвоката; онъ обманываетъ всѣхъ притворной глупостью, а самъ никому не дается въ обманъ. Пальма первенства принадлежитъ ему. Не смотря на всю свою проницательность, король, безъ сомнѣнія, не видѣлъ исторической важности драмы, которая смѣшила его: нужно было нѣсколько вѣковъ, для того, чтобы короли поняли на себѣ самихъ, что Тибо Аньелэ неблагодарный клиентъ и что человѣкъ, сдѣлавшійся его адвокатомъ, рискуетъ не получить гонорара.

Непоправимый недостатокъ фарса Пателена, съ точки зрѣнія искусства, это низость сердца, надъ которой авторъ нигдѣ не поднимается. Все это, по его мнѣнію, слабости и непослѣдова-

тельности человѣческой природы, которыя смѣшны, но совсѣмъ не постыдны. Зрѣлище нравственнаго упадка не достойно быть предметомъ шутки. Конечно, было бы ребячествомъ порицать комедію вообще и въ особенности то тонкое чувство ироніи, одно изъ нашихъ самыхъ возвышенныхъ и совершенныхъ чувствъ, которымъ человѣческой умъ выражаетъ свое превосходство надъ міромъ и на которое способны только великія расы. Нѣтъ болѣе яснаго признака благородства человѣка, какъ тонкая молчаливая улыбка, заключающая въ себѣ самую высокую философію. Строгий анализъ показалъ бы, что иронія входитъ составной частью во всѣ истинно возвышенныя произведенія, и я утверждаю, что если будетъ написана Божественная комедія девятнадцатаго столѣтія, то иронія займетъ въ ней такое же мѣсто, какое она занимала въ древнемъ Олимпѣ. Но фарсъ не иронія: это карриатура на иронію: искаженная маска Сганареллы или Скапина можетъ быть только отвратительной. Даже самъ Мольеръ, не смотря на свое изысканное искусство, не можетъ скрасить того, что есть отвратительнаго въ низкомъ и вульгарномъ, и я сознаюсь, что этотъ знаменитый писатель дѣйствуетъ на меня непріятно, когда онъ покидаетъ область крупныхъ наблюденій и заставляетъ гримасничать нѣкоторые персонажи, чтобы разсмѣшить меня цѣною стыда за человѣческую личность.

Авторъ *Maistre Patelin* дѣлаетъ еще хуже. Когда въ фарсѣ мы видимъ плута побѣдителемъ, а честную глупость побѣжденной, то это совершенно несправедливо съ точки зрѣнія морали; однако, такъ какъ глупость есть недостатокъ съ эстетической точки зрѣнія, нѣчто такое, что унижаетъ человѣческую природу, то мы можемъ не видѣть ничего дурнаго въ томъ, что она бываетъ по временамъ посрамлена. Но когда глупость и плутовство торжествуютъ вмѣстѣ, когда Тибо Анжелэ, самый глупый изъ всей компаніи, обманываетъ всѣхъ остальныхъ самой своей глупостью и выигрываетъ процессъ, прикидываясь дуракомъ, то это въ высшей степени безнадежно и безнравственно. Вѣдь изъ этого въ сущности можно вывести такое слѣдствіе: если вы хотите преуспѣвать, будьте плутомъ; но если вы хотите преуспѣвать еще больше, то старайтесь быть или казаться дуракомъ.

Итакъ, нравственная цѣнность фарса Пателена весьма ничтожна; но его историческое значеніе и литературныя достоинства неоспоримы. Вмѣстѣ съ *Chronique de petit Jehan de Saintré* Пателенъ представляетъ изъ себя самый цѣнный документъ, показывающій нравственный уровень конца среднихъ вѣковъ. Въ комедіи или въ сатирѣ не слѣдуетъ искать точной картины нравовъ ея эпохи; мы были бы неправы, еслибы подумали, что адвокаты, судьи, пастухи и суконщики пятнадцатаго вѣка были совершенно похожи на тѣхъ, которыхъ мы видимъ на сценѣ въ Пателенѣ; это такъ же невѣрно, какъ если-бы мы думали, что весь древній міръ состоялъ изъ Давовъ и Тримальсіоновъ. Но духъ вѣка выражается въ характерѣ пьесъ, которыя его интересовали. Итакъ, Пателенъ производитъ на насъ самое печальное впечатлѣніе: нельзя не пожалѣть о такомъ времени, когда низость человѣческихъ характеровъ, которая ничѣмъ

не можетъ быть вознаграждена, не вызывала въ зрителяхъ отвращенія.

Воспоминанія стараго нѣмецкаго профессора ¹⁾).

Ученые обыкновенно не пишутъ воспоминаній: имъ нечего рассказывать; ихъ изслѣдованія приучаютъ ихъ смотрѣть на вещи съ совершенно безличной точки зрѣнія. Съ другой стороны, публика такъ же мало интересуется ихъ личностью, какъ и ихъ трудами; чтобы оправдать свое пренебреженіе, у публики есть одно удобное слово, которое она произноситъ, какъ безапелляціонный приговоръ; это слово—педантизмъ. Мы такъ боимся смѣшного, что все, что, повидимому, можетъ сдѣлать насъ смѣшными, кажется намъ подозрительнымъ, такъ что многіе деликатные люди предпочитаютъ оставаться поверхностными, чѣмъ навлечь на себя столь страшное обвиненіе. Со времени Монтеня, который заботливо предупреждаетъ, „что онъ не грызъ ногтей надъ изученіемъ какой нибудь науки, что только въ дѣтствѣ онъ попробовалъ ихъ верхнія корки, и удержалъ въ своей памяти только ихъ безформенный образъ, всего по немножку и ничего вполнѣ, по-французски“ до Маскарилля, который утверждаетъ, что его стихи имѣютъ свободный видъ и не отзываются педантизмамъ, Франціей всегда владѣлъ духъ нѣкотораго плохо понятаго уваженія къ человѣку, который на мѣсто научнаго педантизма ставитъ то, что г-жа Сталь называетъ педантизмомъ легкомыслія. Въ дѣйствительности, это довольно странное явленіе: человѣкъ смѣшонъ, если онъ серьезно относится къ тому, что онъ изъ себя представляетъ, и первое условіе для того, чтобы имѣть право говорить обо всемъ, утверждать, что не знаешь ничего. Эта ложная щепетильность является, конечно, одной изъ причинъ, сбивающихъ съ толку самые выдающіеся умы Франціи; и я смѣю сказать, что начало мудрости у насъ заключается въ томъ, чтобы отучиться отъ ложнаго стыда и перестать считать хорошимъ все легкомысленное и смѣшнымъ все серьезное.

Тѣ черты характера, которыя клеймятъ словомъ педантизмъ, представляютъ изъ себя почти всегда похвальныя и почтенныя качества; скажу больше: достаточно какъ слѣдуетъ понять ихъ, чтобы найти въ нихъ много красоты, много прелестныхъ причудъ и позавидовать Германіи въ томъ, что она имѣла счастье обладать безконечнымъ разнообразіемъ типовъ знаменитыхъ педантовъ. Что касается меня, то ни одна книга не доставляетъ мнѣ такого удовольствія, какъ біографіи ученыхъ нѣмцевъ или голландцевъ великой школы, въ родѣ школь Гемстериуса или Виттенбаха. Какая оригинальность и даже, по временамъ, какая тонкость скрывается подъ внѣшней простотой и почти грубостью! У насъ эрудитъ

¹⁾ Aus dem Leben eines alten Professors, доктора Фридриха Крейцера, профессора Гейдельбергскаго университета. Лейпцигъ и Дармштадтъ 1848.

еще надолго останется въ общественномъ мнѣніи любознательнымъ человѣкомъ, любителемъ рѣдкостей, который имѣетъ значеніе только въ томъ случаѣ, если онъ занимателенъ; къ нему относятся такъ, какъ къ какому нибудь ученому аббату восемнадцатаго столѣтія, къ какой нибудь старинной мебели, которая можетъ развлечь насъ въ дождливый день. Въ Германіи наукѣ удалось занять лучшее мѣсто. Тамъ лучше поняли, что если самое благородное назначеніе человѣческой жизни состоитъ въ томъ, чтобы проникнуть въ тайну міра, то достигъ этого можно только путемъ положительной науки о дѣйствительности; что ученый, изслѣдующій милліоны фактовъ, составляющихъ міръ, есть истинный философъ или, по крайней мѣрѣ, человѣкъ, подготовляющій необходимые матерьялы для философіи. Отсюда происходитъ та высокая наивность, свойственная только людямъ, проникнутымъ важностью своего дѣла, и тѣ маленькія смѣшныя стороны, надъ которыми смѣются невѣжды, но которыя присущи только цѣльнымъ и простымъ характерамъ.

Прелестный томъ личныхъ воспоминаній, который далъ намъ знаменитый представитель нѣмецкой науки Крейцеръ, авторъ исторіи религій древности, теперь уже устарѣвшей, но въ свое время принесшей огромную пользу, является самымъ полнымъ отраженіемъ спокойной, удовлетворенной, возвышенной жизни германскихъ университетовъ. Въ этой книгѣ прежде всего пріятно поражаетъ добродушная увѣренность въ томъ, что все, интересное для него, интересуется также и всѣхъ другихъ, и стремленіе подѣлиться съ читателемъ спокойной радостью своихъ воспоминаній. Насколько насъ сердятъ и печалятъ тщеславные люди старающіеся превознести себя, навязывая публикѣ свои признанія, настолько же пріятно и интересно для насъ это благоговѣйное удовлетвореніе восьмидесятилѣтняго старика, который, вспоминая свою жизнь, имѣетъ право быть довольнымъ ею.

Чтобы такъ цѣнить свое прошлое, нужно не находить въ немъ ни ненависти, ни горечи. Тѣ страстныя нападки, которыя преслѣдовали ученаго автора *Symbolique*, не оставили никакого слѣда ни въ его душѣ, ни въ его книгѣ. Самые безразсудные упреки не могли поколебать ни на одинъ моментъ его спокойствія, не могли заставить его ни на одинъ шагъ свернуть съ намѣченнаго пути. Обладая духомъ Эразма и Меланхтона, онъ долженъ былъ вынести упрекъ въ томъ, что онъ составилъ заговоръ съ іезуитами противъ политической и религіозной свободы; и это смѣшное обвиненіе не заставило его сдѣлать ни шагу въ сторону іезуитства. Онъ одновременно оставался другомъ Гегеля и мистика Герреса, Гете и обращеннаго Фридриха Шлегеля. Въ этой книгѣ, въ которой онъ открылъ намъ свое сердце, я не нахожу никакой мести столькимъ несправедливымъ обвинителямъ и въ частности Ж. Ш. Фоссу анти-символисту, кромѣ крайне невинной шутки. Однажды, войдя въ дилижансъ, чтобы отправиться изъ Парижа въ Гейдельбергъ, онъ увидѣлъ что купѣ почти все занято іезуитомъ въ широкой одеждѣ. „Какое несчастье, сказалъ ему одинъ изъ его друзей, что бѣднаго Фосса нѣтъ уже въ живыхъ:

онъ объявилъ бы публикѣ о заранѣе условленномъ путешествіи Фридриха Крейцера съ іезуитомъ!“

Интересно знать, какъ развилась утонченная религіозность Крейцера. Въ этомъ отношеніи воспоминанія его дѣтства, проведеннаго въ Марбургѣ, въ его родномъ городѣ, могутъ дать намъ много интересныхъ свѣдѣній. Онъ связываетъ свои первыя религіозныя впечатлѣнія съ замѣчательной церковью св. Елизаветы, самымъ совершеннымъ образцомъ христіанскаго искусства въ его лучшую эпоху. Можно сказать что *Symbolique* цѣликомъ зародилось подъ этими сводами въ мозгу ребенка. „Наша прекрасная церковь св. Елизаветы, говоритъ онъ, была для меня цѣлымъ міромъ. Ея длинныя придѣлы, раздѣленные тонкими колоннами, хоры съ цвѣтными стеклами, боковыя часовни съ могилами ландграфовъ, статуи рыцарей, стѣнные шкафы, ниши съ статуями святыхъ, древняя живопись, изображающая жизнь святой и ея мужа, умершаго въ Крестовомъ походѣ,—все это восхищало меня и дѣлало для меня истиннымъ праздникомъ тотъ день, когда я ходилъ на богослуженіе въ этотъ неподражаемый храмъ. А когда, въ извѣстное время года, двери древней ризницы были открыты, когда открывались золоченыя изображенія Маріи, держащей свое дитя, и двѣнадцати апостоловъ, и ключарь объяснялъ крестьянамъ, преходившимъ толпой слушать его, неисчислимую цѣнность и чудесныя свойства драгоценныхъ камней, хранившихся въ сокровищницѣ, то я мечталъ объ этомъ по цѣлымъ недѣлямъ“. Древняя книга духовныхъ псалмовъ, переписанная его отцомъ, была второй причиной, развившей зародышъ мистицизма, заложенный въ нѣжной и впечатлительной душѣ Крейцера. Поэзія и символы всецѣло овладѣли имъ; онъ любилъ религію только въ ея грандіозныхъ проявленіяхъ; его восхищало общее пѣніе вѣрующихъ: наоборотъ, молитва въ школѣ казалась ему нелѣпой, и онъ самъ говоритъ, что никогда не придавалъ ей ни малѣйшаго религіознаго значенія.

На этотъ счетъ Крейцеръ дѣлаетъ странное признаніе, которое я приведу, потому что многіе захотятъ, быть можетъ, извинить свое собственное варварство примѣромъ знаменитаго мыслителя. Онъ сознается, что въ области религіозной музыки онъ всегда понималъ только церковныя пѣсни, исполняемыя всѣмъ народомъ, и что всякія искусственныя музыкальныя колбинаціи новыхъ авторовъ всегда оставались для него мертвой буквой. Многіе, если бы были искренни, сознались бы также, что они предпочитаютъ прекрасное псалмопѣніе, ритмъ этихъ древнихъ гимновъ, сохранившихъ свой первоначальный колоритъ, всей итальянской и даже нѣмецкой музыкѣ! И въ сущности развѣ нѣтъ теоріи, которой они могли бы оправдать это предпочтеніе? Развѣ церковная музыка (я не говорю о той святотатственной музыкѣ, которая въ наши дни злоупотребляетъ этимъ словомъ, я разумѣю церковное пѣніе въ его широкой и наивной простотѣ), развѣ хоровое церковное пѣніе не есть великая и истинная музыка Греціи? Куда нужно идти въ наше время, чтобы услышать прекрасную пѣсню, которая сдѣлала въ древности столь популярнымъ имя Сафо? Въ церковь. Куда нужно идти, чтобы услышать ритмъ Пиндаровскихъ

одъ, ритмъ, безъ котораго эти оригинальныя стихи имѣютъ для насъ такую же цѣну, какъ кантаты безъ мотива? Въ церковь: это доказаль ученый академикъ ¹⁾. Тотъ, кто говорить, что любить только церковное пѣніе, говорить этимъ только то, что онъ любить древнюю музыку. Но такое признаніе можно сдѣлать, совершенно не стыдясь его; я убѣжденъ, что если бы музыкальныя записи грековъ дошли до насъ въ такомъ видѣ, что ихъ можно было бы вполне разобрать, то мы увидѣли бы, что ихъ музыка стояла на такомъ же уровнѣ, какъ и ихъ скульптура, и что въ этомъ искусствѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, Греція дала намъ образецъ великихъ, благородныхъ и простыхъ произведеній, которыя глубоко захватываютъ душу и безъ усилій возвышаютъ ее.

Въ книгѣ Крейцера описано множество такихъ же прелестныхъ религіозныхъ впечатлѣній. Я знаю, что любопытные люди, которые станутъ искать въ этомъ маленькомъ томѣ такого рода интересныхъ свѣдѣній, какія обыкновенно привыкли видѣть въ мемуарахъ, упрекнутъ Крейцера въ томъ, что онъ не все сказалъ и обошелъ молчаніемъ именно такіе вопросы, въ которыхъ читатель ожидалъ признаній. Въ ней нѣтъ, на примѣръ, ни одного слова, которое упоминало бы о томъ, что этотъ ученый, повидимому, столь утомленный годами и работой, былъ героемъ романтической исторіи, которая взволновала всю Германію; нѣтъ даже ни одного слова сожалѣнія о прекрасной монахинѣ, которая, какъ говорятъ, бросилась изъ-за него въ Некаръ! Значитъ ли это, что ученый историкъ символовъ древности отбросилъ эти воспоминанія, какъ слишкомъ свѣтскія? Мы не хотимъ такъ думать: Крейцеръ не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые могутъ дѣлить свою жизнь на двѣ части. Но онъ справедливо полагалъ, что есть нѣкоторыя вѣрованія, которыя лучше всего выражаются молчаніемъ, и что воспоминанія такъ же скромны, какъ и сами чувства. Онъ хотѣлъ кромѣ того, чтобы его книга носила строгій отпечатокъ его жизни, посвященной наукѣ, и была отраженіемъ того героическаго періода нѣмецкой литературы, однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ представителей котораго, оставшихся въ живыхъ до нашихъ дней, былъ онъ самъ.

Дѣйствительно, есть ли въ исторіи мысли другой вѣкъ подобный тому, предвозвѣстникомъ котораго былъ универсальный геній Лейбница, который начался Вольфомъ и Гейне и кончился Нибуромъ, братьями Шлегелями и Гумбольдтами? Увидитъ ли еще когда нибудь человѣческой духъ подобное удивительное соединеніе науки и философіи, возвышенной религіи и поэзіи? Чѣмъ были Гете, Гердеръ и Гегель, какъ не непосредственными продуктами той огромной критической работы, которая совершилась въ нѣмецкихъ университетахъ въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго вѣка? Конечно, я не стараюсь унижить Францію по поводу челѣка, который обязанъ большею частью своей литературной удаче тому, что онъ имѣлъ счастье быть переведеннымъ нашимъ ученымъ, и который на каждой страницѣ

¹⁾ Винцентъ. *Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi.* m. XVI.

выражаетъ почтеніе къ филологическому гению де-Саси и Бурнуфа! Но нужно сознаться, что все это только знаменитыя исключенія и что широкое пониманіе отношенія науки къ философіи, эстетикѣ и религіи не было собственно продуктомъ французскаго ума: во Франціи слишкомъ часто философія была абстрактной схоластикой, отдѣляющей себя отъ познанія фактовъ и исторіи, эрудиція — развлеченіемъ для праздныхъ, религія — догматомъ, принятымъ на вѣру отъ папы и епископовъ, которымъ индивидуальная совѣсть вовсе не должна заниматься. Вообще у насъ плохо понимали единство высшей жизни человѣка и религіозное значеніе потребности проникнуть въ тайну вещей.

Тѣ удивительныя противорѣчія и странныя фикціи, которыя вытекали въ нашемъ обществѣ изъ этого нѣсколько поверхностнаго взгляда на интеллектуальную и нравственную культуру, очень поразили Крейцера во время его путешествія во Францію въ 1826 году. Его удивленіе началось въ Страсбургѣ, гдѣ онъ встрѣтился съ однимъ изъ своихъ братьевъ по Академіи Надписей, вольтерьянскія мнѣнія котораго были ему хорошо извѣстны; честный Крейцеръ былъ очень изумленъ, когда узналъ, что тотъ совершаетъ путешествіе для осмотра университетовъ вмѣстѣ съ однимъ іезуитомъ; онъ не могъ опомниться отъ изумленія и до сихъ поръ напрасно старается объяснить себѣ этотъ фактъ. Впрочемъ, протекція его вольтерьянскаго собрата принесла ему пользу: онъ чуть было не скомпрометтировалъ себя экземпляромъ *De Republica* Цицерона своего собственнаго изданія, который онъ везъ съ собою; никакъ нельзя было заставить таможенню пропустить книгу съ такимъ возмутительнымъ заглавіемъ. Въ Парижѣ его также многое удивило. Пасторъ Марронъ сообщаетъ ему безпокойства своихъ единовѣрцевъ; онъ видитъ, что Карлъ X со всѣмъ своимъ дворомъ слѣдуетъ за процессіями по улицамъ, и, однако, прибавляетъ онъ, въ обществѣ культурныхъ людей никто не говоритъ о теологіи. Среди академиковъ Парижа я не слышалъ ни одного слова на счетъ различія вѣроисповѣданій, такъ что можно было подумать, что они равнодушны къ этому. Даже Бенжаменъ Констанъ, который въ то время какъ разъ достигъ высшаго пункта своей полемики, принявъ меня самымъ любезнымъ образомъ, говорилъ со мной только о научныхъ вещахъ“.

Церемонныя привычки Германіи сдѣлали Крейцера очень чувствительнымъ на счетъ другого гораздо менѣ важнаго пункта: „Что меня особенно поразило, говоритъ онъ, въ государственныхъ людяхъ и ученыхъ, съ которыми я столкнулся въ Парижѣ, это крайняя простота ихъ внѣшняго вида. На одномъ изъ засѣданій института, одинъ изъ моихъ братьевъ долженъ былъ предупредить меня, что мой сосѣдъ былъ маркизъ Пасторэ: настолько манеры и одежда этого вице-президента парижской палаты были далеки отъ того, чтобы свидѣтельствовать о его высокомъ положеніи; баронъ де-Саси вошелъ въ самомъ простомъ костюмѣ безъ единственнаго изъ своихъ орденовъ, съ книгами подъ мышкой. Дану, прежній президентъ совѣта пятисотъ, а затѣмъ трибунъ, Дану, который одно время

держалъ въ своихъ рукахъ судьбу своей страны, отличался болѣе, чѣмъ сократической простотой своей внѣшности. Обѣды и приемы также носили самый буржуазный характеръ и сопровождались меньшими церемоніями, чѣмъ въ самомъ маленькомъ германскомъ университетѣ. Неженатые академики приглашали своихъ друзей въ рестораны, что сдѣлалъ М. по отношенію ко мнѣ "... Я останавливаюсь, боюсь сказать что нибудь нескромное объ образѣ жизни еще живыхъ друзей Крейцера.

Дѣйствительно, нужно сознаться, что Крейцеръ, который былъ по временамъ такимъ скромнымъ въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ, совсѣмъ не былъ такъ скромень по отношенію къ своимъ друзьямъ. Впрочемъ, его друзьямъ и публикѣ не приходится жалѣть объ этомъ. Напримѣръ, глава, относящаяся къ г. и г-жѣ Виттенбахъ, конечно, одна изъ самыхъ интересныхъ главъ его книги; благодаря описаніямъ Крейцера, мы имѣемъ въ лицѣ этой почтенной пары идеальную картину голландской семьи ученаго. Несомнѣнно, Голландія, послѣ Италіи, дала самое большое число женщинъ, замѣчательныхъ своей ученостью. Я говорю—послѣ Италіи: дѣйствительно,—странное явленіе!—эта страна Европы, въ которой образованіе женщинъ стояло очень низко, была классической страной ученыхъ женщинъ. Падуа и Болонья имѣли рѣдкую привиллегію насчитывать нѣсколько женщинъ среди своихъ докторовъ. Клотильда Тамброни до 1817 года фигурировала среди профессоровъ университета Болоньи; она занимала тамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ кафедру греческой литературы, которую оставила, отказавшись присягнуть циспаданской республикѣ. Въ Падуѣ Елена Пископіа преподавала философію и писала статьи по теологіи, математикѣ и астрономіи; въ Падуѣ же (другіе утверждаютъ—въ Болоньѣ) Новелла Андреа заняла мѣсто своего отца въ преподаваніи каноническаго права: только въ тотъ день, когда она читала, вѣшали маленькую занавѣску передъ кафедрой. Дѣйствительно, наука не вредила красотѣ этихъ дамъ. Я видѣлъ въ Падуѣ въ церкви св. Антонія и подъ портикомъ университета два бюста Елены Пископіа въ бенедиктинскомъ костюмѣ. Они вполне оправдываютъ ту страсть, которую она внушала многимъ важнымъ людямъ своего времени, страсть, къ которой она всегда оставалась равнодушной, хотя ея родители безъ ея вѣдома сняли съ нея обѣтъ дѣвства, который она дала 11-ти лѣтъ. У Томазини (*Virorum illustrium Elogia*) можно видѣть портреты другихъ знаменитыхъ женщинъ Падуанскаго университета; онѣ по большей части замѣчательно красивы. Я не знаю, существуютъ ли портреты ученыхъ женщинъ Голландіи; но то, что извѣстно по слухамъ о прелестяхъ г-жи Рункениусъ (*Vita Runkeniі Виттенбаха*, стр. 72.), даетъ намъ самое высокое понятіе о ихъ красотѣ. Всего этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы опровергнуть злыя нападки Мольера. Дѣйствительно, такъ же какъ набожные люди будутъ всегда съ нѣкоторымъ основаніемъ дѣлать ему упреки за Тартюфа, серьезные люди также съ трудомъ одобрятъ его Ученыхъ женщинъ. Эта манера представлять лучшія вещи съ смѣшной стороны, это предпочтеніе буржуазной пошлости передъ интел-

лектуальнымъ благородствомъ, по временамъ, можетъ быть, притворное, были всегда опасны для такой страны, какъ наша, гдѣ тонъ является почти полноправнымъ господиномъ мнѣній. Я не удивляюсь, что лучшее общество 1672 г., дѣлало всѣ усилія, чтобы остановить это опасное сочиненіе при самомъ его появленіи. Какую прекрасную апологію можно было бы написать *Pro docto femineo sexu!*

Г-жа Виттенбахъ, которая побудила меня къ этому отступленію, была французенкой по происхожденію и докторомъ Марбургскаго университета. Прекрасная среда, проникнутая платоновскими идеями, которая оказала вліяніе на ея главное произведеніе: Банкетъ Леонти,—навлекла на нее обвиненіе въ язычествѣ со стороны пѣтистовъ ея времени. Но это было совершенно несправедливо; въ свои послѣдніе дни она писала Крейцеру: „Я жила и умираю въ принципахъ, которыми, какъ вы знаете, обладалъ Виттенбахъ. На мою долю выпало счастье наслаждаться полнымъ душевнымъ покоемъ. Благотворительность, которую такъ трогательно проповѣдуетъ Евангеліе, украсила мою жизнь и украшаетъ ея конецъ“. За два дня до своей смерти, намекая на начало Федона, она послала ему еще слѣдующія слова, написанныя ея изящнымъ и твердымъ почеркомъ: „Корабль Делоса заставляетъ себя долго ждать“. Интересно то, что эти старые святыя нравы сохранились почти до нашихъ дней среди всѣхъ потрясеній, вызванныхъ революціями. Досада бѣднаго Виттенбаха, врага всякихъ визитовъ и официальныхъ представленій, на новый режимъ, установившійся въ Голландіи; его горе, когда Лейденскій университетъ въ одинъ прекрасный день превратился въ простую академію Французскаго университета подъ управленіемъ де-Фонтана и съ Ноэлемъ въ качествѣ инспектора; его отчаяніе, когда ему пришлось, въ качествѣ члена Голландскаго института, напяливать на себя мундиръ съ золотыми галунами и эполеты: все это составляетъ очень интересную картину. Какъ и его учитель Рункеніусъ, біографію котораго онъ написалъ, онъ женился очень поздно; но Рункеніусъ „соединялъ культъ музъ съ культомъ сиренъ и умѣлъ въ одно и то же время нравиться и тѣмъ и другимъ, и одинаково пользоваться ихъ милостями“¹⁾. Глава о его женитьбѣ начинается словами: *Ruhnkenius non erat novus in amore!*

Подобныхъ вещей нѣтъ въ жизни Крейцера. Тамъ все невышненно, чисто и невинно. Читая ее, дѣлаешься счастливымъ, потому что чувствуешь, что его жизнь была счастливой, что его мысли не пожирали, а лишь спокойно побуждали его, что его не мучилъ ни догматизмъ, ни скептицизмъ, что онъ былъ вліятельнымъ и уважаемымъ человѣкомъ, не будучи ни министромъ, ни государственнымъ человѣкомъ. Какъ прелестна жизнь филологовъ, когда они умѣютъ понять свое счастье и не мѣняютъ его на мимолетныя удовлетворенія честолюбія. Избавленный отъ самой тяжелой необходимости, возложенной на человѣка, отъ

¹⁾ Vita D. Ruhnkenii a Wyttenbachio scripta, p. 43.

необходимости имѣть опредѣленное мнѣніе о божествѣ и человечествѣ, онъ играетъ въ этомъ мірѣ самую удобную роль, роль зрителя. Чуждые страстямъ сектъ и партій, съ умомъ, открытымъ для истины, съ какой бы стороны она ни пришла, они видятъ, что все въ концѣ концовъ приходитъ къ нимъ на судъ, тогда какъ они сами не зависятъ ни отъ кого. Добро, зло, красота, безобразіе, даже посредственность—все интересуется ихъ, потому что все имѣетъ свою цѣнность, если его разсматривать, какъ часть вселенной. Такимъ образомъ философская любознательность становится самымъ благороднымъ, самымъ вѣрнымъ употребленіемъ міра. Если даже все остальное суетно, то не суетна эта любознательность; но даже если и это невѣрно, то все же этотъ образъ жизни всегда будетъ самымъ спокойнымъ и пріятнымъ существованіемъ.

Французская академія ¹⁾.

Ливэ, человекъ очень трудолюбивый и большой почитатель хорошей литературы, опубликовалъ новое изданіе Исторіи французской академіи Пелиссона и Оливэ, приложивъ къ нему введеніе, объясненія и примѣчанія, которыя свидѣтельствуютъ объ очень солидномъ образованіи. Труды Пелиссона и Оливэ являются истинными образцами того простого, возвышеннаго, непринужденнаго разсказа, который исчезаетъ у насъ съ каждымъ днемъ, уступая мѣсто дурному вкусу и напыщенности. Составленные большею частью по оффиціальнымъ документамъ, эти двѣ исторіи обладаютъ всей прелестью оригинальныхъ сочиненій. Доклады, которые предшествовали учрежденію академіи, и жалованныя грамоты, относящіяся къ ея основанію, являются настоящими образцовыми произведеніями и прекраснымъ отраженіемъ одного изъ достоинствъ древней монархіи, а именно ея великолѣпнаго стиля, ея „учтивости“, какъ говорили прежде. Во всѣхъ актахъ этого благороднаго королевства чувствуется возвышенное пониманіе въ умственной области, либеральное величіе, которое, вовсе не стремясь все поглотить, хочетъ дать жизнь всему, что его окружаетъ. Такъ какъ она имѣла только одно желаніе—быть выше себѣ подобныхъ, то она никогда не знала той нетерпимости, которой такъ трудно избѣжать новому режиму. Худшій недостатокъ правленій—ревность—никогда не касался ея; она не допускала, чтобы какое нибудь законное развитіе могло составить ей конкуренцію или лишить ее одной изъ ея неоспоримыхъ прерогативъ.

Французская академія—единственное учрежденіе во Франціи, которому немного болѣе двухъ сотъ лѣтъ. Она является также единственнымъ учрежденіемъ (конечно, за исключеніемъ духовен-

¹⁾ Исторія французской академіи, Пелиссона и д'Оливэ, съ введеніемъ, объясненіями и примѣчаніями Ш. Ливэ. Парижъ, Дидье, 1858.

ства или, лучше сказать, епископства), которое до сихъ поръ было защищено отъ предпріятій различныхъ правительствъ. Даже институтъ, который также счастливо избѣжалъ ихъ, боролся съ нападеніями не тѣмъ, что ссылался на свое революціонное происхожденіе, которое, напротивъ, подвергало его нашествіямъ со стороны администраціи, но тѣмъ, что онъ связывалъ себя съ древней свободой самой старой академіи, которая входила въ его составъ. Свобода обезпечена только въ томъ случаѣ, если она опирается на долго жившія учрежденія. Можно было бы доказать, что единственными соломенками, за которыя можѣтъ ухватиться въ наши дни остатокъ независимости, являются обломки того, что во Франціи называютъ старымъ режимомъ. Попробуйте только представить себѣ власть, которая, какъ бы она ни была всемогуща, осмѣлилась бы нанести ударъ этой цифрѣ сорокъ, которая стала священной въ литературѣ. Она встрѣтится съ преградой, которую освятилъ даже языкъ. Не подозрѣвая и не желая этого, Ришелье, въ тотъ день, когда основалъ академію, положилъ то зерно песку, передъ которымъ должно было уничтожиться огромное могущество, главнымъ создателемъ котораго былъ онъ самъ: могущество государства. Та страна, въ которой политическія учрежденія были самыя слабыя, породила такое сильное литературное учрежденіе, какимъ не обладала ни одна нація, и программа ея основателя должна была, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ осуществиться буквально: „Академія стоитъ на достаточно прочномъ фундаментѣ, чтобы прожить также долго, какъ и монархія“.

Съ первыхъ лѣтъ своего существованія французская академія подвергалась жестокимъ преслѣдованіямъ, и съ тѣхъ поръ это не прекращалось. Скажемъ сразу, что въ основѣ этихъ преслѣдованій лежали гораздо болѣе глубокія причины, чѣмъ это обыкновенно склонны думать. Охотно предполагаютъ, что всѣ эти страстныя нападки были внушены оскорбленнымъ тщеславіемъ и завистью низкихъ натуръ ко всему, чего они не могутъ достигнуть. Но это совершенно невѣрно. Та антипатія, которую французская академія всегда возбуждала въ извѣстномъ классѣ лицъ, была слѣдствіемъ очень серьезныхъ причинъ и объясняется весьма различными элементами этого страннаго учрежденія. „Приблизительно въ 1629 году нѣсколько частныхъ людей, живущихъ въ различныхъ мѣстахъ Парижа, нашли, что очень неудобно постоянно ходить другъ къ другу въ этомъ большомъ городѣ, не заставая другъ друга дома, и рѣшили видѣться одинъ разъ въ недѣлю у одного изъ нихъ. Всѣ они были литераторы, имѣвшіе за собой значительныя заслуги: Годо, теперешній епископъ Грасскій, который не былъ еще тогда духовнымъ лицомъ; Гомбольдъ, Шапеленъ, Конрартъ, Жири, покойный Габертъ, комиссаръ артиллеріи, братъ его аббатъ Серизи, де-Серизей и де-Маллевиль. Они собирались у Конрарта, которому было удобнѣе всего принимать ихъ, такъ какъ онъ жилъ въ центрѣ города, откуда всѣ жили одинаково далеко. Тамъ они свободно разговаривали, какъ будто бы просто въ гостяхъ, о всевозможныхъ вещахъ, о дѣлахъ, о новостяхъ, о литературѣ. Каждый разъ, когда ктонибудь изъ нихъ написалъ

что нибудь, онъ читаль это другимъ, и они свободно высказывали ему свое мнѣніе; ихъ собранія заканчивались то прогулкой, то общимъ ужиномъ. Такъ продолжалось три или четыре года, и какъ я слышалъ отъ многихъ изъ нихъ, эти собранія доставляли имъ величайшее удовольствіе и невѣроятную пользу, такъ что и теперь еще они говорятъ объ этихъ первыхъ годахъ Академіи, какъ о золотомъ времени, когда они вмѣстѣ наслаждались всѣмъ, что можетъ дать лучшаго общество выдающихся умовъ и разумная жизнь, съ простотой и свободой первыхъ вѣковъ, безъ шума и помпы, не подчиняясь никакимъ законамъ, кромѣ законовъ дружбы“¹⁾).

Вотъ первыя зачатки учрежденія, которое впоследствии возросло, было освящено санкціей короля и превратилось во французскую академію. Опытный глазъ еще и тогда могъ бы предвидѣть, что это собраніе умныхъ и выдающихся людей является зародышемъ учрежденія, которое будетъ носить, безъ сомнѣнія, литературный характеръ, но прежде всего будетъ нравственнымъ и социальнымъ учрежденіемъ. Парламентъ яснѣе всѣхъ понялъ это. Съ тѣмъ инстинктомъ проницательной ревности, которая всегда возбуждаетъ въ судебныхъ учрежденіяхъ тайное недовѣріе ко всему, что служитъ основаніемъ индивидуальной независимости, онъ очень хорошо понялъ, что жалованныя грамоты кардинала основывали нѣчто гораздо болѣе важное, чѣмъ литературныя собранія: въ теченіе трехъ лѣтъ онъ упорно отказывался регистрировать ихъ. Но послѣдствія дѣятельности Ришелье уже быстро развивались. Академія едва просуществовала нѣсколько лѣтъ, но достигла уже огромнаго результата: она облагородила умы. До тѣхъ поръ люди, бывшіе нищими, паразитами или педагогами не имѣли своей крѣпости и искали своего убѣжища подъ тѣнью церквей или феодальныхъ замковъ. Съ этихъ же поръ люди ума стали жаловать дворянъ титуломъ собратьевъ. Академія не даетъ славы (слава раздается неизвѣстными руками); но она даетъ въ одинъ день то, что самъ король можетъ дать только съ помощью времени: уваженіе. Нужно прочесть тѣ серьезныя описанія посѣщенія королевы Христины,²⁾ которыя сохранились до нашего времени, чтобы представить себѣ, до какой степени академія съ самаго начала овладѣла общественнымъ мнѣніемъ. Соціальное значеніе такого человѣка, какъ Вуатюръ, который почти ничего не печатая, благодаря своему уму, своимъ разговорамъ, своимъ манерамъ и своей дерзости съ знатными людьми, игралъ почти ту же роль, которую впоследствии игралъ Вольтеръ, было также истиннымъ событіемъ и показало, что въ мірѣ появилась новая власть въ тотъ день, когда нѣсколько образованныхъ буржуа заставили людей смотрѣть на свои еженедѣльные собранія и на свои усилія ввести болѣе чистые вкусы, какъ на государственную службу.

Я не хочу ничего преувеличивать и кромѣ того я вызвалъ бы очень серьезныя возраженія, если-бы сталъ утверждать, что

¹⁾ Пеллиссонъ, стр. 8—9.

²⁾ Ливэ, II, стр. 451 и слѣд.

академія въ прежнія времена пользовалась полной свободой внутренняго управленія, которой съ тринадцатаго вѣка никогда не пользовалось ни одно учрежденіе во Франціи. Академія была подчинена королю, но она была ему подчинена непосредственно; а подчиняться непосредственно королю значило тогда пользоваться свободой. Не сама абсолютная власть, принадлежащая одному человѣку, дѣлаетъ деспотизмъ столь тягостнымъ и превращаетъ его въ концѣ концовъ въ разрушителя всего либеральнаго и возвышеннаго; причиной этого является скорѣе раздѣленіе этой власти между чиновниками, изъ которыхъ самое положеніе ихъ дѣлаетъ посредственныхъ и придиричивыхъ людей. Вотъ почему въ древней монархіи непосредственное подчиненіе королю было условіемъ независимости и давало такую свободу, которой не знало наше современное общество даже въ свои лучшіе дни. Мольеръ могъ дѣлать все, лишь бы это развлекало короля. Съ тѣхъ поръ, какъ исчезли всякія привилегіи, только смѣшному удалось сохранить свои; оно защищается, какъ право, и если бы великій комикъ появился въ наше время, то ему пришлось бы на каждомъ шагу считаться съ неприкосновенными прерогативами, которыхъ не зналъ писатель Людовика XIV-го.

Многіе недостаточно ясно понимаютъ этотъ социальный характеръ французской академіи, и потому, просматривая списокъ членовъ, занявшихъ сорокъ кресель, они удивляются, находя тамъ имена, которыя сразу не напоминаютъ о большихъ литературныхъ заслугахъ. Это возраженіе было бы основательнымъ, если бы академія была учрежденіемъ, состоящимъ исключительно изъ литераторовъ; но оно падаетъ, если понимать обязанности академіи въ болѣе обширномъ смыслѣ. Книжки являются только одной изъ тѣхъ формъ, въ которую выливается и въ которой распространяется обширное дѣло умственной культуры. Одной изъ сильныхъ сторонъ французскаго духа является тѣсная связь, всегда существовавшая между тѣми, кто пишетъ книги, и тѣми, кто читаетъ и оцѣниваетъ ихъ. Если бы мы жили въ семнадцатомъ или въ восемнадцатомъ вѣкѣ, то мы увидѣли бы, что всѣ эти неизвѣстные лица, которыя, повидимому, безъ всякаго основанія занимаютъ свое мѣсто въ академическихъ спискахъ, имѣли важное общественное значеніе. Вліяніе такого рода не переживаетъ того лица, которое его имѣло; его трудно понять черезъ извѣстный промежутокъ времени; исторія сохраняетъ только имена великихъ писателей, великихъ политиковъ, великихъ полководцевъ; она не воздаетъ благодарности тѣмъ свѣтскимъ людямъ, которые хорошо исполняли свои обязанности. Что касается меня, то я сожалею о томъ времени; когда хорошенькое четверостишіе, написанное однимъ дворяниномъ, было прозвищемъ академіи. Эпиграмма представляла изъ себя гарантію за отсутствіемъ другихъ. Увы! ее уничтожили, но тотъ оттѣнокъ смѣшного, который она придавала академіи, не исчезъ вмѣстѣ съ ней.

Нужно вспомнить, кромѣ того, что одной изъ цѣлей основанія академіи, было очищеніе языка отъ тѣхъ примѣсей, которыя внесъ въ него школьный педантизмъ и приказный слогъ; писать такъ, какъ писали люди, говорившіе хорошо, вотъ что она

стремилась преподавать своимъ примѣромъ и своими уроками. По этому ей было необходимо отвести въ своей средѣ широкое мѣсто представителямъ тона хорошаго общества. Конрартъ, образцовый непремѣнный секретарь, не писалъ или, скорѣе, не печаталъ ничего. Ахъ, не говорите, что эти безвѣстные высокіе умы, жизнь которыхъ прошла въ томъ, что они учили порядку словъ и взвѣшивали слоги, не сдѣлали ничего. Они создали высокое произведеніе искусства, французскій языкъ. Они оказали неопѣненную услугу человѣческому духу: они написали *Dictionnaire* и избавили насъ отъ той неопредѣленной свободы, которая губитъ языки; они начертали вокругъ насъ тѣ драгоцѣнныя границы, которыя заставляютъ насъ десять разъ перевернуть нашу мысль, прежде чѣмъ мы найдемъ ей возможное и вѣрное выраженіе. Я сознаюсь, что эти цѣпи долго возмущали меня; я проклиналъ, какъ нѣмцы, оковы, на каждомъ шагу мѣшающія намъ сказать то, что мы хотимъ. Но позже я узналъ, что это—огромное преимущество, обезпечивающее нашему языку его универсальное значеніе. Дѣйствительно, человѣкъ только тогда достигаетъ полной зрѣлости ума, когда онъ понимаетъ, что можно все сказать, не прибѣгая къ схоластическимъ выраженіямъ, языкомъ свѣтскихъ людей, и что *Dictionnaire de l'Académie* заключаетъ въ себѣ все, что нужно для выраженія всякой мысли, какъ бы она ни была утончена, нова и неуловима.

Тотъ же отвѣтъ нужно дать и тѣмъ людямъ, которые замѣчаютъ пробѣлы въ спискахъ членовъ академіи. Имя Паскаля является, пожалуй, единственнымъ, отсутствіе котораго не можетъ быть оправдано достаточными причинами. Декартъ принялъ Голландское подданство и кромѣ того этому, исключительно научно-му, генію было не мѣсто во французской академіи. Возраженіе по поводу отсутствія Мольера еще болѣе слабо. Я нахожу, наоборотъ, поведеніе академіи по отношенію къ этому великому человѣку, очень тактичнымъ. Она приняла его только послѣ его смерти, когда онъ не могъ болѣе скомпрометтировать ее. Подумать только, что Сегье, Куаслинъ и Боссюэ должны были бы видѣть, какъ ихъ собратъ каждый вечеръ подвергается свисткамъ партера и палочнымъ ударамъ Скапина! Человѣкъ, который показывается въ публикѣ, долженъ быть очень честнымъ человѣкомъ, хотя бы онъ былъ геніемъ. Но (на его мѣстѣ я утѣшился бы этимъ) онъ всегда будетъ занимать въ обществѣ особенное положеніе. Нужно уважать этотъ формализмъ, необходимый для порядка жизни. Академія, какъ хранительница полезныхъ предразсудковъ, особенно должна была держаться его. Всѣ должны имѣть предразсудки, кромѣ критики. Дай Богъ, чтобы наше бѣдное разрушенное общество имѣло побольше этихъ спасительныхъ границъ, которыя, внушая каждому уваженіе къ самому себѣ, создаютъ за неимѣніемъ добродѣтели хоть гордость, и служатъ опорой для тѣхъ душъ, которымъ долгъ и религія не даютъ достаточной поддержки!

Съ той точки зрѣнія, которую я разовью, ничто не можетъ послужить упрекомъ академіи, включая сюда даже то очень распространенное мнѣніе, что женщины имѣли нѣкоторое вліяніе

на выборы. Я совершенно не знаю, основательно ли это утверждение. Я склоненъ даже думать, что это одна изъ тѣхъ сплетенъ, которыя порождаются потребностью людей, стоящихъ внѣ, дѣлать предположенія на счетъ того, что происходитъ за кулисами; но если это и вѣрно, то я нахожу это вполне естественнымъ. Было бы, конечно, неумѣстно, чтобы въ научномъ учрежденіи женщины мѣшались въ обсужденіе заслугъ кандидатовъ, химиковъ, физиковъ, филологовъ и т. д., но разъ дѣло идетъ о тактѣ и вкусѣ, то онѣ могутъ и даже должны имѣть свое мнѣніе. Женщины принимали извѣстное участіе въ созданіи французскаго духа; нужно предоставить имъ право въ свойственной имъ формѣ работать надъ улучшеніемъ вкуса и нравовъ.

Нельзя не признать, что нужно было много большихъ уступокъ, чтобы создать ту власть въ области хорошаго тона, которую представляетъ изъ себя академія. Когда спекулятивныя изысканія перестали быть исключительнымъ удѣломъ школь и перешли подъ контрольъ свѣтскихъ людей, то имъ пришлось примѣняться ко многимъ, неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, требованіямъ. Можно также думать, что если бы французскій умъ былъ свободенъ отъ этихъ путъ, то онъ отнесся бы болѣе серьезно къ нѣкоторымъ вопросамъ, и что вообще оригинальные труды болѣе развились бы у насъ, если-бы они не были затемняемы блестящимъ успѣхомъ искусства писать; во всякомъ случаѣ можно утверждать, что безъ этого долгаго воспитанія стиля и реторики, французскій умъ не имѣлъ бы того, что составляетъ его особенный отпечатокъ. Я не хочу, чтобы меня считали однимъ изъ тѣхъ льстецовъ, которые всегда готовы восхвалять недостатки своей страны; худшій недостатокъ нашей страны—это, безъ сомнѣнія, то кокетство, благодаря которому она думаетъ, что весь міръ думаетъ о ней и восхищается ею, даже тогда когда ее жалѣютъ. Конечно, французскій геній нельзя назвать самымъ философскимъ и въ особенности самымъ поэтичнымъ; но онъ, конечно, самый законченный, самый умѣренный и болѣе всѣхъ другихъ способный создать такую форму для интеллектуальной культуры, которая стала бы обязательной для всѣхъ. Истинные представители французскаго вкуса гораздо болѣе вѣрили въ здравый смыслъ и въ обыкновенныя способности человѣческаго духа, чѣмъ въ отвлеченное мышленіе, и безжалостно клеймили словомъ педантизмъ все, что прижалось къ профессиональнымъ привычкамъ, все, что требовало техническаго и спеціальнаго языка. Отсюда часто вытекали поверхностныя сужденія, но также и удивительное умѣнье придать всему свѣтскую и гладкую форму. Медицина и юриспруденція, конечно, являются профессіями, требующими особой дисциплины ума; и однако какъ многимъ обязаны эти двѣ профессіи здравому смыслу Буало и Мольера, автора *Plaideurs*! Развѣ отвратительное наслѣдіе варварства, какимъ-то чудомъ удержавшееся до конца послѣдняго вѣка, судебныя пытки были уничтожены судьями или юристами? Вовсе нѣтъ. Нашъ собратъ, Лабулей, сдѣлалъ недавно замѣчаніе объ этомъ¹⁾ съ присушимъ

¹⁾ Предисловіе къ *Institution au droit français* Клода Флери Парижъ, Дюрандъ. 1858.

ему пониманіемъ и сильной эрудиціей. Самые честные и разумные юристы говорятъ объ этомъ, какъ о самой естественной вещи въ мірѣ, и если національное собраніе, которое не состояло изъ профессиональныхъ законовѣдовъ, не уничтожило ихъ, то я не ручаюсь, что онѣ не вошли бы въ кодексъ уголовнаго права на ряду со многими другими остатками прежняго до-революціоннаго суда.

Я вовсе не хочу унижать правъ спеціальностей или лишать ихъ того довѣрія, котораго онѣ заслуживаютъ. Я готовъ даже согласиться, что существованіе учрежденія, которое меньше заботится о сущности вещей, чѣмъ о ихъ формѣ, представляло бы настоящую опасность и могло бы превратить умственную работу въ пустую реторику, если бы его не спасали отъ этого тѣ тѣсныя связи, которыя соединяютъ его съ помощью института съ обществами, носящими болѣе научный характеръ. Дѣйствительно, изысканія въ области историческихъ наукъ, какъ и въ области наукъ о природѣ, требуютъ осторожности, на которую неспособенъ свѣтскій человѣкъ, который слишкомъ мало остерегается заблужденія и обмана. Констатировать фактъ не такъ легко, какъ они думаютъ, и когда люди, мало свѣдушіе въ методахъ, хотятъ составить себѣ сужденіе о вещахъ, составляющихъ область профессиональнаго ученаго, то можно держать пари, что они впадутъ въ грубыя заблужденія. Но спеціальности не составляютъ всего: академія наукъ, подобная берлинской, которая дѣлится на два отдѣла: отдѣлъ наукъ физическихъ и математическихъ и отдѣлъ наукъ историческихъ и филологическихъ, не обнимаетъ всей совокупности человѣческаго ума. Есть еще моральная сторона всѣхъ этихъ наукъ, умъ, талантъ, характеръ, нѣчто неопредѣлимое и неприложимое къ спеціальному предмету. Часто ничтожные умы и мало достойные люди дѣлали важныя открытія и давали полезные труды. Поэтому необходимо, чтобы на ряду съ академіями, представляющими различныя области положительнаго познанія, существовала бы и академія, представляющая само благородство человѣческаго ума въ его самыхъ разнообразныхъ приложеніяхъ. Основатели института, проникнутые узкими идеями своего времени, не поняли этого: французская академія имѣла для нихъ такую же спеціальность, какъ и другія; они сдѣлали ее классомъ грамматики! Великое возрожденіе французскаго общества къ 1816 году создало положеніе вещей. Грубо позитивный духъ начала этого вѣка пересталъ полновластно царить: стало удѣляться нѣкоторое вниманіе литературнымъ вкусамъ и мнѣніямъ свѣтскихъ людей,—мнѣніямъ, обыкновенно очень здравымъ, такъ какъ они не исходили изъ абстрактныхъ теорій, не отступали передъ противорѣчіями и ничѣмъ не жертвовали ради формулъ и стремленія къ абсолютному.

Такимъ образомъ всѣми путями мы приходимъ къ тому важному результату, что академія въ концѣ концовъ въ каждую эпоху сдѣлала то, что должна была сдѣлать: въ семнадцатомъ вѣкѣ она создала благородный языкъ, которому мы обязаны всѣмъ лучшимъ въ дисциплинѣ нашей мысли; въ восемнадцатомъ вѣкѣ—философію; что же касается девятнадцатаго, то я не знаю, какъ

выразить тѣ очень сложныя обязанности, которыя лежатъ на ней въ виду того, что она заняла мѣсто всѣхъ другихъ, исчезнувшихъ аристократій; но если можно назвать борьбой тотъ нравственный протестъ, который въ нѣкоторыя эпохи становится первой обязанностью тѣхъ, кто не хочетъ быть соучастникомъ паденія характеровъ и умовъ, то нужно сказать, что академія благородно боролась. Когда революція уничтожила у насъ все, что должно было составлять противовѣсъ чрезмѣрной власти государства, то остались только религія и умъ, чтобы поддержать права индивидуальной совѣсти. Въ другія эпохи религія геройски боролась, и я твердо увѣренъ, что въ христіанствѣ есть такія элементы, изъ которыхъ могъ бы извлечь для себя пользу самый просвѣщенный либерализмъ. Дѣйствительно, религія, которая меньше всего поддается управленію, всегда въ концѣ концовъ становится орудіемъ оппозиціи противъ режимовъ, которые хотятъ все подчинить себѣ. Но нужно сознаться, что за нѣкоторыми прекрасными исключеніями, церковь, повидимому, въ наши дни не мечтаетъ о славѣ Златоуста и Томы Аквинскаго. Поэтому люди, занимающіеся умственнымъ трудомъ, остались почти единственными людьми, которымъ пришлось играть роль прежней аристократіи, не обладая ничѣмъ такимъ, что дѣлало для этой послѣдней столь легкимъ исполненіе своихъ обязанностей.

Люди, которые упрекаютъ академію въ томъ, что она не подходитъ къ своему времени, высказываетъ ей въ дѣйствительности самую лучшую похвалу. Въ наше время необходимо не творить, но сохранять и противостоятъ. Въ литературѣ, какъ и во всемъ, порядки были нарушены. Нашъ вѣкъ, руководясь во всемъ своими матеріалистическими и меркантильными идеями, думалъ, учреждая или, скорѣе, (я прошу своихъ ученыхъ сотрудниковъ позволенія сохранить на этотъ счетъ свое личное мнѣніе) увеличивая право литературной собственности, возвысить и, какъ говорятъ, эмансипировать умственный трудъ. Люди не замѣтили, что такимъ образомъ они дѣлали ее такой же профессіей, какъ и всѣ другія; но кто же не видитъ, что если литература станетъ профессіей, то она будетъ послѣдней изъ всѣхъ? Развѣ Декартъ, Боссюэ и великіе писатели ихъ времени были литераторами? Нѣтъ; въ то время человѣкъ былъ дворяниномъ, епископомъ, судьей, академикомъ, и если у него были побудительныя причины къ этому, то онъ вдобавокъ писалъ. Съ того момента, когда литературная карьера дѣлается платной, она теряетъ все свое благородство. Дворянинъ стараго времени, который не удостоивалъ принимать разночинца болѣе богатаго, чѣмъ онъ самъ, обращался, какъ съ равнымъ, съ бѣднымъ литераторомъ. Развѣ онъ поступалъ бы такъ, если бы дѣятельность литератора была такимъ же ремесломъ, какъ и всякое другое? Общественное мнѣніе, всегда основанное на чемъ нибудь, относится съ такимъ высокимъ уваженіемъ, которое замѣняетъ дворянство, только къ тому, что не приноситъ выгоды; оно чувствуетъ, что то, что приноситъ славу, должно вознаграждаться только славой и что неприкосновенность характеровъ гораздо менѣе гарантируется богатствомъ, чѣмъ честью и гордостью.

Пусть же академія продолжаетъ исполнять свою обязанность, состоящую въ томъ, чтобы поддерживать утонченность французскаго духа среди тяжкихъ испытаній, которыя налагаетъ на него нашъ вѣкъ, протестовать противъ великаго заблужденія, въ которомъ находятся наши современники, считая злоупотребленіемъ все то, что поддерживаетъ индивидуальную независимость, бороться съ этимъ низменнымъ вкусомъ, который сдѣлалъ такой успѣхъ въ литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ она перестала почерпать свой идеалъ въ свѣтскомъ обществѣ. „Она не должна быть, какъ сказалъ одинъ изъ ея членовъ, благородное сердце котораго было чуткимъ эхомъ всего великаго ¹⁾, она не должна ни въ какой степени быть соучастницей нравственнаго и умственнаго огрубѣнія нашего времени; пусть она будетъ отблескомъ зари лучшаго будущаго!“ Во всѣ эпохи существовала низменная литература; но великая опасность нашего вѣка состоитъ въ томъ, что эта низменная литература, пользуясь нашими бѣдствіями, все больше и больше стремится занять первое мѣсто. Академія лучше, чѣмъ ктонибудь другой, приспособлена къ тому, чтобы бороться съ этимъ зломъ: она владѣетъ единственной привиллегіей, которая пережила наши революціи; ей принадлежитъ трибуна, которую слушаютъ больше всѣхъ другихъ; она даруетъ право презирать все. Тотъ, кто хорошо понимаетъ сущность и миссію этого учрежденія, тотъ видитъ, что литературныя ошибки съ его стороны имѣютъ мало значенія; что же касается до научныхъ ошибокъ, то ему невозможно ихъ избѣжать: необходимо только то, чтобы оно никогда не погрѣшило противъ такта.

П о э з і я в ы с т а в к и .

Разсказываютъ, что на Окадской ярмаркѣ, этомъ съѣздѣ всѣхъ торговыхъ людей и литературномъ конгрессѣ Аравіи до Магомета, поэты различныхъ племенъ публично декламировали свои стихи, и тѣ произведенія, которыя стяжали наибольшее восхищеніе слушателей, записывались золотыми буквами и вѣшались на золотыхъ гвоздяхъ на воротахъ Каабы; таково происхожденіе семи *Мо аллакатъ*, этихъ удивительныхъ поэмъ, въ которыхъ такъ прекрасно отражается до-исламическая арабская жизнь. Нѣтъ сомнѣнія, что произведенія, выставленныя въ павильонѣ промышленности, во всѣхъ отношеніяхъ выше тѣхъ, которыя фигурировали на Окадской ярмаркѣ. Но самые ярые поклонники прогресса согласятся со мной, что нужно сдѣлать исключеніе для поэзіи, и что въ этомъ отношеніи двѣ эти выставки не могутъ сравниться другъ съ другомъ. Я спѣшу сдѣлать поправку относительно неизвѣстныхъ поэтовъ, стихи которыхъ не дошли до меня; мнѣ достаточно того, что ни одно изъ ихъ произведеній не было принято

¹⁾ Монталамбергъ. Discours d'ouverture de la séance des cinq Académies de l'Institut въ 1857 г.

публикой и не получило того освященія, которое составляет необходимую часть красоты всякой поэмы. Какимъ образомъ собраніе людей, которое прежде, и даже въ очень близкія къ намъ эпохи, было увѣнчано ореоломъ поэзіи, произошло, не оставивъ никакого впечатлѣнія на воображеніе, не вызвавъ ни одной строки, достойной памяти? Вотъ проблема, достойная изученія. За недостаткомъ поэмъ, которыя можно было бы разобрать, мы можемъ поразмыслить надъ ней.

Прошлое имѣло свои хвалебные гимны, достойные его; въ этихъ гимнахъ не было недостатка въ поэзіи. Въ то время, когда боги обладали привиллегіей соединять людей, празднества были въ одно и то же время и литературными конгрессами и религіозными собраніями; побѣдители греческихъ игръ были воспѣты Пиндаромъ; въ то же время изъ устъ Геродота слышался первый наивный лепетъ, бывшій зачаткомъ исторіи. Когда святыя заняли мѣсто боговъ, то путешествія къ святымъ мѣстамъ сдѣлались могущественнымъ центромъ, вокругъ котораго создавались легенды; каждое изъ нихъ имѣло свою поэму. Турниры сдѣлались празднествами чести и красоты; поэзія трубадуровъ и миннезингеровъ связана съ ними, какъ со своей колыбелью. Трудно найти такое мѣсто въ мірѣ, гдѣ бы произошло собраніе людей, вокругъ котораго не расцвѣли бы созданія искусства и поэзіи.

Когда во времена упадка среднихъ вѣковъ изсякли всѣ источники ихъ поэтической и религіозной жизни, одно очень оригинальное событіе возродило ихъ на нѣкоторое время. Юбилей 1300 года былъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ: подъ вліяніемъ еще живой вѣры сошлось болѣе двухъ милліоновъ людей со всѣхъ сторонъ христіанскаго міра. Въ извѣстный день въ Римѣ можно было насчитать болѣе двухсотъ тысячъ иностранцевъ; приходилось пробивать стѣны, чтобы избѣжать несчастій, происходившихъ отъ давки въ воротахъ. Несмотря на множество подробностей, свидѣтельствовавшихъ о времени упадка, юбилей имѣлъ свою поэму: Данте былъ въ Римѣ въ 1300 году; онъ видѣлъ двѣ длинныя вереницы пилигримовъ, которые переходили черезъ мостъ св. Ангела. „Съ одной стороны они шли повернувшись лицомъ къ замку, направляясь къ св. Петру, съ другой—они направлялись къ горѣ“. (In f., XXIII). Онъ вспомнилъ объ этой картинѣ въ своемъ Адѣ и въ память событія, которое онъ считалъ самымъ великимъ событіемъ вѣка, онъ отнесъ свое путешествіе по невидимымъ сферамъ къ 1300 году. Искусство такъ же, какъ и поэзія, освятило великое собраніе христіанскаго міра. Жюотто, бывшій, повидимому, въ числѣ пилигримовъ, нарисовалъ на портикѣ храма св. Латрана, Бонифація VIII, читающаго свою буллу, которая должна была потрясти всю Европу. Наконецъ, этотъ вѣковой праздникъ послужилъ поводомъ къ возрожденію исторіи. „Живя вмѣстѣ съ пилигримами въ этомъ святомъ городѣ, говоритъ Виллани, видя великія древности этого города, читая высокіе подвиги римлянъ, описанные Виргиніемъ, Саллюстіемъ, Луканіемъ, Титомъ Ливіемъ, Валеріемъ Максимомъ, Павломъ Орозомъ и другими знаменитыми историками, я воспринялъ ихъ стиль и манеру писать,

и такъ какъ Флоренція была дочерью и созданиемъ Рима, особенно способнымъ выполнять великіе подвиги, то мнѣ показалось умѣстнымъ разсказать въ одномъ томѣ о началѣ, прошломъ, настоящемъ, и возможномъ будущемъ этого города“.

Такимъ образомъ всегда и вездѣ мысль, превышающая личное существованіе, соединяла людей и выражалась въ различныхъ символахъ подѣ дѣйствіемъ поэзіи и искусства. Нашъ вѣкъ въ первый разъ собралъ множество людей, не предлагая имъ идеальной цѣли. За древними играми, за путешествіями къ святымъ мѣстамъ, за турнирами, за юбилеями послѣдовали промышленные съѣзды. Два раза вся Европа двинулась, чтобы посмотреть на выставленные товары и сравнить матеріальные продукты, и по возвращеніи изъ этого полонничества въ новомъ родѣ никто не жаловался, что ему не хватаетъ чего нибудь. Что можетъ служить болѣе вѣрнымъ признакомъ того переворота, который совершился въ мнѣніяхъ людей, и полного измѣненія относительной цѣнности вещей? Не очевидно ли, что міръ нѣсколько потерялъ свое благородство, что за его высокими стремленіями прежнихъ временъ, которыя можно, пожалуй, назвать химерическими или варварскими, послѣдовали болѣе низменные, болѣе положительныя заботы. Пророкъ нашего времени, Фурье, предсказалъ, что когда нибудь человѣчество перестанетъ встрѣчаться на битвахъ и на вселенскихъ соборахъ; вмѣсто этого соперничающія націи будутъ спорить о томъ, кто лучше готовляетъ маленькіе пирожки. Конечно, этотъ великій прогрессъ еще не вполне совершился, но уже сдѣлано много шаговъ въ этомъ направленіи: нѣсколько дней тому назадъ самыя сильныя головы въ Европѣ были заняты рѣшеніемъ вопроса, какая нація лучше выдѣлываетъ шелкъ и бумагу.

Было бы безразсудно произносить по этому поводу слова упрека и порицанія; наше время привыкло уважать совершившіеся факты и не допускаетъ, чтобы критиковали общее направленіе его движенія. Кромѣ того никто не станетъ отрицать, что матеріальныя улучшенія, въ томъ случаѣ, если они повышаютъ уровень низшихъ классовъ и сближаютъ народы, служатъ для религіозныхъ и нравственныхъ цѣлей и имѣютъ, слѣдовательно, право на уваженіе. Ошибка не въ томъ, что промышленность провозглашается хорошей и полезной, но въ томъ, что значеніе ея преувеличивается выше всякой мѣры и что нѣкоторымъ усовершенствованіямъ приписывается слишкомъ большая важность. Разъ въ этой области достигнуто благо, то утонченность уже имѣетъ небольшую цѣнность, потому что, если цѣль человеческой жизни—счастье, то прошлое отлично осуществляло ее безъ всѣхъ этихъ излишествъ. А если, какъ это справедливо полагаютъ мудрецы, единственная необходимая вещь—нравственное и интеллектуальное благородство, то эти мелочи также неособенно нужны для него. Исторія показываетъ намъ примѣры удивительнаго умственнаго развитія и золотыя эпохи счастья при очень несовершенномъ матеріальномъ развитіи. Браминская раса въ Индіи достигла такой высоты философскаго развитія, которую только Германія превзошла въ наши дни; и, однако, эта раса въ

отношеніи внѣшней цивилизаціи оставалось на уровнѣ самыхъ отсталыхъ обществъ. Высокій идеаль Евангелія, гдѣ нравственное чувство проявляется съ такой удивительной тонкостью, переносить насъ въ простую жизнь, похожую на жизнь нашихъ деревень, въ которой усложненія внѣшней жизни не занимаютъ почти никакого мѣста.

Правда, все это—частныя цивилизаціи, гдѣ совершенно отсутствовала идея искусства и тотъ инстинктъ, который заставляетъ человѣка украшать все то, что его окружаетъ. Полная цивилизація должна принимать въ соображеніе красоту и искусство почти въ такой же мѣрѣ, какъ нравственность и интеллектуальное развитіе. Но прогрессъ искусства совсѣмъ не параллеленъ тому, что нація создаетъ ради комфорта; напротивъ, не будетъ парадоксомъ, если мы скажемъ, что тѣ времена и страны, гдѣ комфортъ сталъ главной приманкой для публики, были наименѣе одарены въ отношеніи искусства. Безъ сомнѣнія, Греція въ пятомъ вѣкѣ до Р. Х. и Италія въ эпоху возрожденія—вотъ два самыхъ прекрасныхъ артистическихъ момента въ исторіи человѣчества. Но если мы поближе изучимъ эти два великіе момента, то увидимъ, что наряду съ удивительно развитымъ чувствомъ прекраснаго, тамъ было почти полное отсутствіе заботы обо всемъ, что касается благосостоянія и жизненныхъ удобствъ. Комфортъ въ частной жизни былъ у грековъ почти неизвѣстенъ; жители маленькихъ городовъ, воздвигавшіе вокругъ себя столько великолѣпныхъ публичныхъ монументовъ, жили въ болѣе, чѣмъ скромныхъ, домахъ, въ которыхъ всѣ украшенія состояли изъ нѣсколькихъ вазъ, бывшихъ, правда, образцами искусства. Гдѣ можно видѣть столько простоты и граціи, какъ въ этомъ восхитительномъ шествіи на празднествѣ въ честь Минервы въ sella Пареенона? Костюмы этихъ молодыхъ дѣвушекъ, представительницъ аѣинской аристократіи, ничуть не роскошнѣе костюмовъ крестьянокъ; тѣ предметы, которые они несутъ для принесенія жертвы, напоминаютъ самую простую и употребительную домашнюю утварь.

Италія эпохи Возрожденія представляетъ тотъ же контрастъ. Ватиканъ, это чудное святилище великаго искусства, является съ точки зрѣнія комфорта самымъ жалкимъ дворцомъ въ мірѣ, голымъ, ветхимъ, необитаемымъ, открытымъ для всѣхъ вѣтровъ¹⁾. Нѣтъ ни одного выскочки, который въ наши дни согласился бы жить въ комнатахъ кардинала Бибіена, разрисованныхъ Рафаелемъ, не сдѣлавъ ихъ сначала достойными себя и своего богатства. Италія, пережившая глубокой упадокъ и эпохи самаго жалкаго дурного вкуса, но никогда не потерявшая пониманія благородства и величія, всегда оставалась равнодушной къ тому, что намъ кажется необходимымъ для всякой развитой цивилизаціи. Сравните итальянскій дворець (и древній французскій замокъ, который произошелъ отъ него) съ англійскимъ домомъ: съ одной стороны, никакой заботливости о мелкихъ потребностяхъ жизни,

¹⁾ Единственный обитаемый корпусъ построенъ недавно и незначителенъ съ точки зрѣнія искусства.

никакой заботы объ удобствѣ, все принесено въ жертву стилю, крайняя и, спѣшу сказать, непріятная небрежность ко всему, что касается только аккуратности и чистоты; съ другой—удивительное приспособленіе ко всѣмъ потребностямъ, польза, возведенная въ высшій законъ, безукоризненная чистота, но отсутствіе истинной красоты, и если и есть претензіи на искусство, то онѣ выражаются въ скверныхъ и ничтожныхъ произведеніяхъ. Происходитъ ли это отъ недостатка желанія или отъ исключительнаго господствующаго вкуса? Конечно, нѣтъ! Потому что по своимъ вкусамъ англичанинъ самый довѣрчивый и эклектичскій человѣкъ. Это потому, что удобство исключаетъ стиль, кувшинъ съ англійской фабрики лучше приспособленъ къ своему назначенію, чѣмъ всѣ греческія вазы Вульци и Нола; но вѣдь послѣднія—произведенія искусства, тогда какъ англійскій кувшинъ навсегда останется домашней посудой. Почему Римъ—одно изъ тѣхъ мѣстъ въ мірѣ, гдѣ лучше всего воспитывается пониманіе всего великаго и прекраснаго? Потому что обыденная жизнь тамъ почти незамѣтна. Въ тотъ день, когда мелкія привычки европейской цивилизаціи овладѣютъ имъ, когда магазины нашихъ бульваровъ займутъ мѣсто скромныхъ лавочекъ на Навонской площади, когда трубы заводовъ будутъ дымиться на Авентинѣ,—Римъ, тотъ Римъ, который дорогъ всѣмъ, кто мыслить и чувствуетъ, городъ души, какъ называлъ его Байронъ, не будетъ болѣе существовать.

Но я хочу подкрѣпить мое положеніе гораздо болѣе рѣшающимъ примѣромъ, который составляетъ важный фактъ въ исторіи человѣчества. Существуетъ нація, которая гораздо раньше другихъ владѣла приѣмами самой утонченной промышленности и до конца послѣдняго вѣка стояла впереди самыхъ благородныхъ расъ во всемъ, что касалось жизненныхъ удобствъ: это—Китай. Китай представляетъ изъ себя необыкновенное явленіе: это народъ, который никогда не мечталъ, который вмѣсто мифологіи и сказаній имѣлъ съ самаго начала спеціальную положительную литературу, вмѣсто поэзіи—технологическіе трактаты. И что же? Въ Китаѣ нѣтъ ничего, что бы заслуживало названія искусства. Не смотря на свою изумительную ловкость рукъ, на свое кокетство и свою любовь къ изяществу, онъ никогда не доходилъ до того, чтобы воплотить красоту; также точно, не смотря на свои столь развитые матеріальные способы, не смотря на свой иногда столь точный эмпиризмъ, у него никогда не было ничего похожаго на науку. Я боюсь показаться слишкомъ систематичнымъ, если буду развивать здѣсь вытекающіе изъ сравнительнаго изученія цивилизацій взгляды на промышленное развитіе различныхъ человѣческихъ расъ: можно было бы доказать, что высшія расы, напимѣръ—индо-европейская, остались до эпохи римской имперіи чуждыми всякой идеѣ комфорта; что ремесла, мореплаваніе, промышленность долго были исключительнымъ достояніемъ низшихъ разъ; что великіе народы начинали заниматься торговлей лишь позднѣе, когда они уже потеряли часть своего благородства; что въ средніе вѣка христіанскія націи, которыя стояли настолько выше Востока по поэтическому и религіозному чутью, заимствовали почти всѣ промышленныя свѣдѣнія изъ Азіи и что

до начала нашего вѣка, который ознаменовался прогрессомъ въ прикладныхъ наукахъ, Китай сохранялъ свое промышленное превосходство надъ Европой. Такимъ образомъ нѣтъ никакого преувеличенія въ высказанной Абелемъ Ремюза исторической формулѣ: Европейская роскошь азіатскаго и въ частности китайскаго происхожденія¹⁾. Но развитіе этихъ теорій отвлекло бы меня слишкомъ далеко и заставило бы меня высказывать взгляды, которые во Франціи считаются парадоксами. Итакъ, я останавливаюсь на томъ неоспоримомъ выводѣ, что промышленный прогрессъ совсѣмъ не параллеленъ въ исторіи съ прогрессомъ искусства и истинной цивилизаціей, потому что два общества, въ которыхъ искусство достигло самой большей высоты, древняя Греція и Италія эпохи Возрожденія, оставались чужды промышленнымъ успѣхамъ.

Къ этимъ двумъ примѣрамъ я прибавлю примѣръ Франціи которая въ области искусства очень счастливо продолжала и ли скорѣе, возобновила традиціи Италіи. Нужно отдать справедливость старой французской аристократіи въ томъ, что она всегда сохраняла пониманіе высокаго стиля и не любила пустыхъ прикрасъ даже въ эпохи самаго дурного вкуса. Когда банкиры восемнадцатаго вѣка пристрастились къ рѣдкимъ вещамъ и къ показной роскоши, дворянскія жилища остались серьезными, печальными, украшенными съ строгой и солидной роскошью. Перемѣну въ нравахъ на этотъ счетъ нужно приписать вліянію англійскихъ привычекъ. Англійская аристократія никогда не имѣла такого возвышеннаго вкуса, какъ французское дворянство: это дворянство, представляя изъ себя классъ, у котораго не было другихъ заботъ кромѣ войны, умственныхъ занятій, любви и вѣжливости, не могло создать прочнаго и годнаго для всѣхъ политическаго зданія, но оно было удивительно приспособлено къ тому, чтобы поддержать традиціи блестящаго свѣтскаго общества. Британская аристократія, наоборотъ, болѣе приближалась по своему образу жизни къ остальной націи, и поэтому она должна была слѣдовать той врожденной склонности, которая заставляетъ нашихъ сосѣдей, одаренныхъ, впрочемъ, столькими превосходными качествами, болѣе интересоваться мелочами, чѣмъ великими идеями и великими страстями. Отсюда вытекаетъ тотъ общій недостатокъ благородства, который во всемъ характеризуетъ англійскій вкусъ; отсюда вытекаетъ также то стремленіе къ благосостоянію и та буржуазность, которыя всюду вносили съ собой англійскія привычки.

Я осмѣлюсь назвать еще другого виновника того направленія, о которомъ я здѣсь говорю: это женщины. Несомнѣнно, женскіе инстинкты занимаютъ въ наше время большее мѣсто въ общей картинѣ міра, чѣмъ онѣ занимали прежде; теперь міръ гораздо болѣе занятъ такими вещами, на которыя привыкли смотрѣть, какъ на удѣлъ женщинъ. Прекраснымъ послѣдствіемъ этого явилось смягченіе нравовъ; но нельзя отрицать, что это

¹⁾ Абель Ремюза, Journal asiatique, томъ I (1822) стр. 136 и слѣд.

преобладаніе домашнихъ заботъ въ ущербъ мужественнымъ заботамъ прошлаго весьма способствовало уменьшенію размѣровъ человѣческой дѣятельности. Нужно ли говорить, что существуетъ множество исключеній, и что, можетъ быть, именно у женщинъ можно и въ наши дни найти больше той твердости, той благородной способности негодовать, которыя,—увы!—исчезаютъ изъ міра вмѣстѣ съ великой нравственностью? Кромѣ того, женщины оказываютъ огромную услугу человѣчеству, сохраняя традиціи изящества внѣшней жизни, что почти равно искусству и нравственности. Но мнѣ кажется, что ихъ вліяніе въ этомъ направленіи перешло желательныя границы. Въ другія эпохи женщины руководили міромъ и давали ему весьма величественное направленіе, напримѣръ, въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка. „Вы, испанцы, вы говорите объ этомъ очень свободно, говорилъ Мазарини Людовику Гаро во время Пиринейскаго мира; ваши женщины не мѣшаются ни во что, кромѣ любовныхъ дѣлъ; но во Франціи дѣло обстоитъ не такъ: у насъ есть три женщины, которыя способны потрясать и управлять тремя государствами“¹⁾. Вотъ затрудненіе въ политикѣ, котораго въ наши дни нечего опасаться; нужно сознаться, что со временъ г-жи де-Лангвиль, г-жи Шеврезъ и принцессы Палатинъ, дамы сдѣлали удивительныя успѣхи въ благоразуміи. Вмѣсто того, чтобы требовать отъ мужчинъ великихъ дѣлъ, смѣлыхъ предпріятій и героическихъ подвиговъ, онѣ требуютъ отъ нихъ богатства, чтобы удовлетворить потребность въ низменной роскоши; общее теченіе міра угождаетъ этимъ инстинктамъ женщины, не тѣмъ великимъ инстинктамъ, въ которыхъ она, по своему, и можетъ быть, еще яснѣе мужчины, отражаетъ божественный идеаль человѣческой природы, но изменнымъ инстинктамъ, которые составляютъ менѣе благородную часть ея призванія.

Этотъ общій недостатокъ величія, а, слѣдовательно, и поэзіи, который характеризуетъ самые значительные факты нашего вѣка, зависитъ отъ самыхъ существенныхъ элементовъ движенія новаго времени. Древній міръ, одаренный такимъ тонкимъ тактомъ, установилъ рѣзкое различіе, давъ названіе свободныхъ тѣмъ искусствамъ, которыя облагораживаютъ, и рабскихъ—тѣмъ, которыя не облагораживаютъ. Конечно, древній міръ ошибся и сдѣлалъ большую погрѣшность, заклеивъ такимъ образомъ трудъ, самую честную и самую почтенную вещь въ мірѣ. Можно ли повѣрить, что, идя отъ одной ошибки къ другой, онъ пришелъ къ тому взгляду, что и самъ ремесленникъ есть родъ товара, который фабрикуется и продается? Главнымъ источникомъ богатства Красса была та выгода, которую онъ извлекалъ изъ своихъ рабовъ, заставляя ихъ учиться всевозможнымъ ремесламъ; онъ дѣлалъ изъ нихъ серебрянниковъ, граверовъ, писателей, грамматиковъ, и продавалъ ихъ потомъ съ огромнымъ барышемъ²⁾.

¹⁾ Кузенъ, Des carnets autographes du cardinal Mazarin въ Journal des savants, май 1855 г.

²⁾ См. прекрасныя мемуары Нодэ въ Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres, томъ XIII (новое изданіе).

Это совершенно справедливо возмущает насъ; но будемъ остерегаться, чтобы въ свою очередь не впасть въ не менѣе важныя ошибки. Профессиональная работа и ремесла—прекрасныя и достойныя уваженія вещи; но это не свободныя занятія. Полезное не облагораживаетъ: облагораживаетъ только то, что предполагаетъ въ человѣкѣ интеллектуальныя и нравственныя достоинства. Добродѣтель, гений, наука, когда она безкорыстна и стремится только къ тому, чтобы удовлетворить желанію проникнуть въ тайну міра, военная доблесть, святость,—вотъ вещи, которыя соответствуютъ только нравственнымъ, интеллектуальнымъ и эстетическимъ потребностямъ человѣка—все это можетъ облагораживать. Странная вещь! Люди охотнѣе уважаютъ преступленіе, когда оно грандіозно, чѣмъ мелкую полезность; это происходитъ потому, что даже преступленіе, когда оно сопровождается нѣкоторымъ обаяніемъ, даетъ могущественное понятіе о человѣческихъ способностяхъ и предполагаетъ такое величіе преступности, на которое способны только сильныя расы: имя Борджіа не было бы теперь незамѣтнымъ. Но то, что лишь просто полезно, никогда не облагораживаетъ. На фасадѣ этого недолговѣчнаго дворца я вижу рядомъ съ бессмертными именами въ наукѣ, имена промышленниковъ, которые, конечно, весьма почтенны; ихъ хотятъ также записать въ золотую книгу славы, но они не удержатся тамъ. Промышленность оказываетъ обществу огромныя услуги, но все же эти услуги оплачиваются деньгами. Каждый получаетъ свою награду; люди, полезные въ земномъ смыслѣ, получаютъ богатство, земное счастье, всѣ блага земли; гению же и добродѣтели достаются слава, почести и бѣдность. Гениальный человѣкъ имѣетъ право только на одно: чтобы ему не дѣлали жизнь невозможной или невыносимой; полезный человѣкъ имѣетъ право также лишь на одно: чтобы его вознаградили по его заслугамъ. Насколько это вѣрно, мы видимъ изъ того, что въ храмъ славы попали только тѣ промышленники, которые были не признаны и подвергались преслѣдованіямъ. То, что Жаккаръ не былъ богатъ, было крайне несправедливо; но потому, что онъ былъ бѣденъ, ему на долю выпала слава. Дѣйствительно, тѣ качества, которыя создаютъ ремесленника, совсѣмъ не исключаютъ, но и не предполагаютъ необходимо нравственнаго величія, и бѣдность Жаккара является лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу его характера, чѣмъ даже то изобрѣтеніе, съ которымъ связано его имя.

Нѣкоторые люди, вдохновляясь самыми лучшими намѣреніями, стараются въ наши дни связать съ честными и полезными, но не возвышенными вещами идеи славы, блеска и поэзіи, которыя прошлое предназначало для всего великаго, указывающаго на нравственныя и интеллектуальныя качества человѣка. Но, какъ мы уже видѣли, ихъ попытки заранѣе осуждены. Поспѣшимъ, однако, прибавить: здѣсь рѣчь идетъ только о внѣшнихъ отличіяхъ, а не о внутреннемъ благородствѣ, которое не зависитъ ни отъ какихъ условій и вытекаетъ лишь изъ нравственныхъ достоинствъ личности, лишь изъ ея заслугъ передъ Господомъ, какъ говорится на христіанскомъ языкѣ. Міръ принужденъ судить по внѣшности и по ярлычкамъ; но это сужденіе часто бы-

ваетъ обманчиво. Я убѣжденъ, что самыя прекрасныя души всегда были и останутся неизвѣстными; даже если бы онѣ не скрывались, міръ не сумѣлъ бы ихъ узнать. Итакъ, уваженіе можетъ основываться на истинныхъ заслугахъ только въ самыхъ тѣсныхъ кругахъ лицъ (въ сущности только это и нужно для благородныхъ и возвышенныхъ душъ); вообще же оно основывается на внѣшнихъ признакахъ, которые всегда будутъ почитаться за доказательства благородства. Съ этой точки зрѣнія нельзя отрицать, что всѣ притязанія говорятъ не въ пользу безкорыстныхъ профессій. Предразсудки, благодаря которымъ въ старомъ французскомъ обществѣ относились съ меньшимъ уваженіемъ къ платнымъ профессіямъ и дворянамъ запрещалась всякая торговля и промышленность, были, конечно, доведены до нежелательныхъ преувеличеній; но, какъ и большинство предразсудковъ, они имѣли нѣкоторое скрытое основаніе: они заключали въ себѣ глубокое понятіе равновѣсія общества, и, быть можетъ, приводили къ меньшимъ неудобствамъ, чѣмъ то воззрѣніе, по которому богатство и польза служатъ основаніемъ для соціальной іерархіи, въ особенности, если бы это воззрѣніе стало всеобщимъ.

Всего этого не понимаютъ тѣ люди, которые поражены великимъ промышленнымъ прогрессомъ нашего времени и воображаютъ, что этотъ прогрессъ знаменуетъ собою переворотъ въ духѣ человѣчества. Эти люди принимаютъ побочные признаки за главное; если бы они были больше знакомы съ исторіей философіи, то они увидѣли бы, что совершенство въ области механическихъ искусствъ можетъ соединяться съ весьма низкимъ нравственнымъ и интеллектуальнымъ уровнемъ. Я не утверждаю, чтобы нѣчто подобное происходило въ наше время: ни въ одномъ вѣкѣ не было такого количества и такихъ обширныхъ и развитыхъ умовъ; ни одинъ вѣкъ не видѣлъ такъ ясно и не подошелъ такъ близко къ сущности всѣхъ вещей. Но этотъ прогрессъ совершился только въ весьма небольшомъ количествѣ людей, и ихъ возвышеніе только изолировало ихъ отъ остальной массы. Повидимому, событія все меньше и меньше управляются разумомъ. Въ этомъ смыслѣ наше время носитъ менѣе благородный характеръ, чѣмъ прежнія времена. Въ дѣйствительности міръ обладаетъ большимъ интеллектуальнымъ и нравственнымъ величіемъ, чѣмъ когда бы то ни было; но благородные элементы не занимаютъ больше перваго мѣста и уступаютъ первенство второстепеннымъ интересамъ.

Древній міръ выразилъ это въ мифѣ, который достоенъ того, чтобы кисть Корнеліуса и Каульбаха превратила его въ символическую исторію. Его фантазія создала народъ Атлантовъ, происшедшій отъ сношеній боговъ съ людьми; онъ жилъ счастливо, занимаясь ремеслами, одаренный удивительной ловкостью въ области ручныхъ работъ. Ихъ божественное происхожденіе нѣкоторое время не давало ихъ земному счастью вырождаться въ ничтожество; затѣмъ божественный элементъ мало-по-малу ослабѣлъ и они опустились ниже человѣческаго уровня. Юпитеръ смель этотъ незначительный мірокъ землетрясеніями и наводненіями, и отъ нихъ остался только океанъ грязи, въ которомъ были

погребены послѣдніе остатки этой суетной жизни. Сколько такихъ людей въ наши дни, идеалы которыхъ поднимаются не выше счастья Атлантовъ! Это низменное и пошлое счастье, этотъ вѣкъ свинца и олова, заставляютъ пожалѣть о желѣзномъ вѣкѣ, когда исчезнетъ всякая нравственная красота, притупится всякая мысль, и останется только наслажденіе, чтобы наполнить жизнь! Наслажденіе... это еще слишкомъ много сказано: наслажденіе предполагаетъ дѣятельность, бодрость; серьезные и строгіе вѣка были веселѣе нашего. Останется только самодовольная глупость, которая свободно расцвѣтетъ, безъ сожалѣнія шествуя за похоронной процессіей генія.

Не будемъ же удивляться тому, что нашъ промышленный юбилей никого не вдохновилъ и ничего не создалъ въ умственной области. Это зрѣлище ослѣпительно для глазъ; оно поучительно для практика и специалиста, но оно мало говоритъ уму. Гдѣ во всемъ этомъ пониманіе высшихъ судебъ человѣчества? Было бы несправедливо требовать отъ дворца промышленности того, чего онъ не можетъ дать; всѣ предъидущія замѣчанія не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго упрека ни противъ самой идеи, ни противъ ея выполненія. Я только хотѣлъ показать на одномъ изъ наиболѣе значительныхъ явленій нашего вѣка, насколько измельчали событія, которыя живо затрагиваютъ воображеніе людей, насколько изсякли поэтическіе источники современнаго міра; я хотѣлъ показать, наконецъ, что поэзія лежитъ уже только въ прошломъ, такъ что истинные поэты нашего времени—критикъ и историкъ, которые погружаются въ прошлое, чтобы найти ее.

Мы далеки отъ жалобъ людей, ограничивающихъ свои симпатіи исключительно одной эпохой и, бросая вызовъ общему мнѣнію, упрямо называющихъ испорченностью то, что другіе называютъ прогрессомъ. Какую пользу приносила бы исторія, если бы она не учила насъ очень осторожно высказывать похвалу и порицаніе совершающимся переворотамъ, послѣднія слѣдствія которыхъ еще не обнаружались? Кромѣ того, порицаніе было бы здѣсь такимъ же неумѣстнымъ, какъ и энтузіазмъ. Нашъ вѣкъ идетъ не къ добру и не къ злу: онъ идетъ къ посредственности. Посредственность въ наши дни преуспѣваетъ во всѣхъ областяхъ. Нельзя отрицать того, что общее направленіе ума къ мелкимъ, но довольно безобиднымъ цѣлямъ, уничтожило много зла въ мірѣ. Но развѣ выиграли отъ этого великія стороны человѣческаго развитія? Развѣ эта толпа, которая тѣснится подъ кристалльными сводами, болѣе просвѣщенна, болѣе нравственна, болѣе религіозна въ истинномъ смыслѣ слова, чѣмъ была толпа два вѣка тому назадъ? Сомнительно. Я не думаю, чтобы многіе люди вышли изъ дворца выставки лучшими, чѣмъ они туда вошли. Можно даже прибавить, что цѣль господъ экспонентовъ не могла бы быть вполне достигнута, если бы посѣтители были настолько благоразумны, чтобы, выходя, сказать: „Сколько вещей, безъ которыхъ я могу обойтись!“

Поэзія кельтическихъ расъ.

Когда, путешествуя по приморскому полуострову, минуешь его прилегающую къ континенту часть, гдѣ встрѣчается все тотъ же веселый, но обыкновенный типъ, преобладающій въ Нормандіи и Мэнѣ, и въѣзжаешь въ настоящую Нормандію, заслуживающую этого имени по населенію и по языку, то сразу чувствуешь рѣзкую перемену. Холодный вѣтеръ, полный грусти и печали, навѣваетъ на душу иныя мысли; опустѣвшія вершины деревьевъ шумятъ и качаются; верескъ окрашиваетъ даль своимъ однообразнымъ цвѣтомъ; на каждомъ шагу гранитъ выглядываетъ изъ-подъ тощей земли; почти всегда мрачное море образуетъ на горизонтѣ вѣчно стонущую полосу. Тотъ же контрастъ замѣчается и въ людяхъ: за нормандской вульгарностью, за народомъ толстяковъ, живущихъ въ довольствѣ и изобиліи, поглощенныхъ своими интересами и эгоистичныхъ, какъ всѣ тѣ, кто привыкъ къ наслажденію, слѣдуетъ робкая, сдержанная раса, живущая внутренней жизнью, съ виду тяжелая, но глубоко чувствующая и вносящая прекрасную утонченность въ свои религіозныя чувства. Говорятъ, что тотъ же контрастъ поражаетъ, когда изъ Англіи переѣзжаешь въ Валлисъ, изъ южной Шотландіи, англійской по языку и по правамъ, въ сѣверную; то же чувствуешь, хотя съ нѣсколькими инымъ оттѣнкомъ, когда углубляешься въ тѣ части Ирландіи, гдѣ раса сохранилась отъ всякой примѣси иностранной крови. Кажется, что переходишь въ подземные слои другихъ эпохъ; испытываешь то же впечатлѣніе, которое производитъ Данте, ведя насъ изъ одного адскаго круга въ другой.

Ученые недостаточно задумывались надъ этимъ страннымъ явленіемъ; не удивительно ли, что древняя раса до нашихъ дней и почти на нашихъ глазахъ продолжаетъ вести свою собственную жизнь на нѣкоторыхъ островахъ и полуостровахъ, затерянныхъ на западѣ; правда, шумъ извнѣ все болѣе и болѣе врывается въ эту жизнь, но народъ этотъ все-таки остается вѣрнымъ своему языку, своимъ воспоминаніямъ, своимъ правамъ и своему духу. Нельзя забывать, что этотъ маленькій народъ, загнанный теперь на край свѣта, въ страну скалъ и горъ, гдѣ его враги не могли ничего съ нимъ подѣлать, обладаетъ литературой, которая въ средніе вѣка имѣла огромное вліяніе, измѣнила направленіе воображенія всей Европы и внушила свои поэтическіе образы почти всему христіанскому міру. Стоитъ только посмотреть на подлинныя памятники валлійскаго генія, чтобы убѣдиться, что раса, которая создала ихъ, имѣла оригинальную манеру чувствовать и мыслить, что нигдѣ вѣчныя иллюзіи не облекались въ такія соблазнительныя краски и что въ великомъ концертѣ человѣческаго рода ни одна семья не играла такихъ трогательныхъ, проникающихъ въ сердце мелодій, какъ эта. Увы! этотъ изумрудъ западныхъ морей также осужденъ на гибель! Артуръ не вернется съ своего заколдованнаго острова, и св. Патрикъ былъ правъ, говоря Оссіану: „Герои, которыхъ ты оплакиваешь, умерли: развѣ они могутъ возродиться? Пора обратить вниманіе, прежде чѣмъ они исчезнутъ, на эти звуки, которые затихаютъ на горизонтѣ среди возростающаго шума

однообразной цивилизации. Если бы критика только собирала эти отдаленные отголоски и давала слово не существующимъ болѣе націямъ, то развѣ этого одного не было бы достаточно, чтобы избавить ее отъ обычнаго и неосновательнаго упрека, въ томъ, что она только отрицательная наука?

Въ настоящее время хорошіе научные труды облегчаютъ задачу того, кто предпринимаетъ изученіе этихъ интересныхъ литературъ. Особенно Валлисъ отличается научной и литературной дѣятельностью, въ которой не всегда замѣчается строгая критика, но которая имѣетъ огромныя достоинства. Тамъ такіе труды, которые сдѣлали бы честь самымъ дѣятельнымъ научнымъ школамъ Европы, были дѣломъ преданныхъ любителей. Одинъ крестьянинъ, Овенъ Джонсъ опубликовалъ въ 1801 году, подъ названіемъ *Archéologie galloise de Muvug*, тотъ драгоценный каталогъ, который еще и теперь служитъ арсеналомъ кимврійскихъ древностей. Цѣлая толпа ученыхъ и усердныхъ работниковъ, Анеринъ Овенъ, Тома Присъ изъ Крикговеля, Вильямъ Ресъ, Джонъ-Жонсъ, идя по слѣдамъ крестьянина изъ Мивира, положили свой трудъ на то, чтобы дополнить его произведеніе и воспользоваться тѣми сокровищами, которыя были собраны въ немъ. Одна знатная женщина, леди Шарлотта Гуестъ, взяла на себя трудъ ознакомить Европу съ сборникомъ *Мабиногіонъ*¹⁾, перломъ валлійской литературы и самымъ полнымъ выраженіемъ кимврійскаго гения. Эта великолѣпная работа, выполненная въ двѣнадцать лѣтъ, со всей роскошью, какую богатые англійскіе любители придаютъ своимъ изданіямъ, будетъ когда нибудь свидѣтельствовать о томъ, насколько сознание кельтическихъ расъ было еще живо въ нашъ вѣкъ. Дѣйствительно, только самый искренній патріотизмъ могъ придать этой женщинѣ мужество предпринять и окончить такой обширный трудъ.—Шотландія и Италия одинаково обогатились множествомъ трудовъ по своей древней исторіи. Наконецъ, наша Бретань, хотя ее очень рѣдко изучали съ той филологической и критической строгостью, которая теперь требуется для ученыхъ работъ, внесла свою долю почтенныхъ трудовъ въ изученіе кельтическихъ древностей. Недостаточно ли напомнить о Вильмаркѣ, имя котораго связано съ этими трудами и заслуги котораго такъ неоспоримы, что критикѣ нечего бояться уронить его въ глазахъ публики, принявшей его съ такой теплотой и симпатіей?

I.

Если бы мы судили о достоинствѣ расъ по чистотѣ ихъ крови и по неизмѣнности ихъ характера, то нужно сознаться, что ни одна раса не могла бы сравниться въ благородствѣ съ суще-

¹⁾ The Mabinogion from the *Leyfr Coch o Hergest*, and other ancient Welsh Manuscripts with an english translation and notes, by lady Charlotte Guest. London and Leandover 1837—49. Слово *mabinogi* (во множ. *mabinogion*) обозначаетъ особенную форму романтическихъ рассказовъ въ Валлисъ. Происхожденіе и первоначальное значеніе этого слова мало извѣстно, и можно спорить о томъ, имѣла ли право леди Гуестъ прилагать его къ сборнику изданныхъ ею рассказовъ.

ствующими еще остатками кельтической расы ¹⁾. Никогда ни одно племя не жило болѣе изолированно отъ міра, ни одно такъ не сохранилось отъ всякой примѣси чужой крови. Вытѣсненное побѣдами на забытые острова и полуострова, оно поставило непреодолимую преграду всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ: оно все извлекало изъ самого себя и жило на свои собственные средства. Отсюда вытекаетъ тотъ могущественный индивидуализмъ, та ненависть ко всему иностранному, которая вплоть до нашихъ дней составляла главную черту кельтическихъ народовъ. Римская цивилизація едва достигла до нихъ и почти не оставила на нихъ никакихъ слѣдовъ. Нашествіе германцевъ сдвинуло ихъ съ мѣста, но не проникло въ ихъ среду. Въ настоящее время они не поддаются еще болѣе опасному вторженію, вторженію новой цивилизаціи, которая такъ быстро стираетъ мѣстные особенности и національные типы. Въ частности Ирландія (въ этомъ, можетъ быть, и лежитъ тайна ея неизлѣчимой слабости)—единственная страна въ Европѣ, гдѣ туземцы могутъ предъявить документы о своемъ происхожденіи и съ увѣренностью обозначить, до самыхъ темныхъ, до-историческихъ временъ, расу, отъ которой они произошли.

Именно въ этой уединенной жизни, въ этомъ недовѣріи ко всему, идущему извнѣ, нужно искать объясненія главныхъ чертъ характера кельтической расы. Эта раса обладаетъ всѣми достоинствами и недостатками людей, любящихъ уединеніе: она горда и робка въ одно и тоже время; глубоко чувствуетъ, но слабо реагируетъ на чувства; у себя дома она свободна и весела, но въ чужихъ краяхъ она дѣлается неловкой и смущенной. Она не довѣряетъ иностранцамъ, потому что она видитъ въ нихъ болѣе совершенныя существа, которыя могутъ воспользоваться ея простотой. Она совершенно не интересуется чужимъ мнѣніемъ; ей нужно только, чтобы ее оставили въ покоѣ у себя дома. Это раса, особенно склонная къ домашней жизни, созданная для семьи и радостей домашняго очага. Ни у одной расы узы крови не были такъ сильны, не налагали столько обязанностей и не создавали столь обширной и глубокой связи человѣка съ себѣ подобными. Все социальное устройство кельтическихъ народовъ было въ началѣ одной обширной семьей. Народная поговорка еще и теперь свидѣтельствуешь о томъ, что нигдѣ слѣды этой великой родственной организаціи не сохранились такъ, какъ въ Бретани. Дѣйствительно, въ этой странѣ распространено мнѣніе, что кровь говоритъ, что два незнакомыхъ родственника, встрѣтившись въ какомъ бы

¹⁾ Чтобы избѣжать всякаго недоразумѣнія, я долженъ предупредить, что словомъ кельтскій я обозначаю здѣсь не всю совокупность той великой расы, которая въ отдаленную эпоху составила почти все населеніе Запада, но только тѣ четыре группы, которыя и въ наше время еще заслуживаютъ этого имени, въ противоположность къ германцамъ и нео-латинскимъ народамъ. Эти четыре группы слѣдующія: 1) жители Валлиса или Камбріи и полуострова Корнваллиса, носящіе еще и теперь древнее названіе кимрійцевъ. 2) Бретонскіе Бретонцы или жители французской Бретони, говорящіе на нижне-бретонскомъ языкѣ, представляющіе изъ себя кимрійскихъ эмигрантовъ изъ Валлиса. 3) Гаельцы изъ сѣверной Шотландіи, говорящіе по гаельски. 4) Ирландцы, хотя рѣзкая демаркаціонная линія отдѣляетъ Ирландію отъ всей остальной кельтической семьи.

то ни было пунктъ земного шара, узнаютъ другъ друга, по тому таинственному волненію, которое они оба испытываютъ при встрѣчѣ. Уваженіе къ мертвымъ стоитъ на такой же высотѣ. Нигдѣ положеніе мертвыхъ не было лучше, чѣмъ у бретонскихъ народовъ; нигдѣ могила не была окружена такимъ почетомъ и столькими молитвами. Это происходило потому, что для этихъ народовъ жизнь не была личнымъ приключеніемъ, гдѣ каждый самъ по себѣ переживаетъ свои горести и свои опасности: она была для нихъ кольцомъ въ длинной цѣпи, даромъ, который они получили и который должны передать, упроченнымъ долгомъ, выполненной обязанностью.

Можно безъ труда понять, что такія сосредоточенныя натуры не были способны на то, чтобы создать блестящее развитіе, которымъ обуславливается временное вліяніе одного народа на всѣ другіе; безъ сомнѣнія, это и было причиной того, что кимрійская раса играла всегда второстепенную роль. Идея нападенія и завоеванія была всегда чужда ей, она совсѣмъ не стремилась распространять свои мысли за предѣлы своей страны; она только и дѣлала, что отступала, пока было мѣсто для отступленія, но потомъ, загнанная въ свое послѣднее убѣжище, она оказывала непобѣдимое сопротивленіе своимъ врагамъ. Даже ея вѣрность была только бесполезной преданностью. Она съ трудомъ подчинялась и всегда отставала отъ вѣка; но она оставалась вѣрна своимъ побѣдителямъ, даже когда послѣдніе уже не существовали. Она дольше всѣхъ защищала свою религіозную независимость противъ Рима, и она же стала самымъ стойкимъ оплотомъ католицизма; она дольше всѣхъ во Франціи защищала свою политическую независимость противъ короля и она же дала міру послѣднихъ роялистовъ.

Такимъ образомъ, силы кельтической расы расходовались на то, чтобы сопротивляться теченію времени и защищать вещи, осужденныя на гибель. Она, повидимому, никогда не была приспособлена къ политической жизни: семейный духъ подавлялъ въ ней всѣ попытки къ болѣе широкой организаціи. Составляющіе ее народы, повидимому, также сами по себѣ мало способны къ прогрессу. Жизнь представляется имъ чѣмъ-то неподвижнымъ, чѣмъ-то такимъ, чего человѣкъ не въ силахъ измѣнить. Неодаренные инициативой, слишкомъ склонные считать себя низшимъ и зависимымъ народомъ, они охотно вѣрятъ въ судьбу и покоряются ей. Когда видишь, какъ мало у ней смѣлости идти противъ Бога, то съ трудомъ вѣришь, что эта раса дочь Іафета.

Отсюда вытекаетъ ея печальный характеръ. Посмотрите на ея пѣсни и на ея бардовъ шестого вѣка; они чаще оплакиваютъ пораженія, чѣмъ воспѣваютъ побѣды. Вся исторія этой расы ничто иное, какъ долгая жалоба; она еще и теперь хранитъ воспоминаніе о своихъ изгнаніяхъ, о своихъ бѣгствахъ черезъ моря. Если она и развеселится иногда, то за ея улыбкой скоро заблеститъ слеза. Она не знаетъ того забвенія условій человѣческой жизни и ея судебъ, которое называется веселостью. Ея радостныя пѣсни переходятъ въ элегіи; ничто не можетъ сравняться съ восхитительной грустью ея національныхъ мелодій; онѣ похожи на

вдохновеніе свыше, которое капля по каплѣ провикаетъ въ душу и наполняетъ ее какъ бы воспоминаніями изъ другого міра. Нигдѣ люди не предавались такимъ долгимъ одинокимъ духовнымъ наслажденіямъ, нигдѣ они не переживали такихъ поэтическихъ воспоминаній, въ которыхъ переплетаются всѣ впечатлѣнія жизни, въ неясной, глубокой и трогательной формѣ, исчезая такъ быстро, что человекъ не можетъ отдать себѣ отчета, причиняли ли они ему боль или наслажденіе.

Безконечная утонченность чувствъ, которая характеризуетъ кельтическую расу, тѣсно связана съ ея сосредоточенностью. Натуры неэкспансивныя отличаются почти всегда наибольшей глубиной чувствъ: чѣмъ глубже чувство, тѣмъ менѣе оно стремится выразиться. Отсюда вытекаетъ очаровательная застѣнчивость, что-то неясное, темное и изящное, одинаково далекое какъ отъ сентиментальной реторики, слишкомъ присущей латинскимъ расамъ, такъ и отъ обдуманной наивности Германіи, которая такъ прекрасно выразилась въ пѣсняхъ, опубликованныхъ Вильмаркэ. Внѣшняя сдержанность кельтическихъ народовъ, которую часто принимаютъ за холодность, объясняется внутренней робостью; они думаютъ, что чувство теряетъ половину своей стоимости, когда оно выражено, что жизнь сердца не должна имѣть другихъ свидѣтелей, кромѣ самого себя.

Если бы было возможно приписывать націямъ, какъ индивидуумамъ, полъ, то можно было бы сказать безъ колебанія, что кельтическая раса, и особенно ея кимрійская или бретонская вѣтвь, есть раса женскаго рода. Ни одинъ народъ не вносилъ столько таинственности въ любовь. Ни одинъ не создалъ такого высокаго идеала женщины, ни надъ однимъ этотъ идеаль не имѣлъ такой власти. Это какое-то опьяненіе, безуміе, помѣшательство. Прочтите странное *ma binogi de Régédir* или его французское подражаніе *Parcevale Gallois*: эти страницы просто насыщены женскимъ чувствомъ. Женщина является тамъ какимъ-то смутнымъ видѣніемъ, чѣмъ-то среднимъ между человекомъ и сверхчувственнымъ міромъ. Ни въ одной литературѣ нѣтъ ничего подобнаго. Сравните Женевьеву и Изеульту съ этими скандинавскими фуриями, Гудруной и Кримгильдой, и вы должны будете признать, что женщина въ томъ видѣ, въ какомъ ее представляло себѣ рыцарство, — этотъ идеаль кротости и красоты, являющійся высшей цѣлью жизни, — не была созданіемъ ни классическихъ, ни христіанскихъ, ни германскихъ народовъ: она была созданіемъ кельтической расы.

Сила воображенія почти всегда пропорціональна сосредоточенности чувства и слабому развитію внѣшней жизни. Ограниченность воображенія Греціи и Италіи объясняется экспансивностью южныхъ народовъ, у которыхъ душа, направленная на внѣшнюю жизнь, мало сосредоточена на самой себѣ. Кельтическое воображеніе въ сравненіи съ классическимъ то же, что безконечность въ сравненіи съ конечностью. Въ прекрасномъ *ma binogi du Songe de Maxen Wledig*, императоръ Максимъ видитъ во снѣ такую прекрасную молодую дѣвушку, что, проспавшись, онъ объявляетъ, что не можетъ жить безъ нея. Въ теченіе

нѣсколькихъ лѣтъ его послы ищутъ ее по всему свѣту. Наконецъ, ее находятъ въ Бретани. Также точно поступаетъ и кельтическая раса: она принимаетъ сны за дѣйствительность и гонится за своими великолѣпными видѣніями. Необходимый элементъ поэтической жизни кельтовъ — это приключенія, т. е. погоня за неизвѣстнымъ, безконечное преслѣдованіе постоянно ускользающаго предмета желаній. Это то, что св. Бранданъ мечталъ найти за морями, то, чего Передуръ искалъ въ своихъ мистическихъ рыцарскихъ похожденияхъ, то, чего рыцарь Овеннъ хотѣлъ во время своихъ подземныхъ странствованій. Эта раса стремится къ безконечному; она жаждетъ его, она гонится за нимъ, хочетъ найти его по ту сторону могилы, по ту сторону ада. Главный недостатокъ бретонскихъ народовъ — это склонность къ папству; недостатокъ, который по всѣмъ преданіямъ шестого вѣка былъ причиною всѣхъ ихъ бѣдствій, объясняется этой непобѣдимой жаждой иллюзій. Не думайте, что это было стремленіе къ грубымъ наслажденіямъ, потому что ни одинъ народъ не былъ болѣе умѣреннымъ, болѣе лишеннымъ всякой чувственности: нѣтъ, бретонцы искали въ медѣ того же, чего Овеннъ, св. Бранданъ и Передуръ искали инымъ способомъ, — видѣній невидимаго міра. Еще и теперь въ Ирландіи пьянство составляетъ часть всѣхъ храмовыхъ праздниковъ, т. е. тѣхъ праздниковъ, которые лучше всего сохранили свой національный и народный характеръ.

Отсюда вытекаетъ эта глубокая увѣренность въ будущемъ и въ вѣчныхъ судьбахъ своей расы, которая всегда поддерживала кимрійцевъ и которая до сихъ поръ дѣлаетъ ихъ молодыми, по сравненію съ ихъ постарѣвшими побѣдителями. Отсюда получилъ свое начало этотъ догматъ воскресенія героевъ, — одинъ изъ тѣхъ догматовъ, которые христіанство искоренило съ наибольшимъ трудомъ. Отсюда этотъ кельтическій мессіанизмъ, эта вѣра въ будущаго мстителя, который возстановитъ Камбрію и освободитъ ее отъ ея притѣснителей; примѣромъ этого служитъ таинственный Лемнокъ, обѣщанный имъ Марменомъ, Лэ-Брейцъ у Армориканъ и Артуръ у Валлійцевъ¹⁾. Эта рука, которая поднимается изъ озера, когда туда падаетъ шпага Артура, которая хватается эту шпагу и три раза потрясаетъ ею — это надежда кельтическихъ расъ. Такъ мстятъ обыкновенно маленькіе народы, одаренные воображеніемъ, покорившимъ ихъ народамъ. Чувствуя себя сильными во внутренней и слабыми во внѣшней жизни, они протестуютъ и воодушевляются; такая борьба удесатеряетъ ихъ силы и дѣлаетъ ихъ способными на чудеса. Почти всѣ великія воззванія къ сверхъестественному исходили отъ тѣхъ народовъ, которые надѣялись вопреки всякой вѣроятности. Кто знаетъ, что зародилось въ наши дни въ груди поляковъ, самой упорной и самой безсильной національности? Униженный израиль мечталъ о духовныхъ побѣдахъ и достигъ ихъ.

¹⁾ Огюстенъ Тьерри очень остроумно замѣтилъ, что слава о валлійскихъ пророкахъ въ средніе вѣка объяснялась ихъ увѣренностью, съ которой они предсказывали будущее своей расы. (Исторія завоеванія Англіи. I, XI).

II.

Валлійская литература раздѣляется съ перваго взгляда на три совершенно различныя вѣтви: литература бардовъ или лирическая литература, которая блистала въ шестомъ вѣкѣ и дала произведеніе Таліезина, Анеурина, Ливаркѣ д'Гена, и которая въ непрерывномъ рядѣ подражаній дожила до новаго времени; *Mabinogion* или романтическая литература, появившаяся въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, но по своимъ идеямъ принадлежащая къ болѣе отдаленнымъ временамъ кельтическаго генія; наконецъ, духовная или легендарная литература, носящая совершенно особенный отпечатокъ. Эти три рода литературы жили, повидимому, рядомъ, совершенно не зная другъ друга. Барды, гордясь своею торжественной риторикой, презирали народныя сказанія, форму которыхъ они находили слишкомъ небрежной; съ другой стороны, барды и рассказчики имѣли, повидимому, слишкомъ мало сношеній съ духовенствомъ; по временамъ можно предположить, что они не знали о существованіи христіанства. По нашему мнѣнію, истиннаго выраженія кельтическаго генія слѣдуетъ искать въ *Mabinogion*. Удивительно, что такая интересная литература, источникъ почти всего романтическаго творчества Европы, осталась неизвѣстной почти до нашихъ дней. Причину этого, конечно, слѣдуетъ приписать тому, что валлійскіе манускрипты были разсѣяны, такъ какъ вплоть до послѣдняго вѣка они преслѣдовались англичанами, какъ соблазнительныя книги, компрометирующія своихъ владѣльцевъ; поэтому они часто попадали въ руки невѣжественныхъ людей, одного каприза которыхъ было достаточно для того, чтобы сдѣлать ихъ недоступными для критическихъ изслѣдованій.

Mabinogion сохранились въ двухъ главныхъ манускриптахъ: одинъ изъ нихъ, относящійся къ тринадцатому вѣку, изъ бібліотеки Генгурта, принадлежалъ фамиліи Воганъ; другой относится къ четырнадцатому вѣку, и извѣстенъ подъ названіемъ красной книги Гергеста и находится теперь въ Іезуитской Коллегіи въ Оксфордѣ. Безъ сомнѣнія, подобный же сборникъ восхищалъ и развлекалъ несчастнаго Леолина въ Лондонской Башнѣ и, послѣ его осужденія, былъ сожженъ съ другими валлійскими книгами, бывшими товарищами заключеннаго. Леди Шарлотта Гуестъ составила свое изданіе по оксфордскому манускрипту; очень жаль, что мелкія соображенія заставили ее отказаться отъ пользованія первымъ манускриптомъ, такъ какъ второй представляетъ изъ себя, повидимому, только его копію. Это сожалѣніе еще увеличивается по тому поводу, что многіе валлійскіе тексты, которые видѣли и переписывали еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, теперь совершенно исчезли. Подобные факты убѣждаютъ насъ, что революціи, которыя вообще разрушаютъ произведенія прошлаго, благопріятны для сохраненія литературныхъ памятниковъ, такъ какъ онѣ концентрируютъ ихъ въ большихъ архивахъ, гдѣ обезпечено и ихъ сохраненіе, и ихъ изданіе.

Общій тонъ *Mabinogion* скорѣе романтическій, чѣмъ эпическій. Индивидуальность героевъ абсолютно безгранична. Это

благородныя и откровенныя натуры, дѣйствующія съ полной свободой. Каждый человѣкъ это родъ полубога, одаренный сверхъестественнымъ даромъ; этотъ даръ почти всегда связанъ съ какимъ нибудь чудеснымъ предметомъ, который налагаетъ какъ бы особую печать на того, кто имъ владѣетъ. Низшіе классы, существованіе которыхъ необходимо предполагается этимъ народамъ героевъ, едва видны здѣсь; если же они появляются, то изображаются занятыми какимъ нибудь ремесломъ и поэтому достойными уваженія. Нѣсколько болѣе сложные продукты человѣческой промышленности разсматриваются, какъ живыя существа, одаренныя магическими свойствами. Многіе знаменитые предметы имѣютъ собственныя имена: таковы корабль, копье, мечъ, щитъ Артура; шахматная доска Гвенддолена, на которой черныя фигуры сами играли противъ бѣлыхъ; рогъ Бранъ-Газеда, въ которомъ всегда оказывалось желанное вино; колесница Моргана, которая сама направлялась туда, куда хотѣли ѣхать; чаша Тирнога, въ которой мясо не варилося для труса; точильный камень Тудваля, который точилъ только мечи храбрыхъ; плащъ Тедана, который женщина могла одѣть только въ томъ случаѣ, если она была безупречна¹⁾. На животное смотрѣли, какъ на еще болѣе индивидуальное существо: оно имѣетъ собственное имя, личныя качества, и добровольно и сознательно играетъ свою роль. Одинъ и тотъ же герой появляется и въ видѣ человѣка, и въ видѣ животного, и между его двумя видами нельзя провести демаркаціонной линіи. Въ сказаніи о Кильвчѣ и Ольвенѣ, самомъ необыкновенномъ въ *Mabinogion*, рѣчь идетъ о борьбѣ Артура съ королемъ-вепремъ Тврись-Трвисъ, который со своими семью дѣтенышами держитъ въ осадѣ всѣхъ рыцарей круглаго стола. Сюжетомъ *Сна Ронабви* также являются приключенія трехъ сотъ вороновъ Кервергенна. Идея нравственныхъ и безнравственныхъ поступковъ почти отсутствуетъ въ этихъ сочиненіяхъ. Есть злыя существа, которыя оскорбляютъ женщинъ, и притѣсняютъ сосѣдей и любятъ только злое, потому что такова ихъ натура; но ихъ, повидимому, совсѣмъ не порицаютъ за это. Рыцарь Артуръ преслѣдуетъ ихъ не какъ виновныя, а какъ вредныя существа. Всѣ же другія совершенно добры и честны, но лишь одарены болѣе или менѣе богато. Это мечта кроткой и доброй расы, которая понимаетъ зло только какъ дѣйствіе рока, но не какъ слѣдствіе, человѣческой воли. Вся природа заколдована и изобилуетъ, подобно воображенію, безконечно разнообразными созданіями. Христіанство рѣдко обнаруживается; хотя иногда и чувствуется его близость, но оно ни въ чемъ не измѣняетъ той естественной среды, въ которой все происходитъ. Епископъ фигурируетъ за столомъ рядомъ съ Артуромъ но его функціи ограничиваются только тѣмъ, что онъ благословляетъ блюда. Ирландскіе святые, которые появляются для того, чтобы благословить Артура и снять его милости, изображены, какъ мало извѣстное, непонятное человѣческое племя. Ни одна литература въ средніе вѣка не была

¹⁾ Здѣсь мы видимъ начало испытанія короткимъ плащомъ, — самаго остроумнаго эпизода изъ *Lancelot du Lac*.

такъ далека отъ всякаго монашескаго вліянія. Очевидно, мы должны предположить, что валлійскіе барды и рассказчики не имѣли совершенно никакихъ сношеній съ духовенствомъ, имѣли свою особую культуру и свои собственные традиции.

Прелестъ *Mabinogion* заключается главнымъ образомъ въ этой ясности кельтической души, ни веселой, ни печальной, одинаково готовой на улыбку и на слезы. Это безхитростный рассказъ ребенка, не умѣющаго отличать благороднаго отъ низкаго; въ немъ видна кроткая любовь къ нѣкоторымъ сторонамъ этого міра, онъ проникнутъ спокойнымъ и тихимъ идеаломъ, который напоминаетъ намъ стансы Аріоста. Болтовня послѣднихъ средне-вѣковыхъ французскихъ и нѣмецкихъ подражателей не можетъ дать ни малѣйшаго представленія объ этомъ прелестномъ повѣствованіи. Даже искусный христіанинъ изъ Труа стоитъ, по моему мнѣнію, гораздо ниже валлійскихъ рассказчиковъ; а что касается до Вольфрама Эшенбаха, то нужно сознаться, что германскіе критики, обрадовавшись своему открытію, слишкомъ высоко оцѣнили его заслуги. Онъ теряется въ безконечныхъ описаніяхъ и почти совершенно не владѣетъ искусствомъ рассказчика.

Съ перваго взгляда въ идеалистическомъ творествѣ кельтическихъ расъ, въ особенности, по сравненію съ германскимъ творчествомъ, поражаетъ крайняя мягкость нравовъ, которой оно проникнуто. Тамъ нѣтъ случаевъ кровавой мести, которые наполняютъ Эдду и Нибелунги. Сравните героев кельтическихъ съ германскими, на примѣръ Беовульфа и Передура. Какая разница! Тамъ весь ужасъ отвратительнаго кроваваго варварства, опьяненіе рѣзней и можно сказать безкорыстная любовь къ разрушенію и смерти,—здѣсь, наоборотъ, глубокое чувство справедливости, и, наряду съ преувеличеннымъ чувствомъ индивидуальной гордости, сильная потребность въ самоотрѣченіи и необычайная честность. Тиранъ, темный челоуѣкъ, чудовище,—всѣ они появляются тамъ, какъ Лестригоны и Циклопы у Гомера, только для того, чтобы внушить къ себѣ ужасъ своимъ контрастомъ съ болѣе кроткими нравами; они играютъ ту же роль, какую играетъ злой челоуѣкъ для ребенка, воспитаннаго своею матерью въ идеяхъ кроткой и благочестивой нравственности. Первобытный челоуѣкъ Германіи возмущаетъ насъ своимъ безпричиннымъ звѣрствомъ, своею любовью къ злему, которая вдохновляетъ его только къ ненависти и вреду. Кимбрійскіе герои, наоборотъ, даже въ своихъ самыхъ странныхъ заблужденіяхъ проникнуты доброжелательностью и живой симпатіей къ слабымъ существамъ. Это одно изъ самыхъ глубокихъ чувствъ у кельтическихъ народовъ. Они жалѣли даже Іуду. Св. Бранданъ встрѣтилъ его на скалѣ среди полярныхъ морей: онъ проводилъ тамъ одинъ день въ недѣлю, чтобы освѣжиться отъ адскаго огня; простыня, которую онъ далъ, какъ милостыню, одному прокаженному, виситъ передъ нимъ и умѣряетъ его страданія.

Если Валлисъ имѣетъ право гордиться своими *Mabinogion*, то онъ не менѣе долженъ радоваться тому, что онъ нашелъ достойнаго переводчика этихъ произведеній. Чтобы понять эти оригинальныя красоты, нужно было тонкое пониманіе валлій-

скаго повѣствованія и наивности, на которую рѣдко бываетъ способенъ ученый переводчикъ. Чтобы передать всю прелесть воображенія народа, въ такой сильной степени одареннаго женскимъ тактомъ, нужно было женское перо. Переводъ леди Шарлоты Гуестъ—простой живой, безъ изысканности и безъ вульгарности,—является вѣрнымъ отраженіемъ кимбрійскаго оригинала. Допуская, что въ филологическомъ отношеніи, трудъ благородной валлиски нуждается въ нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, мы должны признать, что онъ всегда останется произведеніемъ, указывающимъ на большую ученость и на прекрасный вкусъ¹⁾.

Ma b i n o g i o n или, по крайней мѣрѣ, тѣ рассказы, которыя Шарлота Гуестъ считала пужнымъ назвать этимъ общимъ именемъ, дѣлятся на два совершенно различные класса,—одни относятся исключительно къ двумъ полуостровамъ, Валлису и Корнваллису и связаны съ героической личностью Артура,—другіе не связаны съ Артуромъ, и дѣйствія, описываемыя въ нихъ, происходятъ не только въ тѣхъ частяхъ Англии, которыя остались кимбрійскими, но во всей Великобританіи, и по приведеннымъ въ нихъ лицамъ и воспоминаніямъ они относятся къ послѣднимъ временамъ римскаго владычества. Второй классъ древнѣе перваго, по крайней мѣрѣ по своимъ сюжетамъ; онъ отличается также гораздо болѣе мифологическимъ характеромъ, большимъ элементомъ чудеснаго, загадочной формой и слогомъ, полнымъ аллитераціи и игры словъ. Къ нимъ относятся сказанія о Пвилѣ, Бранвенѣ, Манавиданѣ, о Матѣ-сынѣ Матонви, Сонѣ императора Максима, сказаніе о Ллюдѣ и Ллевеллсѣ и легенда о Таліезинѣ.—Къ циклу Артура принадлежатъ рассказы объ Оваинѣ, Шераинтѣ, Передурѣ, о Кильвчѣ и Ольвенѣ и о Снѣ Ронабви. Нужно еще замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ классѣ два послѣднихъ рассказа отличаются особенной древностью. Въ нихъ Артуръ находится въ Корнваллисѣ, а не въ Каэрлеонѣ на Ускѣ, какъ въ другихъ. Онъ надѣленъ въ нихъ совершенно индивидуальнымъ характеромъ, самъ охотится и самъ ведетъ войну, тогда какъ въ болѣе новыхъ сказаніяхъ онъ только всемогущій и невозмутимый государь, настоящій герой лентяй, вокругъ котораго группируется плеяда дѣятельныхъ героевъ. *Мабиноги* о Кильвчѣ и Ольвенѣ²⁾ по своему совершенно первобытному характеру, по той роли, которую въ немъ играетъ вепрь, сообразно съ данными кельтической мифологии, по совершенно сверхъестественному и магическому содержанию, по безчисленнымъ намекамъ, смыслъ которыхъ ускользаетъ отъ насъ, составляетъ самъ по себѣ особый циклъ, и отра-

¹⁾ Де-ла-Вильмаркэ опубликовалъ въ 1842 г. подъ названіемъ: *Народныя сказанія древнихъ бретонцевъ*, французскій переводъ рассказовъ, которые Шарлота Гуестъ уже издала къ этому времени на англійскомъ.

²⁾ Существуетъ французскій переводъ, сдѣланный по переводу леди Шарлотты Гуестъ въ *Revue Britannique*, июль 1843 г., и нѣмецкій переводъ въ *Beiträge für bretonischen und celtisch-germanischen Heldensage* Санъ Марта (А. Шульцъ) Кведленбургъ и Лейпцигъ 1847 г.

жаеть во всей его чистотѣ кимбрійское пониманіе міра, прежде чѣмъ оно измѣнилось подѣ влияніемъ чуждыхъ элементовъ. Я не пытаюсь дать здѣсь разборъ этой интересной поэмы: я хочу только привести нѣсколько выдержекъ, чтобы познакомить читателя съ оригинальностью и съ ея древнимъ характеромъ.

Кильвчъ, сынъ Килидда, владѣлецъ Келлдона, услышавъ имя Ольвены, дочери Испаддадена Пенкавра, безъ памяти влюбляется въ нее, хотя никогда не видѣлъ ее. Онъ обращается къ Артуру, съ просьбой помочь ему въ трудной побѣдѣ, которую онъ задумалъ: онъ въ дѣйствительности не знаетъ, въ какой странѣ живетъ красавица, которую онъ любитъ. Кромѣ того Испаддаденъ—страшный тиранъ, который не выпускаетъ никого живымъ изъ своего дворца и смерть котораго роковымъ образомъ связана съ свадьбой его дочери. ¹⁾ Артуръ даетъ Кильвчу нѣсколькихъ самыхъ храбрыхъ изъ своихъ товарищей, чтобы они помогли ему въ этомъ предпріятіи. Послѣ многихъ приключеній рыцари приходятъ въ замокъ Испаддадена, и имъ удается увидѣть ту дѣвушку, о которой мечтаетъ Кильвчъ. Послѣ трехъ дней упорной битвы они получаютъ отвѣтъ отца Ольвены, который ставитъ, повидимому, невыполнимыя условія полученія руки своей дочери. Исполненіе этихъ испытаній представляетъ длинную цѣль приключеній, настоящую романтическую эпопею, которая дошла до насъ въ очень неполномъ видѣ. Изъ тридцати восьми испытаній, возложенныхъ на Кильвча, въ манускриптѣ, которымъ воспользовалась леди Шарлотта Гуестъ, рассказывается только о семи или восьми. Я беру наугадъ одинъ изъ этихъ рассказовъ; онъ дастъ, по моему мнѣнію, читателю идею обо всемъ произведеніи. Нужно найти Мабона, сына Модрона, который былъ похищенъ у своей матери черезъ три дня послѣ рожденія; освобожденіе его есть одинъ изъ подвиговъ, возложенныхъ на Кильвча.

Товарищи Артура сказали ему: „Господинъ, вернись домой: ты не можешь съ твоими людьми выполнять такихъ жалкихъ предпріятій, какъ это“. Тогда Артуръ сказалъ: „Было бы хорошо, Гворгиръ Гвалставдъ Жейтгоэддъ, чтобы ты участвовалъ въ этихъ поискахъ, потому что ты знаешь всѣ языки, даже языки птицъ и звѣрей. (Гворгиръ имѣлъ ту особенность, что изъ Гелли Викъ въ Корнваллисѣ онъ видѣлъ мошекъ, которыя поднимались вмѣстѣ съ солнцемъ до самаго Пенъ Блатоана, на сѣверѣ Бретани. Каждое первое мая, до дня суда, онъ бьется съ Гвимомъ, сыномъ Нудда изъ-за Крейддилодъ, дочери Лира. ²⁾ Тотъ кто будетъ тогда побѣдителемъ, получитъ дѣвушку). Что касается до васъ, Кай и Бедвиръ, то какое бы предпріятіе вы не предприняли, вы доведете его до конца (Кай имѣлъ ту особенность, что могъ дышать девять дней и девять ночей подѣ водой и могъ жить девять дней и девять ночей безъ сна. Когда онъ хотѣлъ, то могъ дѣлаться такимъ большимъ, какъ самое

¹⁾ Та идея, что смерть отца есть непременное условіе обладанія дочерью, встрѣчается во многихъ романахъ бретонскаго цикла, напр. въ Lancelot.

²⁾ Корделія, дочь Лира.

большое дерево въ лѣсу. Бедвиръ покрывалъ своей красной бородой сорокъ восемь балокъ въ залѣ Артура; если бы его зарыли на семь локтей подъ землю, то онъ услышалъ бы на разстояніи пятидесяти миль, какъ муравей выползаетъ утромъ изъ своего гнѣзда). Исполните для меня это предпріятіе“.

Они пошли впередъ и шли до тѣхъ поръ, пока не встрѣтили чернаго дрозда изъ Гильгвры. Гвриръ сталъ заклинать его небомъ, говоря: „Скажи мнѣ, знаешь ли ты что нибудь относительно Мабона, сына Модрона, который былъ похищенъ у своей матери, когда ему было только три ночи?“ Черный дроздъ отвѣчалъ: „Когда я первый разъ пришелъ сюда, то здѣсь была наковальня кузнеца; я былъ тогда молодой птицей. Съ этого времени наковальня не получала другихъ ударовъ, кромѣ ударовъ моего клюва, по одному каждое утро, и теперь отъ нея остался остатокъ, величиной съ орѣхъ. Однако, пусть мщеніе небесъ падетъ на меня, если за это время я слышалъ когда нибудь имя того человѣка, о которомъ вы говорите! Но я хочу сдѣлать то, что справедливо и что мнѣ слѣдуетъ сдѣлать для посланниковъ Артура. Здѣсь есть одно племя животныхъ, которые были созданы раньше меня: я поведу васъ къ нимъ“.

Они пошли къ тому мѣсту, гдѣ былъ олень изъ Рединвра. „Олень изъ Рединвра! мы пришли къ тебѣ отъ Артура, потому что мы не слышали, чтобы было животное старше тебя. Скажи, знаешь ли ты что нибудь о Мабонѣ, сынѣ Модрона, который былъ похищенъ у своей матери, когда ему было три ночи?“ Олень отвѣтилъ: „Когда я пришелъ сюда первый разъ, то на всей окружающей равнинѣ не было ни одного дерева, кромѣ молодого дубка, который превратился въ дубъ съ сотней вѣтвей. Этотъ дубъ умеръ, и отъ него остался теперь только засохшій стволъ. Съ того дня, когда я пришелъ сюда, я никогда не покидалъ этого мѣста, и я не слышалъ имени человѣка, о которомъ вы говорите. Но такъ какъ вы посланники Артура, то я поведу васъ туда, гдѣ есть животное, созданное раньше меня“.

Они пошли къ совѣ изъ Коумъ Кавльвида: „Сова изъ Коумъ Кавльвида! Вотъ посольство Артура: знаешь ли ты что нибудь о Мабонѣ, сынѣ Модрона, который былъ похищенъ у своей матери, когда ему было только три ночи?“— „Если бы я знала, я бы сказала вамъ. Когда я въ первый разъ прилетѣла сюда, долина, которую вы видите, была покрыта лѣсомъ. Потомъ пришло людское племя, которое вырвало деревья. Выросъ второй лѣсъ, а это уже третій. Мои крылья превратились уже въ засохшіе обрубки. Однако, въ теченіе столь долгаго времени, я не слышалъ о человѣкѣ, о которомъ вы спрашиваетесь. Я хочу тѣмъ не менѣе проводить посольство Артура, пока мы дойдемъ до самаго стараго животнаго въ мірѣ, которое больше всего путешествовало, до орла изъ Гверня Абви.“

Гвриръ сказалъ: „Орелъ изъ Гверня Абви! Посольство Артура пришло къ тебѣ, чтобы спросить тебя, не знаешь ли ты чего нибудь о Мабонѣ, сынѣ Модрона, который былъ похищенъ у своей матери, когда ему было только три ночи.“ Орелъ отвѣтилъ: „Я здѣсь уже долгое время. Когда я прилетѣлъ сюда въ первый

разъ, то здѣсь была скала, вершину которой я клевалъ каждый вечеръ при свѣтѣ звѣздъ; теперь она стала не выше пера. Съ того дня, какъ я пришелъ сюда, я не покидалъ этого мѣста, и никогда не слышалъ имени человѣка, о которомъ вы говорите, кромѣ одного раза, когда я леталъ за пищей до самаго Алинь Алива. Когда я прибылъ туда, я схватилъ въ свои когти лосось, думая, что она надолго послужитъ мнѣ пищей; но она увлекла меня въ пучину, и я съ большимъ трудомъ избавился отъ нея. Потомъ я хотѣлъ напасть на нее со всѣми моими родичами, чтобы попытаться ее уничтожить; но она послала ко мнѣ пословъ и заключила со мной миръ. Она даже умоляла меня вынуть изъ ея спины пятьдесятъ крючковъ, которыя въ ней сидѣли. Если она не сможетъ дать вамъ свѣдѣній о нужномъ вамъ человѣкѣ, то и никто не сможетъ.“

Они пошли туда и орелъ сказалъ: „Лосось изъ Алинь Алива, я пришелъ къ тебѣ съ посольствомъ Артура, чтобы спросить тебя: не знаешь ли ты чего нибудь о Мабонѣ, сынѣ Модрона, который былъ похищенъ у своей матери, когда ему было только три ночи?—„Я скажу тебѣ все, что я знаю. Съ каждымъ приливомъ я поднимаюсь по рѣкѣ до самаго Глочестера. Тамъ я увидѣла такія страданія, подобныхъ которымъ я нигдѣ не видѣла. Чтобы вы могли повѣрить тому, что я говорю, пусть двое изъ васъ сядутъ мнѣ на плечи: я донесу ихъ до этого мѣста.“ Кай и Гвриръ Гвальставдъ Жейтоэддъ сѣли на плечи лосося и подѣхали подъ стѣны тюрьмы. Тамъ они услышали громкіе стоны и жалобы, которыя раздавались изъ башни. Гвриръ сказалъ: „Кто стонетъ въ этомъ каменномъ домѣ?“—„Увы!—тотъ, у кого слишкомъ много причинъ стонать: это Мабонъ, сынъ Модрона, заключенъ здѣсь. Ни одно заключеніе не было такимъ жестокимъ, какъ мое! Такъ не страдалъ ни Алюдъ Алавъ Эрейнтъ, ни Грейдъ, сынъ Эри.“—„Можно ли тебя освободить золотомъ, серебромъ, подарками или битвами и силой?“—„Меня можно освободить только силой...“

Мы не будемъ слѣдовать за кимбрійскимъ героемъ въ его испытаніяхъ, развязку которыхъ легко угадать. Въ этомъ странномъ разсказѣ особенно поражаетъ то мѣсто, которое въ немъ занимаютъ животныя, превращенныя валлійскимъ воображеніемъ въ разумныя существа. Ни одна раса не разговаривала такъ интимно съ низшими существами и не надѣляла ихъ въ такой мѣрѣ духовной жизнью ¹⁾. Тѣсная связь человѣка и животнаго, столь дорогіе среднимъ вѣкамъ образы рыцаря въ образѣ льва, рыцаря сокола, рыцаря лебедя, обѣты, освященные присутствіемъ птицъ, считавшихся благородными,—все это также продукты бретонской фантазіи. Даже духовная литература представляетъ подобныя же черты: благосклонность къ животнымъ проявляется во всѣхъ легендахъ о бретонскихъ и ирландскихъ святыхъ. Однажды св. Кейвинъ заснулъ во время молитвы, стоя у окна съ протянутыми руками; ласточка, увидѣвъ раскрытую ла-

¹⁾ См. особенно разсказы Ненніуса и Жиролта Кембрійскаго. Животныя занимаютъ въ нихъ, по крайней мѣрѣ, такое же мѣсто, какъ и люди.

донь стараго монаха, нашла это мѣсто отличнымъ для постройки гнѣзда; святой, проснувшись, увидѣлъ, что мать сидѣла на яйцахъ и, не желая ее беспокоить, не двигался, пока не вылупились птенцы.

Эта трогательная симпатія связана съ тѣмъ необычайно живымъ чувствомъ природы, какимъ надѣлены кельтическія расы. Ихъ миеологія ничто иное, какъ натурализмъ, не тотъ антропоморфическій натурализмъ Греціи и Индіи, гдѣ силы природы, воплощенныя въ живыя существа, одаренныя сознаниемъ, стремятся болѣе или менѣе отдѣлаться отъ физическихъ явленій и стать духовными существами: это въ нѣкоторомъ смыслѣ реалистическій натурализмъ, любовь къ природѣ ради нея самой, живое чувство ея очарованія, смѣшанное съ нѣкоторой грустью, которую испытываетъ человѣкъ, когда, оставаясь наединѣ съ природой, онъ слышитъ, какъ она говоритъ ему о его происхожденіи и о его судьбѣ. Въ легендѣ о Мерленѣ выражено это чувство. Соблазненный одной лѣсной феей, онъ бѣжитъ съ ней и дѣлается дикаремъ. Посланники Артура находятъ его поющимъ на берегу ручья; его приводятъ обратно ко двору; но чары владѣютъ имъ; онъ возвращается въ свои лѣса и на этотъ разъ навсегда. Вивіанта построила ему подъ кустомъ шиповника волшебную тюрьму. Тамъ онъ предсказываетъ судьбу кельтическихъ народовъ; онъ говоритъ о лѣсной дѣвушкѣ, то видимой, то невидимой, которая держитъ его въ плѣну своимъ колдовствомъ. ¹⁾ — Многія легенды объ Артурѣ носятъ тотъ же характеръ. Онъ самъ становится въ фантазіи народа какимъ-то лѣснымъ духомъ. „Лѣсники, дѣлая обходъ при свѣтѣ луны, говорятъ Жерве Тильбери, часто слышатъ громкій звукъ роговъ и встрѣчаютъ охотниковъ; когда ихъ спрашиваютъ, откуда они, то эти охотники говорятъ, что они—часть свиты короля Артура. ²⁾“ Французскія подражанія бретонскимъ романамъ также сохраняютъ нѣсколько впечатлѣніе того очарованія, которое природа производитъ на воображеніе кельтическихъ расъ. Иблисъ, героиня Ланцелота, бретонскій идеаль совершенства, проводитъ свою жизнь со своими подругами въ саду, среди цвѣтовъ, которымъ она поклоняется. Каждый цвѣтокъ, сорванный ея рукой, сейчасъ же выросталъ снова, и обожатели ея памяти обязывались въ томъ случаѣ, если они сорвутъ цвѣтокъ, сейчасъ же посѣять другой на его мѣсто.

Культь лѣсовъ, ручьевъ и камней объясняется этимъ первобытнымъ натурализмомъ, который старались запретить всѣ соборы, происходившіе въ Бретани. Дѣйствительно, камень представляется естественнымъ символомъ кельтическихъ расъ. Неподвижный, какъ онъ, это—свидѣтель, который не умираетъ. Животное, растеніе и особенно человѣческая фигура могутъ выражать

¹⁾ Вильмарке. Народныя сказанія древнихъ бретонцевъ, т. I, стр. 45.

²⁾ Это объясненіе всякаго неизвѣстнаго шума въ лѣсу охотой Артура встрѣчается еще во многихъ провинціяхъ. Чтобы хорошо понять культъ природы и, если можно такъ выразиться, культъ пейзажа у кельтовъ, см. Жильдасъ и Ненніусъ стр. 131, 136, 157 и слѣд. (изд. Санъ Мартъ. Берлинъ 1844).

божественную жизнь только въ ее опредѣленной формѣ; наоборотъ, камень, способный принимать всѣ формы, былъ всегда фетишемъ младенческихъ народовъ. Въ Познаніи стоятъ еще и теперь тридцать четырехугольныхъ камней Фарея, изъ которыхъ каждый носитъ названіе божества. И что же представляетъ изъ себя менъ-гиръ, встрѣчающійся повсюду въ древнемъ мірѣ, какъ не монументъ первобытнаго человѣчества, живое свидѣтельство его вѣры въ небо ¹⁾.

Часто замѣчали, что большая часть народныхъ вѣрованій, которыя живутъ еще у насъ въ разныхъ провинціяхъ, кельтическаго происхожденія. Не менѣе замѣчательно и то, что въ этихъ вѣрованіяхъ преобладаетъ сильный элементъ натурализма. Такимъ образомъ каждый разъ, когда древній кельтическій духъ появляется въ нашей исторіи, вмѣстѣ съ нимъ оживаетъ и вѣра въ природу и ея магическое вліяніе. Однимъ изъ самыхъ характерныхъ проявленій этого духа мнѣ представляется появленіе Жанны д'Аркъ. Эта непобѣдимая надежда, эта увѣренность, съ которой предсказывается будущее, эта вѣра въ то, что спасеніе государства придетъ отъ женщины, всѣ эти черты, столь далекія какъ отъ древняго, такъ и отъ германскаго духа, являются кельтическими во многихъ отношеніяхъ. Воспоминаніе о древнемъ культѣ продолжало жить въ Домреми, такъ же, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, въ формѣ народныхъ суевѣрій. Хижина семьи д'Аркъ стояла подъ тѣнью знаменитаго бука, который считался мѣстомъ пребыванія фей. Въ дѣтствѣ Жанна вѣшала на его вѣтви гирлянды цвѣтовъ и листьевъ, которыя, какъ говорятъ, исчезали ночью. Въ актахъ изъ ея процесса съ ужасомъ говорится объ этомъ невинномъ обычаѣ, какъ о преступленіи противъ вѣры, и, однако, неумолимые теологи, которые судили святую дѣву, не вполне ошиблись. Сама не зная этого, она была больше дочерью кельтсвѣ, чѣмъ христіанской. Ея рожденіе было предсказано колдуномъ; она не знаетъ папы и церкви; она вѣритъ только голосу своего сердца. Этотъ голосъ она слышитъ на лонѣ природы, въ шумѣ вѣтра, въ деревьяхъ, ея слухъ поражаютъ мѣрные и отдаленные звуки: „Ведите меня въ лѣсъ, и я ясно услышу ихъ“, говоритъ она. ²⁾ Ея легенда окрашена тѣмъ же колоритомъ: природа любила ее; волкъ никогда не трогалъ овецъ изъ ея стада; птицы, какъ ручныя, ѣли хлѣбъ съ ея колѣнъ. ³⁾

¹⁾ Однако, сомнительно, чтобы монументы, которые во Франціи называютъ кельтическими (менъ-гиръ, дальмень и т. п.), происходили отъ кельтовъ. Я думаю вмѣстѣ съ Ворсаэ и Копенгагенскими антикваріями, что они принадлежатъ болѣе древнимъ народамъ. Дѣйствительно, ни одна индо-европейская раса не строила такимъ образомъ. (См. статьи Меримэ въ *Athenaeum français*, 11 сентября 1852 и 23 апрѣля 1853 г.).

²⁾ *Dixit quod si esset in uno nemore, bene audiret voces, venientes ad eam.*

³⁾ Послѣ того какъ появились въ первый разъ эти соображенія, на которыя слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на бѣглыя замѣтки, подобные же взгляды были развиты и выражены, пожалуй, слишкомъ рѣшительно М. Ш. Мартиномъ (*Hist. Le Fr. t. VI 1856*). Большая часть представленныхъ возраженій объясняется тѣмъ, что лишь очень немногіе хорошо понимаютъ воп-

III

Mabinogion достойны изученія не только потому, что въ нихъ проявляется романтическій геній бретонской расы. Черезъ нихъ валлійское воображеніе оказало вліяніе на весь континентъ и преобразовало въ двѣнадцатомъ вѣкѣ всю поэзію Европы. Благодаря имъ совершилось то чудо, что созданія полу-побѣжденной расы завладѣли воображеніемъ всего человѣческаго рода.

Лишь немногіе герои такъ мало обязаны дѣйствительности, какъ Артуръ. Ни Жильдасъ, ни Аневринъ, ни бывшіе его современниками, не говорятъ о немъ. Бедъ даже не знаетъ его имени; Галіэзинъ и Ливаркъ Генъ изображаютъ его второстепеннымъ лицомъ. Наоборотъ, у Ненніуса, который жилъ въ 850 г., легенда уже вполне развилась. Артуръ является уже истребителемъ саксовъ, онъ никогда не терпитъ пораженія; онъ полководецъ арміи короля. Наконецъ, у Жоффрау Монмута этотъ эпическій образъ вполне законченъ. Артуръ владычествуетъ надъ цѣлымъ міромъ; онъ покоряетъ Ирландію, Норвегію, Гасконъ и Францію. Онъ даетъ Каэрлеону турниръ, на которомъ присутствуютъ короли всего свѣта; на немъ онъ надѣваетъ на голову тридцать коронъ и заставляетъ признать себя верховнымъ владыкой всего міра. Въ томъ, что незначительный король шестого вѣка, едва замѣченный своими современниками, принялъ такіе колоссальные размѣры для послѣдующихъ поколѣній, такъ мало вѣроятнаго, что многіе критики предполагали, что между легендарнымъ Артуромъ и безвѣстнымъ государемъ, носившимъ это имя, нѣтъ ничего общаго; они думали, что сынъ Утера Пендагона совершенно идеальный герой, пережитокъ древней кимбрійской мифологіи. Дѣйствительно, въ догматахъ нео-друидизма, т. е. той тайной доктрины, получившей начало изъ друидизма, которая дожила до середины среднихъ вѣковъ въ формѣ франкъ-массонства, мы находимъ Артура, превращеннаго въ божественное лицо и играющаго чисто мифологическую роль. Нужно признать, по крайней мѣрѣ, что если за вымысломъ здѣсь и скрывается какая нибудь дѣйствительность, то исторія не даетъ намъ никакихъ средствъ найти ее. Нѣтъ сомнѣнія, что открытіе могилы Артура на островѣ Авалонѣ въ 1189 году было изобрѣтеніемъ нормандской политики, совершенно также, какъ въ 1283 году, въ то самое время, когда Эдуардъ I преслѣдовалъ остатки валлійской независимости, очень кстати была найдена его діадема и присоединена къ прочимъ драгоценностямъ англійской короны.

Естественно было бы ожидать, чтобы Артуръ, ставшій представителемъ валлійской національности, игралъ и въ Mabinogion подобную же роль и изображалъ, какъ у Ненніуса, ненависть побѣжденныхъ къ саксамъ. Но это совершенно невѣрно. Въ Mabinogion Артуръ вовсе не носитъ характера патриоти-

---

росы, относящіяся къ духу расы. Часто случается, что возрожденіе стараго національнаго духа происходитъ въ совершенно неожиданныхъ формахъ и въ такихъ индивидуумахъ, которые совершенно не сознаютъ выполняемой ими этнографической роли.

ческой борьбы; его роль ограничивается тѣмъ, что онъ собираетъ вокругъ себя героевъ, поддерживаетъ церемоніаль своего дворца и охраняетъ законы своего рыцарскаго ордена. Онъ слишкомъ силенъ для того, чтобы кому нибудь вздумалось на него напасть. Это Карлъ Великій Каролингскихъ романовъ, Агамемнонъ Гомера, одна изъ тѣхъ пассивныхъ личностей, которыя служатъ для единства поэмы. Идея борьбы съ иностранцами, ненависть къ саксамъ, не появляется ни разу. У героевъ *Mabinogion* нѣтъ родины; каждый изъ нихъ сражается для того, чтобы показать свое личное превосходство, изъ страсти къ приключеніямъ, но не для того, чтобы защищать народное дѣло. Бретань—это весь міръ: за предѣлами кимбрійскаго міра не предполагается другихъ націй и другихъ расъ.

Именно этимъ идеальнымъ и общимъ характеромъ сказаніе объ Артурѣ оказало такое удивительное вліяніе на весь міръ. Если бы Артуръ былъ только мѣстнымъ героемъ, болѣе или менѣе счастливымъ защитникомъ маленькой страны, то его не приняли бы всѣ народы, какъ они не приняли сербскаго Марка и саксонскаго Рабинъ Гоода. Артуръ, прельстившій цѣлый міръ, былъ главой ордена, основаннаго на равенствѣ, гдѣ всѣ садятся за одинъ столъ, гдѣ достоинство человѣка измѣряется его храбростью и его природными качествами. Какое дѣло міру до судьбы неизвѣстнаго полуострова и до битвъ, происходившихъ изъ-за него? Его очаровалъ идеальный дворъ, во главѣ котораго стоитъ Гвенвиваръ, гдѣ вокругъ монархическаго единства соединяется цвѣтъ героевъ, гдѣ дамы, столь же цѣломудренныя, сколь прекрасныя, любятъ по законамъ рыцарства, гдѣ время проводятъ въ томъ, что слушаютъ сказки и учатся прекраснымъ манерамъ. Вотъ секретъ того очарованія Круглаго стола, вокругъ котораго среднія вѣка соединяли всѣ свои идеи героизма, красоты, скромности и любви. Мы не будемъ изслѣдовать того вопроса, является ли идеаль кроткаго и утонченнаго общества, возникшій среди варварскаго міра, чисто бретонскимъ созданіемъ во всѣхъ своихъ чертахъ? Не послужилъ ли духъ дворовъ континента въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ образцомъ для этого идеала, и не подвергался ли по временамъ самъ *Mabinogion* обратному вліянію французскихъ подражаній ¹⁾? Для насъ достаточно того, что этотъ новый видъ чувствъ, о которомъ мы говоримъ, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ упорно связывался съ кимбрійскими романами. Такая ассоціація не могла быть случайной: если всѣ подражанія окрашены такимъ яркимъ колоритомъ, то, очевидно, тотъ же колоритъ былъ особенно силенъ въ оригиналѣ. Безъ этого какъ можно было бы объяснить, что забытое, затерянное племя, навязало своихъ героевъ всей Европѣ и произвело въ области вооб-

¹⁾ Та редакція *Mabinogion*, которая дошла до насъ, появилась послѣ своихъ подражаній, и въ красной книгѣ есть нѣсколько сказокъ, заимствованныхъ у французскихъ трубадуровъ. Но невозможно утверждать, что истинно валлійскіе рассказы происходятъ отъ подобныхъ заимствованій, потому что среди нихъ есть такіе, которыхъ французскіе трубадуры никогда не знали и которые могли быть интересны только для бретонскихъ странъ.

раженія одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ переворотовъ, о которыхъ хранить воспоминаніе исторія литературы?

Дѣйствительно, если мы сравнимъ европейскую литературу до распространенія кимбрійскихъ романовъ на континентѣ съ тѣмъ, чѣмъ она стала тогда, когда трубадуры стали черпать изъ бретонскихъ источниковъ, то мы безъ труда признаемъ, что вмѣстѣ съ бретонскими рассказами въ поэтическія возрѣнія христіанскихъ народовъ вошелъ новый элементъ, глубоко измѣнившій ихъ. Каролингская поэма, какъ по своему строенію, такъ и по средствамъ, къ которымъ она прибѣгаетъ, не выходитъ изъ классическихъ рамокъ. Побужденія, которыя въ ней двигаютъ людьми, тѣ же, что и въ греческой эпопее. Собственно романтическій элементъ, жизнь лѣсовъ, таинственныя приключенія, любовь къ природѣ, и та фантазія, которая заставляетъ бретонскаго воина безъ конца гнаться за неизвѣстнымъ, все это еще не появилось. Роландъ отличается отъ гомеровскаго героя только своимъ вооруженіемъ: по духу же онъ братъ Аякса или Ахилла. Парсиваль, наоборотъ, принадлежитъ къ другому міру, отдѣленному цѣлой пропастью отъ того, въ которомъ жили герои древности.

Бретонскій романъ произвелъ этотъ любопытный переворотъ главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ создалъ характеръ женщины и ввелъ въ сухую и суровую сферу среднихъ вѣковъ элементъ любви. Это было словно электрической искрой: вкусы Европы измѣнились въ нѣсколько лѣтъ. Почти всѣ типы женщинъ, которыя были извѣстны въ средніе вѣка, Женевьева, Изеульта, Энида, получили свое начало при дворѣ Артура. Въ каролингской поэмѣ женщина ничтожна, у ней нѣтъ ни характера, ни индивидуальности; любовь тамъ или груба, какъ въ романѣ о Ферабрасѣ, или едва замѣтна, какъ въ пѣснѣ о Роландѣ¹⁾. Въ *Mabinogion*, наоборотъ, главная роль принадлежитъ всегда женщинамъ. Я знаю, что то рыцарское чувство, которое воина ставитъ въ томъ, чтобы служить женщинѣ и заслужить ея уваженіе, и то вѣрованіе, что самый прекрасный подвигъ силы—спасать слабыхъ и мстить за нихъ, объясняется тѣмъ направленіемъ воображенія, которое овладѣло почти всѣми народами Европы въ двѣнадцатомъ столѣтіи; но нѣтъ сомнѣнія, что это направленіе воображенія выразилось сначала въ бретонской литературѣ. Одной изъ тѣхъ чертъ, которыя удивляютъ въ *Mabinogion*, является утонченная женская чувствительность, которой они проникнуты. Въ нихъ нельзя встрѣтить ни одной вольности, ни одного грубаго слова. Чтобы понять эту невинность, нужно цитировать цѣликомъ два романа: о Передурѣ и о Шеріантѣ; наивность этихъ прелестныхъ произведеній не позволяетъ намъ думать, чтобы въ нихъ была какая нибудь задняя мысль. Стремленіе рыцаря защищать дамскую честь только у французскихъ подражателей превратилось въ насмѣшливое обожаніе женщинъ; превративъ дѣвственную стыдливость бретонскихъ романовъ въ наглое волокитство; они настолько измѣнили ихъ, что эти произведенія, такія невинныя въ

¹⁾ См. П. Парисъ *Les chansons de geste* (Парижъ, Теменеръ, 1859). стр. 7 и слѣд.

оригиналъ, сдѣлались соблазномъ для среднихъ вѣковъ, вызвали цензуру и были причиной того, что религіозныя особы и теперь еще связываютъ съ словомъ романъ идею о чемъ-то безнравственномъ.

Конечно, рыцарство слишкомъ сложное явленіе, чтобы ему можно было приписывать происхожденіе изъ одной страны. Но мы можемъ, однако, сказать, что взглядъ на уваженіе къ женщинѣ, какъ на самый возвышенный предметъ человѣческой дѣятельности, а на любовь, какъ на высшій принципъ нравственности, безъ сомнѣнія, не античнаго и не германскаго происхожденія. Развѣ можно найти зародышъ этого духа самопожертвованія, этой чистой любви, этой восторженной преданности, словомъ всего, что составляетъ сущность рыцарства, въ Эддѣ или въ Нибелунгахъ, среди ужасныхъ порывовъ эгоизма и грубости? Что же касается той мысли, что начала этого учрежденія слѣдуетъ искать у арабовъ, какъ это многіе утверждали, то я могу сказать, что изъ всѣхъ литературныхъ парадоксовъ, которымъ суждено было имѣть успѣхъ, этотъ положительно самый странный. Завоевывать женщину въ той странѣ, гдѣ ее покупаютъ! Добиваться ея уваженія въ той странѣ, гдѣ на нее смотрятъ, какъ на существо, едва обладающее нравственностью! Сторонникамъ этой гипотезы я укажу лишь на одинъ фактъ: алжирскіе арабы были крайне удивлены, когда, руководясь весьма неумѣстнымъ воспоминаніемъ о среднихъ вѣкахъ, поручили дамамъ раздавать призы въ Бейрамѣ. То, что рыцарю казалось высокой честью, показалось арабамъ униженіемъ и почти оскорбленіемъ.

Введеніе бретонскаго романа въ европейскую литературу произвело также не меньшій переворотъ въ пониманіи и въ примѣненіи чудеснаго. Въ Каролингской поэмѣ чудесный элементъ робокъ и согласованъ съ христіанской вѣрой: сверхъестественное есть непосредственное дѣйствіе Бога или Его посланниковъ. У Кимбрійцевъ, наоборотъ, принципъ чуда лежитъ въ самой природѣ, въ ея скрытыхъ силахъ, въ ея неисчерпаемой продуктивности. Это—вѣщая птица, таинственный лебедь, рука, которая вдругъ появляется, великанъ, черный тиранъ, волшебный туманъ, драконъ, крикъ, который заставляетъ умереть отъ ужаса, какая нибудь вещь, надѣленная необычайными свойствами. Здѣсь ни въ чемъ не проявляется монотеистическое воззрѣніе, для котораго чудесное есть лишь нарушеніе установленныхъ законовъ. Здѣсь нѣтъ также того олицетворенія жизни природы, которое составляетъ основу греческой и индійской мифологіи. Здѣсь чистый натурализмъ, неопредѣленная вѣра въ возможное, вѣрованіе въ существованіе независимыхъ существъ, управляющихся своими собственными законами: идея, совершенно противоположная христіанству, которое непремѣнно видитъ въ такихъ существахъ или ангеловъ, или демоновъ. Кромѣ того, эти странные индивидуумы всегда изображаются стоящими внѣ церкви, и когда рыцарь Круглаго стола побѣждаетъ ихъ, то онъ заставляетъ ихъ пойти поклониться св. Женевьевѣ и принять крещеніе.

Но если мы и можемъ принять чудесное въ поэзіи, то именно только въ такой формѣ. Классическая мифологія, если ее принимать въ ея первобытной наивности, слишкомъ смѣла; если же

ее разсматривать, какъ простыя риторическія фігуры, то она слишкомъ безцвѣтна для того, чтобы удовлетворить насъ. Что же касается до чудеснаго въ христіанствѣ, то Буало правъ: при подобномъ догматизмѣ невозможна фантазія. Итакъ, остается только чисто натуралистическое чудесное, природа, принимающая участіе въ дѣйствіи и дѣлающаяся сама дѣйствующимъ лицомъ, великая тайна судьбы, открывающаяся въ скрытомъ заговорѣ всѣхъ существъ, какъ у Шекспира и Аріоста. Было бы интересно изслѣдовать, какіе кельтическіе элементы можно найти у перваго изъ этихъ поэтовъ; что же касается до Аріоста, то это вполне бретонскій поэтъ: всѣ его приемы, всѣ его средства возбуждать интересъ, всѣ оттѣнки чувствъ, всѣ женскіе типы и всѣ приключенія заимствованы изъ бретонскихъ романовъ.

Понимаетъ ли теперь читатель интеллектуальную роль этой маленькой расы, которая дала міру Артура, Женевиэву, Ланцелота, Парсиваля, Мерлина, св. Брандана, св. Патрика, т. е. почти всю поэтическую литературу среднихъ вѣковъ? Не поразительна ли судьба тѣхъ націй, которыя однѣ имѣютъ право заставлять принимать своихъ героевъ, какъ будто бы для этого нужна особенная сила, серьезность и вѣра? Странное явленіе! Славу бретонскихъ сказаній создали нормандцы, самый несимпатичный для бретонцевъ народъ. Остроумные и склонные къ подражанію, нормандцы вездѣ были превосходными представителями той націи, которой они навязали себя силой. Дѣлаясь французами во Франціи, англичанами въ Англіи, итальянцами въ Италіи, Русскими въ Новгородѣ, они забывали свой языкъ, говорили языкомъ побѣжденнаго ими народа и становились представителями его генія. Валлійскіе романы, носившіе столь опредѣленный характеръ, не могли не поразить людей, одаренныхъ такой способностью воспринимать чужія идеи. Первые бретонскія сказанія, а именно латинская хроника Жоффруа Монмута, появились въ 1137 году подъ покровительствомъ Роберта Глочестера, побочнаго сына Генриха I. Генриху II также понравились эти рассказы. По его просьбѣ Робертъ Вочъ написалъ по французски въ 1155 г. первую исторію Артура и этимъ впервые проложилъ ту дорогу, по которой послѣ него толпами шли поэты и подражатели французскіе, провансальскіе, итальянскіе, испанскіе, англійскіе, скандинавскіе, греческіе, георгіанскіе и т. д. Не слѣдуетъ уменьшать заслугу первыхъ трубадуровъ, выразившихъ на языкъ, который понимала и на которомъ читала вся Европа, тѣ образы, которые безъ нихъ, несомнѣнно, навсегда остались бы никому неизвѣстными. Но имъ, однако, трудно приписывать какую бы то ни было собственную изобрѣтательность, которая, одна даетъ право на названіе творца. Въ многочисленныхъ отрывкахъ видно, что они не хорошо понимали оригиналь, и старались придать естественное значеніе тѣмъ обстоятельствамъ, мифологическій смыслъ которыхъ ускользалъ отъ нихъ; эти отрывки доказываютъ, что они обыкновенно довольно точно держались узора, нарисованнаго на канвѣ, бывшей передъ ихъ глазами.

Какую роль играла приморская Бретань въ созданіи или распространеніи легенды Круглаго стола? Это можно опредѣ-

лить вполнѣ точно; правда, подобный вопросъ становится второстепеннымъ для того, кто составилъ себѣ вѣрное представленіе о тѣсной братской связи, которая до двѣнадцатаго вѣка не прекращалась между двумя вѣтвями бретонскихъ народовъ¹⁾. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что героическія традиціи Валлиса долго еще жили въ той вѣтви кимбрійской семьи, которая поселилась въ Арморикѣ: Шеріантъ, Уріенъ и другіе герои сдѣлались святыми въ Нижней Бретани, а одинъ изъ главныхъ эпизодовъ артуріанскаго цикла, а именно лѣсъ въ Броселіандѣ, помѣщается также въ эту страну. Съ другой стороны, большое число фактовъ, собранныхъ де-ла Вильмарке¹⁾, доказываетъ, что вышеуказанныя традиціи создали въ Бретани настоящій поэтическій циклъ и что въ нѣкоторыя эпохи они даже, повсей вѣроятности, перебирались черезъ Ла-Маншъ, какъ будто бы для того, чтобы оживить свои воспоминанія о своей первой родинѣ. Самымъ значительнымъ фактомъ въ этомъ отношеніи является Готье Галеніусъ, Оксфордскій архидіаконъ, принесшій изъ Бретани въ Англию (въ 1125 г.) самый текстъ легендъ, которыя были переведены на латинскій языкъ десять лѣтъ спустя Жоффруа де-Монмутомъ. Я знаю, что читателямъ *Mabinogion* подобное мнѣніе покажется сначала страннымъ. Въ этихъ басняхъ все относится къ Валлису: мѣстности, генеалогія, привычки; приморская Бретань *Armorique* представлена тамъ только въ лицѣ Гоэля, который, конечно, является очень важнымъ лицомъ, но не пользуется такой популярностью, какъ другіе герои двора Артура. Кромѣ того, если въ Бретани зародился циклъ сказаній объ Артурѣ, то какимъ образомъ въ ней не осталось слѣдовъ этого блестящаго расцвѣта¹⁾?—Сознаюсь, что эти возраженія меня долго останавливали, но теперь я не нахожу ихъ неопровержимыми. Во первыхъ, есть одинъ классъ *Mabinogion* (сказанія объ Овенѣ, Шеріантѣ, Передурѣ), въ которомъ совсѣмъ нѣтъ точныхъ географическихъ обозначеній. Во вторыхъ, такъ какъ писанная народная литература въ Бретани была менѣе защищена отъ вторженія иностранной культуры, чѣмъ въ Валлисѣ, то понятно, что воспоминаніе о древнихъ эпопеяхъ хуже сохранилось въ ней. Такимъ образомъ литературная роль обѣихъ странъ довольно ясна. Славу французской Бретани составляютъ ея народныя пѣсни; но только въ Валлисѣ геній бре-

¹⁾ Я приведу въ доказательство только законъ Эдуарда Исповѣдника: „*Britones vero Armorici quum venerint in regno isto, suscipi debent et in regno protegi sicut probi cives de corpore regni hujus; exierunt quondam de sanguine Britonum regni hujus*“. Вилькинсъ, *Leges anglo saxonicæ*, стр. 206.

¹⁾ *Les romans de la Table Ronde et les contes des anciens Bretons* (Парижъ, Дидіэ, 1859) стр. 20 и слѣд. Въ *Contes populaires des anciens Bretons*, вышеупомянутая рукопись которыхъ можетъ считаться новымъ изданіемъ, ученый авторъ ихъ немного преувеличилъ вліяніе французской Бретани. Въ первомъ изданіи этой статьи я, напротивъ, обратилъ на него слишкомъ мало вниманія.

¹⁾ Вильмарке ссылается въ этомъ случаѣ на народныя пѣсни, еще сохранившіяся въ Бретани, въ которыхъ прославляется Артуръ. Дѣйствительно, въ *Chants populaires de la Bretagne* (т. I, стр. 83 и т. II, стр. 412, 1846) есть двѣ поэмы, гдѣ фигурируетъ имя этого героя.

тонскихъ народовъ развился до созданія истинныхъ произведеній и законченныхъ образовъ.

IV.

Когда сравниваешь бретонскій циклъ въ томъ видѣ, въ какомъ его знали французскіе трубадуры, съ тѣмъ, который составляетъ текстъ *Mabinogion*, то приходитъ въ голову мысль, что европейское воображеніе, завладѣвъ этими блестящими сказаніями, прибавило къ нимъ нѣсколько поэтическихъ темъ, незнакомыхъ валлійцамъ. Два самыхъ знаменитыхъ героя бретонскихъ романовъ на континентѣ, Ланцелотъ и Тристанъ, не играютъ роли въ *Mabinogion*; съ другой стороны, идея св. Грааля носитъ тамъ совершенно другой характеръ, чѣмъ у французскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ. Однако, болѣе внимательное изученіе показываетъ, что эти элементы, повидимому, прибавленные французскими поэтами, въ дѣйствительности кимбрійскаго происхожденія. Дела Вильмарке совершенно ясно показали, что имя Ланцелота только переводъ имени валлійскаго героя Маэля, который дѣйствительно представляетъ полную аналогію съ Ланцелотомъ французскихъ романовъ¹⁾. Завязка, собственныя имена, всѣ подробности романа о Ланцелотѣ обладаютъ вполне яснымъ, бретонскимъ характеромъ²⁾. То же самое нужно сказать о романѣ Тристана. Можно даже надѣяться, что эта интересная легенда цѣликомъ найдется въ какихъ нибудь валлійскихъ манускриптахъ: докторъ Овеннъ утверждаетъ, что онъ видѣлъ одинъ ея экземпляръ, но не могъ добиться его обнародованія.

Что же касается до св. Грааля, то надо сознаться, что таинственная чаша, предметъ исканій французскаго Парсеваля и нѣмецкаго Парсифаля, далеко не имѣетъ того же значенія у валлійцевъ. Въ романѣ о Передурѣ она фигурируетъ только эпизодическимъ образомъ и безъ яснаго религіознаго характера.

„Передуръ и его дядя разговаривали между собой, когда они увидѣли двухъ молодыхъ слугъ, входящихъ въ залу. Они несли неизмѣримо длинное копье, съ острія котораго текли на землю три капли крови.

„Когда общество увидѣло это, оно стало плакать и стонать; но старикъ продолжалъ разговаривать съ Передуромъ; и такъ какъ онъ не говорилъ Передуру о причинѣ того, что происходило, то Передуръ не посмѣлъ его спрашивать.

„Но когда крики немного утихли, то вышли двѣ молодыя дѣвушки съ чашей, въ которой плавала въ крови голова чelовѣка.

¹⁾ Анцелотъ—уменьшительное имя отъ Анцеля и значить слуга, пажъ, проситель. Маэль и теперь еще имѣетъ тоже значеніе въ кимбрійскомъ діалектѣ. Прозвище Пурсиганъ, которое носили нѣкоторые валлійцы, находившіеся на французской службѣ въ первой части четырнадцатаго столѣтія, безъ сомнѣнія, также переводъ Маэля.

²⁾ См. превосходный анализъ Форьеля въ *Histoire littéraire de la France*.

„Тогда всѣ испустили крикъ, котораго нельзя было слушать безъ ужаса; мало-по-малу крикъ стихъ“.

Это странное чудо остается загадкой до конца разсказа. Здѣсь къ Передурю является таинственный молодой человѣкъ и объясняетъ ему, что копье, съ котораго текла кровь, то самое, которымъ былъ раненъ его дядя, что въ чашѣ находятся кровь и голова одного изъ его двоюродныхъ братьевъ, убитаго колдунами изъ Керлюю, и что было предсказано, что Передуръ отомститъ за нихъ. Дѣйствительно, Передуръ созываетъ рыцарей Круглаго стола; Артуръ и его рыцари убиваютъ колдуновъ изъ Керлюю.

Если мы перейдемъ къ французскому роману о Парсевалѣ, то увидимъ, что здѣсь вся эта фантазмагорія имѣетъ совершенно другое значеніе. Копье здѣсь то, которымъ Лонгусъ пронзилъ бокъ Христа, а грааль или чаша та, въ которую Іосифъ Аримаеѣйскій собралъ божественную кровь. Эта чудесная чаша доставляетъ всѣ земныя и небесныя блага; она исцѣляетъ раны и наполняется по желанію своего владѣльца самыми изысканными блюдами. Чтобы приблизиться къ ней, нужно быть въ состояніи благодати; только священникъ можетъ разсказывать о совершаемыхъ ею чудесахъ. Найти эти священные реликвіи, не смотря на тысячи препятствій—вотъ свѣтская и въ одно и то же время мистическая цѣль рыцарскихъ походовъ Парсевала. Въ концѣ концовъ онъ дѣлается священникомъ; онъ уноситъ и грааль, и копье въ пустыню; въ день его смерти ангелъ возноситъ ихъ на небо. Прибавимъ, что многія обстоятельства доказываютъ, что въ умѣ французскихъ трубадуровъ грааль смѣшивался съ таинствомъ евхаристіи. На миниатюрахъ, которые иногда бываютъ приложены къ роману о Парсевалѣ, грааль нарисованъ въ формѣ дароносицы, появляющейся во всѣ торжественные моменты поэмы въ качествѣ чудесной помощи.

Кимбрійскаго ли происхожденія этотъ странный мифъ, который такъ сильно отличается отъ простаго разсказа въ романѣ о Передурѣ, или же на него нужно смотрѣть, какъ на оригинальное созданіе трубадуровъ, присоединившееся къ бретонскому стволу? Мы думаемъ вмѣстѣ съ Вильмарке, что эта странная басня вполне кимбрійскаго происхожденія. Въ восьмомъ вѣкѣ одинъ бретонскій отшельникъ видѣлъ видѣніе, въ которомъ ему явился Іосифъ Аримаеѣйскій съ блюдомъ изъ Бены и написалъ исторію, которую назвали Г р а д а л е м ъ. Вся кельтическая поэзія полна чудесъ того волшебнаго котла, подъ которымъ девять фей раздуваютъ огонь, той таинственной вазы, которая вдохновляетъ генія поэзіи, даетъ мудрость, открываетъ будущее и открываетъ тайны міра. Однажды Бранъ Благословенный охотился въ Ирландіи на берегу озера. Вдругъ онъ увидилъ, какъ изъ лѣсу вышелъ человѣкъ, несущій на своей спинѣ котелъ; за нимъ шла вѣдьма и карликъ. Въ этомъ котлѣ заключалось сверхъестественное могущество семьи великановъ. Онъ исцѣлялъ всѣ болѣзни, воскрешалъ мертвыхъ, но не возвращалъ имъ дара слова: намекъ на тайну посвященія въ барды—нѣмота. Парсевала—составляетъ также всю завязку легенды о поискахъ св. Грааля. Такимъ образомъ грааль, въ своемъ

первоначальномъ значеніи, есть пароль одного вида франкъ-масонства, который долго еще сохранялся въ Валлисѣ послѣ распространенія Евангелія и который мы въ такомъ характерномъ видѣ находимъ въ легендѣ о Таліэзинѣ. Христіанство привило свою легенду къ мифологической идеѣ, и подобное превращеніе было, безъ сомнѣнія, совершено самой кимбрійской расой. Если въ валлійскомъ разсказѣ о Передурѣ мы не находимъ того же развитія этой идеи, что въ французскомъ романѣ о Персевалѣ, то это потому, что красная книга Гергеста представляетъ изъ себя болѣе раннюю версію, чѣмъ та, которая послужила образцомъ для христіанина изъ Труа. Замѣтимъ кромѣ того, что даже въ Парсевалѣ мистическая идея не вполне развита, что трубадуръ, повидимому, излагаетъ эту странную тему, какъ разсказъ, который онъ нашелъ вполне готовымъ и смыслъ котораго онъ не вполне понимаетъ. Во французскомъ романѣ такъ же, какъ и въ валлійскомъ разсказѣ, чисто семейный поводъ заставляетъ героя отправиться въ путь; Передуръ ищетъ св. Грааль, какъ талисманъ, чтобы излѣчить своего дядю короля-рыболова. Такимъ образомъ религіозная мысль еще подчинена свѣтскому намѣренію. Въ нѣмецкой версіи, которая, наоборотъ, полна мистицизма и теологіи, грааль имѣетъ свой храмъ и своихъ священниковъ. Парсиваль, превратившійся въ чисто духовнаго героя, достигаетъ званія короля Грааля, благодаря своему религіозному энтузіазму и своей чистотѣ¹⁾. Наконецъ, въ прозаическихъ передѣлкахъ еще болѣе поздняго происхожденія ясно различаются два вида рыцарства: одно свѣтское, другое духовное; Парсиваль становится образцомъ духовнаго рыцарства. Такова была та послѣдняя метаморфоза, которую заставляетъ его пережить всемогущая фея, называемая человѣческимъ воображеніемъ; переживъ столько превратностей, онъ одѣвается въ монашескую рясу, чтобы отдохнуть отъ своихъ приключеній.

V.

Когда стараешься точно опредѣлить въ исторіи кельтическихъ расъ тотъ моментъ, который далъ бы возможность оцѣнить всю величину ихъ генія, то въ концѣ концовъ приходишь къ шестому вѣку нашей эры. Почти каждой расѣ назначенъ судьбою тотъ часъ, когда, переходя отъ наивности къ размышленію, она въ первый разъ проявляетъ всѣ сокровища своего духа. Шестой вѣкъ былъ для кельтическихъ расъ этимъ поэтическимъ моментомъ пробужденія и первой дѣятельности. Христіанство, бывшее для нихъ еще новымъ, не вполне заглушило національный культъ; друидизмъ еще боролся съ нимъ въ своихъ школахъ и въ своихъ священныхъ мѣстахъ; борьба съ иностранцами, безъ которой народъ никогда не достигаетъ полнаго самосознанія, достигла до

¹⁾ Замѣчательно, впрочемъ, что всѣ бретонскіе герои, въ своемъ послѣднемъ видѣ, являются въ одно время и свѣтскими и благочестивыми людьми. Одна изъ самыхъ знаменитыхъ дамъ при дворѣ Артура, Люнедь, дѣлается святой и мученицей за свою чистоту; память ея празднуется 11-го Августа. Она фигурируетъ во французскомъ романѣ подъ именемъ Люнэтть. См. лэди Шарлотта Гуестъ. I. 113, 114.

высшей степени напряженности. Это—эпоха всѣхъ героевъ, ставшихъ популярными, всѣхъ святыхъ бретонской церкви; это, наконецъ, великая эпоха литературы бардовъ, ознаменованная такими именами, какъ Таліэзинъ, Анеуринъ Ливаркъ д'Генъ.

Нѣкоторые люди не рѣшаются назвать историческими эти полумифическія имена, и сомнѣваются, можно ли признать подлинными эти поэмы, дошедшія до насъ черезъ такой долгій рядъ вѣковъ? Мы отвѣтимъ имъ, что возраженія, которыя были подняты противъ древности литературы бардовъ, возраженія, которыя приводилъ В. Шлегель въ спорѣ съ Форьедемъ, совершенно пали передъ изслѣдованіями просвѣщенной и безпристрастной критики ¹⁾. Въ этомъ случаѣ, представляющемъ собой рѣдкое исключеніе, скептическое мнѣніе оказалось невѣрнымъ. Дѣйствительно, шестой вѣкъ для бретонскихъ народовъ—вполнѣ историческій вѣкъ. Мы знаемъ эту эпоху ихъ исторіи такъ же близко и съ такой же точностью, какъ исторію древней Греціи и Рима. Правда, извѣстно, что до довольно поздняго времени барды продолжали составлять свои сказанія, пользуясь популярными именами Анеурина, Таліэзина и Ливаркъ д'Гена; но нѣтъ никакой возможности смѣшать эти безцвѣтные упражненія въ риторикѣ съ истинно древними произведеніями, полными личныхъ особенностей, мѣстныхъ обстоятельствъ, индивидуальныхъ страстей и чувствъ.

Такова литература, самые древніе и самые достовѣрные памятники которой де-ла-Вильмарке хотѣлъ соединить въ книгѣ *Bardes bretons du sixième siècle* ²⁾. Валлисъ вполнѣ оцѣнилъ ту услугу, которую нашъ ученый соотечественникъ оказалъ изученію кельтическихъ народовъ. Но мы сознаемся, однако, что Бардамъ мы предпочитаемъ Народныя пѣсни Бретани. Именно этой работой Вильмарке оказалъ дѣйствительно большую услугу изученію кельтовъ; онъ открылъ намъ прелестную литературу, въ которой ярче всего выразились мягкость, вѣрность, покорность судьбѣ, робкая сдержанность, словомъ тѣ черты, которыя составляютъ характеръ бретонскихъ народовъ ³⁾.

¹⁾ Разумѣется это неприменимо къ языку этихъ поэмъ. Извѣстно, что средніе вѣка, чуждые всякаго пониманія археологіи, подновляли текстъ по мѣрѣ того, какъ они его переписывали, и что манускриптъ, написанный на народномъ языкѣ, свидѣтельствуешь обыкновенно только о языкѣ, современномъ тому человѣку, который его переписывалъ.

²⁾ Парижъ и Реннъ 1850 г.

³⁾ Это не значитъ, что этотъ интересный сборникъ можно принять безъ критики: то абсолютное довѣріе, съ которымъ его цитировали повело къ нѣкоторымъ неудобствамъ. Мы считаемъ, что де-ла-Вильмарке совсѣмъ не безупреченъ въ комментаріяхъ къ тѣмъ произведеніямъ, обнародованіе которыхъ создаетъ ему вѣчную славу; многіе историческіе намеки, которые онъ тамъ находитъ, являются скорѣе остроумными, чѣмъ вѣрными гипотезами. Прошлое слишкомъ обширно и дошло до насъ въ слишкомъ отрывочномъ видѣ, чтобы подобныя совпаденія были вѣроятны. Народныя знаменитости рѣдко бываютъ также и историческими знаменитостями, и когда шумъ отдаленныхъ вѣковъ достигаетъ до насъ по двумъ каналамъ, одному—народному, а другому—историческому, то рѣдко случается, чтобы эти двѣ формы преданія совершенно согласовались другъ съ другомъ. Де-ла-Вильмарке также слишкомъ склоненъ думать, что народъ въ теченіе столѣтій повторяетъ пѣсни, которыхъ

Содержаніе поэзіи бардовъ шестого вѣка носить простой и исключительно героическій характеръ; это почти всегда великое чувство патріотизма и стремленіе къ славѣ: въ ней нѣтъ ни слѣда какихъ нибудь нѣжныхъ чувствъ, полное отсутствіе любви, и нѣтъ никакой опредѣленной религіозной идеи; она вся исполнена смутнаго натуралистическаго мистицизма, оставшагося отъ ученія друидовъ и моральной философіи, выраженной въ триадахъ и похожей на ту, которая преподавалась въ полу-бардическихъ, полу-христіанскихъ школахъ св. Кадока и св. Ильтуда¹⁾. Удивительно искусный и выработанный стиль свидѣтельствуется о научномъ преподаваніи, обладающемъ старинными традиціями. Еще одинъ оттѣнокъ, и эта поэзія впала бы въ педантическую и жеманную реторику. Литература бардовъ, прожившая въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, не избѣгла этой опасности. Въ концѣ концовъ она сдѣлалась довольно безцвѣтнымъ собраніемъ стилистическихъ приемовъ и условныхъ метафоръ²⁾.

Борьба бардизма съ христіанствомъ проявляется въ переведенныхъ де-ла Вильмарке пѣсняхъ, во многихъ оригинальныхъ и трогательныхъ чертахъ. Въ пѣсняхъ старыхъ поэтовъ отразилась та борьба, которая совершалась въ ихъ душахъ, ихъ антипатія къ сѣрымъ людямъ изъ монастырей, ихъ медленное и печальное обращеніе въ новую религію. Только кротостью и постоянствомъ бретонскаго характера можно объяснить, какимъ образомъ явное язычество могло держаться на-ряду съ господствующимъ христіанствомъ, и почему святые личности, какъ напри-мѣръ Колумкиль, взяли подъ свою защиту бардовъ, которыхъ короли хотѣли уничтожить. Эта борьба была особенно продолжительна, потому что у кельтическихъ расъ христіанство никогда не прибѣгло къ силѣ, чтобы уничтожить прежнія вѣрованія, и предоставляло побѣжденнымъ, по крайней мѣрѣ, свободу быть недовольными. Непобѣдимая у этой расы вѣра въ пророковъ создала, вопреки вѣрѣ, анти-христіанскій типъ Мерлина и заставила всю Европу принять его. Жильдасъ и правовѣрные бретонцы не перестаютъ негодовать на пророковъ и противопоставляютъ имъ Илью и Самуила, которые пророчествовали только ко благу; въ двѣнадцатомъ вѣкѣ Жиро де Камбри видѣлъ еще одного пророка въ городѣ Каэрлеонѣ.

Благодаря этой терпимости бардизмъ дожилъ до самой середины среднихъ вѣковъ въ формѣ тайнаго ученія, имѣвшаго свой условный языкъ и свои символы, почти всецѣло заимство-

---

онъ наполовину не понимаетъ. Когда пѣсня становится непонятной, то народъ почти всегда измѣняетъ ее и приближаетъ ее къ звукамъ, привычнымъ для его уха и имѣющимъ для него извѣстное значеніе. Кромѣ того, развѣ въ этихъ случаяхъ не слѣдуетъ опасаться того, что издатель, не смотря на полную добросовѣстность, слегка измѣняетъ текстъ для того, чтобы найти въ немъ тотъ смыслъ, который раньше пришелъ ему въ голову?

¹⁾ Доктора бретонской церкви, относившіеся какъ къ Арморіи, такъ и къ Валлису.

²⁾ Валлійскій ученый Стефенсъ въ своей Исторіи кимбрійской литературы (Лландовери 1849) очень хорошо изложилъ это постепенное превращеніе.

ванные отъ солнечнаго божества Артура. Это именно то, что называютъ неодруидизмомъ,—болѣе утонченный и преобразованный по образцу христіанства видъ друидизма, который становится все болѣе неяснымъ и таинственнымъ, пока, наконецъ, не пропадаетъ совершенно изъ виду. Одно интересное произведеніе этой школы, діалогъ Артура съ Эливлодомъ, изображаетъ намъ послѣдній вздохъ этого послѣдняго протеста умирающаго натурализма. Эливлодъ, принявъ видъ орла, научаетъ бога чувствамъ покорности, повиновенія и смиренія, которыя христіанство противопоставило языческой гордости. Героизмъ шагъ за шагомъ отступаетъ передъ великой формулой, которую христіанство не перестаетъ повторять кельтическимъ расамъ, чтобы отвлечь ихъ отъ ихъ воспоминаній: „Великъ только Богъ“. Артуръ, наконецъ, убѣждается, что онъ долженъ отречься отъ своей божественности и произносить *Pater noster*.

Я не знаю болѣе интереснаго зрѣлища, чѣмъ это возмущеніе мужественнаго чувства героизма противъ женственныхъ чувствъ, которыми преисполнена новая религія. Дѣйствительно, старыхъ представителей кельтическаго общества больше всего возмущало это исключительное господство духа пассивности, эти люди, одѣтые въ полотно, печальнымъ голосомъ поющіе псалмы, проповѣдующіе постъ и не признающіе героев.¹⁾ Извѣстно, какую пользу извлекла Ирландія изъ этой темы, по тѣмъ діалогамъ, которые она любитъ приписывать двумъ представителямъ ея религіозной и свѣтской жизни, Оссіану и св. Патрику.²⁾ Оссіанъ сожалеетъ о приключеніяхъ, объ охотѣ, о звукахъ роговъ и о старыхъ короляхъ. „Если бы они были здѣсь, ты не ходилъ бы по полямъ съ твоей паствой, поющей псалмы“, говоритъ онъ св. Патрику. Патрикъ старается успокоить его своими кроткими словами и иногда доводитъ свою снисходительность до того, что слушаетъ длинныя исторіи Оссіана, хотя онъ, повидимому, мало интересуютъ его. „Вотъ мой рассказъ“, говоритъ старый бардъ, кончая: „хотя моя память слабѣетъ и печаль грызетъ мою душу, я все-таки хочу продолжать пѣть дѣла прошлаго и жить старой славой. Теперь я старъ; моя жизнь застываетъ и исчезаютъ мои радости. Моя рука не можетъ болѣе ни держать сабли, ни владѣть копьемъ. Мои печальные послѣдніе часы проходятъ среди церковно-служителей, а мѣсто прежнихъ побѣдныхъ пѣсенъ заняли псалмы.“—„Оставь эти пѣсни, говоритъ Патрикъ, и не смѣй сравнивать твоего Финна съ королемъ королей, могущество кото-

¹⁾ Антипатія къ христіанству, которую арморійскій народъ приписывалъ карликамъ и кориганамъ, также связана съ воспоминаніемъ о той оппозиціи, которую Евангеліе встрѣтило при своемъ первомъ появленіи. Кориганами бретонскіе крестьяне дѣйствительно называли великихъ принцессъ, которыя не хотѣли принять христіанство, когда апостолы пришли въ Бретань. Онѣ ненавидятъ духовенство и церкви, и бѣгутъ отъ звона колоколовъ. Особенно ненавистна для нихъ св. Дѣва; вѣдь именно она изгнала ихъ изъ источниковъ, и если ктонибудь въ субботу, день посвященный Ей, смотритъ какъ онѣ чешутъ волосы или считаютъ свои сокровища, тотъ непременно погибнетъ (Вильмарке. *Chants populaires*. Введеніе).

²⁾ См. миссъ Врокъ *Reliques of Irish Poetry* (Dublin 1789) стр. 37 и слѣд., 73 и слѣд. Интересъ этихъ поэмъ былъ очень хорошо отмѣченъ Озанамомъ.

раго безгранично; преклони передъ нимъ колѣна и признай Его твоимъ властелиномъ“. Нужно было уступить и, дѣйствительно, въ легендѣ старый бардъ кончаетъ свою жизнь въ монастырѣ, среди священнослужителей, съ которыми онъ имѣлъ столько столкновений, слушая пѣсни, которыхъ онъ не зналъ. Оссіанъ былъ слишкомъ добрымъ ирландцемъ, для того, чтобы можно было рѣшиться осудить его. Даже Мерлинъ долженъ былъ уступить новымъ вѣрованіямъ. Какъ говорятъ, онъ былъ обращенъ св. Коломбаномъ, и голосъ народа постоянно повторяетъ во всѣхъ балладахъ кроткое и трогательное воззваніе: Мерлинъ, Мерлинъ, обратись въ христіанство! Нѣтъ никакихъ божествъ, кромѣ единого Бога.

VI.

Мы составили бы себѣ совершенно неполное представленіе о характерѣ кельтическихъ расъ, если бы не изучили самой оригинальной стороны ихъ развитія, т. е. ихъ древней религіозной жизни и ихъ святыхъ. Не смотря на то временное отвращеніе, которое пришлось преодолѣть христіанскому смиренію въ нѣкоторыхъ классахъ общества, считавшихъ себя униженными новымъ порядкомъ, можно сказать, что мягкость нравовъ и утонченная чувствительность кельтическихъ расъ въ связи съ отсутствіемъ хорошо организованной прежней религіи заранѣе предназначали ихъ для христіанства. Дѣйствительно, христіанство, обращающееся преимущественно къ чувству смиренія, встрѣчало здѣсь прекрасно подготовленныхъ учениковъ; ни одна раса не могла такъ хорошо понять прелесть ничтожества, ни одна не ставила такъ близко къ Богу простыя, невинныя существа. Поэтому новая религія съ поразительной легкостью овладѣла этими народами. Въ Бретани и Ирландіи вмѣстѣ едва можно насчитать двухъ или трехъ мучениковъ; онѣ принуждены почитать, какъ мучениковъ, своихъ соотечественниковъ, убитыхъ во время англо-саксонскихъ и датскихъ нашествій. Здѣсь вполнѣ ясно обнаруживается глубокое различіе между кельтической и германской расой. Германцы приняли христіанство только очень поздно и противъ воли, или изъ разсчета, или подчиняясь силѣ, послѣ кроваваго сопротивленія и ужасныхъ возстаній. Дѣйствительно, христіанство многими своими сторонами было противно ихъ натурѣ; и сожалѣнія истинныхъ германистовъ, которые и теперь еще упрекаютъ новую религію въ томъ, что она испортила ихъ мужественныхъ предковъ, вполнѣ понятны. Но у кельтическихъ народовъ было совершенно не то; эта кроткая маленькая раса была отъ природы христіанской. Христіанство не только не измѣнило ихъ характера и не отняло у нихъ никакихъ качествъ, но, напротивъ, довело ихъ до высшей степени законченности и совершенства. Сравните легенды, относящіяся къ введенію христіанства въ двухъ странахъ, напр. *Kristni saga* и прелестную легенду о Люціусѣ и св. Патрикѣ. Какая разница! Въ Исландіи первые апостолы—это пираты, случайно обращенные въ христіанство, которые то отправляютъ богослуженіе, то избиваютъ враговъ, то снова обращаются къ своей прежней профессіи мор-

скихъ разбойниковъ: все это смотря по обстоятельствамъ и безъ всякой серьезной вѣры. Въ Ирландіи же и въ Бретани благодать дѣйствуетъ черезъ женщинъ и благодаря той чистотѣ и кротости, которая составляетъ прелесть новой религіи. Возмущеніе германцевъ никогда вполне не утихало; они никогда не забывали насильственнаго крещенія и миссіонеровъ, опиравшихся на мечъ, вплоть до того дня, когда германизмъ отомстилъ за себя, и Лютеръ черезъ семь вѣковъ отвѣтилъ Витикинду. Кельты же, наоборотъ, уже въ третьемъ вѣкѣ были истинными христіанами. Для германцевъ христіанство долго было только римскимъ учрежденіемъ, извнѣ насильственно привитымъ къ нимъ; они вошли въ составъ Церкви только для того, чтобы потрясти ее, и съ большимъ трудомъ составили національное духовенство. У Кельтовъ, наоборотъ, христіанство пришло не изъ Рима; у нихъ было свое мѣстное духовенство и собственные обычаи; они получили свою вѣру изъ первыхъ рукъ. Дѣйствительно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что христіанство проповѣдывалось въ Бретани со временъ апостольства, и многіе историки думали не безъ нѣкоторой правдоподобности, что оно было принесено туда іудействующими христіанами или членами школы св. Іоанна. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ христіанство встрѣтило греческую или римскую цивилизацію. Здѣсь же оно нашло новую почву, — сродные характеры и естественную готовность къ его принятію.

Немногіе изъ христіанъ создали такой чистый идеалъ христіанскаго совершенства, какой дала кельтическая церковь въ шестомъ, седьмомъ и восьмомъ вѣкахъ. Нигдѣ не умѣли такъ почитать Бога мысленно, какъ въ большихъ монашескихъ городахъ въ родѣ Пайя или Іоны, Бангора, Клонарда, Линдисфарна. Одна изъ самыхъ возвышенныхъ формъ христіанства, конечно, слишкомъ возвышенная для той общенародной и практической миссіи, которую должна была выполнить церковь, а именно пелагіанство, произошло оттуда. Дѣйствительно, можно удивляться той истинной и тонкой нравственностью, той наивности и той богатой изобрѣтательностью, которыми отличаются легенды о бретонскихъ и ирландскихъ святыхъ. Ни одна раса не восприняла христіанство съ такой оригинальностью; ни одна, подчинившись общей вѣрѣ, не сохраняла болѣе упорно своей національной фizioноміи. Въ религіи, какъ и во всемъ остальномъ, бретонцы стремились къ обособленію и неохотно объединялись съ остальнымъ міромъ. Сильные своимъ нравственнымъ превосходствомъ, увѣренные въ томъ, что они обладаютъ истинными правилами вѣры и богослуженія, такъ какъ они получили христіанство отъ апостоловъ, т. е. изъ первоначальнаго источника, они не чувствовали никакой потребности въ общеніи съ другими, менѣе благородными христіанскими обществами. Отсюда происходила та долгая борьба бретонскихъ церквей съ римскими притязаніями, которая такъ прикрасно изложена Огюстеномъ Тьерри ¹⁾; отсюда

¹⁾ Hist. de la conq. I. Возраженія, представленныя Вареномъ и нѣсколькими другими учеными противъ изложенія Тьерри, касаются только нѣсколькихъ второстепенныхъ обстоятельствъ, которыя были исправлены въ изданіи, вышедшемъ послѣ смерти знаменитаго историка.

вытекали тѣ непреклонные характеры, въ родѣ Колумбана и монаховъ Иона, защищавшихъ свои обычаи и установленія противъ всеобщей церкви; этимъ же объясняется ложное положеніе кельтическихъ народовъ въ католицизмѣ въ то время, когда эта великая сила, овладѣвавшая все большими и большими областями, стѣснила ихъ со всѣхъ сторонъ и заставила ихъ считаться съ собой. Не имѣя католическаго прошлаго они должны были занять второстепенное мѣсто, когда вошли въ великую семью; они никогда не могли добиться того, чтобы создать себѣ духовную метрополию. Всѣ ихъ усилія и всѣ ихъ невинныя хитрости, направленные на то, чтобы примѣнить этотъ титулъ къ церквамъ Доля или св. Давида, разбивались объ ихъ непріятное прошлое, нужно было примириться съ скромной ролью викарнаго епископства Кентербрійской башни.

Впрочемъ, даже въ наши дни эта могучая оригинальность кельтическаго христіанства далеко не стерлась. Хотя французскіе бретонцы подверглись вліянію тѣхъ переворотовъ, которые католицизмъ пережилъ на континентѣ, но въ настоящее время они представляютъ изъ себя одну изъ тѣхъ народностей, у которыхъ религіозное чувство сохранило наибольшую независимость. Всякія религіозныя нововведенія встрѣчаются тамъ весьма неблагоприятно; они вѣрны старымъ обрядамъ и старымъ святымъ; ихъ религіозныя пѣсни отличаются необыкновенной гармоніей¹⁾. Въ отдаленныхъ провинціяхъ Ирландіи сохраняются даже совершенно особенные обряды, съ которыми ничто не можетъ сравниться въ остальномъ христіанскомъ мірѣ. Вліяніе новаго католицизма, которое въ другихъ мѣстахъ было такимъ разрушительнымъ для національныхъ обычаевъ, здѣсь имѣло совершенно обратное дѣйствіе; духовенство должно было искать опоры противъ протестантизма въ привязанности къ мѣстнымъ обрядамъ и къ обычаямъ прошлаго.

Именно картина этихъ христіанскихъ учрежденій, совершенно непохожихъ на учрежденія остального запада, этого страннаго культа, этихъ легендъ о святыхъ, съ такимъ сильнымъ національнымъ отпечаткомъ, и составляетъ интересъ сочиненій, относящихся къ Валлису и арморійской Бретани.—Нигдѣ жизнеописанія святыхъ не носили такого исключительно національнаго характера, какъ въ той странѣ: до двѣнадцатаго вѣка кельтическіе народы допустили очень немногихъ иностранныхъ святыхъ въ свою мартирологію. Нигдѣ также эти жизнеописанія не заключали въ себѣ такъ много натуралистическихъ элементовъ. Язычество оказало здѣсь такое ничтожное сопротивленіе новой религіи, что церковь не сочла нужнымъ прибѣгать противъ него къ строгости, съ которой она во всѣхъ другихъ странахъ преслѣдовала малѣйшіе слѣды мифологіи. Достаточно добросовѣстнаго труда В. Рее-са о Святыхъ Валлиса и труда почтеннаго Джона Вилльямса, очень образованнаго священника изъ Сентъ-Азафскаго епископ-

¹⁾ Особенно прекрасны гимны о раѣ, изданныя Вильмарке, *Chants populaires* т. II стр. 46, 1 и слѣд. и *La légende celtique* (1859) стр. 328, 29.

ства, о священныхъ древностяхъ кимбрійцевъ¹⁾, чтобы понять то огромное значеніе, которое имѣла бы полная и научная исторія кельтическихъ церквей до ихъ поглощенія римскою церковью. Сюда можно бы было также прибавить научный трудъ домъ-Лобино о Святыхъ Бретани, который въ наши дни переизданъ аббатомъ Тресво, если бы полукритика бенедиктинца, которая гораздо хуже полного отсутствія критики, не измѣнила этихъ наивныхъ легендъ подъ предлогомъ здраваго смысла и уваженія къ религіи и не выкинула изъ нихъ всего того, что составляетъ для насъ ихъ интересъ и ихъ прелесть.

Особенно Ирландія должна была въ эти отдаленныя времена носить совершенно особенный религіозный характеръ; если бы исторіи удалось цѣликомъ возстановить его, то онъ показался бы, вѣроятно, крайне оригинальнымъ. Видя, какъ въ шестомъ, седьмомъ и восьмомъ вѣкахъ эти легионы ирландскихъ святыхъ наводняли континентъ и приходили со своего острова, принося съ собою свое упорство, свою привязанность къ своимъ обычаямъ, свое тонкое и реалистическое направленіе ума; видя, что до двѣнадцатаго вѣка Скотты (такъ называли ирландцевъ) были учителями грамматики и литературы для всего Запада,—нельзя сомнѣваться въ томъ, что Ирландія въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ была театромъ оригинальнаго религіознаго движенія. Будучи усердными филологами и смѣлыми философами, ирландскіе монахи были главнымъ образомъ неутомимыми переписчиками, и работа перомъ отчасти благодаря имъ стала святымъ дѣломъ. Колумба, тайно увѣдомленный о томъ, что его послѣдній часъ близокъ, кончаетъ страницу псалтыря, который онъ началъ, пишетъ внизу, что онъ завѣщаетъ продолженіе своему замѣстителю, а затѣмъ идетъ въ церковь, чтобы умереть. Нигдѣ монашеская жизнь не могла найти такихъ покорныхъ подданныхъ. Довѣрчивые, какъ дѣти, робкіе, безпечные, склонные къ подчиненію и къ повиновенію, ирландцы одни были способны къ тому, чтобы предать себя вполнѣ въ руки аббата, что такъ характерно отразилось на историческихъ и легендарныхъ памятникахъ Ирландіи. Въ нихъ отлично узнаешь ту страну, гдѣ еще и въ наши дни священникъ, не вызывая ни малѣйшаго неудовольствія, можетъ въ воскресенье, не выходя изъ алтаря, громко отдавать приказанія насчетъ своего обѣда, назначать, на какую ферму онъ пойдетъ обѣдать и гдѣ онъ будетъ выслушивать исповѣдь вѣрныхъ. Имѣя дѣло съ народомъ, живущимъ только воображеніемъ и чувствами, церковь не считала себя обязанной строго относиться къ религіознымъ капризамъ и фантазіямъ; она представляла свободу религіозному инстинкту и изъ этой свободы выросъ самый миеологическій и наиболее похожій на древнія таинства, культъ изъ всѣхъ, память о которыхъ сохранили намъ лѣтописи христіанства; это культъ, связанный съ извѣстными мѣстами и состоящій почти исключительно изъ нѣкоторыхъ актовъ, считающихся священными.

Легенда о св. Бранданѣ является, безъ сомнѣнія, самымъ страннымъ продуктомъ этого соединенія кельтическаго натура-

¹⁾ The Ecclesiastical Antiquities of the Cymry (Лондонъ 1844).

лизма съ христіанскимъ спиритуализмомъ. Любовь ирландскихъ монаховъ къ морскимъ путешествіямъ по архипелагу Шотландскаго и Ирландскаго морей¹⁾, который изобилуетъ монастырями, и воспоминаніе о еще болѣе отдаленныхъ путешествіяхъ въ полярныя моря послужили содержаніемъ этому странному сочиненію, столь богатому мѣстными впечатлѣніями. Плиній (IV, XXX, 3), говоритъ, что уже въ его время бретонцы любили пускаться въ открытое море искать неизвѣстныхъ острововъ; Летронъ доказалъ что въ 795 году, слѣдовательно за шестьдесятъ пять лѣтъ до датчанъ, ирландскіе монахи высадились въ Исландіи и поселились на ея побережьи. Датчане нашли на этомъ островѣ ирландскія книги, колокола; названія многихъ мѣстностей и теперь еще свидѣтельствуя о пребываніи этихъ монаховъ, извѣстныхъ подъ именемъ *рарае* (отцовъ); на островахъ Ферое, на Оркадскихъ и Сетландскихъ островахъ, словомъ во всѣхъ странахъ сѣверныхъ морей, скандинавцы встрѣтили этихъ *рарае*, жившихъ здѣсь раньше ихъ, при чемъ обычаи этихъ послѣднихъ были совершенно противоположны скандинавскимъ²⁾. Не думали ли они найти ту великую землю, смутный образъ которой, казалось, преслѣдовалъ ихъ и которую Колумбъ нашелъ, идя по слѣдамъ ихъ фантазій? Извѣстно только, что существованіе острова, перерѣзаннаго большой рѣкой и лежащаго на западъ отъ Ирландіи, было догматомъ для географіи среднихъ вѣковъ, внушеннымъ ирландцами. Рассказывали, что въ половинѣ шестого вѣка одинъ монахъ, по имени Барантусъ, возвращаясь изъ длиннаго морского путешествія, попросилъ пріюта въ Ключенфертскомъ монастырѣ. Аббатъ Бранданъ попросилъ его порадовать братьевъ разговоромъ о чудесахъ Божіихъ, которыя онъ видѣлъ въ великомъ морѣ. Барантусъ объявилъ имъ, что существуетъ островъ, окруженный туманами, гдѣ онъ оставилъ своего ученика Мернока; это обѣтованная земля, которую Богъ предназначилъ своимъ святымъ. Бранданъ со своими семнадцатью монахами хотѣлъ отправиться на поиски за этой таинственной землей. Они сѣли на кожанную лодку, на которой вмѣсто всякихъ припасовъ былъ только мѣхъ съ масломъ для смазки кожи. Въ теченіе семи лѣтъ они жили такъ на своей баркѣ, предоставивъ руль и парусъ на волю Божию и останавливаясь только для того, чтобы праздновать Рождество и Пасху на спинѣ царя всѣхъ рыбъ, Яскопіуса. Каждый шагъ въ этой монашеской одиссеѣ—чудо; каждый островъ это монастырь, гдѣ чудеса фантастической природы соотвѣтствуютъ странностямъ вполне идеальной жизни. Здѣсь мы встрѣчаемъ то островъ овецъ, гдѣ эти животныя сами управляются по своимъ собственнымъ законамъ; тамъ птичій рой, гдѣ крылатое племя живетъ по монастырскимъ законамъ и поетъ заутрени и часы въ

¹⁾ Ирландскіе святые буквально заполняли западныя моря. Многіе бретонскіе святые, св. Тененанъ, св. Ренанъ и др.—ирландскіе эмигранты. Бретонскія легенды о св. Мало, св. Давидѣ, св. Павлѣ де Леонѣ, наполнены описаніями подобныхъ путешествій на отдаленные восточные острова.

²⁾ На этотъ счетъ см. прекрасныя изысканія Т. А. Гумбольдта въ его „Исторіи географіи новаго континента“, т. II.

каноническое время; Бранданъ и его товарищи празднуютъ тамъ Пасху вмѣстѣ съ птицами и живутъ тамъ двѣ недѣли, питаются исключительно пѣніемъ своихъ хозяевъ; въ другомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ Восхитительный Островъ, идеаль монашеской жизни среди волнъ; на немъ люди не испытываютъ никакихъ матеріальныхъ потребностей; лампы сами зажигаются во время богослуженія и масло въ нихъ никогда не сгораетъ: это духовный свѣтъ; абсолютная тишина царствуетъ на всемъ островѣ; каждый точно знаетъ, когда онъ умретъ; тамъ не испытываютъ ни холода, ни жары, ни печали, ни болѣзней тѣла и духа. Все это установлено такъ со времени св. Патрика, который это устроилъ. Обѣтованная земля еще болѣе чудесна: тамъ постоянный день: всѣ травы тамъ цвѣтутъ, всѣ деревья даютъ плоды. Только нѣкоторые особенные люди были на немъ. По возвращеніи оттуда ихъ одежды сорокъ дней сохраняли благоуханіе.

Среди этихъ фантазій ярко выдѣляются, своей удивительной вѣрностью живыя описанія путешествій въ полярныя страны: мы какъ будто видимъ прозрачную воду морей, тающія на солнцѣ ледяныя глыбы и цѣлые острова, Исландскіе вулканы, игры китовъ, характерные норвежскіе фіорды, внезапные туманы, море спокойное, какъ молоко, зеленые острова, покрытые травой, спускающейся въ волны. Эта фантастическая природа, созданная какъ бы нарочно для другой породы людей, эти странныя мѣстности, въ одно и то же время ослѣпляющія своей прозрачностью и поражающія реальностью, дѣлаютъ изъ поэмы о св. Бранданѣ одно изъ самыхъ удивительныхъ произведеній человѣческаго духа и, можетъ быть, самое полное выраженіе кельтическаго идеала. Все въ ней прекрасно, чисто, невинно: никогда еще никто не смотрѣлъ на міръ такимъ кроткимъ и доброжелательнымъ взглядомъ; здѣсь нѣтъ ни одной жестокой мысли, ни слѣда слабости или раскаянія. Это міръ, видимый сквозь кристальную призму чистой совѣсти; это та человѣческая натура, къ которой стремился Пелагій,—неспособная къ грѣху. Даже животныя раздѣляютъ эту всеобщую кротость. Зло появляется въ формѣ чудовища, блуждающаго на морѣ, или циклопа, скрывающагося на вулканическихъ островахъ; но Богъ истребляетъ ихъ одного за другимъ и не позволяетъ имъ вредить добрымъ.

Мы только что видѣли, какъ вокругъ легенды о монахѣ ирландское воображеніе сгруппировало цѣлый циклъ физическихъ и морскихъ мѣтовъ. Очищеніе св. Патрика стало основой для другой серіи басенъ, выражающихъ идеи кельтовъ о другой жизни и о ея различныхъ стадіяхъ. ¹⁾ Однимъ изъ самыхъ глубокихъ инстинктовъ кельтическихъ народовъ является, пожалуй, желаніе проникнуть въ неизвѣстное. При видѣ моря, они хотятъ знать, что находится за нимъ; они мечтаютъ объ обѣтованной землѣ. При видѣ могилы они грезятъ о томъ великомъ путешест-

¹⁾ См. прекрасную диссертацию Т. Райта Saint Patrick's Purgatory (Лондонъ 1844); Балландисты 17 Мая; Герресъ Христіанская мистика т. III и въ особенности драму Кальдерона Колодезь св. Патриція.

ви, которому Данте далъ всемирную извѣстность. Легенда гласитъ, что когда св. Патрикъ проповѣдывалъ ирландцамъ и говорилъ имъ о раѣ и адѣ, то ирландцы сознались, что они были бы больше увѣрены въ истинномъ существованіи этихъ мѣстъ, если бы онъ позволилъ одному изъ нихъ пойти туда и придти рассказать имъ о нихъ. Патрикъ согласился. Вырыли яму, черезъ которую одинъ ирландецъ и предпринялъ это подземное путешествіе. Другіе также хотѣли попытаться послѣ него. Въ яму спускались съ позволенія аббата сосѣдняго монастыря, тамъ переносили всѣ муки ада и чистилища, а затѣмъ каждый рассказывалъ о томъ, что видѣлъ. Нѣкоторые не возвращались оттуда; тѣ же, которые возвращались, не могли больше смѣяться и никогда уже не принимали участія ни въ чемъ веселомъ. Рыцарь Овенъ спустился туда въ 1153 году, и далъ описаніе своего путешествія, которое имѣло необычайный успѣхъ.—Въ другихъ легендахъ говорилось, что когда св. Патрикъ изгналъ домовыхъ изъ Ирландіи, то его въ этомъ мѣстѣ сорокъ дней мучили легионы черныхъ птицъ. Ирландцы ходили туда и подвергались такимъ же нападеніямъ, служившимъ имъ вмѣсто очищенія.—По рассказу Жиро де Камбри, островъ, который былъ ареной этого страннаго суевѣрія, былъ раздѣленъ на двѣ части: одна принадлежала монахамъ, другую населяли злые духи, которые совершали тамъ процессіи съ адскимъ шумомъ. Нѣкоторые люди, чтобы искупить свои грѣхи, добровольно предавали себя на мученія въ руки этихъ злыхъ существъ. Тамъ было девять ямъ, куда люди ложились на ночь и переносили тысячи пытокъ. Чтобы спуститься туда, нужно было позволеніе священника. Священникъ долженъ былъ постараться отклонить кающагося отъ этого испытанія и поставить ему на видъ, что многіе входили туда и болѣе не возвращались. Если вѣрующій упорствовалъ, его съ церемоніями вели къ ямѣ. Его спускали при помощи веревки, съ однимъ хлѣбомъ и кружкой воды, чтобы подкрѣпиться въ битвѣ, которую онъ долженъ былъ дать демону. На другой день утромъ ризничій протягивалъ опять кающемуся веревку. Если онъ поднимался, его опять вели въ церковь съ крестомъ и съ пѣніемъ псалмовъ. Если же его болѣе не находили, то ризничій закрывалъ дверь и уходилъ. Въ болѣе новыя времена посѣщеніе священнаго острова продолжалось девять дней. Туда люди переѣзжали на лодкѣ, выдолбленной изъ древеснаго ствола; они пили воду изъ озера разъ въ день; совершали процессіи и остановки на одрахъ или въ кельяхъ святыхъ ¹⁾. На девятый день кающіеся входили въ колодезь. Ихъ поучали, ихъ предупреждали объ опасности, которой они должны подвергнуться, и рассказывали имъ ужасные примѣры. Они прощали своимъ врагамъ и прощались другъ съ другомъ, какъ будто-бы они были при смерти. Колодезь, по рассказамъ современниковъ, представлялъ изъ

¹⁾ Находятъ нѣчто подобное этому въ *penitū* или кельяхъ святыхъ Бретани шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка; но нужно замѣтить, что большинство этихъ святыхъ были ирландцы и что они, вѣроятно, принесли съ собою свою идею очищенія.

себя глубокую и узкую яму, куда впускали по девяти человек и гдѣ кающіеся проводили день и ночь стиснутыми и наваленными другъ на друга. Народное вѣрованье создало подѣ этимъ бездну, поглощающую недостойныхъ и невѣрующихъ. По выходѣ изъ колодца они отправлялись купаться въ озерѣ и этимъ заканчивали свое очищеніе. Изъ рассказовъ очевидцевъ можно заключить, что и до настоящаго времени дѣло происходитъ почти такимъ-же образомъ. ¹⁾

Очищеніе святого Патрика пользовалось огромной извѣстностью въ средніе вѣка. Проповѣдники указывали на этотъ общеизвѣстный важный фактъ тѣмъ, кто сомнѣвался въ очищеніи. Въ 1358 году Эдуардъ III даетъ одному благородному венгерцу, прибывшему изъ Венгріи съ тѣмъ, чтобы посѣтить священный колодезь, грамоты, свидѣтельствовавшія о томъ, что онъ выполнилъ очищеніе. Описанія этихъ замогильныхъ путешествій становятся модной литературой, и самымъ замѣчательнымъ въ ней является господствующій мифологическій и кельтическій характеръ ея. Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ таинствомъ или мѣстнымъ культомъ, предшествовавшимъ христіанству и основаннымъ на географическомъ положеніи страны. Идея очищенія въ конкретной и окончательной формѣ процвѣтала главнымъ образомъ у бретонцевъ и ирландцевъ. Бедъ одинъ изъ первыхъ даетъ ея характеристику а ученый М. Т. Райтъ правильно замѣчаетъ, что почти всѣ описанія очищенія исходятъ отъ ирландцевъ или отъ англо-саксовъ, жившихъ въ Ирландіи, какъ святой Фурсій, Тиндаль, Нортумбриенъ, Дрительмъ, рыцарь Овенъ. Замѣчательно также, что одни только ирландцы могли видѣть чудеса очищенія. Каноникъ изъ Гемстета въ Голландіи, который спускался въ этотъ колодезь въ 1494 году, ничего не видѣлъ. Эта идея путешествій въ другой міръ и въ предѣлы ада, въ такомъ видѣ, въ какомъ ее приняли средніе вѣка, очевидно кельтическая. Вѣра въ три цикла существованій повторяется въ т р і а д а х ъ ²⁾ въ такомъ видѣ, что ее нельзя посчитать христіанскимъ прибавленіемъ. Странствованія души послѣ смерти также излюбленная тема древнѣйшей арморійской поэзіи. Одна изъ чертъ, которыя наиболее поразили римлянъ въ кельтическихъ расахъ, была опредѣленность ихъ идей относительно будущей жизни, ихъ склонность къ самоубійству, ссуды и контракты, которые они подписывали, принимая во вниманіе другой міръ. Болѣе легкомысленные южные народы съ ужасомъ видѣли въ этой увѣренности признакъ таинственной расы, одаренной знаніемъ будущаго и проникшей въ тайну смерти. Вся классическая древность была полна преданіями объ островѣ тѣней, расположенномъ на краю Бретани, и о народѣ, посвященномъ въ переселеніе душъ, населяющемъ сосѣднее побережье. Ночью они слышатъ, какъ мертвецы бродятъ вокругъ

¹⁾ Смори *Revue britannique*, мартъ 1842 г.

²⁾ Рядъ афоризмовъ въ тройственной формѣ, которые представляютъ намъ древнее ученіе бардовъ съ многочисленными прибавленіями и ту традиціонную мудрость, которая, по свидѣтельству древнихъ, передавалась въ мнемоническихъ стихахъ въ школахъ друидовъ.

ихъ хижинъ и стучать въ ихъ двери. Тогда они просыпаются; ихъ лодка нагружается невидимыми существами; на возвратномъ пути она легче. Нѣкоторыя изъ этихъ чертъ, воспроизведенныя съ чрезвычайной точностью Плутархомъ, Клавдіаномъ, Прокопомъ, Тзетзэ, заставляютъ предполагать, что слухъ объ ирландскихъ мѣахъ проникъ въ древнія классическія страны около перваго или втораго вѣка¹⁾. Плутархъ, напримѣръ, переноситъ на море Кроніенъ мѣа, аналогичные съ тѣми, которые наполняютъ легенду Сентъ - Мало. Прокопъ, описывая священный островъ Бриттіа, раздѣленный моремъ на двѣ части, одну блаженную и другую, предназначенную для злыхъ существъ, какъ будто-бы прочелъ сначала то описаніе, которое Жиро Де-Камбри черезъ семь столѣтій далъ въ Очищеніи святого Патрика²⁾. По крайней мѣрѣ, послѣ прекрасныхъ изслѣдованій Озамана, Лабитта и Райта не подлежитъ сомнѣнію, что многочисленныя поэтическія темы, которыми Европа обязана генію Кельтовъ, слѣдуетъ считать источниками Божественной Комедіи.

Нѣкоторые думаютъ, что эта чрезвычайная склонность къ сказаніямъ, заставляютъ считать кельтическую расу ниже другихъ націй, считавшихъ себя болѣе серьезными. Странная вещь! Въ самомъ дѣлѣ, всѣ средніе вѣка, подчиняясь вліянію кельтической фантазіи и заимствуя у Бретани и Ирландіи по меньшей мѣрѣ половину своихъ поэтическихъ сюжетовъ, считаютъ необходимымъ для спасенія своей чести унижать и издѣваться надъ народомъ, которому они обязаны. Напримѣръ, христіанину изъ Труа, который провелъ всю свою жизнь въ томъ, что передѣлывалъ на свой ладъ бретонскіе романы, принадлежатъ слѣдующія слсва:

Les Gallois sont tous par nature
Plus sots, que bêtes de pâture.

По поводу этихъ прекрасныхъ произведеній, которыми долженъ былъ жить весь міръ, какой-то англійскій хроникеръ хотѣлъ сказать каламбуръ, назвавъ ихъ „вздоръ, которымъ забавляются les brutes de Bretons“. Эти удивительныя религіозныя легенды, подобныхъ которымъ нѣтъ ни въ одной религіи, Болландисты должны были исключить изъ своего сборника, какъ апокрифическія нелѣпости. Рѣшительная склонность кельтической расы къ идеализму, ея печаль, ея вѣрность, ея прямотушье заставляли ея сосѣдей смотрѣть на нее, какъ на тупую, глупую расу способную только на то, чтобы создавать сказки. Они не могли понять ея мягкости и ея тонкой чувствительности. Они принимали за неуклюжесть то смущеніе, которое искреннія и прямыя натуры испытываютъ передъ натурами болѣе хитрыми. Главнымъ обра-

¹⁾ По этому вопросу слѣдуетъ обратиться къ остроумнымъ взглядамъ Велькера, *Kleine Schriften* II часть 19 и слѣд. (Сравни Вильмарке *Chants populaires* I 259 и слѣд. 345 и слѣд.).

²⁾ Смотри интересный отрывокъ Михайла Атталіота (одиннадцатое столѣтіе) 221—222 (изданіе Брюне Де-Прессэ).

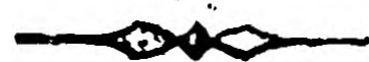
зомъ контрастъ между легкомысленностью французовъ и упорствомъ бретонцевъ привелъ около четырнадцатаго столѣтія къ печальнымъ столкновеніямъ, изъ которыхъ бретонцы выходили всегда съ репутаціей тупыхъ головъ. Было еще гораздо хуже, когда нація, замѣчательная своимъ здравымъ смысломъ, оказалась лицомъ къ лицу съ народомъ, къ сожалѣнію, совершенно лишеннымъ его. Бѣдная Ирландія со своей старой мифологіей, со своимъ очищеніемъ святого Патрика, со своими фантастическими путешествіями святого Грандана, не должна была заслужить никакого снисхожденія отъ англійскаго пуританизма. Нужно видѣть презрѣніе англійскихъ критиковъ къ этимъ сказаніямъ и гордое сожалѣніе къ церкви, которая мирится съ язычествомъ, чтобы сохранить обычаи, явнымъ образомъ вытекающіе изъ него. Конечно, это—похвальное рвеніе, вытекающее изъ природныхъ добрыхъ качествъ; однако, если бы эти фантазіи годились только на то, чтобы немного облегчить страданія, противъ которыхъ ясно, что нѣтъ никакихъ средствъ, то и то они имѣли-бы нѣкоторое значеніе. Кто посмѣетъ сказать, гдѣ здѣсь граница между разумомъ и мечтаніями? Что цѣннѣе: инстинкты фантазіи человѣка или узкая ортодоксія, которая хочетъ остаться разумной, говоря о божественныхъ вещахъ? Я лично предпочитаю свободную мифологію съ ея заблужденіями, такой скудной, такой простой, такой безцвѣтной теологіи, что было бы оскорбленіемъ Бога думать, что, создавши видимый міръ такимъ прекраснымъ, онъ сотворилъ невидимый такимъ пошло умѣреннымъ.

Въ виду прогресса, распространяющаго такую цивилизацію, которая не носитъ характера какой нибудь отдѣльной страны, но можетъ быть названа только современной, или европейской, было-бы наивно надѣяться, что кельтическая раса придетъ въ будущемъ къ обособленному выраженію своей оригинальности. Но, однако, мы далеки отъ того, чтобы вѣрить, что эта раса сказала свое послѣднее слово. Послѣ того, какъ эта страна прошла стадію духовнаго и свѣтскаго рыцарства, стремилась съ Передуромъ то къ святому Граалю, то къ красавицамъ, мечтала со святымъ Бранданомъ о мистическихъ Атлантидахъ, кто знаетъ, что она произведетъ въ области разума, если она отважится выйти въ свѣтъ и подчинить условіямъ современной мысли свою богатую и глубокую натуру? Мнѣ кажется, что изъ этой комбинаціи выйдутъ очень оригинальныя слѣдствія, тонкіе и осторожные взгляды на жизнь, странная смѣсь силы и слабости, грубости и мягкости. Немногія расы имѣли такое сложное поэтическое дѣтство, какъ кельтическія расы: мифологія, лиризмъ, эпопея, романическое воображеніе, религіозный энтузіазмъ, все было у нихъ; почему-бы не было у нихъ и способности разсуждать? Германія, начавъ съ науки и критики, кончила поэзіей; почему-бы кельтическимъ расамъ, начавъ съ поэзіи, не кончить критикой? Отъ одной до другой не такъ далеко, какъ предполагаютъ: поэтическія расы—расы философскія, а философія въ сущности ничто иное, какъ такой же родъ поэзіи, какъ и всякій другой. Если подумать о томъ, что Германія менѣе вѣка тому назадъ нашла примѣненіе для

своего гения и что цѣлая масса національныхъ индивидуальныхъ чертъ, которыя, казалось, исчезли, теперь вдругъ проявились живѣе, чѣмъ когда-бы то ни было, то придется признать, что слишкомъ смѣло создавать законъ упадка и пробужденія расъ и что цивилизація, которая какъ будто поглощаетъ ихъ, есть ничто иное, какъ ихъ общее развитіе.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	5
Саси и либеральная школа	14
Кузень	36
Августинъ Тъери	60
Ламеннэ	77
Луиджи Тости, или партія гвельфовъ въ современной Италіи	107
Революціи въ Италіи.	124
Тайная исторія Прокопа	136
Сеансы Гарири	144
Фарсъ Пателена	151
Воспоминанія стараго нѣмецкаго профессора.	157
Французская Академія	164
Поэзія выставки	172
Поэзія кельтическихъ расъ	182

1902.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЭРНЕСТА РЕНАНА

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и очеркомъ его жизни и дѣятельности.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
подъ редакціей В. Н. МИХАЙЛОВА.

ТОМЪ IV.

Изданіе Б. К. ФУКСА.
КІЕВЪ.

Дозволено Цензурою. Москва, 30 Марта 1902 года.

КІЕВЪ.
Типографія М. М. Фиха, Б.-Васильковская, № 10.
1902.

I.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ.

Предисловіе.

Серьезный человекъ тогда только активно вмѣшивается въ современныя ему событія, когда его обязываетъ къ этому его происхожденіе или добрая воля его согражданъ. Нужно обладать большою самонадѣянностью или большимъ легкомысліемъ, чтобы съ легкимъ сердцемъ взять на себя отвѣтственность за людскія событія, не будучи къ тому обязаннымъ. Но теоретическое размышленіе объ этомъ не является такимъ же безразсудствомъ. Всякій, по мѣрѣ возможности, обязанъ думать объ общественномъ благѣ и содѣйствовать ему всѣми своими силами. Тотъ, кто занимается историческими науками, особенно обязанъ прилагать подобнаго рода старанія; ибо, хотя знаніе настоящаго менѣе поучительно, чѣмъ знаніе прошедшаго, все-таки и настоящее представляетъ собою одинъ изъ видовъ дѣйствительности и потому заслуживаетъ изученія. Предоставить подобную заботу тѣмъ, кого называютъ политиками, было прискорбно. Политикъ—это обыкновенно человекъ, одержимый партійными предразсудками и страстями. Положеніе его очень невыгодно, для того, чтобы онъ могъ судить о событіяхъ всесторонне, сравнивать между собою различныя эпохи и страны, задолго предугадывать движенія и предвидѣть будущее.

Въ настоящемъ томѣ, я собралъ для небольшого кружка тѣхъ лицъ, которые вносятъ нѣкоторый философскій элементъ въ изученіе событій своего времени, рядъ статей, имѣющихъ между собою только ту связь, что онѣ относятся болѣе непосредственно къ вопросамъ и событіямъ нашего вѣка. Общая политика, вопросы относящіеся къ народному просвѣщенію, общественной организаціи вѣроисповѣданій, къ нравственному и религіозному состоянію нашей страны—вотъ что здѣсь вкратцѣ затронуто.

Въ статьѣ, посвященной общей политикѣ, я пытался указать на поверхностныя и неудовлетворительныя стороны соціальнаго государственнаго устройства, явившагося слѣдствіемъ революціи; я пытался указать на опасности, которымъ оно подвергаетъ Францію, на бѣдствія, которыхъ можно опасаться, на существующую необходимость развить умъ французовъ, открыть передъ нимъ новые горизонты, спасти его отъ укоренившихся въ немъ заблужденій. Будучи великимъ, иногда величественнымъ, явленіемъ, революція представляетъ собою опытъ, дѣлающій очень много чести народу, который осмѣлился его предпринять; но этотъ опытъ

не удался. Сохранивши только одно неравенство—имущественное, оставивши въ силѣ только одного гиганта—государство, а карликовъ—тысячи, создавши единственный, могущественный центръ—Парижъ среди интеллектуальной пустыни провинціи, преобразовавъ всѣ общественныя службы въ административныя, задержавъ развитіе колоній и закрывъ такимъ образомъ единственный выходъ, черезъ который современныя государства могутъ выйти изъ проблемъ социализма,—революція создала націю, будущее которой мало обезпечено, націю, среди которой цѣнится только богатство, а благородство можетъ только падать въ своемъ значеніи. Сводъ законовъ былъ составленъ какъ-бы для идеальнаго гражданина, растущаго какъ подкинутый ребенокъ, и умирающаго холостякомъ; этотъ кодексъ все дѣлаетъ пожизненнымъ, на основаніи его дѣти являются для отца неудобствомъ, всякое коллективное и постоянное дѣло запрещается; благодаря этому кодексу нравственное единеніе, которое только и является правдивымъ, рушится съ каждой кончиной; осторожный человекъ становится эгоистомъ, устраивающимся такъ, чтобы имѣть возможно меньше обязанностей;—мужчина и женщина брошены на арену жизненной дѣятельности при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, а собственность рассматривается не какъ нѣчто морально обязывающее, а какъ эквивалентъ извѣстнаго права пользованія, могущій всегда быть оцѣненнымъ деньгами. Такой кодексъ, говорю я, не можетъ ничего породить, кромѣ слабости и ничтожества. Часто удивляются силѣ духовенства, епископства въ провинціи. Это объясняется очень просто. Революція все ниспровергла; она сломила всѣ организаціи, за исключеніемъ церкви; осталось одно духовенство, организованное внѣ предѣловъ государства. Подобно тому какъ города, во время упадка римской имперіи, выбирали представителемъ своего епископа, такъ и теперь, епископъ въ провинціи скоро будетъ единственнымъ элементомъ, твердо держащимся среди падающаго общества. Со своимъ жалкимъ пониманіемъ семьи и собственности тѣ, которые такъ печально ликвидировали несостоятельность революціи, въ послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія, подготовили міръ пигмеевъ и недовольныхъ. Никогда не проходитъ безнаказанно пренебреженіе философіей, наукой и религіей. Какимъ образомъ правовѣды, какъ бы способными ихъ ни считали, посредственные политики, благодаря своей трусости изгнанные ужасовъ Террора, умы безъ высокой культуры, какъ большинство тѣхъ, которые стояли во главѣ Франціи въ эти рѣшительные годы,—какимъ образомъ могли они рѣшить задачу, которой не могъ рѣшить ни одинъ гений, и создать искусственно, помощью мысли, атмосферу, въ которой общество могло бы жить и приносить свои обычные плоды.

Статьи, посвященныя народному образованію, составляютъ большую часть этого сборника. Изъ всѣхъ задачъ нашего времени это наиболѣе важная; при рѣшеніи ея сравненія наиболѣе необходимы. Я думаю, что съ интересомъ будетъ прочтенъ разборъ мнѣній, которыхъ нѣмцы держатся относительно нашихъ учебныхъ заведеній и нашихъ методовъ преподаванія. Ихъ сужденія, безъ сомнѣнія, очень суровы, по изъ нихъ можно извлечь

пользу. Французскій университетъ слишкомъ много подражалъ іезуитамъ съ ихъ пошлыми рѣчами, латинскими стихами; онъ слишкомъ много напоминаетъ древнихъ риторовъ временъ упадка. Плохой французскій языкъ, на которомъ считается нужнымъ разглагольствовать, стремленіе заставить все выродиться въ декламацию,—поддерживаются одной изъ университетскихъ партій съ упорствомъ, доходящимъ до того, что она презираетъ основу знаній и цѣнитъ только стиль и талантъ. Нужно ли мнѣ добавлять, что никакая критика университетскихъ методовъ не уменьшитъ моего почтенія и уваженія къ учрежденію, заключающему въ своихъ нѣдрахъ столько учености и столько самоотверженія? Меня особенно занимало высшее образованіе. Высшее образованіе—это источникъ образованія начальнаго. Принести первое въ жертву второму—значитъ идти противъ поставленной цѣли. Милліонъ, сбереженный на высшемъ образованіи, можетъ совершенно остановить интеллектуальное развитіе страны, а отданный на начальное образованіе, этотъ-же милліонъ окажется мало дѣйствительнымъ. Для того, чтобы дѣйствительно внести новыя начала въ дѣло народнаго просвѣщенія, нужно очень много другихъ жертвъ. Начальное образованіе въ томъ только случаѣ бываетъ прочно въ странѣ, если просвѣщенная часть націи желаетъ этого, если она постигаетъ его сущность, сознаетъ его пользу и справедливость. Создавайте высшіе классы, проникнутые либеральнымъ духомъ; иначе вы будете строить зданіе на пескѣ; одинъ капризъ нерасположенной къ вамъ или недостаточно просвѣщенной палаты—и всѣ ваши начинанія рухнутъ. Чтобы создать лѣсъ, недостаточно посѣять его; нужно еще обезпечить первыя всходы отъ уничтоженія. До тѣхъ поръ, пока во Франціи не будетъ искоренено то ложное мнѣніе, что воспитаніе полезно только въ виду даваемого имъ въ будущемъ общественнаго положенія, что образовывать и просвѣщать бѣдняка—это значитъ давать развиться въ немъ потребностямъ и честолюбію, которыхъ невозможно будетъ удовлетворить,—до тѣхъ поръ ничего рѣшительно не будетъ достигнуто. Прочность народнаго образованія въ Германіи является слѣдствіемъ солидной постановки высшаго образованія въ этой странѣ. Школу создаетъ Университетъ. Говорили, что побѣду при Садовой одержалъ не кто иной, какъ народный учитель. Нѣтъ, побѣду эту одержала германская наука, германская добродѣтель, протестантство, философія съ Лютеромъ, Кантомъ, Фихте и Гегелемъ. Народное образованіе—это слѣдствіе высокой культуры извѣстныхъ классовъ. Страны, которыя подобно Соединеннымъ Штатамъ, создали значительное народное обученіе, не создавъ серьезнаго высшаго образованія, долго еще будутъ платиться за эту ошибку своей интеллектуальной посредственностью, грубостью своихъ нравовъ, поверхностностью своего ума, недостаткомъ общаго развитія.

Далѣе въ этомъ томѣ рѣчь идетъ о французской коллегіи, о свойствахъ и выдающихся чертахъ ея. Это мой любимый предметъ. Я много размышлялъ объ этомъ около 1860 года, когда на основаніи различныхъ признаковъ можно было надѣяться, что для либерализма настанутъ лучшіе дни. Лекціи краснорѣчія, по-

добно тѣмъ, которыя читались во время Реставраціи, казались мнѣ и невозможными, и нежелательными. Этого рода лекціи, которыя скорѣе могутъ обнаруживать талантъ профессора, чѣмъ содѣйствовать просвѣщенію ума и характера слушателей, принесли вредъ нашему научному мышленію. Если эти лекціи будутъ продолжать свое робкое существованіе, они вызовутъ только появленіе посредственностей. Кромѣ того, подобныя торжественныя лекціи предполагаютъ существованіе политической свободы и такого настроенія общественныхъ умовъ, которое (скажу, къ сожалѣнію) не свойственно нашему времени. Не легко расположить къ себѣ молодежь, которую вы оскорбили, и которой вы не сумѣли внушить духа серьезности и солидныхъ научныхъ изслѣдованій. Притѣсненія и лицемѣріе оффиціальныя круговъ порождаютъ безпорядки. Германскіе университеты, въ которыхъ существуетъ абсолютная свобода мысли, не знаютъ безпорядковъ. И вотъ я подумалъ, что вмѣсто блестящихъ упражненій временъ Реставраціи можно будетъ помышлять о преподаваніи скорѣе научномъ, чѣмъ литературномъ, скорѣе специальномъ, чѣмъ краснорѣчивомъ,—о преподаваніи, которое черпало бы свои силы въ абсолютной искренности, стояло бы далеко отъ всякой политики не изъ-за боязни, но въ видахъ истины, не стремилось бы къ успѣху путемъ намековъ и не дѣлало бы никакихъ уступокъ. Мечтать въ наши дни о Сорбоннѣ временъ Гизо, Кузена, Виллемена было бы химерой; но мы могли-бы завтра же создать вокругъ французской коллегіи научное движеніе, въ которомъ намъ позавидовалъ бы Берлинъ. Я положилъ мое честолюбіе въ томъ, чтобы получить законнымъ путемъ, т. е. черезъ голосованіе моихъ товарищей, мѣсто въ этомъ великомъ святилищѣ свободной науки. Во вступительной лекціи я указалъ путь, по которому я намѣренъ былъ слѣдовать, при чемъ имѣлъ успѣхъ, какой до сихъ поръ обыкновенно не выпадалъ на долю лицъ, назначаемыхъ министерствомъ. Читалъ я эту лекцію въ умѣренномъ тонѣ, что въ теченіе двухъ дней вполнѣ признавали. На третій день лица, которыя должны были быть достаточно удовлетворены своимъ привилегированнымъ положеніемъ, чтобы не быть завистливыми къ чужой свободѣ, заставили запретить мнѣ чтеніе лекцій¹⁾. Три съ половиной года спустя, хотя за это время новыхъ жалобъ на меня не поступило, я былъ отрѣшенъ отъ должности.... Я пребываю въ твердой увѣренности, что во всемъ этомъ я не былъ виноватъ. Я не прочиталъ, какъ утверждаютъ, лекціи о Іисусѣ Христѣ, вмѣсто лекціи еврейскаго языка. Сообразуясь съ обычаемъ, я прочелъ вступительную лекцію объ исторической роли народовъ, языки которыхъ я долженъ былъ преподавать. Посвятить въ подобной лекціи одну, проникнутую глубокимъ благоговѣніемъ, фразу Іисусу Христу—это не значило выходить изъ своего предмета. Станутъ ли отрицать, что Іисусъ въ исторіи семитическихъ народовъ имѣлъ столько значенія, чтобы заслужить короткаго

¹⁾ Ренанъ говоритъ здѣсь о своей вступительной лекціи. „De la part des peuples semitiques dans l'histoire de la civilisation“, которая будетъ напечатана въ 6 томѣ „Собранія сочиненій Эрнеста Ренана“.

упоминанія? Еслибы профессоръ арабскаго языка, въ своей вступительной лекціи, посвятилъ фразу Магомету, стали ли бы обвинять его въ томъ, что онъ выходитъ изъ рамокъ своего предмета? Пусть скажутъ, что я поступилъ неловко, пожалуй! Но наука, по моему мнѣнію, не должна считаться съ ловкостью: она должна быть правдивой. Во всякомъ случаѣ, если въ этомъ дѣлѣ я обнаружилъ мало политическаго такта, за то я доказалъ этимъ истинную любовь къ родинѣ, истинную преданность къ основательно-ному образованію ума, истинное желаніе освободить молодежь отъ того плохого состоянія, въ которомъ она находится,—я проявилъ, однимъ словомъ, чувство достойное французской коллегіи.

Если бы, наконецъ, поняли, какую роль государство должно играть въ дѣлѣ высшаго образованія! Когда государство выбираетъ лицо, которое компетентная коллегія указываетъ ему, какъ достойное, то отвѣтственность уже снимается этимъ съ государства. То, что потомъ читаетъ профессоръ, касается только его самого. Жаловались ли протестанты, евреи, либералы на то, что Озанамъ на филологическомъ факультетѣ проповѣдывалъ самый чистый католицизмъ? Конечно, нѣтъ, такъ какъ заслуги его были признаны. Были извѣстныя причины къ тому, чтобы его назначить; разъ назначенный, онъ могъ совершенно свободно читать свой предметъ такъ, какъ онъ самъ его понималъ. Но когда протестантъ, еврей или челоуѣкъ, свободно мыслящій, будучи избранъ компетентной коллегіей, получаетъ кафедру, онъ тоже долженъ быть свободенъ въ высказываніи своихъ мнѣній. Берегитесь! вы ставите некаатолика внѣ общаго закона, вы доходите до того, что различаете людей по религіи, когда дѣло касается допущенія ихъ къ общественнымъ должностямъ! Когда католическій проповѣдникъ оскорбляетъ насъ, мы нисколько не жалуемся на то, что лишены права отвѣчать ему тѣмъ же. Мы не стоимъ за право свободнаго нанесенія обиды: обладай мы имъ (какъ это слѣдовало бы въ силу равенства), мы бы имъ не пользовались. Но несправедливо, чтобы католикъ могъ громко излагать свое мнѣніе съ свѣтской государственной кафедры, а мы не могли высказывать всего съ той же кафедры. Законъ не говоритъ, что для того, чтобы быть членомъ высшаго учебнаго учрежденія, нужно быть католикомъ. Вѣдь въ такомъ случаѣ не-католики будутъ доведены до необходимости или скрывать свой настоящій образъ мыслей, или видѣть, что ихъ не допускаютъ къ профессіи, которая открыта для всѣхъ. Вотъ къ какимъ послѣдствіямъ можно прійдти, если допустить, что государство должно нести прямую отвѣтственность за все то, что преподается съ тѣхъ кафедръ, которыя оно субсидируетъ. Не очевидно ли, что взваливать такую отвѣтственность на государство—это значитъ совершенно унижить всѣ общественныя учрежденія? Да и мало найдется достойныхъ людей, которые взяли бы на себя такое обязательство—угождать всѣмъ. Такое чудо могло-бы случиться развѣ только тогда, если бы профессоръ согласился хранить благоразумное молчаніе на счетъ всего щекотливаго,—вѣрнѣе говоря, насчетъ всего, чѣмъ стоитъ заниматься. Согласиться на такую программу можетъ только челоуѣкъ посредственный. Если выс-

шее образованіе сводится такимъ образомъ къ искусству все притуплять, все извращать, то лучше было бы его отмѣнить.

Чтобы оправдать эти требованія, указываютъ на уваженіе, которое подобаетъ оказывать религіи большинства. Какъ обманчиво это выраженіе! Къ какимъ оно ведетъ заблужденіямъ, и какъ удивятся въ одинъ прекрасный день, когда увидятъ, что это большинство было только кажущимся! Предположимъ даже, что оно въ дѣйствительности существуетъ; допустимъ, что если бы кто нибудь вывѣдалъ религіозныя убѣжденія французовъ, онъ нашель-бы, что большинство нашихъ согражданъ состоитъ изъ истинныхъ и правовѣрныхъ католиковъ. Неужели это причина для того, чтобы меньшинство было поставлено внѣ закона? Неужели не слѣдуетъ опасаться, что этотъ духъ исключительности принесетъ свои обычные плоды: непоправимое невѣжество, притупляющіе предрасудки, пагубное пренебреженіе къ иностранному, извѣстную умственную отсталость?

Въ дѣйствительности, подъ именемъ „религіи большинства“ выставляютъ государственную религію или по крайней мѣрѣ ту, которая пользуется особымъ покровительствомъ. Въ статьѣ, озаглавленной: „о религіозной будущности современныхъ обществъ“, я пытался указать на послѣдствія подобной системы и доказать, что религія, покровительствуемая государствомъ, также мало свободна, какъ и та, которая имъ притѣсняется. Статья эта появилась въ 1860 году. Исключительное положеніе, въ которое поставилъ себя католицизмъ, только что явственно обнаружилось возстановленіемъ итальянскаго королевства. Я съ тѣхъ поръ рискнулъ со всевозможными оговорками высказать предположеніе, что католицизмъ, можетъ быть, находится наканунѣ великаго раскола, предвѣстникомъ котораго будетъ одновременное и нерѣшительное избраніе двухъ папъ. Я не хочу настаивать на этомъ предсказаніи больше, чѣмъ это подобаетъ. Однако событія, происшедшія съ того времени, многократно внушали мнѣ ту-же мысль. Папство впало въ тѣ-же заблужденія, что и французское королевство: вмѣсто того, чтобы оставить пирамиду опираться на основаніе, оно поставило ее вершиной внизъ. Подобно королевству, оно будетъ наказано внезапнымъ паденіемъ. Двѣ противорѣчивыя функціи—выборнаго государя маленькой итальянской территоріи и духовнаго главы міра—легко могутъ привести на одномъ изъ ближайшихъ конклавовъ къ тому, къ чему онѣ привели въ XIV столѣтіи, я хочу сказать къ двумъ выборамъ, изъ коихъ одинъ будетъ соответствовать интересамъ Рима и Италіи, а другой—интересамъ католицизма. Обѣ партіи будутъ, конечно, претендовать на обладаніе канонической властью, а уставы конклава представляютъ собою нѣчто столь сложное, что и та и другая сторона найдетъ возможнымъ подкрѣпить свои требованія. А какъ только будутъ выбраны двое папъ, расколъ будетъ уже непоправимъ. Вначалѣ онъ выразится въ спорахъ относительно личностей и политики, очень скоро онъ превратится въ борьбу принциповъ. Папы будутъ дѣйствовать на манеръ двухъ полюсовъ электрической батареи, притягивая къ себѣ элементы, которые къ нимъ будутъ тяготѣть. Католицизмъ можетъ быть упо-

добленъ водѣ. Это тѣло очень однородное, но не простое. Введите туда разлагающій агентъ, и кислородъ отдѣлится у одного полюса, а водородъ у другого. Католицизмъ въ будущемъ не сможетъ имѣть еретическихъ сектъ, но изъ-за этого онъ только скорѣй подверженъ возможности раздѣленія. Централизація католицизма достигла такой степени, что расколъ при жизни единственнаго папы невозможенъ; слишкомъ печальнымъ было бы это для признанія порывающихъ между собою сторонъ. Но пусть существующій папа начнетъ возбуждать сомнѣнія, пусть внутреннее сознаніе подскажетъ и той и другой сторонѣ достаточныя основанія къ тому, чтобы вѣрить въ различныхъ папъ,—и тогда съ совершенно чистой совѣстью начнутъ стремиться къ раздѣленію. Конклавъ, такимъ образомъ, представляетъ собою дверь, открытую всякимъ случаямъ; въ этомъ заключается очень слабая сторона папства. Папа, возсѣдающій на престолѣ св. Петра (какъ-бы этотъ престолъ ни былъ шатокъ), можетъ не бояться нападеній; но во время междупарствія нѣтъ ничего невозможнаго. Видѣли вѣдь, какъ конклавъ избралъ въ папы угодника короля, который только что опозорилъ папство; видѣли, вѣдь, какъ папа, такимъ образомъ назначенный (Климентъ V) вычеркивалъ изъ Ватиканскихъ книгъ акты непреклоннаго и посрамленнаго своего предшественника (Бонифація VIII).

Двѣ изъ помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ статей принадлежатъ къ первымъ опытамъ, которыя я напечаталъ въ „la Liberté de penser“, и которыя я помѣщаю и здѣсь, хотя съ тѣхъ поръ уже усвоилъ себѣ иную манеру писать. Одна изъ этихъ статей, казалось мнѣ, передаетъ довольно точно чувства, которыя могла испытывать молодежь въ эту печальную годину, наступившую за 1848 годомъ,—эпоху, когда умственная реакція, казалось, избрала своимъ девизомъ выраженіе: „бросьте всякую надежду“. Въ тотъ моментъ, когда мы видимъ, какъ на нашихъ глазахъ, благодаря соединенію представителей всѣхъ французскихъ предрасудковъ, опять собирается то большинство, которое мы знавали тогда, подобная статья можетъ оказаться умѣстной. Эта честная, безупречная, но плохо рассчитанная и поверхностная революція 1848 года имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что раньше, чѣмъ черезъ годъ, власть перешла въ руки самаго тупого, самаго недалководнаго и наиболѣе яраго консервативнаго элемента нашей страны. Нѣкоторая перемѣна обнаружилась въ этой душной атмосферѣ около 1859 года, благодаря личнымъ взглядамъ императора Наполеона III, которые далеко не были такими реакціонными, какъ взгляды консервативнаго большинства. Это большинство полагало, что въ лицѣ принца Людовика-Наполеона оно нашло наиболѣе энергичное орудіе для реакціи, но, будучи мало проницательнымъ, оно ошиблось. Оказалось, что тотъ, кого избрали для подавленія всякой идеи, имѣлъ собственные идеи и планы, безъ сомнѣнія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достойные осужденія, но все таки совершенно отличные отъ плановъ чистыхъ консерваторовъ. Послушавши сначала реакціи, Наполеонъ III пошелъ по пути собственныхъ своихъ влеченій, которыя не всегда находились въ соотвѣтствіи со стариннымъ

французскимъ духомъ въ смыслѣ ограниченности и исключительности. Уничтожить преувеличенное мнѣніе, которое общество составило себѣ о могуществѣ императора Николая; протянуть руку возрождающейся Италіи; не оказывать противодѣйствія и мысленно благопріятствовать тому неизбежному движенію, которое создаетъ подъ именемъ Пруссіи великую Германію, страну либеральную, предназначенную сыграть большую роль въ направленіи исторіи человѣчества; потихоньку предуготовлять перемѣну въ свѣтской власти папѣ; ослабить пагубныя послѣдствія проведеннаго въ 1850 году клерикальной партіей закона относительно народнаго просвѣщенія; испытать въ дѣлѣ торговли и промышленности системы, заключающія въ себѣ, можетъ быть, кое-что хорошее; предоставить свободу рабочимъ ассоціямъ, призваннымъ къ великой будущности,—вотъ дѣянія, совершенно противныя духу французскихъ консерваторовъ, дѣянія, отвѣтственность за которыя немногія изъ нашихъ правительствъ хотѣли-бы на себя взять. Тѣ, кто не будучи обязанъ принимать активное участіе въ политикѣ, имѣютъ право быть безпристрастными и снисходительными; тѣ, кто, смотря на человѣчество, какъ на больного, не хотятъ показывать себя требовательными и умѣютъ за небольшое количество добра забывать массу причиненнаго имъ зла,—тѣ могли испытать нѣкоторое удовлетвореніе отъ этихъ побѣдъ, одержанныхъ надъ косностью. Ошибки, изъ которыхъ главная состояла въ томъ, что не было заявлено съ самаго начала непреложными актами, что Франція не стремится къ расширенію своей территоріи (страна, подобная Франціи, вмѣсто того, чтобы присоединять къ себѣ народы силой, должна была бы принимать въ свою общину новыхъ членовъ только по ихъ просьбѣ), грубыя ошибки, повторяю я, измѣнили положеніе вещей. Такъ какъ императоръ Наполеонъ III имѣлъ за правило осуществлять свои мысли при посредствѣ тѣхъ, которые ихъ не раздѣляютъ, и при поддержкѣ консервативнаго большинства, которое имъ враждебно, то можно было легко предвидѣть, что въ одинъ прекрасный день консервативное большинство и члены императорскаго правительства, которые почти всѣ принадлежали къ партіи 1849 года, снова окажутся у власти. Это та именно партія, которая въ римскомъ вопросѣ заставляетъ произнести: „никогда“; та, которая пытается уничтожить Итальянское королевство и своими вызовами раздражаетъ то, что есть опаснаго въ германскомъ патріотизмѣ. Ошибается тотъ, кто полагаетъ, что можно создать во Франціи либеральное правительство путемъ подзрѣній и невѣжества, старческаго ослѣпленія и безумнаго отрицанія самыхъ очевидныхъ потребностей.

Статья о Клерикальномъ либерализмѣ появилась 15-го мая 1848 года. Я до сихъ поръ не хотѣлъ ее перепечатывать, во 1-хъ потому, что она написана съ юнымъ пыломъ, который болѣе мнѣ не свойственъ, а во 2-ыхъ я опасался, какъ бы здѣсь не увидѣли недоброжелательнаго приговора надъ католицизмомъ, которому я обязанъ такой благодарностью. Католики вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ много говорятъ о либерализмѣ. Я никогда не переставалъ думать, что католикъ, сколько-нибудь по-

слѣдовательный, не можетъ быть либераломъ; но не слѣдуетъ никогда упрекать своихъ противниковъ въ непослѣдовательности, разъ она ведетъ къ добру. И вотъ я былъ очень радъ видѣть написанную мною въ 1848 году статью отвергнутой, когда Syllabus доказалъ мнѣ, что эта статья содержитъ довольно правильные взгляды, и что, по крайней мѣрѣ, я показалъ себя въ ней хорошимъ теологомъ. Въ самомъ дѣлѣ Syllabus представлялъ собою громкое превозглашеніе того положенія, которое я поддерживалъ, а именно, что католицизмъ и либерализмъ несовмѣстимы другъ съ другомъ. А папа, вѣроятно, лучше нашихъ политиковъ-клерикаловъ знаетъ сущность католицизма. Нельзя быть католикомъ вопреки папѣ, и когда, во время недавнихъ споровъ, наиболѣе горячіе защитники папства начали съ того, что отвергли открыто Syllabus, теологамъ оставалось посмѣиваться. Чтобы представить себѣ догматы церкви, нужно изучить постановленія папъ и уставъ сборовъ, но не довѣрять легкомысленнымъ толкованіямъ свѣтскихъ лицъ, которые, не пройдя курса богословія, тысячу разъ бываютъ еретиками безсознательно и только порою это сознаютъ. Папа—добрый судья въ томъ, что касается католической религіи. Syllabus, который удивилъ столько людей, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго: Пій VII, Пій VIII и Григорій XVI сдѣлали точь въ точь такія же заявленія.

Было бы ошибкой видѣть въ тѣхъ намѣреніяхъ, которыя руководили мною при составленіи и вторичномъ изданіи настоящихъ статей, хоть малѣйшее желаніе усилить распри, и безъ того тяжеля. Средство способствовать согласію заключается не въ томъ, чтобы скрывать свои мнѣнія,—это было-бы обиднымъ для истины,—но въ томъ, чтобы излагать ихъ въ умѣренномъ тонѣ. Проповѣдывать своей странѣ высокое воспитаніе нравственное и умственное, чистый культъ, не отдѣленный насильно отъ религіи, но независимый отъ нея,—это значитъ работать для общественнаго блага. Внезапное появленіе Германіи на аренѣ великой европейской борьбы внушило другимъ мысль подражать вооруженію и военнымъ установленіямъ, давшимъ въ результатъ такое превосходство. Что касается вооруженія, то подражать ему нѣтъ ничего проще. Но подражать военнымъ установленіямъ это уже дѣло трудное. Слѣдуетъ опасаться, какъ бы не захотѣли при этомъ однихъ послѣдствій безъ производящей ихъ причины, однихъ плодовъ безъ дерева и безъ корней. Прусская организація это плодъ національнаго духа, основаннаго на солидной философіи. Подражать организаціи, не подражая тому духу, который ее обусловливаетъ, было-бы не совсѣмъ благоразумно. Отъ аналогичныхъ установленій, внушенныхъ однако различными взглядами, можно получить къ своему удивленію совершенно различные результаты. Чему же слѣдуетъ подражать? Нѣмецкимъ школамъ, нѣмецкимъ университетамъ, нравственному воспитанію, даваемому въ Германіи, нѣмецкому способу трактованія религіозныхъ вопросовъ. Когда баронъ Штейнъ съ 1808 года принялся за возрожденіе Пруссіи, онъ началъ съ того, что сдѣлалъ Берлинъ умственнымъ центромъ сѣверной Германіи. Онъ назначилъ Фихте ректоромъ университета; онъ привлекъ туда такихъ лицъ какъ Вольфъ,

Шлейермахеръ, затѣмъ Нибуръ, Савиньи. Сила общества зиждется на двухъ началахъ: во первыхъ на народной доблести—этомъ великомъ источникѣ самоотверженія, самопожертвованія, инстинктивной силы моральной, которую благородныя расы носятъ въ себѣ, какъ наслѣдіе отъ своихъ предковъ; во вторыхъ—на образованности и серьезности высшихъ классовъ. Сдѣлавшись въ современную намъ эпоху научной и нравственной проблемой, стоя въ связи съ самопожертвованіемъ народа и съ развитіемъ научной техники, война, въ общемъ, можетъ служить хорошимъ критеріемъ для оцѣнки націи. Такъ какъ арміи почти сводятся теперь къ поголовнымъ народнымъ ополченіямъ, такъ какъ издержки, которыя они поглощаютъ громадны, то принципъ великихъ народностей, основанныхъ на истинномъ патриотизмѣ, все болѣе и болѣе войдетъ въ силу, какъ міровой законъ. Нація, лишенная воодушевленія, высокихъ побужденій, привязанности къ своему правительству, скоро устанетъ отъ этой ужасной игры. Съ другой стороны, усовершенствованіе вооруженій, при которомъ наука находитъ себѣ одно изъ тысячи своихъ примѣненій, все болѣе и болѣе будетъ отдавать власть въ руки разума, который господствуетъ надъ матеріей и при помощи просвѣщенія создаетъ народъ, достойный того, чтобы служить и де ѣ. Народъ наиболѣе ученый, который будетъ имѣть наилучшихъ механиковъ, химиковъ, оффиціальныя учрежденія, наименѣе проникнутыя духомъ отсталости и завистливости, будетъ имѣть и наилучшую армію. Варварство,— иначе говоря, грубая сила безъ умственнаго развитія,—побѣждено на-вѣки. Окончательная побѣда будетъ за народомъ, наиболѣе просвѣщеннымъ и наиболѣе нравственнымъ, понимая подъ нравственностью способность къ самоотверженію, любовь къ своимъ обязанностямъ. Страна, которая можетъ доставить возможно скорѣе наибольшее количество вооруженныхъ для общаго дѣла гражданъ, которая въ состояніи поддерживать наибольшій бюджетъ, которая получаетъ возможно больше результатовъ при возможно меньшихъ затратахъ; страна, которая безъ смущенія переноситъ надъ собою власть божественнаго права и безъ взаимной зависти—неравенство классовъ; которая не думаетъ возставать противъ своей національной династии—такая страна самая доблестная, самая просвѣщенная, и въ концѣ концовъ она будетъ наиболѣе свободной. Тщеславіе, которое называютъ красивымъ именемъ чести, зависть, принципъ преувеличенной любви къ равенству,—все это не въ силахъ совершать великія событія даже среди націи духовно-одаренной и подающей надежды. Великія событія совершаются только при помощи науки и добродѣтели. Повѣрьте, что хорошій патриотъ—это тотъ, который вамъ проповѣдуетъ серьезныя вещи, усовершенствованіе нравственное и умственное, а не тотъ, который играетъ судьбой своей родины, чтобы выказать свое краснорѣчіе и свою ловкость.

Выставляя во всемъ на видъ любовь къ истинному и незыблемому, не пренебрегать ничѣмъ для того, чтобы создать народность разсудительную, просвѣщенную, проводящую въ своей жизни самое главное изъ отреченій, самое трудное, самое похвальное, состоящее въ томъ, чтобы не слишкомъ придерживаться ложной

идеи о равенствѣ; создавать прочное серьезное образованіе, основанное на солидныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ; внушать народу вѣру въ добродѣтель, уваженіе къ ученымъ и серьезнымъ людямъ; отклонять его отъ революцій, представляющихъ собою подчасъ средство болѣе печальное, чѣмъ то зло, которое подлежитъ искорененію; дѣлать такъ, чтобы каждый любилъ оставаться на своемъ посту, руководимый преданностью, гордостью, сознаниемъ честности; указывать прекрасное всюду, гдѣ оно заключается, т. е. въ средѣ столькихъ чудныхъ воиновъ, чудныхъ моряковъ, мужественныхъ или безропотно преданныхъ рабочихъ, поддерживающихъ завѣты добродѣтели; не говорить бѣдняку: „обогащайся“, но говорить ему: „утѣшься: ты работаешь для челоуѣчества и для родины“; проповѣдывать ему счастье, проистекающее отъ простоты сердечной и поэзіи чувствъ; убѣждать простолюдина, что возвышаетъ его только почтительное его отношеніе къ великимъ нравственнымъ событіямъ, въ которомъ онъ принимаетъ участіе, не всегда будучи въ состояніи ихъ постигать; внушать женщинѣ, что все ея обаяніе заключается въ томъ, чтобы быть самоотверженной и дѣятельной; но въ то же время вести себя такъ, чтобы низшій хорошо чувствовалъ, что тотъ, кто повелѣваетъ, исполняетъ обязанности и воодушевленъ высокимъ философскимъ чувствомъ; представлять въ печальномъ свѣтѣ ѣдкость, зависть и систематическое недовѣріе, дѣлающія невозможнымъ всякое управленіе; давать понять, что истиннымъ аристократомъ становишься только презирая то, что низко и подло; всякими способами содѣйствовать уничтоженію въ обществѣ дурного вкуса, этого пошлаго сорта остроумія, этой низкой шутовской литературы, которая вошла въ моду; выставить оплотъ противъ шарлатанства, которое охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ; высоко уважать религиозное чувство, но не связывать нравственной судьбы челоуѣчества съ вѣроисповѣдными формами, которыя могутъ погибнуть, между тѣмъ какъ истинная религія не погибнетъ; сверхъ всего этого уважать свободу, какъ существенное условіе всего добраго,—вотъ что значитъ хорошая политика. Все остальное будетъ ничѣмъ инымъ, какъ лѣкарствомъ для находящагося при послѣднемъ издыханіи больного. Страна серьезно больна. Нужно постигнуть самую сущность ея темперамента.

Силы Франціи безпредѣльны, но онѣ гибнутъ за недостаткомъ свободнаго воздуха и мѣста. Будемъ бояться одного изъ тѣхъ періодическихъ припадковъ, во время которыхъ народъ нашъ, какъ бы въ бреду, стремится уничтожить самого себя, совершенно отринуть самыхъ лучшихъ изъ дѣтей своихъ. Будемъ подавлять эти болѣзненные приступы національнаго самолюбія, которые заставляютъ насъ думать, что могущество націи основывается на распряхъ и безсиліи ея сосѣдей. Никогда не слѣдуетъ доводить принципа народности ни до лукавства, ни до фанатизма. Но какъ только идея о божественномъ правѣ династій отвергнута, самымъ прочнымъ является тогда принципъ народнаго права; а народы могутъ существовать постольку, поскольку они представляютъ собой естественныя группы, образовавшіяся благодаря общности происхожденія языка, общности исторіи и ин-

тересовъ. Въмѣсто того, чтобы ненавидѣть и противодѣйствовать другъ другу, пусть націи учатся другъ у друга, пусть взаимно пользуются своей опытностью. Два существенныхъ условія благосостоянія современнаго общества, благодаря которымъ нашей цивилизаціи не суждено будетъ погибнуть послѣ краткаго разсвѣта, подобно цивилизаціямъ древности, эти два условія: съ одной стороны, раздѣленіе Европы на нѣсколько государствъ, что представляетъ гарантію для ея свободы, а съ другой—то глубокое чувство братства, которое заставляетъ умы самыхъ различныхъ между собою народностей понимать другъ друга въ великомъ единствѣ науки, искусства, поэзіи и религіи. Примѣромъ намъ должна служить Греція, столь могущественная благодаря солидарности своего генія и въ то же время столь разрозненная въ политическомъ отношеніи, но не римская имперія, которая въ тискахъ своего ужаснаго единства погубила древнюю цивилизацію.

Я совсѣмъ не хочу не признавать великихъ и чрезвычайныхъ сторонъ исторической роли Франціи. Созданная для того, чтобы изумлять міръ вспышками своего генія и своими прихотями, Франція не умѣетъ быть ни посредственной, ни мѣщанской; еслибы даже стали работать надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее такой, то не успѣли бы въ этомъ; ее сдѣлали бы развѣ подлой и дурной; она падетъ до самой низкой степени, если только не будетъ работать надъ дѣломъ очень благороднымъ. Ея мечты—это ея слава и ея жизнь. Революція повергла Францію въ состояніе какого-то героическаго кризиса, который по временамъ ставитъ ее ниже всѣхъ и отнимаетъ у нея всѣ преимущества людей разсудительныхъ, но за то отмѣчаетъ перстомъ чело ея для таинственнаго предназначенія. Я не хотѣлъ-бы, чтобы кто-нибудь унялъ этотъ божественный жаръ, который составляетъ наше величіе, но слѣдуетъ остерегаться, чтобы сильный приступъ не привелъ больного къ смерти. Пусть всѣ вмѣстѣ призовутъ на помощь свои наблюденія, собранныя ими на различныхъ поприщахъ, для того, чтобы отвратить эту опасность. Въ старыхъ еврейскихъ легендахъ повѣствуется о томъ, какъ Ревекка, чувствуя, что близнецы, которыхъ она носила въ своемъ чревѣ, борются между собой, спрашивала совѣта у Господа. „Ты носишь въ себѣ два народа“, получила она въ отвѣтъ. Въ нѣдрахъ нашей страны точно также борются между собой два народа, изъ которыхъ одинъ хотѣлъ-бы подавить другой. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что одному слѣдуетъ отречься въ пользу другого, уступить ему свое мѣсто? Нѣтъ, они должны уживаться другъ съ другомъ, должны имѣть общіе идеалы справедливости и добра, неразлучно связанные съ идеалами отечества. Раздѣленная на четыре партіи, изъ которыхъ три всегда враждебны той, которая находится у власти, Франція въ дѣйствительности располагаетъ всегда только четвертой частью своихъ силъ. А между тѣмъ есть вѣдь постоянные интересы, болѣе важные чѣмъ вопросы о перемѣнѣ династіи,—интересы, которые во всякомъ случаѣ не должны страдать. Порядочный человѣкъ, который хочетъ служить только законному правительству, притомъ такому, въ созданіи котораго онъ не принималъ участія, принужденъ держаться въ сторонѣ. Правитель-

ство можетъ оказаться благодѣтельнымъ только лѣтъ десять или пятнадцать спустя послѣ своего возникновенія. До того же времени оно принадлежитъ не честнымъ и полезнымъ гражданамъ, но тѣмъ, которые его основали или наскоро составили. Перевороты унижаютъ тѣхъ, которые ими пользуются, и которыхъ всегда подозрѣваютъ въ томъ, что они ихъ подготовили; они изолируютъ, уничтожаютъ и разстраиваютъ тѣхъ, кто имъ сопротивляется. Гибельный заколдованный кругъ, который среди тягостныхъ перемѣнъ не даетъ возможности выбора, который влечетъ за собою на продолжительное время униженіе характеровъ и жесткость, дѣлающую васъ вопреки собственной волѣ враждебнымъ всякому общественному дѣлу! Страшный урокъ для народовъ, которые, будучи неспособны къ республиканскому образу правленія, низвергаютъ династію, существующую у нихъ ужъ много вѣковъ. Если не будутъ этого остерегаться, то недалеко то время, когда смерть всякаго государя будетъ служить сигналомъ для междоусобной войны, когда власть станетъ достояніемъ наиболѣе дерзкаго, когда вся нація будетъ раздѣлена на двѣ части: одну, состоящую изъ всякаго рода интригановъ, живущихъ переворотами и реставраціями, въ то время, какъ другая, составленная изъ людей честныхъ, будетъ считать безусловнымъ правиломъ не вмѣшиваться въ правительственные перевороты, и будетъ ожидать въ мрачномъ уединеніи приговора судьбы. Но и этотъ порядокъ вещей будетъ раемъ по сравненію съ тѣмъ, который наступитъ вслѣдъ за нимъ. Эти честные люди, въ началѣ благородные, затѣмъ слабые, наконецъ презираемые, будутъ все болѣе и болѣе вымирать, и спустя сотни лѣтъ, не останется никого, кромѣ смѣлыхъ авантюристовъ, ведущихъ между собою кровавую игру междоусобной войны, и черни, которая будетъ рукоплескать „побѣдителю дня“. И тогда міръ увидитъ опять тѣ сцены, которыя сопровождали перемѣну царствованія въ римской имперіи въ первомъ и третьемъ столѣтіи. Въ тотъ день, когда узнаютъ, что одинъ смѣлый переворотъ далъ будущности миръ цѣною смерти и изгнанія нѣсколькихъ сотенъ выдающихся людей, мирные люди возрадуются. Человѣкъ, обогранный кровью, оскверненный измѣною и преступленіями, который окажется побѣдителемъ своихъ соперниковъ, будетъ провозглашенъ спасителемъ отечества. Два обстоятельства—давленіе со стороны иностранцевъ, которые не потерпятъ, чтобы одна нація слишкомъ уклонялась отъ общаго европейскаго порядка, и моральная сила епископовъ, опирающихся на католическую партію—сами по себѣ будутъ въ состояніи служить балластомъ на этомъ, борющемся съ волнами, государственномъ кораблѣ. Очевидно, оба эти вмѣшательства не обойдутся странѣ даромъ. Въ этомъ гибельномъ кругу государственныхъ переворотовъ одна бѣда влечетъ за собой другую. Есть примѣры, что націи, вошедшія въ этотъ дантовскій адъ, благополучно оттуда выходили. Но что сказать о народѣ, который вышедши изъ этого ада, вновь спускается туда дважды, трижды?

Философія современной исторіи.

Для человѣка, который руководилъ великими событіями своей страны, существуетъ почти обязательное правило—дать отчетъ потомству въ тѣхъ принципахъ, которые руководили его дѣйствіями, и, въ совокупности, тѣхъ взглядовъ, которые онъ вносилъ въ управленіе. Рѣдко кто изъ государственныхъ людей не исполнилъ этого обязательства, и нѣтъ болѣе драгоцѣнныхъ документовъ для исторіи, чѣмъ этотъ родъ признаній, когда сами дѣйствующія лица рассказываютъ публикѣ, сравнительно болѣе спокойной и безпристрастной, событія, истинный характеръ которыхъ могъ представиться въ иномъ видѣ въ началѣ, въ разгарѣ страстей. Выдающійся историкъ, который въ наше время съ такимъ блескомъ показалъ, какъ много значатъ образованность и талантъ, если руководствоваться ими при вершеніи судебъ человѣчества, менѣе чѣмъ кто-либо другой могъ избавить себя отъ этой обязанности. Но принимая ее, Гизо въ одномъ важномъ отношеніи нарушилъ обычай своихъ знаменитыхъ предшественниковъ ¹⁾. Обыкновенно такіе труды появляются на свѣтъ по смерти автора, или, по крайней мѣрѣ, тогда, когда онъ открыто призналъ, что карьера его, какъ общественнаго дѣятеля, закончена. Такимъ путемъ думаютъ устранить большинство тѣхъ мотивовъ, которые вызываютъ неправильные приговоры надъ современной исторіей и, давая читателю возможность быть болѣе безпристрастнымъ, въ то же время предоставляютъ рассказчику возможность быть болѣе откровеннымъ. На этотъ разъ, наоборотъ, именно среди расцвѣта своей дѣятельности государственный человѣкъ, котораго складъ ума и характеръ имѣли самое рѣшающее вліяніе на его страну, излагаетъ свои мнѣнія насчетъ той борьбы, въ которой онъ принималъ участіе. Не изъ могилы, какъ это обыкновенно бываетъ, но отъ человѣка, живущаго въ отставку, совершенно не исключаящей видовъ на дальнѣйшую дѣятельность, исходитъ тотъ голосъ, который долженъ намъ повѣдать о мысляхъ и ученіяхъ, имѣвшихъ такое серьезное вліяніе на жизнь каждаго изъ насъ.

Съ самаго начала становится понятнымъ, насколько это обстоятельство, съ виду незначительное, должно создать разницу между мемуарами Гизо и тѣми, которые намъ оставило большинство государственныхъ людей. Всякое признаніе, сдѣланное

---

¹⁾ Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, par M. Guizot; T. I et II, 1858—1859. Paris, Michel Lévy frères.

раньше того времени, когда можно безъ боязни признаваться въ своихъ погрѣшностяхъ, будетъ непременно походить на апологію. Какъ бы далекъ ни былъ Гизо отъ тѣхъ пошлыхъ стараній, къ которымъ, не оправдываясь, прибѣгаютъ люди, черпающіе свое достоинство извнѣ, все-таки, подобно всѣмъ великимъ честолюбцамъ (слово это обращается въ похвалу, когда честолюбіе оправдываемо), онъ не признаетъ за судьбой права произносить безвозвратные приговоры. Лично для него общественныя дѣла не могутъ быть предметомъ славы, но они всегда могутъ для него служить предметомъ высокаго интереса. Тѣ принципы, которые онъ защищалъ, на которые онъ нападалъ, которые онъ улаживалъ, еще и теперь оспариваютъ другъ у друга побѣду, и отъ этой побѣды будетъ зависѣть окончательный приговоръ, который будетъ произнесенъ надъ его ролью и надъ его вліяніемъ. Поэтому неоднократно въ его мемуарахъ забота о будущемъ должна была вліять на объясненіе фактовъ прошлаго ихъ. Политика почти не допускаетъ того высокаго безпристрастія, которое составляетъ характерную черту исторіи; претензія на непогрѣшимость, столь оскорбительная въ глазахъ критики,—это какъ бы вынужденный отвѣтъ противъ лицемѣрной спѣси партій. Откровенное признаніе въ ошибкахъ возбудило бы только развѣ надменную жалость со стороны тщеславныхъ завистниковъ или самонадѣянныхъ посредственныхъ людей, и если-бы кто нибудь рѣшился сказать этимъ ослѣпленнымъ хулителямъ: „пустъ тотъ изъ васъ, кто безгрѣшенъ, бросить въ меня первый камень“, то толпа безумцевъ дерзко ринулась бы впередъ, чтобы на него наброситься.

Успѣхъ книги Гизо, впрочемъ, извинилъ бы его, если бы онъ имѣлъ надобность въ извиненіи за смѣлое намѣреніе, которое онъ возымѣлъ: доставить лично исторіи документы, на основаніи которыхъ онъ хочетъ быть судимымъ. Нигдѣ связь между тѣми политическими принципами, которые имъ руководили въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, не высказывалась съ такой послѣдовательностью и ясностью. Либеральный духъ, умѣренность, уваженіе къ мнѣніямъ противниковъ, гордое и высокое спокойствіе, которымъ проникнута вся книга,—все это служить наилучшимъ отвѣтомъ противъ столькихъ прискорбныхъ недоразумѣній, распускаемыхъ легкомысленной толпой, — недоразумѣній, которыя Гизо въ своей гордости счелъ ниже своего достоинства исправлять. Слогъ мемуаровъ имѣетъ свои недостатки; какъ писатель, Гизо никогда не заботился о совершенствѣ. Онъ не получилъ въ даръ отъ судьбы ни живой, глубокой и одушевленной выразительности слога Сень-Бева, ни богатства, силы и остроумія слога Мишле. Это совсѣмъ не тотъ воздушный стиль, очаровательно небрежный, допускающій только тѣ вольности, которыя сами по себѣ желательны: это—прелестная нить сотканной изъ золота и шелка ткани, тайну которой ученая и легкая муза, по видимому, открыла Кузену. Здѣсь не видно той строгой правильности, той возвышенной точности, того постояннаго изученія старинныхъ образцовъ, отъ которыхъ зависитъ серьезность слога у де-Саси. Можно быть выдающимся писателемъ и совсѣмъ не имѣть этихъ качествъ.

Не говоря о такихъ авторахъ, какъ Шатобрианъ, де-Местръ, которые блистали страстностью и воображеніемъ, но которые никогда не доходили до полного пониманія французской прозы, ея звучности, богатства ея гармоніи, силы,—между нашими первоклассными прозаиками, какъ Ламенне, Августинъ Тьерри, много ли есть такихъ, которые бы всегда настойчиво стремились къ этой строгой содержательности языка, представляющей собою плодъ безпрестаннаго вниманія и священнаго безпокойства, заставляющаго цѣлые часы и дни не сводить глазъ съ той страницы, которой послѣ ужъ нельзя будетъ поправлять. Смѣю сказать, что такое стараніе непріятно поражало бы въ извѣстныхъ произведеніяхъ, гдѣ всякое выказываніе литературныхъ достоинствъ неумѣстно. Слогъ Гизо, хотя мало обработанный, обладаетъ нѣкоторой скромностью, силой и умѣренностью, подобающей великимъ произведеніямъ. Общій тонъ осторожности и сдержанности придаетъ книгѣ много благородства. Изъ всѣхъ писателей нашего времени, Гизо, можетъ быть, болѣе всѣхъ свободенъ отъ извѣстнаго заигрыванія дурного тона, которое сдѣлалось совершенно обычнымъ съ тѣхъ поръ, какъ понятія о личномъ достоинствѣ и приличіи ослабѣли; никто меньше его не фамильярничалъ съ публикой, и не поощрялъ ее свободно обращаться съ нимъ. Заслуга эта, я знаю, мало цѣнится во Франціи. Осторожность, робость, уваженіе къ себѣ и къ другимъ, эти обычные черты натуръ серьезныхъ и исключительныхъ, кажутся намъ признакомъ гордости. Я слышалъ лицъ, которыя разсматриваютъ, какъ недостатокъ, эту проникнутую достоинствомъ и суровостью холодность Гизо, и сожалѣютъ, что онъ не старается пріобрѣсти больше любви со стороны народа. Что касается меня, я поздравляю его съ этимъ: расположеніе толпы обыкновенно пріобрѣтаютъ мелкими сторонами своего характера или причудами. Государственные люди должны произносить исповѣди, но не дѣлать дружескихъ сообщеній; тѣ изъ нихъ, которыхъ обязанности заставляютъ имѣть сношенія съ народомъ, должны являться ему только какъ отвлеченныя существа.

II.

Оставимъ въ сторонѣ эти обычные предосторожности, къ которымъ приходится прибѣгать, когда желаютъ говорить, безъ всякаго намѣренія оскорбить, о мнимомъ талантѣ, считающемъ себя безупречнымъ. На той высотѣ, на которую взошелъ Гизо, похвала и порицаніе теряютъ все свое значеніе, такъ какъ человѣкъ, достигшій того, что онъ представляетъ собою одинъ изъ великихъ принциповъ, раздѣляющихъ собою міръ, виновенъ развѣ только въ существованіи рокового закона, по которому всякой теоріи суждено быть справедливой только наполовину. Нѣтъ болѣе легкой критики, чѣмъ по отношенію къ увѣнчаннымъ такой славой людямъ, единственная вина которыхъ заключается въ томъ, что они не рѣшили той неразрѣшимой проблемы, вѣчно предлагаемой человѣчествомъ лицамъ, желающимъ понять его и управлять имъ. Упреки государственныхъ людей въ недостаткахъ или безсиліи ихъ дѣятельности такъ же не состоятельны, какъ если бы стали упрекать Лейбница или Гегеля въ томъ, что они не

сказали послѣдняго слова о человѣкѣ, о мірѣ, Богѣ. Всякая философская или политическая система — это великое рѣшеніе, которое слѣдуетъ разсматривать не какъ выражающее абсолютную истину и право, но какъ занимающее болѣе или менѣе выдающееся мѣсто въ нравственномъ порядкѣ вещей. Все, что велико, въ своемъ родѣ справедливо; одна только посредственность не имѣетъ себѣ мѣста въ царствѣ Бога. Пора отказаться отъ этой почти всегда жалкой критики, которая воображала, что обладаетъ критеріемъ истины; пора перестать упрекать талантливыхъ или гениальныхъ людей въ томъ, что они не осуществили того, что, со временъ происхожденія мысли человѣческой, тысячи самонадѣянныхъ людей думали, что понимаютъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ это почти никогда не оправдывалось.

Первые два тома „Мемуаровъ“, опубликованныхъ Гизо, обнимаютъ собою эпоху отъ 1814 до конца 1832 года. Наша обязанность строго ограничиваться годами, до сихъ поръ описанными знаменитымъ историкомъ, и ждать объясненій, которыя онъ намъ доставитъ насчетъ той эпохи, когда его роль становится первенствующей. У меня нѣтъ установившагося мнѣнія насчетъ сложныхъ дебатовъ, наполняющихъ собою послѣдніе десять лѣтъ парламентскаго режима во Франціи; другіе лучше меня сумѣютъ произнести судъ надъ участниками этихъ ожесточенныхъ столкновеній и оцѣнить справедливость или несправедливость столькихъ противорѣчивыхъ обвиненій. Впрочемъ, я не скрываю этого, вполне признавая полезность междуособной борьбы парламентскаго періода правленія, я имѣю мало охоты вникать въ подробности этихъ столкновеній. Что касается тактики борьбы, то она менѣе интересна; меня интересуетъ только результатъ. Политическая исторія не есть исторія партій, такъ же, какъ исторія ума человѣческаго не представляетъ собою исторіи литературныхъ направленій. Выше интересовъ партій существуютъ великія движенія, которыми полна исторія всѣхъ временъ, но которыя въ теченіе послѣднихъ семидесяти лѣтъ приняли названіе и особую форму революцій. Этотъ предметъ въ современной исторіи долженъ остановиться на себѣ вниманіе философа и наблюдателя.

Изъ двухъ великихъ революцій, которыя Гизо описываетъ въ своемъ трудѣ, первая изъ всѣхъ событій нашей исторіи болѣе всего способна наводить на размышленія о природѣ современныхъ обществъ и ихъ основныхъ законахъ. Представляя собою полнѣйшее отрицаніе французской революціи, Реставрація, однако, примѣняетъ ея лучшія правила; съ виду чуждая либерализму, она освящаетъ среди насъ принципъ свободы; будучи дѣломъ иностранцевъ, она все-таки открываетъ собою періодъ политическаго и общественнаго пробужденія умовъ; всегда имѣя въ качествѣ своихъ представителей людей съ посредственнымъ умомъ, она кладетъ основу истинному интеллектуальному развитію Франціи въ XIX столѣтіи и остается эпохой, дорогой всѣмъ мыслящимъ людямъ. Чтобы понять такое странное явленіе, нужно хорошо отдавать себѣ отчетъ въ историческихъ условіяхъ, повлекшихъ за собою возстановленіе династіи Бурбоновъ. Особенно нужно дойти до общаго пониманія тѣхъ фактовъ, которые создаютъ

такую глубокую разницу между современной цивилизаціей и блестящими, но всегда кратковременными цивилизаціями древности.

По моему мнѣнію, эта разница состоитъ въ одномъ существенномъ пунктѣ; послѣдствія его сказываются на всемъ общественномъ строѣ,—я хочу сказать: сказываются въ совершенно различномъ способѣ пониманія правительственной власти. Древнее государство,—облекалось ли оно въ форму монархіи, какъ на Востокѣ, или въ форму республики, какъ въ Греціи, или военной державы, какъ въ эпоху римской имперіи,—всегда абсолютическое. Тогда исходили изъ той мысли, что общество имѣетъ полную власть надъ всѣми своими членами, что всякое сопротивление государству—незаконно, что индивидуумъ имѣетъ право развиваться только согласно законамъ государства. Для древнихъ свобода была только національной независимостью; въ дѣйствительности, въ Спартѣ не было бѣльшей свободы, чѣмъ въ Персеполисѣ. Безъ сомнѣнія, „законъ“ имѣлъ большее значеніе, чѣмъ воля „великаго царя“, но въ Спартѣ было не меньше тираниіи въ томъ смыслѣ, что государство вмѣшивалось въ цѣлый рядъ вещей, по нашимъ взглядамъ, касающихся только индивидуума. Каждое древнее государство, заключая такимъ образомъ въ себѣ основной принципъ очень узкій и исключительный, быстро проходило черезъ различныя фазы своей жизни: за періодомъ блеска неизбѣжно слѣдовалъ періодъ упадка; гегемоніи и династіи слѣдовали одна за другой, какъ бы по опредѣленному правилу, и самъ древній міръ, какъ цѣлое, въ концѣ концовъ палъ. Такія явленія, какъ современная цивилизація, носящая въ самой себѣ зародышъ безпредѣльнаго прогресса, или же, какъ Франція, сохранявшая въ теченіе восьмисотъ лѣтъ одну и ту же династію, всегда очень сильную, не смотря на тяжелыя иногда времена, не имѣютъ себѣ примѣра среди государствъ древности.

Германская раса, разбивая кадры римской имперіи, совершила самую великую политическую революцію въ исторіи міра. Это была побѣда индивидуума надъ государствомъ. Имперія, благодаря своему правительственному деспотизму, до такой степени ослабила цивилизованный міръ, что достаточно было незначительной силы, чтобы погубить ее; горсть смѣлыхъ авантюристовъ оказала ей ту услугу, что завоевала ее. Основной чертой германскихъ народовъ былъ абсолютный индивидуализмъ; идея „государства“ была имъ совершенно чужда. Все основывалось у нихъ на свободныхъ обязательствахъ, на „вѣрности“, на временномъ союзѣ индивидуумовъ, соединяющихся ради общаго дѣла. Последнимъ словомъ этого общественнаго порядка былъ феодализмъ. Когда въ нашемъ распоряженіи будетъ хорошая исторія французскихъ дворянскихъ родовъ, то будетъ ясно, что каждая группа феодальныхъ родовъ соотвѣтствуетъ извѣстному центру германской колонизаціи, и что начало большинства истинно древнихъ французскихъ фамилій относится къ эпохѣ Каролинговъ. Дѣйствительно, духъ феодализма—это преимущественно германскій духъ. Свободный человѣкъ имѣетъ по отношенію къ королю только тѣ обязанности, которыя онъ на себя взялъ;

онъ становится свободнымъ отъ нихъ, если только король не соблюдаетъ своихъ обязательствъ; въ послѣднемъ случаѣ судьей является онъ одинъ, и если только онъ не доволенъ своимъ сюзереномъ, онъ можетъ воевать съ нимъ съ самой чистой совѣстью. Жуанвиль, безъ сомнѣнія, служитъ образцомъ рыцарской вѣрности; сверхъ того извѣстно, какую личную привязанность питалъ онъ къ Людовику Святому. Послушаемъ, однако, что онъ говоритъ: „Однажды случилось, что королевскій сержантъ поднялъ руку на рыцаря моего отряда. Я пошелъ жаловаться къ королю и сказалъ ему, что если онъ не дастъ мнѣ удовлетворенія, я оставлю его службу, такъ какъ его сержанты били рыцарей. Онъ велѣлъ дать мнѣ удовлетвореніе, которое, согласно обычаямъ страны, состояло въ томъ, что сержантъ явился босой, въ рубищѣ, съ обнаженной шпагой въ рукѣ, сталъ на колѣни передъ рыцаремъ и сказалъ ему: „Господинъ! я приношу вамъ удовлетвореніе за то, что поднялъ противъ васъ руку, и я принесъ вамъ эту шпагу для того, чтобы вы отрѣзали мнѣ руку, если это вамъ будетъ угодно“. Я просилъ рыцаря, чтобы онъ простилъ сержанту его несправедливость, и онъ такъ и сдѣлалъ“. Можно ли себѣ представить, чтобы кто нибудь изъ военачальниковъ Константина или Θεодосія писалъ императору, что изъ-за нѣкоторыхъ личныхъ неудовольствій онъ рѣшилъ оставить службу государству?

Я готовъ признать и роль христіанства въ этомъ переворотѣ, благодаря тому прогрессу, который оно внесло во всеобщую нравственность, и чувству уваженія къ человѣческому достоинству, которымъ проникнуты всѣ его догматы. Нельзя, однако, сказать, что политическая свобода—дѣло христіанства; скорѣе кажется, что оно иногда вредило въ этомъ отношеніи. Выросши въ борьбѣ съ идолопоклонствомъ государства, совершенно проникнутымъ духомъ имперіи, христіанство, дѣйствительно, въ теченіе трехъ столѣтій олицетворяло собою протестъ совѣсти противъ правительственнаго ярма; но ни разу въ его геройской борьбѣ не видно проблеска политической идеи. Начиная съ IV столѣтія, эпохи тѣснаго сближенія христіанства съ римскимъ деспотизмомъ, оно оказываетъ явное предпочтеніе абсолютной власти, когда эта послѣдняя соглашается на преслѣдованія въ его пользу. Въ продолженіе первой эпохи германскаго вторженія, и даже при Карлѣ Великомъ, дѣятельность духовенства, въ одномъ отношеніи—просвѣтительная, въ другомъ—развращающая, всецѣло проявлялась въ смыслѣ, благопріятномъ идеямъ римской имперіи: именно епископы внушили германскимъ начальникамъ мысль о верховной власти, о которой послѣдніе и не мечтали. Папы, начиная съ Григорія VII, оказали, правда, услуги свободѣ, препятствуя образованію слишкомъ могущественныхъ свѣтскихъ государствъ; но сами папы дѣйствовали во имя принципа всемірной централизаціи, которая въ свою очередь была очень деспотической и сдѣлалась бы еще болѣе деспотичной если-бы римскимъ первосвященникамъ дана была возможность сдѣлать себя истинными владыками христіанскаго міра и осуществить своего рода христіанскій калифатъ, къ которому они такъ стремились.

Не трудно уяснить себѣ особый характеръ той королевской власти, которая должна была явиться слѣдствіемъ такого настоящаго хаоса. Она должна была быть, и была на самомъ дѣлѣ, строго наследственной. Законъ о престолонаслѣдіи на Востокѣ и въ римской имперіи никогда не былъ строго опредѣленнымъ. Благодаря почти суевѣрному почитанію законовъ о наследованіи, современная цивилизація была предохранена отъ непостояннаго образа правленія; послѣдній неоднократно доставлялъ міру счастливые годы жизни, но, благодаря недовѣрію, колебаніямъ и соперничеству, непрерывно поддерживаетъ убійства, измѣну и потоками крови обогрываетъ общество, которое ему довѣряется. Далѣе, королевская власть была слѣдствіемъ личнаго права и какъ бы расширеніемъ права собственности. Суверенитетъ народа служилъ основой древнихъ республикъ и древнихъ деспотическихъ государствъ. Въ новомъ же строѣ о подобномъ суверенитетѣ не можетъ быть и рѣчи. Средніе вѣка (я исключаю схоластиковъ-перипатетиковъ, которые подражали Аристотелю, не заботясь о дѣйствительномъ политическомъ устройствѣ современныхъ имъ государствъ) не имѣли никакого представленія о народѣ, разсматриваемомъ, какъ источникъ власти. Король—собственникъ короны, и если ее отнимаютъ у него безъ законнаго основанія, то этимъ нарушаютъ его право. Далѣе, королевская власть оказывается связанной заключенными добровольно договорами или обязательствами, къ исполненію которыхъ король можетъ быть заставляемъ войною, отказомъ отъ платежа налоговъ и отъ военной службы. Наконецъ, она строго ограничена: король занимается гораздо меньшимъ количествомъ дѣлъ, чѣмъ древній деспотъ; дворъ его имѣетъ мало значенія; его бюджетъ невеликъ или даже совсѣмъ не существуетъ; онъ предоставляетъ свободно существовать около себя настоящимъ республикамъ: церкви, университетамъ, религиознымъ орденамъ, городамъ, всякаго рода корпораціямъ. Всѣ вооружены противъ него привилегіями и обычаями, которыхъ государь не смѣетъ оскорблять. Честный Карлъ V умеръ съ безпкойной совѣстью, такъ какъ онъ взималъ подати безъ согласія штатовъ и содержалъ постоянное войско. Очевидная потребность эпохи не могла его успокоить относительно законности этихъ дѣйствій, на которыя средніе вѣка смотрѣли, какъ на посягательство на принципы христіанскаго права.

Не менѣе важнымъ послѣдствіемъ преобразования Европы расами, называемыми обыкновенно варварскими, было раздѣленіе ея на извѣстное число крѣпко организованныхъ государствъ, соперничество которыхъ заставило рухнуть всѣ мечты о всемірной монархіи. Гервинусъ съ большимъ основаніемъ сравнилъ политическое устройство христіанской Европы съ той пестрой картиной маленькихъ государствъ, которую представляетъ намъ древняя Греція; союзы этихъ государствъ безпрестанно мѣнялись, и между ними могли образоваться развѣ только скоропреходящія гегемоніи. Единообразіе ведетъ къ деспотизму; въ свою очередь полный и продолжительный деспотизмъ совмѣстимъ только съ всемірной монархіей, тогда какъ христіанская республика не потерпитъ, чтобы одинъ изъ членовъ ея совершенно нарушалъ общіе

законы. Такимъ образомъ раздѣленіе Европы сдѣлалось залогомъ ея свободы: именно это раздѣленіе сдѣлало возможнымъ реформацію, философію; оно же разрушить всѣ деспотическія на старинный манеръ государства и предохранить современный міръ отъ неизбежной гибели, предназначенной обществамъ, въ нѣдрахъ которыхъ нѣтъ соотвѣтствующаго противовѣса.

Все превосходство современныхъ государствъ, всѣ мотивы, которые позволяютъ надѣяться на ихъ будущее, сводятся, по моему мнѣнію, къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ: во первыхъ, Европа раздѣлена и достигла состоянія устойчиваго равновѣсія; во вторыхъ, институтъ королевской власти, поддерживая власть исполнительную внѣ всякаго соперничества, и останавливая изъ ряда вонъ выходящіе порывы честолюбія, въ одно и то же время устраняетъ возможность какъ кратковременныхъ тиранній республиканскихъ странъ (каковы, напр., Греція, средневѣковая Италія), такъ и военнаго владычества эпохи римской имперіи. Король не препятствуетъ никакому законному развитію человѣческой дѣятельности. Онъ не только не имѣетъ никакого права надъ частной собственностью, но даже вмѣшательство его въ религію является пережиткомъ времени варварства; та, хотя и небольшая доля вѣротерпимости, которая существовала въ средніе вѣка, была благодѣяніемъ, оказываемымъ королевской властью. Такая передача власти націи въ руки семьи, распоряжающейся обществомъ, передачи суверенитета народа въ руки специальной власти, представляетъ совершенно обратное требованіямъ раціональной теоріи организациі общества. Тѣмъ не менѣе отсюда вышли удивительно прочныя государства. Въ то время, какъ древній деспотъ падалъ при первой своей ошибкѣ или первомъ своемъ несчастіи, король Франціи могъ быть такимъ презрѣннымъ, какъ Людовикъ XV, могъ быть доведеннымъ до такого глубокаго несчастія, какъ Карль VI, и все-таки никто не сомнѣвался въ его правахъ, въ его положеніи и въ той миссіи, которую онъ исполнялъ.

Насколько мнѣ извѣстно, одна только Англія вполне развила только что обрисованный нами типъ правительства; только тамъ феодализмъ принесъ свои плоды, а именно парламентскій режимъ и раздѣленіе власти. Короли Франціи, начиная съ Филиппа Красиваго, опираясь главнымъ образомъ на правовѣдовъ, представителей римскаго принципа, ведутъ ожесточенную войну съ мѣстными самостоятельными владѣніями, съ правами отдѣльных областей и стараются установить родъ верховной власти, совершенно отличной отъ той, которой обладалъ Людовикъ Святой. Въ XVI столѣтіи Возрожденіе вноситъ въ политику, какъ и во все другое, еще болѣе рѣзкій поворотъ къ идеямъ древности. Публицисты этой эпохи,—большею частью итальянцы или находящіеся подъ вліяніемъ Италіи,—вновь начинаютъ проводить въ формѣ республиканскаго или абсолютическаго образа правленія принципы государства на манеръ греческаго или римскаго. Одни мечтаютъ о демократическихъ утопіяхъ, основанныхъ на абстрактномъ понятіи челоуѣка; другіе, истинные развратители государей, даютъ начало великому идолопоклонству своего времени, иначе говоря, безусловному поклоненію могущественнымъ

монархамъ. Въ особенности Франція, слѣдую своей склонности къ однообразію и той теократической тенденціи, которую носить въ себѣ католицизмъ, доходитъ до того, что осуществляетъ самое странное для современной эпохи явленіе: монархію Людовика XIV; это своего рода подражаніе сассанидскому или монгольскому идеалу,—явленіе, которое должно быть разсматриваемо, какъ противоестественное въ христіанской Европѣ. Средніе вѣка отреклись отъ него, отъ этого восточнаго деспота, антихристіанскаго царя, который провозглашалъ себя единственнымъ собственникомъ государства, располагалъ душами такъ же, какъ тѣлами, и ставилъ ни во что всѣ права передъ своей безграничной гордостью, которую внушала ему мысль отождествленія своей личности съ государствомъ.

Но разъ понятіе о государствѣ извращено, съ нимъ больше не считаются. Заблужденіе Людовика XIV влечетъ за собой, какъ неизбѣжный результатъ, французскую революцію. Чистыя идеи древности снова взяли верхъ. Государство опять становится абсолютно-неограниченнымъ. Въ концѣ концовъ полагаютъ, что народъ долженъ быть счастливъ, лишь бы онъ имѣлъ хорошій сводъ законовъ. Хотятъ создать прежде всего государство справедливое, но не замѣчаютъ, что губятъ свободу, что вызываютъ социальную, но не политическую, революцію, что кладутъ начало деспотизму, какъ во времена цезарей древняго Рима. Современный міръ вернулся къ заблужденіямъ древнихъ, и свобода погибла бы навсегда, если-бы движеніе, увлекшее Францію въ сторону идеи деспотическаго государства, сдѣлалось всеобщимъ. Но французская революція не была явленіемъ повсемѣстнымъ; она роковымъ образомъ поставила Францію во враждебное положеніе относительно другихъ державъ Европы. Страны, въ которыхъ господствовалъ германскій элементъ и для которыхъ административный и военный режимъ Франціи былъ невыносимъ, создали сильную реакцію. Возвращая себѣ свою независимость, онѣ привели Францію къ правильному понятію государствѣ,—понятію, отъ котораго она уклонялась уже нѣсколько столѣтій, и которое, надо сказать, нисколько не находилось въ соотвѣтствіи съ нѣкоторыми наиболѣе сокровенными ея влеченіями.

Вотъ основныя причины Реставраціи, и по нимъ нетрудно уяснить себѣ существенныя ея достоинства и недостатки. Она была возвращеніемъ къ тому режиму, который наиболѣе подходитъ европейскимъ государствамъ; но это возвращеніе было непонятно и антипатично Франціи, всегда обуреваемой идеями о верховной власти народа и своими воинственными наклонностями. Образъ правленія при Реставраціи былъ гражданскій и во многихъ отношеніяхъ либеральный, но это было вопреки ей самой и вопреки Франціи. Реставрація совершенно не носила военнаго характера; она была результатомъ давленія иностранныхъ державъ, давленія, въ принципѣ законнаго, такъ какъ союзъ европейскихъ государствъ, подобно Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, хотя и въ меньшей степени, обладаетъ правомъ вмѣшательства.

Но этотъ союзъ не понималъ того, что когда для великой страны кончился вѣкъ доблестныхъ военныхъ предпріятій, то су-

ществуетъ одно только средство утѣшить ее въ отсутствіи военной славы—это благородная дѣятельность внутри страны: борьба съ трибуны, религіозныя пренія, разныя литературныя теченія, умственное пробужденіе. Реставрація не могла существовать безъ Хартіи, ибо, какъ очень мѣтко выразился Гизо, „для дома Бурбоновъ и его приверженцевъ неограниченная власть невозможна; имѣя ихъ, Франція въ то-же время должна быть свободной; она соглашается на ихъ правленіе только подъ условіемъ самой наблюдать за нимъ и принимать въ немъ участіе“. Къ несчастью ни Людовикъ XVIII, ни тѣ, которые его окружали, не поняли характера этого великаго договора. „Хартія представилась имъ, какъ настоящая королевская уступка, вмѣсто того, чтобы являться тѣмъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности: мирнымъ договоромъ послѣ продолжительной войны, рядомъ новыхъ статей, прибавленныхъ съ общаго согласія къ старинному договору о союзѣ между народомъ и королемъ“.

Заблужденіе было особенно сильно въ томъ кругѣ, который окружалъ тронъ; ему было чуждо всякое истинное представленіе объ особенностяхъ конституціоннаго королевства. Отличительной чертой современныхъ государствъ, вышедшихъ изъ феодалистическаго строя, является существованіе аристократіи, этого остатка нѣкогда владѣтельныхъ домовъ, роль которой состоитъ въ томъ, чтобы ограничивать королевскую власть и препятствовать слишкомъ сильному развитію идеи государства. Французская знать всегда пренебрегала своимъ призваніемъ. Блестящая и легкомысленная, она, начиная съ XIV столѣтія, видитъ свою славу въ томъ, чтобы съ блескомъ являться ко двору; „служить королю“ было для нея всегда высшей обязанностью. Эта огромная ошибка измѣнила ходъ нашей исторіи и была причиной нашихъ несчастій! Если дѣло только въ томъ, чтобы „прислуживать“, то для этого нѣтъ надобности въ знати. Людовикъ XI пользовался для этой цѣли лакеями, восточные деспоты—рабами: это совершенно послѣдовательно. Аристократія—это условіе свободы, такъ какъ она даетъ королямъ добровольныхъ слугъ; а такъ какъ независимость характера, самая прочная изъ всѣхъ, встрѣчается рѣдко, то хорошо, если существуетъ независимость положенія, для того, чтобы людямъ, достигающимъ выдающихся постовъ, не приходилось проходить того труднаго пути, на которомъ всякій теряетъ часть своей гордости, если не чести. Но если прирожденные слуги короля сами по себѣ становятся самымъ преданнымъ орудіемъ абсолютической власти, то понятно, что къ неизбежному униженію характера отъ деспотизма присоединяется со всей силой гнусность привилегированныхъ лицъ. Востокъ управляется слугами, но, по крайней мѣрѣ, эти слуги не составляли тамъ особой касты. Слишкомъ сильное вліяніе двора въ древней Франціи повлекло за собою совершенное извращеніе понятій. Версаль былъ для знати могилой всякой добродѣтели. Такимъ образомъ можно не безъ основанія сказать, что аристократія была настоящей виновницей въ нашей исторіи; она совершенно не способствовала созданію свободы; своей неспособностью къ дѣламъ и своимъ надменнымъ отношеніемъ къ среднему сосло-

вію она сдѣлала невозможными или безрезультатными генеральныя штаты, изъ которыхъ, по аналогіи съ другими примѣрами въ современной исторіи, долженъ былъ произойти конституціонный режимъ нашей страны. Она предоставила роль оппозиціи парламентамъ, характеръ которыхъ нисколько не былъ политическимъ, а участіе въ государственныхъ дѣлахъ было въ общемъ неумѣлымъ, мало просвѣщеннымъ, и лишеннымъ всякой законной силы.

За нѣсколькими хорошими исключеніями, аристократія временъ Реставраціи была не выше аристократіи стариннаго режима. Кромѣ того, что она нисколько не содѣйствовала развитію парламентской жизни, въ которой она играла бы самую достойную роль,—по странной превратности мы видимъ, какъ она, болѣе роялистическая, чѣмъ самъ король, отвергаетъ или всѣми своими силами ослабляетъ либеральныя результаты Хартіи. Ея незнаніе всеобщей исторіи и заблужденіе насчетъ настоящихъ своихъ обязанностей доходитъ до того, что какъ думало большинство ея членовъ, истинное назначеніе знати—поддерживать неограниченную власть. Они предпочитали рабство, поборниками котораго они были, той свободѣ, которую имъ пришлось бы дѣлить съ другими сословіями націи. Право унижать буржуазію было единственнымъ, къ которому она, повидимому, стремилась. Ихъ союзъ съ духовенствомъ, сравнительно законный въ ту эпоху, когда высшее духовенство Франціи, благодаря тогдашнему способу распредѣленія духовныхъ должностей, составляло нѣкоторымъ образомъ часть аристократіи, сталъ бессмысленнымъ съ того времени, какъ духовенство потеряло свое политическое значеніе и начало пополнять свои ряды лицами простыхъ сословій. Печальное преданіе о XVІІ и XVІІІ вѣкахъ, о Людовикѣ XIV съ его мнимымъ великолѣпіемъ, запало всѣмъ въ голову. Стали требовать принадлежности къ той-же религіи, что и король, но совершенно забывали, что если король свободенъ имѣть какое ему угодно мнѣніе относительно религіи и литературы, то вліяніе его въ подобнаго рода предметахъ должно ограничиваться тѣмъ-же, чѣмъ и вліяніе всякаго частнаго человѣка въ королевствѣ, и не должно выходить за предѣлы совершенно частной пропаганды.

Конечно, не одна знать была виновна въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ, которая такъ сильно мѣшала установленію новаго порядка. Нація слѣдовала своимъ влеченіямъ, которыя состояли въ томъ, чтобы предпочитать хорошую администрацію и общественное равенство свободѣ. Соціальныя вопросы, всегда пагубныя для вопросовъ политическихъ, получили преувеличенное значеніе. Истинно либеральный человѣкъ мало беспокоится о томъ, что надъ нимъ существуетъ аристократія,—пусть даже и надменная,—лишь бы она ему не мѣшала беспрепятственно работать надъ тѣмъ, что онъ считаетъ своимъ правомъ. Въ его глазахъ существуетъ одно только прочное равенство—равенство передъ обязанностью, такъ какъ и геній, и благородный человѣкъ, и крестьянинъ, возвышаются однимъ только путемъ—путемъ добродѣтели. Либералы временъ Реставраціи не могли понять такого самоотверженія. Отсюда являются ихъ союзы съ приверженцами

павшихъ правительствъ, среди которыхъ неопытная молодежь, какъ я себѣ представляю, мало могла найти людей съ умомъ и заслугами. Въ особенности Беранже создалъ весьма ложную теорію, въ которой буржуазный духъ, грубый матеріализмъ, наклонность къ деспотизму, лишь-бы послѣдній принималъ народную окраску, соединялись вмѣстѣ. Печальнѣе всего въ этомъ дѣлѣ было то, что вмѣсто того, чтобы бороться противъ королевской власти помощью легальныхъ средствъ, недовольные пытались при помощи заговоровъ ниспровергнуть существующій строй. Эти нападки на основы правительства заставили послѣднее въ свою очередь совершить грубую ошибку. Вмѣсто того, чтобы принять репрессивныя мѣры противъ мятежныхъ дѣйствій, что нисколько не является незаконнымъ, оно издало законы, губительные для свободы, каковыя всегда бываютъ гибельными и несправедливыми, такъ какъ они мало затрагиваютъ истинныхъ виновниковъ, а вмѣсто того, чтобы предупредить проступки немногихъ, они оскорбляютъ права всѣхъ.

Эта неудовлетворенность націи, надо сознаться, была причиною многихъ ошибокъ, отвѣтственность за которыя была возложена на правительство Реставраціи. Недостаточная способность нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ она поставила во главѣ дѣла, явилась зломъ только благодаря административному духу Франціи и тому, что у насъ привыкли требовать отъ правительствъ больше, чѣмъ они въ состояніи дать. Я съ своей стороны не видѣлъ бы никакого неудобства въ томъ, что выдающіеся государственные посты были бы замѣщены хорошо воспитанными и довольно поверхностными дворянами, подъ условіемъ только, чтобы они строго исполняли свои обязанности. Дворянинъ, если онъ просто руководствуется общимъ инстинктомъ воспитаннаго человѣка, будетъ меньше посягать на свободу, чѣмъ профессиональный администраторъ или выскочка; но, очевидно, что если онъ доходитъ до мелкихъ придирокъ или желаетъ навязать всѣмъ свои предразсудки, онъ становится гораздо ниже администратора, который, рядомъ съ мелкими сторонами своего характера, обладаетъ, по крайней мѣрѣ опытностью и серьезностью. Ни правительство, ни общественное мнѣніе не приняло во вниманіе этихъ соображеній. Либералы исходили изъ той весьма распространенной между нами идеи, что общественныя мѣста должны даваться по заслугамъ и что даровитый человѣкъ имѣетъ какъ бы естественное право быть чиновникомъ въ своей странѣ, тогда какъ въ дѣйствительности человѣкъ съ дарованіями имѣетъ одно только право (притомъ общее со всѣми людьми), а именно: право развиваться свободно, т. е. не имѣть въ лицѣ правительства завистливаго соперника, который бы его давилъ или устраивалъ ему незаконную конкуренцію. Съ другой стороны правительство имѣло безумное желаніе создавать умы по своему образцу. Почему безобидный Карлъ X, который триста или четыреста лѣтъ тому назадъ былъ бы такъ называемымъ „добрымъ королемъ“, сталъ столь непопулярнымъ? почему его мелкіе недостатки, его узкая набожность, легкомысліе, почти ребяческая склонность къ этикету, стремленіе окружать себя легкомысленными людьми, почему все это стало

причиной общественных несчастій? Увы! потому, что съ него требовали выполненія задачи, превышающей силы даже человѣка гениальнаго—задачи управлять тридцатью милліонами гражданъ съ величайшей для нихъ пользой. Полиньякъ, конечно, былъ послѣднимъ изъ людей, котормъ приходилось думать о рѣшеніи подобной задачи. Если задача правительства заключается въ томъ, чтобы вездѣ широко управлять умами націи, то надо быть послѣдовательнымъ и соблюдать китайскую систему до конца; нужно, повторяю, устроить такъ, чтобы префектомъ или министромъ можно было сдѣлаться по конкурсу и при помощи особой системы экзаменовъ. Было бы весьма страннымъ противорѣчіемъ желать, чтобы правительство дворянъ, чуждыхъ по своему состоянію всякихъ специальныхъ знаній, было въ же время правительствомъ администраторовъ и мандариновъ.

Таково, на мой взглядъ, объясненіе этой исключительной эпохи, достойной въ одно и то же время столькихъ похвалъ и такого суроваго порицанія. Она не выполнила своей главной обязанности, не основала свободы. Реставрація забыла, что, не будучи учрежденіемъ національнымъ, она обязана была быть либеральной; но къ счастью, она была слаба. Свойственная ей доля честности запрещала ей примѣненіе той искусной тиранніи, которая предотвращая даже возможность появленія оппозиціи, не имѣетъ надобности прибѣгать къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Она была лояльна по отношенію къ своимъ врагамъ въ томъ смыслѣ, что она съ ними боролась, часто давила ихъ своей тяжестью, но никогда не приостанавливала заранѣе ихъ дѣятельности путемъ обезоруживанія. Больше всего славы правительство пріобрѣтаетъ себѣ тѣмъ, что оно позволяетъ дѣлать. Суровая и временами гнусная въ частныхъ своихъ дѣяніяхъ Реставрація получить прощеніе въ будущемъ, благодаря той плеядѣ знаменитыхъ мужей, которая развилась безъ ея участія и вопреки ей, но развитія которыхъ она не могла остановить по недостатку силы и хитрости. То общее отвращеніе, которое они питали къ ней, забудется, чтобы смѣниться благодарностью за то, что она ихъ не подавила. По странной превратности судьбы, ее будутъ поздравлять съ тѣмъ, что она дала возможность развиваться своимъ врагамъ, и она получитъ пользу отъ того, чему она не была въ состояніи помѣшать.

Въ этомъ кроется также причина исключительнаго положенія легитимистической партіи и того страннаго противорѣчія, въ силу котораго эта партія въ одно и то же время представляетъ собою то, что есть у насъ наилучшаго и самаго прискорбнаго: съ одной стороны—сопротивленіе во имя принципа грубымъ дѣяніямъ, безкорыстная привязанность къ отвлеченной идеѣ, на видъ бесплодной; съ другой стороны—пустота взглядовъ и мыслей, систематическое нежеланіе примѣняться къ новѣйшимъ требованіямъ современнаго духа. Слѣшу оговориться: каждый, кто только держится твердо своего мнѣнія, оказываетъ услугу человѣческому роду, предохраняя міръ отъ того, худшаго чѣмъ варварство, легкомыслія, которое выставляетъ его на произволь всѣхъ обстоятельствъ. Ничто не сравнится съ искреннимъ легитими-

стомъ, который вопреки всякимъ надеждамъ и, повидимому, вопреки всякому здравому смыслу, упорно продолжаетъ преклоняться передъ исконнымъ правомъ; но если это упорство сводится къ настойчивому поддерживанію историческаго заблужденія, если здѣсь имѣетъ мѣсто вѣрность не королю, а деспотизму, притомъ до такой степени, что одной перспективы абсолютической власти достаточно для того, чтобы совершать такія дѣянія, которыя объявлены не имѣющими мѣста у алтаря свободы,—въ такомъ случаѣ легитимистическая партія безспорно является самой великой помѣхой въ судьбахъ нашей страны. Конечно, было бы лучше, если бы народъ въ своей терпѣливости и разсудительности доходилъ бы до того, чтобы переносить изъ за своей преданности законному праву самыя тяжкія испытанія; но такой героизмъ всегда будетъ рѣдкимъ. Въ особенности-же наша страна почти не понимаетъ того, что хорошо подчасъ пожертвовать смысломъ для буквы и что лучше для больного, чтобы онъ выздоравливалъ согласно правиламъ медленно и съ трудомъ, чѣмъ утаивать истинный характеръ его болѣзни посредствомъ пріемовъ обманчиваго эмпиризма.

II.

Сопротивленіе іюльскому перевороту было, съ точки зрѣнія конституціоннаго права, совершенно законно. Приказы затрагивали основной государственный договоръ. Только узкій и мелкій умъ Карла X и его совѣтниковъ могъ видѣть въ четырнадцатой статьѣ предлогъ для подобнаго рода мѣры. Никогда не слѣдуетъ предполагать, что договоръ составленъ такъ, чтобы его можно было сдѣлать призрачнымъ. Такъ, пожалуй, обстояло бы дѣло, еслибы составитель Хартіи включилъ туда статью, на основаніи которой дозволялось бы, совершенно мирнымъ путемъ и безъ всякой инициативы со стороны націи, прекратить дѣйствіе самой Хартіи. Король и его совѣтники такъ хорошо сознавали это, что приготовились къ этому печальному дѣйствию такъ, какъ готовятся къ покушенію. Для выполненія его они сочли нужнымъ призвать оставшихся въ живыхъ людей другого направленія, лицъ предварительно получившихъ амнистію за проступки, вызванные непредусмотрительностью и легкомысліемъ. Въ своемъ безумномъ рѣшеніи они едва скрывали тѣ усилія, которыя они дѣлали, чтобы обмануть самихъ себя и побудить къ смѣлости¹⁾. „То, что называютъ государственнымъ переворотомъ“, писали официальные органы кабинета, „это явленіе общественное и правильное, такъ какъ король дѣйствуетъ въ общихъ интересахъ народа, хотя, повидимому, онъ и поступаетъ противъ законовъ“.

Итакъ, положеніе Карла X было подобно положенію средневѣковаго короля, который нарушаетъ законы своего королевства, грабитъ своихъ великихъ вассаловъ, уничтожаетъ права добрыхъ городовъ, какъ напр. Іоаннъ Безземельный, собственноручно разорвавшій данную имъ великую Хартію. Всѣ средневѣковые казуисты единогласно утверждаютъ, что въ такомъ случаѣ сопро-

¹⁾ Гизо т. I, стр. 351.

тивленіе становится законнымъ, такъ какъ, нарушая договоръ, король перестаетъ быть королемъ и превращается въ тирана.

„Въ такомъ случаѣ“, энергично выражается святой Тома, „мятежникомъ является только тиранъ“¹⁾.

Но, если сопротивленіе было законнымъ, до какого пункта слѣдовало доводить его? Въ сущности положеніе не было такимъ новымъ, какимъ обыкновенно принято его считать. „Неоднократно“, говоритъ Гизо, „націямъ приходилось бороться не только законнымъ путемъ, но и силою, чтобы удержать или возвратить себѣ свои права. Въ Германіи, въ Испаніи, въ Англіи, до царствованія Карла I, во Франціи до XVII столѣтія, государственныя словія и народъ часто оказывали сопротивленіе королю, даже оружіемъ, не полагая однако необходимымъ и не считая себя вправѣ перемѣнить царствующую династію или измѣнить форму правленія. Сопротивленія, даже возстанія, имѣли свои предѣлы, указываемые или состояніемъ общества, или совѣстью или здравымъ умомъ гражданъ; не было того, чтобы при всякомъ случаѣ играть судьбою всего государства.

Теперь же и у насъ изъ каждой важной политической борьбы дѣлаютъ вопросъ жизни и смерти. Народы и партіи въ своемъ слѣпомъ увлеченіи сразу бросаются на послѣднія крайности; сопротивленіе внезапно превращается въ возстаніе, а возстаніе въ революцію. Каждая гроза влечетъ за собою потопъ“.

Другими словами, борьба должна была представлять собою возстаніе; но не революцію. Конечно, трудно на разстояніи намѣтить предѣлы смѣлымъ порывамъ народа, которому сама власть, нарушивъ законъ, дала сигналъ къ анархіи; но произволь революцій является такимъ же роковымъ, какъ и произволь со стороны королей; дѣйствія возмущеннаго народа, подобно дѣйствіямъ правительства, должны подвергнуться строгому обсужденію. Первый моментъ, когда, казалось, борьба должна была пріостановиться, былъ тотъ, въ который Де-Суси, 30 іюля, явившись изъ Сень-Клу въ Палату, сообщилъ объ отмѣнѣ указовъ и составленіи новаго кабинета. Нѣсколько разъ такимъ образомъ англичане давали возможность исправиться своимъ провинившимся королямъ, и хорошо себя при этомъ чувствовали. Очень важно было бы имѣть точныя свѣдѣнія о томъ, что произошло въ этотъ рѣшительный моментъ. Къ несчастію, протоколы собранія крайне не полны и не носятъ оффиціальнаго характера. Изъ нихъ можно заключить, что недоувѣріе Палаты къ этимъ уступкамъ основывалось на весьма серьезныхъ мотивахъ. Воспоминаніе Гизо²⁾, подтверждаемая различными свидѣтельствами, доказываютъ также, что король, отмѣняя свое неблагоразумное распоряженіе, не дѣйствовалъ совершенно прямо. Трудно, значитъ, порицать Палату за принятыя ею при данныхъ обстоятельствахъ предосторожности. Король, отступающій въ переворотѣ, имъ самимъ подготовленномъ, долженъ понести и королевскую кару, а именно,

¹⁾ *Perturbatio hujus regiminis (tyrannici) non habet rationem seditiosis... Magis autem tyrannus seditiosus est.* (Summa, IIa IIae, q. LXII, art. 2).

²⁾ Томъ II, стр. 8—9.

отречься отъ престола. Нарушая основной государственный договоръ, король предоставилъ рѣшеніе вопроса силѣ: онъ выслалъ на улицу свои войска; это былъ поединокъ, въ которомъ побѣдитель остался въ правѣ доводить результаты своей побѣды до той степени, какая казалась ему необходимой для его безопасности.

Но послѣ отреченія Карла X и открытаго назначенія наслѣдника, отвергнуть котораго не было никакого достаточнаго основанія, было ли законно и удобно продолжать разрывъ со старшей линіей королевскаго дома? Я этого не думаю. Продолжительное регентство, начинающееся торжествомъ либеральныхъ идей, представляло для созданія парламентскаго режима одинъ изъ тѣхъ удобныхъ случаевъ, которые очень рѣдко попадаются въ исторіи народовъ. Англичане, отправляя въ ссылку на островъ Уайтъ своего клятвопреступнаго короля Іоанна Безземельнаго, благоразумно позаботились избрать наслѣдникомъ его младшаго сына Генриха III. За исключеніемъ небольшого количества благоразумныхъ людей, совѣсть которыхъ, какъ мнѣ кажется, должна быть удивительно спокойна, ¹⁾ всѣ впали въ очень обычную для нашей страны ошибку, а именно предались слишкомъ усердному обсужденію личныхъ качествъ главы государства. Введенное въ заблужденіе обманчивой аналогіей, заставляющей многихъ людей повторять, что Франція была велика только подъ управленіемъ великихъ государей, общественное мнѣніе у насъ охотно дѣлаетъ заключеніе, что каковъ король, таковъ и народъ. Несовершеннолѣтіе короля, регентство,—моменты, столь удобные для развитія конституціоннаго режима,—во Франціи являются только пагубными. Мы хотимъ короля, который управлялъ бы нами. Изъ того, что данная фамилія кажется намъ болѣе достойной царствованія, мы дѣлаемъ заключеніе, что именно она и является законной, какъ будто-бы власть является вознагражденіемъ или преміей, даваемой по конкурсу. Мы не думаемъ о томъ, что раса, уже созрѣвшая благодаря своему продолжительному существованію, воспитанная въ мысли о своемъ искони высокомъ положеніи, предохраненная, благодаря чувству своего величія, отъ тѣхъ безпокойствъ, которыхъ съ трудомъ могутъ избѣгнуть новыя династіи—такая раса скорѣе подходитъ для того, чтобы секвестровать власть, чѣмъ раса молодая, дѣятельная, принужденная завоевывать себѣ положеніе въ свѣтѣ. Мы забываемъ, что королевская власть—это сокровищница, которая должна быть передаваема такъ же, какъ и всякая наслѣдственная вещь: по рожденію; мы забываемъ, что здѣсь все сводится просто къ извѣстному общественному положенію, а не къ заслугѣ, и что примѣшивать, когда дѣло касается престолонаслѣдія, вопросы о популярности и о способностяхъ значитъ приписывать личности короля значеніе, которое она должна имѣть развѣ только въ абсолютическихъ монархіяхъ.

¹⁾ Протоколъ засѣданія 30-го іюля упоминаетъ объ одномъ только протестѣ въ этомъ смыслѣ. „Виллемень заявляетъ, что, справляясь съ своей совѣстью, онъ не находитъ тамъ убѣжденія, что право перемѣнить династію было ему предоставлено его довѣрителями“.

Я отнюдь не желаю быть единомышленникомъ этой печальной легитимистической партіи, на долю которой выпало печальное преимущество—внушить ненависть къ закону и которой можно подавать руку, только предварительно заявивши, что принимаешь ее не за то, чѣмъ она сама себя считаетъ. Я признаю оговорки, необходимыя для теоретика, когда рѣчь идетъ объ эпохѣ, въ которую, по винѣ управляющихъ и управляемыхъ, революція, казалось, уничтожила самыя обдуманныя рѣшенія. Здѣсь идетъ дѣло только о сожалѣніяхъ, и, конечно, такого рода чувство вполне позволительно въ виду того рокового раздора, который превратилъ право въ утопію и заставилъ даже умныхъ людей прибѣгать къ уловкамъ. Отвѣтственность за эту несчастную перемѣну главнымъ образомъ должна быть приписана той власти, которая ее вызвала. Съ другой стороны, либеральная оппозиція совершенно игнорировала нѣкоторыя условія современной королевской власти. Она заключала въ себѣ самыя различные элементы, старыхъ военныхъ, не способныхъ понять политическія идеи, представителей тайныхъ партій, всякій сбродъ. Народъ, къ мужественному вмѣшательству котораго нужно было прибѣгнуть, совершенно не былъ способенъ къ той степени самоотверженія, которая заставляетъ философа ставить выше абстрактное право, даже когда оно ведетъ къ самымъ тяжелымъ послѣдствіямъ, чѣмъ революцію, которая осуществляетъ свои желанія немедленно. Общественное мнѣніе было въ общемъ слишкомъ поверхностнымъ для того, чтобы принести въ жертву отвлеченнымъ истинамъ очевидныя удобства даннаго момента и оказать сопротивленіе законнымъ на видъ стараніямъ дѣлать то, что считалось наилучшимъ. Сколько уроковъ нужно странѣ, чтобы она дошла до пониманія того, что только общіе принципы долговѣчны и что безъ нихъ самыя остромныя комбинаціи являются случайными и рискованными!

Съ самаго начала можно было предвидѣть тѣ серьезныя послѣдствія, которымъ нарушеніе законовъ о наследственности, совершенное іюльской революціей, подвергло династію, явившуюся слѣдствіемъ этой революціи. Король Людовикъ-Филиппъ, несмотря на свои рѣдкія качества, свой удивительный здравый смыслъ, свою высокую и философскую гуманность, долженъ былъ постоянно бороться съ тѣмъ затруднительнымъ положеніемъ, которое создалъ ему вопросъ объ источникѣ его власти. Колебаясь между ролью короля избраннаго и короля законнаго, онъ былъ вынужденъ къ нерѣшительнымъ поступкамъ, отъ которыхъ страдало его достоинство. Не скажу, чтобы онъ не исполнилъ своихъ обязательствъ: онъ не давалъ ихъ; но можно сказать, что само положеніе создало ихъ для него. Достоверно то, что въ началѣ онъ склонялся къ мысли о себѣ, какъ о королѣ народномъ. Потомъ, однако, онъ понялъ коренное противорѣчіе, заключающееся въ понятіи о выборѣ королѣ, и обратился къ другой теоріи. Тамъ, однако, онъ нашелъ истинное противорѣчіе тому принципу, на основаніи котораго его сдѣлали королемъ. Основать династію—это значитъ отдѣлить одну фамилію съ цѣлью противопоставить ее націи, какъ силу независимую, но ограниченную. Королевская

власть не исходитъ изъ городской ратуши. Тѣ, которыхъ раньше называли „товарищами“ и „дорогими соотечественниками“, никогда не дѣлаются подданными. Короля получаютъ извнѣ, его не создаютъ. Просвѣщенный и способный принцъ, которому скорѣе превратности революцій, чѣмъ его собственный выборъ, задали такую трудную задачу, никогда не могъ выйти изъ этой роковой дилеммы. Слабохарактерный, когда онъ былъ вѣренъ взгляду на источникъ своей власти; оскорбляющій, когда онъ не былъ ему вѣренъ,—онъ позволялъ отнимать у себя, какъ уступки, то, что общественное мнѣніе, давшее ему власть, объявило его же правомъ. Да и пользы отъ этого онъ не имѣлъ, такъ какъ чувствовалось слишкомъ хорошо, что онъ, какъ король законный, считалъ для себя обидой тѣ уступки, съ которыми онъ мирился, какъ король избранный.

Собственно говоря, духовный складъ французскаго народа былъ болѣе всего виновенъ въ этой неблагоприятной попыткѣ, которая, подъ видомъ того, чтобы сдѣлать королевское достоинство популярнымъ, отнимала у него въ дѣйствительности его либеральный характеръ. Одинъ изъ недостатковъ Франціи—это желаніе, чтобы государи ея были съ ней въ интимныхъ отношеніяхъ. Она любитъ тѣсно соприкасаться съ тѣми, кто стоитъ во главѣ ея, она хочетъ видѣть въ нихъ людей и не оскорбляется тѣмъ родомъ фамильярности высшаго по отношенію къ низшему, который такъ похожъ на грубость. Король, рассматриваемый, какъ существо отвлеченное, какъ челоуѣкъ, которому надлежитъ отказаться отъ своихъ личныхъ свойствъ для общественнаго блага, представляетъ собой явленіе, менѣе всего понимаемое у насъ. Нетрудно видѣть, насколько подобнаго рода взгляды мало благопріятствуютъ конституціонному режиму. Я не знаю ни одного англійскаго короля, котораго оцѣнили бы во Франціи при такой манерѣ судить. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе конституціоннаго короля мало способствуетъ развитію великихъ талантовъ или пріобрѣтенію блестящей славы. Одна изъ выгодныхъ сторонъ такого рода королевской власти та, что она внушаетъ мало зависти. Государь здѣсь является лицомъ, принесеннымъ въ жертву; онъ не дѣйствуетъ, не предписываетъ, не имѣетъ опредѣленнаго „*cursus honorum*“, не имѣетъ карьеры. Онъ долженъ обладать качествами, которыя живые люди цѣнятъ выше всего, но которыхъ не можетъ цѣнить толпа. При такомъ положеніи вещей великій честолюбецъ предпочелъ бы скорѣе быть министромъ, чѣмъ королемъ. Республиканскій король,—нѣчто въ родѣ начальника вооруженнаго народа, о чемъ мечталъ Лафайетъ,—не имѣетъ ничего общаго съ благороднымъ и мирнымъ образомъ древняго короля, который, если бы рѣшился показаться на баррикадахъ, показался бы видѣніемъ времянъ феодализма.

Изъ всѣхъ людей, пытавшихся теоретически обосновать положеніе, слабая сторона котораго именно заключалась въ томъ, что оно стояло внѣ всякихъ теорій,—Гизо, безъ сомнѣнія, обнаружилъ наиболѣе геніальную предусмотрительность. Его система мало по-малу сдѣлалась системой самого короля. „Король тотчасъ отгадалъ“, говоритъ Гизо, „что мое пониманіе и объясненіе

революціи, посадившей его на тронъ, болѣе всего проникнуты духомъ монархіи и наиболѣе способны укрѣпить правительство. Онъ не одобрилъ моихъ взглядовъ открыто и вполнѣ: чтобы поступить такъ, ему нужно было считаться съ мнѣніемъ слишкомъ многихъ людей; но онъ засвидѣтельствовалъ мнѣ свое уваженіе и далъ мнѣ ясно понять, что мы понимаемъ другъ друга“. Согласно этой теоріи, король Людовикъ-Филиппъ былъ неправъ, отправившись въ городскую ратушу для освященія своей власти народомъ; никто не сдѣлалъ его королемъ и онъ ни кому не долженъ былъ быть за это благодарнымъ; онъ наслѣдовалъ непосредственно титулъ отъ Реставраціи, и долженъ былъ продолжать ея завѣты. „Принужденные силой“, говоритъ Гизо, „насилъно порвать со старшей линіей нашего королевскаго дома, мы обратились къ младшей линіи, чтобы удержать монархію, защищая нашу свободу, Мы совсѣмъ не выбрали короля; мы договорились съ принцемъ котораго мы нашли у трона и который одинъ только могъ, занявши его, обезпечить намъ наши общественныя права и предохранить насъ отъ революціи. Обращеніе къ народному голосованію придало вновь образованной монархіи какъ разъ тотъ характеръ, который мы имѣли въ виду устранить; оно поставило выборное начало на мѣсто необходимости и договора... Мнѣ всегда трудно было не смѣяться, когда я слышалъ, какъ о королѣ Людовикъ-Филиппѣ говорятъ: „король по нашему выбору“, какъ будто въ 1830 году мы должны были производить выборы, и какъ будто герцогъ Орлеанскій не былъ единственнымъ и необходимымъ человекомъ... Въ герцогѣ Орлеанскомъ я указалъ на то, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, а именно принцемъ королевской крови, который по счастью оказался вблизи поверженнаго трона и котораго необходимость сдѣлала королемъ“.

Гизо вполнѣ основательно отвергаетъ выборную систему и обращеніе къ народному голосованію, какъ средства создать королевскую власть: то, что является результатомъ народнаго голосованія, носить совершенно другое имя. Избранный глава народа или представитель его суверенитета всегда будетъ слишкомъ могущественнымъ, чтобы согласиться на скромную роль конституціоннаго короля. Лафайетъ такъ же жестоко ошибался, какъ и сенатъ въ 1814 году, напитанный идеями императорской школы, когда объявлялъ Людовика XVIII вновь призваннымъ „народной волей“. Одно только обстоятельство назначаетъ короля — это его происхожденіе; заслуги и воля народа являются для этого слабыми основаніями. Одно только облакаетъ его властью—это восшествіе его на престолъ въ связи съ признаніемъ конституціонныхъ правъ націи. Но неужели кто нибудь не видитъ, что для того, чтобы оставаться послѣдовательнымъ при такомъ способѣ пониманія королевской власти, не слѣдовало позволять себѣ поступиться закономъ о наслѣдственности королевскихъ правъ? Легитимистическая партія, которой, по моему мнѣнію, Гизо приписываетъ вообще слишкомъ мало историческаго значенія, осталась олицетвореніемъ рокового протеста, который оказывалъ постоянно рѣшительное противодѣйствіе его дѣятельности. Обращеніе къ народу перемѣнило роли и стало оружіемъ въ ру-

кахъ тѣхъ, которые думали, что ихъ желаніе не было правильно понято.

Чтобы оправдать смѣлый актъ, посредствомъ котораго права старшей линіи Бурбонскаго дома были перенесены на младшую линію, Гизо указываетъ на необходимость. Необходимость эта дѣйствительна, и ея вполне достаточно, чтобы оправдать подчинившихся ей; но принципъ этотъ заключаетъ въ себѣ серьезные возраженія. Корень всѣхъ династическихъ смуть—необходимость. Выгодная сторона наслѣдственной королевской власти именно и состоитъ въ томъ, чтобы устранять тѣ опасныя случайности, при которыхъ можетъ оказаться, что единственный только человѣкъ способенъ спасти страну. Если только, снисходя къ торжествующей революціи и во вниманіе къ общественному мнѣнію, сочли необходимымъ для себя нарушать основные законы государства, то неужели не видятъ, какой принципъ непрочности вводится этимъ въ новый режимъ?.. Пусть не говорятъ, что это только спекулятивныя теоріи, умѣстныя для политиковъ-казуистовъ, теоріи, которыми человѣкъ дѣла, принимающій во вниманіе только потребности даннаго момента, долженъ пренебрегать. Абстрактныя принципы, повидимому, не имѣющіе примѣненія въ мірѣ, въ сущности представляютъ собою великія жизненныя истины, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ внутренній смыслъ и основаніе дѣйствій. Конечно, время можетъ исцѣлить всякія раны: право сначала было дѣломъ, и въ странѣ, гдѣ событія менѣе, чѣмъ у насъ, были бы подчинены строгой послѣдовательности, нѣтъ сомнѣнія, наиболѣе желательный образъ правленія былъ бы освященъ прочностью, этимъ несомнѣннымъ признакомъ народнаго сочувствія. Къ сожалѣнію, эта прочность крайне непостоянна. Образцовая умѣренность, удивительная тактичность, благородное самоотверженіе не могли спасти безупречнаго, съ точки зрѣнія закона, правительства, боровшагося со зломъ, въ которомъ оно было неповинно. Даже его честность была только одной изъ причинъ его слабости тѣмъ болѣе, что въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось, спастись можно было только смѣлостью. Самая большая ошибка осторожныхъ людей—это ставить себя въ такое положеніе, когда для того, чтобы имѣть успѣхъ, нужно обладать недостатками, которыхъ у нихъ нѣтъ. Если бы Людовикъ Филиппъ былъ тираномъ, онъ, можетъ быть, выдержалъ бы. Но при своей честности, онъ считалъ себя обязаннымъ отступать передъ всякимъ, даже самымъ сомнительнымъ проявленіемъ воли націи. Несчастное положеніе народовъ, которые сомнѣваются въ своихъ династіяхъ, или, вѣрнѣе, преступныя династіи, которыя принуждаютъ народъ сомнѣваться въ нихъ! Восшествіе на престолъ принца, который во многихъ отношеніяхъ можетъ быть сравниваемъ только съ Карломъ V, ввело въ конституціонный режимъ крайне опасныя вопросы, нарушило договоръ о единствѣ націи, приучило французовъ отвѣчать поверхностной улыбкой, когда имъ говорятъ объ основныхъ вопросахъ, и укоренило то мнѣніе, что хартіи, договоры, конституціи, однимъ словомъ, всякаго рода клятвы по стольку лишь заслуживаютъ уваженія, поскольку не хватаетъ достойной силы, чтобы ихъ нарушить.

III.

Какимъ же образомъ правительство короля Людовика-Филиппа съ этой раной въ сердцѣ справлялось съ многочисленными затрудненіями, представившимися ему съ первыхъ же дней его существованія? Это важно теперь выяснить. Скажемъ вполнѣ откровенно, дабы не поступать несправедливо по отношенію къ отмѣнной фамиліи и выдающимся людямъ, что это правительство дало Франціи восемнадцать лѣтъ самыхъ лучшихъ, какія только наша страна и, можетъ быть, все человѣчество когда либо переживали. Этого достаточно, чтобы защитить его отъ тѣхъ, которые находятъ нужнымъ считать его слабымъ и низкимъ; но этого мало для философа, который, рассматривая важность событій съ широкой точки зрѣнія, привыкъ судить объ историческихъ фактахъ, только сообразуясь съ ихъ рѣшительнымъ вліяніемъ на прогрессъ человѣческой нравственности и цивилизаціи.

Вѣрный своей теоріи происхожденія правъ короля Людовика-Филиппа, Гизо въ одной фразѣ резюмируетъ свое пониманіе обязанностей правительства, явившагося слѣдствіемъ іюльской революціи. Двѣ партіи оспаривали другъ у друга правленіе страной: партія движенія (которую Гизо въ другомъ мѣстѣ называетъ партіей „Laisser aller“) и партія сопротивленія; послѣдняя должна была быть партіей короля и его министровъ; осуществляя на практикѣ свою теорію, Гизо только слѣдовалъ тому направленію, которое онъ всегда предпочиталъ. 23-го ноября 1829 года Лафайетъ писалъ Дюпону (де-л'Эврѣ): „Гизо, я полагаю, въ большей степени монархистъ и въ меньшей степени демократъ, чѣмъ мы съ вами, но онъ любитъ свободу. Онъ много знаетъ, талантливо говорить; у него есть благородство, энергія и честность. При болѣе научномъ управленіи, онъ сталъ бы на нашу сторону; до сихъ поръ всѣ министерскіе проекты будутъ находить въ немъ искуснаго критика въ либеральномъ духѣ ¹⁾“. Послѣ іюльской революціи Гизо былъ тѣмъ же, чѣмъ онъ заявлялъ себя раньше, и такъ какъ общественное мнѣніе повиновалось тогда стараніямъ лицъ, дѣйствовавшихъ противъ закона, то онъ полагалъ, что въ общемъ государственный человѣкъ обязанъ оказывать сопротивленіе этому мнѣнію.

Я не хочу нисколько подвергать подробной критикѣ образъ дѣйствія, который находился во власти роковыхъ случайностей. Все-таки я признаю, что та формула, которою искусный теоретикъ іюльской революціи объясняетъ политику новой династіи, мнѣ кажется, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую сбивчивость понятій. Стремленіе слишкомъ много управлять и стремленіе къ перевороту не представляютъ явленій противоположныхъ другъ другу; они часто идутъ рука объ руку. Только свобода является противоположностью обоимъ этимъ стремленіямъ. Конечно, проповѣдывать „Laisser aller“ всегда нехорошо. То, что является безчинствомъ, насиліемъ, посягательствомъ на право другихъ, должно быть подавлено безъ всякаго сожалѣнія. Проступки противъ личности и собственности всегда въ одинаковой мѣрѣ недозволены.

¹⁾ Mémoires du général la Fayette, t. VI, p. 341.

О той крови, которая пролита съ цѣлью помѣшать беззаконности, хотя бы самой безобидной, жалѣть не приходится. Но отсюда далеко до того общаго принципа борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ, который Гизо временами выставляетъ, какъ сущность своей политики. Правительство не должно ни бороться систематически съ общественнымъ мнѣніемъ, ни слѣпо слѣдовать ему; оно должно покровительствовать правамъ и свободамъ всѣхъ. Я не нахожу удачными названія партіи движенія или партіи сопротивленія; оба эти понятія должны быть устранены. Говорите намъ о правахъ и свободахъ, и никакого двусмыслія не будетъ, такъ какъ передъ этими выраженіями представленія о сопротивленіи и переворотѣ исчезаютъ или, по крайней мѣрѣ, теряютъ свой неприятный и ужасный смыслъ.

Правда, бывають случаи, когда правительство имѣетъ право и даже обязано сопротивляться общественному мнѣнію, даже въ томъ случаѣ если оно не сомнѣвается, что оно принадлежитъ большинству. Это именно то мнѣніе, которое въ продолженіе полутора вѣковъ толкало правительство на путь то вѣроломной, то жестокой нетерпимости по отношенію къ реформированной религіи. Правительство, отмѣнившее Нантскій эдиктъ и издавшее приказъ о драгоннадахъ, было въ этомъ отношеніи не менѣе виновно. Исканіе популярности монархомъ или государственнымъ челоувѣкомъ указываетъ на посредственность. Отмѣнный государь, исполняющій свои обязанности со скромностью, холодностью и осторожностью, не посягающій на свободу личности, не преслѣдующій собственныхъ своихъ цѣлей, не старающійся заслужить любовь, развѣ только въ своемъ тѣсномъ кругу, не пользующійся своимъ положеніемъ для того, чтобы создать людей, лично ему обязанныхъ,—такой государь, повторяю я, будетъ пользоваться только умѣренной популярностью. Но изъ этого не слѣдуетъ, что для того, чтобы избѣжать давленія общественнаго мнѣнія, государственный челоувѣкъ долженъ считать себя обязаннымъ ни въ чемъ ему не уступать. Я знаю, какое мрачное удовольствіе доставляетъ сильнымъ натурамъ оказывать гордое пренебреженіе безсильной посредственности или вызывать ярость глупцовъ. Для нѣкоторыхъ людей удовольствіе быть любимымъ не можетъ сравниться съ удовольствіемъ быть ненавидимымъ. Такъ какъ нерасположеніе со стороны поверхностныхъ людей является отличительнымъ признакомъ людей съ выдающимся умомъ, то гордая природы склонны видѣть въ непопулярности обратное доказательство своей нравственной силы. Гизо слишкомъ много вкусилъ этого удовольствія, противъ котораго не всегда предостерегаетъ самая высокая философія. Онъ слишкомъ позволялъ себѣ предаваться той опасной радости, которую испытываютъ, давая другимъ чувствовать свое презрѣніе. Общественное мнѣніе властвуетъ на свой манеръ, хотя и не абсолютно; не надо ему поддаваться, если только не считаешь это необходимымъ, но при этомъ надо принимать его во вниманіе и въ немъ самомъ находить точку опоры для нападенія на него.

Въ общемъ, правительство—не орудіе сопротивленія и не орудіе прогресса. Это—нейтральная сила, которая, подобно поде-

стамъ итальянскихъ городовъ, обязана поддерживать свободу борьбы, но не содѣйствовать перевѣсу одной изъ партій. Когда общественное мнѣніе заставляетъ правительство дѣйствовать въ желательномъ направленіи, то оно совершаетъ несправедливость, такъ какъ принуждаетъ власть, долженствующую играть роль посредника и примирителя, благопріятствовать одному направленію въ ущербъ всѣмъ другимъ; оно подавляетъ своего противника, призывая на помощь противъ него страшнаго союзника, который вскорѣ станетъ властвовать и надъ нимъ самимъ. Франція не обладающая достаточной вѣрой въ свободу и очень охотно допускающая, что идеи внушаются инымъ путемъ, а не естественнымъ развитіемъ умовъ, часто совершаетъ эту ошибку. Воображая себѣ, что прогрессъ является результатомъ дѣйствія извнѣ и что благо можетъ быть установлено путемъ предписаній, она считаетъ себя удовлетворенной, посѣявъ сады Адониса; она думаетъ, что могутъ зацвѣсти эти растенія безъ корней; она не видитъ того, что единственный желательный прогрессъ состоитъ въ усовершенствованіи духа, облагораживаніи характера, повышеніи умственнаго уровня.

Насколько сами условія іюльскаго правительства дѣлали для него трудной эту почти забытую задачу, безъ которой не можетъ быть ни твердой королевской власти, ни истинной свободы! И прежде всего новый режимъ былъ, да и не могъ быть, ничѣмъ инымъ, какъ правленіемъ одного класса. Въ обществѣ, гдѣ всѣ преимущества, всѣ особыя права, всѣ сословія были отмѣнены, не остается иного признака для установленія класса нотаблей, какъ богатство съ его мѣриломъ—податнымъ налогомъ. Такая система, очевидно, должна была привести къ тому, что Гизо съ достаточнымъ основаніемъ называетъ „буржуазнымъ торизмомъ“. Вмѣсто того, чтобы быть представителемъ правъ, правительство могло быть только представителемъ интересовъ. Матеріализмъ въ сферѣ политики ведетъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, что и въ сферѣ нравственности: онъ не можетъ внушать чувства самоотверженія, а, слѣдовательно, и чувства вѣрности. Буржуазный торизмъ, такъ, какъ его понимаетъ Гизо, слишкомъ находится подъ вліяніемъ своихъ интересовъ, чтобы стать истиннымъ политикомъ. Скажутъ, пожалуй, что правильное пониманіе собственныхъ интересовъ, заставляя его чувствовать необходимость въ прочности общественнаго порядка, замѣнитъ собою принципы, и будетъ сильно привязывать его къ своей партіи; ничуть не бывало. Сознаніе интересовъ, далеко не внушая твердости убѣжденій, будетъ всегда заставлять его склоняться къ мнѣнію болѣе сильной стороны. Отсюда этотъ роковой типъ, явившійся слѣдствіемъ нашихъ государственныхъ переворотовъ, „человѣкъ порядка“, какъ его называютъ, готовый подвергнуться всему, даже тому, что онъ проклинаетъ, этотъ вѣчный Фуше, со своей вѣроломной честностью, сознательно лгушій и всегда находящійся въ числѣ побѣдителей, пезависимо отъ того, кто побѣдилъ. Иногда не рѣшаются быть по отношенію къ нему слишкомъ строгимъ; можно утверждать, что имъ обыкновенно руководило довольно законное чувство потребности времени: онъ, дескать, измѣнилъ всѣмъ правитель-

ствамъ, но не измѣнилъ Франціи. Но это обманчиво; онъ ей измѣнилъ тѣмъ, что освящаль царство эгоизма, трусости и ту пагубную увѣренность, что добрый гражданинъ покоряется всему для того, чтобы спасти единственно необходимую, по его мнѣнію, вещь—интересы своего класса и существующій общественный строй.

Евангеліе вполне основательно говоритъ: „Кто хочетъ спасти свою жизнь, губить ее“. Чувство интереса не можетъ создать ничего прочнаго, такъ какъ, питая страхъ предъ великими событіями и геройскимъ самопожертвованіемъ, оно приводитъ къ тому состоянію слабости и испорченности, при которомъ достаточно энергичнаго меньшинства чтобы ниспровергнуть существующую власть. И уже на другой день послѣ такого рода случайностей консервативный духъ становится нѣкоторымъ образомъ соучастникомъ нарушителей закона, такъ какъ, увлекаясь ложнымъ расчетомъ и не претендуя на благородство, онъ скорѣе находитъ для себя выгоднымъ соглашаться на незаконныя дѣянія, чѣмъ бороться съ ними. Такимъ образомъ, желая во что-бы то ни стало мира, онъ теряетъ какъ разъ то, что онъ хотѣлъ пріобрѣсти цѣною своей чести и гордости.

Буржуазный торизмъ не создаетъ прочнаго общественнаго строя; онъ не создаетъ и свободы. Этотъ упрекъ не касается почтенныхъ государственныхъ людей, которые, стараясь ввести у насъ свободныя учрежденія, обнаружили столько таланта и столько краснорѣчія. Никто не писалъ болѣе прекрасныхъ и сильныхъ страницъ о правахъ прессы, чѣмъ тѣ, которыя встрѣчаются то здѣсь, то тамъ въ разбираемой нами книгѣ¹⁾. Къ несчастію, необходимость въ безопасности, первый инстинктъ основанныхъ на интересѣ обществъ, представляла собою сильное противодѣйствіе этимъ высокимъ теоріямъ. Привлекаемые скорѣе злоупотребленіемъ, чѣмъ правомъ, практическіе люди, въ порывахъ своего „пылкаго эгоизма“, какъ превосходно выражается Гизо, провозгласили репрессивныя мѣры противъ того, что ихъ пугало. Два мѣсяца спустя послѣ іюльской революціи объявлены были имѣющими полную силу двѣ статьи уложенія о наказаніяхъ (291 и 294), гласящія слѣдующее: „никакое общество больше чѣмъ изъ двадцати лицъ, цѣль котораго состоитъ въ томъ, чтобы собираться ежедневно или въ опредѣленные назначенные дни для занятій вопросами религіозными, литературными, политическими или всякими другими, не можетъ образоваться помимо согласія правительства, и безъ тѣхъ условій, которыя угодно будетъ общественнымъ властямъ предписать этому обществу.—Всякое лицо, которое безъ разрѣшенія муниципальныхъ властей, по уговору или по согласію, предоставитъ свой домъ, весь или часть его, для собраній членовъ общества, даже дозволеннаго, или для совершенія какого нибудь богослуженія, будетъ наказано штрафомъ отъ 16 до 200 франковъ“. Я не хочу отрицать необходимости подобнаго законодательства; я указываю только на странность, со стороны народа, который ниспровергаетъ династію съ цѣлью защитить

¹⁾ Томъ I стр. 50, 176, 282, 408 и слѣдующія.

свободу; а между тѣмъ, нѣсколько дней спустя, доведенъ до необходимости налагать такія цѣпи. Не думаю, чтобы какая-нибудь древняя или средневѣковая нація знала когда либо такой тиранической законъ. Вообразите, что такой законъ существовалъ въ прошломъ. Ни Академія, ни Лицей, ни Портикъ, ни Христіанство, ни Реформація не были бы возможны, такъ какъ каждое изъ этихъ великихъ движеній, безъ сомнѣнія, собирало сходки больше, чѣмъ изъ двадцати лицъ. Вышеприведенной статьи, примѣняемой въ теченіе полустолѣтія, достаточно было-бы для того, чтобы уничтожить въ обществѣ всякое начинаніе въ области умственной или религіозной жизни. Дюпонъ потребовалъ, по крайней мѣрѣ, правъ религіозной свободы, но не былъ даже выслушанъ; было признано въ принципѣ, что никто не имѣетъ права безъ разрѣшенія властей сообщать свою мысль другому, и что кто не состоитъ на жалованіи у правительства, тотъ не можетъ сообщить публикѣ ничего хорошаго.—Какъ же могло случиться, что такъ скоро послѣ либеральной революціи люди очень либеральные приняли такую мѣру? Главную причину такого законодательства слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, искать въ той печальной тенденціи, которую обнаруживаютъ у насъ всѣ народныя общества—превращаться въ противоправительственные кружки. Клубъ—это самое законное въ мірѣ дѣло до тѣхъ поръ, пока онъ представляетъ собою собраніе, въ которомъ вырабатываются мнѣнія хорошія или дурныя; онъ становится преступленіемъ, какъ только начинаетъ стремиться къ тому, чтобы быть властью въ государствѣ. Эта существенная разница, однако, не остановила друзей порядка. Они требовали, чтобы „былъ положенъ конецъ всѣмъ тѣмъ сообществамъ, которыя возникли съ цѣлью нарушать общественное спокойствіе и задерживать развитіе коммерческой дѣятельности“. Свобода оплатила собой застой въ промышленности, и для того, чтобы поправить дѣла нѣкоторыхъ промышленниковъ, сочли нужнымъ очень просто издать для всего общества запретительныя мѣры. Пусть вообразятъ себѣ, какой взрывъ смѣха вызвала бы во Флоренціи или Пизѣ просьба купцовъ объ изданіи правилъ, стѣснительныхъ для общественной жизни, такъ какъ послѣдняя будто-бы вредитъ ихъ торговлѣ. Мы слишкомъ терпимъ гнетъ подобнаго рода интересовъ, какъ бы они сами по себѣ ни заслуживали вниманія. Государству совершенно незачѣмъ вмѣшиваться въ частныя выгоды; промышленности должна быть предоставлена свобода, но не слѣдуетъ жертвовать для нея свободой другихъ. Удивительное дѣло! Именно національная гвардія по собственному своему побужденію, и не заботясь о томъ, имѣла ли она на это право, завладѣла клубами, освистала ораторовъ, (которые, дѣйствительно, были очень смѣшны, я въ этомъ увѣренъ), и проводила присутствовавшихъ шиканьемъ при ихъ выходѣ. Понятіе о свободѣ такъ мало было развито, что отрядъ, учрежденный для того, чтобы защищать порядокъ, совершалъ съ цѣлью успокоить свои опасенія, дѣяніе, въ двадцать разъ болѣе мятежное, чѣмъ тѣ, которымъ онъ хотѣлъ помѣшать.

Я остановился на вышеприведенномъ примѣрѣ потому, что никакой другой не обнаруживаетъ такъ ярко роковое взаим-

ное заблужденіе, состоящее, съ одной стороны, въ народномъ безчинствѣ, всегда склонномъ оказывать нелегальное противодѣйствіе государству, а съ другой—въ той преувеличенной боязливости, которая заставляетъ консервативную партію думать, что всякое движеніе общественнаго мнѣнія должно быть предупреждено, какъ опасное явленіе. Исходный пунктъ всѣхъ заговоровъ, тайныхъ обществъ—это почти всегда нарушеніе свободы. Въ Англии нѣтъ заговорщиковъ, такъ какъ у нея есть митинги.—Но могутъ сказать, что митинги—это своего рода клубы и притомъ клубы анархіи.—Клубы ведутъ къ анархіи только при такомъ положеніи вещей, когда для полученія желаемаго нужно ниспровергнуть власть и самому стать на ея мѣсто. Клубы будутъ или полезны или безвредны, когда всѣмъ будутъ предоставлены легальныя пути пропаганды и сопротивленія. Откройте на всѣхъ точкахъ соціального вулкана частныя очаги, и вы избѣгнете изверженій, потрясающихъ весь міръ. Всякое посягательство на свободу невыносимо для подавляемаго меньшинства, не видящаго передъ собою никакой надежды; но это посягательство спокойно переносится, когда можно надѣяться, что со временемъ сила мысли приведетъ къ торжеству. Безъ свободы все является ядомъ; безъ нея весь общественный строй представляетъ одну ложь. Черезъ семнадцать лѣтъ послѣ закрытія послѣдняго изъ клубовъ, явившихся результатомъ іюльской революціи, для того, чтобы уничтожить плоды столькихъ благородныхъ трудовъ, чтобы открыть пропасть, глубину которой мы не можемъ даже представить, было достаточно жалкой ребяческой выходки, одного торжественнаго обѣда, дозволеннаго при томъ условіи, чтобы не смутить общественную жизнь.

Такимъ образомъ съ революціей боролись средствами преимущественно революціонными. Люди съ жестокостью защищали порядокъ. Правительство укрѣпило принципъ, вызвавшій всѣ волненія настоящаго времени: это недоувѣріе къ свободѣ, въ силу котораго правительства смотрятъ на все, совершающееся безъ его вѣдома, какъ на враждебное, закрываетъ всѣ дороги правильному прозелитизму, приписываетъ себѣ господство надъ мыслью. Что можетъ дѣлать при такомъ политическомъ состояніи человекъ, энергично преданный какой либо истинной или ложной доктринѣ? Онъ можетъ дѣлать только одно: стараться сдѣлаться господиномъ правительства, чтобы силой идеи привести къ господству то, чему онъ не могъ служить мирнымъ путемъ разсужденія. Все становится такимъ образомъ дѣломъ государства. Самое скромное желаніе должно облекаться въ политическую форму. Была создана страшно могущественная машина, по сравненію съ которой индивидуальное усиліе ничто иное, какъ атомъ; вмѣсто того, чтобы бороться за свое мнѣніе съ помощью изолированныхъ силъ, всякій человекъ необходимо будетъ стараться овладѣть страшнымъ рычагомъ, съ помощью котораго первый пришедшій поднимаетъ міръ. Въ наши дни святой Павелъ долженъ былъ бы сдѣлаться министромъ или трибуномъ, а Лютеръ и Кальвинъ—заговорщиками.

Противъ людей, стоявшихъ въ первые года во главѣ правительства, явившагося результатомъ іюльской революціи, можно всё возраженія свести къ одному: они любили свободу, но не хорошо понимали ея условія. Революція и Имперія, не сумѣвшія создать ни одного политическаго учрежденія, создали за то крайне обширную и сложную администрацію. Реставрація сохранила имперскую администрацію въ ея цѣломъ, но умѣрила ее личными взглядами и сужденіями, которыя были лучше равенства при фактическомъ подчиненіи, но принесли пользу только дворянству. Либералы смотрѣли на эти поправки, какъ на злоупотребленія, и іюльская революція просто вернулась къ администраціи Имперіи. Тогда не видѣли, что, стараясь основать свободу, укрѣпляли самое крупное изъ препятствій, противорѣчащихъ свободѣ. Остроумно замѣчаніе Гизо по этому поводу: „Тамъ, гдѣ администрація свободна, какъ политика, когда мѣстныя дѣла рѣшаются властями или мѣстными вліяніями и не ожидаютъ побужденія или рѣшенія отъ центральной власти, вмѣшивающейся только поскольку этого требуютъ общія дѣла государства, какъ, на примѣръ, въ Англіи, Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, Голландіи и Бельгіи,—тамъ представительный режимъ легко согласуется съ режимомъ административнымъ, зависящимъ отъ перваго только въ важныхъ, крайне рѣдкихъ случаяхъ. Но когда центральная власть обязана въ одно и то же время и управлять свободно, и вводить центральную администрацію, когда она должна бороться за великія дѣла государства и въ то же время регулировать подъ своей отвѣтственностью почти всё дѣла страны,—тогда немедленно во всемъ своемъ блескѣ появляются два тяжелыхъ затрудненія: или центральная власть, поглощенная заботами объ общихъ дѣлахъ и собственной защитѣ, пренебрегаетъ мѣстными дѣлами и приводитъ ихъ къ безпорядку, или центральная власть тѣсно связываетъ ихъ съ общими дѣлами, заставляетъ ихъ служить своимъ собственнымъ интересамъ, а вся администрація является средствомъ правительства въ рукахъ политическихъ партій, оспаривающихъ власть“. Странно то, что партія, считавшая себя наиболѣе либеральной, наиболѣе была склонна къ такой ошибкѣ. Но Гизо долго былъ чуждъ ея, пока позволяли обстоятельства. „Ищите такихъ людей, которые думаютъ и дѣйствуютъ сами по себѣ“, писалъ онъ 14-го сентября 1830 г., будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, Амедею Тьерри, префекту верхней Сены. „Первая необходимость этой страны та, чтобы повсюду образовались независимыя мнѣнія и вліянія. Централизація умовъ хуже централизаціи дѣлъ“.

Но этимъ превосходнымъ принципамъ не послѣдовали. Въ январѣ 1848 года государство было больше отягчено всякаго рода службами, чѣмъ въ іюнѣ 1830 года. Это доказывается увеличеніемъ бюджета за восемнадцать лѣтъ; дѣло въ томъ, что всякое увеличеніе бюджета соотвѣтствуетъ нѣкоторому уменьшенію свободы. Было бы крайне несправедливо сравнивать тираннію, явившуюся результатомъ нашего административнаго совершенствованія, съ той жестокой тиранніей, которая оставила по себѣ въ исторіи кровавое воспоминаніе. Если сравнить мученія и казни прошлаго съ видимой мягкостью нашего законодательства, то

покажется, что за желѣзнымъ вѣкомъ послѣдовала золотой. Особенность административнаго режима совсѣмъ не въ томъ, чтобы предупредить то, за что наказывали при прежнихъ режимахъ; его кротость мало заслуживаетъ почтенія и даже почти невыносима, такъ какъ, предписывая съ самаго начала мудрость, она дѣлаетъ невозможной всякую инициативу. Въ XVIII вѣкѣ пресса была подвержена, повидимому, болѣе суровому законодательству, чѣмъ въ наше время, такъ какъ тогда въ числѣ наказаній фигурировала смертная казнь; однако Вольтеру удалось пройти черезъ широкія петли цензурной сѣти. Первое изданіе „Духъ законовъ“ не могло появиться во Франціи; но черезъ восемнадцать мѣсяцевъ выдержало двадцать два изданія. Въ наши дни памфлетъ о Голландіи былъ бы задержанъ въ первомъ же оттискѣ.

Расширеніе общественныхъ обязанностей, вложивши въ руки государства дорогіе всѣмъ интересы, поставило все общество въ зависимость отъ государства. При такомъ режимѣ въ одинъ прекрасный день всѣ почувствуютъ потребность въ государствѣ, и тотъ, кто будетъ стоять внѣ оффиціального порядка, какъ илотъ, будетъ лишенъ своихъ естественныхъ правъ. Такимъ образомъ, возникнетъ аристократія чиновниковъ, представляющая такія же неудобства, что и древняя родовая аристократія, но безъ ея выгодныхъ сторонъ.

Либеральная школа 1830 года, мечтая о республиканскомъ королевствѣ, вмѣсто того, чтобы основывать ограниченное королевство, управляла болѣе любой другой школы. Не ограничивая королевской власти, всѣ добровольно работали надъ ея расширеніемъ. Истинное либеральное поведеніе состояло бы въ томъ, чтобы предоставить индивидууму возможность дѣйствовать для своего блага или зла въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ не нарушается право каждаго, дозволить корпораціи, ассоціаци, союзы всякаго рода, создать такимъ образомъ между людьми связи, отличныя отъ связей государства. Въ дѣйствительности же была предпочтена совершенно противоположная дорога: наиболѣе крупный упрекъ оппозиціи, направленный къ правительству, состоитъ въ томъ, что оно мало дѣлало, т. е., очевидно, недостаточно управляло. Думали спасти свободу, оспаривая у короля право царствовать самостоятельно и пытаясь передать всю власть совѣту министровъ. Но такое разсужденіе довольно бесплодно, такъ какъ, молъ, всѣ равны, кто распоряжается мной, если вообще мной распоряжаются слишкомъ много. Конечно, парламентскія гарантіи неизбежны, такъ какъ безъ нихъ всякое правительство силою вещей приводится къ тому, что начинаетъ вмѣшиваться не въ свое дѣло. Но прежде всего важно, чтобы всѣ, стоящіе у кормила правленія, сдерживались границами, предписываемыми правами каждаго. Въ политикѣ свобода—это цѣль, которую никогда нельзя приносить въ жертву, и которой должно быть подчинено все остальное.

Собственно говоря, либеральная оппозиція, все болѣе и болѣе толкая Францію на эту дорогу правительства, только слѣдовала традиціи революціи, какъ сама революція только слѣдовала дурному примѣру королевской власти за два послѣдніе

вѣка. Выдающійся публицистъ, по которомъ носить трауръ просвѣщенная Франція, въ самой прекрасной книгѣ по политической и исторической философіи, какая только появлялась за послѣдніе годы, показалъ, что свободы, собственно говоря, нѣтъ въ традиціи Франціи. Это можно признать, не вступая въ споръ съ тѣми, по мнѣнію которыхъ установить у насъ свободу очень легко. Истинный патріотъ не тотъ, кто старается открывать слабую сторону Франціи, чтобы льстить имъ. Будемъ остерегаться этого фатальнаго разсужденія, заставляющаго горделиваго чело- вѣка гордиться своими недостатками и ничего не дѣлать для приобрѣтенія противоположныхъ добродѣтелей. Если до сихъ поръ Франція грѣшила отсутствіемъ свободы, то именно съ помощью свободы нужно стараться вылѣчить этотъ недостатокъ. Настоящая причина революціи—это пониманіе государства, явившееся результатомъ сложнаго дѣйствія Рипелье, Людовика XIV, Республики ¹⁾ и Имперіи. Только реформируя эту идею, можно выйти изъ эры революцій; но реформировать преувеличенную идею государства можно только путемъ исправленія ея свободой. Борьба и агитація—такія же старыя вещи, какъ само чело- вѣче-ство; нашъ вѣкъ характеризуютъ внезапные и полные перевороты, благодаря которымъ ни одно правительство не падаетъ наполовину. Зданіе, имѣвшее нѣкогда много точекъ опоры, изъ которыхъ многія могли слабѣть, покоится теперь всего на одной точкѣ. Достаточно одного натиска на основаніе, чтобы свалить этого колосса съ безобразно громадной головой.

Вопреки принятому мнѣнію, Парижъ не виноватъ въ этой непрочности. Можно подавить революціонный характеръ Парижа, не подавляя этимъ самой революціи. Революція будетъ остано-лена въ тотъ день, когда уменьшать и расчленять слишкомъ сильныя правительства, созданныя революціей, въ тотъ день, когда перестанутъ смотрѣть на общественныя работы, на народное образованіе, на религію, на изящныя искусства, на литера-туру, на науку, на торговлю, на промышленность, какъ на вѣтви администраціи. Устойчивость правительствъ, какъ показалъ Ток-виль, обратно пропорціональна ихъ могуществу или, лучше го-воря, обширности ихъ дѣятельности. Что такое власть королевы Англіи по сравненію съ властью, которой были облечены началь-ники нашихъ различныхъ департаментовъ? Однако, кто изъ на-шихъ правителей въ этомъ вѣкѣ сидѣлъ на тронѣ такъ прочно, какъ королева Англіи?

Пусть не говорятъ, что это идеаль отдаленнаго будущаго, что Франціи нужно еще долгое воспитаніе, чтобы стать способ-ной осуществить этотъ идеаль. Если это дѣйствительно вѣрно,

¹⁾ Важно замѣтить, что этотъ упрекъ не долженъ падать на тѣхъ вы-дающихся людей, которые приготвили революцію или даже начали ее, какъ Монтескье и Тюрго, эти перворазрядные и истинно-либеральные политики. Этотъ упрекъ падаетъ на революціонную школу въ собственномъ смыслѣ слова,—на школу, которая примыкала въ особенности къ Руссо и дала фран-цузской революціи ея окончательный характеръ; это упрекъ за то, что она стремилась къ абстрактной организаціи, не отдавая себѣ отчета ни въ прежнихъ правахъ, ни въ свободѣ.

то оставимъ всякую надежду. Если Франція не созрѣла для свободы, то она никогда и не созрѣетъ. Политическое воспитаніе не дѣлается деспотизмомъ; народъ, долго подвергавшійся административной системѣ, съ каждымъ днемъ все больше погружается въ нее. Я не составляю себѣ иллюзіи относительно возможныхъ неудобствъ со стороны режима, для благодѣтельности котораго необходимо умѣнье долго ожидать послѣдствій; но, мнѣ кажется, не будетъ парадоксальнымъ утвержденіе, что зло, вытекающее изъ свободы, въ извѣстномъ смыслѣ лучше добра, вытекающаго изъ административнаго режима. Благо является такимъ только тогда, когда оно исходитъ изъ сознанія индивидуумовъ; благо, предписанное извнѣ, приводитъ въ концѣ концовъ къ величайшему злу: оно вызываетъ летаргію націи, вульгарный матеріализмъ, отсутствіе мнѣній, ничтожество властей, при которыхъ ничего не любятъ, ни къ чему не питаютъ ненависти. Съ перваго взгляда кажется драгоцѣннымъ благодѣяніемъ учрежденіе власти, облеченной правомъ приводить всѣхъ къ согласію и, какъ говорятъ, устранять причины раздѣленія среди гражданъ. Такая власть имѣетъ только одинъ недостатокъ: черезъ какихъ нибудь пятьдесятъ лѣтъ она больше истощитъ націю, чѣмъ это сдѣлалъ-бы цѣлый рядъ гражданскихъ и религіозныхъ войнъ. Не смотря на всѣ свои плачевныя свойства, эти войны обыкновенно дѣлали народъ болѣе серьезнымъ, болѣе энергичнымъ. Напротивъ, администрація разрушаетъ всѣ побужденія думъ, подчиняя ихъ постоянному надзору. До сихъ поръ только одно духовенство могло сохранить нѣкоторыя привиллегіи въ присутствіи этой всеувлекающей силы, почти такъ же, какъ въ послѣдніе дни Восточной Имперіи епископы продолжали стоять среди общества, убитаго администраціей. Но хотя духовенство—хорошій помощникъ въ борьбѣ противъ деспотизма, такъ какъ въ концѣ концовъ всякій деспотизмъ разбивается о духовную власть,—нужно признать, что вообще это учрежденіе заботится только о собственной независимости. Кромѣ того, католицизмъ, приучая человѣка возлагать на другихъ массу заботъ, какъ, напр., воспитаніе дѣтей, общественное милосердіе, направленіе собственной совѣсти, представляетъ вообще большую опасность для свободы.

Такимъ образомъ все приводитъ насъ къ тому, чтобы считать свободу рѣшеніемъ по преимуществу и средствомъ почти противъ всѣхъ золъ нашего времени. Подобно нѣкоторымъ сектантамъ многіе склонны думать, что свобода возможна только въ тѣ эпохи, когда никто не увѣренъ въ обладаніи истиной и потому ни одно мнѣніе не можетъ абсолютно предписываться другимъ. Это крупная ошибка. Свобода—во всякое время основаніе устойчиваго общества. Дѣйствительно, съ одной стороны—истина обнаруживается только свободнымъ слушателямъ, но, съ другой—возможность поступать дурно представляетъ главное условіе блага. Современный міръ можетъ избѣжать участи античныхъ цивилизацій, только предоставивши каждому полное право самопроизвольно проявлять свой талантъ, полученный отъ учителя. Достоинство человѣка прямо пропорціонально его ответственности. Пусть каждый въ своихъ рукахъ держитъ свою судь-

бу; пусть общество, предупреждая зло, заботится о томъ, чтобы, не сдѣлать невозможнымъ добро. По мнѣнію нѣкоторыхъ, еслибы даже снова нужно было купить свободу цѣною варварства, это была бы недорогая цѣна: вѣдь одна свобода побуждаетъ индивидуумовъ жить, одна она мѣшаетъ націямъ умереть.

Мемуары Гизо проливаютъ много свѣта на эти великія проблемы современной исторіи. Ни книга, ни дѣятельность Гизо не дали и не дадутъ ему популярности. Эта награда воздается у насъ тѣмъ качествамъ и недостаткамъ, которыми не обладаетъ Гизо. При оцѣнкѣ славы Франціи больше совѣтуется съ своими причудами, чѣмъ съ холодной справедливостью. Для нея слава—признательность націи, а не сужденіе разума. Исповѣдывать какую либо доктрину вопреки ея волѣ—это почти измѣна. Франція желаетъ, чтобы ей льстили и раздѣляли ея недостатки; она меньше всего прощаетъ тѣхъ, кто умнѣй ея. Ея идоломъ былъ легкомысленный поэтъ, это послушное эхо ошибокъ толпы; строгій мыслитель, старавшійся стать выше предразсудковъ своего времени и своей страны, подвергся самому тяжелому изъ упрековъ, что онъ не „націоналенъ“. Гизо считаютъ виноватымъ въ томъ, что онъ думалъ о будущемъ страны, въ которой благоразуміе составляетъ иногда государственное преступленіе; поэтому Гизо будутъ всегда обвинять его современники, для которыхъ патриотизмъ въ томъ, чтобы ничего не предвидѣть. Мемуары Гизо—это краснорѣчивая жалоба на эти ложныя сужденія, принесенная трибуналу безпристрастнаго мнѣнія. За восемнадцать лѣтъ, описываемыхъ Гизо, его ошибки были по большей части ошибками господствующаго мнѣнія или ошибками, фатально вызванными судьбой Франціи. Послѣдующія книги расскажутъ намъ объ ошибкахъ, лично свойственныхъ ему. Можетъ быть, тогда станетъ видно, что эти ошибки были необходимымъ слѣдствіемъ положенія и что противники Гизо часто были такъ же виновны, какъ онъ самъ.

Высшее образованіе во Франціи.

Однимъ изъ лучшихъ признаковъ нашего времени слѣдуетъ считать обнаружившуюся въ послѣднее время общую склонность къ умственному развитію, пробужденіе умовъ, какъ слѣдствіе этого, въ просвѣщенной или стремящейся къ просвѣщенію публикѣ, облегченія, представляемыя правительствомъ для развитія полезныхъ въ этомъ смыслѣ опытовъ. Эти новыя попытки, какъ это всегда случается, вызвали и опасность. Многіе люди, при томъ очень серьезные, склонны допустить, что демократія, выставляя на первый планъ интересы наиболѣе многочисленныхъ классовъ, считая, какъ правило, что то, что оплачивается всеми, должно быть и полезно для всѣхъ,—въ концѣ концовъ нанесетъ серьезный ущербъ великимъ открытіямъ, именно тѣмъ, которыя зарождаются въ мысляхъ небольшого количества людей, прежде чѣмъ стать общимъ достояніемъ человѣчества. Дѣйствительно, вполне вѣроятно, что высшая культура представляетъ въ нѣко-

торыхъ отношеніяхъ нѣчто совершенно аристократическое. Чтобы быть причастнымъ къ ней, нужны спеціальныя труды, нужна жизнь, всецѣло посвященная изслѣдованіямъ и размышленію. Чтобы сознавать цѣну ея, нуженъ извѣстный объемъ знаній, философія, всесторонній взглядъ на прошедшее и будущее, что составляетъ удѣлъ весьма немногихъ. Если бы когда нибудь платящіе классы для того, чтобы установить пользу отъ курсовъ высшей математики во французской коллегіи, должны были понимать, къ чему служатъ излагаемая въ ней теоріи, то существованіе этой кафедры подверглось бы большой опасности. Однако, по моему мнѣнію, эти опасенія основаны на невѣрномъ пониманіи стремленій народа въ современную намъ эпоху. Въ умственной сферѣ, такъ же, какъ и въ сферѣ политической и общественной, народъ неспособенъ анализировать своихъ желаній; но желанія его справедливы. То, что демократія будетъ поддерживать своимъ вліяніемъ, будетъ, насколько я могу представить, очень аристократическимъ. Искусство, которое народъ будетъ поощрять, будетъ великое искусство, а не тѣ легкія произведенія, въ которыхъ находятъ себѣ удовольствіе люди вялыхъ поколѣній. Литература, которую народъ будетъ вдохновлять, будетъ литература благородная, обращающаяся къ высокимъ чувствамъ, а не легкомысленная, состоящая въ игрѣ ума и внѣшнихъ достоинствахъ изложенія. Слогъ, который изберетъ народъ, будетъ французскій языкъ высокаго качества, простой, естественный, а не тотъ напыщенный, мѣняющійся при всякомъ новомъ направленіи, слогъ, который создается личными вкусами. Я надѣюсь даже, что будущая демократія, не вникая въ подробности науки, инстинктивно пойметъ духъ и значеніе ея. Она будетъ питать къ ученымъ то же чувство, которое нѣкогда испытывали варвары по отношенію къ святымъ въ эпоху Меровинговъ: чувство уваженія и удивленія, какъ бы передъ тайной, въ которую можно проникнуть только наполовину. Народъ пойметъ, что прогрессъ въ области положительныхъ изслѣдованій—это самое лучшее пріобрѣтеніе человечества, и что это пріобрѣтеніе прежде всего важно для тѣхъ, кого оно выручаетъ и облагораживаетъ. Міръ безъ науки—это рабство, это человѣкъ, вращающій жерновъ, находящійся во власти матеріи, уподобленный вьючному животному. Улучшенный наукой, міръ будетъ представлять собою царство духа, царство сыновъ Божіихъ.

Главная причина, побуждающая выдающихся знатоковъ бояться вліяній демократіи на высшую культуру,—это весьма распространенное мнѣніе, что наука, чтобы стать достояніемъ большого числа людей, обязательно должна сузиться. Въ дѣйствительности же можно двоякимъ образомъ сдѣлать науку доступной для всѣхъ: понимая ее въ самомъ широкомъ или самомъ узкомъ смыслѣ. Срединна, представляющая собою слѣдствіе спеціальныхъ обобщеній, недоступна тому, кто не имѣетъ предварительной научной подготовки. Обыкновенно тщеславные люди для того, чтобы поставить себя на уровнѣ современнаго имъ общества, дѣлаютъ ту ошибку, что ограничиваются въ своемъ образованіи анекдотами, поверхностными аналогіями, легкими для пониманія опы-

тами и жалкими примѣненіями наукъ, но можно было бы успѣть гораздо лучше, если бы стремиться къ той наибольшей высотѣ, гдѣ всѣ истины сходятся, какъ бы въ одномъ общемъ центрѣ, и становятся въ нѣкоторомъ родѣ однимъ общимъ закономъ. Не думаю, что въ сферѣ религіи, нравственности, философіи, надо посвящать толпу въ разборъ тонкостей; но я утверждаю, что нѣтъ такой тонкой и замысловатой истины, которой не могли бы понять всѣ. Способъ, посредствомъ котораго можно сдѣлать популярными выводы философіи, состоитъ не въ уменьшеніи этого предмета, а въ надлежащей его передачѣ.

Поступать съ народомъ, какъ съ ребенкомъ,—это крупная ошибка; нужно обращаться съ нимъ, какъ съ женщиной. Рѣчь, произносимая въ присутствіи женщинъ, лучше той, которая произносится въ ихъ отсутствіи, такъ какъ она подлѣжитъ большому числу правилъ, подчинена болѣе суровымъ требованіямъ. То, что пишется для народа, также должно отличаться отъ остального болѣе тщательной обработкой. Народу можно сказать все, но съ условіемъ не говорить ничего такого, чего бы онъ не понималъ, а особенно ничего такого, что онъ могъ бы дурно понять.

I.

Не только во Франціи, но ни въ какой другой странѣ міра, ничто великое до сихъ поръ не совершалось совершенно независимо отъ государства. Нашему времени впервые суждено представить себѣ такую общественную организацію, при которой государство, благодаря полной свободѣ частной инициативы, доведенное до простой роли блюстителя порядка, не занималось бы ни религіей, ни воспитаніемъ, ни литературой, ни искусствомъ, ни нравственными вопросами, ни промышленностью. Вотъ идеаль, къ которому слѣдуетъ стремиться, хотя бы даже невозможно было осуществить его цѣликомъ. Первый догматъ нашей политической, соціальной, философской и религіозной вѣры—это свобода; но свобода означаетъ для насъ невмѣшательство государства во все, что не представляетъ собою непосредственнаго соціального интереса. Второй пунктъ (я не думаю, чтобы двое здравомыслящихъ людей могли держаться различныхъ мнѣній относительно него) тотъ, что такой идеаль отъ насъ еще очень далекъ и что именно слишкомъ поспѣшный отказъ государства отъ вмѣшательства въ эти сферы можетъ отдалить осуществленіе его на неопредѣленно долгое время. Что государство занимается воспитаніемъ, это мало согласуется съ нашей системой, и все-таки я не думаю, чтобы хоть одинъ либераль могъ требовать съ завтрашняго же дня упраздненія министерства народнаго просвѣщенія. Главное, лишь бы вліяніе государства ни въ чемъ не было исключительнымъ. Благодаря духу индивидуализма, пустившему въ цивилизованномъ мірѣ такіе сильные корни, сочувствіе или несочувствіе правительства одного или даже всѣхъ къ проявленіямъ мысли имѣетъ второстепенное значеніе. Личные вкусы и мнѣнія Людовика XIV были закономъ для его эпохи. Въ XVIII вѣкѣ люди, стремившіеся оказывать вліяніе на современные умы, должны были очень считаться съ Фридрихомъ, съ Екатериной. Въ наше время евро-

пейское общество въ интеллектуальной сферѣ является полнымъ властелиномъ. Въ столь обширномъ обществѣ интриги и шарлатанство не могутъ пользоваться никакимъ вліяніемъ. Обширность здѣсь играетъ ту же роль, что и время: промежутокъ въ сто лѣтъ способствовалъ тому, что личныя заслуги стали находить себѣ истинную оцѣнку; точно также просвѣщенная Европа обманывается теперь насчетъ истиннаго значенія людей и идей. Этотъ неподкупный, неуловимый судья является истиннымъ Мecenатомъ; его расположеніе можно снискать истинными заслугами, но не лестью.

По отношенію къ тому, что можетъ называться искусствомъ или литературой, вопросъ о покровительствѣ государства является сравнительно легкимъ для разрѣшенія. Реформа, которая отмѣнила бы подобное покровительство относительно поэзіи, произведеній вымысла, живописи, музыки, скульптуры, была бы въ настоящее время совершенно умѣстна. Истиннымъ поощрителемъ здѣсь является свобода. Настоящее искусство и настоящая литература какой-нибудь эпохи—это тѣ, которыя создаются именно данной эпохой, такъ какъ послѣдняя является вдохновителемъ только такой литературы и такого искусства, которыя отвѣчаютъ современнымъ чувствамъ и потребностямъ. Такая литература можетъ стоять очень низко, если таковъ вѣкъ; но все же она современна. Поддерживать искусственно и вопреки желанію общества, вкусы, которые ему нежелательны, довольно бесполезно, такъ какъ это никогда не даетъ искренняго и правдиваго произведенія. При томъ почти роковымъ образомъ случается, что эти поощренія, не принимаемыя истинными артистами, находящими свою награду въ согласіи своихъ твореній съ духомъ общества, дѣйствуютъ только на личности посредственныя и способствуютъ тому, что на благородныя поприща вступаютъ люди безъ призванія, видящіе въ этомъ только ремесло.

Какъ ни рѣшаютъ этотъ вопросъ (относительно его слѣдовало бы еще избѣгать поспѣшныхъ и слишкомъ положительныхъ рѣшеній), все же нельзя отрицать того, что высшая культура умовъ представляетъ для государства прямой интересъ. Государство заинтересовано прежде всего въ томъ, чтобы имѣть ученыхъ въ области физическихъ и математическихъ наукъ. Эти науки привели и будутъ приводить еще къ существеннымъ переменамъ въ военномъ дѣлѣ, промышленности, торговлѣ, администраціи. Въ настоящее время существуютъ въ мірѣ двоякаго рода націи: однѣ—имѣющія ученыхъ, другія—не имѣющія ихъ. Эти послѣднія такъ же низко стоятъ въ политическомъ отношеніи, какъ и въ интеллектуальномъ. Мусульманскій востокъ не уступалъ Западу и даже побѣждалъ его до XVI столѣтія, т. е. до возникновенія современной науки. Мусульманскій міръ погубилъ самъ себя, задушивъ въ нѣдрахъ своихъ зародышъ науки въ XIII столѣтіи. Только что высказанное мною мнѣніе относительно наукъ физическихъ и математическихъ можно примѣнить и къ наукамъ историческимъ. Послѣднія представляютъ собою не что иное, какъ изученіе законовъ, управлявшихъ до сихъ поръ развитіемъ человѣческаго рода. Онѣ представляютъ собою основу социальныхъ

наукъ. Безъ нихъ, умы лишены основательности, живости, про- ницательности. Житель Востока—ниже европейца скорѣе благодаря незнанію исторіи, чѣмъ благодаря незнанію природы. Важной причиной невысокаго умственного уровня Соединенныхъ Штатовъ, что на первыхъ порахъ трудно себѣ уяснить, но что все-таки существуетъ, является это отсутствіе великихъ учрежденій для образова- нія ума, отсутствіе университетовъ, академій, этой интеллек- туальной аристократіи нашихъ европейскихъ столицъ. Для государ- ства небезразлична повсемѣстная умственная тупость и грубость.

Прибавимъ еще, что къ наукѣ нельзя примѣнить тѣхъ воз- раженій, которыя можно выставить противъ вліянія государства на произведенія вкуса. Крайне неудобно, чтобы государство имѣ- ло свое мнѣніе въ дѣлѣ искусства и поэзіи. Для этого нужно, чтобы оно держалось извѣстнаго правила, чтобы оно стояло за классицизмъ или романтизмъ, вмѣшивалось въ то, что является абсолютно свободнымъ и зависящимъ отъ собственнаго выбора каждаго. Напротивъ, покровительствуя наукѣ, государство не рѣ- шаетъ никакихъ спорныхъ мнѣній. Здѣсь дѣло идетъ о положи- тельныхъ изслѣдованіяхъ, которыя, безъ сомнѣнія, возбуждаютъ массу разногласій, но при которыхъ личные вкусы не имѣютъ значенія. Государство не обязано заботиться о томъ, чтобы всегда были люди, занимающіеся сочиненіемъ поэмъ или трагедій, но оно обязано смотрѣть за тѣмъ, чтобы всегда находились лица, занимающіяся научными изслѣдованіями. Поощряя подобныя из- слѣдованія, оно не становится на сторону какой либо школы, а служить только общему умственному движенію. Въ обществѣ, гораздо болѣе усовершенствованномъ и гдѣ высшая культура значительнѣе развита, такія поощренія были бы бесполезны; но въ нашемъ обществѣ они необходимы. Наука чаще всего разра- батывается только лицами, принужденными жить своимъ тру- домъ. Будучи источникомъ всякаго прогресса, она сама по себѣ непродуктивна. Она обогащаетъ того, кто примѣняетъ ее на прак- тикѣ, но не истиннаго виновника открытія. Ни Ньютонъ, ни Лейбницъ не извлекли никакой денежной выгоды изъ открытаго ими дифференціального исчисленія. Истинные творцы химіи ни- сколько не воспользовались тѣми огромными промышленными богатствами, которыя созданы были, благодаря ихъ открытіямъ. Это вполне справедливо, такъ какъ они были награждены славой. Во всякомъ случаѣ это неизбѣжно. Поэтому нужно вмѣшатель- ство общества для исправленія этой неизбѣжной несправедливо- сти, благодѣяніями которой оно пользуется; другими словами, нужно вмѣшательство общества, чтобы оно напередъ давало сред- ства для предпріятія, плодами котораго оно будетъ пользоваться.

Средніе вѣка, не имѣвшіе правильнаго представленія о го- сударствѣ, поступали совершенно иначе. Интеллектуальное и мо- ральное развитіе въ принципѣ составляло обязанность церкви; но скоро въ лонѣ церкви, этой владычицы духа, образова- лись новыя учрежденія. Университеты, находившіеся въ началѣ въ прямой зависимости отъ церковныхъ властей, мало-по-малу, опираясь на королевскую власть, освободились, и образовали осо- бую силу, отчасти духовную, отчасти свѣтскую, которая пред-

ставляла особую культуру государства. XII и XIII вѣка были цвѣтущей эпохой этого великаго движенія, которое прославило на цѣлый мѣръ гору св. Женевьевы. Это было движеніе очень оригинальное, особенно съ самаго начала, истинное возрожденіе, которое, однако, не могло дать прочныхъ результатовъ. Въ XIV и XV вѣкахъ университеты находятся уже въ полномъ упадкѣ, сильно проникнутые педантизмомъ, занятые единственно обученіемъ и не дѣлая почти ничего для прогресса человѣческаго духа. То истинное и великое возрожденіе, созданіе котораго составляетъ вѣчную славу Италіи, происходитъ внѣ университетовъ. Даже больше: оно имѣло въ университетахъ своихъ самыхъ ярыхъ враговъ; оно возмущало докторовъ различныхъ наукъ. Возрожденіе было дѣломъ Флоренціи, но не Падуи, оно создано частными людьми, но не профессорами. Ни Петрарка, ни Боккачю, ни Беконъ, ни Декартъ не были причастны къ университету. Въ особенности Парижскій университетъ въ XVI столѣтіи достигъ до крайней степени смѣшного и гадкаго, благодаря своей глупости, нетерпимости, умышленному отверганію всѣхъ новыхъ изслѣдованій. Нужно было, чтобы королевская власть, своимъ могущественнымъ покровительствомъ почти освободившая университетъ отъ церкви, взяла научное движеніе подъ свою защиту противъ университета и создала, благодаря французской коллегіи въ XVI и академіямъ XVII вѣкахъ, противовѣсъ тому привычному нерадѣнію, тому духу недоброжелательнаго отрицанія, отъ зараженія которымъ съ большимъ трудомъ могутъ предохранить себя сословія, занимающіяся исключительно обученіемъ.

Такимъ образомъ во Франціи научное движеніе пользовалось покровительствомъ королевской власти. Намъ нѣтъ надобности изслѣдовать, было ли это покровительство всегда просвѣщеннымъ. По нашему мнѣнію, уничтоженіемъ протестантства королевская власть причинила серьезнымъ научнымъ изслѣдованіямъ вредъ, значительно превышающій ту пользу, которую она оказала имъ своими милостями. Французскій протестантизмъ при Генрихѣ IV и Людовикѣ XIII представлялъ собою превосходную школу филологіи и исторической критики. Протестантская Франція могла дать въ первой половинѣ XVII столѣтія то, что протестантская Германія создала во второй половинѣ XVIII. Благодаря этому во всей странѣ возникло удивительное оживленіе въ области научныхъ споровъ и изслѣдованій. Это была эпоха такихъ ученыхъ, какъ Казобонъ, Скалигеръ и Сомезъ. Отмѣна Нантскаго эдикта уничтожила все это. Она положила во Франціи конецъ изслѣдованіямъ въ области исторической критики. Такъ какъ одна литература находила себѣ поощреніе, то результатомъ этого явилась извѣстная поверхностность умовъ. Голландія и Германія, отчасти благодаря нашимъ изгнанникамъ, были почти единственными странами, гдѣ производились ученые изслѣдованія. Съ тѣхъ поръ установлено, что Франція должна прежде всего представлять собою націю остроумную, умѣющую красиво писать, чудесно болтать, но ниже другихъ стоящую по своимъ знаніямъ, и подверженную той легкомысленности, которую можно избѣжать только при обширности образованія и зрѣлости сужденій.

Режимъ средневѣковыхъ университетовъ почти исчезъ во Франціи въ XVІІІ столѣтіи ¹⁾. Онъ продолжался въ Англіи, Германіи, Голландіи, Швеціи и существуетъ во всѣхъ этихъ странахъ до сего времени. Нельзя сказать, чтобы въ Англіи этотъ режимъ далъ блестящіе результаты. Оксфордъ и Кембриджъ въ XVІІ и XVІІІ столѣтіяхъ имѣли выдающихся людей, но они не служили центромъ какого либо великаго движенія. Эти старыя учрежденія въ концѣ концовъ застыли на рутинѣ, невѣжествѣ, забвеніи великихъ духовныхъ интересовъ, что можно было бы считать непоправимой бѣдой, если бы только Англія въ своихъ вольностяхъ, пробужденіи и свободной дѣятельности индивидуумовъ не обладала средствомъ противъ всѣхъ золъ. Именно въ Германіи университетскій режимъ далъ чудесные результаты. Можно сказать, что Германія въ умственной сферѣ сдѣлала то, что Англія въ политической. Изъ феодализма, невыносимаго и деспотическаго въ другихъ странахъ, Англія развила конституцію, самую свободную, какая только когда либо существовала. Благодаря университетамъ, которые въ другихъ странахъ отличались невѣжествомъ и рутинностью, Германія создала умственное движеніе, самое богатое, самое гибкое, самое разнообразное, какое только помнитъ исторія человѣческаго ума. Раздѣленіе Германіи на мелкія государства и особый характеръ лютеранства, болѣе умѣреннаго, болѣе терпимаго, болѣе свободнаго отъ абсолютныхъ символовъ, чѣмъ кальвинизмъ, дали въ области свободной науки дивные результаты и обусловили интеллектуальное движеніе, до котораго далеко эпохамъ возрожденія въ XII и XVI столѣтіяхъ. Въ то время какъ Франція съ ея свѣтскими и остроумными людьми создавала философію XVІІІ столѣтія, представляющую собой послѣднее слово поверхностнаго здраваго смысла, безъ метода, безъ возможности прогресса, Германія со своими учеными создавала исторію,—не ту, состоящую изъ анекдотовъ, забавную, высокопарную или остроумную исторію, секретъ которой хорошо извѣстенъ Франціи,—но ту, которая считается параллелью геологіи,—исторію, которая изслѣдуетъ прошлое чело- вѣчества точно такъ же, какъ геологія изслѣдуетъ измѣненія нашей планеты. Нужно было сначала возстановить древніе тексты, изъ которыхъ древніе критики XVI столѣтія, люди по большей части выдающіеся, но принужденные къ очень спѣшной работѣ, устранили трудныя мѣста и часто измѣняли подробности. Нужно было открыть новые источники, главнымъ образомъ съ помощью изученія Востока. Въ особенности необходимо было истолковывать древніе документы, взвѣсить ихъ значеніе, разобрать ихъ подлинность, перенестись въ ту интеллектуальную сферу, въ которой жилъ писатель и въ которой образовывались традиціи, для того, чтобы провѣрить и понять ихъ. Вотъ что дѣлала и передѣлывала Германія въ двадцати ученыхъ школахъ съ удивитель-

¹⁾ Его убили иезуиты. Сами университетскія коллегіи представляли большее или меньшее подражаніе коллегіямъ иезуитскимъ. Планъ того учебнаго заведенія, которое было создано послѣ революціи подъ именемъ Университета, въ дѣйствительности гораздо больше заимствованъ отъ иезуитовъ, чѣмъ отъ старинныхъ университетовъ.

ною послѣдовательностью, настойчивостью и проницательностью. Конечно, Франція во многомъ помогла ей. Прежде всего во время своего великаго ученаго періода (отъ Франциска I до Людовика XIII) она, какъ я уже сказалъ, начала то, что Германія позже осуществила. Даже въ XVIII столѣтїи Академія Надписей и Изящной Словесности насчитывала въ своей средѣ пять или шесть истинно выдающихся людей, которые создали критику на свой манеръ, въ болѣе высокомъ смыслѣ, чѣмъ въ Германіи, но они стояли одиноко. Въ дѣлѣ критики наиболѣе остроумный изъ людей не выходилъ изъ круга наивныхъ или ребяческихъ противорѣчій старой школы. Вольтеръ не понималъ ни Библии, ни Гомера, ни греческаго искусства, ни античныхъ вѣрованій, ни христіанства, ни среднихъ вѣковъ. Онъ совершилъ великое дѣло: онъ основалъ вѣротерпимость, справедливость, общественный здравый смыслъ. Преклонимся передъ нимъ; мы живемъ тѣмъ, что онъ основалъ; но въ сферѣ мысли ему нечему насъ научить. Онъ не поддерживалъ завѣтовъ великой культуры; онъ не повлекъ за собою появленія какого либо ряда истинно плодovitыхъ научныхъ изслѣдованій и трудовъ. Вольтеръ не создалъ школы. Я вижу то, что вышло отъ Декарта, Ньютона, Канта, Нибура, Шлегеля и Гумбольдтовъ, но не то, что вышло отъ Вольтера.

Въ наше время умственное движеніе въ германскихъ университетахъ хотя и находится въ упадкѣ, все еще очень блестяще и составляетъ главную часть серьезной умственной работы чело-вѣческаго духа. Въ области физическихъ и математическихъ наукъ эти великія школы, можетъ быть, имѣютъ себѣ соперниковъ; но въ наукахъ историческихъ и филологическихъ ихъ превосходство таково, что Германія своими учеными трудами, можно считать, оказываетъ больше услугъ, чѣмъ всѣ остальные части Европы, взятая вмѣстѣ. Обширное возстановленіе греческихъ и латинскихъ текстовъ, происшедшее за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, является дѣломъ Германіи. Сравнительная филологія—это созданіе Германіи. Историческая критика обязана ей, если не своимъ возникновениемъ, то, по крайней мѣрѣ, самымъ широкимъ применениемъ. Насколько я вижу, только по части археологіи и научныхъ путешествій другія страны могутъ сравниться съ Германіей. Послѣдній германскій университетъ, въ родѣ Гессенскаго или Грейфсвальдскаго со своими мелочными строгими обычаями, со своими бѣдными профессорами съ неловкимъ и забитымъ выраженіемъ лица, со своими худыми и голодными „приватъ-доцентами“, больше дѣлаетъ для чело-вѣческаго духа, чѣмъ аристократическій Оксфордскій университетъ, со своими милліонными доходами, блестящими колледжами, богатыми окладами и лѣнивыми fellows (студентами). Я не думаю клеветать на Англію! Въ сферѣ физическихъ и математическихъ наукъ она имѣетъ первоклассныхъ ученыхъ. Во всякомъ дѣлѣ она великими усилиями частныхъ лицъ уравниваетъ слабость оффиціальнаго направленія; но что касается наукъ историческихъ и филологическихъ, то недостаточная склонность англійскаго ума къ уразумѣнію того, что не имѣетъ къ нему отношенія, тупость и грубость практическаго здраваго смысла, которыя мало умѣстны при

этихъ излѣдованіяхъ, ставятъ Англію дѣйствительно на болѣе низкую ступень. Можно, пожалуй, сказать, что способность къ вышеуказаннымъ наукамъ находится въ обратномъ отношеніи къ способностямъ въ политикѣ. Я читалъ однажды Маколея. Смѣлая рѣшенія, особая манера не любить своихъ враговъ, откровенные предразсудки, отсутствіе безпристрастія, отсутствіе способностей къ уразумѣнію вещей противоположныхъ, либерализмъ, не проистекающій изъ широкихъ взглядовъ, христіанство, столь мало проникнутое истинными христіанскими чертами,—все это меня поразило. Таковъ ужъ бѣдный родъ человѣческій, что умы должны быть въ какомъ либо отношеніи ограничены. Можетъ быть, политическая слабость Германіи является условіемъ ея интеллектуальнаго превосходства ¹⁾ Именно потому, что французскій умъ имѣетъ то прекрасное преимущество, что больше всякаго другого стоитъ выше кастовыхъ предразсудковъ, религіозныхъ, предразсудковъ по отношенію къ занятіямъ и спеціальностямъ,—потому онъ такъ часто изумляетъ міръ своими противорѣчіями, временными ослабленіями, своими особенными странностями.

II.

Французская революція, отмѣнивши всѣ прежнія учрежденія, оставивъ существовать лицомъ къ лицу только индивидуума и государство, задала себѣ трудную задачу создать все сизнова на основаніи чистаго разума. Все то, что нѣкогда дѣлали церковь, университеты, религіозные ордены, города, провинціи, корпораціи, различные классы,—все это должно было сдѣлать государство. Было бы легко доказать, что въ этомъ отношеніи революція не ввела ничего новаго, что она только слѣдовала тому пути, на который вступила королевская власть въ XVII вѣкѣ. Какъ бы то ни было, принципъ былъ примѣненъ въ занимающей насъ отрасли съ большой строгостью. Новое государство приняло наслѣдіе стараго университета; оно занялось обученіемъ. Оно имѣло школы всѣхъ разрядовъ, начиная отъ сельскихъ училищъ и кончая высшими учебными заведеніями. Подобная система, въ сочетаніи съ особымъ характеромъ французскаго ума, дала очень оригинальные результаты; теперь, при томъ промежутокѣ времени, который насъ отдѣляетъ отъ нихъ, очень удобно разсмотрѣть въ ихъ совокупности. Я воздержусь отъ всякаго сужденія насчетъ начальнаго и средняго образованія,—не потому, чтобы я не признавалъ ихъ существенной важности, но потому, что высшее образованіе представляетъ особый интересъ, достаточный, чтобы имъ теперь заняться.

Высшее образованіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно явилось слѣдствіемъ Революціи (въ это понятіе я включаю и Имперію, какъ слѣдствіе и естественное развитіе того движенія, которое

---

¹⁾ Германія въ послѣдній годъ сильно оправилась отъ этой своей слабости. Но вопросъ ставится и въ обратномъ видѣ: вступленіе Германіи на арену политической и военной дѣятельности не послужитъ ли къ упадку ея въ умственномъ отношеніи?

предшествовало ей), сосредоточивалось въ троякаго рода учрежденіяхъ: во-первыхъ, въ спеціальныхъ школахъ, предназначенныхъ для того, чтобы сообщать извѣстныя свѣдѣнія, безусловно необходимыя для государства (напр., политехническая школа); во вторыхъ, въ учрежденіяхъ чистой науки, предназначенныхъ исключительно для пополненія сокровищницы пріобрѣтенныхъ познаній и для постояннаго поддержанія научныхъ изслѣдованій (Французская Коллегія, Музей); въ третьихъ,—въ факультетахъ филологіи и другихъ наукъ, которые должны были давать образованіе, высшее, чѣмъ въ коллегіяхъ, не имѣющее какихъ либо видовъ на непосредственное примѣненіе, не преслѣдующее другой цѣли, кромѣ безкорыстнаго развитія ума.

Такъ какъ допущеніе въ спеціальныя школы было обставлено извѣстными условіями, то эти школы съ самаго начала обладали опредѣленнымъ составомъ учащихся. Ихъ аудиторіи, хотя по временамъ съ большимъ гостепріимствомъ открывались для всякаго, кто выражалъ желаніе туда поступить, все-таки имѣли опредѣленный, компетентный составъ слушателей, доказавшихъ, что они обладаютъ предварительными свѣдѣніями. Не такъ обстояло дѣло съ чисто научными учрежденіями и съ факультетами. Такъ какъ абсолютная бесплатность была и должна была быть закономъ для этихъ учреждений, то для допущенія въ нихъ публики былъ установленъ совершенно особый порядокъ. Двери для всѣхъ были открыты настежь. Государство въ опредѣленные часы предоставляло свои залы для произнесенія рѣчей на научныя и литературныя темы. Два раза въ недѣлю, на часъ времени, профессоръ долженъ былъ предстать передъ аудиторіей, составившейся случайно и часто состоявшей на двухъ, слѣдовавшихъ одна за другой, лекціяхъ, изъ лицъ совершенно различныхъ. Онъ долженъ былъ читать, не заботясь о спеціальныхъ потребностяхъ своихъ слушателей, не справляясь о томъ, что они знаютъ, чего не знаютъ. Какое преподаваніе должно было явиться результатомъ такихъ условій? Это нетрудно себѣ представить. Длинные научные выводы, требующіе цѣлаго ряда предварительныхъ разсужденій, должны были быть устранены. Слушатели посѣщаютъ или не посѣщаютъ лекцій, въ зависимости отъ своихъ занятій или своихъ прихотей. Прочитать лекцію, которая необходимо требовала бы, чтобы слушатель присутствовалъ на предыдущей лекціи, чтобы онъ предварительно подготовился,—это значило дѣлать расчетъ, который, навѣрное, будетъ имѣть недостаточный успѣхъ. Что означаетъ при такихъ порядкахъ это страшное выраженіе: „имѣть недостаточный успѣхъ“? Это значитъ имѣть мало слушателей; иначе говоря, то, что служить признакомъ истинно высшаго преподаванія, должно было сдѣлаться какъ бы предметомъ упрека. Лапласъ, если бы преподавалъ въ подобныхъ учрежденіяхъ, имѣлъ бы, навѣрно, не больше дюжины слушателей. Будучи открыты для всѣхъ, сдѣлавшись ареной своего рода соперничества, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы привлекать и удерживать публику,—что могутъ представлять собою понимаемые такимъ образомъ высшіе курсы? Блестящія изложенія, „чтенія“, какъ у жалкихъ ораторовъ временъ упадка римской

культуры. Что эти курсы могут дать? Людей истинно просвѣщенныхъ, способныхъ въ свою очередь двигать науку впередъ? Нѣтъ, они даютъ людей, которые, правда, пріятно развлеклись въ теченіе часа, но умъ которыхъ не почерпнулъ изъ этого преподаванія никакихъ новыхъ свѣдѣній.

Конечно, будутъ многочисленныя исключенія, которыя будутъ протестовать противъ моды на остроуміе, составляющей необходимое послѣдствіе такой системы. Евгеній Бюрнуфъ считалъ для себя славой имѣть шесть или восемь слушателей, являвшихся къ нему съ четырехъ концовъ Европы; онъ излагалъ имъ самыя трудныя древніе подлинники, которые только онъ одинъ умѣлъ понимать и объяснять. Но для этого надо быть героемъ науки. Въ большинствѣ случаевъ основательный ученый будетъ завидовать своему поверхностному собрату, который пріятной бесѣдой, высказываніемъ взглядовъ, легко постигаемыхъ,—отдѣльными лекціями, изъ которыхъ каждая представляетъ собою одно цѣлое, скорѣе сумѣетъ привлечь и удержать при себѣ толпу. Устанавливается своего рода соперничество, крайне неприличное, при которомъ добросовѣстный ученый, стремящійся научить своихъ слушателей чему нибудь положительному, необходимо потерпитъ поражение. Здѣсь нужно только, чтобы праздный посѣтитель, зашедшій по дорогѣ на четверть часа посидѣть на скамьѣ въ залѣ, широко для всѣхъ открытой, ушелъ довольный тѣмъ, что онъ слышалъ. Что можетъ быть болѣе унижительнаго для профессора, низведеннаго такимъ образомъ до роли человѣка, развлекающаго общество, стоящаго изъ-за одного этого ниже своей аудиторіи, уподобленнаго древнему актеру, цѣль котораго считалась достигнутой, если о немъ можно было сказать: „saltavit et placuit“?

Удивленіе нѣмца, который является, чтобы присутствовать на этихъ лекціяхъ, очень велико. Онъ прибываетъ изъ своего университета, гдѣ онъ привыкъ окружать своего профессора большимъ уваженіемъ. Этотъ профессоръ—Hofrath; онъ видитъ въ извѣстные дни самого государя! Это человѣкъ степенный, говорящій только о выдающихся вещахъ, берущійся за все только серьезно. Здѣсь же все наоборотъ. Стукъ дверей, которыя въ теченіе всей лекціи постоянно открываются и закрываются, безпрестанный приходъ и уходъ посѣтителей, праздный видъ слушателей, тонъ профессора, почти никогда не бывающій поучительнымъ, иногда напущенный, искусство въ выборѣ общихъ избитыхъ мыслей, которыя не научаютъ ничему новому, за то навѣрное вызываютъ знаки одобренія,—все это нѣмцу кажется страннымъ и неслыханнымъ. Аплодисменты въ особенности вызываютъ въ немъ самое сильное удивленіе. Внимательная аудиторія не имѣетъ времени аплодировать. Этотъ странный обычай тѣмъ болѣе доказываетъ ему, что здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобы преподавать, но о томъ, чтобы блистать. Онъ видитъ, что ничего не понимаетъ и говорить себѣ, что въ Германіи онъ бы не подписался на такой курсъ. Если курсъ платный, то подписавшійся за свои деньги требуетъ положительной науки, опредѣленныхъ результатовъ. Не платятъ за то, чтобы слушать человѣка, преслѣдующаго одну только цѣль—доказать, что онъ умѣетъ краснорѣчиво гово-

рить. Вильгельмъ Шлегель, рассказывали мнѣ, захотѣлъ, по французскому образцу, открыть такіе ораторскіе курсы въ Боннѣ, но не имѣлъ никакого успѣха. Никто не захотѣлъ беспокоиться, чтобы слушать эти блестящія чтенія, главная цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы обнаружить умъ профессора, и очевидный результатъ которыхъ заключался только въ томъ, что при выходѣ говорили другъ другу: „у него есть талантъ“.

Талантъ—такова была въ дѣйствительности высшая цѣль этой новой науки, освященной двойнымъ принципомъ безусловной публичности и бесплатности. Два важныхъ обстоятельства придали этому направленію еще болѣе рѣзкій характеръ. Революція, далеко не желая прерывать хода изслѣдованій въ области наукъ физическихъ и математическихъ, казалось, дала имъ новый толчекъ. Не такъ, однако, было съ тѣмъ отдѣломъ наукъ, который обозначаютъ именемъ „литературы“ и который гораздо правильнѣе было бы назвать отдѣломъ историческихъ и филологическихъ наукъ. По отношенію къ нимъ Франція въ концѣ XVIII столѣтія стояла очень низко. Революція окончательно унизила ее. Около 1800 года Франція, дѣйствительно, имѣла только двухъ выдающихся ученыхъ по тѣмъ специальностямъ, о которыхъ мы говоримъ: Сильвестра де-Саси и д'Ансса-де-Виллуазона. Но и то эти два человѣка, очень высоко стоявшіе, какъ знатоки греческаго и восточныхъ языковъ, были совершенными профанами въ философіи. Историческія и филологическія изслѣдованія, представляя собою предметъ болѣе тонкій, чѣмъ физическія и математическія науки, не могли развиваться во время Имперіи; они получили у насъ блестящее развитіе только во время Реставраціи; но ударъ уже былъ нанесенъ. Прискорбный перерывъ, который совершила революція въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, долженъ былъ приносить свои плоды въ теченіе больше чѣмъ полулѣткія. Извѣстная слабость въ преподаваніи языковъ и исторіи была послѣдствіемъ этого перерыва. За исключеніемъ нѣсколькихъ великихъ людей, можетъ быть, самыхъ выдающихся, какихъ только Европа создала въ этой отрасли, французская школа, по части словесныхъ наукъ, недалеко ушла. У нея не было недостатка ни въ умѣ, ни въ проникаемости, ни въ трудолюбіи, но ей недоставало традиціи. Масса силъ погибла изъ-за отсутствія системы, сверхчеловѣческія усилія тратились на пріобрѣтеніе того, чему студентъ хорошаго германскаго или голландскаго университета научается въ нѣсколькомѣсяцевъ.

Особыя свойства французскаго характера еще болѣе способствовали тому, чтобы въ высшемъ образованіи дать перевѣсъ упражненіямъ въ ораторскомъ искусствѣ. Господство французскаго ума, по крайней мѣрѣ, со времени Людовика XIV, больше выражается въ формѣ, чѣмъ въ сущности предметовъ. Нигдѣ такъ хорошо не пишутъ, какъ во Франціи; никакой народъ не получилъ въ удѣлъ такой драгоценной сокровищницы хорошихъ выраженій, такихъ превосходныхъ стилистическихъ правилъ. Созданная поколѣніями несравненныхъ мастеровъ слова, наша рѣчь является какъ бы превосходнымъ спутникомъ мысли, вмѣщая ее въ себѣ, измѣряя ее, временами ограничивая, но всегда прида-

вая ей рельефность и ясность, съ которой не сравнится никакой другой языкъ. Итальянцы обладаютъ подобнымъ же преимуществомъ, и послѣ французовъ являются націей, которая наилучшимъ образомъ пишетъ. Конечно, я не стану утверждать, что эта способность къ блестящему изложенію исключаетъ возможность серьезныхъ научныхъ изслѣдованій; совершенствомъ было бы соединеніе этихъ двухъ качествъ; но совершенство бываетъ рѣдко, и таланты націй почти всегда исключительны. Италія со своимъ стремящимся къ крайней чистотѣ языкомъ должна была дойти до сонетовъ и до блестящей болтовни академій XVIII столѣтія. Франціи угрожаетъ въ интеллектуальномъ отношеніи опасность превратиться въ націю говорунговъ, не заботящуюся о сущности вещей и истинномъ прогрессѣ знанія. Учрежденіе, которому Франція поручила по приготовленію учительскаго персонала для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, нормальная школа, было для слушателей филологическаго отдѣленія школой стиля, но не школой фактическихъ знаній. Она дала отмѣнныхъ публицистовъ, привлекательныхъ романистовъ, умы, утонченные въ самыхъ разнообразныхъ вкусахъ, все, наконецъ, за исключеніемъ людей, обладающихъ солиднымъ знаніемъ языковъ и литературъ. Въ особенности преподаваніе грамматики — основы филологіи — всегда находилось здѣсь въ систематическомъ пренебреженіи. Подъ предлогомъ поддерживать общія основы нравственности и вкуса, всѣ умы воспитывались въ одной и той же атмосферѣ. Но эти умы, какъ только оказывалась возможность, съ избыткомъ себя вознаграждали и навѣрно никакая нѣмецкая семинарія ¹⁾ не дала такихъ людей, какъ Прево-Парадоль, Абу, Тэнъ. Такова ужъ Франція, которая однимъ скачкомъ наворачтываетъ то, въ чемъ она отстала, которая знаетъ все, ничему не учившись, и осуществляетъ, благодаря счастливымъ и легкимъ дарамъ своего генія, то, чего другія націи добиваются путемъ прилежанія и труда.

Въ самомъ дѣлѣ, справедливо ли было бы забывать блескъ и славу, временами озарявшіе ту систему высшаго образованія, слабыя стороны которой мы только что критиковали? Можно ли забыть этихъ знаменитыхъ профессоровъ, которые въ первой половинѣ настоящаго столѣтія покрыли не высоко стоявшія кафедры такой несравненной славой? Вотъ гдѣ заключалось истинно самобытное проявленіе французскаго духа, — проявленіе, ничего равнаго которому не можетъ дать никакая другая нація. Но учебныя учрежденія должны быть организованы съ расчетомъ на прочное существованіе. Нужно, чтобы въ дѣлѣ, занимающемъ сотни лицъ, и человѣкъ посредственный имѣлъ свое мѣсто и могъ приносить пользу. Даже второстепенный ученикъ Бэка, Боппа, Карла Риттера оказываетъ услуги, является человѣкомъ полезнымъ, имѣющимъ значеніе въ научномъ движеніи своего времени, вносящимъ въ него свою долю труда — отдѣлкой одного изъ тѣхъ камней, которые входятъ въ составъ зданія вѣчнаго храма науки. Но что представляетъ собою посредственный ученикъ Ку-

¹⁾ Семинарія въ Германіи — это почти то же, что наша „Нормальная школа“.

зена, Гизо, Виллемена, Мишле? Система преподаванія, освященная этими выдающимися людьми, могла пригодиться только имъ. Она не могла дать плодотворнаго движенія въ области научныхъ изслѣдованій ¹⁾. Блестящія общія истины, излагаемыя съ самымъ рѣдкимъ талантомъ, привлекаютъ слушателей, но не создаютъ учениковъ. Въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ успѣхъ крайне опасенъ, громкая репутація подобныхъ курсовъ должна была привести къ печальнымъ результатамъ. Она должна была повредить спеціальному характеру преподаванія. Изъ факультетовъ, гдѣ ораторское изложеніе было умѣстнымъ, оно должно было перейти въ учрежденія научныя въ тѣсномъ смыслѣ слова. По необходимости стали измѣрять успѣхъ лекцій числомъ посѣтителей. Первоклассный ученый, имя котораго вѣками будетъ связано съ великими открытіями, видѣлъ, какъ ему предпочитаютъ адъюнкта, ставшаго таковымъ, благодаря долгимъ упражненіямъ въ искусствѣ говорить. Подающимъ большія надежды считали тогда молодого человѣка, искусстваго въ дѣлѣ изложенія, но чаще всего неспособнаго содѣйствовать развитію науки, работать съ пользой въ извѣстномъ направленіи, даже стоять въ курсѣ новѣйшихъ познаній. Чисто научныя изслѣдованія терпѣли отъ этого непоправимыя потери. Часто считалось признакомъ хорошаго вкуса встрѣчать съ притворнымъ недоумѣніемъ результаты новыхъ первоклассныхъ изслѣдованій, которыя величали „нелѣпостями нѣмецкой критики“. Такимъ высокомернымъ презрѣніемъ придавали себѣ видъ превосходства, и въ то же время извиняли свое умственное нерадѣніе. Дѣйствительно, человѣкъ, занятый только внѣшностью изложенія, не любитъ, чтобы мѣняли принятыя имъ взгляды и сочиненныя въ готовомъ видѣ фразы. Менѣе заботясь объ истинѣ, чѣмъ о формѣ, онъ хотѣлъ бы имѣть дѣло съ положеніями, разъ навсегда избранными, какъ, напри- мѣръ, въ Китаѣ, гдѣ, какъ рассказываютъ, преподаютъ ложную астрономію, зная что она ложна, только потому, что она составлена хорошими авторами. Всемирная Исторія Боссюэ, при настоящемъ состояніи историческихъ знаній, не имѣетъ ни одного отдѣла, который выдерживалъ бы критику; за то сама книга классическая. Тѣмъ хуже для исторіи. Что-бы ни творилъ Момзень, онъ ничего не подѣляетъ противъ этого прекраснаго стиля и этихъ укоренившихся привычекъ.

Я не сѣтую на существованіе подобнаго направленія ума. Оно полезно, можетъ быть, даже необходимо; но, по моему мнѣнію, оно уже черезчуръ охватило высшее преподаваніе. Оно повлекло за собой истинный упадокъ важныхъ научныхъ изслѣдованій. Всякая культура, возвращающаяся въ одной и той же области, не обновляясь, неизбѣжно вырождается въ риторическую напыщенную болтовню. Нельзя допустить, чтобы сословіе, призванное для преподаванія, могло быть, безъ вреда для дѣла, мало или недостаточно ученымъ. То, къ чему не чувствуется живого

¹⁾ Кузенъ и Мишле пробудили склонность къ исторіи и серьезнымъ трудамъ; но они достигли этого вовсе не своими лекціями въ Сорбоннѣ или Французской Коллегіи.

и непосредственнаго влеченія, преподается крайне скверно. Слѣдующій примѣръ пояснить мою мысль. Тексты древнихъ произведеній дошли до насъ послѣ тысячи приключеній, которыя сдѣлали возстановленіе ихъ въ массѣ случаевъ дѣломъ сомнительнымъ и всегда представляющимъ массу затрудненій. Первыя изданія классиковъ, выпущенныя въ XV столѣтіи, ограничивавшіяся почти буквальнымъ воспроизведеніемъ одной какой-нибудь рукописи, были крайне трудны для пониманія. Ученые издатели XVI вѣка, люди вкуса и особенно озабоченные тѣмъ, чтобы дать возможность древнимъ авторамъ пользоваться той славой, которую они заслуживали, захотѣли дать публикѣ такія изданія, гдѣ не приходилось бы наталкиваться на каждой строчкѣ на нелѣпости. Они исправляли, иногда удачно, часто, однако, съ поразительной смѣлостью, желая, во чтобы то ни стало, чтобы предлагаемый ими текстъ, былъ чистъ и ясенъ. Сравненіе всѣхъ рукописей было тогда невозможно, при томъ дѣло было спѣшно: нужно было удовлетворить тому жадному любопытству, которое общество обнаруживало по отношенію къ столькимъ образцовымъ произведеніямъ. И, дѣйствительно, въ теченіе двухсотъ лѣтъ классическіе тексты, которыми восхищались школы и которые онѣ комментировали, представляли собою сильно искаженные подлинники, въ составленіи которыхъ изрядная часть принадлежала риторамъ временъ Восточной Имперіи и филологамъ эпохи Возрожденія. Какой, однако, системѣ слѣдовала германская критика во время тѣхъ великихъ изслѣдованій, которыя начались въ Германіи въ концѣ прошлаго столѣтія? Той же самой, которая соблюдается при возстановленіи произведеній искусства. Масса античныхъ статуй была въ XVI столѣтіи поправлена и подновлена, такъ какъ въ эту эпоху вовсе не думали о томъ, чтобы видѣть произведенія древности въ томъ видѣ, въ какомъ они до насъ дошли; думали только о томъ, чтобы показать прекрасныя произведенія, которыхъ бы ничто не безобразило. Когда же древнее искусство стало изучаться людьми болѣе знающими, то они поспѣшили удалить эти злополучныя прибавки. Точно также поступали и съ текстами. Благодаря тѣмъ облегченіямъ, которыя доставляютъ теперь большія коллекціи рукописей, собранныя въ столицахъ, была предпринята обширная работа сличенія ихъ: помощью вѣрныхъ правилъ доходили до самаго древняго текста, до какого только было возможно; устраняли неразумныя поправки современныхъ издателей. И вотъ, фактъ очень замѣчательный: отдѣлъ рукописей императорской бібліотеки представляетъ самую драгоцѣнную коллекцію древнихъ латинскихъ подлинниковъ, какая только существуетъ. Воспользовались ли профессора французскаго университета этими богатствами? Нисколько. Обработали весь этотъ матеріалъ и извлекли изъ него всю пользу пріѣхавшіе нѣмцы и голландцы. Собранія классиковъ, не оставляющія желать ничего лучшаго въ типографскомъ отношеніи, издавались во Франціи безъ того, чтобы кто либо догадался отправиться на улицу Ришелье и поискать средства къ улучшенію текстовъ. На эту работу, исполненную съ такой рѣдкой терпѣливостью нѣмцами и голландцами, университетская школа

смотрѣла даже недоброжелательно. Принято было говорить, что нѣмцы „искажаютъ тексты“, въ то время какъ, на самомъ дѣлѣ, они только пытались ихъ возстановить. Такой же смыслъ имѣло бы утверждать, что прекрасную картину мастера портятъ тѣмъ, что снимаютъ съ нея плохія украшенія. Рутина, впрочемъ, всегда одна и та же. Когда появился настоящій, греческій Аристотель, онъ долженъ былъ выдержать продолжительную борьбу противъ поддѣльнаго Аристотеля, которымъ пользовались университеты. Профессора подняли жалобы; привыкли довольствоваться записками, составленными менѣе ста лѣтъ тому назадъ и имѣвшими смѣлость представлять собою истинное ученіе философа, они объявляли послѣдняго поддѣльнымъ, когда онъ появился въ подлинномъ текстѣ своихъ произведеній. Сколько творцовъ, если бы они появлялись, были бы такимъ же образомъ очень дурно приняты тѣми, кто претендуетъ на преподаваніе отъ ихъ имени.

Я знаю, что здѣсь необходимо сдѣлать много оговорокъ. Больше, чѣмъ кто либо, я сумѣлъ оцѣнить значеніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ учителей и вполне громко заявляю, что нѣтъ ни одного изъ предыдущихъ утвержденій, которое не было бы ложнымъ, если только принимать его въ абсолютномъ смыслѣ; но почти всѣ истинные ученые, которыхъ насчитываетъ въ своей средѣ профессорскій персоналъ, я думаю, сами вмѣстѣ со мной пожалѣютъ о томъ, что то направленіе, которое они даютъ, такъ мало находитъ послѣдователей. Въ общемъ преподаваніе на нашихъ филологическихъ факультетахъ скорѣе представляетъ собою преподаваніе риторовъ IV и V вѣковъ, чѣмъ соответствуетъ современному состоянію науки, и часто я воображаю себѣ, что если бы современные Авзону учителя грамматики вошли въ наши залы, назначенныя для высшаго преподаванія, то они подумали бы, что вошли въ свою школу. Парижъ — это такой блестящій центръ, что въ немъ этого пробѣла не замѣчаешь; но перейдите въ провинцію, и какое запустѣніе вы тамъ найдете! Не считая нѣсколькихъ почетныхъ исключеній, провинціальныя факультеты не даютъ ничего оригинальнаго, ничего важнаго. Одна или двѣ попытки, которыя дѣлались съ цѣлью создать или поддерживать научныя школы, хотя и обнаружили похвальную дѣятельность, все-таки доказали отсутствіе серьезности, наивность, ложность сужденій, что наводитъ на печальныя размышленія. Одинъ только Страсбургъ, благодаря своимъ протестантскимъ учрежденіямъ, твердо сохранилъ завѣтъ истинныхъ научныхъ изслѣдованій и основательныхъ методовъ преподаванія. За исключеніемъ его все научное творчество сосредоточивается все болѣе и болѣе въ Парижѣ. Его ищутъ и находятъ только тамъ. Эта блестящая Александрія, не имѣющая учрежденій, подобныхъ своимъ, въ другихъ городахъ, меня беспокоитъ и пугаетъ. Никакой центръ умственной работы не можетъ сравниться съ Парижемъ; это городъ, именно созданный для пользованія имъ людей съ умомъ; но какъ слѣдуетъ бояться за этотъ оазисъ, находящійся среди пустыни! Ему угрожаютъ постоянныя опасности. Ударить порывъ вѣтра, изсякнетъ источникъ, срублено будетъ нѣсколько пальмъ — и пустыня возьметъ свое!

Итакъ, скажемъ, не колеблясь: существуетъ пробѣлъ, пополненіемъ котораго слѣдуетъ заняться. Франція перестала бы соблюдать свое достоинство, если бы на томъ новомъ пути, на который европейскій умъ вступилъ за послѣдніе столѣтія, она придерживалась бы своихъ старыхъ завѣтовъ умственного легкомыслія. Допустимъ, что Франція въ интеллектуальномъ отношеніи находится на томъ же уровнѣ, что и раньше; за то вполнѣ вѣроятно, что этотъ родъ ума не стоитъ уже такъ высоко. Это уже не тотъ умъ, который составлялъ законъ для Европы. Многочисленная группа образованныхъ людей, которые съ жаромъ и успѣхомъ работаютъ надъ тѣмъ, чтобы отучить Англію отъ ея отсталыхъ привычекъ, устремилась туда еся со стороны Германіи. Пробуждающіяся Италія и Греція уже не учатся у Франціи; онѣ учатся у Германіи: у нея же цѣлое уже столѣтіе учится и продолжаетъ еще учиться Россія. Правда, исключительнымъ преимуществомъ Франціи является ея умѣніе примѣняться ко всему и превосходить даже въ томъ, что она заимствуетъ отъ другихъ. Франція въ настоящее время довольно невѣжественна: она полагаетъ, что ей высказываютъ смѣлыя мысли въ то время, какъ ей говорятъ о простыхъ вещахъ; но—этого нельзя не признать,—завтра она сможетъ учить другихъ. Это—женщина, которая сначала слушаетъ васъ не понимая, затѣмъ вдругъ однимъ удачнымъ, сильнымъ и глубокимъ выраженіемъ доказываетъ вамъ, что она все поняла, и что она въ одинъ моментъ отгадала то, что стоило вамъ продолжительныхъ усилій. За короткое время, Франція сможетъ такимъ образомъ исправить свои прошлыя ошибки. Въ томъ наивномъ удивленіи, которое вызываютъ въ ней новыя научныя изслѣдованія, заключается нѣчто до такой степени серьезное, что можетъ обезоружить даже педанта. Не будемъ только воображать, что, для поддержанія нашей репутаціи, мы обязаны быть поверхностными. Отцы наши не страдали этимъ въ такой степени, какъ объ этомъ говорятъ; во всякомъ случаѣ, они къ этому не стремились. Легкомысліе—черта привлекательная на первый взглядъ; но не слѣдуетъ слишкомъ грѣшить ею. Будемъ остерегаться того, что мадамъ Сталь прозвала въ одномъ мѣстѣ педантизмомъ легкомыслія.

III.

Представляя эти сужденія на усмотрѣніе лицъ, занимающихся дѣломъ образованія, я нисколько не хотѣлъ подвергнуть критикѣ какую бы то ни было администрацію. То, что произошло, произошло въ силу строгаго логическаго порядка вещей; никто не является здѣсь отвѣтственнымъ, и во всякомъ случаѣ наиболѣе спокойно могутъ умыть здѣсь руки тѣ, роль которыхъ заключается только въ томъ, что они приняли наслѣдіе далекаго прошлаго. Еще менѣе я хотѣлъ просить о реформахъ или указывать ихъ. Я мало вѣрю въ дѣйствительность предписаній: не потому, что они остаются безъ послѣдствій, но потому, что крайне рѣдко добро, являющееся результатомъ нововведеній, искупаетъ неудобство, возникающее отъ измѣненія установленнаго. Я представляю себѣ идеальную администрацію, которая не издавала бы

ни одного новаго постановленія, а ограничивалась бы только выбором соотвѣтственныхъ лицъ. Люди значатъ все, постановленія—очень мало. Кромѣ того, условія нашего высшаго преподаванія такъ глубоко связаны съ основными законами французскаго общества, явившагося слѣдствіемъ революціи, что нечего и мечтать о какой либо коренной перемѣнѣ. Ограничить совершенную бесплатность и публичность этого преподаванія казалось бы несогласнымъ съ духомъ свободы. Перенести его изъ Парижа, создать во Франціи ученые города на манеръ Геттингена и Гейдельберга, многимъ показалось бы такой нелѣпой мыслью, что бесполезно даже подвергать ее обсужденію. Вѣдь все направленіе принятой во Франціи системы высшаго преподаванія является слѣдствіемъ этихъ трехъ или четырехъ существенныхъ условій. Слѣдуетъ ли отказаться отъ мысли увидѣть во Франціи тѣ великія научныя учрежденія, которыя составляютъ славу другихъ странъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Планы существуютъ; просвѣщенное начальство, одинаково внимательное къ разнымъ отраслямъ, подлежащимъ его вѣдѣнію, убѣжденное, что обязанность государства двойная, что оно должно расширять и въ то же время распространять знанія,—такое начальство, повторяю, сумеетъ извлечь пользу изъ тѣхъ безчисленныхъ ресурсовъ, которыми обладаетъ Франція. Два или три новыхъ обстоятельства, мнѣ кажется, въ состояніи облегчить эту задачу и поднять у насъ уровень высшаго преподаванія.

На первый планъ я ставлю предоставленіе въ принципѣ свободы возникновенію на-ряду съ государственнымъ преподаваніемъ преподаванія вольнаго, съ характеромъ въ одно и то же время привлекательнымъ и возвышеннымъ. Если; какъ этого слѣдуетъ ожидать, этому превосходному нововведенію суждено получить развитіе, то отъ него можно ожидать самыхъ благопріятныхъ результатовъ¹⁾. Всякое пробужденіе благотворно, и такова ужъ удивительная сила свободы, что она приноситъ пользу всѣмъ, даже тѣмъ, привилегіи которыхъ она какъ будто бы нарушаетъ. По моему мнѣнію, такого рода свободные курсы больше всего принесутъ пользы государственному преподаванію. Коль скоро обязанность развлекать и просвѣщать любезную и умную публику станетъ тѣмъ, чѣмъ она должна быть, то есть, занятіемъ свободнымъ, дозволеннымъ, даже поощряемымъ, лица, занимающія великія кафедръ, найдутъ болѣе для себя удобнымъ заниматься своими суровыми обязанностями. Государство никому не обязано доставлять развлеченій. Оно обязано давать всѣмъ начальное образованіе; тѣмъ болѣе оно должно давать высшее образованіе, которое предназначено для небольшого числа лицъ, но благодѣянія котораго простираются на всѣхъ. Можно серьезно надѣяться, что высшія учебныя учрежденія достигнутъ такимъ образомъ того, что будутъ освобождены отъ публики, извращавшей ихъ характеръ. Обратившись къ своему истинному предназначенію—поддерживать завѣты высшаго образованія,—эти учебныя учреж-

¹⁾ Это было написано въ 1864 году. Надежды того времени почти нисколько не осуществились.

денія меньше будутъ думать о привлеченіи толпы, чѣмъ о приобрѣтеніи учениковъ. Идея научнаго авторитета, отъ отсутствія котораго Франція такъ страдаетъ, распространится и укрѣпится.

При томъ все болѣе и болѣе будетъ устанавливаться нѣкоторое отличіе въ преподаваніи. Пусть факультетскія кафедры продолжаютъ считать главною своею цѣлью распространеніе приобрѣтенныхъ научныхъ истинъ извѣстной уже науки,—мы не видимъ въ этомъ неудобства; но пусть не приносится въ жертву этой законной потребности блестящаго и яснаго изложенія работа надъ новыми научными вопросами и то преподаваніе, главная цѣль котораго заключается въ открытіи новыхъ результатовъ. Пусть французская коллегія вновь станетъ тѣмъ, чѣмъ она была въ XVI столѣтіи, и чѣмъ была еще нѣсколько разъ съ того времени,—великимъ храмомъ науки, всегда открытой лабораторіей, гдѣ подготовляются открытія, куда допускается публика, чтобы видѣть, какъ работаютъ, какъ открываютъ, какъ провѣряютъ и сличаютъ открытое. Интересные или просто поучительные курсы здѣсь не у мѣста; здѣсь не должно быть и рѣчи о программахъ, образующихъ одно цѣлое. Даже кадры коллегіи должны безпрестанно мѣняться. За исключеніемъ извѣстнаго числа кафедръ, всегда имѣющихъ право на существованіе, такъ какъ онѣ представляютъ собою великіе научные отдѣлы, работа надъ которыми продолжается изъ вѣка въ вѣкъ, названія остальныхъ кафедръ по большей части должны были бы быть непостоянными, соотвѣтственно задачамъ даннаго времени. Не слѣдуетъ стремиться къ совмѣщенію въ одной кафедрѣ мнимо однородныхъ предметовъ, ни также къ тому, чтобы всѣ отрасли преподаванія имѣли здѣсь своихъ представителей. Конечно, Боже меня сохрани указывать хотя бы одну изъ дѣйствительно существующихъ кафедръ, упраздненія которой можно было бы желать, такъ какъ нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая не была бы занимаема человекомъ съ рѣдкими заслугами! Но все-таки не слѣдуетъ ли сожалѣть о томъ, что до сихъ поръ не представилось возможности что-либо упразднить для созданія кафедры зендскаго языка, зедской литературы, а особенно кафедры кельтійскихъ языковъ и литературъ? Послѣднее обстоятельство для друзей научныхъ изслѣдованій составляетъ предметъ горькихъ размышленій. Въ Германіи нѣтъ не только университета, но даже и школы высшаго разряда, которая не имѣла бы кафедры древнихъ германскихъ языковъ и литературъ. Значитъ ли это, что кельтійскіе языки обладаютъ меньшимъ количествомъ литературныхъ памятниковъ, что они представляютъ для изслѣдованія менѣе интересныя и менѣе разнообразныя задачи? Конечно, нѣтъ. Подлинники, написанные на четырехъ кельтійскихъ нарѣчіяхъ, по количеству матеріала почти сравниваются съ древними германскими подлинниками; они восходятъ почти до такой же древности, а, въ смыслѣ историческаго и поэтическаго интереса, они, по моему, выше. И вотъ, это національное богатство находится у насъ въ забвеніи. Достаточно было нѣсколько пустыхъ преувеличеній, насмѣшекъ одной или двухъ кельтійскихъ академій въ началѣ настоящаго столѣтія, чтобы дискредитировать вполне незаслуженно эти научныя

изслѣдованія. Наши старинные туземные языки не удостоиваются той чести, что турецкій и явайскій языки; они никогда не были въ числѣ предметовъ нашего высшаго преподаванія.

Богатая французская коллегія, въ которой совершенно не было бы мѣста легкомыслію, существованіе которой, не смотря на свободный въ нее доступъ, едва было-бы извѣстно большой публикѣ,—вотъ великое средство противъ того упадка великихъ изслѣдованій, съ которымъ не можетъ терпѣливо мириться народъ, стремящійся быть предметомъ зависти для другихъ. Тотъ же принципъ, который послужилъ для основанія французской коллегіи въ XVI вѣкѣ, обезпечить ей и прочное существованіе. Эпоха Возрожденія создала массу научныхъ изслѣдованій и методовъ, которымъ университетъ не хотѣлъ давать мѣсто въ своихъ учрежденіяхъ. Францискъ I, вмѣсто того, чтобы непосредственно, административными мѣрами, бороться съ рутиннымъ направленіемъ университета, создалъ рядомъ съ нимъ соперничающее учрежденіе, гдѣ находили убѣжище научныя изслѣдованія, не принимаемая университетомъ. Что нужно дѣлать для того, чтобы опять обратить французскую коллегію къ этому высокому предназначенію? Вновь ввести направленіе временъ Франциска I и Генриха II, призвать туда людей, которые въ сферѣ наукъ физическихъ, математическихъ, историческихъ и филологическихъ могли-бы творить новое.. Пусть никакая новая отрасль знанія не появляется во Франціи безъ того, чтобы сейчасъ же не быть представленной въ коллегіи своимъ основателемъ. Нѣтъ никакой необходимости, чтобы кафедры французской коллегіи представляли собой энциклопедическій образовательный кадръ. Существеннымъ является то, чтобы онѣ представляли состояніе научнаго движеніе. Такъ какъ цѣль французской коллегіи скорѣе заключается въ томъ, чтобы поддерживать великіе завѣты важныхъ научныхъ изслѣдованій, чѣмъ въ томъ, чтобы доставлять полный комплектъ курсовъ, то лекціи профессора, по отношенію ко многимъ предметамъ преподаванія, должны составлять только часть его обязанностей. Французская коллегія никогда не была въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, чѣмъ въ ту эпоху, когда она не имѣла собственнаго зданія¹⁾ и когда каждый профессоръ собиралъ на своей квартирѣ учениковъ, желавшихъ его слушать. Существеннымъ было-бы, чтобы человѣкъ, посвятившій себя ряду новыхъ изслѣдованій, образовалъ вокругъ себя школу, которая бы работала подъ его руководствомъ. Лабораторіи прекрасно достигаютъ этой цѣли по отношенію къ химіи, физикѣ, физиологіи. Для филологическаго преподаванія, можетъ быть, было бы удобнымъ основать нѣсколько бесплатныхъ общежитій „слушателей - пансіонеровъ“, что дало бы возможность прилежнымъ молодымъ людямъ проходить въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ курсы, которые

---

¹⁾ Важно въ самомъ дѣлѣ замѣтить, что старинный „королевскій лекторъ“ получалъ жалованіе единственно за то, чтобы распространять и совершенствовать тѣмъ способомъ, который онъ считалъ наилучшимъ, знанія, представителемъ которыхъ онъ былъ. Коллегія стала помѣщаться въ собственномъ зданіи только въ царствованіе Людовика XIII.

въ началѣ совершенно непродуктивны. Такъ какъ скромная жизнь молодого ученаго стала гораздо затруднительнѣй, благодаря недавнимъ измѣненіямъ условій парижской жизни, то это повлечетъ за собой большой ущербъ для высшей науки, если только этому не помогутъ цѣлесообразными предупредительными мѣрами.

Подобныя заботы объ обученіи, на видѣ мелочныя и прозаическія, многимъ покажутся излишними. Великое горе нашихъ обществъ заключается въ ихъ умственной узости. Думаютъ только объ одномъ поколѣніи. „Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ“, говоритъ превосходно Біо ¹⁾, „физическія и химическія науки наполнили міръ своими чудесами. Пароходство, электрическій телеграфъ, освѣщеніе газовое или то, которое получается благодаря ослѣпительному свѣту электричества, превращеніе солнечныхъ лучей въ орудіе для рисованія, печатанія, гравированія, сотни другихъ чудесъ человѣческихъ, о которыхъ я не упоминаю,—все это поразило народы безпредѣльнымъ и повсемѣстнымъ изумленіемъ. И вотъ, неразумная толпа, не зная причинъ, видѣла скорѣе результатъ наукъ, чѣмъ самыя науки, и, подобно дикарямъ, она охотно согласилась бы срубить дерево, для того, чтобы получить его плоды. Толкуйте ей послѣ этого о подготовительныхъ курсахъ, о физическихъ и химическихъ теоріяхъ, которыя, будучи долгое время вырабатываемы въ тиши кабинета, дали возможность появиться этимъ чудесамъ! Хвалите ей математику, этотъ производящій корень всѣхъ положительныхъ наукъ. Она даже не станетъ васъ слушать. Какая польза ей отъ теоретиковъ? Развѣ Лагранжъ, Лапласъ создали фабрики и промышленность? А вѣдь этого ей только и нужно! Она хочетъ только наслаждаться. Для нея результатъ значитъ все; а того, что предшествуетъ ему, она не признаетъ и даже презираетъ. Будемъ беречься, поскольку мы представляемъ собою людей науки, чтобы не дать себя смутить этими громкими требованіями черни. Будемъ продолжать, не обращая на нихъ вниманія, съ неизмѣнной настойчивостью нашъ терпѣливый трудъ научнаго изслѣдованія“.

Разсужденіе, которое справедливо подвергается порицанію со стороны Біо, принадлежитъ скорѣе жалкимъ, надѣленнымъ претензіями, посредственнымъ людямъ, чѣмъ невѣжественной массѣ. Вполнѣ вѣрно, однако, что такія ложныя разсужденія являются истинной опасностью для современныхъ обществъ, особенно для французскаго. Блестящее и осязательное имѣетъ въ нашихъ глазахъ слишкомъ много преимуществъ надъ тѣмъ, что долговѣчно. А отъ этого не мало пострадала основательность. Конечно, мы знаемъ больше, чѣмъ было извѣстно въ XVII и XVIII вѣкахъ; міръ для насъ безконечно расширился, въ особенности исторія: въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь понимаемъ, она не имѣетъ почти ничего общаго съ тѣмъ, что раньше называли этимъ именемъ; но умственная дисциплина была въ прежнія времена

¹⁾ Journal des Savants, мартъ 1854, и Mélanges scientifiques et littéraires, т. I, стр. 469—470.

сильнѣй. Какое прилежаніе! какая серьезность! и, несмотря на отдѣльныя слабости, какой духъ истины! Общественныя сословія были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше управляемы. Магистратура, духовенство, монашескія учрежденія, доставляли трудолюбивымъ людямъ прекрасную возможность къ существованію. Взявши все это на себя, государство приняло тяжелое для своего бюджета наслѣдіе. Но пусть оно не отказывается рѣшительно, а пусть дѣлаетъ для научнаго развитія то, что оно дѣлаетъ для вещей необходимыхъ, которыя находились бы въ пренебреженіи, если бы оно въ нихъ не вмѣшивалось. Лѣса исчезли бы, если бы ихъ предоставили частной спекуляціи; но лѣса нужны, и вотъ почему ихъ разводятъ, смотря на нихъ, какъ на достояніе государства. То-же относится и къ высшей наукѣ. Она, безъ сомнѣнія, не погибла бы, если бы французское правительство отказалось ее поддерживать. Благодаря раздѣленію Европы и тому благодѣтельному соперничеству, которое ей свойственно, благодаря въ особенности частной инициативѣ и большимъ состояніямъ, которыя, въ особенности въ Англии, перешли въ руки просвѣщенныхъ лицъ, будущее свободнаго развитія ума обезпечено. Но здѣсь дѣло идетъ о чести нашей страны. Недостаточно внутренняго убѣжденія, что міръ намъ удивляется: нужно доказать на дѣлѣ, что мы занимаемъ прежнее мѣсто по отношенію къ тому роду умственнаго развитія, которому Европа отдавала рѣшительное предпочтеніе.

Конечно, было бы очень наивно надѣяться, что Франція измѣнитъ свой характеръ; было бы безразсудно даже желать этого. Франція прекрасна въ томъ видѣ, въ какомъ она есть. Если бы даже въ нашихъ рукахъ былъ волшебный жезлъ, мы должны были бы дрожать прежде, чѣмъ коснуться этихъ сложныхъ явленій, гдѣ все такъ умѣстно, гдѣ достоинства проистекаютъ изъ недостатковъ, и гдѣ нельзя ничего измѣнить, не нарушая цѣлаго. Но средство быть истинно достойнымъ самого себя не заключается въ томъ, чтобы развивать свои недостатки. Величіе Франціи состоитъ въ томъ, что она вмѣщаетъ въ себѣ совершенно противоположныя явленія. Франція—это родина Казобона, Декарта, Сомеза, дю-Конжа, Фрере. Франція была серьезной націей тогда, когда она была остроумной; можно даже утверждать, что она была болѣе остроумной, когда была болѣе серьезной, и что то, что она потеряла въ смыслѣ серьезности, она не выиграла въ смыслѣ истинной пріятности. Будемъ сохранять, я настаиваю на этомъ, французскій духъ, но сохранимъ его цѣликомъ. Въ особенности намъ не слѣдуетъ надѣяться, что мы, замыкаясь въ кругъ нашихъ старинныхъ привычекъ, будемъ и впредь оказывать на Европу то же вліяніе, которое мы оказывали въ XVІІ и XVІІІ вѣкахъ. Умственное развитіе Европы представляетъ собою обширный обмѣнъ, при которомъ всякій въ свою очередь даетъ или принимаетъ; тотъ, кто вчера былъ ученикомъ, становится сегодня учителемъ. Это—дерево, въ которомъ каждая вѣтвь участвуетъ въ жизни всѣхъ остальныхъ, а бесплодными вѣтвями являются только тѣ, которыя изолируютъ себя и лишаютъ общенія со всѣми другими.

Великій опытъ, который производитъ Франція съ конца прошлаго столѣтія, такъ-же касается умственной сферы, какъ и политической. Исходъ этого опыта совершенно неизвѣстенъ; но навѣрно, ужь одно то, что онъ предпринятъ, послужить къ сла- вѣ. Можетъ ли демократія, на манеръ французской, составить въ политическомъ отношеніи крѣпкое и прочное общество? Можетъ ли она въ интеллектуальномъ отношеніи установить просвѣщен- ное общество, которое не находилось бы во власти шарлатановъ, въ которомъ знаніе, разумъ, умственное превосходство будутъ на- ходить свое мѣсто, свой законный авторитетъ и свою оцѣнку? Вотъ то, что будетъ извѣстно черезъ сто лѣтъ, и притомъ благо- даря Франціи. Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые вѣрятъ въ будущее демократіи; но такого рода предсказанія всегда подверже- ны массѣ сомнѣній, такъ какъ человѣческія явленія представля- ютъ собою нѣчто сложное для того, чтобы можно было быть увѣ- реннымъ въ одновременномъ обладаніи всѣми данными для рѣ- шенія проблемы; при томъ воля великихъ людей отъ времени до времени разбиваетъ всѣ разсчеты. Во всякомъ случаѣ, нужно продолжать опытъ. *Felix culpa!* Эта отвага, которая временами от- нимаетъ у насъ всѣ преимущества людей разсудительныхъ, со- ставляетъ наше величіе. Многие выдающіеся умы, при видѣ этихъ періодическихъ, сопровождающихся ослабленіями, кризисовъ, ко- торые какъ бы вошли въ обыкновеніе для нашей страны, хотѣли бы подражать тѣмъ странамъ, которыя въ этомъ отношеніи не грѣшили, или употребить средства, способныя насъ успокоить. Но этотъ покой былъ бы для насъ смертью. Франція не умѣетъ быть посредственной. Если стануть работать надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее таковой, то это не удастся; ее сдѣлаютъ не посред- ственной, а ничтожной и худшей, чѣмъ всѣ. Не будемъ же уни- мать этого славнаго жара, составляющаго признакъ нашего бла- городства. Позаботимся только о томъ, чтобы приступъ не при- вель больного къ смерти или не поразилъ его неизлѣчимой сла- бостью. Солидное образованіе ума, неусыпное вниманіе, удѣляе- мое постояннымъ интересамъ общества, вѣчное опасеніе уступить тѣмъ поверхностнымъ взглядамъ, которые такъ часто являются выраженіемъ сужденій толпы,—все это—противовѣсъ, помощью котораго можно будетъ предупредить нѣкоторыя несчастныя слу- чайности положенія, полного опасностей.

Научныя изслѣдованія въ Германіи.

(Письмо редакторамъ „Германскаго Обозрѣнія“¹⁾).

Парижъ, 15 декабря 1857 года.

Милостивые государи!

Вашъ планъ „Германскаго Обозрѣнія“ осуществляетъ одно изъ моихъ сильныхъ желаній. Я не думаю внушать вамъ тѣ идеи, которыя вы уже возымѣли. Но желая доказать вамъ,

¹⁾ Это письмо появилось въ первомъ номерѣ *Revue germanique*.

какой интересъ я питаю къ вашему благородному намѣренію, я позволю себѣ сообщить вамъ нѣсколько соображеній насчетъ того мѣста, которое, какъ мнѣ кажется, должна будетъ занимать въ вашемъ сборникѣ отрасль германскихъ научныхъ трудовъ, особенно занимавшая меня.

Ваше „Обозрѣніе“ должно давать полную картину интеллектуальной дѣятельности Германіи. Отдѣлъ этой дѣятельности, заслуживающій, по моему мнѣнію, наиболѣе вниманія,—это науки историческія и филологическія. Германія до самыхъ послѣднихъ лѣтъ стояла на одной высотѣ съ Франціей въ области физическихъ и математическихъ наукъ. Германская философія представляетъ собою нѣчто очень своеобразное, чего нельзя съ чѣмъ бы то ни было сравнить и что можно будетъ оцѣнить только со временемъ. Что касается группы тѣхъ произведеній, которыя раньше назывались „твореніями духа“, а теперь обозначаются именемъ „литературы“, то Германія нисколько не избѣгла общаго упадка, который въ наше время постигъ поэтическое творчество. Она имѣла раньше въ этой сферѣ геніальныхъ людей, а въ настоящее время у нея едва имѣется нѣсколько людей съ талантомъ. Истинное превосходство Германіи, на мой взглядъ, заключается въ толкованіи прошлаго. Германія понимала исторію скорѣе какъ науку, чѣмъ какъ искусство. У нея нѣтъ великихъ историковъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ это слово; чтобы заслужить это имя, нуженъ талантъ къ изложенію, которымъ Германія, повидимому, пренебрегаетъ; но никогда ни одна раса не обладала болѣе удивительными способностями къ научнымъ изслѣдованіямъ. Критика и исторія ума человѣческаго, филологія,—это необходимое орудіе этой науки,—это ея созданіе. Конечно, серьезное и терпѣливое изученіе памятниковъ древности существовало раньше, чѣмъ занялась этимъ Германія. Чтобы ограничиться однимъ только примѣромъ, укажу, какой удивительный, серьезно-научный каталогъ представляетъ собою старинный сборникъ Академіи Надписей и Изящной Словесности! Но заслуга, оказанная Германіей, состоитъ въ томъ, что она возвела на степень организованной науки то, что раньше служило только предметомъ отдохновенія для любителя, и что она дала философскую оцѣнку тѣмъ трудамъ, которые раньше разсматривались, какъ занятіе для удовлетворенія любопытства.

Германія, какъ вы это знаете, не имѣетъ „Обозрѣній“ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ. У нея есть спеціальныя журналы, въ которыхъ каждая наука излагаетъ послѣдовательно свои открытія. Нѣмцы не пишутъ: они излѣдуютъ и размышляютъ. Тотъ трудный и блестящій родъ критики, образецъ котораго дало намъ „Revue des Deux Mondes“, не подходитъ къ складу ихъ характера, который больше заботится о сущности, чѣмъ о формѣ. Та же разница и въ преподаваніи. Курсы, устроенныя по тому блестящему образцу, который ввели во Франціи Кузенъ, Виллеманъ, Гизо,—не имѣли въ нѣмецкихъ университетахъ никакого успѣха. Наоборотъ: самыя спеціальныя курсы привлекаютъ тамъ слушателей, если только можно надѣяться узнать на этихъ курсахъ новыя мысли или новые факты.

Итакъ, именно въ специальныхъ журналахъ редакторы „Германскаго Обозрѣнія“ должны были бы, по моему, искать самаго важнаго матеріала для своей работы. „Journal de la Société orientale allemande“ представляетъ самый богатый сборникъ трудовъ, касающихся азіатскихъ древностей. Было бы полезно перевести докладъ, который появляется въ каждомъ томѣ этого сборника относительно ежегодныхъ успѣховъ въ ориенталистическихъ изслѣдованіяхъ. Журналь Гаупта по отношенію къ германскимъ древностямъ, „Musée du Rhin“, по отношенію къ классической древности, Communications Пертскаго института по части географіи, то же представляютъ прекрасные сборники, драгоценныя свѣдѣнія которыхъ для насъ теряются, благодаря нашему небрежному отношенію ко всему иностранному. Наконецъ, „Journal pour la philologie comparée“ Куна и Ауфрехта представляетъ собою періодическое обнародованіе, самое интересное, какое я только знаю, по богатству, разнообразію и тонкой обработкѣ тѣхъ открытій, которыя сообщаются тутъ. Благодаря ему, именно, создалась важная наука, которая является результатомъ филологическихъ изслѣдованій послѣднихъ годовъ,—сравнительная миеологія. Только благодаря тонкимъ изслѣдованіямъ Куна и его сотрудниковъ мы обязаны доказательствомъ того важнаго положенія, что индо-европейская раса въ началѣ имѣла только одну систему миеовъ, самый древній образецъ которой представляютъ намъ Веды, точно такъ же, какъ она имѣла и одинъ только діалектъ, который теперь оказывается разбросаннымъ среди различныхъ отраслей этой великой семьи отъ Исландіи до Цейлона.

Книги нѣкоторыхъ ученыхъ появляются съ нѣкоторою періодичностью, и эти ученые сами по себѣ представляютъ школу. Тотъ особый складъ ума, который дѣлаетъ нѣмцевъ неискусными въ изложеніи своихъ произведеній, но за то дѣлаетъ ихъ превосходными собирателями матеріаловъ, долженъ былъ привести нѣкоторыхъ тружениковъ къ системѣ, болѣе удобной для нихъ, чѣмъ для публики, именно передавать свои идеи по мѣрѣ того, какъ онѣ у нихъ появляются. Во Франціи считается обязательнымъ предлагать свое сочиненіе публикѣ только тогда, когда оно совершенно готово и закончено; въ Германіи его издають въ неотдѣланномъ еще видѣ, не какъ учебное руководство, но какъ трудъ, имѣющій цѣлью побуждать къ мышленію и быть пищей для умовъ. Слѣдствіемъ этого являются книги, гораздо менѣе обработанныя, за то умственное движеніе гораздо болѣе сильное, чѣмъ у насъ. Изъ тѣхъ, которые уступили этой потребности, служащей во всякомъ случаѣ указаніемъ на очень великую энергію, я назову, во-первыхъ, А. Вебера, профессора Берлинской академіи и университета. Я не знаю во всей Европѣ болѣе проникательнаго и плодовитаго изслѣдователя. Его „Indische Studien“ появляющіяся въ неправильные промежутки времени, и другіе его труды всегда будутъ представлять последнее слово той совокупности научныхъ изслѣдованій, которыя связаны съ санскритомъ. Эвальдъ и его „Ежегодники“ скажутъ вамъ все новое по части библейскихъ изслѣдованій; справляясь по его работамъ съ разборчивостью и недоувѣріемъ, когда дѣло

касается личныхъ взглядовъ, вы найдете произведенія этого, подчасъ выдающагося критика, безконечно цѣнными. Можете ли вы обойти вниманіемъ Бунзена—воплощеніе неутомимой дѣятельности и усердія по отношенію ко всему благородному и великому, и ту обширную школу научнаго труда, которая сосредоточивается вокругъ него? ¹⁾ Три или четыре книги, которыя ежегодно выпускаетъ Бунзенъ, представляютъ собою настоящій журналъ, гдѣ всегда съ увѣренностью можно найти если не самыя доказанныя, то во всякомъ случаѣ самыя новыя данныя изъ сравнительной филологіи, изъ научныхъ работъ надъ книгами Веды, Авесты и Библией,—словомъ, изъ всего того, что является важнымъ и новымъ въ области филологическихъ изслѣдованій.

Конечно, вы будете имѣть корреспондентовъ при различныхъ университетахъ. Здѣсь, именно, слѣдуетъ заимствовать, какъ у источника, богатое развитіе идей, обезпечивающее Германіи, въ смыслѣ разумности взглядовъ, такое несомнѣнное превосходство. Въ Германіи преподаваніе не представляетъ собою, какъ въ другихъ странахъ, только обученія, безъ разработки научныхъ вопросовъ. Общественныя учебныя заведенія являются здѣсь также и научными учрежденіями, получающими импульсъ не отъ центральной администраціи, обыкновенно мало освѣдомленной насчетъ научныхъ предметовъ, и, конечно, индифферентной или враждебной тому, чего она не понимаетъ, но отъ ученыхъ и мыслителей, серьезно относящихся къ вопросамъ умственнаго развитія. Результатомъ этого является преподаваніе широкое, свободное, полное начинаній, представляющее собою во всякое время современное состояніе знанія; такимъ образомъ молодой человѣкъ, получающій образованіе, ясно съ самаго-же начала видитъ исходной пунктъ, отъ котораго ему надо начинать, и ту перспективу, которая вознаграждаетъ открытіями усилія труженниковъ.

Я знаю, что говорю здѣсь объ идеалѣ, который теперь нѣсколько ушелъ въ даль. По моему мнѣнію, золотой вѣкъ Германіи,—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ внѣшнимъ условіямъ,—для ея интеллектуальной жизни миновалъ. Реакція послѣднихъ десяти лѣтъ ²⁾ оказала роковое вліяніе на эту прекрасную научную дѣятельность. Преподаваніе богословія, стоявшее раньше такъ независимо и такъ высоко, сдѣлалось въ протестантскихъ странахъ почти такъ-же невозможнымъ, какъ и въ странахъ католическихъ. А вѣдь, не слѣдуетъ обманываться: именно преподаваніе богословія было причиной великаго развитія въ Германіи филологическихъ изслѣдованій; въ частности-же, основатели востоковѣдѣнія, какъ Эйхгорнъ, Гезеніусъ, были богословами. Это столь драгоцѣнное подспорье интеллектуальной дѣятельности потеряно, можетъ быть, безвозвратно. Серьезные молодые люди, которые раньше въ преподаваніи богословія или въ должностяхъ пасторовъ находили прекрасное средство вести трудолюбивую

¹⁾ Этотъ выдающійся человѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ были написаны воспроизводимыя здѣсь страницы, умеръ.

²⁾ Напомню, что это было написано въ концѣ 1857 года.

жизнь, отталкиваемые внушаемыми имъ теперь узкими или невозможными принципами, бросаются на чисто учебное поприще, гдѣ, по необходимости, мало мѣсть. Все это, въ связи съ вздоржаніемъ матеріальной жизни, которое распространяется и на провинціальныя университетскіе города Германіи, обусловило крайнюю бѣдность, о которой мы не упоминали бы, если бы она не оказывала на науку самага прискорбнаго вліянія. Дѣйствительно, слѣдствіемъ такого рода нужды являются поспѣшныя работы, помощью которыхъ интеллигентная, но слишкомъ многочисленная и слишкомъ торопливая молодежь стремится проложить себѣ дорогу къ платнымъ должностямъ. Никогда не проходитъ безнаказанно торговля научными открытіями. Серьезныя работы бывають всегда; но открытія появляются только въ свое время и не слѣдуетъ ихъ ускорять. Большой недостатокъ Германіи заключается въ этомъ лихорадочномъ стремленіи сообщать новыя результаты и превосходить своихъ учителей, что ведетъ къ массѣ смѣлыхъ и парадоксальныхъ положеній. Прибавьте сюда интриги клерикальной партіи, которая ставитъ условіемъ своихъ милостей нѣчто совершенно противоположное научнымъ заслугамъ, и вы поймете гибельное вліяніе, которое оказали нѣсколько лѣтъ подобнаго режима на такія тонкія научныя изслѣдованія, какъ наши. Вы будете имѣть право быть суровыми по отношенію къ поверхностной школѣ, которая хотѣла бы такимъ образомъ вычеркнуть изъ памяти работу полувѣка, и снять съ главы Германіи истинный ея вѣнецъ—ея заслуги въ дѣлѣ научной, здоровой и безпристрастной критики.

Такъ какъ я началъ сообщать вамъ свои соображенія насчетъ второстепенныхъ подробностей вашего плана, о которыхъ вы, можетъ быть, и не подумали бы, то я позволю себѣ посоветовать вамъ искать развитія германской науки не въ одной только Германіи. Не знаю, обманываюсь ли я, но мнѣ кажется, я вижу приближеніе того момента, когда нѣмцы будутъ играть ту же роль, что и шотландцы въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ: тогда ихъ можно было найти всюду въ качествѣ распространителей науки и учителей грамматики. Уже почти вся въ мірѣ фактическая работа по филологіи совершается нѣмцами. Не забудьте же касаться въ вашемъ сборникѣ и тѣхъ многочисленныхъ колоній, куда, благодаря могущественной силѣ распространенія, которая насъ изумляетъ, германская раса вноситъ свою интеллектуальную дѣятельность и свою серьезность. Слѣдите за этой дѣятельностью въ с.-петербургской академіи, гдѣ, не смотря на довольно естественныя затрудненія, германская наука создала себѣ важный пунктъ, мало чѣмъ уступающій берлинской академіи, особенно по части географическихъ наукъ. Ищите эту дѣятельность въ Англии, Оксфордѣ, Лондонѣ, гдѣ вы найдете въ качествѣ добровольныхъ изгнанниковъ нѣсколькихъ изъ лучшихъ представителей новой школы, Макса Мюллера, Ауфрехта, и другихъ еще. Они пишутъ по англійски; но знанія ихъ и мысли—нѣмецкія, а этого должно быть для васъ достаточно. Голландія тоже заслуживаетъ мѣста въ вашемъ сборникѣ. Лейденскій университетъ, мнѣ кажется, уже нѣсколько лѣтъ находится на очень

хорошемъ пути: тамъ хорошо поставлено преподаваніе исторіи, во главѣ котораго находится Дози, и существуетъ солидная школа экзегетики, находящаяся подъ руководствомъ Шолтэна и Кюне-на. Въ Швейцаріи вы найдете Цюрихскій университетъ и немного смѣлую ученость Гициха. Наконецъ, Азія и Аѳрика вамъ будутъ давать такихъ удивительныхъ миссіонеровъ, какъ Крамжъ, Изенбергъ и такихъ туристовъ, какъ Бартъ и Овервегъ. Въ то время, какъ католическія миссіи, нѣкогда дававшія столь плодотворные результаты, теперь оказываютъ наукѣ только посредственные услуги, по причинѣ невысокаго образованія и недостаточной любознательности тѣхъ, которые туда вступаютъ, нѣмецкія, англійскія и американскія миссіи дали способныхъ изслѣдователей, которые открываютъ передъ нами невѣдомыя намъ страны, и занимаютъ мѣсто среди основателей науки изученія человѣчества.

Не забывайте и нѣмецкихъ евреевъ: имъ принадлежитъ существенная и при томъ замѣтная часть того научнаго движенія, которое должно васъ занимать. Это очень смѣшанный кругъ, въ которомъ, однако, еще встрѣчаются лица, подобныя Мендельсону и Спинозѣ, и изъ котораго вышли хорошіе дѣятели науки. По особому предназначенію, еврейская раса въ наше время является полезной истолковательницей нѣкоторыхъ культуръ Востока, съ которыми она соприкасалась двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ, и съ которыми ее сближаютъ научныя изслѣдованія Библии и Талмуда.

Наконецъ, ищите нѣмецкую науку и во Франціи. У насъ есть нѣмецкая колонія, которая, сообщаясь широко съ центромъ французской мысли, въ то же время черпаетъ еще непосредственно и изъ германскихъ источниковъ, съ которыми она находится въ связи: это страсбургская школа. Эта скромная и ученая школа, качества которой по временамъ слишкомъ мало оцѣнивались центральной администраціей, является среди насъ единственнымъ остаткомъ старинныхъ провинціальныхъ учрежденій, которыя оказывали такое хорошее вліяніе на умственное развитіе. Вы, безъ сомнѣнія, знаете „Богословское Обзорѣніе“ Колани, прекрасный отголосокъ всего, что есть лучшаго въ нѣмецкой экзегетикѣ. Труды Рейсса и Бергмана могли-бы сдѣлать честь и зарейнскому университету; они у насъ почти неизвѣстны, и я не знаю, получили-ли они хоть малѣйшее поощреніе со стороны общественнаго мнѣнія, за исключеніемъ развѣ уваженія со стороны небольшого кружка лицъ.

Пусть Ваше „Обзорѣніе“ представляетъ собою итогъ всей этой обширной группы ученыхъ трудовъ. По моему мнѣнію, оно должно представлять не только Германію, но и все то, чѣмъ занимается Германія, т. е. весь міръ. Повѣрьте, что появленіе его никѣмъ не будетъ привѣтствуемо съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ мной.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СОСТОЯНІИ УМОВЪ ВЪ 1849 г.

I.

Одно слово резюмируетъ всю исторію литературы, философіи, искусства за послѣднія восемнадцать мѣсяцевъ; это слово—

страхъ. „Пророкъ“ былъ оконченъ раньше 1848 года, и я не думаю, чтобы именно февральская революція послужила вдохновеніемъ для „Признаній“ и „Рафаэля“. Франція, вотъ ужъ больше года, какъ будто совершенно забыла о творческой дѣятельности.

Здѣсь дѣло идетъ не о случайномъ или неважномъ фактѣ. Эта странная пріостановка развитія мысли находится въ связи съ существенными условіями интеллектуальнаго движенія современныхъ обществъ и образуетъ замѣчательный контрастъ съ прошлымъ.

Если существуетъ общепринятое мнѣніе, опровергнутое фактами, такъ это то, что смутное время мало благопріятствуетъ умственной дѣятельности, что литература, для того, чтобы создавать великія произведенія, нуждается въ покоѣ и досугѣ, и что искусства заслуживаютъ классическаго названія „друзей мира“. Исторія доказываетъ, наоборотъ, что волненія, войны, тревоги представляютъ именно ту среду, въ которой развивается человѣчество, что геній получаетъ могучее развитіе только въ бурное время и что великія творенія науки и поэзіи появлялись среди обществъ, подверженныхъ сильнымъ смутамъ. Изъ всѣхъ вѣковъ XVI-ый, безъ сомнѣнія, обнаружилъ наиболѣе всесторонней энергіи и дѣятельности: это по преимуществу вѣкъ творчества. Правда, у него нѣтъ системы: это — густой, богатый лѣсъ, въ которомъ искусство не намѣтило еще аллеи. За то какая плодовитость! Что это за вѣкъ, который далъ Лютера и Рафаэля, Микель-Анджело и Аріосто, Ульриха фонъ-Гуттена и Эразма, Кардана и Коперника! Тогда было основано все: филологія, математика, астрономія, физика и философія. И именно этотъ дивный вѣкъ, въ который окончательно установился современный намъ духъ, былъ эпохой всеобщей взаимной борьбы: религіозной, политической, литературной, научной. Италія, стоявшая тогда впереди Европы въ дѣлѣ цивилизаціи, была ареной такихъ варварскихъ войнъ, какихъ будущее, надо надѣяться, больше не увидитъ. Но разграбленіе Рима не смущало кисти Микель-Анджело; оставшійся въ шесть лѣтъ сиротой, изрубленный саблями солдатъ Гастона де-Фуа въ кафедральномъ соборѣ Бреши, спасенный своей матерью, облизывавшей его раны, подобно собакѣ, Тарталія все-таки создалъ алгебру. Только риторы могутъ предпочитать спокойное искусственное произведеніе писателя истинно пламенному творенію, которое само по себѣ было дѣломъ, появившимся въ свое время, какъ невольный крикъ героической или страстной души. Создалъ ли бы Данте въ тиши прилежнаго досуга свои пѣсни, самыя выдающіяся за десятивѣковый промежутокъ времени? Развѣ страданія, страсти, изгнаніе поэта, не составляютъ важной части поэмы? Развѣ не видимъ мы въ Мильтонѣ человѣка, задѣтаго политической борьбой? Былъ ли бы Шатобрианъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, если бы девятнадцатое столѣтіе составляло мирное продолженіе восемнадцатаго?

Обычнымъ состояніемъ аѣинскаго государства былъ терроръ. Никогда политическіе обычаи не были болѣе неумолимы, никогда личная безопасность не была такъ мала. Непрїятель находился въ десяти миляхъ; онъ появлялся каждый годъ; каждый годъ нужно

было идти воевать съ нимъ. А внутри государства безконечный рядъ революцій! Сегодня изгнанникъ, завтра проданный въ рабство или присужденный къ принятію яда, потомъ предметъ сожалѣній, почитаемый, какъ богъ, подверженный постоянно возможности предстать передъ самимъ „революціоннымъ трибуналомъ“. Аѳинянинъ, который среди такой безпокойной жизни никогда не могъ быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ, творилъ съ такой непринужденностью, которая приводитъ насъ въ изумленіе. Парѳенонъ и Пропилеи, творенія Фидія, діалоги Платона, комедіи Аристофана созданы были въ эпоху, очень похожую на 93-й годъ, и при такомъ политическомъ состояніи, которое обусловило относительно большее количество насильственныхъ смертей, чѣмъ наша первая революція въ самый страшный свой моментъ. Гдѣ же въ этихъ великихъ произведеніяхъ слѣды террора? Не знаю, что за бязливість овладѣла у насъ умами. Чуть только малѣйшее облако появится на горизонтѣ, каждый замыкается въ своемъ кругу, съезживается отъ страха: „Что дѣлать въ такое время, какъ наше? Нужно было бы спокойствіе. Нѣтъ никакой охоты создавать что-либо, когда все поставлено на карту!“

Но подумайте только, что съ самаго начала міра все такимъ образомъ поставлено на карту, и что если бы великіе люди, труды которыхъ сдѣлали насъ тѣмъ, чѣмъ мы теперь являемся, рассуждали такимъ образомъ, то умъ человѣческій оставался бы и до сихъ поръ безплоднымъ.

Эта фатальная потребность въ отдыхѣ является слѣдствіемъ пережитого нами долгаго промежутка міра, который повліялъ такъ глубоко на складъ нашихъ мыслей. Сильное поколѣніе, вступившее въ возрастъ мужества около 1815 года, имѣло счастье рости среди великихъ опасностей и воспитывать свою юность подъ вліяніемъ благородной борьбы. Но намъ, начавшимъ чувствовать въ 1830 году и выросшимъ волею рока подъ вліяніемъ Меркурія,—намъ свѣтъ явился въ видѣ правильно организованнаго механизма: миръ казался намъ естественной атмосферою человѣческаго духа, а борьба являлась передъ нами только въ жалкомъ видѣ парламентской оппозиціи. Малѣйшая тревога изумляетъ насъ. Сохранять боязливо то, что сдѣлали наши отцы,—вотъ весь нашъ кругозоръ. Горе поколѣнію, которое не имѣло передъ глазами ничего, кромѣ правильной полиціи! Горе поколѣнію, въ представленіи котораго жизнь—отдыхъ, а искусство—наслажденіе! Великія творенія никогда не появляются среди такой равнодушной атмосферы. Конечно, произведеніямъ спокойной и правильно протекающей эпохи не слѣдуетъ отказывать въ извѣстныхъ достоинствахъ: они остроумны, осмысленны, разсудительны, основательны; они съ удовольствіемъ читаются въ часы покоя; но они не имѣютъ въ себѣ ничего сильнаго и своеобразнаго, ничего такого, что дышало бы человѣческой борьбой, ничего похожаго на смѣлыя произведенія тѣхъ чрезвычайныхъ эпохъ, когда элементы человѣчества въ кипучей борьбѣ смѣняли другъ друга на аренѣ жизни. Міръ творилъ только въ періоды первобытные и во время смутъ. Великій геній не можетъ появиться при мирномъ режимѣ равновѣсія, смѣнившемъ бури прежнихъ вѣковъ!

Надо быть справедливымъ: никогда не жилось болѣе покойно, чѣмъ въ періодъ 1830—1848 гг. Можно ли, однако, сказать, что за это время человѣчество обогатилось многими новыми идеями, что нравственность, умъ, истинная религія значительно подвинулись впередъ? Правильная цивилизація, намѣчая для существованія слишкомъ ограниченныя рамки и создавая постоянныя преграды индивидуальной свободѣ, вредить свободному развитію не меньше, чѣмъ режимъ произвола. „Эта наружная свобода“, говоритъ Виллеменъ: „скорѣе порождаетъ перебранки, чѣмъ великую борьбу, скорѣе интриги, чѣмъ великія страсти“. Конечно, общественныя права теперь лучше обезпечены, чѣмъ въ ту эпоху, когда зарождалось христіанство; и все-таки великая идея въ наше время встрѣтила бы больше препятствій къ своему распространенію, чѣмъ христіанство въ первое время своего появленія. Если бы Христосъ появился въ наши дни, его предали бы въ руки исправительной полиціи, а это хуже, чѣмъ быть распятымъ. Воображаютъ себѣ слишкомъ легкомысленно, что свобода благоприятствуетъ развитію истинно оригинальныхъ идей. Открывши тотъ фактъ, что въ прошломъ всякая новая система возникала безъ дозволенія властей и развивалась внѣ закона до тѣхъ поръ, пока, взявши свое, сама становилась закономъ, сочли возможнымъ думать, что когда право возникновенія новыхъ идей признано и узаконено, то дѣло отъ этого значительно должно выиграть. Случилось, однако, наоборотъ: никогда не мыслили съ меньшей самостоятельностью, чѣмъ съ того времени, когда была основана свобода мышленія. Истинная идея не требуетъ позволенія; она мало заботится о томъ, признается ли ея право или нѣтъ. Христіанство не нуждалось ни въ свободѣ печати, ни въ свободѣ собраній, чтобы покорить міръ.

Свобода, признанная закономъ, должна быть урегулирована. Но урегулированная свобода представляетъ собою болѣе тѣсное ограниченіе, чѣмъ отсутствіе закона. Въ Іудеѣ при Понтіи Пилатѣ не существовало правилъ относительно собраній; но именно благодаря этому можно было только свободнѣй собираться, ибо изъ того, что законъ не былъ написанъ, слѣдуетъ то, что онъ не представлялъ и ограниченій. Для развитія великой оригинальной идеи большее значеніе имѣетъ произволь и тѣ неудобства, которыя онъ за собой влечетъ, чѣмъ та безвыходная паутина, которою опутываютъ насъ тысячи статей законовъ—этотъ арсеналь, обладающій оружіемъ противъ всего. Наши вольности въ дѣйствительности приносятъ пользу развитію мыслей, только мало оригинальныхъ, столь вредныхъ, однако, тѣмъ, что умаляютъ значеніе истинно великой идеи; онѣ мало приносятъ пользы настоящему прогрессу человѣческаго духа. Мы тратимъ свои силы на то, чтобы защищать отвлеченныя понятія о свободѣ, не думая, что свобода—это средство, что она только тогда имѣетъ цѣну, когда способствуетъ проведенію въ жизнь истинныхъ идей. Мы стремимся къ свободѣ творить то, что заключается въ насъ, а на дѣлѣ не создаемъ ничего. Мы хотимъ свободно мыслить, а на дѣлѣ оказывается, что полвѣка тому назадъ при Веймарскомъ дворѣ, при абсолютическомъ образѣ правленія, мыслили гораздо

свободнѣе и смѣлѣе, чѣмъ теперь въ нашей странѣ послѣ столь продолжительной борьбы за свободу. Гете, другъ великаго герцога, во Франціи былъ бы привлеченъ къ суду. Займемся же по больше мышленіемъ и по меньше будемъ раздумывать о правѣ свободно выражать свои мысли. Человѣкъ, обладающій разумомъ, всегда достаточно свободенъ. Обыкновенно тѣ, которые больше всего жалуются на создаваемые для мысли препятствія, далеко не являются обладателями истины, страдающими отъ невозможности ее распространять; скорѣе эти люди, если бы имъ было дозволено закономъ говорить все, ничего не сказали бы. Новаторы, оцѣненные только потомствомъ, могли подвергаться преслѣдованіямъ; но преслѣдованіе не замедлило, можетъ быть, и на одинъ годъ торжества ихъ идей, и оказалось для этихъ идей болѣе полезнымъ, чѣмъ безпрепятственное ихъ распространеніе.

Безъ сомнѣнія, мы должны тщательно удерживать права, которыя наши отцы приобрѣли цѣною столькихъ усилій; но еще важнѣе убѣдиться, что въ нихъ заключается только условіе, благопріятное при наличности серьезной умственной дѣятельности, неблагопріятное—при отсутствіи ея. Вѣдь къ чему служить свобода собраній, если не имѣть ничего хорошаго для сообщенія другъ другу? Къ чему служить свобода говорить и писать, если нечего сказать истиннаго и новаго?

Итакъ, на силу интеллектуальнаго развитія не оказываютъ большого вліянія ни благосостояніе, ни даже свобода, а только видъ великихъ событій, всеобъемлющая дѣятельность, страсти, развиваемыя борьбой. Духовная дѣятельность будетъ находиться въ серьезной опасности только тогда, когда человѣчество будетъ жить въ слишкомъ большомъ довольствѣ. Но намъ нечего бояться, что это время близко отъ насъ!

НѢсколько дней тому назадъ одинъ журналъ требовалъ отъ Национальнаго Собранія, чтобы оно провозгласило „право на покой“; смыслъ этого выраженія ни отъ кого не ускользнулъ. Конечно, если бы на жизнь слѣдовало смотрѣть только, какъ на удовольствіе, то слѣдовало бы проклинать броженіе умовъ и считать несчастивцами тѣхъ, которые, для удовлетворенія своего безпокойства, нарушаютъ сладкій покой своихъ ближнихъ. Но если бы дѣло было такъ, если бы благосостояніе дѣйствительно было конечною цѣлью человѣчества, то тогда были бы правы Фурье и Кабе. Ужасно, чтобы одинъ человѣкъ приносилъ себя въ жертву удовольствіямъ другого! Неравенство постижимо и оправдываемо только въ глазахъ тѣхъ, кто смотритъ на общество съ нравственной точки зрѣнія. Если дѣло только въ томъ, чтобы наслаждаться, то ужъ лучше для всѣхъ людей черная похлебка, чѣмъ для небольшого количества ихъ—наслажденія, а для громаднаго большинства—голодь. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ стоило бы жертвовать своей жизнью и счастьемъ для блага другого, если бы все ограничилось доставленіемъ пшпыхъ удовольствій нѣсколькимъ пустымъ людямъ, которые своимъ эгоизмомъ поставили себя внѣ остальнаго человечества? Да и много ли значить для человѣка, если онъ въ концѣ такой печальной и короткой жизни можетъ быть названъ образцомъ внѣшняго счастья? Другое дѣло, если въ своей жизни

онъ много думалъ и любилъ, если онъ смотрѣлъ на все смѣлымъ взглядомъ, если онъ можетъ сказать въ послѣдній часъ свой: „Я много пережилъ“. По моему мнѣнію, лучше быть индѣйскимъ муни или Симеономъ Столпникомъ, который былъ съѣденъ червями на своемъ столбѣ, чѣмъ влачить такое жалкое существованіе, которое никогда не озарялось лучемъ идеала, которое отъ перваго до послѣдняго своего момента протекало однообразно день за днемъ, подобно развертывающимся другъ за другомъ листамъ конторской книги.

Конечная цѣль человѣчества, не счастье, а интеллектуальное и нравственное совершенство. Толкуютъ объ отдыхѣ, когда надо пройти еще безконечно много и такъ долго ждать совершенства! А вѣдь только на совершенствѣ успокоится человѣчество. Слишкомъ было бы страннымъ, если бы люди, преслѣдующіе свои выгоды, изъ денежныхъ или коммерческихъ соображеній остановили умственное движеніе,—это настоящее религіозное движеніе. Самымъ опаснымъ для человѣчества состояніемъ будетъ то, когда большинство, чувствуя себя удобно и не желая, чтобы это состояніе было нарушено, будетъ поддерживать свое спокойствіе въ ущербъ мыслящимъ людямъ и меньшинству. Въ то время спасенія можно будетъ ожидать только отъ варваровъ. Послѣдніе, дѣйствительно, представляя собой что-то неудовлетворенное, являются вѣчнымъ пугаломъ удовлетворенныхъ поколѣній. А за варварами дѣло не станетъ. Если не будетъ такихъ, которые бы пришли извнѣ, то найдутся таковыя внутри страны.

Напрасно, значить, отцы наши, сдѣлавшись благоразумными, опасаясь, какъ бы мы не нарушили то ненадежное спокойствіе, которымъ они пользуются, будутъ просить насъ не мыслить больше и оставаться индифферентными. Мы требуемъ для себя той свободы, которую они присвоили себѣ. Пусть они попробуютъ обратить насъ въ свою вѣру; мы же будемъ апеллировать отъ Вольтера больного къ Вольтеру здоровому.

Подумайте только: что вы хотите совершить? Разсудите, что это самое невозможное дѣло; со времени существованія человѣческаго общества его пытались осуществить консерваторы, но безуспѣшно. Остановить развитіе человѣческаго ума, усыпить интеллектуальную дѣятельность, убѣдить молодежь, что всякое мышленіе опасно и ведетъ ко злу—сдѣлать это совершенно невозможно. Вы мыслили свободно: также свободно будемъ мыслить и мы. Мы будемъ удивляться великимъ людямъ прошлаго, удивляться которымъ научили насъ вы; мы будемъ восхищаться этими знаменитыми двигателями мысли, которыхъ вы теперь отвергаете. Мы напомнимъ вамъ ваши же уроки; мы будемъ защищать васъ противъ васъ же самихъ. Вы стары и больны; но мы, ваши ученики по либерализму, молоды и полны жизни; намъ принадлежитъ будущее: зачѣмъ поэтому мы станемъ раздѣлять съ вами ваши страхи? Какъ вы хотите, чтобы растущее поколѣніе обрекло себя на то, чтобы чахнуть отъ досады и боязни? Надежда свойственна нашему возрасту, и мы предпочитаемъ пасть въ борьбѣ, чѣмъ умереть отъ холода и страха.

„Чтобы заставить народъ быть вѣрующимъ“, говорите вы намъ: „нужно, чтобы мы сами вѣрили“.—Изъ всѣхъ существующихъ взглядовъ—это самый призрачный. Не тотъ—строго вѣрующій, кто желаетъ быть таковымъ. Въ минуту опасности вы будете или, вѣрнѣе говоря, постараетесь вѣрить. Но какъ только опасность минетъ, вы опять станете невѣрующими. Странные христіане—эти христіане только изъ страха!

Человѣку свойственны инстинкты слабости, смиренія, мяркости, которые пробуждаются въ немъ особенно въ трудныя минуты и которые заглушаются тѣмъ сильнымъ голосомъ разсудка, который иногда походить на нѣкотораго рода суровость. Нѣкоторые люди съ очень слабымъ характеромъ никогда не смогутъ приноровиться къ строгимъ требованіямъ и суровымъ взглядамъ философіи. Великія бѣдствія, смиряя разумъ и умѣряя пылъ горячихъ головъ, являясь для человѣчества тѣмъ, чѣмъ болѣзнь для отдѣльнаго человѣка, внушаютъ извѣстную потребность въ покорности, униженіи, смиреніи. Какъ будто бы проходитъ легкое и влажное дуновеніе, которое смягчаетъ всякую суровость и дѣлаетъ слабымъ то, что раньше держалось крѣпко. Человѣкъ почти готовъ бить себя въ грудь за ту смѣлость, которой онъ обладалъ, когда состояніе его было хорошо; усилія теряютъ свое напряженіе; смѣлые и сильные инстинкты слабѣютъ; испытывается какое-то невѣдомое слабое желаніе пасть на колѣни. Еслибы вновь появились бѣдствія среднихъ вѣковъ, то монастыри опять наполнились бы народомъ и воскресли бы средневѣковыя суевѣрія. Суевѣріе всегда будетъ находиться въ обратномъ отношеніи къ умственной силѣ и интеллектуальному развитію. Оно всегда подстерегаетъ человѣчество, выжидая моменты его слабости, для того, чтобы имъ овладѣть и потомъ утверждать, что это человѣчество само къ нему обратилось. Но что касается насъ, мы не уступимъ; мы будемъ твердо, какъ Аяксъ, держаться противъ враговъ; если они думаютъ заставить насъ покориться силой, то они ошибаются. Позоръ боязливымъ, испытывающимъ чувство страха! Позоръ въ особенности тѣмъ, которые пользуются нашими бѣдствіями и которые, для того, чтобы насъ окончательно сломить, выжидаютъ того момента, когда мы будемъ уже наполовину сломлены несчастіемъ!

Интеллигентному человѣку трудно переживать такіе моменты угнетенія, видѣть, какъ священныя вещи подвергаются глумленію со стороны профановъ, и подвергаться оскорбительнымъ насмѣшкамъ торжествующаго легкомыслія. Но философъ таитъ въ себѣ священный огонь; онъ носитъ въ себѣ будущее: онъ—человѣкъ въ великомъ и обширномъ значеніи этого слова. Онъ знаетъ это, и этимъ обуславливаются его радости и печали: печали—потому, что, проникнутый любовью къ совершенному, онъ страдаетъ при мысли о томъ, что столько умовъ остаются навсегда недоступными этой любви; радости—потому, что онъ сознаетъ, что силы человѣчества не изсякаютъ, что душевныя способности, хотя и находятся въ усыпленіи, все-таки не погибли, и что въ одинъ прекрасный день онѣ пробудятся, чтобы своей гордой оригинальностью, своей неудержимой энергіей изумить и своихъ робкихъ защитниковъ, и своихъ высокоумныхъ хулителей.

Нашъ гнѣвъ главнымъ образомъ долженъ быть направленъ противъ грубой безсмысленности тѣхъ лицъ, которыя своими крайностями, а, вѣрнѣе говоря, угрозами сдѣлали подозрительной всякую либеральную мысль. Но пусть тѣ, которые, высчитывая заранѣе наши бѣдствія, основываютъ свою надежду на интеллектуальномъ утомленіи и угнетеніи, являющихся слѣдствіемъ великихъ страданій,—пусть не воображаютъ, что поколѣніе, вступающее въ періодъ умственной дѣятельности, принадлежитъ имъ! Мы сумѣемъ поддержать современный духъ и вопреки усиліямъ тѣхъ, кто хочетъ воскресить средніе вѣка, и вопреки тѣмъ, которые стремятся поставить на мѣсто нашей жизненной и многосложной цивилизаціи какое-то невѣдомое, искусственно созданное и безжизненное общество, напоминающее то, которое жило въ эпоху постройки пирамидъ.

Если бы философія, наука, искусство, литература были ничѣмъ инымъ, какъ пріятнымъ времяпрепровожденіемъ, развлеченіемъ праздныхъ людей, украшеніемъ роскоши, прихотью любителя, —однимъ словомъ, „наименѣе суетной изъ суетъ“, —то наступило бы время, когда ученый долженъ былъ бы сказать вмѣстѣ съ поэтомъ:

Honte à qui peut chanter, pendant que Rome brûle! ¹⁾

Но если умственная работа представляетъ собою самую серьезную вещь, если съ ней связаны судьбы человѣчества и совершенство индивидуума, то эта работа, подобно религіозной, имѣетъ постоянную цѣнность. Отдавать наукѣ и интеллектуальному развитію только свободное и спокойное время—это значитъ наносить обиду человѣческому духу и предполагать, что есть нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ исканіе истины. Если-бы было такъ, если-бы философія являлась дѣломъ только второстепеннаго интереса, то человѣкъ, всю свою жизнь посвятившій стремленію къ совершенному и добивающійся права сказать въ послѣднія свои минуты: „я исполнилъ свое предназначеніе!“—долженъ ли былъ-бы такой человѣкъ посвятить этому хотя одинъ часъ, зная, что его призываютъ другія, болѣе высокія, обязанности?

Что революціи и опасенія за будущее представляютъ собой камень преткновенія для легкомысленной литературы и для той науки, которая никогда себѣ не задавала вопроса насчетъ своей сущности и значенія,—это понятно само собой. Бываютъ времена, когда развлеченіе становится дѣломъ преступнымъ или, по меньшей мѣрѣ, невозможнымъ. Пустая литература партій или салоновъ, наука любопытныхъ и любителей принимаютъ очень ничтожный оттѣнокъ, благодаря ужаснымъ зрѣлищамъ войнъ и революцій; романъ-фельетонъ теряетъ значительную долю своего интереса, будучи помѣщенъ подъ столбцами въ журналѣ, который ежедневно передаетъ подробности о сраженіяхъ; любителю приходится бояться, какъ бы не увидѣть своихъ коллекцій въ такое беспокойное время уничтоженными или попорченными вѣтромъ бури. Чтобы пристраститься къ такимъ мирнымъ развлече-

¹⁾ Позоръ тому, кто можетъ пѣть,
Когда пожаромъ Римъ пылаетъ!

ніямъ, нужно, чтобы нечего было дѣлать и нечего было бояться. Но что касается мысли философа, то она никогда не бываетъ болѣе свободной, чѣмъ въ великіе моменты исторіи. Хорошее всегда остается хорошимъ, и если для того, чтобы упражняться въ наукахъ и искусствѣ, мы станемъ ожидать періода спокойствія, то намъ, можетъ быть, придется долго ждать. Если бы такъ разсуждали наши предки, они сидѣли бы сложа руки и мы ничего не унаслѣдовали бы отъ нихъ. Много ли значить послѣ всего этого увѣренность или неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ? Что за важность, будетъ ли намъ принадлежать будущее или нѣтъ? Если бы даже рушился міръ, и тогда существовала бы необходимость въ научномъ размышленіи, и я увѣренъ, что если когда-либо наша планета сдѣлается жертвой катастрофы, то въ этотъ ужасный моментъ найдутся люди, которые, среди разрушенія и хаоса, будутъ безстрастно предаваться научнымъ размышленіямъ, и, забывая о близкой смерти, будутъ разбирать этотъ феноменъ, чтобы извлечь изъ этого выводы относительно общей системы мірозданія.

II.

Весь секретъ интеллектуальнаго состоянія нашей эпохи сводится къ слѣдующей роковой истинѣ: умственная работа низведена до степени развлеченія. И вотъ, когда наступилъ день серьезной борьбы, эти развлечения оказались ничтожными и пошлыми. Такимъ образомъ вина не въ событіяхъ, которыя скорѣе должны были бы возбуждать мысль: вся вина цѣликомъ заключается въ общемъ упадкѣ, обусловленномъ любовью къ отдыху, — въ этомъ постыдномъ культѣ удовольствія, отдаленнымъ послѣдствіемъ котораго являются коммунистическія бредни. Ибо, повторяю: если бы цѣль жизни заключалась въ наслажденіи, то не надо было бы находить дурнымъ, что каждый требуетъ себѣ свою часть; если принять такое предположеніе, то всякое удовольствіе, которое человѣкъ доставляетъ себѣ насчетъ другихъ, представляетъ собою въ дѣйствительности только несправедливость и воровство.

Наука, искусство, философія имѣютъ цѣнность лишь постольку, поскольку онѣ являются религіей, т. е. поскольку онѣ доставляютъ человѣку ту духовную пищу, которую нѣкогда давала ему религія и которой она теперь не въ состояніи ему болѣе давать. „Одно только необходимо“. Слѣдуетъ принять эту заповѣдь великаго Учителя нравственности, какъ принципъ всякой благородной жизни, какъ правило, которое, хотя и можетъ принести вредъ своей краткостью, все-таки выражаетъ собою обязанности человѣческой природы. Первый шагъ того, кто хочетъ быть мудрымъ, какъ говорили почтенные люди древности, состоитъ въ томъ, чтобы намѣтить себѣ двѣ стороны въ жизни: одну обыденную, не заключающую въ себѣ ничего святого, сводящуюся къ потребностямъ и наслажденіямъ болѣе низменнаго характера; другую, которую можно назвать идеальной, небесной, божественной, безкорыстной, поглощенной поклоненіемъ чистымъ формамъ истины, красоты, нравственной доброты, или (пользуясь выраже-

ніемъ болѣе распространеннымъ и болѣе освященнымъ завѣтами прошлаго) поклоненіемъ самому Богу, осязаемому, видимому и чувствуемому въ тысячѣ Его формъ, благодаря пониманію всего истиннаго и любви ко всему прекрасному. Святой—это тотъ, который посвящаетъ всю свою жизнь этому великому идеалу и провозглашаетъ все остальное бесполезнымъ.

Да, въ чистомъ культѣ свойствъ человѣческой души и тѣхъ божественныхъ предметовъ, которые ими затрогиваются, заключается вѣра, столь же пріятная, столь же богатая духовными радостями, какъ и наиболѣе чтимыя религіи. Я испытывалъ въ дѣтствѣ и на первыхъ порахъ юности самые отрадныя восторги вѣрующаго, и, скажу отъ глубины души, эти восторги были ничѣмъ по сравненію съ тѣми, которые я ощущалъ при чистомъ созерцаніи прекраснаго и страстномъ исканіи истины. Я желаю всѣмъ моимъ братьямъ, оставшимся въ ортодоксіи, мира, подобнаго тому, который я испытываю съ того времени, какъ моя борьба закончилась, и когда успокоившаяся буря оставила меня посреди этого великаго, спокойнаго, не волнующагося и безбрежнаго океана, гдѣ нѣтъ другой путеводной звѣзды, кромѣ разума, и нѣтъ другого руководителя, кромѣ своего сердца.

Христіанскій аскетизмъ не ошибался, когда объявлялъ, что только предметы духовныя имѣютъ идеальное значеніе и что все остальное—суета. Но, провозглашая это великое упрощеніе жизни, онъ до того узко понималъ единственную необходимость, что принципъ его съ теченіемъ времени сталъ для человѣческаго ума нестерпимымъ гнетомъ. Отцы духовной жизни не только совершенно пренебрегали истиной и красотой (философія, наука, поэзія—все это въ ихъ глазахъ была суета), но, привязываясь исключительно къ добру, они понимали его въ самомъ жалкомъ смыслѣ: добрымъ считалось у нихъ исполненіе воли высшаго существа, родъ смиренія, унижительный для человѣческаго достоинства. Но стремленіе къ добру въ сферѣ нравственности является въ такой же степени повиненіемъ извѣстнымъ, внушеннымъ законамъ, какъ исканіе прекраснаго въ произведеніи искусства является соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ. Такимъ образомъ человѣческая природа пострадала въ самой высокой своей сферѣ. Среди предметовъ умственныхъ, которые всѣ въ одинаковой мѣрѣ священны, стали различать предметы религіозныя и свѣтскіе. Свѣтскіе предметы, благодаря инстинктамъ природы, болѣе сильнымъ, чѣмъ правила искусственнаго аскетизма, не были совершенно изгнаны: ихъ терпѣли, хотя и считали суетой; но если-бы были послѣдовательны, то ихъ уничтожили бы безъ жалости; это была слабость, которой были недоступны люди съ цѣльнымъ характеромъ. Это роковое различіе отравило существованіе столькихъ прекрасныхъ и свободныхъ душъ, рожденныхъ для того, чтобы познавать идеальное во всей его безконечности, и жизнь которыхъ протекла въ печали и притѣсненіяхъ подъ давленіемъ рокового гнета! Какой борьбы оно мнѣ стоило! Первая, одержанная мной въ юности, философская побѣда, состояла въ томъ, что я объявилъ съ самой чистой совѣстью: „Все, что исходитъ отъ души, священо“.

Печальное положеніе современнаго общества проистекаетъ изъ того, что интеллектуальное развитіе вовсе не разсматривается какъ нѣчто духовное, что поэзія, наука, литература считаются искусствами роскоши, предназначенными почти только для классовъ, покровительствуемыхъ судьбой. Греческое искусство творило для отечества; искусство XVII вѣка творило для короля, что значило въ нѣкоторомъ родѣ для націи. Искусство же нашихъ дней творить почти только по заказу извѣстныхъ лицъ. Греція самостоятельно создавала поэмы, храмы, статуи для того, чтобы исчерпать богатство своего генія и удовлетворить потребностямъ человѣческой природы. У насъ искусство пользуется нѣкоторымъ, съ трудомъ оказываемымъ ему, вспомоществованіемъ не потому, чтобы испытывалась потребность видѣть мысли народныя переданными въ великихъ произведеніяхъ, не въ силу внутренняго побужденія, которое заставляетъ человѣка осуществлять въ видимыхъ образахъ красоту, а въ виду нѣкоторыхъ соображеній, въ виду того, что общество признаетъ, само хорошо не зная почему, что искусство въ нѣкоторой степени умѣстно, да и не хочется быть отсталымъ по сравненію съ прошлымъ ¹⁾. Но подумайте о послѣдствіяхъ такого печальнаго образа дѣйствія, который подчиняетъ искусство и, въ большей или меньшей степени, литературу и поэзію вкусу отдѣльныхъ лицъ! Въ сферѣ произведеній ума, гораздо меньше, чѣмъ въ сферѣ промышленности, но всетаки въ значительной степени, работа примѣняется къ дѣйствительному или предполагаемому спросу покупателя, а силою обстоятельствъ оказывается, что спросъ предъявляетъ или богатое сословіе, или вообще большинство. Но тотъ, кому приходится жить умственнымъ творчествомъ, долженъ предугадать спросъ богачей или большинства, чтобы примѣниться къ нему. А чего требуютъ богачи, чего требуетъ большинство въ сферѣ произведеній ума? Требуютъ-ли они серьезной литературы, или высокой философіи? Или,—въ области искусства,—произведеній чистыхъ и строгихъ, прекрасныхъ и нравственныхъ твореній? Нисколько! Они требуютъ литературы, которая бы ихъ забавляла: фельетоновъ, романовъ, остроумныхъ пьесъ ²⁾. И вотъ, такъ какъ богачи и толпа своими достаточно извѣстными вкусами, даютъ направленіе литературнымъ и артистическимъ произведеніямъ, и такъ какъ эти вкусы склоняются часто (бываютъ хорошія исключенія) въ сторону литературы легкомысленной и искусства, которое недостойно этого имени, то такой порядокъ вещей неизбежно опошлилъ литературу, искусство и науку. Дѣйствительно,

---

¹⁾ Одинъ изъ доводовъ, который приводили очень недавно въ пользу проекта окончанія Лувра, состоялъ въ томъ, что „это дало-бы работу артистамъ“. Развѣ Перикль приводилъ такой мотивъ аѳинянамъ, когда дѣло шло о постройкѣ Пропилей? (1849).

²⁾ Время показало, что это послѣднее качество даже бесполезно. Скорморощество, скверныя шутки, грубыя площадныя остроты стали условіемъ успѣха среди буржуазіи и въ провинціи. Требуется, однако, установить нѣкоторое различіе относительно выраженія: „склонность большинства“. Я увѣренъ, что если-бы рабочіе городовъ были въ состояніи создать себѣ литературу, они-бы создали ее серьезной и здоровой (1867).

когда богачи и праздная толпа своими вкусами устанавливають цѣнность тѣхъ или иныхъ явленій, то жокей или танцовщица, соотвѣтствующіе ихъ вкусу, являются личностями болѣе важными, чѣмъ ученый или философъ, произведенія которыхъ имѣють малый спросъ. Вотъ почему мастеръ по части романовъ - фельетонновъ можетъ составить себѣ блестящее состояніе и достигнуть того, что называютъ положеніемъ въ свѣтѣ, тогда какъ серьезный ученый, если-бы онъ даже имѣлъ такіе серьезные труды, какъ Боппъ или Евгеній Бюрнуфъ, никоимъ образомъ не могъ-бы жить матеріальнымъ заработкомъ отъ своихъ произведеній.

Поэзія, философія, литература въ блестящія эпохи древности не были исключительными профессіями, какъ въ современномъ намъ обществѣ. Тогда были философами или поэтами, такъ-же, какъ бывають честными людьми при всѣхъ положеніяхъ жизни. Никакой практической интересъ, никакое официальное учрежденіе не были необходимы для того, чтобы возбуждать усердіе къ научному изслѣдованію или къ поэтическому творчеству. Для этого достаточно было природной любознательности, влеченія къ прекрасному. Аммоній Саккасъ, основатель самой отвлеченной изъ философскихъ школъ древности, былъ носильщикомъ. Вообразите себѣ рыночнаго носильщика, который создалъ бы у насъ родъ умозрѣнія, подобный философіи Шеллинга или Гегеля! Когда я думаю объ этомъ благородномъ народѣ аѣинскаго государства, гдѣ всѣ чувствовали и жили одной общей національной жизнью, объ этомъ народѣ, который апплодировалъ драматическимъ произведеніямъ Софокла и критиковалъ Изократа; объ этомъ городѣ, гдѣ женщины говорили: „вотъ это Демосеенъ“, или гдѣ торговка зеленью признавала въ Теофрастѣ иностранца, гдѣ всѣ воспитывались въ одной и той-же гимназіи на однихъ и тѣхъ-же поэтическихъ произведеніяхъ, всѣ знали и понимали Гомера, — я не могу не ощущать нѣкотораго чувства досады противъ нашего общества, которое такъ рѣзко раздѣлено на людей просвѣщенныхъ и варваровъ. Тамъ всѣ имѣли свое мѣсто подъ солнцемъ разума, всѣ жили одними и тѣми-же воспоминаніями, гордились тѣми же трофеями, всѣ созерцали ту-же Минерву, и того-же Юпитера. А какое значеніе имѣють для нашего народа Рассинъ, Боссюэ, Бюффонъ? Что говорятъ для него герои Нордлинга и Фонтенуа ¹⁾? У насъ народъ совершенно непричастенъ къ умственной жизни; для него не существуетъ литературы. Великое несчастіе для народа! Еще болѣе великое несчастіе для литературы!

Интеллектуальная дѣятельность имѣетъ истинное свое значеніе только тогда, когда она проистекаетъ изъ потребностей человѣ-

¹⁾ Однимъ изъ благодѣяній Имперіи является то, что она дала народу доблестныя воспоминанія и имя, которое легко понять и боготворить. Наполеонъ, такъ свободно воспринятый народнымъ воображеніемъ, представляя собою предметъ національнаго энтузіазма, могущественно содѣйствовалъ интеллектуальной экзальтаціи необразованныхъ классовъ, и сдѣлался для нихъ тѣмъ, чѣмъ Гомеръ былъ для Греціи: инициаторомъ великихъ событій, при воспоминаніи о которыхъ волнуются сокровенныя чувства и блещуть взоры (1849).

ческой природы, выраженныхъ извѣстнымъ изреченіемъ: „Не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ“. Истинный смыслъ науки и религіи возродится только тогда, когда мы дойдемъ до представленія о жизни, столь же истинной, столь же мало заключающей въ себѣ примѣси искусственнаго, какъ жизнь странника, который находится одинъ посреди лѣсовъ Америки, или брамина, который находитъ, что онъ прожилъ то, что ему слѣдовало, и собирается въ великій путь, т. е. собирается умереть на вершинахъ Гималая. Кто не испытывалъ этихъ минутъ внутренняго уединенія, во время которыхъ душа, переходя отъ одного предмета къ другому и стремясь соединиться сама съ собой, уничтожаетъ одну за другой всѣ лежащія на пути преграды, пока достигнетъ той тихой страны, гдѣ исчезаетъ всякая условность и гдѣ находишься передъ лицомъ самого себя, безъ примѣси воображенія или искусственности? Эти моменты рѣдки и скоропреходящи; обыкновенно мы живемъ въ присутствіи третьяго лица, которое препятствуетъ этому ужасному соприкосновенію „я“ съ самимъ собой. Истинный смыслъ жизни будетъ намъ извѣстенъ только при томъ условіи, если мы удалимъ эту завѣсу, и если мы безпрестанно будемъ основываться на истинной сущности нашей природы, чтобы внимать тѣмъ безкорыстнымъ инстинктамъ, которые влекутъ насъ къ знанію, поклоненію и любви.

III.

Я страстно желаю, чтобы всѣ живыя и чистыя души прониклись тѣмъ убѣжденіемъ, что вопросъ о будущемъ человечества является исключительно вопросомъ науки и что только философія, иначе говоря, раціональное научное изслѣдованіе, въ состояніи его разрѣшить! Революція истинно дѣйствительная, которая даетъ форму будущему, будетъ не политической революціей, а религіозной и нравственной. Политика дала все, что она могла дать; отнынѣ это уже область безплодная, исчерпанная, борьба страстей и интригъ, для человечества очень маловажныхъ, а представляющихъ интересъ только для тѣхъ, кто въ нихъ принимаетъ участіе.

Бываютъ эпохи, когда всѣ становятся политиками. Такъ, напр., на рубежѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ, въ эпоху Филиппа Красиваго, Людовика XI, ученые и мыслители имѣли малое значеніе или пользовались дѣйствительнымъ своимъ значеніемъ только въ томъ случаѣ, если занимались политикой. То же было и въ началѣ нашего столѣтія. Политика тогда задавала тонъ міру; люди ума, которые стремились къ чему то большому, чѣмъ къ услажденію своихъ современниковъ, должны были дѣлаться государственными людьми, чтобы оказать законную долю вліянія на свою эпоху. Не достойное порицанія честолюбіе влекло въ этотъ политическій водоворотъ самыхъ просвѣщенныхъ людей первой половины нашего столѣтія; эти люди дѣлали то, что они должны были дѣлать, чтобы принести пользу своимъ современникамъ. Но тотъ порядокъ вещей, который они представляли собой, подходитъ къ концу; первенствующая роль, мнѣ кажется,

все болѣе и болѣе будетъ переходить къ людямъ мысли ¹⁾. Рядомъ съ такими вѣками, когда политика занимала главное мѣсто въ прогрессѣ человѣчества, есть и такіе, въ которые она отступала на задній планъ, замкнутая въ маленькій міръ интригъ, а великій интересъ переносился на людей мысли. Въ XVIII вѣкѣ, напр., кто управлялъ великими событіями человѣчества? Вольтеръ, Руссо, Монтескье, цѣлая школа великихъ мыслителей, которая могущественно овладѣваетъ вѣкомъ, видоизмѣняетъ его и создаетъ будущее. Что представляютъ собою война объ австрійскомъ наслѣдствѣ, семилѣтняя война или семейный договоръ, по сравненію съ „Общественнымъ договоромъ“ или „Духомъ Законовъ“? Политическія дѣла находились въ рукахъ неспособнаго короля или царедворцевъ, людей безъ взглядовъ и безъ понятій. Истинными историческими личностями эпохи были писатели, философы, люди съ умомъ или гениальными. Вдобавокъ, старались ли эти мыслители заниматься государственными дѣлами, какъ это дѣлало первое поколѣніе XIX вѣка? Нисколько. Они оставались писателями, философами, моралистами, и именно какъ таковыя, вліяли на общество. Я представляю себѣ также, что тѣ, которые опять появятся передъ нами, какъ исключительно выдающіеся люди, будутъ не политиками, а мыслителями. Они выростутъ внѣ оффиціальнаго міра, не думая даже о томъ, чтобы ему противодѣйствовать, предоставляя ему погибать въ его жалкой средѣ. ²⁾

На тощихъ пастбищахъ острововъ Бретани каждая овца изъ стада, привязанная къ колку, можетъ щипать рѣдкую траву только въ узкомъ кругу удерживающей ее веревки. Таково, мнѣ кажется, дѣйствительное положеніе политики; она использовала всѣ тѣ ресурсы, которыми обладаетъ для разрѣшенія проблемы о человѣчествѣ. Нравственность, философія, истинная религія не входятъ въ ея сферу; она вращается въ роковомъ кругу своего безсилія. Если бы спасеніе настоящаго столѣтія заключалось въ политическомъ искусствѣ, то можемъ ли мы надѣяться найти болѣе искусныхъ въ политикѣ людей, чѣмъ Гизо и Тьеръ? Кто не пожималъ бы плечами при видѣ наивной неопытности посредственныхъ начинающихъ дѣятелей, которые съ первыхъ своихъ шаговъ претендуютъ на то, чтобы превзойти этихъ лицъ? Нѣтъ, ихъ не превзойдутъ, поступая такъ, какъ они, а только поступая иначе, чѣмъ они. Если такіе люди оказались неспособными, то неужели это ихъ вина? не значитъ ли это скорѣе, что

¹⁾ Я оставляю и теперь въ силѣ это откровенное предсказаніе, хотя на первый взглядъ кажется, что оно очень мало осуществилось. Но я говорю здѣсь объ истинномъ историческомъ вліяніи, а не объ оффиціальныхъ дѣйствующихъ лицахъ. Можетъ быть, черезъ сто лѣтъ, когда будутъ составлять исторію XIX вѣка, то обнаружатъ, въ промежуткѣ отъ 1848 по 1857 годъ, людей, имѣвшихъ болѣе важное значеніе, чѣмъ Руге (1857).

²⁾ „Нѣкоторые, видя, что управленіе государствомъ забрано въ свои руки неспособными, оставили его. И тотъ, который спросилъ у Кратеса, до какихъ поръ слѣдуетъ предаваться мышленію, получилъ отъ него такой отвѣтъ: „До тѣхъ поръ, пока во главѣ нашихъ войскъ будутъ стоять невѣжды“ (Монтень, кн. I, стр. 24).

никакое политическое искусство не имѣетъ силы при данномъ положеніи?

Возьмемъ еще для примѣра первые три вѣка христіанской эры. Гдѣ происходили тогда великія событія? Гдѣ основывалось будущее? Чьи имена были предназначены къ снисканію уваженія со стороны будущихъ поколѣній? Развѣ центръ человѣчества дѣйствительно составляли тогда Гиберій и Саянь, Гальба, Оттонъ и Вителлій, какъ это, безъ сомнѣнія, думали въ то время? Нѣтъ, центромъ свѣта былъ тогда наиболѣе находившійся въ пренебреженіи уголокъ Востока. Великіе люди, предназначенные для почестей, были вѣрующими энтузіастами, совершенно чуждыми тайнъ важной политики. Пять столѣтій спустя изъ выдающихся людей этой эпохи называютъ только Петра, Павла, Іоанна, Матѣя, лицъ бѣдныхъ, пользовавшихся, безъ сомнѣнія, малымъ вліяніемъ. Что сказалъ бы Тацитъ, если бы ему объявили, что всѣ дѣйствующія лица его исторіи когда-либо совершенно померкнутъ передъ главами этихъ „христіанъ“, о которыхъ онъ говоритъ съ такимъ презрѣніемъ, что имя Августа спасено будетъ отъ забвенія только потому, что на заголовкѣ лѣтописей христіанскихъ, будутъ читать: „въ царствованіе Цезаря Августа Христосъ родился въ Виѳлеемѣ іудейскомъ“; что о Неронѣ будутъ вспоминать только потому, что въ его царствованіе пострадали Петръ и Павелъ, будущіе владыки Рима; что имя Траяна отыщется еще въ нѣсколькихъ легендахъ не потому, что онъ побѣдилъ Дакійцевъ и расширилъ до Тигра предѣлы имперіи, но потому, что одинъ легковѣрный римскій епископъ VI вѣка вздумалъ однажды молиться за него? Вотъ вамъ великая культура, тайно подготовляемая въ теченіе трехъ столѣтій внѣ политической сферы, развивающаяся на-ряду съ оффиціально существующимъ обществомъ, преслѣдуемая имъ, но по прошествіи опредѣленнаго времени, уничтожающая политику, или, вѣрнѣе говоря, оказывающаяся жизненной и сильной, тогда какъ политическій міръ умираетъ отъ ослабленія. Если бы святой Амвросій остался правителемъ Лигуріи, предполагая даже, что онъ получилъ бы повышение и сдѣлался-бы, какъ его отецъ, начальникомъ Галліи, онъ, навѣрное, былъ бы забытъ. Онъ поступилъ лучше, сдѣлавшись епископомъ. Говорите же послѣ этого, что нѣтъ иного средства принести пользу человѣчеству кромѣ политической дѣятельности. Я утверждаю, наоборотъ, что тотъ, кто съ полной охотой избираетъ этотъ унижающій трудъ, тѣмъ самымъ доказываетъ, что онъ не призванъ къ великой дѣятельности. Что представляетъ собой въ наше время политика? Борьбу безъ правилъ и безъ законовъ, столкновенія соперничающихъ между собою честолюбцевъ, интриги, сопровождающіяся хитростями съ той и другой стороны, обширное поприще козней, споры на чисто личной почвѣ. Что нужно для того, чтобы имѣть успѣхъ, чтобы быть „возможнымъ“, какъ теперь выражаются? Нужно ли для этого быть человѣкомъ очень выдающимся, человѣкомъ съ пламенными и твердыми намѣреніями или съ горячими убѣжденіями? Это все представляетъ собою непреодолимые препятствія для успѣха. Нужно не мыслить или не высказывать своихъ мыслей; нужно замк-

нутъся въ кругъ условности и оффициальной лжи. И вы думаете, что именно отсюда произойдетъ то, въ чемъ мы нуждаемся, особая сила, возстановленіе патріотизма, вѣрованіе, способное опять горячо увлечь человѣчество? Такой же смыслъ имѣло-бы надѣяться на то, что скептицизмъ породитъ вѣру, или что новая религія выйдетъ изъ канцелярій министерства или залъ собраний. Человѣчеству нужна нравственность и вѣра, и эта послѣдняя должна имѣть своимъ источникомъ сокровенныя свойства человѣческой природы, а не старые и безплодные обычаи оффициальныхъ круговъ.

Шатобрианъ утверждалъ, что вступленіе ученыхъ людей на поприще активной политики служитъ указаніемъ на ослабленіе политическихъ способностей націи. Справедливѣе сказать, что это доказываетъ ослабленіе стремленія къ наукѣ; это доказываетъ непониманіе значенія и важности умственной дѣятельности; это служитъ признакомъ того, что господствующее вліяніе отъ ума и науки перешло къ интригѣ и мелочной дѣятельности. Такъ обстоитъ дѣло въ наше время. Но постоянно всплывающая на верхъ волна соціальныхъ вопросовъ заставитъ политику признаться въ своемъ безсиліи. Тогда-то станетъ понятнымъ, что великій переворотъ будетъ созданъ не людьми дѣйствія, а людьми мысли и чувства, и всѣ благородныя души, предоставивъ низменную сферу беспокойнымъ умамъ, и считая для себя безразличными формы управленія, имена правителей и ихъ дѣянія, обратятся къ высокимъ свойствамъ человѣческой природы, и, пылая чувствомъ восторга къ истинѣ и красотѣ, создадутъ ту новую силу, которая неиспровергнетъ хрупкіе устои политики и станетъ въ свою очередь закономъ для человѣчества.

Что создастъ эти чудеса? Философія, наука, совокупное дѣйствіе всѣхъ человѣческихъ способностей. Время религіозныхъ сектъ прошло. Отъ остроумія нельзя обратиться къ тупоумію; кто былъ благоразумнымъ хотя-бы въ теченіе одного часа, всегда будетъ вспоминать этотъ часъ. Отнынѣ для того, чтобы была возможна религіозная секта, нужна широкая пропасть забвенія, подобная той, которая была создана нашествіемъ варваровъ, пропасть, въ которую канули-бы всѣ воспоминанія о современномъ обществѣ. Сохраните бібліотеку, школу, памятникъ, самый маловажный,—и вы сохраните критику, или, по крайней мѣрѣ, воспоминаніе о той эпохѣ, когда она существовала. Но, повторяю, есть только одно средство исцѣлиться отъ критики, такъ же, какъ и отъ скептицизма: забыть свое прошлое и начать жизнь вновь на иныхъ началахъ. Вотъ почему, въ теченіе полувѣка, всѣ попытки религіозныхъ сектъ утвердиться въ Европѣ разбились о легкомысліе. Наше время столь мало религіозно, что оно даже не могло породить и ереси ¹⁾. Попытаться ввести религіозное

¹⁾ Это особенно относится къ католической Франціи. Не такъ обстоитъ дѣло въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Образование новыхъ сектъ, которое католики выставляютъ протестантамъ, какъ признакъ ихъ слабости, доказываетъ, наоборотъ, что въ протестантахъ живо еще религіозное чувство, такъ какъ оно выражается въ творческой дѣятельности. Нѣтъ ничего болѣе мертваго, чѣмъ то, что даже не шевелится.

нововведеніе, значить совершить дѣло вѣрующаго, и именно потому, что все общество не питаетъ надежды на возрожденіе религіи; измѣнить что-либо въ состояніи послѣдней считается дѣломъ нехорошимъ. Франція—наиболѣе правовѣрная страна въ мірѣ, ибо она наименѣе религіозна. Имѣй она больше религіознаго чувства, она сдѣлалась-бы протестантской, подобно Германіи. Но, не смысля совершенно ничего въ богословіи и чувствуя при томъ потребность въ религіи, она находитъ удобнымъ придерживаться той системы, которую она имѣетъ подъ рукой, не заботясь о ея усовершенствованіи; вѣдь пытаться усовершенствовать ее—это значить относиться къ ней серьезно и совершить дѣло пахнущее теологіей; а среди насъ считается признакомъ хорошаго тона заявлять о томъ, что подобными вещами не занимаются. Индифферентность и ортодоксальность соприкасаются другъ съ другомъ. Основателю ереси такимъ образомъ не на что въ наше время надѣяться ни отъ суровыхъ ортодоксовъ, которые предадутъ его проклятію, ни отъ свободныхъ мыслителей, которые будутъ смѣяться надъ попыткой преобразовать то, что не подлежитъ реформѣ.

Есть одна очень тонкая грань, перейдя которую философская школа становится сектой; бѣда, если кто черезъ нее переступаетъ! Языкъ сразу мѣняется, слова ужъ не обращаются ко всему обществу, обнаруживается стремленіе къ мистическимъ формамъ, элементъ суевѣрія и легковѣрности появляется вдругъ въ ученіи, казавшемся самымъ разсудительнымъ, фантазія примѣшивается къ знанію. Философъ перестаетъ заслуживать свое имя, если онъ стремится стать патріархомъ маленькой церкви, если, не желая учить весь родъ человѣческій, онъ старается играть легкую и лестную для самолюбія роль великаго жреца и пророка въ кружкахъ своихъ адептовъ, о которыхъ иногда съ сомнѣніемъ говорятъ между собой: „неужели они настолько наивны, чтобы быть вѣрующими?“ Обычная черта религіозныхъ произведеній состоитъ въ томъ, что для того, чтобы быть понимаемыми, они должны заключать особый смыслъ, недоступный для всего общества, должны быть истинными и прекрасными въ глазахъ посвященныхъ, а не всѣхъ людей. Особья вѣрованія и чувствованія порождаютъ и особый слогъ и выраженіе. Святой Павелъ, конечно, удивительный геній, и все-таки развѣ красота его произведеній заключается въ великихъ основахъ души человѣческой, взятыхъ въ самой общей ихъ формѣ, какъ это мы видимъ, на примѣръ, въ діалогахъ Платона? Нѣтъ. Сенека или Тацитъ, читая эти замѣчательныя творенія, не находили бы ихъ прекрасными, по крайней мѣрѣ, въ той же степени, что мы, при нашемъ пониманіи правилъ христіанской эстетики. Основатель религіи недоступенъ половинѣ общества. Всякая религія является съ ограниченіями, а ограниченіе, какое-бы оно ни было, наиболѣе противно сильнымъ умамъ. Столько теченій смѣнило другъ друга въ исторіи, что мы не можемъ рѣшиться думать, что одно заключаетъ въ себѣ абсолютную истину въ большей степени, чѣмъ другое. Вполнѣ охотно признавая, что до сихъ поръ великія оригинальныя идеи были религіозными или догматическими, мы видимъ

абсолютную невозможность въ будущемъ замкнуть умъ человѣческой въ какую бы то ни было изъ тѣхъ узкихъ формъ, которыя носятъ названіе церкви. Ибо, при свойственной намъ разсудительности, мы очень скоро стали-бы дѣлать сравненія, стали бы судить самихъ себя такъ, какъ мы судимъ о прошедшемъ, критиковали-бы собственную жизнь. Религіозный догматизмъ несомнѣвимъ съ критикой; какимъ образомъ можно воздерживаться отъ того, чтобы не провѣрять на самомъ себѣ законовъ, наблюдавшихся при господствованіи другихъ ученій, и какъ согласовать абсолютную вѣру съ подобными посторонними мыслями? Можно, значитъ, не колеблясь, сказать, что никакая новая религія впредь не появится въ Европѣ, развѣ только если новыя расы, чуждыя разсудительности, еще разъ совершенно погубятъ цивилизацію.

Такимъ образомъ вопросъ о будущемъ религіи долженъ рѣшаться различно, смотря по тому, какой смыслъ мы придаемъ слову „религія“. Если подъ этимъ подразумѣвать группу правилъ, завѣщанныхъ намъ по традиціи, облеченныхъ въ мистическую и догматическую форму, то слѣдуетъ сказать съ увѣренностью, что религіи не лежатъ въ основѣ природы человѣческой и что онѣ когда-нибудь исчезнутъ. Если, наоборотъ, мы подъ этимъ понимаемъ вѣру, соединенную съ энтузіазмомъ, самоотверженіемъ и самопожертвованіемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что человечество всегда будетъ религіознымъ. Но что не менѣе важно, такъ это то, что ученіе въ будущемъ можетъ сколько нибудь рассчитывать на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если оно очень широко согласуется съ природой человѣческой, если оно исключаетъ всякій частный характеръ и обращено ко всему обществу безъ различія посвященныхъ и непосвященныхъ. Философія XVIII-го вѣка остается въ этомъ отношеніи для насъ вѣчнымъ образцомъ. Эта философія видоизмѣнила міръ и внушила самыя стойкія убѣжденія, не дѣлаясь, однако, сектой или религіей. Духовная и социальная реформа наступитъ, такъ какъ всѣ ея требуютъ; но она не будетъ обусловлена какой-либо сектой; она явится слѣдствіемъ успѣховъ науки и соединенныхъ усилій человечества.

Можно, значитъ, не преувеличивая, сказать, что наука заключаетъ въ себѣ будущее человечества, что она одна можетъ указать человѣку его предназначеніе и научить его, какимъ образомъ достигать своей цѣли. До сихъ поръ міромъ руководилъ не разумъ, а прихоти или страсти. Наступитъ время, когда разумъ, просвѣщенный опытностью, получитъ власть, которая одна будетъ представлять собою божественное право, и этотъ разумъ будетъ управлять міромъ уже не на удачу, а съ яснымъ взглядомъ на достиженіе цѣли. Нашъ вѣкъ страстей и заблужденій будетъ тогда казаться вѣкомъ чисто варварскимъ, или подобнымъ тому капризному и своенравному періоду, который отдѣляетъ у ребенка прелести дѣтскаго возраста отъ разсудительности зрѣлаго человѣка. Наша искусственная политика, наши партіи, ослѣпленные въ своемъ эгоизмѣ, будутъ казаться чудовищными явленіями иной эпохи. Непонятнымъ станетъ, какимъ образомъ вѣкъ могъ дать прозвище „искусныхъ“ тѣмъ людямъ, которые

смотрѣли на управленіе человѣчествомъ, какъ на простую игру въ шахматы. Знаніе, которое будетъ руководить міромъ, не будетъ политикой. Политика, т. е. способъ управлять человѣчествомъ такимъ-же образомъ, какъ управляютъ машиной или стадомъ, исчезнетъ, какъ специальное искусство. Главной, господствующей наукой будетъ тогда философія, т. е. наука, которая изслѣдуетъ цѣль и условія общества. Съ точки зрѣнія политики, говоритъ Гердеръ, человѣкъ является средствомъ, а съ точки зрѣнія нравственности—цѣлью. Будущая революція будетъ побѣдой нравственности надъ политикой. Организациа человѣчества на научныхъ началахъ—вотъ послѣднее слово современной науки; въ этомъ заключается ея смѣлое, но законное желаніе. Тутъ нечему удивляться, если подумать, что весь совершенный до сихъ поръ прогрессъ составляетъ, можетъ быть, только первую страницу предисловія безконечнаго произведенія.

Итакъ, пусть всѣ тѣ, которые еще обожаютъ что-нибудь, объединятся помощью того, что они обожаютъ. Невѣрующій—это человѣкъ суетный; нечестивцы, язычники—это эгоисты, которые не разумѣютъ ничего божественнаго, вялыя души, которыя только воображаютъ о себѣ что-то особенное и смѣются надъ тѣми, кто вѣруетъ,—низкія и пошлыя личности, которымъ суждено сохнуть отъ эгоизма и умереть въ ничтожествѣ. Какимъ образомъ вы, ученики Христа, вступаете съ ними въ союзъ? Не лучше ли было-бы, если-бы мы съ вами усѣлись возлѣ бѣднаго человѣчества, которое задумчиво и молчаливо сидитъ у края дороги, чтобы обратить взоры его къ небу, на которое оно больше ужъ не смотритъ? Что касается насъ, то жребій брошенъ; и если даже суетвѣріе и легкомысліе, которыя отнынѣ неразлучно помогаютъ другъ другу, и сумѣютъ притупить на время умъ человѣческой, то все-таки будутъ говорить, что въ XIX-омъ вѣкѣ, въ вѣкѣ страха, было еще нѣсколько такихъ людей, которые, не смотря на презрѣніе со стороны черни, любили быть называемыми людьми другого направленія; люди, которые вѣрили въ истину, и страстно искали ея, живя среди вѣка, легкомысленнаго изъ-за своего невѣрія и суетвѣрнаго изъ-за своего легкомыслія.

II.

Интеллектуальная и моральная реформа Франції.

Предисловіе.

Самая большая изъ статей, содержащихся въ этомъ томѣ, заключаетъ въ себѣ размышленія, вызванныя у меня тѣми печальными днями, когда настоящій французъ долженъ былъ думать только о страданіяхъ своего отечества. Я не льщу себя надеждой на возможное вліяніе этихъ страницъ. Роль писателей, на долю которыхъ выпали непріятныя истины, почти не отличается отъ участи того іерусалимскаго сумасшедшаго, который все время бѣгалъ вокругъ стѣнъ обреченнаго на гибель города и кричалъ: „Голоса Востока! Голоса Запада! Голоса четырехъ вѣтровъ! Горе Іерусалиму и храму!“ Никто не слушалъ его до того дня, когда, пораженный камнемъ изъ метательнаго снаряда, онъ сказалъ, падая: „Горе мнѣ!“ Тѣ немногіе люди, которые слѣдовали въ политикѣ проповѣдуемой мной программѣ, не по корысти и честолюбію, но по простому влеченію къ общественному благу, совершенно побѣждены въ пагубномъ кризисѣ, развивающемся передъ нашими глазами. Я стараюсь главнымъ образомъ избѣжать упрека въ томъ, что я отказывалъ своему времени и своей странѣ во вниманіи, представляющемъ долгъ всякаго гражданина. При настоящемъ положеніи человѣческихъ обществъ нужно мало уважать того, кто жадно стремился бы свалить часть отвѣтственности на дѣла своего времени и своей страны. Въ наши дни были бы почти безсмыслицей честолюбцы стараго закала, находившіе свое удовольствіе, честь и надежды на счастье въ участіи въ управленіи; если-бы мы увидѣли теперь молодого человека, вступающаго въ общественную жизнь съ тѣмъ немного неопредѣленнымъ пыломъ, съ тѣмъ біеніемъ сердца и наивнымъ оптимизмомъ, которые характеризовали, напр., эпоху Возрожденія,—мы не могли бы удержаться отъ улыбки и не предсказать ему жестокаго разочарованія. Одинъ изъ наиболѣе дурныхъ результатовъ демократіи тотъ, что она сдѣлала общественное дѣло добычей цѣлаго класса посредственныхъ и завистливыхъ политика новъ, конечно, мало уважаемыхъ народомъ; вѣдь народъ видѣлъ, какъ его теперешніе властители раньше унижались передъ нимъ; народъ знаетъ, съ помощью какого мошенничества добились его одобренія. Однако, прежде чѣмъ объявить, что мудрый долженъ замкнуться въ области чистой мысли, нужно быть вполне увѣреннымъ, что истощены уже всѣ шансы на вниманіе народа къ голосу разсудка. Когда мы будемъ побѣждены десять

разъ, когда толпа десять разъ предпочтетъ нашимъ мнѣніямъ напыщенные возгласы угодниковъ или изступленныхъ, когда будетъ окончательно доказано, что мы съ нашими законными предложеніями отвергнуты навсегда,—только тогда у насъ будетъ право гордо и спокойно удалиться и во всеуслышаніе кричать о нашемъ поражениі. Люди не обязаны стремиться къ внѣшнему успѣху и конкурировать съ пріемами, которые позволяетъ себѣ обыденное честолюбіе; люди обязаны быть чистосердечными. Еслибы Тюрго дожилъ до Революціи, почти только онъ одинъ имѣлъ бы право оставаться спокойнымъ, такъ какъ онъ одинъ указалъ, что нужно дѣлать для ея предупрежденія.

Къ этому очерку о реформахъ, казавшихся мнѣ наиболее необходимыми, я присоединилъ одинъ или два отрывка, появившіеся въ 1869 г. и представляющіе комментарий и объясненіе главнаго очерка ¹⁾. Пожалуй, нѣкоторымъ эти статьи покажутся порожденіемъ очень реакціонной политики. Рѣшенія умѣренного либерализма всегда отодвигаются на задній планъ крайними положеніями; но ихъ не слѣдуетъ оставлять по этой причинѣ, такъ какъ мысль рано или поздно возвратится къ нимъ. Не смотря на разочарованія, вызванныя во мнѣ дѣйствительными фактами, я перечелъ всѣ эти отрывки безъ всякаго чувства горечи, и думаю, что они имѣютъ еще нѣкоторую цѣну.

Но за то съ чувствомъ глубокой печали я воспроизвелъ въ этомъ томѣ двѣ или три статьи, касающіяся войны. Я мечталъ посвятить свою жизнь по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ служенію интеллектуальному, моральному и политическому союзу Германіи и Франціи,—союзу, который долженъ былъ подавить союзъ съ Англійей и составить силу, способную управлять міромъ, т. е. вести его по дорогѣ либеральной цивилизаціи, одинаково далекой отъ наивно-слѣпыхъ увлеченій демократіи и отъ дѣтскихъ мечтаній о возвращеніи къ прошлому, которое уже не можетъ ожить. Я долженъ сознаться, что моя мечта разбита навсегда: между Франціей и Германіей образовалась пропасть, которую не заполняютъ цѣлыя вѣка. Насиліе надъ Эльзасъ-Лотарингіей надолго останется зияющей раной; предполагаемая гарантія мира, о которомъ такъ мечтали журналисты и государственные люди Германіи, долго будетъ гарантіей безконечныхъ войнъ.

Германія была владычицей моего ума; я признавалъ, что именно ей обязанъ всѣмъ лучшимъ во мнѣ. Представьте же мои страданія, которыя я испытывалъ, когда видѣлъ, какъ нація, научившая меня идеализму, глумилась надъ всѣмъ идеальнымъ, когда отечество Канта, Фихте, Гердера, Гете стало преслѣдовать цѣли одного лишь исключительнаго патріотизма; когда народъ, на который я всегда указывалъ своимъ соотечественникамъ, какъ на самый моральный и самый культурный, появился къ намъ въ видѣ солдатъ, ничѣмъ не отличающагося отъ солдатъ всѣхъ временъ, злыхъ, вороватыхъ, пьяныхъ, деморализованныхъ, грабителей,

¹⁾ Нѣкоторыя мѣста въ этихъ статьяхъ, которыя могутъ показаться неясными, развиты болѣе обстоятельно въ моемъ трудѣ: „Современные вопросы“ (Questions contemporaines. Paris, 1868)

какъ во времена Вальдштейна; наконецъ, когда нація, благородно возмущавшаяся 1813 годомъ и поднявшая всю Европу во имя „великодушія“, отвергла въ политикѣ всякое великодушіе, поставила принципъ, что обязанность народа—быть положительнымъ, эгоистичнымъ, и разсматривала, какъ преступленіе, трогательное безуміе бѣдной націи, обманутой судьбой и своими правителями, поверхностной націи, лишенной политическаго смысла (я признаю это), но единственная вина которой въ томъ, что она опрометчиво рѣшилась на опытъ (всеобщая подача голосовъ), отъ котораго ни одинъ народъ не отдѣлается лучше ея. Германія своими дѣлами провозвѣстила всему міру, что обязанности—смѣшны, а борьба за отечество—преступна. Какое печальное разочарованіе для людей, видѣвшихъ въ германской культурѣ будущее общей цивилизаціи! То, что мы любили въ Германіи: ея широту, ея высокое пониманіе разума и человѣчества,—того уже нѣтъ. Теперь Германія—только нація и при томъ самая сильная; но извѣстно, какъ долго продолжаются такія гегемоніи и что онѣ оставляютъ послѣ себя. Нація, ограничивающая себя преслѣдованіемъ только своихъ интересовъ, перестаетъ играть общую роль. Страна оказываетъ вліяніе только универсальными сторонами своего генія; патриотизмъ—это противоположность нравственнаго и философскаго вліянія. Всю нашу жизнь мы старались остерегаться отъ ошибокъ французскій шовинизмъ; какъ же хотятъ, чтобы мы приняли узкія мысли чужестраннаго шовинизма, столь же несправедливаго, столь же невыносимаго, какъ и французскій? Человѣкъ можетъ стать выше предразсудковъ своей націи. Но, ошибка за ошибку: патриотическіе предразсудки онъ всегда предпочтетъ тѣмъ, которые кажутся ему угрожающими обидами или несправедливыми униженіями.

Никто больше меня не отдавалъ всегда должнаго великимъ качествамъ германской расы: этой серьезности, этимъ знаніямъ, этому старанію, которыя почти замѣняютъ геній и въ тысячу разъ лучше таланта, этому чувству долга, которое я безусловно предпочитаю тщеславію и честолюбію, составляющему нашу силу и нашу слабость. Но Германія не можетъ взять на себя дѣла всего человѣчества. Германія не дѣлаетъ безкорыстныхъ вещей для всего міра. Очень благороденъ германскій либерализмъ, ставящій своей цѣлью не столько равенство классовъ, сколько культуру и возвышеніе человѣческой природы вообще. Но права человѣка то же чего нибудь стоютъ; и именно наша философія XVIII вѣка, т. е. наша революція, обосновала ихъ. Реформа Лютера была совершена только для германскихъ странъ; Германія никогда не имѣла ничего подобнаго нашимъ рыцарскимъ привязанностямъ къ Польшѣ, къ Италиі. Но, впрочемъ, германская натура заключаетъ въ себѣ, повидимому, два протовоположные полюса: Германія кроткая, повинующаяся, почтительная, уступчивая, и Германія, признающая только силу, неумолимый и жестокий командиръ, старый, неподатливый, какъ желѣзо, человѣкъ; *j u g a n e g a t s i b i p a t a*. Можно сказать, что на свѣтѣ нѣтъ ничего лучше Германіи моральной и ничего хуже Германіи деморализованной. Если наши массы менѣе воспріимчивы къ дисциплинѣ, чѣмъ въ

Германіи, то средніе классы менѣе способны къ подлости; скажемъ къ чести Франціи, что, въ теченіе всей послѣдней войны, почти невозможно было найти французъ, который удовлетворительно исполнялъ бы роль шпиона: ложь, низменная хитрость слишкомъ противорѣчатъ нашей природѣ.

Великое превосходство Германіи — въ умственной области. Но пусть она не воображаетъ, что въ этой области обладаетъ всѣмъ: такта, чувства изящества у ней еще нѣтъ. Германіи нужно много сдѣлать, чтобы имѣть такое общество, какъ французское общество XVII и XVIII вѣковъ, такихъ людей, какъ Ларошъ-Фуко, Сень-Симонъ, Сень-Эвремонъ, такихъ женщинъ, какъ m-me де-Севинье, m-ше де-ла-Вальеръ, Нинонь де-Ленкло. Да и въ наши дни имѣетъ ли Германія такого поэта, какъ Викторъ Гюго, такого прозаика, какъ Жоржъ-Зандъ, такого критика, какъ Сентъ-Бевъ, человѣка съ такой фантазіей, какъ Мишле, такой философскій характеръ, какъ Литтре? Пусть знатоки другихъ націй отвѣтятъ на это. Мы только отвергаемъ несправедливыя сужденія тѣхъ, которые судятъ о современной Франціи по ея прессѣ низшаго разряда, по ея мелкой литературѣ, по этимъ плохимъ маленькимъ театрамъ, глупый духъ которыхъ, отнюдь не французскій, дѣло рукъ иностранцевъ и отчасти Германіи. Вѣдь судить о Германіи по ея газетамъ низшаго сорта—значило бы судить о ней очень плохо. Какое удовольствіе можно находить, питаясь такими ложными идеями, такими злобными и пристрастными оцѣнками? Напрасно станутъ говорить, что міръ безъ Франціи былъ столь же несовершененъ, что онъ былъ бы столь же несовершененъ, если бы Франція была всѣмъ міромъ. Цѣлое блюдо соли—ничто, но блюдо безъ соли—безвкусно. Цѣль человѣчества стоитъ выше триумфа той или другой расы. Всѣ расы служатъ для этой цѣли; у всѣхъ своя миссія, которую онѣ должны исполнить.

Можно ли будетъ, наконецъ, основать лигу людей съ доброй волей, людей всѣхъ классовъ, языковъ и народовъ, которые сумѣютъ создать и поддержать выше этой пылающей борьбы царство высшихъ идей, небо, гдѣ не будетъ ни грековъ, ни варваровъ, ни германцевъ, ни римлянъ? Когда Гете предложили однажды написать стихотвореніе противъ Франціи, онъ отвѣтилъ: „Какъ хотите вы, чтобы я проповѣдывалъ ненависть, когда я не чувствую ея въ своемъ сердцѣ?“ Таковъ долженъ быть и нашъ отвѣтъ, когда намъ предлагаютъ клеветать на Германію. Будемъ неумолимо справедливы и холодны. Франція не слушала насъ, когда мы заклинали ее не бороться противъ неизбежнаго; Франція издѣвалась надъ нами, когда мы предлагали ей быть умѣренной въ своей побѣдѣ. Будемъ ждать. Законы исторіи—это справедливость Бога. Въ книгѣ Іова Богу, чтобы доказать свою силу, угодно было сокрушить торжествующаго и привести въ экстазъ униженнаго. Философія исторіи въ этомъ пунктѣ согласна съ древней поэмой. Во всякомъ человѣческомъ существѣ сидитъ грызущій его червь; пораженіе—это искупленіе прошлой славы и часто гарантія побѣды въ будущемъ. Греція и Іудея заплатили своимъ національнымъ существованіемъ за свою исключительную судьбу и за ту, ни съ чѣмъ несравнимую, честь, которая припи-

сывается имъ за то, что они основали учрежденія для всего человѣчества. Италія искупила двумя стами лѣтъ ничтожества ту славу, что она дала среднимъ вѣкамъ гражданскую жизнь и вызвала возрожденіе; въ XIX вѣкѣ эта двойная слава была ея главнымъ правомъ на новую жизнь. Германія искупила долгимъ политическимъ приниженіемъ ту славу, что она провела реформацію; теперь она ощущаетъ ея благодѣяніе. Франція искупаетъ теперь революцію; быть можетъ, со временемъ она пожнетъ плоды этой революціи въ признательной памяти эмансипированныхъ народовъ.

Могутъ сказать, что это утѣшеніе побѣжденныхъ—напрасный кормъ, бросаемый для утѣшенія въ настоящемъ несчастіи мечтами о будущемъ!—Пусть будетъ такъ. Но нужно признать также, что никогда утѣшенія не были болѣе основательны. Надежды, основанныя на неустойчивости судьбы, осуществлялись всегда со времени существованія человѣчества. *Nil per manet sub sole*, сказалъ этотъ милый скептикъ, такъ удивительно проникающій въ суть вещей, Экклезіастъ, самый вдохновенный изъ священныхъ авторовъ. Исторія пойдетъ дальше, и сегодняшніе побѣдители будутъ завтра побѣжденными. Не важно, печальная или веселая эта истина: эта истина будетъ истиной во всѣ времена. Вотъ почему философъ долженъ желать, чтобы было возможно меньше побѣжденныхъ и побѣдителей.

„О, какъ золь и превратенъ міръ!“—воскликаетъ величайшій изъ персидскихъ поэтовъ. „Что ты возвысилъ, ты самъ разрушаешь. Посмотри, что сдѣлалось съ Феридуномъ, похитившимъ царство у стараго Зоака. Онъ царствовалъ пять вѣковъ, а въ концѣ-концовъ умеръ. Онъ умеръ, какъ умремъ и мы всѣ,—все равно, были ли мы пастухами или стадомъ“.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Б о л ѣ з н ь .

Люди, желающіе открыть въ исторіи прежде всего примѣненіе строгой справедливости, берутъ на себя довольно трудную задачу. Если во многихъ случаяхъ мы видимъ, что за національными преступленіями слѣдуетъ скорое наказаніе, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы видимъ, что міръ управляется менѣе строгими сужденіями; многія страны могли быть слабыми и развращенными безнаказанно. Это, навѣрное, одинъ изъ признаковъ величія Франціи, что ей не позволена такая безнаказанность. Истощенная демократіей, деморализованная своимъ благополучіемъ, Франція крайне жестоко искупала свои годы заблужденій. Смыслъ этого факта въ самомъ значеніи Франціи и величіи ея прошлаго. Въ этомъ для нея заключается справедливость; ей не позволено предаваться своимъ страстямъ, пренебрегать своимъ призваніемъ. Очевидно, Провидѣніе любитъ ее, такъ какъ оно послало ей наказаніе. Страна, игравшая роль первой важности, не имѣетъ права предаваться буржуазному матеріализму, который хочетъ только спокойно наслаждаться своими пріобрѣтенными богатствами. Не можетъ быть посредственнымъ тотъ, кто желаетъ. Человѣкъ, протитутуирующій великое имя и не исполняющій миссіи, предписанной его природѣ, не можетъ безнаказанно позволить себѣ рядъ вещей, простительныхъ для обыкновеннаго человѣка, который не долженъ ни продолжать прошлаго, ни выполнять великихъ обязанностей.

Чтобы видѣть, что въ эти послѣдніе годы моральное состояніе Франціи подвержено тяжелому болѣзненному заболѣванію, нужно нѣсколько проникнуть умомъ въ суть дѣла, нужно имѣть нѣкоторую привычку къ политическимъ и историческимъ разсужденіямъ; но чтобы видѣть зло настоящаго дня, нужно, къ сожалѣнію, только имѣть глаза. Зданіе нашихъ мечтаній разрушилось, какъ воздушные замки, которые строятъ во снѣ. Надменность, дѣтское тщеславіе, недисциплинированность, отсутствіе серьезности, прилежанія, честности, слабость ума, неспособность удерживать одновременно въ головѣ много идей, отсутствіе научнаго духа, наивное и грубое невѣжество, вотъ краткое резюме нашей исторіи за одинъ годъ. Армія, столь гордая и съ такими претензіями, не встрѣтила ни одной надежды. Государственные люди, столь увѣренные въ своихъ поступкахъ, оказались дѣтьми. Пристраст-

ная администрація была уличена въ неспособности. Общественное образованіе, замкнутое для всякаго прогресса, было уличено въ томъ, что позволило французскому уму погрузиться въ бездну ничтожества. Католическое духовенство, столь гордо проповѣдывавшее подчиненность протестантскихъ націй, осталось побѣжденнымъ свидѣтелемъ разрушенія того, что уже было отчасти сдѣлано. Династія, корни которой, казалось, такъ глубоко заложены въ странѣ, не встрѣтила 4 сентября ни одного защитника. Оппозиція, утверждавшая, что въ революціонныхъ правилахъ она имѣетъ средства противъ всѣхъ золъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней оказалась такой же непопулярной, какъ и падшая династія. Республиканская партія, полная пагубныхъ заблужденій, уже польвѣрка распространяющихся объ исторіи революціи, посчитала себя способной повторить пріемъ, удавшійся 80 лѣтъ тому назадъ только благодаря обстоятельствамъ, совершенно отличающимся отъ современныхъ; но ея дѣйствія сочли за поступки галлюцинанта, принимающаго свой бредъ за дѣйствительность. Все рушилось, какъ въ одномъ видѣніи Апокалипсиса. Даже сама легенда поражена на смерть. Легенда имперіи разрушена Наполеономъ III; легенда 1792 г. получила смертельный ударъ отъ Гамбетты; легенда террора (вѣдь и онъ имѣлъ у насъ свою легенду) вылилась въ противную пародію въ Коммунѣ; легенда Людовика XIV не будетъ уже такой, какой была раньше, съ того дня, когда избиратель Бранденбурга перенесъ имперію Карла Великаго въ Версальскую залу празднествъ. Одинъ Боссюэ оказался пророкомъ, когда сказалъ: *Et nunc, reges, intelligite!*

Въ наши дни именно народы должны понимать, и это дѣлаетъ задачу реформаторовъ столь трудной. Постараемся съ помощью возможно болѣе точнаго анализа отдать себѣ отчетъ въ болѣзни Франціи, чтобы открыть средства, которые нужно примѣнить. Силы больного громадны; его жизненные ресурсы почти безконечны; его добрая воля дѣйствительна. Но врачъ не долженъ ошибаться. Вѣдь если леченіе будетъ понято слишкомъ узко, если какое нибудь средство будетъ примѣнено не во время, если больной возмутится,—это убьетъ больного или сдѣлаетъ его болѣзнь болѣе тяжелой.

I.

Исторія Франціи представляетъ цѣлое, части котораго такъ соединены другъ съ другомъ, что нельзя понять ни одной изъ нашихъ современныхъ печалей, не отыскивая ея причины въ прошломъ. Два года тому назадъ ¹⁾ я показалъ, что я понимаю подъ правильнымъ развитіемъ государствъ, вышедшихъ изъ средневѣковаго феодализма,—развитіемъ, совершеннымъ типомъ котораго является Англія, такъ какъ она, не разрушая королевской фласти, дворянства, графствъ, общинъ, церкви, университетовъ, нашла средство оставаться государствомъ, наиболѣе свободнымъ, наиболѣе благополучнымъ, наиболѣе патріотичнымъ,

¹⁾ Въ статьѣ „Конституціонная монархія во Франціи“ (*La monarchie constitutionnelle en France*).

какимъ она является въ настоящее время. Совершенно иначе развивалось французское общество со времени XII-го вѣка. Королевская власть Капетинговъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ великими силами, довела свой принципъ до преувеличенія. Она уничтожила возможность всякой провинціальной жизни, всякаго представительства націи. Уже при Филиппѣ Красивомъ болѣзнь была очевидна. Элементъ, составлявшій тогда парламентскую жизнь, мелкое деревенское дворянство, потерялъ свое значеніе. Король созывалъ генеральныя штаты только для того, чтобы получить позволеніе на уже рѣшенное имъ. Въ качествѣ орудій правленія, онъ хотеть пользоваться только своими родственниками, могущественной аристократіей принцевъ крови, довольно эгоистичныхъ, и пожалованными въ дворянство представителями закона или администраціи (*milites regis*), этими угодливыми служителями абсолютной власти. Такое положеніе вещей выкупалось въ XVII-мъ вѣкѣ несравненнымъ величіемъ, которое оно доставляло Франціи; но вскорѣ диссонансъ сталъ слишкомъ рѣзкимъ. Наболѣе развитая въ Европѣ нація могла реализовать свои идеи только съ помощью единообразной политической машины. Тюрго считаетъ парламенты главнымъ препятствіемъ всему хорошему; онъ не надѣется ничего получить отъ собраній. Ошибался ли этотъ удивительный человекъ, свободный отъ всякаго самолюбія?—Нѣтъ: онъ наблюдалъ совершенно вѣрно, и то, что онъ видѣлъ, казалось, говорило, что противъ этой болѣзни нѣтъ средствъ. Прибавьте къ этому глубокую деморализацію народа. Протестантизмъ, возвысившій его, былъ изгнанъ, а католицизмъ не заботился о его воспитаніи. Невѣжество низшихъ классовъ было поразительно велико. Ришелье, аббатъ Флери незыблемо твердо установили принципъ, что народъ не долженъ умѣть ни читать, ни писать. И рядомъ съ этимъ варварствомъ очаровательное общество, полное остроумія, свѣта и граціозности! Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, обнаруживаются внутреннія способности Франціи, что она можетъ сдѣлать и что ей не по силамъ. Франція умѣетъ удивительно плести кружева, но не умѣетъ дѣлать простаго полотна. Низкія обязанности, какъ, напр., обязанности сельскаго учителя, исполняются у насъ всегда очень плохо. Франція отличается въ изысканномъ, но она посредственна въ обыденныхъ дѣлахъ. Въ силу какого же каприза она сдѣлалась съ этими свойствами демократической? Въ силу того же каприза, въ силу котораго Парижъ, почти исключительно живущій дворомъ и роскошью, представляетъ социалистическій городъ, въ силу котораго—Парижъ, все свое время убивающій на то, чтобы зубоскалить надъ всякими вѣрованіями и добродѣтелями, становится непреклоннымъ, фанатичнымъ, разсѣяннымъ, когда дѣло касается его республиканскихъ химеръ.

Первыя шаги революціи были безусловно замѣчательны, и если бы ограничились тѣмъ, чтобы созвать генеральныя штаты, урегулировать ихъ, сдѣлать ежегодными, то все это были бы совершенно безошибочныя поступки. Но ложная политика Аристотеля увлекла за собой главарей революціи. Они хотѣли составить конституцію а priori. Они не замѣтили, что Англія, самая консти-

туціонная изъ всѣхъ странъ, никогда не имѣла записанной, точно оформленной конституціи. Они позволили народу увлечь себя. Они ребячески аплодировали беспорядку при взятіи Бастиліи, не думая что, со временемъ этотъ беспорядокъ одержитъ верхъ надъ всѣмъ. Мирабо, этотъ великій и при томъ единственно великій политикъ своего времени, выступилъ съ безуміями, которыя, навѣрное, погубили бы его, если бы онъ былъ живъ; вѣдь государственному челоуку гораздо выгоднѣе выступить съ реакціей, чѣмъ съ угодничествомъ анархіи. Безразсудство адвокатовъ Бордо, ихъ глупыя напыщенныя рѣчи, ихъ моральное легкомысліе въ концѣ концовъ все погубили. Люди воображали, что государство, воплощавшееся въ королѣ, могло обойтись безъ него, и что абстрактной идеи общественнаго дѣла было достаточно, чтобы поддерживать порядокъ въ странѣ, въ которой общественныя добродѣтели слишкомъ часто отсутствуютъ.

Въ тотъ день, когда Франція обезглавила своего короля, она совершила убійство. Францію нельзя сравнивать съ древними маленькими государствами, гдѣ всѣ люди сродни другъ другу. Франція была большимъ обществомъ акціонеровъ, образованнымъ спекуляторомъ перваго разряда, капетингскимъ домомъ. Акціонеры рѣшили, что они могутъ обойтись безъ начальника и потомъ сами продолжать свои дѣла. Это возможно, пока будутъ хорошо идти дѣла, но разъ дѣла пойдутъ плохо, явится необходимость въ ликвидаціи. Франція была создана династіей Капетинговъ. Если предположить, что древняя Галлія имѣла чувство своего національнаго единства, то римское владычество и германскія завоеванія разрушили это чувство. Франкская имперія, при Меровингахъ или Каролингахъ, представляетъ искусственную постройку, единство которой только въ силѣ завоевателей. Вердонскій договоръ, нарушившій это единство, разрѣзаетъ франкскую имперію на три полосы, изъ которыхъ одна—часть Карла или Каролингя, такъ-же мало соотвѣтствуетъ тому, что мы называемъ Франціей, насколько вся Фландрія и Каталонія составляютъ ея несомнѣнныя части, тогда какъ съ востока она ограничена Соной и Севенскими горами. Политика Капетинговъ округлила этотъ неправильный кусокъ земли, и вотъ черезъ восемьсотъ лѣтъ появилась Франція, какъ мы ее понимаемъ,—Франція, создавшая все то, чѣмъ мы живемъ, что насъ связываетъ, что представляетъ наше основаніе жить. Франція является нѣкоторымъ образомъ результатомъ политики Капетинговъ, продолжаемой замѣчательно послѣдовательно. Почему Лангедокъ присоединенъ къ сѣверной Франціи, хотя этотъ союзъ не вызывался ни языкомъ, ни расой, ни исторіей, ни характеромъ народностей? Потому что короли Парижа, въ теченіе всего XIII вѣка, оказывали на эти страны постоянное побѣдоносное вліяніе. Почему Ліонъ составляетъ часть Франціи? Потому что Филиппу Красивому, благодаря ухищреніямъ своихъ законниковъ, удалось завлечь его въ петли своей сѣти. Почему Дофинцы ¹⁾ наши сооте-

¹⁾ Дофине (Delphinatus)—прежняя провинція Франціи въ области Западныхъ Альпъ: обнимаетъ теперешніе департаменты Изеръ, Дромъ и Верхне-Альпійскій.

чественники? Потому что, когда дофинъ Гумбертъ впалъ въ безуміе, Франція сумѣла скупить его земли за хорошія наличныя деньги. Почему Провансъ былъ вовлеченъ въ водоворотъ Каролингіи, когда ничто не заставляло думать, что онъ долженъ попасть туда? Благодаря хитростямъ Людовика XI и его помощника Паламедъ-де-Форбена. Почему Верхняя Бургундія (Franche-Comté), Эльзасъ, Лотарингія присоединились къ Каролингіи, не смотря на линію, проведенную съ сѣвера на югъ Верденскимъ договоромъ? Потому что домъ Бурбоновъ нашелъ секретъ, чтобы увеличивать королевскія владѣнія, и этимъ секретомъ такъ удивительно пользовались первые Капетинги. Почему, наконецъ, Парижъ, совсѣмъ не центральный городъ, является столицей Франціи? Потому что Парижъ былъ городомъ Капетинговъ, потому что аббатъ монастыря Сень Денисъ сдѣлался королемъ Франціи¹⁾. О, безпримѣрная наивность! Этотъ городъ, требующій отъ остальной Франціи аристократической привилегіи превосходства и обязанный этой привиллегіей королевской власти, является въ тоже время центромъ республиканской утопіи! Развѣ Парижъ не видитъ, что онъ является таковымъ только благодаря королевской власти, что онъ будетъ имѣть значеніе столицы только при королевской власти, что республика, слѣдуя правилу знаменитаго основателя Соединенныхъ Штатовъ въ Америкѣ, непременно создастъ для своего центрального управленія свой маленькій Вашингтонъ въ Амбуазѣ или Блуа?

Вотъ чего не поняли невѣжественные и ограниченные люди, взявшіе въ свои руки судьбы Франціи въ концѣ послѣдняго вѣка. Они воображали, что можно обойтись безъ короля; они не поняли, что съ уничтоженіемъ короля падетъ и зданіе, въ которомъ король былъ ключемъ свода. Республиканскія идеи XVIII вѣка могли имѣть успѣхъ въ Америкѣ, потому что Америка была колоніей, образованной благодаря добровольному стеченію эмигрантовъ, ищущихъ свободы; но эти теоріи были обречены на неудачу во Франціи, потому что Франція была построена въ силу совершенно другого принципа. Изъ страшныхъ конвульсій, волновавшихъ Францію, вышла новая династія; но тогда же увидѣли, какъ трудно современнымъ націямъ создавать другіе державные дома кромѣ тѣхъ, которые вышли изъ германскаго завоеванія. Чрезвычайный геній, поднявшій Наполеона на щитъ, снова повергъ его въ пропасть, и возвратилась старая династія, повидимому, рѣшившаяся сдѣлать опытъ конституціонной монархіи, потерпѣвшей такую неудачу въ рукахъ бѣднаго Людовика XVI.

Писали, что въ этой великой и трагической исторіи Франціи король и нація соперничали въ безстыдствѣ. На этотъ разъ

¹⁾ „..... Challes, li rois de Saint Denis“. (Roman de Roncevaux, laisse 40).— Гуго Бѣлый (Hugues le Blanc) обязанъ своимъ счастьемъ обладанію большими аббатствами Сень-Денисъ, Сень-Жерменъ-де-Пре, Сень-Мартинъ-де-Туръ, которыя дѣлали его опекуномъ надъ богатыми и благоденствующими землями. Знамя капетинскаго короля—это знамя аббатства Сень-Денисъ. Его девизъ—Montjoie Saint-Denis. Первые Капетинги пѣли въ хорѣ Сень-Денисъ.

ошибки королевской власти были громадны. Юльскіе приказы 1830 года, дѣйствительно, можно назвать политическимъ преступленіемъ; ихъ выводили изъ 14-ой статьи Хартіи съ помощью явнаго софизма. Эта 14-я статья въ головѣ Людовика XVIII совсѣмъ не имѣла того смысла, который придали ей министры Карла XII. Немыслимо, чтобы авторъ Хартіи допустилъ въ ней статью, совершенно противорѣчащую самой сущности Хартіи. Къ этому случаю можно примѣнить аксіому: *Contra eum qui dicere potuit clarius praesumptio est facienda*. Если бы до Полиньяка ктонибудь могъ подумать, что эта статья предоставляла королю право отмѣнить самую Хартію, то это было бы предметомъ постоянныхъ протестовъ. Но никто не протестовалъ, такъ какъ никто даже и не воображалъ, что эта незначительная статья заключаетъ *implicite* право государственныхъ переворотовъ. Эта статья была включена не королевской властью, сохранявшей якобы средство уничтожить свои обязательства; она составляла часть проекта конституціи, выработаннаго палатами 1814 года, очень внимательно смотрѣвшими, чтобы не преувеличить правъ короля. Статья не дала тогда повода ни къ какимъ замѣчаніямъ: „въ ней видѣли только своего рода общее мѣсто, заимствованное изъ прежнихъ конституцій, и никто не подозрѣвалъ того страшнаго и таинственнаго смысла, который съ тѣхъ поръ хотѣли примѣнить къ ней“. ¹⁾

Депутаты 1830 года были правы, сопротивляясь приказамъ, а граждане, готовые идти на ихъ призывъ, хорошо сдѣлали, что вооружились. Это походило на положеніе короля Англіи, которому не разъ приходилось вступать въ борьбу со своимъ парламентомъ. Но какъ только король былъ побѣжденъ и взялъ свои приказы обратно, нужно было остановиться и поддержать короля въ его дворцѣ. Ему нужно было сложить съ себя корону; нужно было взять его подъ свое покровительство, разъ онъ отрекся. Но поступили иначе. Поспѣшимъ сказать, что 18 лѣтъ правленія, полныя мудрости, во многихъ отношеніяхъ оправдали выборъ 19 августа 1830 года, и что этотъ выборъ можно оправдать нѣкоторыми примѣрами изъ англійской революціи 1688 года; но чтобы подобное дерзкое замѣщеніе стало законнымъ, оно должно было просуществовать нѣкоторое время. Благодаря цѣлому ряду непростительныхъ глупостей со стороны націи и благодаря достойной сожалѣнія слабости новой династіи,—дѣйствительность не дала такой санкціи. Король и его сыновья, вмѣсто того, чтобы поддерживать свои права оружіемъ, удалились и такимъ образомъ дали возможность парижскому возстанію привести въ бурное состояніе волю всей націи. Это была роковая рана немного слабому по своему происхожденію титулу, который могъ приобрѣсти силу только постоянствомъ. Династія обязана помогать всегда поддерживающей ее націи, сопротивляться возмущающему меньшинству. Человѣчество удовлетворено, лишь бы только послѣ битвы побѣдившая власть была великодушной и

¹⁾ M. de Viel-Castel, Hist. de la Restauration, t. I, p. 429.

обращалась съ мятежниками не какъ съ виновными, но какъ съ побѣжденными.

Большей частью мы вступили въ жизнь тогда, когда произошло это печальное событіе 24 февраля. Съ совершенно вѣрнымъ инстинктомъ мы почувствовали, что событія этого дня были большимъ несчастіемъ. Мы, либералы по своимъ философскимъ принципамъ, ясно видѣли, что деревья свободы, посаженные съ такой наивной радостью, никогда не покроются листвою; мы поняли, что социальныя проблемы, поставленныя такъ смѣло, предназначены играть первостепенную роль въ будущемъ міра. Кровавое крещеніе іюньскихъ дней и послѣдовавшая реакція горестно сжимали наше сердце; было ясно, что душа и умъ Франціи опрометчиво бѣгутъ навстрѣчу истинной опасности. Дѣйствительно, легкомысліе людей 1848 года было неподобно. Они дали Франціи то, чего она и не просила: именно всеобщее избирательное право. Они не подумали, что это право будетъ выгодно только пяти милліонамъ крестьянъ, чуждымъ всякой либеральной идеи. Въ эту эпоху я старательно наблюдалъ за Кузеномъ. Въ длинныхъ прогулкахъ со мной по улицамъ Парижа, по лѣвому берегу Сены, этотъ основательный знатокъ всей славы Франціи объяснялъ мнѣ исторію всякаго дома и его собственниковъ въ XVII вѣкѣ. Онъ часто говорилъ мнѣ: „Мой другъ, люди еще не понимаютъ, какимъ преступленіемъ была февральская революція; послѣднимъ результатомъ этой революціи можетъ быть раздѣленіе Франціи на части“.

Государственный переворотъ 2-го декабря глубоко потрясъ насъ. Въ теченіе 10-ти лѣтъ мы носили трауръ по праву; мы, по мѣрѣ силъ своихъ, протестовали противъ системы моральнаго приниженія, научно руководимой Фортулемъ и немного смягченной его замѣстителями. Но случилось то, что и должно было случиться: власть, освященная насиліемъ, улучшалась по мѣрѣ своего созрѣванія; она увидѣла, что либеральное развитіе человѣка представляетъ наибольшій интересъ для всякаго управленія. Съ другой стороны, страна была въ восторгѣ отъ этого умѣреннаго правительства. Она имѣла то, чего хотѣла; стараться ниспровергнуть такое правительство, не взирая на явное желаніе огромнаго большинства, было бы безуміемъ. Самое мудрое было то, что изъ зла вывели лучшую возможную часть, подобно католическому духовенству V и VI вѣковъ, которое, будучи не въ состояніи прогнать варваровъ, старалось просвѣтить ихъ. Мы согласились служить правительству императора Наполеона III во всемъ, что было въ немъ хорошаго, т. е., по скольку оно касалось вѣчныхъ интересовъ науки, общественнаго образованія, прогресса свѣта, наконецъ, тѣхъ социальныхъ обязанностей, которыя никогда не останавливаются въ своемъ развитіи.

Безспорно, впрочемъ, что царствованіе императора Наполеона III, не смотря на его многочисленныя промахи, наполовину рѣшило проблему. Большинство Франціи было совершенно довольно. Оно имѣло все, чего желало: порядокъ и миръ. Правда, не было свободы, а политическая жизнь была очень слаба. Но это задѣвало только меньшинство, пятую или даже шестую часть

націи; да и въ этомъ меньшинствѣ надо различать малое число людей образованныхъ, интеллигентныхъ, дѣйствительно либеральныхъ, отъ мало-сознательной толпы, воодушевленной тѣмъ мятежнымъ духомъ, единственная программа котораго—быть всегда въ оппозиціи съ правительствомъ и стараться ниспровергнуть его. Администрація была очень плохая; но всякій, кто отрицалъ принципъ правъ династіи, мало страдалъ отъ этого. Даже люди оппозиціи подвергались за свою дѣятельность не столько преслѣдованіямъ, сколько безпокойству. Благосостояніе страны увеличилось въ неслыханныхъ размѣрахъ. Даже 8 мая 1870 года, послѣ очень грубыхъ совершенныхъ ошибокъ, семь съ половиной милліоновъ избирателей объявили себя удовлетворенными. Почти никому и въ голову не приходило, что такое состояніе могло подвергнуться самой страшной изъ катастрофъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта катастрофа не вытекала изъ общей необходимости положенія: она вызвана частной чертой характера императора Наполеона III.

II.

Императоръ Наполеонъ III основалъ свой успѣхъ на соотвѣтствіи потребностямъ реакціи, порядка, отдыха, явившагося слѣдствіемъ революціи 1848 г. Если бы Наполеонъ III не выходилъ изъ своей программы, если бы онъ удовольствовался тѣмъ, чтобы подавлять въ странѣ всякую идею, всякую политическую свободу, развивать матеріальные интересы, опираться на умѣренный и лишенный всякихъ убѣжденій клерикализмъ, то его царствованіе и царствованіе его династіи были бы обезпечены на долго. Масса все болѣе и болѣе погружалась въ грубое состояніе и забывала свою исторію; основана была новая династія. Франція, такая, какой сдѣлало ее всеобщее избирательное право, сдѣлалась глубоко матеріалистичной. Благородныя заботы прежней Франціи, патриотизмъ, энтузіазмъ передъ прекраснымъ, любовь къ славѣ,—все это исчезло вмѣстѣ съ благородными классами, представлявшими душу Франціи. Сужденіе о вещахъ и управленіе ими были переданы массѣ. Но масса глуха, груба; она управляется наиболѣе поверхностной точкой зрѣнія выгоды. Рабочій и крестьянинъ—вотъ два полюса Франціи. Рабочій непросвѣщенъ; крестьянъ прежде всего желаетъ скупать земли, округлять свои поля. Говорите крестьянину, социалисту интернаціональнаго общества, о Франціи, ея прошломъ, ея геніи, и онъ не пойметъ такого языка. Военная честь, съ этой ограниченной точки зрѣнія, кажется безуміемъ; вкусъ къ великимъ вещамъ, слава духа—все это однѣ химеры; деньги, расходуемая на искусство и науку,—потерянные деньги, истраченные безсмысленно, взятые изъ кармана людей, почти не заботящихся объ искусствѣ и наукѣ. Вотъ тотъ провинціальный духъ, которымъ императоръ съ такимъ удивительнымъ умѣньемъ пользовался въ первые годы своего царствованія. Если бы онъ оставался послушнымъ и слѣпымъ служителемъ этой бѣдной реакціи, никакая оппозиція не могла бы поколебать его. Вся соединенная оппозиція ограничилась бы самое большее двумя милліонами голосовъ. Число оппозиціи съ каждымъ годомъ увеличивалось; отсюда нѣкоторые заключили, что она увеличится до того,

что станетъ большинствомъ. Ошибка: это число встрѣтило бы предѣлъ и никогда не пошло бы дальше его. Позволю себѣ сказать слѣдующее, такъ какъ я увѣренъ, что эти строки будутъ прочитаны только людьми интеллигентными: правительство, единственное желаніе котораго утвердиться во Франціи, должно слѣдовать отнынѣ очень простой дорогой: оно должно подражать программѣ Наполеона III во всемъ, за исключеніемъ войны. Такимъ образомъ оно приведетъ Францію къ той низкой стадіи, на которой пребываетъ всякое общество, отказывающееся отъ высокихъ идеаловъ; но оно умретъ только вмѣстѣ съ страной медленной смертью тѣхъ, которые предаются волѣ рока, не пытаясь даже сопротивляться ему.

Но императоръ Наполеонъ III не былъ таковъ. Въ извѣстномъ смыслѣ онъ былъ выше большинства своей страны. Онъ любилъ добро и отличался, правда, мало просвѣщеннымъ, но все же дѣйствительнымъ, влеченіемъ къ благородной культурѣ чело-вѣчества. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ діаметрально расходился съ тѣми, которые призвали его. Онъ мечталъ о военной славѣ, и призракъ Наполеона I часто посѣщалъ его. Это тѣмъ болѣе странно, что императоръ Наполеонъ III отлично видѣлъ, что у него нѣтъ ни способностей, ни опытности къ войнѣ, и зналъ, что Франція потеряла въ этомъ отношеніи всѣ свои свойства. Но его увлекала прирожденная идея. Императоръ такъ ясно чувствовалъ, что его личные взгляды по этому вопросу были своего рода *naeus*, который нужно было скрывать, что постоянно, въ эпоху основанія своей власти, онъ протестуетъ противъ того, будто онъ хочетъ мира. Онъ считалъ это средствомъ сдѣлаться популярнымъ. Крымская война была принята только при томъ предположеніи, что она не будетъ имѣть слѣдствій для общаго мира. Итальянскую войну простили только тогда, когда увидѣли, что она непродолжительна и остановилась на половинѣ дороги.

Самый простой здравый смыслъ совѣтовалъ Наполеону III никогда не вести войнъ. Франція, онъ зналъ это, совсѣмъ не желала ихъ ¹⁾. Кромѣ того страна, перенесшая столько революцій и имѣющая династическія раздѣленія, неспособна на крупное военное усиліе. Король Жанъ, Карль VII, Францискъ I и даже Людовикъ XIV переживали положенія, такія же критическія, какимъ было положеніе Наполеона III послѣ капитуляціи Седана; но это не ниспровергло ихъ и даже не поколебало, хотя бы на одну минуту. Послѣ сраженія при Іенѣ король Пруссіи, Фридрихъ-Вильгельмъ III, сидѣлъ на своемъ тронѣ болѣе прочно, чѣмъ когда либо; но Наполеонъ III не могъ перенести пораженія. Онъ былъ въ положеніи игрока, играющаго съ тѣмъ условіемъ, что его разстрѣляютъ, если онъ погубитъ свое отечество. Страна, въ которой мнѣнія по вопросу о династіи различны, должна отказаться отъ войны; вѣдь при первомъ же пораженіи эта причина слабости проявится, и инцидентъ превратится въ смертельную рану. Человѣкъ съ худо зажившей раной можетъ предаваться дѣйствіямъ обыденной жизни, и люди не будутъ замѣчать его

¹⁾ Enquête des préfets. Journal des Débats, 3 et 4 octobre 1870.

слабости. Но всякія порывистыя движенія ему запрещены: при первомъ утомленіи рана его откроется и онъ упадетъ. Непонятно, какъ могъ Наполеонъ III составить себѣ такую полную иллюзію о зданіи, которое онъ самъ слѣпилъ изъ глины. Какъ не видѣлъ онъ, что такое зданіе не устоитъ противъ потрясенія, и что ударъ могущественнаго непріятели необходимо долженъ разрушить его?

Война, объявленная въ іюлѣ мѣсяцѣ 1870 года, представляетъ личный произволь, вспышку или скорѣе наступательное возвращеніе идеи, давно скрывающейся въ умѣ Наполеона III,—идеи, которую мирные вкусы страны заставляли Наполеона III скрывать и отъ которой, казалось, онъ самъ почти совершенно отказался. Нѣтъ большаго примѣра предательства государства своимъ правителемъ, если подъ предательствомъ понимать актъ довѣреннаго лица, замѣняющаго своей волей волю довѣрителя. Значитъ ли это, что страна неответственна за случившееся? Увы, мы не можемъ утверждать этого. Страна виновна въ томъ, что вручила себя въ руки малопросвѣщеннаго правительства и чрезвычайно слабой палаты, которая съ легкомысліемъ, превосходящимъ всякое представленіе, по слову министра вотировала одну изъ самыхъ пагубныхъ войнъ. Преступленіе Франціи—это преступленіе богатаго человѣка, выбравшаго худого управителя своимъ имуществомъ и давшаго ему неограниченныя полномочія. Такой человѣкъ заслуживаетъ собственнаго паденія; несправедливо утверждать, что онъ самъ совершилъ поступки, въ дѣйствительности совершенные его уполномоченнымъ безъ его вѣдома и противъ его воли.

Дѣйствительно, всякій, знающій Францію въ ея цѣломъ и всѣ различія ея провинцій, ни минуту не колеблясь, признаетъ, что движеніе, уже полъ-вѣка овладѣвшее страной, по существу своему миролюбиво. Военное поколѣніе, разбитое пораженіями 1814 и 1815 годовъ, почти совсѣмъ исчезло ко времени Реставраціи и царствованія Людовика-Филиппа. Глубоко честный, но часто поверхностный патріотъ рассказывалъ о своихъ прежнихъ побѣдахъ съ тономъ триумфа, часто оскорблявшимъ иностранца; но этотъ диссонансъ съ каждымъ днемъ ослабѣвалъ. Можно сказать, что онъ замолкъ съ 1848 года. Тогда начались два движенія, которыя должны были положить конецъ не только военному духу, но и всякому патріотизму: я говорю о замѣчательномъ пробужденіи матеріальныхъ интересовъ у рабочихъ и у крестьянъ. Ясно, что социализмъ рабочихъ—антиподъ военнаго духа; это почти отрицаніе отечества. Ученія Интернаціональнаго Общества ясно доказываютъ это. Съ другой стороны, крестьянинъ, съ тѣхъ поръ, какъ ему открыли путь къ богатству и показали, что его промышленность наиболѣе прибыльна, чувствовалъ, какъ удвоился его ужасъ къ конскрипціи. Я говорю это по опыту. Избирательную компанію мая 1869 года я провелъ въ совершенно деревенскомъ округѣ Сены и Марны; я могу удостовѣрить, что не встрѣтилъ на своемъ пути ни одного элемента прежней военной жизни страны. Дешевое, мало величественное, мало безпокоющее правительство, честное желаніе свободы, великое стремленіе къ равенству,

совершенное безразличіе къ славѣ страны, непреклонное желаніе не приносить ничего въ жертву неосвязаемымъ матеріально интересамъ,—вотъ что, по моему мнѣнію, составляло духъ крестьянина Франціи, гдѣ, какъ говорятъ, крестьяне являются наиболѣе передовыми.

Я не хочу сказать, что не осталось и слѣдовъ стараго духа, питающагося воспоминаніями первой имперіи. Очень малочисленная партія, которую можно назвать бонапартистской въ собственномъ смыслѣ этого слова, окружала императора плачевнымъ возбужденіемъ. Католическая партія своими общими ошибочными фразами о предполагаемомъ паденіи протестантскихъ націй также старалась возжечь почти потухшій огонь. Но все это нисколько не касалось страны. Опытъ 1870 года доказалъ это. Объявленіе войны было принято съ печалью: глупое бахвальство газетъ, крики бульварныхъ гаменовъ—все это такіе факты, въ которыхъ теорія отдастъ отчетъ только для того, чтобы доказать, до какой степени банда безразсудныхъ головъ можетъ измѣнить истинныя чувства страны. Война до очевидности ясно доказала, что у насъ не было уже прежнихъ военныхъ способностей. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго для того, кто составилъ себѣ вѣрную идею о философіи нашей исторіи. Средневѣковая Франція—это германское зданіе, построенное военной германской аристократіей изъ галло-римскихъ матеріаловъ. Вѣковая работа Франціи состояла въ томъ, чтобы изгнать изъ своего лона всѣ элементы, созданные германскимъ нашествіемъ до революціи, бывшей послѣдней вспышкой этого усилія. Военный духъ Франціи исходилъ изъ ея германскихъ элементовъ; насильственно изгнавши германскіе элементы и замѣнивъ ихъ философской, основанной на равенствѣ концепціей общества, Франція отбросила однимъ ударомъ весь свой воинскій духъ. Она осталась богатой страной, считающей войну глупой карьерой, очень мало вознаграждающей. Такимъ образомъ Франція сдѣлалась самой мирной страной въ свѣтѣ; вся ея дѣятельность направилась на соціальныя проблемы, на приобрѣтеніе богатства и прогрессъ промышленности. Просвѣщенные классы не допустили угаснуть вкусъ къ искусствѣ, наукѣ, литературѣ, изящной роскоши; но военная карьера была оставлена. Только немногія семьи самодовольной буржуазіи при выборѣ карьеры для сыновей предпочитали сулящимъ богатство карьерамъ торговымъ и промышленнымъ профессію, соціального значенія которой они не понимали. Въ Сень-Сирской школѣ были только отбросы молодежи, пока ее не стали наполнять прежнее дворянство и католическая партія: измѣненіе, результаты котораго еще не имѣли времени развиться. Эта нація была прежде блестящей и воинственной; но она была такой въ силу подбора, если только можно такъ выразиться. Когда же это дворянство пало, осталась только безразличная посредственность безъ оригинальности и смѣлости, разночинцы, не понимающіе ни привиллегій духа, ни привиллегій меча. Такая нація можетъ достигнуть въ крайнемъ случаѣ матеріальнаго благополучія; она уже не играетъ роли въ мірѣ, не можетъ оказывать вліянія на другіе народы. Съ другой стороны изъ такого состоянія нельзя выйти съ помощью

всеобщаго избирательнаго права. Вѣдь всеобщее избирательное право нельзя побѣдить имъ самимъ; его можно только обмануть, усыпить. Но пока оно господствуетъ, оно заставляетъ тѣхъ, кто поднялся съ помощью его, мириться съ нимъ и подчиняться его закону. Мечтать, что возможно исправить ошибки непоправимаго мнѣнія, опираясь только на мнѣніе, значитъ возвращаться въ порочномъ кругу.

Впрочемъ, Франція только слѣдовала въ этомъ за общимъ движеніемъ всѣхъ европейскихъ націй, за исключеніемъ Пруссіи и Россіи. Кобденъ, котораго я видѣлъ въ 1857 году, былъ восхищенъ нами. Англія опередила насъ на этомъ пути промышленнаго и торговаго матеріализма; но болѣе умные, чѣмъ мы, англичане сумѣли заставить идти свое правительство согласно съ націей, тогда какъ наша неловкость доходила до того, что нами же выбранное правительство могло заставить насъ согласиться на войну противъ нашей воли. Не знаю, ошибаюсь ли я; но слѣдующая этнографическо-историческая картина все чаще представляется моему уму. Сходство Англіи и Сѣверной Франціи съ каждымъ днемъ кажется мнѣ все болѣе большимъ. Наши безразсудства идутъ съ Юга, и если-бы Франція не была увлечена Лангедокомъ и Провансомъ въ ея кругъ дѣятельности, мы были-бы серьезны, дѣятельны, мы были-бы протестантской, парламентской націей. Основа нашей расы та же, что и въ Британскихъ островахъ. Хотя германское вліяніе было достаточно сильно на этихъ островахъ, чтобы заставить господствовать германское нарѣчіе, но въ общемъ оно не было значительнѣе на цѣлое трехъ королевствъ, чѣмъ на цѣлое Франціи. Подобно послѣдней, Англія, повидимому, желаетъ изгнать свой германскій элементъ, это упорное, гордое, непреклонное дворянство, управлявшее Англіей во времена Питта, Кастельриджа, Веллингтона. Пусть эта миролюбивая и совершенно христіанская школа экономистовъ такъ далека отъ страсти закаленныхъ людей, давшихъ своей странѣ такія великія вещи! Общественное мнѣніе Англіи, именно за послѣдніе тридцать лѣтъ,—совсѣмъ не германское; въ немъ чувствуется кельтскій духъ, болѣе мягкій, болѣе симпатичный, болѣе человѣчный. Конечно, такого рода общіе взгляды должны пониматься очень широко, но все же можно сказать, что оставшійся въ мірѣ военный духъ—германское дѣло. Соціализмъ и стремящаяся къ равенству демократія, которые у насъ, кельтовъ, не такъ скоро найдутъ свои границы, по всей вѣроятности, будутъ укрощены феодалистической и воинственной германской расой, и это будетъ вполне сообразно историческимъ прецедентамъ. Вѣдь одна изъ чертъ германской расы—та, что она всегда заставляла идти параллельно идею завоеванія и идею обезпеченія; другими словами, она заставляла господствовать матеріальную и грубую идею собственности, возникшей изъ завоеванія, надъ всякими соображеніями о правахъ человѣка и надъ абстрактными теоріями соціальныхъ договоровъ. Отвѣтомъ на всякій прогрессъ соціализма можетъ быть своего рода прогрессъ германизма, и настанетъ тотъ день, когда всѣ соціалистическія страны будутъ управляться нѣмцами. Нашествіе IV и V вѣковъ было совершено

въ силу подобныхъ основаній, такъ какъ романскія страны сдѣлались неспособными создавать ни хорошихъ жандармовъ, ни дѣльныхъ защитниковъ собственности.

Дѣйствительно, наша страна, въ особенности провинція, стремилась къ такой соціальной формѣ, которая, не смотря на различіе внѣшнихъ чертъ, имѣла много сходства съ Америкой,—къ такой соціальной формѣ, въ которой многія вещи, считавшіяся прежде дѣломъ государства, были бы предоставлены частной инициативѣ. Но, конечно, нельзя быть сторонникомъ такого будущаго; ясно, что, развиваясь въ этомъ направленіи, Франція всегда была-бы ниже Америки. Недостатокъ воспитанія, утонченности, пустоту, которую всегда создаетъ въ странѣ отсутствіе двора, высокаго общества, древнихъ учрежденій, Америка восполняетъ огнемъ своей молодой вѣры, своимъ патриотизмомъ, преувеличенной увѣренностью, черпаемой, быть можетъ, изъ ея силы, убѣжденіемъ, что она работаетъ для великаго дѣла человечества, непоколебимостью своихъ протестантскихъ убѣжденій, своей смѣлостью и предприимчивымъ духомъ, почти совершеннымъ отсутствіемъ даже зародышей социализма, легкостью, съ какой принимается тамъ различіе богатаго и бѣднаго, особой привилегіей своей развиваться на свободѣ, въ безконечномъ пространствѣ и почти безъ всякихъ сосѣдей. Лишенная этихъ преимуществъ, продѣлывающая свой опытъ, такъ сказать, въ замкнутомъ сосудѣ, слишкомъ тяжеловѣсная и слишкомъ легкомысленная въ одно и то же время, слишкомъ легковѣрная и слишкомъ скептическая, Франція могла бы быть только Америкой второго разряда, плохой, посредственной, быть можетъ, болѣе похожей на Мексику или Южную Америку, чѣмъ на Соединенные Штаты. Королевская власть оставляетъ въ нашихъ старыхъ обществахъ массу вещей, которыя нужно сохранить; основываясь на своей идеѣ о старой Франціи и ея геніѣ, я назвалъ бы это про сти славѣ и великимъ вещамъ. *Finis Franciae*. Но въ политикѣ нужно остерегаться симпатій къ тому, что должно быть; все, успѣвающее въ этомъ мѣрѣ, обыкновенно противорѣчитъ нашимъ инстинктамъ, противорѣчитъ нашимъ идеалистическимъ чувствамъ, и почти всегда мы можемъ заключить, что какое либо явленіе случится, если оно намъ не нравится. Желаніе политическаго состоянія, въ которое возможно меньше вмѣшивалось бы центральное правительство, представляетъ желаніе всякой провинціи. Постоянно выказываемая провинціей антипатія къ Парижу—не только справедливое негодованіе противъ мятежнаго большинства; Франція не любитъ не только революціоннаго Парижа, но и Парижа-управителя. Для Франціи Парижъ—синонимъ безпокойныхъ требованій. Это Парижъ поднимаетъ людей, поглощаетъ деньги, употребляетъ ихъ на цѣли, непонятныя для провинціи. Наболѣе способный изъ администраторовъ послѣдняго царствованія сказалъ мнѣ по поводу выборовъ 1869 года, что наибольшимъ компромиссомъ во Франціи казалась ему система налоговъ; вѣдь провинція при каждомъ выборѣ заставляетъ своихъ избираемыхъ принять извѣстные обязательства, которыя рано или поздно придется хорошо выполнить въ извѣстной мѣрѣ

и совершение которых привело бы государственные финансы къ банкротству. Въ первую свою встрѣчу съ Прево-Парадолемъ, по возвращеніи его изъ выборной кампаніи въ округъ Нижней Луары, я спросилъ его о его главномъ впечатлѣніи. „Мы скоро увидимъ конецъ государства“, сказалъ онъ. То же самое отвѣтилъ бы и я, если-бы меня спросили о моихъ впечатлѣніяхъ въ округъ Сены и Марны. Пусть префектъ возможно меньше вмѣшивается въ дѣла, пусть налоги и военная служба будутъ сведены къ возможному минимуму,—и провинція будетъ удовлетворена. Большинство людей хочетъ только одного: чтобы имъ предоставили свободно заниматься своими дѣлами. Только бѣдныя страны обнаруживаютъ еще жадность къ мѣстамъ; въ богатыхъ департаментахъ служба считается наименѣе выгоднымъ занятіемъ изъ тѣхъ, какія можно исполнять съ помощью своей дѣятельности.

Таковъ духъ того, что можно назвать провинціальной демократіей. Какъ мы видимъ, такой духъ значительно отличается отъ республиканскаго духа; онъ можетъ одинаково хорошо приспособиться къ имперіи и конституціонной монархіи, съ одной стороны, и къ республикѣ—съ другой, и даже къ первымъ лучше въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Довольно безразличный къ той или иной династіи, обладающей всѣмъ тѣмъ, что можно назвать славою или блескомъ, онъ, собственно говоря, предпочитаетъ имѣть династію, какъ гарантію порядка; но для утвержденія этой династіи онъ не желаетъ приносить никакихъ жертвъ. Чистый политическій матеріализмъ, этотъ антиподъ идеализма, представляетъ душу всѣхъ легитимистскихъ и республиканскихъ теорій. Партія огромнаго большинства французовъ слишкомъ поверхностна, слишкомъ ограничена, чтобы быть въ состояніи руководить судьбой страны. Она совершила съ своей точки зрѣнія колоссальную глупость, когда въ 1848 году выбрала управляющимъ своими дѣлами принца Луи Наполеона, и эту глупость она повторитъ двадцать разъ. Ея жребій—быть безконечно глупой, такъ какъ человѣку съ низкими интересами запрещено быть дѣльнымъ. Обыденная буржуазная пошлость не можетъ возбудить достаточнаго количества самопожертвованія, чтобы создать порядокъ вещей и поддерживать его.

Въ самомъ дѣлѣ, въ германскомъ принципѣ отчасти вѣрно то, что общество только тогда имѣетъ право на свое наслѣдіе, когда можетъ удержать его. Въ общемъ смыслѣ нехорошо, если человѣкъ, обладающій чѣмъ либо, неспособенъ защищать свою собственность. Дуэли средневѣковыхъ рыцарей, угрозы вооруженнаго человѣка, вызывающаго уснувшаго въ своей изнѣженности собственника, были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ законны. Право храбраго основало собственность; человѣкъ меча—такой же творецъ богатства, такъ какъ, защищая пріобрѣтенное, онъ обезпечиваетъ всѣхъ людей, группирующихся подъ его покровительствомъ. Скажемъ, по крайней мѣрѣ, что состояніе, о которомъ мечтала французская буржуазія,—состояніе, при которомъ обладающій и пользующійся (въ силу закона раздѣленія труда) не держалъ меча, чтобы защищать свою собственность,—представляло настоящую потайную дверь соціальной архитектуры.

Классъ собственниковъ, живущій въ относительной праздности, исполняющій мало общественныхъ обязанностей и тѣмъ не менѣе предъявляющій претензіи, какъ будто онъ имѣетъ на собственность права рожденія и какъ будто другіе въ силу своего рожденія обязаны защищать эту собственность,—такой классъ не долго удержитъ собственность въ своихъ рукахъ. Наше общество слишкомъ ужъ исключительно становится обществомъ слабыхъ. Но такое общество худо защищаетъ себя; ему трудно осуществить великій критерій права и желанія союза людей жить вмѣстѣ и поддерживать другъ друга; ему трудно организовать могущественную вооруженную силу. Обеспечивающій богатство своимъ оружіемъ такой же творецъ его, какъ и создающій его своимъ трудомъ, Политическая экономія, занимающаяся исключительно производствомъ богатства съ помощью труда, никогда не понимала феодализма, который, по существу своему, такъ же законенъ, какъ и конституція современной арміи. Герцоги, маркизы, графы были, собственно говоря, генералами, полковниками, командирами *Landweh'r'a*, и жалованьемъ ихъ были зѣмли и сеньоральныя права.

III.

Такимъ образомъ идея національной политики изо дня въ день теряла свое значеніе. Такъ какъ влеченіе большинства Франціи къ монархіи было главнымъ образомъ матеріалистично, крайне далеко отъ того, что можно назвать вѣрностью, лойализмомъ, любовью къ своимъ принцамъ, то Франція, желая династіи, оказывается очень шаткой при ея выборѣ. Эфемернаго, но блестящаго царствованія Наполеона I было достаточно, чтобы создать титулъ у этого народа, чуждый всякой идеи вѣковой законности. Когда въ 1848 году принцъ Луи-Наполеонъ выступилъ какъ наслѣдникъ на этотъ титулъ, и ясно выразилъ желаніе вывести Францію изъ состоянія, которое казалось ей антипатичнымъ и опасности котораго она преувеличивала, Франція схватилась за него, какъ за якорь спасенія, помогала ему въ самыхъ безразсудныхъ предпріятіяхъ и сдѣлалась соучастницей его государственныхъ переворотовъ. Въ теченіе почти 20 лѣтъ зачинщики 10 декабря могли думать, что они были правы. Франція удивительно развила свои внутренніе источники. Это было настоящее открытіе. Благодаря порядку, миру, торговымъ сношеніямъ, Наполеонъ III показалъ Франціи ея собственное богатство. Внутреннее политическое паденіе приводило въ негодованіе интеллигентную часть страны; но остальное населеніе находило все, чего желало, и несомнѣнно, царствованіе Наполеона III останется для нѣкоторыхъ классовъ націи истиннымъ идеаломъ. Я повторяю: если бы Наполеонъ III не пожелалъ войны, династія Бонапартовъ основалась бы на цѣлые вѣка. Какъ императоръ не видѣлъ, что война съ Германіей была слишкомъ сильнымъ испытаніемъ для такой слабой страны, какъ Франція? Невѣжественная и несерьезная среда, плодъ первороднаго грѣха происхожденія новой монархіи, дворъ, при которомъ былъ только одинъ интеллигентный человѣкъ (этотъ остроумный и удивительно понимающій свой вѣкъ принцъ, котораго фатализмъ судьбы лишилъ почти всякаго

вліянія), дѣлали возможными всякія случайности, всякія несчастія.

Дѣйствительно, въ то время, какъ общественное благосостояніе увеличивалось въ неслыханныхъ размѣрахъ, а крестьяне съ помощью экономіи увеличивали свои богатства, нисколько не возвышавшія ихъ умственное состояніе, ихъ гражданственность и культурность,—нравственное паденіе всей аристократіи приняло ужасающіе размѣры; интеллектуальный уровень общества страшно понизился. Число и цѣнность образованныхъ людей, выходившихъ изъ націи, остались прежнія и, быть-можетъ, даже увеличились; во многихъ отношеніяхъ новые люди не уступали знаменитостямъ поколѣній, выросшихъ подъ лучшимъ солнцемъ. Но атмосфера все разрѣжалась, и люди умирали отъ холода. Уже слабый, мало просвѣщенный университетъ систематически слабѣлъ все болѣе и болѣе; единственные двѣ хорошія каѣдры, какія онъ имѣлъ: каѣдра исторіи и философіи,—были почти уничтожены. Политехническая и нормальная школа были развѣнчаны. Попытки къ улучшенію, которыя дѣлались съ 1860 года, были безсвязны и остались безъ послѣдствій. Люди съ благими намѣреніями, скомпрометировавшие себя этимъ, остались безъ всякой поддержки. Клерикальныя требованія, которымъ тогда подчинялись, позволяли проявляться только безобидной посредственности; все мало-мальски оригинальное было осуждено на изгнаніе въ своей собственной странѣ. Одинъ католицизмъ оставался организованной силой внѣ государства и конфисковалъ въ свою пользу вліяніе Франціи за границей. Парижъ былъ переполненъ иностранными прожигателями жизни и провинціалами, которые поощряли только легкую смѣшную прессу и совсѣмъ непарижскую глупую литературу въ новомъ комическомъ жанрѣ. А страна въ ожиданіи погрузилась въ отвратительный матеріализмъ! Не имѣя передъ собой въ качествѣ примѣра дворянства, народъ богатѣлъ, довольный своимъ тупымъ и пошлымъ счастьемъ, не умѣлъ жить, оставался необразованнымъ, безъ всякихъ идей. *O ves non habentes pastorem*—такова была Франція: огонь безъ свѣта и пламени, лишённое всякой теплоты сердце, народъ безъ пророковъ, которые могли бы сказать, что онъ чувствуетъ, мертвая планета, механически совершающая путь по своей орбитѣ!

Испорченность администраціи не представляла организованнаго воровства, какъ, на примѣръ, въ Неаполѣ, Испаніи; это была беспечность, лѣнь, предоставленіе полной свободы всему, полнѣйшее безразличіе къ общественнымъ дѣламъ. Всякая служба сдѣлалась синекурой, правомъ на ренту, чтобы ничего не дѣлать. вмѣстѣ съ тѣмъ весь міръ былъ неприступенъ. Благодаря закону о диффамаци, созданному, повидимому, для того, чтобы покровительствовать наименѣе почетнымъ изъ гражданъ, въ особенности благодаря всеобщему недовѣрію къ прессѣ, въ которое она впала благодаря своей продажности,—была обезпечена огромная премія за посредственность и отсутствіе честности. Всякій, осмѣлившійся что-либо критиковать, скоро становился особымъ существомъ и считался опаснымъ человѣкомъ. Его даже не преслѣдо-

вали: это было бесполезно. Все терялось въ общей изнѣженности, въ совершенномъ отсутствіи вниманія и точности. Немногіе остроумные и добрые люди, дававшіе полезныя совѣты, были безсильны. Тщеславное нахальство оффиціальной администраціи, убѣжденной, что Европа восхищалась Франціей и завидовала ей, дѣлало всякое наблюденіе бесполезнымъ, а всякую реформу немислимою.

Но не была ли оппозиція болѣе просвѣщенной, чѣмъ правительство? Врядъ-ли. Ораторы оппозиціи по отношенію къ германскимъ дѣламъ оказались болѣе безразсудными, чѣмъ Руге. Вообще оппозиція не представляла принципа, стоящаго выше морали. Чуждая всякой идеи ученой политики, она не выходила изъ колеи поверхностнаго французскаго либерализма. За исключеніемъ нѣсколькихъ цѣнныхъ людей, которыхъ съ удивленіемъ видишь вышедшими изъ такого мутнаго источника, какъ Парижъ, остальные были декламаторами, проповѣдывавшими демократическія идеи. Провинція была лучше въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Потребности мѣстной правильной жизни, серьезной децентрализаціи въ пользу общины, кантона, департамента, настойчивое стремленіе къ свободнымъ выборамъ, непоколебимое желаніе свести правительство къ необходимому минимуму, уменьшить значительно армію, уничтожить синекуры и аристократію чиновниковъ,—все это составляло довольно либеральную, хотя и жалкую программу, такъ какъ въ основѣ ея лежало желаніе платить возможно меньше, отказаться отъ всего, что можно назвать славою, силой, блескомъ. Плодомъ исполненія этихъ желаній явилась со временемъ мелкая провинціальная жизнь, матеріально очень процвѣтающая, безразличная къ образованію и умственной культурѣ и достаточно свободная,—жизнь довольныхъ буржуа, не зависящихъ одинъ отъ другого, не заботящихся о наукѣ, объ искусствѣ, о славѣ, о геніѣ,—жизнь, повторю еще разъ, очень похожая на американскую, за исключеніемъ различія въ нравахъ и темпераментѣ.

Таково было будущее Франціи, если бы Наполеонъ III не пошелъ добровольно навстрѣчу своему паденію. Франція на всѣхъ парусахъ плыла къ посредственности. Съ одной стороны, прогрессъ матеріальнаго благополучія поглощалъ буржуазію; съ другой стороны, соціальныя вопросы совершенно истощали вопросы національныя и патріотическія. Эти два рода вопросовъ находятся въ своего рода равновѣсіи; усиленіе однихъ означаетъ ослабленіе другихъ. Крупныя улучшенія въ положеніи рабочихъ далеко не были благопріятны ихъ моральному улучшенію. Народъ гораздо меньше высшихъ и просвѣщенныхъ классовъ можетъ сопротивляться искушенію легкихъ удовольствій, которыя не вызываютъ непріятныхъ осложненій только тогда, когда имъ не предаются съ излишествомъ. Нужно привыкнуть къ благосостоянію, чтобы оно не деморализовалось; необразованный чловѣкъ быстро погружается въ пучину удовольствій и принимаетъ ихъ съ тяжеловѣсной серьезностью, не получая къ нимъ отвращенія. Высшая моральность нѣмецкаго народа происходитъ отъ того, что съ нимъ до нашихъ дней худо обращались. Политики, уг-

верждающіе, что народъ долженъ страдать, чтобы быть хорошимъ, къ несчастью, не совсѣмъ неправы.

Нужно ли еще говорить, что наша политическая философія способствовала тому же результату? Первый принципъ нашей морали—это подавлять темпераментъ, заставляя разумъ возможно больше господствовать надъ животностью; но эти свойства противоположны военному духу. Какія правила поведенія могутъ быть у насъ, либераловъ, разъ мы не можемъ допустить божественнаго права въ политикѣ, не допуская сверхестественнаго въ религіи? Простыя человѣческія права, компромиссъ между абсолютнымъ рационализмомъ Кондорсе и XVIII вѣка, признающій только право разума управлять человѣчествомъ, и права, вытекающія изъ исторіи. Неудачный опытъ революціи выльчилъ насъ отъ культа разума; но предполагая всю возможную добрую волю, мы не могли бы придти къ культу силы или къ праву, основанному на силѣ, что составляетъ резюме нѣмецкой политики. Соглашеніе различныхъ партій въ государствѣ кажется намъ *ultima ratio* существованія самого этого государства.—Таковы были наши принципы, и въ нихъ были два существенныхъ недостатка. Первый недостатокъ тотъ, что мы находились въ мірѣ людей, имѣвшихъ совершенно другіе принципы, жившихъ суровыми доктринами стараго режима, который устанавливалъ единство націи въ правахъ властителя, тогда какъ мы воображали, что XIX вѣкъ открылъ новое право, право народностей. Второй недостатокъ тотъ, что намъ никогда не удавалось доставить преобладаніе этимъ принципамъ даже у насъ. Только что названные мной принципы являются французскими, въ томъ смыслѣ, что они логически вытекаютъ изъ нашей философіи, изъ нашей революціи, изъ нашего національнаго характера со всѣми его свойствами и недостатками. Къ несчастью, исповѣдующая ихъ партія, подобно всѣмъ интеллигентнымъ партіямъ, представляетъ только меньшинство и при томъ меньшинство, слишкомъ часто терпѣвшее у насъ пораженія. Экспедиція въ Римъ была самымъ явнымъ нарушеніемъ политики, которая одна могла намъ приличествовать. Наша попытка вмѣшаться въ германскія дѣла была вопіющею непослѣдовательностью, но ее нельзя ставить въ вину только павшему правительству; оппозиція не отказывалась отъ этой попытки со времени пораженія при Садовой. Тѣ, которые всегда отвергали политику завоеванія, имѣютъ право сказать: „Взять Эльзасъ вопреки его волѣ—преступленіе“; уступить его иначе, какъ въ силу крайней необходимости, также было бы преступленіемъ. Но люди, проповѣдывавшіе доктрину естественныхъ границъ и національныхъ сходствъ, не имѣютъ права находить дурнымъ, если имъ дѣлаютъ то же, что они хотѣли дѣлать другимъ. Доктрина естественныхъ границъ и права народностей не можетъ произноситься одними и тѣми же устами, если не хотятъ впасть въ явное противорѣчіе.

Такимъ образомъ, мы оказались слабыми, непризнанными своей собственной страной. Франція могла не интересоваться всякими заграничными дѣлами, какъ это мудро дѣлалъ Людовикъ-Филиппъ. Но, начавъ дѣйствовать за своими предѣлами, она могла

пользоваться только своимъ собственнымъ принципомъ, принципомъ свободныхъ націй, составленныхъ изъ свободныхъ провинцій и самостоятельно распоряжающихся своей судьбой. Именно съ этой точки зрѣнія мы съ симпатіей смотримъ на итальянскую войну императора Наполеона III, даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на крымскую войну и на помощь, которую онъ оказалъ образованію Сѣверной Германіи вокругъ Пруссіи. Одно время мы думали, что, наконецъ-то, осуществится наша мечта, т. е. образуется политическій и интеллектуальный союзъ Германіи, Англии и Франціи, который составитъ для нихъ троихъ направляющую силу чело-вѣчества, поставитъ преграду Россіи, или, скорѣе, будетъ управлять ею по ея пути и возвышать ее. Увы! Что дѣлать съ иностраннымъ неосновательнымъ духомъ? Обратной стороной итальянской войны было продолжительное занятіе Рима, полный отказъ отъ всѣхъ французскихъ принциповъ. Крымская война, которая была бы законна только въ томъ случаѣ, если бы она окончилась освобожденіемъ народностей, находившихся подъ владычествомъ Турціи, въ результатъ только укрѣпила оттоманскій принципъ. Экспедиція въ Мексику была вызовомъ, брошеннымъ всякой либеральной идеѣ. Дѣйствительные титулы, пріобрѣтенные при признаніи Германіи, были потеряны, когда послѣ Садовой появилась привычка къ дурному настроенію и возбужденію.

Повторю еще разъ: несправедливо вину за все это взваливать на послѣдній режимъ, и національное самолюбіе сдѣлало бы одинъ изъ наиболѣе опасныхъ шаговъ, если бы стало думать, что причиной нашихъ несчастій были только ошибки Наполеона III, такъ что съ его удаленіемъ побѣда и счастье снова должны придти къ намъ. Истинно то, что у всѣхъ нашихъ слабостей есть болѣе глубокій корень,—корень, никогда уже не исчезающій, именно худо понятая демократія. Демократическая страна не можетъ хорошо управляться, имѣть хорошую администрацію, хорошее начальство. Причины этого просты. Правительство, администрація, начальство въ обществѣ являются результатомъ выбора, извлекающаго изъ массы извѣстное число индивидуумовъ, совершающихъ дѣла правительства, администраціи, начальства. Этотъ выборъ можетъ производиться четырьмя способами, которые примѣнялись то отдѣльно, то вмѣстѣ въ различныхъ обществахъ: 1) по рожденію, 2) по жребію, 3) по выбору народа, 4) съ помощью экзаменовъ и конкурсовъ.

Выборъ съ помощью жребія примѣнялся только въ Аѳинахъ и Флоренціи, т. е. въ двухъ единственныхъ городахъ, гдѣ былъ народъ аристократовъ, народъ, представляющій самое сложное и самое очаровательное зрѣлище своей исторіи, протекавшей среди крайне странныхъ отступленій. Ясно, что въ нашихъ обществахъ, похожихъ на обширную Скию, посреди которой дворы, большіе города, университеты представляютъ своего рода греческія колоніи, такой способъ выборовъ привелъ бы къ нелѣпымъ результатамъ; поэтому нѣтъ нужды и останавливаться на немъ.

Система экзаменовъ и конкурсовъ примѣнялась въ крупныхъ размѣрахъ только въ Китаѣ. Она вызвала тамъ общую,

неизлѣчимую дряхлость. Мы сами далеко ушли въ этомъ направленіи, и это одна изъ вѣчныхъ причинъ нашего упадка.

Систему выборовъ нельзя принимать, какъ единственное основаніе правительства. Въ примѣненіи къ командованію войсками въ частности, выборы представляютъ своего рода противорѣчіе, даже отрицаніе командованія, такъ какъ въ военныхъ дѣлахъ командованіе абсолютно; но вѣдь выбранный не можетъ безусловно распоряжаться своимъ избирателемъ. Что касается выбора верховнаго повелителя, то этотъ выборъ ободряетъ шарлатановъ, заранѣе разрушаетъ престижъ избраннаго, заставляетъ его унижаться передъ тѣми, кто долженъ повиноваться ему. Еще въ большей степени эти возраженія примѣнимы къ всеобщему избирательному праву. При выборѣ депутатовъ всеобщее избирательное право, пока оно будетъ прямымъ, всегда будетъ давать посредственные результаты. Онъ не можетъ дать хорошую палату, магистратуру, даже хорошій общинный или муниципальный совѣтъ. Ограниченное по существу своему, всеобщее избирательное право не понимаетъ необходимости науки, превосходства благороднаго и ученаго. Оно можетъ быть хорошимъ, только образовавъ общество знатныхъ, и еще при томъ условіи, что выборы будутъ производиться въ той формѣ, которую мы позже разсмотримъ.

Безспорно, что если бы было нужно придерживаться какого нибудь одного способа избранія, то происхожденіе имѣло бы больше значенія, чѣмъ выборы. Происхожденіе подвержено меньшимъ случайностямъ, чѣмъ баллотировка. Происхожденіе обыкновенно влечетъ за собой лучшее воспитаніе и иногда извѣстное превосходство расы. Когда дѣло идетъ о назначеніи властителя или военныхъ начальниковъ, то критерій происхожденія почти необходимъ. Вѣдь въ концѣ концовъ этотъ критерій оскорбляетъ только французскіе предразсудки, по которымъ служба—это рента, предоставляемая чиновнику, а не налагаемая на него общественная обязанность. Этотъ предразсудокъ противорѣчитъ принципу управленія, который заставляетъ видѣть въ выборѣ чиновника только благо государства или, иными словами, хорошее исполненіе службы. Никто не имѣетъ права на мѣсто; всѣ имѣютъ право, чтобы мѣста были заполнены хорошими работниками. Если бы наследственность нѣкоторыхъ службъ была залогомъ хорошаго управленія, я, не колеблясь ни одной минуты, посоветовалъ бы ввести наследственность въ исполненіе этихъ службъ.

Теперь понятно, какимъ образомъ выборы правительства, такъ замѣчательно производившіеся во Франціи до конца XVII вѣка, теперь такъ пали и могли создать такой составъ правителей, министровъ, депутатовъ, сенаторовъ, маршаловъ, генераловъ, администраторовъ, которыхъ мы имѣли въ іюль мѣсяцъ прошлаго года и которыхъ можно считать самыми ничтожными изъ всѣхъ, когда либо исполнявшихъ государственныя обязанности. Источникъ всего этого—всеобщее избирательное право, такъ какъ изъ него исходили императоръ, источникъ всякой инициативы, и законодательный корпусъ, единственный противовѣсь инициативамъ императора. Это жалкое правительство было результатомъ

демократіи; Франція желала его, извлекла его изъ своихъ внутренностей. Франція, страна всеобщаго избирательнаго права, никогда не будетъ имѣть значительно лучшаго правительства. Было бы противоестественно, если бы средній уровень, съ трудомъ достигаемый невѣжественнымъ и ограниченнымъ человѣкомъ, былъ представленъ просвѣщеннымъ, блестящимъ и сильнымъ правительствомъ. Результатомъ такихъ выборовъ такъ плохо понятой демократіи можетъ быть только полное затемнѣніе сознанія страны. Большая избирательная коллегія, составленная изъ всѣхъ жителей страны, гораздо ниже прежняго посредственнаго короля. Версальскій дворъ былъ лучше для выбора чиновниковъ, чѣмъ современное всеобщее избирательное право; вѣдь послѣднее дастъ правительство даже хуже того, какое было въ XVII вѣкѣ въ его худшіе дни.

Страна не представляетъ простой суммы составляющихъ ея индивидуумовъ; это душа, сознаніе, субъектъ, живая равнодѣйствующая. Эта душа можетъ обитать въ очень маломъ количествѣ людей; лучше было бы, чтобы всѣ въ ней могли участвовать, но въ силу французскихъ выборовъ правительства неизбежно образуется голова, которая бодрствуетъ и думаетъ, тогда какъ остальная часть страны перестаетъ думать и чувствовать. Но французскіе выборы самые слабые изъ всѣхъ. Благодаря своему неорганизованному, предоставленному случайностямъ всеобщему избирательному праву, Франція можетъ имѣть социальную голову безъ ума, безъ знаній, безъ престижа и авторитета. Франція желала мира и глупо выбрала себѣ повѣренныхъ, которые вовлекли ее въ войну. Палата ультра-миролюбивой страны вотировала самую пагубную войну. Нѣсколько уличныхъ болтуновъ, нѣсколько неразумныхъ журналистовъ могли прослыть за выраженіе мнѣнія націи. Во Франціи столько же порядочныхъ и остроумныхъ людей, какъ и во всякой другой странѣ; но они не имѣютъ никакой цѣнности. Страна, не имѣющая другого органа, кромѣ прямого всеобщаго избирательнаго права, представляетъ въ своемъ цѣломъ, независимо отъ цѣнности нѣкоторыхъ изъ ея людей, невѣжественное и глупое существо, неспособное мало мальски умно разрѣшить какой бы то ни было вопросъ. Демократы очень строго относятся къ старому режиму, который часто ставилъ у власти неспособныхъ или дурныхъ правителей. Конечно, государства, которыя воплощаютъ національное сознаніе въ королевской семьѣ и придворныхъ, переживаютъ періоды подъема и упадка. Но возьмемъ въ ея цѣломъ династію Капетинговъ, царствовавшую около девятисотъ лѣтъ. За нѣсколькими періодами паденія въ XIV, XVI и XVIII вѣкахъ слѣдуетъ рядъ удивительныхъ королей въ XII, XIII и XVII вѣкахъ, отъ Людовика Молодого до Филиппа Красиваго, отъ Генриха IV до второй половины царствованія Людовика XIV. Ни одна избирательная система не можетъ дать такого представительства. Самый посредственный человѣкъ выше коллективной равнодѣйствующей, являющейся результатомъ взаимодействія 36 милліоновъ индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый считается за единицу. Пусть будущее покажетъ мою неправоту! Но можно бояться, что Франція, со всѣми ея безконечными запасами храбрости, благихъ пожеланій и даже

ума, погаснетъ, какъ худо разведенный огонь. Эгоизмъ—источникъ социализма, и зависть—источникъ демократіи, могутъ создать только слабое общество, неспособное сопротивляться могущественнымъ сосѣдямъ. Общество сильно только при одномъ условіи: при условіи признанія факта естественнаго превосходства, которое сводится къ одному: именно, къ превосходству происхожденія, такъ какъ интеллектуальное и моральное превосходство само по себѣ ничто иное, какъ превосходство жизненнаго зародыша, находящагося въ особенно благоприятныхъ условіяхъ.

IV.

Если-бы мы были одни во всемъ мірѣ или не имѣли бы сосѣдей, мы могли бы безконечно продолжать наше паданіе и даже находить въ немъ удовольствіе. Но вѣдь мы не одни. Наше славное прошлое, прошлое имперіи, какъ видѣніе, смущало нашъ праздникъ. Человѣкъ, предки котораго принимали участіе въ великой борьбѣ, не можетъ вести мирную и вульгарную жизнь; потомки тѣхъ, отцы которыхъ были убиты, постоянно возбуждаютъ эту буржуазно-самодовольную жизнь и вкладываютъ въ ея руки мечъ.

Всегда легкомысленная и неосмотрительная Франція буквально забыла, что поль-вѣрка тому назадъ она оскорбила большую часть европейскихъ націй и въ частности націю, всѣ свойства и недостатки которой противоположны нашимъ. Французское сознаніе—кратко и быстро, нѣмецкое—длинно, упорно и глубоко. Французъ добръ, взбалмошенъ; онъ скоро забываетъ обиды, которыя онъ самъ нанесъ другимъ и которыя ему нанесли. Германія злопамятна, мало великодушна; она почти не понимаетъ славы, долга чести, и не знаетъ прощенія. Вознагражденіе 1814 и 1815 годовъ не удовлетворило огромную ненависть, которую зажгли въ сердцѣ Германіи пагубныя войны Имперіи. Медленно, все взвѣшивая, она готовила мщеніе за обиды, которыя для насъ были дѣломъ другого вѣка, съ которыми мы не чувствовали никакой связи и за которыя нисколько не считали себя отвѣтственными.

Пока мы беззаботно спускались по склону неинтеллигентнаго матеріализма или слишкомъ великодушной философіи, почти утрачивая всякое воспоминаніе о національномъ духѣ и не думая, что наше социальное состояніе такъ непрочно, что для его разрушенія достаточно каприза нѣсколькихъ неразумныхъ людей,—въ Пруссіи и во многихъ отношеніяхъ въ Россіи жилъ совершенно другой духъ, старый духъ того, что мы называемъ старымъ режимомъ. Англія и вся остальная Европа, за исключеніемъ Пруссіи и Россіи, вступили на ту же дорогу, что и мы, на дорогу мира, промышленности и торговли,—дорогу, которую школа экономистовъ и большинство государственныхъ людей считали истинной дорогой цивилизаціи. Но въ двухъ странахъ еще жили прежнія чувства: желаніе расширяться, національная вѣра, гордость своей расой. Россія по своимъ глубокимъ инстинктамъ, по своему религіозному и политическому фанатизму, сохраняла священный огонь прежняго времени, который такъ

рѣдко можно встрѣтить у народа, обуяннаго эгоизмомъ, какъ нашъ; она сохраняла готовность принести себя въ жертву дѣлу, за которымъ не кроется никакого личнаго интереса. Въ Пруссіи привилегированное дворянство, крестьяне, подчиненные *quasi*-феодальному режиму, военный и національный духъ, доходящій почти до грубости, суровая жизнь, нѣкоторая общая бѣдность, зависть къ народамъ, ведущимъ болѣе пріятную жизнь,—все это поддерживало условія, до сихъ поръ составлявшія силу націй. Военное состояніе, обезцѣненное у насъ и считающееся синонимомъ праздности и ничѣмъ не занятой жизни, считалось тамъ самымъ почетнымъ дѣломъ, своего рода ученой карьерой. Нѣмецкій духъ примѣнилъ къ искусству убивать все могущество своихъ методовъ. Тогда какъ по эту сторону Рейна всѣ наши усилія были направлены къ тому, чтобы съ корнемъ вырвать печальныя воспоминанія о первой имперіи, тамъ жилъ еще старый духъ Блюхера, Шарнгорста. У насъ патриотизмъ въ примѣненіи къ военнымъ воспоминаніямъ высмѣивали подъ именемъ шовинизма, а тамъ—всѣ шовинисты и всѣ гордятся этимъ. Французскій либерализмъ стремился уменьшить вмѣшательство государства въ пользу индивидуальной свободы, а государство Пруссіи представляло большую тираннію, чѣмъ когда бы то ни было у насъ. Всякій гражданинъ Пруссіи, воспитанный, выдрессированный, морализованный, обученный, всегда находящійся подъ наблюденіемъ государства, управлялся гораздо больше (и, конечно, гораздо лучше), чѣмъ мы, и не жаловался на это. Это народъ преимущественно монархическій; ему не нужно равенства; у него есть добродѣтели, но добродѣтели классовыя. Тогда какъ у насъ даже типъ чести является идеаломъ для всѣхъ, въ Германіи дворянинъ, буржуа, профессоръ, крестьянинъ, рабочій, имѣютъ каждый свою особую формулу долга. Долгъ чловѣка и права его тамъ плохо понимаются; и въ этомъ великая сила, такъ какъ равенство самая важная причина происшедшаго политическаго и военнаго упадка. Прибавьте къ этому науку, критику, широту и точность ума,—качества, которыя въ огромной степени развиваетъ прусское воспитаніе и которыя наше французское воспитаніе уменьшаетъ или не развиваетъ. Въ особенности прибавьте къ этому моральныя качества и главнымъ образомъ одно качество, которое всегда даетъ побѣду расѣ надъ народами, обладающими этимъ качествомъ въ меньшей степени: именно цѣломудріе ¹⁾. Тогда вы поймете, что не могло быть никакого сомнѣнія о предстоящихъ событіяхъ для всякаго, имѣющаго кой-какія познанія по философіи исторіи и понимающаго, въ чемъ состоитъ добродѣтель націй,—для всякаго, читавшаго два прекрасныхъ трактата Плутарха: „О добродѣтели и участи Александра“ и „О добродѣтели и участи Римлянъ“. Легко было видѣть, что французская революція, немного остановленная событиями 1814 и 1815 годовъ, должна была второй разъ увидѣть передъ собой своего вѣчнаго врага, германскую или скорѣе сла-

¹⁾ Во Франціи женщинамъ приписываютъ огромное участіе въ социальномъ и политическомъ движеніи, Пруссіи же—безконечно малое.

вяно-германскую расу Сѣвера, другими словами, Пруссію, оставшуюся страной стараго режима и такимъ образомъ предохраненную отъ промышленнаго, экономическаго, социалистическаго, революціоннаго матеріализма, уменьшившаго мужество всѣхъ другихъ народовъ. Такимъ образомъ твердое желаніе прусской аристократіи побѣдить французскую революцію имѣло двѣ различныя фазы: одну отъ 1792 до 1815, другую отъ 1848 до 1871 года, и обѣ эти попытки были успѣшны. То же, по всей вѣроятности, будетъ и въ будущемъ, если только революція не овладѣетъ своимъ собственнымъ врагомъ, чему можетъ весьма способствовать присоединеніе Германіи къ Пруссіи; но, конечно, этого не можетъ быть въ ближайшемъ будущемъ.

Война преимущественно дѣло стараго режима. Она предполагаетъ совершенное отсутствіе эгоистическихъ соображеній, такъ какъ послѣ побѣды тѣ, которые ей больше всего способствовали, т. е. мертвые, не пользуются ею. Война представляетъ противоположность этому отсутствію самопожертвованія, этой непреклонности въ требованіи своихъ индивидуальныхъ правъ, что составляетъ духъ нашей современной демократіи. Съ такимъ духомъ никакая война невозможна. Демократія—самый сильный разрушитель военной организаціи. Военная организація основана на дисциплинѣ, а демократія—отрицаніе дисциплины. У Германіи также есть свое демократическое движеніе, но оно подчинено патриотически-національному движенію. Побѣда Германіи не могла быть не полной; вѣдь организованная сила всегда побиваетъ силу неорганизованную, даже при численномъ превосходствѣ послѣдней. Побѣда Германіи была побѣдой дисциплинированнаго человѣка надъ недисциплинированнымъ, побѣдой человѣка почтительнаго, заботливаго, внимательнаго, методичнаго—надъ человекомъ, не обладающимъ этими качествами; это была побѣда науки и разума; но въ то же время это была побѣда стараго режима, принципа, отрицающаго суверенитетъ народа и права народностей распоряжаться своей судьбой. Эти послѣднія идеи, совсѣмъ не укрѣпляя расы, обезоруживаютъ ее, дѣлаютъ ее неспособной ко всякому военному дѣйствию и, въ довершеніе несчастья, не предохраняютъ ее отъ возможности попасть въ руки правительства, которое заставитъ ее совершить величайшія ошибки. Непостижимое событіе іюля мѣсяца 1870 года повергло насъ въ пучину. Всѣ болѣзненные зародыши, которые безъ этого приводили бы къ медленному истощенію, привели къ опасной болѣзни; всѣ оболочки порвались; всѣ недостатки темперамента, которыхъ существованіе только предполагали, проявились самымъ роковымъ образомъ.

Болѣзнь никогда не приходитъ одна: ослабленное тѣло уже не въ состояніи сдерживать причины разрушенія, которыя всегда находятся въ скрытомъ состояніи въ организмѣ и которымъ не позволяетъ прорываться только здоровый организмъ. Страшное появленіе коммуны показало рану подъ раной, пучину подъ пучиной. 18 марта 1871 года—это день, въ которой французское сознаніе стояло наиболѣе низко за цѣлую тысячу лѣтъ. Одно время мы сомнѣвались, оправится ли Франція, достаточно ли

жизненной силы этого великаго тѣла, пораженнаго до самаго мозга, гдѣ находится *sensorium commune*, чтобы одержать верхъ надъ угрожавшей поразить ее болѣзнью. Дѣло Капетинговъ казалось разрушеннымъ, и можно было думать, что будущая философская формула нашей исторіи заключить въ 1871 г. великое развитіе, начатое вождями Франціи въ IX вѣкѣ. Вышло иначе. Французское сознаніе, хотя пораженное страшнымъ ударомъ, само оправилось; черезъ три или четыре дня оно вышло изъ своего обморока. Франція опять стала жить; трупъ, о которомъ уже спорили черви, опять сдѣлался теплымъ, опять сталъ двигаться. Въ какихъ же условіяхъ будетъ протекать это заморильное существованіе? Будетъ ли оно краткимъ блескомъ жизни воскресшаго? Начнетъ ли снова Франція прерванную главу своей исторіи? Или она вступитъ въ совершенно новую фазу своей длинной и полной тайнъ судьбы? Какія желанія можетъ имѣть хорошій французъ при такихъ обстоятельствахъ? Какіе совѣты можетъ онъ дать своей странѣ? Мы попытаемся отвѣтить на эти вопросы не съ увѣренностью, которая въ подобные дни была бы указателемъ очень поверхностнаго ума, но предоставляя широкое поле случаямъ каждаго дня и неизвѣстности будущаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Средства.

Извѣстно всему міру съ какой легкостью реорганизуется наша страна. Недавніе факты показали, какъ мало была поражена Франція въ ея богатствахъ. Что же касается до потери людей, то если можно говорить о подобномъ предметѣ съ холодностью, имѣющей видъ жестокости, то я скажу, что эта потеря мало ощутительна. Но у всякаго размышляющаго человѣка сейчасъ же возникаетъ вопросъ: что же будетъ дѣлать Франція? Останется ли она на склонѣ національнаго упадка и политическаго матеріализма, куда она была приведена до войны 1870 года, или станетъ энергично реагировать противъ иностраннаго завоеванія, отвѣтитъ на живо задѣвшую ее обиду и, подобно Германіи 1807 г., начнетъ съ пораженія новую эру, эру возобновленія?—Франція очень забывчива. Если бы Пруссія не потребовала территориальныхъ уступокъ, то, я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ, промышленное, экономическое, социалистическое движенія снова пошли бы по старому руслу; денежные потери были бы вознаграждены черезъ нѣсколько лѣтъ. Вѣдь чувство военной славы и національнаго тщеславія день-о-дня становилось все меньше. Да, Германія послѣ Седана играла самую прекрасную роль въ исторіи міра. Если бы она удовлетворилась своей побѣдой и не совершала никакого насилія надъ какой либо частью французскаго населенія, она похоронила бы войну на вѣки, поскольку можно говорить о вѣчности, когда дѣло идетъ о человѣчествѣ. Но Германія не захотѣла такой роли: она насильственно захватила два милліона французовъ, изъ которыхъ только незначительная часть была согласна на такое отдѣленіе. Ясно, что французскій патриотизмъ теперь надолго могъ имѣть только одну цѣль, именно: возвратить потерянные провинціи. Даже люди, считающіе себя прежде всего философами, а не патриотами, не смогутъ равнодушно относиться къ воплямъ двухъ милліоновъ людей, которыхъ мы заставили броситься въ море, чтобы спасти остальную часть потерпѣвшихъ крушеніе, и которые были связаны съ нами и на жизнь, и на смерть. Въ тѣло Франціи былъ погруженъ стальной клинокъ, который уже не позволитъ ей спать. Но какимъ путемъ идти ей въ дѣлѣ своей реформы? Въ чемъ ея возрожденіе будетъ походить на столько дру-

гихъ попытокъ къ національному воскрешенію? Какое участіе будетъ принимать въ этомъ французская оригинальность? Это именно нужно изслѣдовать, при чемъ необходимо принять а priori вѣроятнымъ, что такое впечатлительное сознаніе, какъ французское, въ концѣ концовъ подъ давленіемъ исключительныхъ обстоятельствъ придетъ къ самымъ неожиданнымъ проявленіямъ.

I.

Существуетъ прекрасный способъ, какимъ нація можетъ оправиться отъ послѣднихъ несчастій. Этотъ способъ указала намъ сама Пруссія, и она не можетъ упрекать насъ, если мы послѣдуемъ ея примѣру. Что дѣлала Пруссія послѣ Тильзитскаго мира? Она приняла его и стала собираться съ силами. Оставшаяся ей территорія была не больше одной пятой части той, какая осталась у насъ; эта территорія была самой бѣдной въ Европѣ, а установленныя въ ней военныя условія, казалось, по природѣ своей навсегда обрекали ее на безсиліе. Многое въ этомъ положеніи могло обезкуражить менѣе суровый патріотизмъ. Пруссія стала молча организоваться; вмѣсто того, чтобы прогнать свою династію, она сжалась около нея, почитала своего крайне посредственнаго короля, свою королеву Луизу, бывшую, однако, одной изъ непосредственныхъ причинъ войны. Были призваны всѣ способности страны; Штейнъ управлялъ всѣмъ со своимъ напряженнымъ пыломъ. Реформа арміи была главнымъ предметомъ изученія и размышленія. Берлинскій университетъ былъ центромъ возрожденія Германіи; сердечнаго сотрудничества просили у ученыхъ, у философовъ, которые поставили одно условіе своего участія,—условіе, которое они всегда ставятъ и должны ставить,—именно, свою свободу. Благодаря этому серьезному труду, продолжавшемуся пятьдесятъ лѣтъ, Пруссія стала первой націей въ Европѣ. Ея возрожденіе имѣло за собой такую прочность, которой не могло бы дать простое патріотическое тщеславіе; оно было основано на морали, на идеѣ долга, на гордости, являющейся результатомъ несчастія, переносимаго съ спокойнымъ благородствомъ.

Ясно, что Франція поправила бы въ меньшее время, если бы захотѣла подражать примѣру Пруссіи. Конечно, если бы зло Франціи исходило изъ глубокаго истощенія, нельзя было бы ничего сдѣлать. Но вѣдь этого нѣтъ въ дѣйствительности. Силы Франціи громадны, ихъ нужно только организовать. Безспорно также, что обстоятельства пришли бы къ намъ на помощь. „Преходящъ образъ міра сего“, говоритъ писаніе. Нѣкоторыя лица умрутъ; внутреннія неурядицы Германіи появятся опять; партіи католическая и демократическая (два интернаціональныя Общества, какъ говорятъ въ Пруссіи) будутъ создавать Бисмарку и его послѣдователю вѣчныя затрудненія; нужно думать, что единство Германіи не представляетъ еще единства Франціи; существуютъ парламенты въ Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Штуттгартѣ. Представьте себѣ Людовика XIV въ подобныхъ условіяхъ. Въ Пруссіи снова загорится соперничество феодальной и либеральной пар-

тій, изъ которыхъ противъ послѣдней Бисмаркъ ловко ведетъ свою дѣятельность. Плодотворное и миролюбивое изученіе германизма прекратится. Факторъ славянскаго сознанія—это сознаніе германское; но сознаніе славянъ будетъ все развиваться и становиться все въ большую противоположность германскому сознанію. Неудобство для государства удерживать страны вопреки ихъ волѣ будетъ обнаруживаться все въ бѣльшей и бѣльшей степени. Нескончаемый кризисъ Австріи создастъ очень опасныя перипетіи? Вѣна сдѣлается своего рода препятствіемъ для Берлина; какъ бы то ни было, эта имперія не о двухъ головахъ; ей трудно будетъ существовать. Колесо судьбы вращается и всегда будетъ вращаться. Поднявшись опускаются; вотъ почему такъ неразумна гордость. Военныя организаціи подобны промышленнымъ орудіямъ: орудіе скоро старится, и рѣдко промышленнику приходится реформировать находящееся въ его рукахъ орудіе. Въ самомъ дѣлѣ, это орудіе представляетъ огромный основной капиталъ; его желательно сохранять, и потому его мѣняютъ только подъ давленіемъ конкуренціи. Въ этомъ случаѣ выгоду получаетъ почти всегда конкурентъ: вѣдь онъ строитъ заново, и ему не приходится дѣлать уступокъ прежнему учрежденію. Безъ игольчатаго ружья Франція никогда не замѣнила бы своего пистоннаго ружья; но за введеніемъ игольчатаго ружья послѣдовало ружье системы Шаспо. Военныя организаціи слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ промышленныя машины. Военная машина Фридриха Великаго была въ свое время превосходна, но въ 1792 году она совершенно устарѣла и стала безсильной. Затѣмъ имѣла силу машина Наполеона; въ наши дни доказала свое огромное превосходство машина Мольтке. Или вещи человѣческія пойдутъ по другому пути, или то, что лучше сегодня, не будетъ таковымъ завтра. Военныя способности измѣняются отъ одного поколѣнія къ другому. Арміи Республики и Имперіи заняли мѣсто тѣхъ, которыя были разбиты при Росбахѣ. Разъ Франція поражена, а ея буржуазное довольство и казарменныя привычки потрясены, то невозможно сказать, что произойдетъ въ будущемъ.

Но безусловно вѣрно одно: если Франція захочетъ подчиниться условіямъ серьезной реформы, она очень скоро сможетъ занять мѣсто въ европейскомъ концертѣ. Я не повѣрю, чтобы какой нибудь серьезный государственный человѣкъ въ Германіи могъ повторять слѣдующее разсужденіе, постоянно появляющееся въ нѣмецкихъ газетахъ: „Возьмемъ Эльзась-Лотарингію, чтобы лишить Францію возможности начать снова“. Если дѣло идетъ только о территоріальной поверхности и числѣ людей, то Франція понесла самыя незначительныя потери. Нужно узнать: пожелаетъ ли она вступить на путь серьезной реформы, другими словами, станетъ ли она подражать поведенію Пруссіи послѣ Іены?

Эта дорога была бы очень суровой; она была бы дорогой раскаянія. Но въ чемъ состоитъ искреннее раскаяніе? Всѣ отцы духовной жизни одинаково отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Раскаяніе состоитъ не въ томъ, чтобы вести суровую жизнь, поститься, умерщвлять свою плоть: оно состоитъ въ томъ, чтобы исправлять свои недостатки и между ними именно тѣ, которые

любишь, именно тотъ излюбленный недостатокъ, который почти всегда составлялъ самую основу нашей натуры, тайный принципъ нашихъ дѣйствій. Но излюбленный недостатокъ Франціи, отъ котораго нужно прежде всего отдѣлаться,—это нашъ поверхностный демократизмъ. Демократія—причина нашей военной и политической слабости; демократія создала наше невѣжество, наше глупое тщеславіе; демократія вмѣстѣ съ отсталымъ католицизмомъ—причина недостаточности нашего національнаго воспитанія. Мнѣ будетъ понятно, если умный и хорошій патриотъ, больше жалающій приносить пользу своимъ согражданамъ, чѣмъ нравиться имъ, станетъ говорить приблизительно въ такихъ выраженіяхъ:

„Искоренимъ въ себѣ демократію. Возстановимъ королевскую власть, возстановимъ въ извѣстной степени дворянство;—организуемъ основательное, начальное и высшее, національное образованіе; сдѣлаемъ воспитаніе болѣе суровымъ, а военную службу—обязательной для всѣхъ; будемъ серьезны и прилежны, будемъ повиноваться властямъ, станемъ друзьями порядка и дисциплины. Прежде всего будемъ смиренны. Будемъ остерегаться самонадѣянности. Пруссіи понадобилось 63 года, чтобы отомстить за Іену; положимъ себѣ, по крайней мѣрѣ, 20 лѣтъ, чтобы отомстить за Седанъ. Въ теченіе 10 или 15 лѣтъ будемъ совершенно воздерживаться отъ мірскихъ дѣлъ; ограничимъ себя невидной работой надъ нашей внутренней реформой. Ни за что не станемъ дѣлать революцій и перестанемъ вѣрить, что мы имѣемъ въ Европѣ привиллегію на инициативу; откажемся отъ привычки, дѣлавшей насъ вѣчнымъ исключеніемъ изъ общаго порядка. Такимъ образомъ, при помощи обыкновенныхъ измѣненій этого міра, мы, внѣ всякаго сомнѣнія, черезъ 15 или 20 лѣтъ займемъ наше прежнее положеніе.

„Вѣдь иначе мы не придемъ къ нему. Побѣда Пруссіи была побѣдой королевской власти quasi-божественнаго (въ дѣйствительности, историческаго) права; нація не можетъ реформироваться по прусскому типу безъ исторической королевской власти и безъ дворянства. Демократія не развиваетъ ни дисциплины, ни моральности. Нельзя дисциплинировать самого себя; дѣти, собранныя вмѣстѣ и оставленные безъ учителя, не развиваютъ другъ друга, а играютъ и теряютъ свое время. Изъ массы не можетъ возникнуть достаточно разума, чтобы управлять и реформировать народъ. Необходимо, чтобы реформа и воспитаніе приходили извнѣ, отъ силы, имѣющей только національные интересы, но отличающейся отъ націи и независимой отъ нея. Есть кое-что, чего демократія никогда не создастъ; это именно война, та ученая война, какую провозгласила Пруссія. Прошло время недисциплинированныхъ волонтеровъ и прежнихъ французскихъ войскъ. Прошло время блестящихъ офицеровъ, невѣжественныхъ, храбрыхъ, своевольныхъ. Отнынѣ война—научная и административная проблема, сложное дѣло, котораго не можетъ вести поверхностная демократія, такъ же, какъ умѣющій строить барки не сумѣлъ бы сдѣлать обшитаго кирасами фрегата. Демократія, подобная французской, никогда не сможетъ до-

ставить такой авторитетъ ученымъ, чтобы они могли привести къ торжеству рациональное направленіе. Какъ можетъ демократія выбирать изъ среди окружающихъ ее шарлатановъ и невѣждъ? Кромѣ того демократія недостаточно сильна, чтобы долго поддерживать огромное усиліе, необходимое для большой войны. Нельзя ничего сдѣлать въ этихъ гигантскихъ общихъ предпріятіяхъ, когда каждый беретъ за нихъ и бросаетъ по желанію; демократія не можетъ выйти изъ своей изнѣженности, не впадая въ терроръ. Наконецъ, республика должна всегда съ подозрѣніемъ относиться ко всякому генералу—побѣдителю. Монархія такъ естественна во Франціи, что всякій генералъ, давшій своей странѣ блестящую побѣду, былъ бы способенъ ниспровергнуть республиканскія учрежденія. Республика можетъ существовать только въ странѣ побѣжденной или совершенно миролюбивой. Во всякой странѣ, расположенной къ войнамъ, крикъ народа всегда будетъ крикомъ евреевъ къ Самуилу; „о, король, идущій во главѣ нашего войска, и ведущій войну съ нами!“

„Франція ошиблась относительно формы, которую можетъ принять народное сознаніе. Ея всеобщее избирательное право подобно кучѣ песку, въ которой нѣтъ ни связи, ни постояннаго отношенія между атомами. Нельзя строить домъ изъ такого матеріала. Сознаніе націи находится въ просвѣщенной ея части, которая увлекаетъ за собой остальную часть націи и распоряжается ею. При своемъ происхожденіи цивилизація была дѣломъ аристократіи, дѣломъ очень малаго числа людей (дворянъ и священниковъ), которые ввели цивилизацію съ помощью того, что демократы называютъ силой и обманомъ. Сохраненіе цивилизаціи также дѣло аристократіи. Отечество, честь, долгъ,—все это создано и поддерживается очень малымъ числомъ среди толпы, которая, будучи предоставлена самой себѣ, губитъ все это. Что сдѣлалось бы съ Аѳинами, если бы они дали всеобщее избирательное право двумъ стамъ тысячамъ рабовъ и потопили подъ этой массой незначительную аристократію свободныхъ людей, которые довели Аѳины до ихъ настоящаго положенія? Франція также была создана королемъ, дворянствомъ, духовенствомъ, третьимъ сословіемъ. Народъ въ собственномъ смыслѣ слова и крестьяне, въ настоящее время абсолютныя владыки Франціи, являются непрошенными гостями, осами, завладѣвшими ульемъ, въ постройкѣ котораго онѣ не принимали участія. Душа націи не сохраняется безъ коллегіи, оффиціально обязанной поддерживать ее. Лучшимъ учрежденіемъ этого рода является династія; соединяя надежды націи съ надеждами семьи, такое учрежденіе создаетъ наиболѣе благоприятныя условія для будущихъ успѣховъ. Сенатъ, подобный римскому и венеціанскому, очень хорошо исполнялъ эту обязанность; религіозныя, соціальныя, педагогическія, гимнастическія учрежденія Греціи были совершенно удовлетворительны въ этомъ отношеніи; принцъ, избираемый пожизненно, также поддерживалъ достаточную силу общества. Но люди никогда не видѣли осуществленія мечты нашихъ демократовъ, этого дома изъ песка, націи безъ традиціонныхъ учрежденій, безъ органовъ, назначенныхъ сохранять національное сознаніе; люди никогда не видѣли

нации, основанной на томъ печальномъ принципѣ, что одно поколѣніе ни къ чему не обязываетъ слѣдующее поколѣніе, какъ будто нѣтъ никакой цѣпи между живыми и мертвыми, никакого ручательства за будущее. Вспомните, что убило всѣ кооперативныя общества рабочихъ: неспособность этихъ обществъ установить серьезное управленіе, зависть къ тѣмъ, которымъ общество дало какія либо полномочія, постоянное желаніе подчинить этихъ лицъ ихъ довѣрителямъ, упорное нежеланіе доставить имъ достойное положеніе. Французская демократія всегда будетъ дѣлать ту же ошибку въ политикѣ. Просвѣщенное управленіе никогда не возникнетъ изъ того, что представляетъ отрицаніе цѣнности умственной работы и необходимости ея.

„Не говорите, что народное собраніе сможетъ выполнять роль прежнихъ династій и прежнихъ аристократій. Уже одно имя республики указываетъ на извѣстное развитіе нездоровой демократіи; это обнаружится при той крайней степени возбужденія выборной агитаціи, которая уже проявлялась въ 1850 и 1851 годахъ. Чтобы остановить это движеніе, собраніе будетъ дѣйствовать безъ всякой жалости; но тогда обнаружится другое стремленіе: народъ предпочитаетъ либеральную монархію реакціонной республикѣ. Фатализмъ республики тотъ, что она одновременно и вызываетъ анархію и крайне сурово подавляетъ ее. Народное собраніе никогда не можетъ замѣнить великаго человѣка. Собраніе имѣетъ недостатки, которые должны меньше всего имѣть мѣста у правителя: оно ограничено, страстно, легко поддается первому впечатлѣнію, скоро рѣшаетъ, не несетъ отвѣтственности, дѣйствуетъ подъ впечатлѣніемъ минуты. Глупо надѣяться, что собраніе, составленное изъ дворянства различныхъ департаментовъ, изъ честныхъ провинціаловъ, сможетъ взять въ свои руки и сохранить блестящее наслѣдство королевской власти и французскаго дворянства. Необходимъ постоянный аристократическій центръ, сохраняющій искусство, науку, вкусъ, противъ демократическаго и провинціальнаго беотизма. Парижъ отлично чувствуетъ это; никогда аристократія не держалась такъ упорно за свои вѣковыя привиллегіи, какъ держится Парижъ за свою привиллегію быть учрежденіемъ Франціи, дѣйствовать въ извѣстные дни, какъ глава и повелитель, и требовать повиновенія отъ остальной страны. Но когда Парижъ, требуя своихъ привиллегій столицы, объявляетъ себя еще республиканскимъ и осповываетъ всеобщее избирательное право, то это одна изъ наибольшихъ непослѣдовательностей, о которыхъ только помнить исторія вѣковъ.

„Въ традиціяхъ Прагской синагоги есть одна старая легенда, всегда казавшаяся мнѣ поразительнымъ символомъ. Одинъ кабалистъ XVI вѣка сдѣлалъ статую, настолько близко соответствующую пропорціямъ божественнаго прототипа, что она жила, дѣйствовала. Вложивши ей подъ языкъ неизреченное имя Божіе (мистическую тетраграмму), кабалистъ подаровалъ этому гипсовому человѣку разумъ, но разумъ неясный, несовершенный, всегда нуждающійся въ руководствѣ. Кабалистъ пользовался своимъ произведеніемъ, какъ слугой, для разныхъ рабскихъ услугъ; по субботамъ онъ вынималъ изъ его усть чудесный талис-

манъ, чтобы онъ сохранялъ святой покой. Но однажды кабалистъ забылъ объ этой необходимой предосторожности. Во время божественной службы въ гетто услышали страшный крикъ; это гипсовый человѣкъ разбивалъ и разрушалъ все. Люди сбѣжались и схватили его. Съ этого времени у него навсегда была отнята тетраграмма, и его заперли подъ ключъ на чердакъ синагоги, гдѣ онъ находится и до сего времени. Увы! мы думали, что, научивши нѣсколькимъ разумнымъ словамъ грубое существо, непросвѣщаемое внутреннимъ свѣтомъ, мы сдѣлали изъ него человѣка. Когда мы предоставили его самому себѣ, грубая машина испортилась, и я боюсь, не придется ли запереть ее въ сараѣ на вѣки.

„Открыть историческое право вмѣсто этой несчастной формулы „божественнаго“ права, которое публицисты въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ окружили такимъ ореоломъ,—вотъ задача, которую нужно было бы себѣ поставить. Монархія, связывая интересы націи съ интересами богатой и могущественной семьи, устанавливаетъ наиболее прочную систему національнаго сознанія. Посредственность правителя представляетъ при такой системѣ только незначительныя неудобства. Напротивъ, состояніе національнаго разума у народа, не заключившаго вѣкового союза съ семьей, настолько слабо, прерывисто и непостоянно, что его можно сравнить только съ разумомъ совершенно неразвитого человѣка или даже съ инстинктомъ животнаго! Итакъ, очевидно, первый шагъ Франціи—принять свою династію. Страна имѣетъ только одну династію, именно ту, которая создала ея единство при выходѣ ея изъ состоянія кризиса или разрозненности. Фамилія, создавшая Францію въ теченіе девятисотъ лѣтъ, еще существуетъ. Мы счастливѣе Польши, такъ какъ у насъ есть еще прежнее знамя единства; но пагубная рана обезображиваетъ его. Страны, существованіе которыхъ основано на королевской власти, испытываютъ наиболее тяжелыя страданія, когда въ нихъ ведется споръ о законномъ наслѣдствѣ. Но, съ другой стороны, невозможное невозможно.... Дѣйствительно, нельзя утверждать, что Орлеанская вѣтвь, со времени своего отступленія безъ всякаго сраженія въ февралѣ (этотъ актъ могъ быть дѣломъ добрыхъ гражданъ, но не принцевъ), имѣла очень точныя королевскія права; но на ея сторонѣ великолѣпный титулъ, воспоминаніе о царствованіи Людовика-Филиппа, уваженіе и почтеніе наиболее просвѣщенной части страны.

„Нельзя отрицать, съ другой стороны, что революція и послѣдовавшіе за ней годы были во многихъ отношеніяхъ однимъ изъ тѣхъ производительныхъ кризисовъ, когда, по мнѣнію политическихъ казуистовъ, основывается право династій. Домъ Бонапарта возникъ изъ революціоннаго хаоса, сопровождавшаго и послѣдовавшаго за смертью Людовика XVI, какъ домъ Капетинговъ вышелъ изъ анархіи, сопровождавшей во Франціи паденіе дома Каролинговъ. По всей вѣроятности, не будь событій 1814 и 1815 годовъ, домъ Бонапартовъ унаслѣдовалъ бы титулъ Капетинговъ. Возстановленіе титула Бонапарта революціей 1848 года придало ему дѣйствительную силу. Если со временемъ револю-

ціи конца послѣдняго вѣка будутъ разсматривать, какъ исходный пунктъ новой Франціи, то возможно, что домъ Бонапарта сдѣлается династіей этой новой Франціи; вѣдь Наполеонъ I спасъ революцію отъ неизбежнаго крушенія и замѣчательно удачно олицетворилъ новыя потребности. Конечно, Франція монархична; но права наслѣдства основаны на слишкомъ глубокихъ политическихъ причинахъ, чтобы Франція могла понять ихъ. Франція желаетъ монархіи безъ твердо установленныхъ законовъ, подобной монархіи римскихъ цезарей. Домъ Бурбоновъ не долженъ соглашаться на это желаніе націи; онъ пренебрегъ бы всѣми своими обязанностями, еслибы когда-либо согласился играть роль подестовъ, штатгальтеровъ, временныхъ президентовъ недозрѣвшихъ республикъ. Нельзя выкраивать кафтана изъ мантии Людовика XIV. Напротивъ, домъ Бонапарта не выйдетъ изъ своей роли, если приметъ эти нерѣшительныя условія, которыя не находятся въ противорѣчьи съ его происхожденіемъ и оправдываютъ тотъ фактъ, что онъ всегда полностью принималъ догму о суверенитетѣ народа.

„Франція находится въ положеніи Геркулеса софиста Продика, *Hercules in bivio*. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ должно рѣшиться ея будущее. Она можетъ сохранить республику, но нельзя желать противорѣчивыхъ вещей. Нѣкоторые умы представляютъ себѣ республику могущественной, вліятельной, славной. Пусть они образумятся и сдѣлаютъ выборъ. Да, во Франціи возможна республика, но республика, врядъ-ли превосходящая по значенію швейцарскую конфедерацію и менѣе уважаемая. Республика не можетъ имѣть ни арміи, ни дипломатіи. Войско республики представляло бы рѣдкое ничтожество, а дисциплина въ немъ была бы крайне несовершенна; вѣдь, какъ отлично показалъ Штоффель, нѣтъ дисциплины въ арміи, разъ нѣтъ ея въ націи. Принципъ республики—выборы; республиканское общество такъ-же слабо, какъ армія, которая назначала бы своихъ офицеровъ; страхъ не быть избраннымъ парализуетъ всякую энергію. Савиньи показалъ, что обществу нужно правительство, приходящее извнѣ, свыше, что не вся соціальная власть проистекаетъ изъ общества, что есть философское и историческое (если угодно, божественное) право, которое налагается на націю. Королевская власть совсѣмъ не является наслѣдственнымъ президентствомъ, какъ думаетъ, повидимому, наша поверхностная конституціоналистическая школа. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ не создалъ націи; создалъ ее король. Король—не продуктъ націи; король и нація—двѣ различныя вещи; король стоитъ внѣ націи. Такимъ образомъ, королевская власть—божественный фактъ для вѣрящихъ въ сверхестественное, историческій фактъ—для невѣрящихъ въ него. Дѣйствительная воля націи, плебисцитъ, даже серьезно поставленный, недостаточны. Главное не въ томъ, чтобы приводилось въ исполненіе то или иное частное желаніе большинства; главное въ томъ, чтобы восторжествовалъ общій разумъ націи. Численное большинство можетъ желать несправедливаго, безнравственнаго; оно можетъ желать разрушить свою исторію, и тогда суверенитетъ численнаго большинства только худшее изъ заблужденій.

„Это заблужденіе во всякомъ случаѣ больше всего ослабляетъ націю. Выбранное собраніе не въ состояніи произвести реформу. Дайте Франціи молодого, серьезнаго, строго нравственнаго короля; пусть онъ процарствуетъ пятьдесятъ лѣтъ и сгруппируетъ вокругъ себя людей, страстно любящихъ трудъ, фанатически относящихся къ своему дѣлу, и Франція будетъ еще имѣть вѣкъ славы и благополучія. При республикѣ въ ней будетъ господствовать отсутствіе дисциплины, безпорядокъ, вольные стрѣлки, волонтеры, старающіеся увѣрить страну, что они идутъ на смерть за нее, и не имѣющіе достаточно самопожертвованія, чтобы принять общія условія военной жизни. Эти условія: повиновеніе, іерархія и пр., представляютъ прямую противоположность всего того, что совѣтуетъ демократическій катехизисъ, и вотъ почему въ демократіи не могло бы существовать значительное военное сословіе. Послѣднее не можетъ развиваться при подобномъ режимѣ или, развившись, оно поглотитъ демократію. Въ видѣ возраженія мнѣ укажутъ на Америку. Но, кромѣ того, что будущее этой страны очень темно, нужно сказать еще, что Америка, благодаря своему географическому положенію, поставлена по отношенію къ арміи въ совершенно особыя условія, съ которыми не могутъ сравниться условія нашей жизни.

„Я вижу только одинъ выходъ изъ этого шаткаго положенія, убивающаго страну: это великій актъ національнаго авторитета. Можно быть роялистомъ, не принимая божественнаго права, какъ можно быть католикомъ, не вѣря въ непогрѣшимость папы. Династія въ нѣкоторомъ отношеніи и выше и ниже націи, такъ какъ именно династія создала націю; но она не можетъ ничего сдѣлать противъ націи или безъ нея. Династіи имѣютъ права на страну, которую онѣ представляютъ исторически; но страна также имѣетъ права на династію, такъ какъ династіи существуютъ только ради страны. Призывъ, обращенный къ націи при исключительныхъ обстоятельствахъ, могъ бы совершить нѣчто, подобное великому національному акту, создавшему династію капетинговъ, или рѣшенію Парижскаго университета во время восшествія на престолъ Валуа. Наши прежніе теоретики монархіи согласны въ томъ, что законность династій устанавливается въ извѣстные торжественные моменты, когда нужно прежде всего извлечь націю изъ анархіи и возстановить упавшее достоинство династіи.

„Равнымъ образомъ съ помощью историческихъ прецедентовъ (я хочу сказать: искусно пользуясь остатками стѣнъ болѣе старой постройки и развивая существующее) можно было бы образовать что нибудь для замѣны прежнихъ традицій фамилии. Королевской власти нѣтъ безъ дворянства; эти двѣ вещи основываются въ сущности на одномъ и томъ же принципѣ: подборъ, искусно выдѣляющій часть расы для блага общества. Дворянство уже не имѣетъ у насъ никакого значенія расы. Оно вытекаетъ изъ случайнаго назначенія, изъ узурпаціи титула, недоразумѣній, мелкихъ обмановъ и въ особенности изъ ребяческаго представленія, что предлогъ de—признакъ знатности, имѣющій такое же значеніе, какъ рожденіе и законное возведеніе въ дворянство. Избраніе по двумъ степенямъ ввело бы лучшій ари-

стократическій принципъ. Армія была бы другимъ средствомъ облагороженія. Офицеръ нашего будущаго Landwehra, постоянной мѣстной милиціи, скоро бы сдѣлался деревенскимъ, мелкопомѣстнымъ дворяниномъ (hobereau), а это званіе часто стремилось бы стать наслѣдственнымъ; капитанъ кантона, достигши пятидесятилѣтняго возраста, предпочиталъ бы передавать свои обязанности сыну, котораго онъ самъ образовалъ и котораго всѣ знаютъ. То же случилось въ средніе вѣка въ силу необходимости защищаться. Ritter, имѣвшій лошадь, нѣчто въ родѣ жандармскаго бригадира, становился маленькимъ сеньоромъ.

„Такимъ образомъ основаніемъ провинціальной жизни долженъ былъ бы сдѣлаться лойальный, честный деревенскій дворянинъ и добрый деревенскій священникъ, всецѣло посвятившій себя моральному воспитанію народа. Обязанность—дѣло аристократіи; она должна имѣть спеціальное представительство. Господинъ, говоритъ Аристотель, имѣетъ больше обязанностей, чѣмъ рабъ; высшіе классы имѣютъ ихъ больше, чѣмъ низшіе. Такого рода провинціальное gentry не должно быть всѣмъ; но оно—необходимое основаніе. Университеты, центры высокой интеллектуальной культуры, дворъ, школа блестящихъ нравовъ, Парижъ, резиденція правителя и городъ большого свѣта, исправятъ всѣ грубости этого провинціальнаго gentry и помѣшаютъ буржуазіи, слишкомъ гордящейся своей нравственностью, выродиться въ фарисейство. Одна изъ полезныхъ сторонъ династій въ томъ, что онѣ придаютъ изысканнымъ или серьезнымъ вещамъ цѣнность, какой не можетъ придать имъ публика, и распространяютъ извѣстныя, особенно аристократическія произведенія, которыхъ масса не понимаетъ. Тюрго было очень легко въ 1774 году быть министромъ, какимъ онъ не былъ бы въ наши дни. Въ наше время его скромность, неловкость, отсутствіе ораторскаго и писательскаго таланта остановили бы его на первыхъ шагахъ. Сто лѣтъ тому назадъ, чтобы достигнуть своего поста, ему было достаточно быть понятымъ и оцѣненнымъ аббатомъ Вери, священникомъ-философомъ, котораго внимательно выслушивала госпожа де-Морепа.

„Почти всѣ согласны, что намъ нуженъ военный законъ, построенный въ общихъ чертахъ по образцу прусской системы. Въ первый моментъ депутаты захотятъ провести его. Но пройдетъ этотъ моментъ и, если у насъ останется республика, уже не будетъ депутатовъ, которые поддерживали бы его или приводили въ исполненіе. При каждомъ выборѣ депутатовъ будутъ заставлятъ принимать на себя обязательства по этому вопросу, которыя остановятъ ихъ будущую дѣятельность. Еслибы Пруссія имѣла всеобщее избирательное право, у ней не было бы всеобщей воинской повинности и обязательнаго обученія. Уже давно давленіе избирателя заставляло сокращать эти двѣ повинности. Прусская система возможна только благодаря деревенскому дворянству, назначенному начальниками надъ своей деревней, всегда находящемуся въ соприкосновеніи со своими людьми, формирующему и соединяющему ихъ въ мгновеніе ока. Народъ безъ дворянства напоминаетъ въ моментъ опасности толпу несчастныхъ

влюбленныхъ, уже напередъ побѣждаемую организованнымъ врагомъ. Дѣйствительно, что такое дворянство, какъ не военное сословіе, считающееся наследственнымъ и поставленное въ первомъ ряду среди другихъ общественныхъ сословій? Когда исчезнетъ въ мірѣ война, исчезнетъ и дворянство, но не раньше. Армію не составляютъ, какъ надзоръ за имѣніями или табачными плантаціями, путемъ свободнаго выбора семей и молодыхъ людей. Понимаемая такимъ образомъ, военная карьера слишкомъ, жалка, чтобы привлекать порядочныхъ людей. Военные выборы демократіи плачевны; Санъ-Сиръ при такомъ режимѣ былъ-бы всегда крайне слабымъ. Если же, напротивъ, существуетъ классъ, самымъ своимъ рожденіемъ предназначенный къ войнѣ, то это дастъ арміи годныхъ людей, которые безъ этого пошли бы въ другія профессіи.

„Не мечта ли все это? Возможно; но тогда, увѣряю васъ, Франція погибла. Она не погибнетъ, если только возможно, что Германія въ свою очередь вступитъ въ кругъ демократическаго шабаша, гдѣ мы оставили всѣ наши добродѣтели; но это невѣроятно. Этотъ народъ подчинился и отказался отъ всего, что только можно представить. Его національная гордость такъ сильно возбуждена его побѣдами, что еще въ теченіе одного или двухъ поколѣній соціальныя проблемы будутъ занимать ограниченную часть его дѣятельности. Народъ, какъ и человекъ, всегда предпочитаетъ браться за то, въ чемъ онъ отличается по сравненію съ другими; но германская раса чувствуетъ свое военное превосходство. Пока она будетъ чувствовать его, у ней не будетъ ни революцій, ни социализма. Эта раса надолго посвящена войнѣ и патриотизму; это будетъ отвращать ее отъ внутренней политики, отъ всего того, что ослабляетъ принципъ іерархіи и дисциплины. Если вѣрно, какъ это кажется, что королевская власть и дворянская организація арміи навсегда исчезли у латинскихъ народовъ, то нужно сказать, что латинскіе народы вызовутъ новое германское нашествіе и подчинятся ему“.

II.

Счастливы тотъ, кто въ традиціяхъ семьи или въ фанатизмѣ узкаго ума находитъ увѣренность, которая одна прекращаетъ всѣ эти сомнѣнія! Мы же слишкомъ привыкли видѣть различныя стороны вещей, чтобы вѣрить въ абсолютныя рѣшенія; поэтому мы предполагаемъ также, что честный гражданинъ будетъ говорить такъ:

„Политика не оспариваетъ вымышленныхъ рѣшеній. Нельзя измѣнить характеръ націи. Достаточно, чтобы только что намѣченный вами планъ реформы былъ планомъ Пруссіи, чтобы я осмѣлился утверждать, что онъ не будетъ планомъ реформы во Франціи. Реформы, предполагающія, что Франція откажется отъ своихъ демократическихъ предразсудковъ, химеричны. Повѣрьте, Франція останется страной людей привѣтливыхъ, мягкихъ, честныхъ, прямодушныхъ, веселыхъ, поверхностныхъ, добросердечныхъ, со слабымъ политическимъ смысломъ; она сохранитъ свою

посредственную администрацію, свои много мняшіе о себѣ комитеты, свои рутинные корпусы, въ полномъ убѣжденіи, что они первые въ свѣтѣ; она все далѣе будетъ идти по пути матеріализма, вульгарнаго демократизма, къ которому, повидимому, обратился весь свѣтъ за исключеніемъ Пруссіи и Россіи. Значитъ ли это, что Франція никогда не получитъ удовлетворенія? Возможно, что именно вслѣдствіе этого она получитъ его. Удовлетвореніе это будетъ состоять въ томъ, что когда нибудь она перегонитъ міръ на дорогѣ, ведущей къ концу всякое дворянство, всякую добродѣтель. Пока германскіе и славянскіе народы будутъ сохранять свои иллюзіи молодыхъ расъ, мы будемъ ниже ихъ; но эти расы въ свою очередь постарѣютъ и вступятъ на дорогу всего земного. Это не совершится такъ скоро, какъ думаетъ социалистическая школа, всегда убѣжденная, что занимающіе ее вопросы въ той же степени поглощаютъ весь міръ. Вопросъ соперничества расъ и націй долго будутъ одерживать верхъ надъ вопросами о заработной платѣ и благосостояніи во всѣхъ частяхъ Европы, которая можно назвать старымъ свѣтомъ; но примѣръ Франціи заразителенъ. Не было ни одной французской революціи, не имѣвшей своего отраженія за границей. Самая жестокая мечь Франціи по отношенію къ чванливому дворянству, бывшему главнымъ орудіемъ ея пораженія, состояла бы въ томъ, чтобы жить въ демократіи, показать на дѣлѣ возможность республики. Быть можетъ, не долго ждать того времени, когда мы будемъ въ состояніи сказать нашимъ побѣдителямъ, какъ мертвые Исаи: *Et tu vilneratus es sicut et nos; nostri similis effectus es!*

„Пусть Франція остается такой, какой она есть; пусть она безъ колебаній держитъ знамя либерализма, доставившее ей ея роль сто лѣтъ тому назадъ. Часто этотъ либерализмъ бываетъ причиной слабости, но именно поэтому міръ придетъ къ нему; вѣдь міръ при своемъ развитіи истощается и утрачиваетъ свою античную строгость. Во всякомъ случаѣ Франція скорѣе получитъ свое удовлетвореніе, если она будетъ обязана ему своими недостатками, чѣмъ если ее заставятъ принимать свойства, которыхъ она никогда не имѣла.

„Францію побѣдилъ остатокъ моральной силы, суровости, тяжеловѣсности и духа самопожертвованія, который въ отдаленномъ уголкѣ міра еще сопротивлялся смертоносному дѣйствию эгоистическихъ соображеній. Пусть только французской демократіи удастся установить жизнеспособное состояніе, и эти дряхлые остатки скоро исчезнутъ подъ наиболее энергичнымъ дѣйствіемъ, разрушающимъ всякую добродѣтель, которую міръ зналъ до сихъ поръ“.

Въ самомъ дѣлѣ, возможно, что рѣшеніе, которое приняла Франція по совѣту нѣсколькихъ государственныхъ людей, хорошо знающихъ Францію,—рѣшеніе поставить вопросъ о конституціи и династіи—самое мудрое. Будемъ сообразоваться съ нимъ. Не выходя изъ программы, можно указать нѣсколько реформъ, которыя нужно обсудить во всякой гипотезѣ.

III.

Даже тѣ, кто думаетъ, что Франція не ошиблась, объявивъ безъ всякихъ оговорокъ суверенитетъ народа, не могутъ тѣмъ не менѣе отрицать, если только они имѣютъ мало-мальски фило-софскій умъ, что Франція выбрала очень несовершенный способъ національнаго представительства ¹⁾. Назначеніе общественныхъ властей съ помощью прямого всеобщаго избирательнаго права представляетъ самую грубую политическую машину, которая когда-либо существовала. Страна составляется изъ двухъ главныхъ элементовъ: 1) изъ гражданъ, разсматриваемыхъ въ отдѣльности, какъ простыя единицы и 2) изъ общественныхъ обязанностей, группъ, интересовъ, собственности. Необходимы двѣ палаты, и ни одно правильное правительство, какое бы оно ни было, не можетъ существовать безъ двухъ палатъ. Одна палата, избранная гражданами, какъ простыми единицами, можетъ не быть единственнымъ магистратомъ, единственнымъ генераломъ, единственнымъ профессоромъ, единственнымъ администраторомъ. Такая палата сможетъ только худо представлять собственность, интересы, то, что можно назвать нравственными запросами націи. Но абсолютно необходимо, чтобы рядомъ съ собраніемъ, избраннымъ гражданами безъ различія профессій, титуловъ, социальныхъ классовъ, было собраніе, образованное иначе и представляющее способности, специальности, различные интересы, безъ которыхъ не можетъ существовать организованное государство.

Необходимо ли, чтобы первая изъ этихъ двухъ палатъ для того, чтобы быть истиннымъ представительствомъ гражданъ, избиралась всѣми гражданами? Конечно, нѣтъ; и неожиданное установленіе всеобщаго избирательнаго права въ 1848 году было, по мнѣнію всѣхъ политиковъ, большою ошибкой. Но теперь уже не нужно возвращаться къ этому факту. Всякія мѣры, какъ, на-примѣръ, законъ 31 мая 1851 года, имѣющія цѣлью лишить гражданъ права, которымъ они пользовались 23 года, заслужили-бы порицанія. Законно, возможно и справедливо сдѣлать такъ, чтобы избирательное право, оставаясь совершенно всеобщимъ, не было прямымъ, т. е., нужно ввести въ это право различныя степени. Всѣ конституціи первой республики, исключая никогда не функционировавшую республику 1793 года, восхищаются этимъ элементарнымъ принципомъ. Выборы по двумъ степенямъ исправили бы все поверхностное, составляющее необходимое свойство всеобщаго избирательнаго права; собраніе избирателей второй степени установило-бы общественную политику, достойную серьезныхъ кандидатовъ. Можно согласиться, что всякій гражданинъ имѣетъ извѣстное право на управление общественнымъ дѣломъ; но это право нужно урегулировать, объяснить пользованіе имъ.

¹⁾ Я былъ очень счастливъ, встрѣтивъ по отношенію къ послѣдующимъ взглядамъ сочувствіе хорошихъ умовъ, ищущихъ въ настоящее время средствъ для исправленія нашихъ, столь недостаточныхъ учреждений. J. Foulon-Ménard, Fonctions de l'Etat, Nantes, 1871, J. Gaudet, Du suffrage universel et de son application d'après un mode nouveau, Bordeaux, 1871.

Пусть сто гражданъ одного и того же кантона, довѣряя свои полномочія одному изъ своихъ согражданъ, живущему въ томъ же кантонѣ, сдѣлаютъ его избирателемъ; это составитъ около двадцати четырехъ тысячъ избирателей на всю Францію. Эти двадцать четыре тысячи избирателей составятъ по департаментамъ коллегіи, изъ которыхъ каждая фракція будетъ собираться въ главномъ городѣ кантона, будетъ имѣть свободныя собранія и вотировать за весь департаментъ. Выборы, столь нелѣпыя при прямомъ всеобщемъ избирательномъ правѣ, будутъ имѣть тогда разумное основаніе, въ особенности, если число членовъ первой палаты будетъ уменьшено, какъ это и должно быть, до четырехъ или пяти сотенъ. Правда, при такой системѣ операціи для выбора избирателей второй степени были-бы публичны; но въ нихъ была-бы гарантія нравственности. Избирательныя полномочія должны даваться на четырнадцать или пятнадцать лѣтъ; если образовывать избирательную коллегію для всякихъ выборовъ, то уничтожатся всѣ выгоды реформы, о которой идетъ рѣчь.

Признаюсь, я предпочелъ бы еще болѣе „представительную“ систему, въ которой принимались бы во вниманіе женщины и дѣти. Я хотѣлъ бы, чтобы при первыхъ выборахъ женатый мужчина вотировалъ и за свою жену (другими словами, чтобы его голосъ считался за два), чтобы отецъ вотировалъ и за своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей; я понималъ-бы даже, если бы мать, сестра довѣряли свое право сыну, старшему брату. Конечно, невозможно, чтобы женщина прямо участвовала въ политической жизни; но справедливо, чтобы на нее обращали вниманіе. Было-бы много неудобствъ, если бы она могла выбирать лицо, которому передавала бы свои политическія полномочія; но женщина, у которой есть мужъ, отецъ или братъ, совершеннолѣтніе сыновья, имѣетъ естественныхъ довѣрителей, личность которыхъ она должна удваивать (если можно такъ выразиться) въ день выборовъ. Такимъ образомъ общество сдѣлается связаннымъ, сцементированнымъ цѣлымъ, въ которомъ все будетъ представлять взаимный долгъ, отвѣтственность, солидарность. Избиратели второй степени были-бы мѣстными аристократами, властями, знатью, избираемой почти на всю жизнь. Эти избиратели могли бы собираться по кантонамъ во время кризисовъ; они были-бы охранителями нравовъ, надсмотрщиками надъ общественными деньгами; они представляли-бы школу строгости и серьезности. Генеральныя совѣты департамента возникали бы путемъ подобныхъ, лишь слегка измѣненныхъ, выборовъ.

Совершенно иные и гораздо болѣе разнообразныя должны быть способы для составленія второй палаты. Предположимъ, что число ея членовъ—триста шестьдесятъ. Прежде всего необходимо тридцать наслѣдственныхъ мѣстъ, предоставляемыхъ потомкамъ древнихъ фамилій, значеніе которыхъ устояло противъ исторической и критической работы. Пожизненные члены избирались бы различными способами. Одинъ членъ назначался бы генеральнымъ совѣтомъ cadaго департамента. Глава государства назначалъ бы пятьдесятъ членовъ; самая высшая палата назначала бы до тридцати членовъ; первая палата назначала бы трид-

цать другихъ. Остальные сто двадцать или сто тридцать членовъ были бы представлены національными корпусами, общественными чиновниками. Армія и флотъ фигурировали бы тамъ въ лицѣ маршаловъ и адмираловъ; магистратуры, образовательныя учрежденія, духовенство увидѣли бы на засѣданіяхъ этой палаты своихъ начальниковъ, каждый классъ института назначалъ бы одного члена; то же примѣнялось бы къ промышленнымъ корпораціямъ, торговымъ палатамъ и т. д... Наконецъ, большіе города представляютъ изъ себя моральныхъ субъектовъ, имѣющихъ каждый свой собственный духъ. Я хотѣлъ бы, чтобы каждый большой городъ съ числомъ жителей свыше ста тысячъ посылалъ одного избраннаго въ высшую палату; Парижъ имѣлъ бы ихъ четыре или пять. Такимъ образомъ, эта палата представляла бы всю индивидуальность государства; это учрежденіе дѣйствительно сохраняло бы всѣ права и всѣ привилегіи свободы.

Можно надѣяться, что двѣ составленныя такимъ образомъ палаты послужатъ либеральному прогрессу, а не революціи. Въ виду нѣкоторыхъ свойствъ французскаго характера было бы хорошо запретить публичность засѣданій, которая очень часто превращаетъ дебаты въ торжественную, но безсодержательную болтовню. Тогда развилось бы простое и истинное краснорѣчіе, которое гораздо лучше нашихъ растянутыхъ и напыщенныхъ рѣчей очень дурного тона. Отчеты о засѣданіяхъ имѣютъ то неудобство, что устраняютъ объективизмъ оратора, заставляютъ его обращать бѣльшее вниманіе на публику, чѣмъ на палату, и пользоваться правительствомъ страны для ея агитаціи. Если Франція желаетъ въ будущемъ реформъ и удовлетворенія, она не должна тратить слишкомъ много силъ на парламентскую борьбу. Парламентское правительство великолѣпно въ эпохѣ благополучія; оно помогаетъ избѣгать очень тяжелыхъ ошибокъ и эксцессовъ, что, конечно, очень важно. Но оно не возбуждаетъ великихъ нравственныхъ усилій. Пруссія не дожила бы до возрожденія послѣ Іены, если бы она вела парламентскую жизнь. Она провела въ молчаніи сорокъ лѣтъ, и эти годы удивительно помогли ей закалить характеръ націи.

Безспорно, что Парижъ—единственная возможная столица Франціи; но за эту привилегію онъ долженъ платить особыми повинностями. Парижъ не только долженъ отказаться отъ своихъ посягательствъ на представительство націи; такъ какъ Парижъ сталъ исключительнымъ городомъ въ силу пребыванія въ немъ центральныхъ властей, то онъ не можетъ имѣть правъ обыкновеннаго города. Парижъ не долженъ имѣть ни мера, ни избраннаго при обыкновенныхъ условіяхъ совѣта, ни гражданской гвардіи. Властитель не долженъ встрѣчать въ своей резиденціи другой власти, кромѣ своей. Захваты, въ которыхъ парижская Коммуна стала виноватой на всѣ эпохи, только оправдываютъ опасенія на этотъ счетъ.

При прочныхъ учрежденіяхъ свобода прессы можетъ быть оставлена цѣликомъ. Въ дѣйствительно установившемся социальномъ состояніи дѣйствіе прессы полезно, какъ контроль; безъ прессы неизбѣжны крайне тяжелыя злоупотребленія. Честные

классы должны своимъ презрѣніемъ сдерживать скандальную прессу. Что же касается свободы прессы, то опытъ показалъ, что эта свобода не представляетъ никакихъ серьезныхъ выгодъ и не стоитъ тѣхъ жертвъ, которыя приносятся для нея.

Причина административной децентрализаціи слишкомъ понятна, чтобы мы еще дальше говорили о ней. Если же станутъ говорить о болѣе глубокой децентрализаціи, которая сдѣлала изъ Франціи федерацію штатовъ, подобную Соединеннымъ-Штатамъ въ Америкѣ, то съ этимъ нужно согласиться. Въ исторіи нѣтъ примѣра государства, стремящагося къ единству и централизованнаго, которое декретировало бы свое раздробленіе. Такое раздробленіе едва не произошло въ послѣднемъ мартѣ; оно можетъ произойти въ тотъ день, когда Франція будетъ стоять еще ниже, чѣмъ стояла благодаря войнѣ 1870 года и Коммунѣ; но оно никогда не произойдетъ законнымъ путемъ. Организованная власть уступаетъ только то, что вырываютъ изъ ея рукъ. Когда великія правительственныя машины, подобныя римской имперіи или имперіи Франковъ, начинаютъ слабѣть, то отдѣльныя части этихъ цѣлыхъ единицъ ставятъ свои условія центральной власти, составляютъ свои хартіи, заставляютъ центральную власть принимать ихъ. Другими словами, образованіе конфедерации (это не относится къ колоніямъ) указываетъ, что имперія рушится. Но въ настоящее время, когда ослабли желѣзныя спайки, сдерживающія вмѣстѣ камни старой постройки, нельзя быть увѣреннымъ, что эти камни останутся на своемъ мѣстѣ и не рассыпятся совершенно.

Колонизація въ большихъ размѣрахъ представляетъ политическую необходимость первой степени. Нація, не приобрѣтающая колоній, неизбежно обречена на социализмъ, войну богачей и бѣдняковъ. Нѣтъ ничего возмутительнаго, если высшая раса завоевываетъ страну низшей расы, чтобы управлять ею. Англія практикуетъ этотъ способъ колонизаціи въ Индіи съ большой пользой для Индіи, человечества вообще и самой себя. Германское завоеваніе V-го и VI-го вѣка сдѣлалось въ Европѣ основой сохраненія всѣхъ приобрѣтенныхъ благъ, основой всего законнаго. Насколько завоеванія среди равныхъ расъ достойны порицанія, настолько возрожденіе низшихъ или выродившихся расъ расами высшими находится въ предустановленномъ порядкѣ человечества. Человѣкъ народа почти всегда является у насъ благороднымъ человѣкомъ, стоящимъ внѣ всякаго класса; его тяжелая рука гораздо лучше управляетъ мечемъ, чѣмъ рабочимъ орудіемъ. Вмѣсто того, чтобы работать, онъ предпочитаетъ сражаться, т. е. возвращается къ своему первому состоянію. *Rege rege imperio rorilos*—вотъ наше призваніе. Обратите эту пожирающую дѣятельность на страны, которыя, подобно Китаю, требуютъ иностраннаго завоеванія. Пускай искатели приключеній, смущающіе человѣческое общество, составятъ *ver sacrum* орду, подобную ордамъ Франковъ, Ломбардовъ, Норманновъ; тогда каждый будетъ въ своей роли. Природа создала расу рабочихъ: это—китайцы, которые при замѣчательной ловкости рукъ почти не обладаютъ чувствомъ чести. Управляйте Китаемъ справедливо, беря у него

за благодѣянiя такого управленiя обильную мзду въ пользу расы завоевательницы, и Китай будетъ удовлетворенъ. Раса земледѣльцевъ—это негры; будьте добры и человѣчны съ ними, и все будетъ въ порядкѣ. Раса господъ и солдатъ—это европейцы. Заставьте эту благородную расу работать въ рабочихъ домахъ, какъ негровъ и китайцевъ, и она возмутится. Всякій возмущающійся у насъ—это въ большей или меньшей степени солдатъ, пренебрегшій своимъ призванiемъ, существо, которое создано для героической жизни и которому вы навязываете потребности, противорѣчащiя его расѣ, дурной рабочей, хорошей солдатъ. Жизнь, возмущающая нашихъ рабочихъ, сдѣлала бы счастливымъ китаецъ, феллаха, существо, которыя по природѣ своей совсѣмъ не воинственны. Пусть всякій дѣлаетъ то, для чего онъ созданъ, и все пойдетъ хорошо. Экономисты ошибаются, считая трудъ источникомъ собственности. Источникъ собственности—это завоеванiе и та гарантiя, которую завоеватель доставляетъ плодамъ труда около себя. Творцами собственности въ Европѣ были норманны, такъ какъ эти бандиты на другой же день послѣ захвата земель въ свои руки устанавливали для нихъ и для живущихъ въ ихъ областяхъ людей социальный порядокъ и обезпеченность, какой не видѣли до нихъ.

IV.

Въ только что окончившейся борьбѣ Францiя оказалась слабѣе всего въ особенности въ умственномъ отношенiи; намъ не доставало не сердца, а головы. Общественное образованiе—предметъ капитальной важности; Французскiй умъ ослабъ, и его нужно укрѣпить. Мы думали, что человѣкъ рождается совершенно воспитаннымъ, и въ этомъ наша самая крупная ошибка. Правда, Германiя слишкомъ много вѣрила въ воспитанiе и доходила иногда до педантизма: но мы вѣримъ въ него слишкомъ мало. Отсутствiе вѣры въ науку—глубокiй недостатокъ Францiи; наша военная и политическая отсталость не имѣетъ другой причины; мы слишкомъ сомнѣваемся въ томъ, что могутъ сдѣлать размышленiе, ученое изслѣдованiе. Наша образовательная система требуетъ радикальныхъ реформъ; почти все, что создала въ этомъ отношенiи первая имперiя, крайне дурно. Общественное образованiе не можетъ даваться непосредственно центральной властью; министерство народнаго образованiя всегда будетъ очень посредственной воспитательной машиной.

Труднѣе всего организовать начальное образованiе. Мы завидуемъ превосходству Германiи въ этомъ отношенiи; но совсѣмъ не по философски желать плодовъ, не имѣя ни ствола, ни корней. Въ Германiи народное образованiе явилось плодомъ протестантизма. Лютеранство, которое свело религiю къ чтенiю книгъ, а христіанскую догматику къ незначительной квинтэссенци, придало необычайное значенiе школьному дому. Неграмотнаго почти изгоняли изъ христіанства; иногда ему отказывали въ причастii. Напротивъ, католицизмъ, видѣвшiй спасенiе въ таинствахъ и сверхестественныхъ вѣрованiяхъ, считаетъ школу второстепеннымъ

дѣломъ. Намъ кажется безбожнымъ лишать причастія того, кто не умѣетъ не читать, ни писать. Разъ школа не представляетъ простаго добавленія къ церкви,—она соперница церкви. Священникъ не довѣряетъ ей, старается возможно больше ослабить ее, даже запрещаетъ ее, если она не совершенно клерикальна. Но безъ содѣйствія и доброй воли священника сельская школа никогда не будетъ успѣвать. Разъ мы не можемъ надѣяться на реформу католицизма, то пожелаемъ, чтобы онъ отказался отъ своихъ устарѣвшихъ правилъ. Какія услуги могъ бы оказать священникъ, католическій пасторъ, если бы въ каждомъ селеніи онъ представлялъ типъ хорошо урегулированной семьи, наблюдалъ за школой, будучи почти главнымъ начальникомъ надъ нею, предоставлялъ бы воспитанію крестьянъ то время, которое онъ посвящаетъ скучнымъ повтореніямъ своего требника! Дѣйстви-тельно, церковь и школа одинаково необходимы. Нація не можетъ обойтись безъ нихъ обѣихъ; когда церковь и школа противорѣчатъ другъ другу, все идетъ плохо.

Мы подходимъ здѣсь къ вопросу, составляющему основаніе всѣхъ другихъ вопросовъ. Франція захотѣла оставаться католической, и теперь она переживаетъ послѣдствія этого. Католицизмъ слишкомъ священенъ, чтобы давать интеллектуальную и моральную пищу населенію; онъ вызвалъ расцвѣтъ трансцендентнаго мистицизма на-ряду съ невѣжествомъ; онъ не имѣетъ моральнаго значенія; онъ производитъ пагубное дѣйствіе на развитіе мозга. Воспитанникъ іезуитовъ никогда не будетъ офицеромъ, способнымъ противостоятъ прусскому офицеру; воспитанникъ элементарныхъ католическихъ школъ никогда не сможетъ вести ученую войну съ помощью усовершенствованнаго оружія. Тѣ католическія націи, которыя не примѣняютъ къ себѣ цѣлаго ряда реформъ, всегда неизбѣжно будутъ побиваться протестантскими націями. Сверхестественныя вѣрованія подобны яду, который убиваетъ, если принять его слишкомъ много. Протестантизмъ примѣшиваетъ нѣкоторое количество этого яда къ своему питью, но пропорція его мала, и потому напитокъ дѣйствуетъ благотѣтельно. Средніе вѣка создали двѣ власти надъ жизнью духа: церковь и университетъ. Протестантскія страны сохранили эти двѣ силы; они создали свободу въ церкви, свободу въ университетѣ, такъ что эти страны могутъ имѣть въ одно и то-же время установленныя церкви, оффиціальное образованіе и полную свободу совѣсти и образованія. Мы же, чтобы имѣть свободу, должны были отдѣлиться отъ церкви; іезуиты уже давно свели наши университеты къ второстепенной роли. Такимъ образомъ наши усилія оказались слабыми, такъ какъ они не были основаны ни на какой традиціи, ни на какомъ учрежденіи прошлаго.

Такой либераль, какъ мы, испытываетъ здѣсь большое смущеніе; вѣдь нашъ первый принципъ: государство не должно вмѣшиваться ни во что, касающееся свободы совѣсти. Вѣра, подобно всѣмъ сложнымъ вещамъ, чувствительна: при малѣйшемъ прикосновеніи она кричитъ о насиліи. Нужно желать либеральной реформы католицизма безъ вмѣшательства государства. Пусть церковь приметъ двѣ категоріи вѣрующихъ: однихъ—только по

названію, другихъ—по духу. На извѣстной ступени рациональной культуры вѣра въ сверхъестественное становится для многихъ невозможной; не заставляйте же ихъ носить свинцовую мантию. Не вмѣшивайтесь въ то, чему мы учимъ, въ то, что мы пишемъ, и мы не будемъ оспаривать васъ передъ народомъ; не вырывайте у насъ нашего мѣста въ университетѣ, въ академіи, и мы оставимъ вамъ въ безраздѣльное владѣніе деревенскую школу. Человѣческій духъ—это лѣстница, въ которой необходима всякая ступень; что хорошо на одномъ уровнѣ, нехорошо на другомъ; что пагубно для одного, то непагубно для другого. Оставимъ народу его религіозное воспитаніе, лишь бы насъ оставили свободными. Не бываетъ сильнаго развитія головы безъ свободы; моральная энергія—результатъ не частной доктрины, но расы и мужественности воспитанія. Намъ достаточно уже говорили о паденіи этой Германіи, которую представляли, какъ лабораторію разслабляющихъ ошибокъ, опасныхъ тонкостей! Она убита, говорили намъ, софизмомъ, протестантизмомъ, матеріализмомъ, пантеизмомъ, фатализмомъ. Дѣйствительно, я не стану увѣрять, что Мольтке не исповѣдуетъ какого-либо изъ этихъ заблужденій, но всѣ согласятся, что это не мѣшаетъ ему быть хорошимъ офицеромъ главнаго штаба. Откажемся отъ этихъ пошлыхъ напыщенныхъ фразъ. Свобода мыслить вмѣстѣ съ высшей культурой далеко не ослабляетъ страну, но, напротивъ, составляетъ условіе великаго развитія ума.

Умъ укрѣпляется не тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ: его укрѣпляетъ разсужденіе, свобода. Можно сказать, что для культурнаго человѣка нѣтъ дурной доктрины, такъ какъ для него всякая доктрина — усиліе, направленное къ истинѣ, упражненіе, полезное для здоровья духа. Вы хотите держать вашихъ молодыхъ людей въ своего рода интеллектуальномъ теремѣ; вы сдѣлаете изъ нихъ ограниченныхъ людей. Чтобы создать хорошія научныя головы, серьезныхъ и прилежныхъ офицеровъ, нужно открытое для всего воспитаніе безъ всякой узкой догмы. Отнынѣ интеллектуальное и военное превосходство будетъ принадлежать той націи, которая будетъ свободно мыслить. Все, упражняющее мозгъ, ведетъ ко благу. Даже больше того: свобода мыслить въ университетахъ представляетъ ту выгоду, что свободный мыслитель, удовлетворенный своей свободой разсуждать на каедрѣ среди людей, стоящихъ на одной съ нимъ точкѣ зрѣнія, и не подумаетъ вести пропаганду среди свѣтскихъ людей и народа. Германскіе университеты представляютъ въ этомъ отношеніи самое любопытное зрѣлище.

Хотя наше среднее образованіе и подлежитъ критикѣ, но оно составляетъ лучшую часть нашей образовательной системы. Хорошіе ученики парижскаго лицея стоятъ выше молодыхъ нѣмцевъ по умѣнью писать, составлять; они лучше приготовлены быть адвокатами или журналистами; но они знаютъ недостаточно много. Необходимо признать, что наука беретъ все большій и большій перевѣсъ надъ литературой. Обученіе должно быть прежде всего научнымъ; воспитаніе должно дать молодому человѣку знаніе возможно большаго числа открытій человѣческаго

ума относительно явленій вселенной. Когда я говорю: „научный“, я не подразумеваю—ни практическій, ни профессиональный. Не дѣло государства заниматься приложеніями ремесла; но оно должно заботиться, чтобы даваемое имъ воспитаніе не ограничилось пустой риторикой, совсѣмъ не укрѣпляющей ума. У насъ уважаются только блестящія дарованія, талантъ, умъ, геній. Въ Германіи эти дарованія рѣдки, быть можетъ, потому, что тамъ они не слишкомъ высоко оцѣниваются. Хорошихъ писателей тамъ очень мало; журналистика, политическая трибуна не имѣютъ такого блеска, какъ у насъ. Но сила ума, образованіе, основательность сужденій распространены тамъ гораздо больше и создаютъ въ общемъ интеллектуальную культуру, превосходящую все, чего до сихъ поръ могла достигнуть нація.

Въ особенности необходима реформа высшаго образованія. Ни спеціальныя школы, измышленные Революціей, ни жалкіе факультеты, созданные Имперіей, не могутъ замѣнить великую и прекрасную систему автономныхъ и соперничающихъ другъ съ другомъ университетовъ,—систему, которую Парижъ создалъ въ средніе вѣка и которую сохранила вся Европа, за исключеніемъ Франціи, возвѣстившей ее около 1200 года. Возвращаясь къ ней, мы никому не станемъ подражать, а только возвратимся къ своей традиціи. Нужно создать во Франціи пять или шесть университетовъ, независимыхъ одинъ отъ другого, независимыхъ отъ городовъ, въ которыхъ они находятся, независимыхъ отъ духовенства. Нужно однимъ ударомъ уничтожить спеціальныя школы: политехническую, нормальную и т. д., которыя являются бесполезными учрежденіями при хорошей системѣ университетовъ и мѣшаютъ университетамъ развиваться. Въ самомъ дѣлѣ, эти школы приносятъ только ущербъ слушателямъ университетовъ ¹⁾. Университетъ обучаетъ всему, приготовляетъ ко всему; въ немъ соприкасаются другъ съ другомъ всѣ отрасли человѣческаго духа. Конечно, рядомъ съ университетомъ могутъ или даже должны быть школы прикладныхъ знаній; но не можетъ быть государственныхъ школъ, замкнутыхъ и конкурирующихъ съ университетомъ. Жалуются, что на литературныхъ и научныхъ факультетахъ нѣтъ прилежныхъ учениковъ. Что же въ этомъ удивительнаго? Ихъ естественные слушатели учатся въ нормальной, въ политехнической школѣ, гдѣ они получаютъ то же образованіе, даже не чувствуя спасительнаго движенія, общности духа, составляющаго университетъ.

Эти университеты, устроенные въ провинціальныхъ городахъ ²⁾, конечно, безъ предразсудковъ Парижскаго университета и такихъ большихъ, единственныхъ въ своемъ родѣ учрежденій,

¹⁾ Здѣсь не отрицается полезность такихъ учрежденій, какъ интернаты и семинаріи; но тамъ внутреннее обученіе не должно было упускать изъ вида различія учениковъ по прежнимъ способамъ.

²⁾ Обстоятельство другого рода сдѣлаетъ примѣненіе этой системы почти неизбѣжнымъ; это именно введеніе обязательной для всѣхъ воинской повинности. Такая военная организація возможна только тогда, когда молодой человѣкъ можетъ вести свои университетскія занятія (изученіе права,

какъ Collège de France, свойственныхъ Парижу, кажутся. мнѣ лучшимъ средствомъ пробудить французскій духъ. Они были бы школами серьезности, честности и патриотизма. Тамъ основалась бы истинная свобода мышленія, которая невозможна безъ серьезнаго изученія. Тамъ также произошло бы спасительное измѣненіе въ умѣ молодежи. Она прониклась бы почтеніемъ и воспитала бы въ себѣ чувство цѣнности науки. Слѣдующій фактъ наводитъ на многія размышленія. Извѣстно, что наши школы—очаги малосознательнаго демократическаго духа и невѣрія, достоящаго до безразсудной народной пропаганды. Совершенно обратное происходитъ въ Германіи, гдѣ университеты—очаги аристократическаго, реакціоннаго, какъ мы говоримъ, и феодальнаго духа, очаги свободнаго мышленія, но не болтливаго прозелитизма. Отчего же это различіе? Оттого, что въ германскихъ университетахъ свобода разсужденія абсолютна. Вѣдь раціонализмъ совсѣмъ не ведетъ къ демократіи. Размышленіе показываетъ намъ, что разумъ—не простое выраженіе идей и желаній большинства, но результатъ воспріятій малаго числа привилегированныхъ индивидуумовъ. вмѣсто того, чтобы отдавать общественное дѣло капризу толпы, достаточно воспитанное поколѣніе будетъ ревниво удерживать привилегіи разума; оно будетъ прилежно, трудолюбиво и очень мало революціонно. Наука будетъ у него предметомъ гордости, отъ котораго оно не откажется и даже будетъ защищать съ извѣстной суровостью. Молодые люди, воспитанные въ чувствѣ своего превосходства, возмутятся, если ихъ будутъ считать только первыми пришедшими. Преисполненные справедливой гордостью, которую придаетъ сознаніе обладанія истиной, неизвѣстной простому народу, они не захотятъ быть толкователями поверхностныхъ мнѣній толпы. Такимъ образомъ университеты будутъ расадниками аристократовъ. Тогда антипатія, которую консервативная часть Франціи питаетъ къ высокой культурѣ духа, покажется самой непонятной бессмыслицей, самой досадной ошибкой.

Нечего и говорить, что рядомъ съ университетами, учрежденными государствомъ, въ которые будутъ имѣть доступъ всѣ научно представленныя мнѣнія, будетъ предоставлена полная свобода учреждать свободные университеты. Я думаю, что эти свободные университеты дадутъ очень посредственные результаты; всякій разъ, когда свобода дѣйствительно существуетъ въ университетѣ, свобода внѣ университета влечетъ за собой мало послѣдствій, но, позволяя имъ устраиваться, мы будемъ имѣть нашу совѣсть въ порядкѣ и закроемъ рты тѣмъ наивнымъ субъектамъ, которые склонны думать, что безъ тиранніи государства они творили бы чудеса. Весьма вѣроятно, что самые пылкіе католики, напр., Озанамъ, предпочтутъ свободное поле государственныхъ университетовъ, гдѣ все происходитъ на виду у всѣхъ,

---

медицины и т. д.) одновременно съ отбываніемъ воинской повинности, какъ это практикуется въ Германіи. Это предполагаетъ, что областные города, какъ центры изученія, будутъ въ то же время серьезными центрами военнаго образованія.

маленькимъ университетамъ съ закрытыми дверями, основанными ихъ сектой. Во всякомъ случаѣ у нихъ будетъ выборъ. На что могли бы пожаловаться при такомъ режимѣ католики, наиболѣе склонные возставать противъ монополіи государства? Никого не будутъ лишать университетскихъ кафедръ за особый образъ мыслей; католики будутъ приходить туда, какъ и всѣ остальные люди. Кромѣ того система приватъ-доцентуры позволила бы проявляться всѣмъ доктринамъ внѣ оплачиваемыхъ кафедръ. Наконецъ, свободные университеты уничтожили бы всѣ предлоги для взаимныхъ ссоръ. Это было бы противоположно нашей французской системѣ, дѣйствующей путемъ исключенія блестящихъ талантовъ. Обыкновенно думаютъ, что достаточно сдѣлали для безпристрастія, если, отнявши кафедру или отказавши въ ней свободному мыслителю, поступаютъ точно также съ католикомъ. Въ Германіи ихъ обоихъ ставятъ лицомъ къ лицу, и такая система, вмѣсто того, чтобы служить только посредственности, служить къ соревнованію и пробужденію умовъ. Заботливо различая службу и право заниматься профессіей, устраивая такъ, что университетъ не дѣлаетъ медиковъ, адвокатовъ, но даетъ возможность сдѣлаться медикомъ, адвокатомъ, можно уменьшить тѣ затрудненія, которыя испытываютъ нѣкоторыя лица при раздачѣ чиновъ государствомъ. При такой системѣ государство не оплачиваетъ извѣстныхъ научныхъ и литературныхъ мнѣній; оно, въ высшихъ соціальныхъ интересахъ и для блага всѣхъ мнѣній, открываетъ большія, замкнутыя прежде области, обширныя арены, на которыхъ различныя чувства могутъ создаваться, бороться другъ съ другомъ и оспаривать сочувствіе присутствующей на этихъ дебатахъ молодежи, уже созрѣвшей для подобныхъ размышленій.

Вотъ нашъ идеаль, къ которому слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, стремиться: создать изъ университетовъ рационалистическую голову государства, царствующую при помощи науки, гордящуюся этой наукой и мало расположенную отдавать свои привилегіи въ пользу невѣжественной толпы; поставить въ почетное положеніе педантизмъ, бороться съ слишкомъ большимъ вліяніемъ женщинъ, свѣтскихъ людей, обзрѣній, которые поглощаютъ такъ много живыхъ силъ или предлагаютъ имъ только поверхностное примѣненіе; придавать большее значеніе специальности, наукъ, тому, что нѣмцы называютъ *Fach*, и меньшее—литературѣ, таланту писать и говорить; дополнять эту прочную кровлю соціального зданія блестящими дворомъ и столицей, гдѣ блескъ аристократическаго духа не будетъ исключать прочности и сильной культуры разума; въ то же время воспитывать народъ, оживлять его немного ослабѣвшія способности, внушать ему съ помощью хорошаго, приносящаго себя въ жертву отечеству духовенства влеченіе къ высшему обществу, уваженіе къ наукѣ и добродѣтели, духъ самопожертвованія.

Уже нѣсколько разъ я говорилъ, что нельзя осуществить эти реформы безъ сотрудничества духовенства. Ясно, что нашимъ принципомъ можетъ быть только раздѣленіе церкви и государства; но практика не можетъ быть теоріей. До сихъ поръ Франція знала только два полюса: католицизмъ и демократію; ко-

лебясь постоянно отъ одного къ другому, она никогда не останавливается между обоими. Чтобы раскаяться въ своихъ демократическихъ выходкахъ, Франція бросается къ узкому католицизму; чтобы реагировать противъ узкаго католицизма, она бросается къ ложной демократіи. Нужно было бы раскаяться въ обоихъ одновременно, такъ какъ и ложная демократія и узкій католицизмъ одинаково противорѣчатъ реформѣ Франціи по прусскому образцу; я хочу сказать: одинаково противорѣчатъ сильному и здоровому рациональному воспитанію. По отношенію къ католицизму мы находимся въ такомъ странномъ положеніи, что не можемъ жить ни съ нимъ, ни безъ него. Церковь слишкомъ важная часть воспитанія, чтобы обходиться безъ нея, въ особенности, если она съ своей стороны выводитъ необходимыя заключенія и не становится, преувеличивая свои доктрины, скорѣе вредной, чѣмъ полезной. Если бы было возможно такого рода галликанское реформаціонное движеніе, о которомъ съ такой искренностью и душевной теплотой мечтаетъ П. Гіацинтъ, если бы было возможно это движеніе, настаивающее на бракѣ деревенскихъ священниковъ и на замѣнѣ требника почти ежедневнымъ обученіемъ,—то его нужно было бы съ радостью принять; но я боюсь, что католическая церковь станетъ упорствовать и предпочтетъ лучше исчезнуть, чѣмъ измѣниться. Схизма теперь кажется мнѣ болѣе вѣроятной, чѣмъ когда либо, или даже схизма уже совершилась; изъ скрытой она сдѣлалась дѣйствительной. Взаимная ненависть нѣмцевъ и французовъ, занятіе Рима королемъ Італіи прибавили новый взрывчатый элементъ къ тѣмъ, которые были навалены въ кучу соборомъ. Если папа останется въ Римѣ, столицѣ Італіи, не-итальянцы будутъ страдать, видя, что ихъ духовный вождь находится въ такомъ подчиненіи у отдѣльной націи. Если папа оставитъ Римъ, итальянцы скажутъ, какъ въ 1378 году: „Папа—епископъ Рима: пусть онъ возвратится, или мы выберемъ другого епископа Рима, который въ силу этого будетъ папой“. Собственно говоря, папа, какъ его создалъ соборъ, не можетъ нигдѣ имѣть резиденціи; ему нуженъ утесистый и безбрежный островъ, ему нѣтъ мѣста въ мірѣ. Но если папство перестанетъ имѣть по своему обычаю маленькую, политически нейтральную территорію, оно увидитъ какъ разобьется его единство. Мнѣ кажется почти необходимымъ, чтобы мы имѣли теперь двухъ или даже трехъ папъ, такъ какъ врядъ ли французы, итальянцы и нѣмцы будутъ принадлежать къ одной и той же религіи. Принципъ націоналистовъ долженъ привести въ концѣ концовъ къ разрушенію папства. Часто говорятъ: „Религіозные вопросы имѣютъ въ наше время слишкомъ мало значенія, чтобы привести къ схизмѣ“. Это заблужденіе. Правда, не будетъ больше ересей, раздѣленій по вопросу объ абстрактныхъ догмахъ¹⁾, такъ какъ почти никто не принимаетъ догмъ серьезно; но совер-

¹⁾ Исключеніе изъ этого составляетъ догма о непогрѣшимости; вѣдь она имѣетъ огромное „практическое“ значеніе, и затрагиваетъ всю организацію католической церкви при ея сношеніяхъ съ общимъ гражданскимъ порядкомъ.

шенно возможны и будутъ еще повторяться схизмы въ родѣ Авиньонской, раздѣленія лицъ, оспариваемые выборы, неувѣренность которыхъ долго еще будетъ ослаблять католическія партіи. Одинъ разъ схизма будетъ касаться лицъ, другой разъ двухъ установленныхъ папъ, изъ которыхъ одинъ находится въ Римѣ, другой—въ Италіи. Разложеніе католичества произойдетъ въ силу выбора: кому повиноваться,—подобно тому, какъ разлагается вода подъ вліяніемъ гальванической батареи. Каждый изъ двухъ папъ сдѣлается полюсомъ, который станетъ привлекать къ себѣ однородные съ нимъ элементы; одинъ будетъ папой католицизма ретрограднаго, другой—прогрессивнаго, такъ какъ оба пожелаютъ имѣть сторонниковъ, а чтобы имѣть ихъ, нужно что нибудь представлять изъ себя. Мы увидимъ, какъ Пьеръ де-Люнь будетъ стремиться огородить свою всемірную церковь на своей Панискольской скалѣ; даже уже можно намѣтить линію раздѣленія повиновеній. Масса реформъ, невыполнимыхъ въ настоящее время, будутъ выполнимы тогда, и горизонтъ католицизма, такой узкій теперь, можетъ вдругъ расширяться и показать намъ неожиданныя глубины.

V.

При серьезныхъ усиліяхъ возрожденіе возможно, и я убѣжденъ, что если Франція въ теченіе десяти лѣтъ будетъ идти по пути, который мы старались намѣтить, то почетъ и доброжелательство всего міра избавятъ ея отъ всякаго удовлетворенія. Да, возможно, что когда нибудь должны будутъ благословлять эту печальную войну и считать ее началомъ возрожденія. Не только этотъ одинъ разъ война была бы полезнѣе побѣжденному, чѣмъ побѣдителю. Если бы глупость, небрежность, лѣность, непредусмотрительность государствъ не вели къ ихъ пораженію, то трудно сказать, до какой степени упадка дошелъ бы родъ человѣческій. Такимъ образомъ, война—одно изъ условий прогресса, ударъ бича, не позволяющій странѣ уснуть, побуждающій удовлетворенную собой посредственностью выходить изъ своей апатіи. Человѣкъ поддерживается только усиліемъ и борьбой. Одной борьбы противъ природы недостаточно: съ помощью промышленности человѣкъ свелъ бы ее въ концѣ-концовъ къ очень малымъ размѣрамъ. Тогда начинается борьба расъ. Когда населеніе произвело изъ своихъ нѣдръ все, что могло произвести, оно начнетъ изнѣживаться, если страхъ сосѣдей не будетъ пробуждать его. Вѣдь цѣль человѣчества не наслажденье, пріобрѣтать и создавать—дѣло силы и молодости, наслаждаться—дѣло дряхлости. Такимъ образомъ, въ человѣчествѣ боязнь завоеванія—необходимый двигатель. Когда человѣчество станетъ великой римской имперіей, мирной и не имѣющей внѣшнихъ враговъ, нравственность и разумъ подвергнутся наибольшей опасности.

Но выполнятся ли эти реформы? Станетъ ли Франція исправлять свои недостатки и узнавать свои ошибки? Это сложный вопросъ, и для его рѣшенія нужно составить себѣ точное пред-

ставленіе о движеніи, которое, повидимому, увлекло весь европейскій міръ къ неизвѣстной цѣли.

Въ XIX вѣкѣ есть два типа обществъ, которые уже проявили себя и, не смотря на неизвѣстность относительно ихъ будущаго, займутъ великое мѣсто въ исторіи цивилизаціи. Одинъ типъ—это американское общество, основанное главнымъ образомъ на свободѣ и собственности, безъ классовыхъ привиллегій, безъ древнихъ учрежденій, безъ исторіи, безъ аристократическаго общества, безъ двора, безъ блестящей власти, безъ серьезныхъ университетовъ и крупныхъ научныхъ учрежденій, безъ обязательной для гражданъ воинской повинности. При этой системѣ индивидуумъ очень мало покровительствуется государствомъ и очень мало получаетъ отъ него безпокойства. Брошенный безъ руководителя въ жизненную борьбу, онъ дѣйствуетъ въ ней, какъ можетъ, обогащается, бѣднѣетъ, не думая даже жаловаться на правительство, ниспровергать его, просить у него чего нибудь, возставать противъ свободы и собственности. Ему достаточно удовольствія развивать на всѣхъ парахъ дѣятельность, если даже шансы лоттереи неблагоприятны ему. Въ этихъ обществахъ нѣтъ знати, нѣтъ дворянства; они не даютъ оригинальныхъ произведеній въ области искусства и науки; но они могутъ достигать великаго могущества, и въ нихъ могутъ производиться прекрасныя вещи. Весьма интересно и важно узнать, сколько времени они будутъ существовать, какія частныя болѣзни поразятъ ихъ, какъ они поступятъ съ социализмомъ, который до сихъ поръ мало коснулся ихъ.

Второй типъ общества, блестящее существованіе котораго видитъ нашъ вѣкъ, я назову развитымъ и исправленнымъ старымъ режимомъ. Лучшій образецъ его Пруссія. Здѣсь общество, происходящее отъ прошлыхъ временъ, отлитое изъ старыхъ учрежденій, присвоившее себѣ владычество надъ моралью и разумомъ, беретъ индивидуума, воспитываетъ его, образовываетъ, дисциплинируетъ, постоянно налагаетъ обязанности. При этой системѣ индивидуумъ чрезмѣрно предается въ руки государства; взаменъ этого онъ получаетъ отъ государства сильную интеллектуальную и моральную культуру, а также удовольствіе участвовать въ великомъ дѣлѣ. Эти общества особенно благородны; они создаютъ науку, направляютъ духъ человѣческой, дѣлаютъ исторію; но съ каждымъ днемъ они слабѣютъ, благодаря требованіямъ индивидуальнаго эгоизма, находящаго слишкомъ тяжелымъ бремя, накладываемое на него государствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти общества содержатъ цѣлыя категоріи жертвъ, людей, обязанныхъ обрекать себя на печальную жизнь безъ всякой надежды на улучшение. Пробужденіе народнаго сознанія и, до извѣстной степени, обученіе народа угрожаютъ этимъ огромнымъ феодальнымъ зданіямъ разрушеніемъ. Франція, бывшая некогда обществомъ этого типа, пала. Англія постоянно удаляется отъ только что описаннаго нами типа, чтобы приблизиться къ американскому типу. Германія еще удерживаетъ этотъ великій планъ, хотя и въ ней уже замѣчаются признаки возстанія. До какой же степени этотъ духъ мятежа, который по существу своему—ничто иное, какъ со-

ціалістическая демократія, увлечетъ въ свою очередь и германскія страны? Этотъ вопросъ долженъ преимущественно занимать всякій сознательный умъ. Но у насъ нѣтъ данныхъ, чтобы отвѣтить на него съ точностью.

Если бы націи стараго режима просто переходили къ американской системѣ, когда ихъ старое зданіе разрушено, то положеніе было бы очень просто; тогда можно было бы успокоиться на той философіи исторіи республиканской школы, по которой американскій соціальный типъ — типъ будущаго; къ нему рано или поздно придутъ всѣ страны. Но на самомъ дѣлѣ происходитъ иное. Дѣятельная часть демократической партіи, въ большей или меньшей степени работающей во всѣхъ европейскихъ государствахъ, совсѣмъ не имѣетъ идеала въ американской республикѣ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ теоретиковъ демократическая партія имѣетъ соціалистическія тенденціи, совершенно противоположныя американскимъ идеямъ о свободѣ и собственности. Свобода труда, свободная конкуренція, свободное пользованіе собственностью, свобода, предоставляющая всякому обогащаться сообразно своимъ способностямъ, — все это противоположно желаніямъ европейской демократіи. Будетъ ли результатомъ этихъ тенденцій третій типъ общества, въ которомъ государство будетъ вмѣшиваться въ договоры, въ промышленныя и торговыя сношенія, въ вопросы собственности? Этого нельзя думать, такъ какъ ни одной соціалистической системѣ не удалось до сихъ поръ представить хоть какія нибудь доказательства своей возможности. Отсюда вытекаетъ странное сомнѣніе, которое достигаетъ во Франціи наибольшаго трагизма и смущаетъ жизнь всѣхъ: съ одной стороны, повидимому, очень трудно удержать въ какой либо формѣ учрежденія стараго режима: съ другой — желанія народа въ Европѣ совсѣмъ не направлены къ американской системѣ. Рядъ неустойчивыхъ диктаторовъ, цезаризмъ низшихъ эпохъ, — вотъ все, что, повидимому, имѣетъ шансы на будущее.

Но матеріалистическое направленіе Франціи можетъ оказать противодѣйствіе всѣмъ мужественнымъ побужденіямъ къ реформѣ, которыя вытекаютъ изъ настоящаго положенія. Это матеріалистическое направленіе продолжается съ 1830 года. При Реставраціи общественный духъ былъ еще очень живымъ; благородное общество не думало о томъ, чтобы наслаждаться и обогащаться. Упадокъ сталъ совершенно яснымъ къ 1840 году. Скачекъ 1848 года ничего не остановилъ; движеніе матеріальныхъ интересовъ сдѣлалось къ 1853 году такимъ, какимъ оно было бы въ томъ случаѣ, если бы не произошла февральская революція. Конечно, кризисъ 1870—1871 годовъ тяжелѣе кризиса 1848 года; но можно опасаться, что темпераментъ націи пойдетъ еще дальше, что нація, погружаясь все больше въ свой индифферентизмъ, станетъ думать только о деньгахъ и наслажденіяхъ. Личный интересъ никогда не ведетъ къ военной храбрости; вѣдь ни одно изъ неудобствъ, къ которому ведетъ трусость, не равносильно тому риску, которому подвергается храбрый. Чтобы жертвовать своей жизнью, нужно вѣрить во что либо нематеріальное; но эта вѣра исчезаетъ изо дня въ день. Мы разрушили принципъ династи-

ческой законности, который составлялъ основаніе союза провинцій въ правахъ суверена, и у насъ осталась только одна догма, что нація существуетъ по свободному соглашенію всѣхъ своихъ частей. Послѣдній миръ нанесъ этому принципу самую тяжелую рану. Наконецъ, интеллектуальная культура, вмѣсто того, чтобы развиваться, получила отъ событій года чувствительные удары; вліяніе узкаго католицизма, которое будетъ большимъ препятствіемъ возрожденію, повидимому, не намѣрено уменьшаться; претензіи партіи, стоящей во главѣ администраціи, иногда, повидимому, удваиваются съ пораженіями и потерями.

Однако, нельзя отрицать, что многія реформы, къ которымъ обязываетъ насъ Пруссія, не встрѣтятъ у насъ серьезныхъ затрудненій. Въ основѣ консервативной программы Франціи всегда было стремленіе противопоставлять дремлющія части народнаго сознанія частямъ бодрствующимъ, т. е. противопоставлять армію народу. Ясно, что эта программа будетъ недостаточна въ тотъ день, когда демократическій духъ проникнетъ въ самую армію. Содержать армію, составляющую особую часть націи, и препятствовать развитію начальнаго обученія,—это сдѣлалось въ нѣкоторомъ отношеніи символомъ политической вѣры; но у Франціи есть сосѣдка Пруссія, которая не прямо заставляетъ даже консервативную Францію отступать отъ этихъ двухъ принциповъ. Консервативная часть Франціи не ошиблась, надѣвъ трауръ въ память сраженія при Садовой. Эта часть привыкла рабски подражать Австріи Меттерниха, т. е. бороться съ демократическимъ духомъ съ помощью особенно дисциплинированной арміи, крестьянъ, старательно удерживаемыхъ въ невѣжествѣ, и духовенства, вооруженнаго могущественными конкордатами. Этотъ режимъ слишкомъ истощаетъ націю, которая должна бороться противъ своихъ соперниковъ. Даже Австрія должна была отказаться отъ него. Это подтверждаетъ положеніе Плутарха, что наиболѣе добродѣтельный народъ всегда одерживаетъ верхъ надъ народомъ наименѣе добродѣтельнымъ, и что соперничество націй—условіе общаго прогресса. Если Пруссіи удастся избѣжать социалистической демократіи, возможно, что она въ теченіе одного или двухъ поколѣній будетъ оказывать покровительство свободѣ и собственности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что классы, которымъ угрожаетъ социализмъ, заставятъ замолкнуть свои патріотическія антипатіи въ тотъ день, когда они не смогутъ противиться набѣгающей волнѣ и когда какое нибудь сильное государство возьметъ на себя миссію поддержать социальный европейскій порядокъ. Съ другой стороны, въ выполненіи этой работы (немного похожей на ту, которая совершилась въ V вѣкѣ) Германія найдетъ такое выгодное употребленіе своей дѣятельности, что социализмъ надолго будетъ изгнанъ изъ нея. Богатая, изнѣженная, мало трудолюбивая Франція уже въ теченіе многихъ лѣтъ заставляла исполнять тяжелыя работы, требующія старанія, иностранцевъ, которымъ она хорошо платила за это. Правительство, поскольку оно имѣетъ общія черты съ ремесломъ жандарма, представляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ одну изъ тѣхъ скучныхъ, но необходимыхъ работъ, къ которымъ добрый и слабый французъ имѣетъ мало склонности.

Можно предсказать тотъ день, когда онъ будетъ имѣть на жалованьи высокоумныхъ людей, достаточно серьезныхъ и жестокыхъ для этого, какъ аѳиняне имѣли скиѳовъ для исполненія обязанностей полицейскихъ и тюремщиковъ.

Тяжелый кризисъ обнаружить, быть можетъ, невѣдомыя до сихъ поръ силы. Большой неожиданностью отличаются человѣческія дѣла, и Франціи часто нравится опровергать самые разумные расчеты. Странна, иногда печальна судьба нашей страны, но никогда не вульгарна. Если вѣрно, что именно французскій патриотизмъ пробудилъ нѣмецкій патриотизмъ въ концѣ прошлаго вѣка, то, быть можетъ, вѣрно также и то, что нѣмецкій патриотизмъ пробудитъ французскій патриотизмъ, когда тотъ будетъ совсѣмъ угасать. Это возвращеніе къ національнымъ вопросамъ вызоветъ на нѣсколько лѣтъ остановку въ вопросахъ социальныхъ. Событія послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, жизненность, которую обнаружила Франція послѣ страшнаго моральнаго обморока 18 марта,—все это очень утѣшительные факты. Часто высказываютъ опасенія, что Франція и даже Англія, одержимая въ сущности той же болѣзью, что и мы (ослабленіе военнаго духа, преобладаніе коммерческихъ и промышленныхъ соображеній), будутъ скоро сведены къ второстепенной роли, и что сцена европейскаго міра будетъ занята только двумя колоссами: германской и славянской расами, которыя сохранили военный и монархическій принципы во всей ихъ силѣ и борьба которыхъ заполнить будущее. Но можно утверждать также, что въ высшемъ смыслѣ Франція получитъ свое удовлетвореніе. Со временемъ признаютъ, что она была солью земли и что безъ нея пиршество этого міра будетъ мало пріятно. Тогда пожалѣютъ эту старую либеральную Францію, которая, правда была неразумной, но которая была также великодушной и о которой станутъ говорить современемъ, какъ о рыцаряхъ Аріоста:

Oh gran bontà de' cavalieri antichi! Когда временнымъ побѣдителямъ удастся сдѣлать міръ положительнымъ, эгоистичнымъ, чуждымъ всякому побужденію кромѣ выгоды и совсѣмъ несентиментальнымъ, люди увидятъ счастье для Америки въ томъ, что маркизь Лафайетъ думалъ иначе, счастье для Италіи въ томъ, что даже въ нашу наиболѣе печальную эпоху мы были способны къ великодушному безумію, счастье для Пруссіи въ томъ, что въ 1865 году къ смутнымъ планамъ, наполнявшимъ голову императора, примѣшалась идея возвышенной политической философіи.

Никогда не нужно слишкомъ надѣяться и слишкомъ отчаиваться—таковъ долженъ быть нашъ девизъ. Вспомнимъ, что одна печаль приноситъ великія вещи, и что истинное средство возвысить нашу бѣдную страну—это показать ей ту бездну, въ которую она попала. Вспомнимъ въ особенности, что права отечества не могутъ утратить свое значеніе и что, если отечество не слѣдуетъ нашимъ совѣтамъ, это не избавляетъ насъ отъ обязанности давать ему эти совѣты. Какъ эмиграція, такъ и иммиграція—самое худшее дѣйствіе, какое только можно совершить. Римскій

императоръ, который за минуту до смерти резюмировалъ свое мнѣніе о жизни въ словахъ: *Nil ex credit*, однако сказалъ въ видѣ приказанія своимъ офицерамъ: *Laboremus*.

Война между Франціей и Германіей ¹⁾.

Начиная писать эти страницы, я не знаю, въ какомъ состояніи будетъ міръ тогда, когда онъ будутъ окончены. Нужно быть очень смѣлымъ, чтобы стараться угадать будущее, когда въ настоящемъ нельзя поручиться ни за одинъ часъ. Однако, тѣ, кого философское пониманіе жизни возвысило, конечно, не надъ патриотизмомъ, но надъ ошибками, къ которымъ ведетъ мало просвѣщенный патриотизмъ, могутъ попытаться открыть кое-что въ этомъ густомъ туманѣ, позволяющемъ видѣть на горизонтѣ только образъ смерти.

На войну между Франціей и Германіей я всегда смотрѣлъ, какъ на самое большое несчастіе, какое только могло постигнуть цивилизацію. Всѣ мы принимаемъ высокія обязанности отечества, его справедливую обиду, его надежды; всѣ мы вполнѣ вѣримъ въ тайныя силы страны, въ ту эластичность, которая уже неоднократно поднимала Францію подъ давленіемъ несчастья. Но если даже предположить, что возможныя надежды во многомъ превзойдены, тѣмъ не менѣе начатая война будетъ огромнымъ несчастіемъ. Она посѣетъ страшную ненависть между двумя частями европейской расы, союзъ которыхъ больше всего способствовалъ прогрессу человѣческаго духа. Великія владычицы научнаго изслѣдованія, талантливныя, живыя и быстрыя побудительницы міра ко всякой тонкой и сложной мысли,—эти страны разошлись надолго, быть можетъ, навсегда. Каждая изъ нихъ погрузится въ свои недостатки; одна будетъ становиться все болѣе суровой и грубой, другая—все болѣе поверхностной и отсталой. Интеллектуальная, моральная и политическая гармонія человѣчества нарушены; рѣзкій диссонансъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ будетъ вмѣшиваться въ концертъ европейскаго общества.

Въ самомъ дѣлѣ, оставимъ въ сторонѣ Соединенные Штаты Америки, будущее которыхъ, безъ сомнѣнія, блестящее, еще темно и которые во всякомъ случаѣ занимаютъ второстепенное мѣсто въ оригинальной работѣ человѣческаго духа. Тогда интеллектуальное и моральное величіе Европы основывается на тройственномъ союзѣ, уничтоженіе котораго—трауръ для прогресса, именно на союзѣ Франціи, Германіи и Англии. Союзъ этихъ трехъ великихъ силъ велъ міръ и при томъ хорошо, необходимо увлекаая за собой другіе, еще имѣющіе значеніе элементы, изъ которыхъ составляется европейская сѣть; въ особенности онъ повелительно намѣчалъ дорогу другой силѣ, которую не нужно ни слишкомъ

¹⁾ *Revue des Deux Mondes*, 15 сентября 1870 года.

преувеличивать, ни слишком уменьшать, именно Россіи. Россія представляет опасность только тогда, когда остальная Европа предоставитъ ее ложной идеѣ оригинальности, которой Россія, быть можетъ, не имѣетъ, и позволить ей соединить въ одинъ пучекъ варварскія народности Центральной Азіи,—народности, совершенно безсильныя сами по себѣ, но способныя къ дисциплинѣ и развитію, если позаботиться сгруппировать ихъ около Москвы. Соединенныя Штаты представляютъ опасность только тогда, когда Европа позволить имъ идти по пути самонадѣянной юности, по пути мщенія матери—отечеству. Съ союзомъ Франціи, Англіи и Америки старый континентъ сохранялъ свое равновѣсіе, могущественно владычествовалъ надъ новымъ континентомъ, держалъ въ безопасности этотъ обширный восточный міръ, которому было бы нездорово пенять свои преувеличенныя надежды.— Это были только мечты. Одного дня было достаточно, чтобы опрокинуть зданіе, въ которомъ нашли пріютъ наши надежды, чтобы подвергнуть міръ всѣмъ опасностямъ, всѣмъ алчнымъ желаніямъ, всѣмъ возможнымъ грубостямъ.

Въ этомъ положеніи, въ которомъ мы ничуть не виноваты, долгъ всякаго философскаго ума заставить замолчать свои чувства и съ помощью холоднаго и яснаго мышленія изучать причины зла, чтобы открыть способъ, какимъ можно его смягчить. Между Франціей и Германіей будетъ заключенъ миръ. Истребленіе такъ-же ограничено временемъ; оно найдетъ свой конецъ, какъ заразительныя болѣзни въ самомъ приносимомъ вредѣ, какъ пламя въ разрушеніи предмета, служившаго ему пищей. Не знаю гдѣ я читалъ притчу о двухъ братьяхъ, которые, конечно, во времена Каина и Авеля, стали ненавидѣть другъ друга и рѣшили биться до тѣхъ поръ, пока они не станутъ больше братьями. Когда обезсиленные они оба упали на землю, они все еще были братья, сосѣди, данники одного и того-же колодца, жители одного и того-же ручья.

Къ чему приведетъ миръ между Франціей и Германіей? При какихъ условіяхъ будетъ заключенъ этотъ миръ? Мы рисковали бы сильно ошибиться, если-бы стали говорить о временномъ мирѣ или, скорѣе, перемиріи, которое будетъ заключено на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ. Мы говоримъ здѣсь только о сведеніи счета, которое для блага всего міра будетъ сдѣлано между двумя великими націями центральной Европы. Чтобы сдѣлать заключеніе объ этомъ, нужно прежде всего хорошенько уяснить: какимъ образомъ Германія дошла до пониманія идеи собственной національности?

I.

Законъ историческаго развитія Германіи ни въ чемъ не похожъ на законъ историческаго развитія Франціи. Напротивъ, судьба Германіи во многихъ отношеніяхъ походитъ на судьбу Италіи. Основательница старой римской имперіи, ревнивая хранительница своихъ традицій,—Италія никогда не могла сдѣлаться такой націей, какъ другія. Замѣстительница римской имперіи,

основательница новой каролингской имперіи, претендующая быть хранительницей универсальной власти, болѣе, чѣмъ національнаго права,—Германія дошла до послѣднихъ своихъ лѣтъ, не будучи народомъ. Римская имперія и послѣдовавшее за ней папство погубили Италію. Каролингская имперія чуть не погубила Германіи. Германскій императоръ такъ же не могъ создать единства германской націи, какъ папа не могъ создать единства Германіи. Можно быть господиномъ у себя только тогда, когда не имѣешь никакого намѣренія господствовать за предѣлами своей страны. Всякая страна, доходящая до политическаго, интеллектуальнаго и религіознаго главенства надъ другими народами, искушаетъ это главенство гибелью своего собственнаго національнаго существованія въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ.

Ничего подобнаго не было съ Франціей. Начиная съ X вѣка Франція рѣшительно отходитъ отъ имперіи. Она теряетъ для своего собственнаго счастья двѣ драгоценности западнаго міра: императорскую корону и папскую тиару. Начиная со смерти Карла Великаго, имперія становится исключительнымъ достояніемъ нѣмцевъ; ни одинъ французскій король уже не является императоромъ Запада. Съ другой стороны, папство становится собственностью Италіи. Франція, такая, какой сдѣлалъ ее Верденскій договоръ, получаетъ преимущества именно въ силу того, чего ей недостаетъ; у нея нѣтъ ни имперіи, ни папства,—этихъ двухъ универсальныхъ вещей, которыя постоянно смущаютъ обладающую ими страну въ дѣлѣ ея внутренняго укрѣпленія и развитія. Начиная съ X вѣка Франція совершенно національна. И, дѣйствительно, во второй половинѣ этого вѣка на мѣсто худо защищающихъ ее Каролинговъ совершенно нѣмецкаго происхожденія она ставитъ фамилію, конечно, еще германскую, но связанную съ землей,—фамилію вождей Франціи, имѣющую собственныя владѣнія, а не только, какъ Каролинги, абстрактный титулъ. Съ этого времени около Парижа начинается это удивительное шествіе національнаго развитія, которое кончается Людовикомъ XIV и Революціей; XIX вѣкъ увидитъ обратную сторону этого развитія въ силу печальнаго закона, осуждающаго человѣческія вещи вступать на путь упадка и разрушенія, какъ только развитіе окончено.

До французской революціи идея образовать компактную національность никогда не была идеей Германіи. Эта великая германская раса гораздо больше Франціи имѣетъ влеченіе къ провинціальной независимости; исходъ войнъ, которыя мы называемъ гражданскими, между частями одной и той-же семьи не устрашаетъ ея. Она не желаетъ единства самого по себѣ, но только въ силу боязни враговъ; кромѣ того, она все предоставляетъ свободѣ внутреннихъ подраздѣленій. Именно это позволило ей совершить самую прекрасную вещь въ наше время, именно реформацію Лютера, которая, по нашему мнѣнію, выше философіи и революціи, этихъ дѣлъ Франціи, и уступаетъ только возрожденію, дѣлу Италіи. Со времени паденія Гогенштауфеновъ общая политика Германіи была нерѣшительна, слаба, запечатлена извѣстнаго рода принужденностью; вслѣдствіе тридцатилѣтней войны созна-

ніе германскаго отечества едва существуетъ. Французское королевство злоупотребило этимъ жалкимъ политическимъ состояніемъ великой расы. Оно сдѣлало то, чего никогда не дѣлало; оно вышло изъ своей программы, состоявшей въ томъ, чтобы ассимилировать только страны съ французской рѣчью; оно овладѣло Эльзасомъ, нѣмецкой землей. Время узаконило это завоеваніе, такъ какъ Эльзасъ принялъ въ концѣ концовъ блестящее участіе въ великихъ общихъ дѣлахъ Франціи. Однако, въ этомъ фактѣ, не возмущавшемъ никого въ XVII вѣкѣ, заключался зародышъ большихъ смятеній для той эпохи, когда идея національностей стала владычицей всего міра, и когда въ вопросахъ о территориальныхъ границахъ стали брать въ качествѣ критерія языкъ и расу.

Собственно говоря, идею германскаго единства породила французская революція. Революція отвѣчала въ нѣкоторомъ отношеніи желанію лучшихъ умовъ Германіи; но они скоро разочаровались въ ней. Германія осталась приверженной закону и феодальной; ея поведеніе представляетъ цѣлый рядъ колебаній, недоразумѣній, ошибокъ. Поведеніе Франціи было въ высшей степени непослѣдовательно. Она, въ былое время поднявшая въ въ мірѣ знамя національнаго права, въ опьяненіи своими побѣдами оскорбила всѣ національности. Германію топтали подъ ногами лошади; германскимъ геніемъ, развивавшимся тогда такъ удивительно, пренебрегали; его серьезное значеніе не было понято ограниченными умами, составлявшими интеллектуальную аристократію временъ Имперіи; поведеніе Наполеона по отношенію къ германскимъ странамъ представляло цѣлый рядъ безумствъ. Этотъ великій полководецъ, этотъ выдающійся организаторъ, не зналъ самыхъ элементарныхъ принциповъ внѣшней политики. Его идея объ универсальномъ владычествѣ Франціи была безумна, такъ какъ хорошо извѣстно, что всякая попытка къ гегемоніи одной европейской націи вызываетъ, въ силу необходимой реакціи, коалицію всѣхъ другихъ государствъ,—коалицію, центромъ образованія которой всегда является Англія, хранительница равновѣсія ¹⁾.

Обыкновенно нація достигаетъ полнаго сознанія самой себя только подъ давленіемъ иностранцевъ. Франція существовала до Жанны д'Аркъ и Карла VII, но только подъ давленіемъ англійскаго владычества слово Франція получило особое значеніе. Говоря философскимъ языкомъ, „я“ всегда создается путемъ противопоставленія другому „я“. Франція такимъ же образомъ сдѣлала Германію націей. Рана была слишкомъ замѣтна. Нація, находящаяся въ полномъ расцвѣтѣ своего генія и на высшей стадіи своей моральной силы, безъ всякой защиты была предана въ руки менѣе интеллигентнаго и менѣе моральнаго противника исключительно благодаря несчастнымъ раздѣленіямъ ея мелкихъ принцевъ и отсутствію центрального знамени. Австрія, имѣющая мало общаго съ Германіей, вводя въ германское тѣло массу негерман-

¹⁾ Это справедливо только по отношенію къ прошлому. Повидимому, прежняя Англія уже не существуетъ въ наши дни (сентябрь, 1871 г.)

скихъ элементовъ, постоянно предавала дѣло Германіи и приносила ея интересы въ жертву своимъ династическимъ комбинаціямъ. Но тогда появился разсвѣтъ возрожденія: это Пруссія Фридриха. Всю свою дѣйствительную силу Пруссія скрывала въ этомъ недавнемъ образованіи германскаго цѣлаго. По своему населенію она была болѣе славянской, чѣмъ германской, но это не представляло неудобствъ; совершенно напротивъ. Почти всегда смѣшанныя и смежныя страны составляютъ политическое единство расы; вспомните роль Македоніи въ Греціи или Пьемонта въ Италіи. Реакція Пруссіи противъ давленія французской имперіи была великолѣпна. Извѣстно, какъ геній Штейна изъ самаго упадка вывелъ условіе силы, и какъ организація прусской арміи, этого исходнаго пункта новой Германіи, была прямымъ слѣдствіемъ Іенскаго сраженія. Со своей обычной самонадѣянностью и непониманіемъ германской расы, Наполеонъ не видѣлъ ничего этого. Сраженіе при Лейпцигѣ было сигналомъ воскрешенія. Съ этого дня стало ясно, что въ міръ вступила новая держава первой степени: Пруссія, держащая въ своихъ рукахъ германское знамя. Собственно говоря, Революція и Имперія совсѣмъ не понимали Германіи, какъ Германія совсѣмъ не понимала Франціи. Великіе германскіе умы могли съ энтузіазмомъ привѣтствовать дѣло Революціи, такъ какъ принципы этого движенія были сначала ихъ принципами или, скорѣе, принципами всего XVIII вѣка; но эта низкая террористическая демократія, превратившаяся въ военный деспотизмъ и орудіе порабощенія всѣхъ народовъ, внушала имъ ужасъ. Въ силу реакціи просвѣщенная Германія, казалось, была нѣсколько обезславлена старымъ режимомъ. Французская революція встрѣтила препятствіе, которое должно было остановить ее, въ организованномъ феодализмѣ Пруссіи, Помераніи, Гольштиніи, т. е. въ крайне сильномъ антидемократическомъ населеніи, жившемъ по берегамъ Балтійскаго моря; это населеніе было вѣрно законности, предпочитало быть управляемымъ и наказываемымъ, служило хорошо, когда имѣло во главѣ хорошихъ начальниковъ, имѣло во главѣ мелкое деревенское дворянство, сильное той силой, какую даютъ предрасудки и узость ума. Настоящее сопротивленіе Революціи и Имперіи на континентѣ вышло изъ этой Сѣверной Вандеи. Именно здѣсь мелкій дворянинъ, надъ которымъ у насъ такъ смѣются всѣ: высшее дворянство, дворъ, буржуазія, даже народъ, получилъ удовлетвореніе отъ французской демократіи, и тайно, безъ шума, безъ плебисцитовъ, безъ журналовъ, приготовилъ то удивительное явленіе, которое вотъ уже нѣсколько лѣтъ развивается передъ нами.

Необходимость, заставлявшая Францію при Реставраціи отказываться отъ всякихъ поползновеній на чужія страны, и мудрая политика Людовика Филиппа, которая ободрила Европу, отдали на нѣкоторое время опасность, скрывавшую для вышедшей изъ Революціи Франціи эту анти-Францію Балтійскаго моря, представляющую полнѣйшее отрицаніе нашихъ самыхъ установленныхъ принциповъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ неразумныхъ словъ государственныхъ людей посредственнаго значенія и нѣ-

сколькихъ дурныхъ стиховъ безумнаго поэта ¹⁾, Франція въ эту эпоху мало думала о Германіи. Вся дѣятельность была направлена внутрь страны, а не на увеличеніе границъ. Такая политика имѣла массу основаній: Франція достаточно велика; ея миссія не въ томъ, чтобы присоединять другія страны, но въ томъ, чтобы осуществить у себя одно изъ тѣхъ блестящихъ развитій, къ какому она такъ способна, показать удачное осуществленіе демократической системы, которую она возвѣстила и возможность которой до сихъ поръ не была хорошо доказана. Совершенно естественно, если страна, въ которой всего семнадцать или восемнадцать милліоновъ жителей, какой была нѣкогда Пруссія, ставить на карту все и, даже при величайшихъ случайностяхъ, выходитъ изъ того положенія, которое заставляло ее колебаться между большими и маленькими государствами; но страна съ тридцатью или сорока милліонами жителей имѣетъ все необходимое, чтобы быть большой націей. Возможно, что границы Франціи были довольно худо обозначены въ 1815 году; но если исключить нѣсколько дурныхъ контуровъ со стороны Сарры и Пфальца, которые были проведены, повидимому, въ силу временнаго расположенія войскъ, все остальное кажется мнѣ хорошимъ. Фламандскія страны болѣе германскія, чѣмъ французскія; Бельгіи помѣшали войти въ французскій конгломератъ историческія обстоятельства, въ которыхъ не было ничего случайнаго; это зависѣло отъ глубоко укоренившагося муниципальнаго духа, дѣлавшаго французское королевство невозможнымъ для этой страны. То же нужно сказать о Женевѣ и романской Швейцаріи. Можно прибавить, что эти маленькія французскія страны, политически отдаленныя отъ Франціи, весьма полезны; онѣ представляютъ убѣжище эмигрантамъ нашихъ внутреннихъ междоусобій, а въ эпохи деспотизма доставляютъ пріютъ свободной мысли. Рейнская Пруссія и Пфальцъ были нѣкогда кельтическими странами, но они сильно германизированы въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ. Если исключить нѣкоторыя долины, отдѣленныя отъ Франціи въ 1815 году по стратегическимъ соображеніямъ, то Франціи не остается желать ни одного дюйма земли. Поверхность Англии и Шотландіи представляетъ только двѣ пятыхъ поверхности Франціи; но развѣ Англія должна думать о территоріальныхъ завоеваніяхъ, чтобы быть великой?

Въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, удѣломъ 1848 года было поднять проблемы, которыя онъ не могъ рѣшить и которыя черезъ одинъ или два года получили рѣшеніе способами, совершенно противоположными тѣмъ, о которыхъ мечтали господствующія тогда партіи. Вопросъ о германскомъ единствѣ былъ поставленъ блистательно. Слѣдуя обычаю времени, думали все устроить съ помощью учредительнаго собранія, но эти усилія окончились блестящимъ пораженіемъ. Считайте людей 1848 года утопистами или упрекайте массы въ томъ, что они не были достаточно просвѣщенны, чтобы послѣдовать за этими людьми; во

¹⁾ Нужно сказать, что онъ только отвѣчалъ на воззваніе, вышедшее изъ Германіи.

всякомъ случаѣ вѣрно то, что опыты этого года оставались совершенно безплодны. Въ теченіе десяти лѣтъ проблемы какъ бы дремали, германскій патриотизмъ, казалось, носилъ трауръ; но одинъ человѣкъ уже говорилъ тѣмъ, кто хотѣлъ его слушать: „Эти проблемы не рѣшаются, какъ вы думаете, свободнымъ соглашеніемъ народовъ; они рѣшаются огнемъ и мечомъ“.

Императоръ Наполеонъ III разбилъ ледъ итальянской войной или, скорѣе, заключеніемъ этой войны, т. е. присоединеніемъ къ Франціи Савойи и Ниццы. Первое изъ этихъ двухъ присоединеній было довольно естественно. Изъ всѣхъ странъ, говорящихъ французскимъ языкомъ и неприсоединенныхъ къ Франціи, одну Савойю можно было присоединить безъ неудобствъ. Съ того времени, какъ герцогъ Савойи сдѣлался королемъ Италіи, такое присоединеніе вполне соответствовало ходу вещей. Однако, это присоединеніе представляло больше неудобствъ, чѣмъ выгодъ. Оно отнимало у Франціи составлявшее ея силу право ссылаться на безкорыстную политику, вдохновляемую только любовью къ принципамъ. Оно вызвало преувеличенное представленіе о намѣреніяхъ императора Наполеона III увеличить Францію, не понравилось Англіи, возбудило подозрѣнія всей Европы, вызвало смѣлыя попытки Бисмарка.

Ясно, что если въ исторіи было когда-либо законное движеніе, такъ это то движеніе, которое, вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ, побуждаетъ Германію слиться въ одну націю. Если ктонибудь и имѣетъ право жаловаться, то только не Франція, такъ какъ Германія поддалась этой тенденціи только по нашему примѣру и только для того, чтобы сопротивляться давленію Франціи, тяготѣвшему надъ ней въ XVII вѣкѣ и при Имперіи. Разъ Франція отказалась отъ принципа законности, который видѣлъ въ томъ или иномъ соединеніи провинцій въ королевство или имперію только слѣдствіе браковъ, наслѣдства, завоеваній династіи, то она можетъ признавать только одинъ принципъ ограниченія въ политической географіи; я подразумеваю принципъ національностей или, что сводится къ тому же, доказанное серьезными и дѣйствительными фактами свободное желаніе народовъ жить вмѣстѣ. Почему же отказывать Германіи въ правѣ дѣлать у себя тоже, что мы дѣлали у себя и что помогли сдѣлать Италіи? Не очевидно ли, что раса суровая, цѣломудренная, сильная и глубокомысленная, какъ германская раса, раса, стоящая въ первомъ ряду благодаря своимъ дарованіямъ и свободѣ мысли, мало склонная къ удовольствіямъ, всецѣло преданная своимъ мечтамъ и радостямъ своего воображенія, хотѣла играть въ политическихъ дѣлахъ роль, пропорціональную ея интеллектуальному значенію? Имя національности составляютъ ея гении, представители „национальной славы“, которые придаютъ чувствамъ того или иного народа оригинальную форму и доставляютъ огромный матеріалъ національному духу, даютъ ему, что любить, чѣмъ восторгаться, чѣмъ гордиться сообща. Данте, Петрарка, великіе художники эпохи Возрожденія—истинные основатели итальянскаго единства, Гете, Шиллеръ, Кантъ, Гердеръ создали германское отечество. Сопротивляться расцвѣту, проявившемуся столькими признаками,

все равно, что сопротивляться поднимающемуся морскому приливу. Давать ему совѣты, намѣчать желательный для насъ способъ его развитія было бы дѣтски наивно. Это движеніе совершилось изъ-за недовѣрія къ намъ; указывать ему правила значило доставлять подозрительному и чуткому національному сознанию вѣрный критерій и приглашать его дѣлать явно противорѣчащее нашимъ желаніямъ. Конечно, я первый признаю, что къ этому стремленію къ единству германской націи примѣшались странныя излишества. Германскому патріоту, какъ и итальянскому, не легко отдѣлаться отъ прежней универсальной роли отечества. Нѣкоторые итальянцы мечтаютъ еще о *primato*; очень многіе изъ нѣмцевъ простираютъ свои желанія до воспоминанія о святой имперіи, являвшейся для всего европейскаго міра своего рода верховной властью. Но первое условіе національнаго духа—это отказаться отъ всякихъ притязаній на универсальную роль, такъ какъ послѣдняя является разрушителемъ національности. Неоднократно германскій патріотизмъ проявлялся несправедливо и пристрастно. Теоретикъ германскаго единства, утверждающій, что Германія должна повсюду собрать остатки своей старой имперіи, отказывается слушать голосъ разума, когда ему говорятъ, что необходимо оставить настолько славянскую страну, какъ великое герцогство Позень. ¹⁾ Истинно то, что принципъ національностей нужно понимать широко, безъ всякихъ тонкостей. Исторія провела границы націй не всегда естественнымъ образомъ. Каждая нація имѣетъ и слишкомъ много и слишкомъ мало; чтобы избѣжать невозможныхъ анализовъ и неразрѣшимыхъ трудностей, нужно обращать вниманіе на то, что сдѣлала исторія, и на то, чего желаютъ провинціи.

Разъ мысль о германскомъ единствѣ была законна, было законно и то, чтобы это единство было создано Пруссіей. Разъ парламентарскія попытки Франкфурта окончились неудачей, оставалась только гегемонія Австріи или Пруссіи. Но въ Австріи слишкомъ много славянскихъ элементовъ, она слишкомъ антипатична протестантской Германіи, она въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ слишкомъ пренебрегала своими обязанностями направляющей въ Германіи силы, чтобы ее могли снова призвать играть роль этого рода. Если, напротивъ, было когда нибудь ясно намѣченное историческое призваніе, то это призваніе Пруссіи со времени Фридриха Великаго. Отъ проницательнаго наблюдателя не могло ускользнуть, что Пруссія была центромъ новаго этническаго вихря, что она играла для германской національности съвера роль сердца въ зародышѣ; различіе только въ томъ, что позже Пруссія не была поглощена созданной ею Германіей, какъ Пьемонтъ былъ поглощенъ Италіей. Нашелся одинъ человекъ, который овладѣлъ

---

¹⁾ Захватъ Позена Пруссіей никоимъ образомъ нельзя сравнить съ захватомъ Эльзаса Франціей. Эльзасъ ассимилированъ Франціей и не протестуетъ противъ своего присоединенія, тогда какъ Позень не ассимилированъ Германіей и протестуетъ. Параллель Эльзаса—это Силезія, провинція славянская по расѣ и языку, но достаточно германизированная. Никто не оспариваетъ того, что Силезія—законная собственность Пруссіи.

всѣми этими скрытыми тенденціями, чтобы представить ихъ и энергично привести ихъ къ непримѣрному полному осуществленію.

Бисмаркъ хотѣлъ двухъ вещей, которыя самый строгій философъ могъ бы назвать законными, если бы, практически преслѣдуя ихъ, этотъ нещепетильный государственный человекъ не показалъ, что для него сила—синонимъ законности. Прежде всего онъ хотѣлъ изъять изъ германской конфедераціи Австрію, такъ какъ это наполовину чуждое тѣло мѣшало существованію самой конфедераціи. Потомъ онъ хотѣлъ сгруппировать вокругъ Пруссіи части германскаго отечества, разсѣянные случайностями исторіи. Шелъ ли Бисмаркъ дальше этого? Позволяла ли его необходимо ограниченная точка зрѣнія практическаго человека подозревать, что со временемъ Пруссія будетъ поглощена Германіей и какъ бы исчезнетъ въ своей побѣдѣ, подобно тому, какъ Римъ пересталъ существовать въ качествѣ города, окончивъ свое дѣло объединенія? Я не знаю этого, такъ какъ Бисмаркъ до сихъ поръ не подвергся анализу, да, можетъ быть, и не подвергнется ему никогда. Размышляя о современной исторіи, любознательный умъ чаще всего ставитъ себѣ слѣдующій вопросъ: философъ ли Бисмаркъ? видитъ ли онъ суету своихъ дѣлъ, работая съ такимъ пыломъ, или же онъ вѣритъ въ политику, обманывается своими дѣлами, какъ всѣ абсолютные умы, и не видитъ тлѣнности этихъ дѣлъ? Я склоняюсь къ первому рѣшенію, такъ какъ мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы такой полный умъ былъ лишенъ критики и не измѣрялъ въ своихъ самыхъ энергичныхъ дѣйствіяхъ границъ и слабой стороны своихъ намѣреній. Какъ бы то ни было, видя въ будущемъ невозможность осуществить свое желаніе—сдѣлать изъ Германіи увеличенную Пруссію, Бисмаркъ остерегается говорить это. Вѣдь узкій фанатизмъ партіи прусскихъ дворянъ и минуту не выдержалъ бы той мысли, что цѣль всѣхъ поступковъ Пруссіи не вселить прусскій характеръ во всю Германію и позднѣе въ весь міръ, въ силу своего рода политическаго мистицизма, секретъ котораго, повидимому, хотятъ сохранить себѣ.

Планы Бисмарка были разработаны съ вѣдома и съ одобренія императора Наполеона III, а также небольшого числа лицъ, посвященныхъ въ его намѣренія. Несправедливо упрекать за это императора Наполеона. Вѣдь разъ Франція подняла въ міръ знамя національностей, всякая рождающаяся и увеличивающаяся національность должна рождаться и увеличиваться съ одобренія Франціи, должна становиться другомъ Франціи. Такъ какъ германская національность была исторической необходимостью, то здравый разумъ не позволялъ идти противъ нея. Хорошая политика не въ томъ, чтобы сопротивляться неизбежному, а въ томъ, чтобы помогать ему и пользоваться имъ. Великая либеральная Германія, образованная при полной дружбѣ съ Франціей, сдѣлалась главнымъ государствомъ въ Европѣ и образовала вмѣстѣ съ Франціей и Германіей непобѣдимый тріумвиратъ, который съ помощью разума направлялъ весь міръ, въ особенности Россію, на путь прогресса. Но главнымъ образомъ было желательно, чтобы германское единство, которое должно было осу-

ществиться, не произошло вопреки Франціи, но непременно съ нашего согласія. Франція не была обязана способствовать ему, но и не должна была противиться ему. Было даже естественно думать о благихъ намѣреніяхъ молодой націи будущаго, было естественно надѣяться на такое глубокое чувство, какое Соединенные Американскіе Штаты еще долго будутъ питать къ Франціи изъ-за воспоминанія о Лафайетѣ. Было ли удобно извлекать выгоду изъ этихъ обстоятельствъ для увеличенія нашей территоріи? Въ принципѣ нѣтъ, такъ какъ такія увеличенія почти бесполезны. Въ чемъ Франція стала болѣе великой со времени присоединенія Ниццы и Савойи? Однако, поверхностное общественное мнѣніе, придающее слишкомъ много значенія такимъ увеличеніямъ, могло въ эпоху дружественныхъ переговоровъ добиваться уступокъ, имѣющихъ отношеніе къ странамъ, расположеннымъ присоединиться къ Франціи; это общественное мнѣніе заботилось только о томъ, чтобы это увеличеніе не показалось цѣлью этихъ сношеній, такъ какъ единственной цѣлью послѣднихъ была дружба Франціи и Германіи. Чтобы отвѣтить на протестъ оппозиционно-настроенныхъ государственныхъ людей и удовлетворить нѣкоторыя требованія военныхъ, имѣющихъ, конечно, свои основанія, можно было, на примѣръ, добиться до войны уступки Люксембурга, въ случаѣ его согласія, на что Пруссія, навѣрное, согласилась бы тогда. Но, повторяю: по моему мнѣнію, было лучше ничего не просить: Люксембургъ не доставилъ бы намъ больше силы, чѣмъ Савойя или Ницца. Что же касается стратегическихъ контуровъ границъ, то гораздо лучшей оградой могла бы быть хорошая политика. Результатъ хорошей политики былъ бы такой, что никто не нападалъ бы на насъ, а если бы кто нибудь началъ противъ насъ наступательныя дѣйствія, насъ защищала бы симпатія всей Европы.—Какъ бы то ни было, тогда не приняты никакого рѣшенія; печальная нерѣшительность парализовала перо императора Наполеона III, и произошло это событіе при Садовой, при чемъ ничего на было условлено на будущее. Это сраженіе, которое при постоянной политикѣ могло бы быть побѣдой для Франціи, стало для нея пораженіемъ, и черезъ недѣлю французское правительство надѣло трауръ по событію, которому оно способствовало болѣе, чѣмъ кто либо другой.

Но съ этого момента выступили на сцену два элемента, не принимавшіе никакого участія при совѣщаніи въ Біаррицѣ: это возбужденное французское и нѣмецкое общественное мнѣніе. Бисмаркъ не представляетъ всей Пруссіи; кромѣ него существуетъ фанатическая, абсолютная, выкованная изъ одного куска партія, съ которой онъ долженъ считаться. По своему рожденію Бисмаркъ принадлежитъ къ этой партіи, но не раздѣляетъ ея предразсудковъ. Чтобы завладѣть умомъ короля, заставить замолчать сомнѣнія и побороть даваемые ему узкіе совѣты, Бисмаркъ обязанъ былъ приносить жертвы. Послѣ побѣды при Садовой фанатическая партія оказалась болѣе могущественной, чѣмъ когда либо; всякая мировая сдѣлка сдѣлалась невозможной. Я боюсь, что со многими, кто будетъ имѣть сношенія съ Пруссіей, случится то же, что случилось съ императоромъ Наполеономъ III.

Этотъ непреклонный духъ, эта суровость характера, эта преувеличенная гордость будутъ источникомъ многихъ затрудненій. — Во Франціи императора Наполеона III также опередило извѣстное мнѣніе. На этотъ разъ, какъ это слишкомъ часто бываетъ, оппозиція была поверхностной и высокопарной. Легко показать, что поведеніе правительства преисполнено непредусмотрительности и уловокъ. Ясно, что въ эпоху открытій Бисмарка правительство должно было или отказаться слушать его, или имѣть планъ поведенія, который оно могло бы поддержать хорошей арміей на Рейнѣ. Но не было основаній каждый годъ утверждать, что Франція побѣждена при Садовой, какъ это дѣлала оппозиція, а въ особенности устанавливать ту доктрину, что граница Франціи должна быть обставлена маленькими, слабыми государствами, враждующими другъ съ другомъ. Развѣ можно было выдумать болѣе дѣйствительное средство, чтобы убѣдить ихъ, что они объединены и сильны? Своими признаніями Тьеръ много способствовалъ возбужденію германской націи, убѣжденной, что этотъ честный государственный человекъ представлялъ господствующее мнѣніе французской буржуазіи и ея тайные инстинкты.

Разрѣшеніе вопроса о Люксембургѣ заставило проявиться это печальное положеніе во всей своей силѣ. До Садовой ничего не было условлено между Франціей и Пруссіей. Пруссія не приняла на себя никакихъ обязательствъ, отказывая во всякой уступкѣ. Но если бы умѣренность была въ характерѣ берлинскаго двора, развѣ она не посовѣтовала бы ему считаться съ волненіемъ Франціи, не доводить свои права и свои преимущества до крайности? Люксембургъ — незначительная страна, неопредѣленная, какъ помѣсь, ни нѣмецкая, ни французская, или, если угодно, и та и другая. Присоединеніе ея къ Франціи, основанное на плебисцитѣ, не заключало въ себѣ ничего такого, что могло бы не понравиться Германіи, весьма корректной въ своемъ патріотизмѣ. Систематическая суровость Пруссіи доказала, что она не сумѣла сохранить ни одного признательнаго воспоминанія о договорахъ, предшествовавшихъ Садовой, и что Франція, не смотря на то, что оказывала дѣйствительную поддержку Пруссіи, всегда была для послѣдней вѣчнымъ врагомъ. Со стороны Франціи этотъ результатъ былъ вызванъ цѣлымъ рядомъ ошибокъ; были такъ догадливы, что даже не имѣли права жаловаться. Франція хотѣла играть съ помощью хитростей, но встрѣтила болѣе хитраго противника. Это напоминаетъ мнѣ случай, когда нѣкто, имѣя на рукахъ превосходныя карты, не рѣшается выложить ихъ на столъ, но сохраняетъ ихъ для ударовъ, которыхъ никогда не будетъ.

Значить ли это, какъ думаютъ многіе, что послѣ 1866 года война между Франціей и Пруссіей была неизбежна? Конечно, нѣтъ. Когда можно ожидать, то немногія вещи неизбежны; но можно было выиграть время. Смерть прусскаго короля, то, что было извѣстно о мудромъ и умѣренномъ характерѣ прусскаго принца и принцессы, могли многое измѣнить. Военная феодальная прусская партія, являющаяся одной изъ важныхъ причинъ опасности, угрожающей миру Европы, казалось, должна была со

временемъ уступить свое значеніе берлинской буржуазіи, германскому духу, столь широкому, столь свободному, который сдѣлается глубоко либеральнымъ, разъ освободится отъ тисковъ прусской казармы. Я знаю, что еще до сихъ поръ не показались симптомы этого, что Германія, всегда немного робкая въ дѣйствіяхъ, была завоевана Пруссіей; но до сихъ поръ не было ни одного признака, чтобы Пруссія была расположена поглотиться Германіей; для такой эволюціи еще не настало время. Прусская гегемонія, принятая, какъ средство борьбы противъ Франціи, ослабнетъ только тогда, когда самая борьба потеряетъ всякій смыслъ. Сила, съ которой начато германское движеніе, повлечетъ за собой очень быстрыя развитія. Если завоеванная Германія въ свою очередь не завоюетъ Пруссію и не поглотитъ ее, то это будетъ исключительнымъ въ исторіи явленіемъ. Нельзя допустить, чтобы столь мало революціонная германская раса не осилила прусскаго ядра, несмотря на всю его крѣпость. Прусскій принципъ, по которому основа націи—армія, а основа арміи—мелкое дворянство, не могъ получить примѣненія въ Германіи. Германія, даже Берлинъ, имѣютъ буржуазію. Основаніемъ истинной германской націи, какъ и всѣхъ другихъ современныхъ націй, будетъ богатая буржуазія. Прусскій принципъ создалъ нѣчто очень сильное, но это нѣчто не можетъ существовать дальше того дня, когда Пруссія выполнитъ свою миссію. Спарта перестала бы быть Спартой, если бы она создала единство Греціи. Конституція и римскія права исчезли, когда Римъ сталъ властелиномъ міра; начиная съ этого дня, Римъ управлялся міромъ, и это было только справедливо.

Такимъ образомъ каждый годъ вызывалъ глубочайшія измѣненія въ положеніи вещей, имѣвшемъ мѣсто послѣ Садовой. Одинъ часъ уклоненія отъ истиннаго пути разбилъ всѣ надежды умныхъ и гуманныхъ людей. Не думая, что молодая нація, охваченная страстнымъ рвеніемъ къ своему развитію, имѣетъ огромныя преимущества передъ устарѣвшей націей, выполнившей уже свою программу и достигшей равенства, люди бросились въ пучину удовольствій. Самонадѣянность и невѣжество военныхъ, безуміе нашихъ дипломатовъ, ихъ тщеславіе, ихъ глупая вѣра въ Австрію, въ эту разобранную на части машину, на которую нельзя было слишкомъ положиться, отсутствіе серьезныхъ размышленій у правительства, причудливыя выходки вмѣшивающейся воли, напоминающія пробужденія Эпимениды, — все это навлекло на родъ человѣческой наибольшія несчастія, какихъ не было уже пятьдесятъ пять лѣтъ. Одного инцидента, который ловкая дипломатія уладила бы въ нѣсколько часовъ, было достаточно, чтобы раскрыть двери ада... Удержимъ наши проклятія: бываютъ моменты, когда страшная дѣйствительность самое жестокое изъ проклятій.

II.

Кто вызвалъ войну? Мнѣ кажется, мы уже отвѣтили на это. Въ такого рода вопросахъ нужно остерегаться видѣть только непосредственныя и ближайшія причины. Если ограничиться недостаточными разсужденіями невнимательнаго наблю-

дателя, то Франція виновата во всемъ. Но если стать на болѣе высокую точку зрѣнія, то необходимо раздѣлить отвѣтственность за страшное несчастіе, обрушившееся въ этотъ печальный годъ на человѣчество. Пруссіи, благодаря ея характеру, легко совершать суровые, корыстные, мало великодушные поступки. Чувствуя свою силу, она не дѣлаетъ никакихъ уступокъ. Съ того момента, когда Бисмаркъ пожелалъ выполнить свои грандіозныя предпріятія заодно съ Франціей, онъ долженъ былъ принять слѣдствія выбранной имъ политики. Бисмаркъ не долженъ былъ посвящать императора Наполеона III въ свои дѣла; но, сдѣлавъ это, онъ долженъ былъ съ уваженіемъ относиться къ императору и французскимъ государственнымъ людямъ, а также къ той части общественнаго мнѣнія, которую нужно было держать въ своихъ рукахъ. Великое зло Пруссіи—это гордость. Пруссію, этотъ могущественный очагъ стараго режима, раздражаетъ наше буржуазное благополучіе; ея дворянъ оскорбляетъ видъ нашихъ разночинцевъ, не скажу, болѣе богатыхъ, но, какъ и они, занимающихся профессіей, представляющей привиллегію дворянства. Ихъ зависть удваиваетъ гордость. „Мы—бѣдная молодежь,—говорятъ они: младшіе сыновья, желающіе доставить себѣ мѣсто въ мірѣ“. Одна изъ причинъ, создавшихъ Бисмарка,—это оскорбленное тщеславіе дипломата, обиженнаго своими австрійскими братьями, которые третировали Пруссію, какъ выскочку. Пруссію создало подобное чувство. Серьезный, бѣдный, интеллигентный человѣкъ, лишенный всякаго очарованія, съ трудомъ переноситъ общественные успѣхи соперника, который, будучи гораздо ниже его по своимъ основнымъ свойствамъ, представляетъ нѣчто въ этомъ мірѣ, управляетъ модами и съ помощью своего аристократическаго презрѣнія не пускаетъ его въ этотъ міръ.

Франція была виновата не меньше Пруссіи. Журналы были самонадѣянны, военная партія дѣйствовала самонадѣянно и опрометчиво, оппозиція стремилась только добиться ложной популярности, порицая правительство, когда оно приготавливало войну, нападая на него, если оно не приготавливало войны, говоря постоянно о стыдѣ за поражение при Садовой и о необходимости получить возмездіе; но великимъ зломъ были эксцессы личной власти. Обращеніе къ парламентской монархіи, къ которой стремились годъ тому назадъ, казалось настолько несерьезнымъ, что все министерство, палата, сенатъ почти безъ всякаго сопротивленія уступили личной мысли правителя, нисколько не соответствовавшей ни ихъ идеямъ, ни ихъ желаніямъ.

Кто-же заключить теперь міръ? Худшее послѣдствіе войны то, что она дѣлаетъ безсильными тѣхъ, кто не желаетъ этого, и открываетъ роковой кругъ, гдѣ здравый разумъ является подлостью, иногда измѣной. Я смѣло выскажу свою мысль: только одна сила въ мірѣ способна исправить то зло, которое вызвали при данномъ положеніи цивилизаціи на континентѣ феодалская гордость, преувеличенный патріотизмъ, выходки личной власти, незначительное развитіе парламентарскаго режима: сила эта—Европа. Европа крайне заинтересована, чтобы ни одна изъ двухъ націй не была ни слишкомъ побѣждающей, ни слиш-

комъ побѣждаемой. Исчезновеніе Франціи изъ числа великихъ державъ означало-бы конецъ европейскаго равновѣсія. Осмѣлюсь сказать, что въ тотъ день, когда совершилось-бы подобное событіе, Германія особенно почувствовала-бы, насколько измѣнились всѣ условія ея существованія. Франція—одно изъ условій благополучнаго существованія Англіи. Согласно тому великому закону, что впервые занявшая страну раса надолго одерживаетъ верхъ надъ всѣми позднѣйшими пришельцами, Англія съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все больше кельтическій и все менѣе германскій характеръ; въ великой борьбѣ расъ она за-одно съ нами; союзъ Франціи и Англіи основанъ на цѣлые вѣка. Пусть Англія направляетъ свою мысль на Соединенные Штаты, на Константинополь, на Индію; Англія увидитъ, что ей нужна Франція и при томъ сильная Франція.

Въ самомъ дѣлѣ, не нужно ошибаться относительно слѣдующаго пункта: слабая и униженная Франція не могла бы существовать. Пусть Франція потеряетъ Эльзасъ и Лотарингію, и Франціи больше не будетъ. Зданіе такъ компактно, что стоитъ вытащить одинъ или два большихъ камня, и оно рухнетъ. Естественное показываешь намъ, что животное съ крайне централизованной организаціей не переноситъ ампутаціи важнаго члена; человѣкъ, у котораго отрѣзали ногу, часто умираетъ отъ чахотки. Точно также, если бы были поражены главныя части Франціи, ея общая жизнь стала бы потухать, а ея центральныхъ органовъ было бы недостаточно, чтобы отсылать жизнь до крайнихъ предѣловъ.

Пусть не мечтаютъ, что удастся согласить двѣ противорѣчивыя вещи: сохранить Францію и уменьшить ее. Нѣкоторые абсолютные враги Франціи считаютъ высшей цѣлью современной политики уничтоженіе державы, представляющей, по ихъ мнѣнію, зло. Пусть эти фанатики совѣтуютъ покончить съ врагомъ, котораго они временно побѣдили; вѣдь это такъ просто. Но пусть тѣ, кто думаетъ, что міръ будетъ изуродованъ съ исчезновеніемъ Франціи, осторожно отнесутся къ этому. Уменьшенная Франція потеряла бы послѣдовательно всѣ части; цѣлое разрушилось бы, среда раздѣлилась; вѣковое дѣло королей Франціи было бы уничтожено, и, говорю вамъ, въ тотъ день, когда это случится, никто не будетъ радоваться этому. Потомъ, когда пожелаютъ сформировать великую коалицію, вызываемую всякими неумѣренными претензіями, въ Европѣ будутъ сожалѣть, что не были болѣе предусмотрительными. На лицо двѣ великія расы; обѣ дѣлали великія вещи, обѣ должны сообща выполнить великую задачу; поэтому нельзя одну изъ нихъ приводить въ положеніе, равносильное ея уничтоженію. Безъ Франціи міръ былъ бы такъ же обезображенъ, какъ и безъ Германіи. Эти великіе органы человѣчества имѣютъ каждый свою задачу; ихъ нужно поддерживать для выполненія ихъ различной миссіи. Не приписывая французскому духу первой роли въ исторіи человѣческаго духа, необходимо признать что онъ играетъ важную роль; концертъ разстроился бы безъ этой ноты. Если вы хотите, чтобы птица цѣла, не трогайте ея лѣса. Разъ Франція будетъ унижена, у васъ не будетъ французскаго духа.

По нашему мнѣнію, друзья человечества и цивилизаціи должны желать, чтобы въ это дѣло вмѣшалась Европа, чтобы она обезпечила Германіи полную свободу ея внутреннихъ движеній, поддерживала границы, установленныя въ 1815 году, и запрещала Франціи мечтать о другихъ, оставила Францію побѣжденной, но гордой своей цѣлостностью, предоставила Францію воспоминаніямъ о своихъ ошибкахъ, дала ей возможность оправиться при полной свободѣ, исправивши создавшееся странное внутреннее положеніе. Такое рѣшеніе не только положить конецъ страшному расколу, смущающему въ данное время европейскую семью, но и будетъ заключать въ себѣ зародышъ власти, назначенной оказывать на будущее самое благодѣтельное вліяніе.

Въ самомъ дѣлѣ, почему было возможно это страшное событіе, которое навсегда оставитъ полное ужаса воспоминаніе о 1870 годѣ? Потому, что различныя европейскія націи слишкомъ независимы другъ отъ друга и не имѣютъ никого выше себя, потому, что не было ни конгрессовъ, ни сеймовъ, ни амфиктіонаго трибунала, которые стояли бы выше національнаго суверенитета. Такое учрежденіе существуетъ въ дѣйствительности, такъ какъ Европа, въ особенности послѣ 1814 года, часто дѣйствовала коллективно, подкрѣпляя свои рѣшенія угрозами коалиціи; но эта центральная власть не была достаточно сильна, чтобы помѣшать страшнымъ войнамъ. Остается пожелать, чтобы она приобрѣла такую силу. Мечта утопистовъ о мирѣ, трибуналѣ, не имѣющей арміи для поддержки своихъ рѣшеній, все это утопія; никто не станетъ повиняться ему. Съ другой стороны, мнѣніе, по которому миръ будетъ обезпеченъ только въ тотъ день, когда нація будетъ имѣть неоспоримое превосходство надъ другими, совершенно противоположно истинѣ; всякая нація, обладающая гегемоніей, тѣмъ самымъ готовится свое разрушеніе и вызываетъ противъ себя коалицію всѣхъ другихъ націй. Миръ можетъ быть установленъ и поддерживаемъ только общимъ интересомъ Европы или, если угодно, лигой нейтральныхъ державъ, принимающей угрожающее положеніе. Между двумя спорящими частями врядъ-ли удастся восторжествовать справедливости; но между десятью спорящими частями всегда одержитъ верхъ справедливость, такъ какъ только она доставляетъ общее основаніе соглашенія, общій участокъ. Сила, способная поддержать противъ наиболѣе могущественнаго изъ государствъ рѣшеніе, считаемое полезнымъ для блага европейской семьи, находится исключительно во власти различныхъ государствъ вмѣшиваться, размышлять, составлять коалиціи. Будемъ надѣяться, что эта власть, принимая все болѣе и болѣе конкретныя и регулярныя формы, создастъ въ будущемъ настоящій конгрессъ, періодическій, если только не постоянный, и будетъ сердцемъ Европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ, связанныхъ между собой федеральнымъ договоромъ. Тогда ни одна нація не будетъ имѣть права называться „великой націей“; каждая сможетъ быть великой націей при томъ условіи, что она будетъ ожидать этого титула отъ другихъ націй и не станетъ сама давать его себѣ. Въ будущемъ только исторіи будетъ принадлежать право опредѣлять то, что каждый народъ сдѣлалъ для че-

ловѣчества, и обозначать страны, которыя въ извѣстныхъ эпохи имѣли извѣстнаго рода превосходство надъ другими странами.

Такимъ образомъ можно надѣяться, что страшный кризисъ, которымъ одержимо челоуѣчество, на минуту остановится. Но что же нужно будетъ дѣлать на другой день послѣ того, какъ остановить свое пагубное дѣйствіе коса смерти? Энергично напасть на причину зла. Причиной зла былъ плачевный политическій режимъ, который ставилъ существованіе націй въ зависимость отъ самонадѣянной болтовни ограниченныхъ полководцевъ, отъ оскорбленнаго самолюбія и тщеславія дипломатовъ, дѣйствующихъ безъ всякаго основанія. Противопоставимъ этому парламентскій режимъ, истинное правительство серьезныхъ и умѣренныхъ партій страны, не демократическую химеру царствованія народной воли со всѣми ея причудами, но царствованіе національной воли, результатъ благихъ инстинктовъ народа, научно истолковываемыхъ сознательной мыслью. Страна не желала войны и никогда не будетъ желать ея; она желаетъ своего внутренняго развитія или въ формѣ богатства, или въ формѣ общественной свободы. Представимъ иностраннымъ державамъ зрѣлище благополучія, свободы, спокойствія, хорошо понятаго равенства, и Франція опять добьется того превосходства, которое она потеряла благодаря неразумнымъ выходкамъ своихъ военныхъ и дипломатовъ. У Франціи есть принципы, которые, хотя и подвержены критикѣ и опасны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но способны покорить міръ, когда Франція сама подаетъ первый примѣръ уваженія этихъ принциповъ. Пусть Франція будетъ образцомъ истинно либеральнаго государства, въ которомъ обезпечены права всякаго индивидуума, образцомъ государства, благосклонно относящагося къ другимъ государствамъ и окончательно отказавшагося отъ идеи увеличенія страны, и всѣ перестанутъ нападать на нее, но будутъ стараться подражать ей.

Я знаю, въ мірѣ есть очаги фанатизма, гдѣ еще царствуетъ темпераментъ; въ нѣкоторыхъ странахъ еще есть военное дворянство, этотъ прирощенный врагъ всякихъ разумныхъ понятій, который мечтаетъ только объ уничтоженіи того, что не похоже на него. Феодальный элементъ Пруссіи—съ одной стороны и, Россіи—съ другой,—находится еще въ томъ возрастѣ, когда еще такъ ѣдка варварская кровь, не знающая ни возвратовъ, ни разочарованій. Франція, и до извѣстной степени, Англія достигли своей цѣли. Пруссія и Россія еще не достигли того момента, когда обладаешь тѣмъ, чего желаешь, когда холодно разсматриваешь то, для чего тревожилъ миръ, и когда замѣчаешь, что все это—ничто, что все земное только эпизодъ вѣчной мечты, рябь на поверхности безконечнаго, постепенно создающаго и поглощающаго насъ. Эти молодья, неистовья расы сѣвера гораздо наивнѣе; онѣ обманываются своими желаніями; увлеченныя поставленной цѣлью, онѣ похожи на того молодого челоуѣка, который представляетъ, что, разъ будетъ полученъ объектъ его страсти, онъ будетъ совершенно счастливъ. Къ этому присоединяется черта характера, чувство, которое, повидимому, всегда внушали песчанья равнины сѣверной Германіи; именно чувство непорочныхъ Вандаловъ

передъ нравами и роскошью римской имперіи, своего рода Пуританское неистовство, зависть и бѣшеный гнѣвъ противъ легкой жизни тѣхъ, которые наслаждаются жизнью. Такой трезвый и фанатическій духъ существуетъ и въ наши дни. Такіе „меланхолическіе умы“, какъ говорили прежде, считаютъ себя обязанными отомстить за добродѣтель, направить развращенныя націи на истинный путь. Для этихъ экзальтированныхъ идея германской имперіи не является идеей ограниченной національности, свободной въ своихъ предѣлахъ и не занимающейся остальнымъ міромъ; они хотятъ универсальнаго дѣйствія германской расы, возобновляющаго Европу и управляющаго ею. Но это совершенно химерическое безуміе. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ въ угоду этимъ печальнымъ умамъ, что Франція уничтожена, Бельгія, Голландія и Швейцарія подавлены, Англія—пассивна и сохраняетъ молчаніе; что сказать тогда объ этомъ великомъ спектрѣ германскаго будущаго, о славянахъ, которые тѣмъ болѣе будутъ стремиться отдѣлиться отъ германскаго тѣла, чѣмъ болѣе будетъ индивидуализироваться послѣднее? Славянское сознаніе растетъ пропорціонально германскому сознанію и противопоставляется ему, какъ противоположный полюсъ; первое создаетъ второе. Нѣмецъ, какъ и весь міръ, имѣетъ право на отечество; но, какъ и другіе, онъ не имѣетъ права на владычество. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что такія фанатическія стремленія—не дѣло просвѣщенной Германіи. Наболѣе полное олицетвореніе Германіи—это Гете. Но вѣдь въ Гете прусскихъ элементовъ меньше всего. Представьте этого великаго человѣка въ Берлинѣ, представьте ту массу олимпійскихъ сарказмовъ, какую внушила ему эта непоколебимая суровость, этотъ тупой мистицизмъ благочестивыхъ и великодушныхъ солдатъ, боящихся Бога! Переставъ бояться Франціи, эти утонченные народы Саксоніи и Швабіи избавятся и отъ постояннаго пребыванія у нихъ прусскихъ полковъ; въ особенности Югъ опять начнетъ свою веселую, невозмутимую, гармоничную и свободную жизнь.

Средство достиженія этого—наше невмѣшательство. Великій факторъ развитія Пруссіи—это Франція или, лучше сказать, прекращеніе вмѣшательства Франціи въ германскія дѣла. Чѣмъ менѣе Франція будетъ заниматься Германіей, тѣмъ болѣе будетъ скомпрометировано германское единство, такъ какъ Германія желаетъ добиться единства только съ помощью предосторожностей. Въ этомъ смыслѣ Франція—вся сила Пруссіи. Пруссія (я подразумѣваю военную и феодальную Пруссію) будетъ переходнымъ, а не постояннымъ состояніемъ; вѣчное существованіе принадлежитъ Германіи. Пруссія будетъ энергичнымъ средствомъ въ рукахъ Германіи, чтобы освободиться отъ угрозъ бонапартистской Франціи. Союзъ германскихъ силъ въ рукахъ Пруссіи—фактъ, вызванный только временной необходимостью. Разъ исчезнетъ опасность, исчезнетъ и союзъ, и Германія немедленно возвратится къ своимъ естественнымъ инстинктамъ. На другой же день послѣ своей побѣды Пруссія очутится передъ лицомъ враждебной Европы и Германіи, возвращающейся къ своему влеченію къ частнымъ автономіямъ. Именно это позволяетъ мнѣ съ увѣ-

ренностью сказать: Пруссія преидеть, Германія останется. Но Германія, предоставленная своему собственному гению, будетъ націей либеральной, миролюбивой, даже демократической въ законномъ смыслѣ этого слова. Я думаю, что социальныя науки будутъ обязаны ей замѣчательнымъ прогрессомъ и что многія идеи, облеченныя у насъ въ страшную маску социалистической демократіи, будутъ созданы въ ней въ благодѣтельной и осуществимой формѣ.

Самая большая ошибка, которую могла совершить либеральная школа среди овладѣвшаго нами ужаса, это отчаяніе. Вѣдь будущее принадлежитъ ей. Настоящая война, предметъ проклятій будущихъ поколѣній, случилась потому, что мы отступили отъ либеральныхъ правилъ, которыя являются въ одно и то же время правилами мира и правилами союза народовъ. Пагубное желаніе возмездія, которое можетъ бесконечно продлить періодъ паденія Франціи, будетъ побѣждено мудрымъ развитіемъ либеральной политики. Совершенно ложна та идея, что Франція можетъ подражать военнымъ учрежденіямъ Пруссіи. Соціальное состояніе Франціи не допускаетъ того, чтобы всѣ граждане были солдатами, ни того, чтобы солдаты оставались таковыми на всю жизнь. Чтобы поддерживать армію, организованную по прусскому образцу, необходимо мелкое дворянство; но у насъ его нѣтъ, а еслибы и было, то гений Франціи сдѣлалъ бы то, чтобы мы имѣли не мелкое, но скорѣе крупное дворянство. Пруссія основываетъ свою силу на развитіи начальнаго образованія и на тождествѣ арміи и націи. Консервативная партія во Франціи съ трудомъ допускаетъ эти два принципа и, собственно говоря, врядъ ли способна къ нимъ страна. Пруссія, какъ сказалъ-бы Плутархъ, обладаетъ болѣе добродѣтельнымъ темпераментомъ, чѣмъ Франція; поэтому она можетъ выносить учрежденія, которыя, будучи примѣнены безъ всякихъ предосторожностей, дали бы у насъ совершенно различные плоды и были бы источникомъ революцій. Пруссія получаетъ въ этомъ жертву великаго политическаго и социальнаго отреченія своихъ народностей. Заставляя своихъ соперниковъ заботиться о начальномъ образованіи и подражать своему *Land wehr*'у (по всей вѣроятности, эти нововведенія будутъ анархическими въ католическихъ и революціонныхъ странахъ), Пруссія принуждаетъ ихъ принять режимъ, здоровый для нея, нездоровый для нихъ, какъ пьяница, заставляющій своего товарища пить вино, которое опьянитъ этого товарища и не лишитъ разума его самого.

Въ общемъ огромное большинство человѣческаго рода питаетъ ужасъ къ войнѣ. Истинно христіанскія идеи кротости, справедливости, доброты все болѣе завоевываютъ міръ. Военственный духъ существуетъ еще только у солдатъ по профессіи, среди дворянства Сѣверной Германіи и въ Россіи. Демократія не желаетъ войны и не понимаетъ ея. Прогрессъ демократіи положитъ конецъ господству этихъ желѣзныхъ людей, пережитковъ другого вѣка, которыхъ нашъ вѣкъ съ ужасомъ видѣлъ выходящими изъ нѣдръ стараго германскаго міра. Каковъ бы ни былъ исходъ настоящей войны, эта партія будетъ побѣждена въ Германіи.

Демократія сочла ея дни. Нѣкоторыя тенденціи демократіи внушаютъ мнѣ опасенія, и годъ тому назадъ, ¹⁾ я откровенно высказалъ ихъ; но, конечно, если демократія ограничится тѣмъ, что освободитъ родъ человѣческой стѣ людей, которые, ради удовлетворенія своего тщеславія и своей злобы, умерщвляютъ миллионы людей, то на сторонѣ демократіи будетъ мое полное сочувствіе и моя признательная симпатія.

Принципъ независимыхъ національностей не стремится, какъ думаютъ нѣкоторые, освободитъ родъ человѣческой отъ бича войны; я всегда боялся, что принципъ національностей, замѣнившій пріятный и отеческій символъ законности, превратитъ борьбу народовъ въ уничтоженіе расъ и изгонитъ изъ правового кодекса народовъ тотъ темпераментъ, ту гражданскую организацію, которую допускали прежнія политическія и династическія войны, не принимавшія крупныхъ размѣровъ. Конецъ войны увидятъ тогда, когда къ принципу національностей прибавятъ исправляющій его принципъ, именно принципъ европейской федераціи, стоящей выше всѣхъ національностей; прибавимъ еще: когда демократическіе вопросы, этотъ противовѣсъ вопросамъ чистой политики и демократіи, получаютъ все свое значеніе. Вспомните 1848 годъ; французское движеніе проявляется также въ видѣ одновременныхъ вспышекъ во всей Германіи. Повсюду военачальники сумѣли подавить наивныя желанія этой эпохи; но кто знаетъ, не проснется ли сознаніе этихъ бѣдныхъ людей, которыхъ теперь эти самые военачальники ведутъ на смерть? Нѣмецкіе натуралисты, претендующіе на примѣненіе своей науки къ политикѣ, съ холодною, имѣющей глубокомысленный видъ, утверждаютъ, что въ исторіи дѣйствуетъ законъ уничтоженія расъ и борьбы за существованіе, что наиболѣе сильная раса необходимо прогоняетъ наиболѣе слабую и что германская раса, какъ болѣе сильная, чѣмъ расы латинская и славянская, призвана побѣдить ихъ, покорить ихъ себѣ. Оставимъ это послѣднее утвержденіе, хотя оно требуетъ очень многихъ оговорокъ и возраженій. Не будемъ говорить также этимъ трансцендентнымъ матеріалистамъ, что право, справедливость, мораль, какъ вещи, не имѣющія смысла въ царствѣ животныхъ, суть законы человечества; умы, настолько освободившіеся отъ старыхъ идей, навѣрное отвѣтятъ намъ одной улыбкой. Ограничимся однимъ замѣчаніемъ: животные виды не заключаютъ между собою союзовъ. Никогда не приходило въ умъ, чтобы два или три вида, изъ опасенія быть уничтоженными, заключали коалицію противъ своего общаго врага; животныя одной и той же области не заключаютъ союзовъ между собою, не устраиваютъ конгрессовъ. Федеративный принципъ, этотъ охранитель справедливости, есть основа человечества. Это гарантія правъ всѣхъ: нѣтъ ни одного европейскаго народа, который не долженъ былъ бы преклоняться передъ подобнымъ трибуналомъ. Великая германская раса, въ дѣйствительности гораздо болѣе великая, чѣмъ хотятъ этого ея не-

---

¹⁾ См. статью „Конституціонная монархія“ въ концѣ этого тома.

умѣлые апологеты, навѣрное, будетъ имѣть въ будущемъ гораздо большее значеніе, если можно будетъ сказать, что именно ея могущественное дѣйствіе окончательно ввело въ европейское право столь существенный принципъ. Всѣ великія военныя гегемоніи (гегемонія Испаніи въ XVI вѣкѣ, гегемонія Франціи при Людовикѣ XIV и при Наполеонѣ) кончили свое существованіе быстрымъ истощеніемъ. Пусть Пруссія будетъ осторожна: ея радикальная политика можетъ втянуть ее въ цѣлый рядъ осложненій, изъ которыхъ ей не легко будетъ выпутаться; проницательный глазъ, можетъ быть, и теперь видитъ уже образовавшійся узелъ будущей коалиціи. Умные друзья Пруссіи говорятъ ей тихо, не угрожая, но предостерегая: *Vae victoribus!*

О созывѣ собранія во время осады.

Глубоко убѣжденный, что организованная и дисциплинированная сила всегда одерживаетъ верхъ надъ силой неорганизованной и недисциплинированной, я никогда не питалъ надежды къ усиліямъ продолжать борьбу послѣ 4 сентября. Въ ноябрѣ я напечаталъ въ *Journal des Débats* слѣдующія три статьи:

Статья первая.—10 ноября 1870 года.

Странное положеніе, въ которомъ мы находимся теперь, отличается той особенностью, что воля Франціи сдѣлалась совершенно неясной и что даже единство французскаго сознанія находится въ большой опасности. Правительство національной обороны, явившееся результатомъ революціи, бывшей, подобно большинству революцій и государственныхъ переворотовъ, политической ошибкой, никогда не было принято такъ полно, какъ правительства, явившіяся результатомъ революцій 1830 и 1848 г. Консервативныя части страны приняли правительство національной обороны только наполовину; такъ называемыя передовыя части страны почти не признавали его; Западъ, Югъ выказали духъ независимости, поражавшій только невнимательныхъ наблюдателей; въ настоящее время Ліонъ, Марсель и Бордо являются революціонными общинами, съ трудомъ допускающими федеральную связь съ парижскимъ правительствомъ. Такъ и должно было случиться. Будучи составлено исключительно изъ членовъ парижской депутаціи и лицъ, принадлежащихъ къ республиканской партіи, правительство національной обороны не могло претендовать быть полнымъ выраженіемъ всей Франціи. Для этого оно должно было съ первыхъ-же дней своего существованія допустить въ свои ряды депутатовъ отъ провинцій и сгруппировать около себя выдающихся людей всѣхъ партій. Но это правительство, которое, не смотря на недостатки своего происхожденія, насчитываетъ въ своей средѣ столько мудрыхъ, храбрыхъ и достойныхъ уваженія лицъ, съ почетною смѣлостью признаетъ свой основной недостатокъ: „на другой-же день послѣ

крушенія имперскаго правительства, люди, которыхъ необходимость облекла властью, предложили миръ и, для урегулированія его условій, предложили перемиріе, необходимое для организаціи національнаго представительства. Желая прежде всего стать лицомъ передъ уполномоченными страны и добиться съ помощью ихъ почетнаго мира, они хотѣли, чтобы Франція могла собрать своихъ депутатовъ для обсужденія вопроса о мирѣ; они искали такихъ комбинацій, при которыхъ могли бы пообѣщать Франціи возможность выражать свою волю“.

Такъ вполне разумно говорить Жюль Фавръ. Прибавимъ еще, что это правительство, такое частичное, далеко не всѣми принятое, отличается худшимъ недостаткомъ, какой только можетъ имѣть правительство: оно не сносится съ управляемыми странами. Ложное положеніе власти, укрѣпившейся въ городской ратушѣ, проявляется здѣсь во всемъ своемъ блескѣ. Находясь подъ властью нуждъ, вызванныхъ его исключительно парижскимъ происхожденіемъ, оно не осмѣлилось оставить Парижъ въ моментъ осады города непріателемъ, какъ этого требовала логика. Вѣдь совершенно неестественно, чтобы центральное правительство великой страны находилось въ осадѣ. Отлично понимая всѣ слабости стороны этого положенія, правительство національной обороны съ полной вѣрой въ свое дѣло старалось организовать собраніе, надѣленное всѣми полномочіями страны.

Одна идея, повидимому, особенно сильно занимала правительство и часть французскаго общества: чтобы созвать такое собраніе, необходимо перемиріе. Отсюда возникаютъ эти попытки Фьера, благородно понятыя и передаваемыя потомству; отсюда возникаютъ эти опыты нейтральныхъ державъ, выполненные съ такимъ патріотическимъ пыломъ и душевнымъ воодушевленіемъ Тьеромъ. Всякая надежда на осуществленіе подобной организаціи, повидимому, утеряна. Но можно поставить вопросъ: не преувеличивали ли необходимость военнаго соглашения, къ которому такъ послѣдовательно и упорно стремились? Въ самомъ дѣлѣ, нужно-ли было испрашивать позволенія непріателя, чтобы созвать національное собраніе? Не было-ли, напротивъ, совершенно противно духу конституціи, очень унижительно и губительно для самой сущности избирательнаго акта совершать главную операцію политической жизни націи съ разрѣшенія непріателя и подъ его надзоромъ? Трудности, выдвинутыя Пруссіей по поводу выбора въ нѣкоторыхъ частяхъ завоеванной территоріи, которая она хотѣла оставить за собой послѣ мира, были отчасти послѣдовательны. Не естественно, чтобы актъ высшей непріязни къ Пруссіи совершался на глазахъ у прусскихъ часовыхъ. Эльзасъ и Лотарингія должны были выбирать своихъ депутатовъ вопреки желанію Пруссіи, а отнюдь не съ ея согласія. Несомѣнно, эти выборы будутъ протестомъ противъ проектовъ, высококомѣрно возвѣщенныхъ возбужденной частью Германіи; но такой протестъ не имѣлъ бы никакой силы, если бы онъ былъ результатомъ милостиваго позволенія непріателя.

Только боязливый формализмъ могъ заставить насъ повѣрить, что не можетъ быть серьезнаго представительства націо-

нальной воли безъ вмѣшательства непріятели. Исторія показываетъ намъ обратное: истинные представители національнаго духа зарождались подъ давленіемъ непріятели. Конечно, для того, чтобы избирательныя операціи могли производиться съ обыденными формальностями въ захваченныхъ частяхъ территоріи, нужно было согласіе прусскаго правительства. Эти формальности имѣютъ нѣчто торжественное: общественный актъ высшей свободы и даже подчиненія нельзя было совершать въ присутствіи непріятели. Но въ моментъ крайней необходимости формы можно упростить. Нужно принять во вниманіе, что три четверти Франціи не были заняты нѣмецкими войсками. Въ этихъ странахъ выборы могли производиться согласно обычнымъ правиламъ. Даже въ департаментахъ, занятыхъ войсками непріятели, большое число общинъ могло устроить вполне правильные выборы. Остаются такимъ образомъ только страны, разоренныя иностранными войсками, гдѣ какая либо политическая жизнь совершенно невозможна. Въ этихъ странахъ общественное мнѣніе должно проявляться неправильно, но отъ этого оно будетъ только болѣе откровеннымъ, въ особенности при поспѣшности дѣйствій. Нельзя допустить, чтобы Франція лишилась главной функціи своей національной жизни, потому что она не можетъ совершить ее обыденнымъ образомъ и однообразно во всѣхъ частяхъ территоріи.

Трудности были бы очень велики, если бы пожелали устроить собраніе изъ семисотъ или восьмисотъ членовъ, выбранныхъ посредствомъ баллотировки. Для такихъ выборовъ нужно спокойное состояніе, свободная страна. Согласится ли непріятель облегчить намъ дѣло выборовъ? Откажется ли прусское правительство отъ всякаго вмѣшательства въ самую операцію выборовъ? Вѣдь безъ этихъ условій выборы будутъ недостойны и незаконны. Но въ настоящее время намъ не нужно многочисленное собраніе: намъ нужна исполнительная делегація отъ департаментовъ, — делегація, быстро составленная и быстро собранная въ Турѣ или какомъ нибудь городѣ, лежащемъ за Луарой. Намъ нужно, чтобы каждый департаментъ въ теченіе недѣли или десяти дней выбралъ делегата и снабдилъ его всѣми полномочіями. Эти делегаты вмѣстѣ съ членами фракціи правительства, засѣдающей въ Турѣ, составили бы собраніе приблизительно въ сто человѣкъ. Это собраніе по мѣрѣ возможности сносилось бы съ правительствомъ Парижа; оно было бы облечено всѣми правами національнаго суверенитета; ему надлежало бы рѣшить вопросъ о продолженіи войны или о заключеніи мира. Получая приказанія отъ этого собранія и исполняя ихъ, мы были бы увѣрены, что исполняемъ свой долгъ и дѣйствуемъ согласно волѣ Франціи, если бы даже собраніе обязывало насъ къ новымъ жертвамъ или представляло насъ ради Франціи подвергнуться жестокому униженію.

Разъ настала часъ мира, такое правительство могло бы заключить его. Мы сомнѣваемся, чтобы это могло сдѣлать правительство Парижа. Всякое явленіе всегда носить на себѣ признаки своего происхожденія. Правительство, которое должно постоянно считаться съ газетами и клубами, правительство, основывающееся на популярности и всегда находящееся подъ опас-

ностью совершать ошибки, являющіяся результатомъ противоположныхъ мнѣній,—такое правительство не можетъ обойтись безъ ошибокъ. Правительство національной обороны сумѣло выдержать очень трудные моменты; но оно не могло не придать своей программѣ того увѣреннаго, гордаго и напыщеннаго тона, который такъ любить народъ. Оно сказала неразумно: „Ни пяди нашей территоріи, ни камня нашихъ крѣпостей“! Но лучше патриоты, которые никогда не согласились-бы осудить милліоны французовъ на устрашающую ихъ судьбу, могутъ принять нейтральную систему, при которой достаточно гарантировано право народностей. Кромѣ того, правительство національной обороны, подобно всѣмъ правительствамъ, находящимся предъ лицомъ великаго народнаго волненія, совершило величайшую ошибку: оно дало пищу иллюзіямъ и примирилось съ нѣкоторыми заблужденіями общества. Въ настоящее время это почти отрѣзываетъ ему отступленіе. Сомнительно, чтобы правительство національной обороны могло быть правительствомъ міра. Первородный грѣхъ всякаго демократическаго учрежденія—это тѣ жертвы, которыя оно должно приносить поверхностному духу толпы. Какъ разрушить поддерживаемыя раньше надежды? Какъ объявить безвыходнымъ положеніе, которое раньше называли блестящимъ или довольно сноснымъ? Прибавимъ еще, что правительство, только весьма несовершенно представляющее Францію, правительство, находящееся въ осадѣ и отрѣзанное отъ страны, не можетъ уже вести переговоровъ для всей страны. Если Парижъ долженъ сдать, ему необходимо сдать на капитуляцію. Если же необходимо продолжать войну, то крайне необходимо знать, желаетъ ли продолженія войны вся страна и не предложимъ ли мы ей испытаніе сверхъ ея силъ.

Такимъ образомъ все убѣждаетъ насъ въ необходимости устроить провинціальную делегацію, которой довѣрена была бы судьба Франціи и которую можно было бы собрать, не спрашивая позволенія непріятеля. Крайне непріятно, что эта делегація не образовалась сразу. Какъ близко были бы мы къ спасенію, если бы во Франціи были провинціальныя штаты или генеральныя совѣты, серьезные и способные вести политическія дѣла, которые могли бы составить такую делегацію! Скорая баллотировка и вездѣ, гдѣ баллотировка невозможна, быстрое истолкованіе общественнаго мнѣнія съ помощью наиболее уважаемыхъ и просвѣщенныхъ гражданъ,—вотъ планъ спасенія. Составленное путемъ правильныхъ выборовъ, ядро делегаціи судило бы о менѣ правильныхъ назначеніяхъ и, въ случаѣ необходимости, приняло бы ихъ на себя. Безпартійность была бы легко осуществима при тѣхъ странныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, въ особенности, если принять во вниманіе, что такая делегація имѣла бы временный характеръ, что она не обсуждала бы ни одного политическаго вопроса, относящагося къ будущему, что ея полномочія въ моментъ хищенія территоріи непріателемъ были бы прекращены правильнымъ назначеніемъ учредительнаго собранія.

Единство Франціи находится въ опасности; голова и сердце никогда не возвращаются къ жизни. Будемъ всѣми нашими си-

лами защищать великое французское сознание, которое было такимъ хорошимъ орудіемъ цивилизаціи и можетъ теперь потухнуть. Будемъ энергично защищать его, такъ какъ, даже побѣжденное теперь, оно будетъ нашимъ охранителемъ въ будущемъ; будемъ защищать его, поддерживая солидарность различныхъ частей націи. Пусть правительство пригласитъ декретомъ всякій департаментъ составить делегацію въ возможно болѣе короткое время; пусть оно укажетъ мѣсто собранія, и Франція будетъ имѣть центральное представительство, нисколько не будучи обязана этимъ уступкѣмъ непріятели. Прибавимъ еще, что, быть можетъ, Франція никогда не будетъ имѣть лучшаго представительства. Выборы будутъ слишкомъ печальны, чтобы кто нибудь посмѣлъ вносить въ нихъ смуту; обстоятельства слишкомъ торжественны, чтобы осталось мѣсто мелкимъ интригамъ и инсинуаціямъ.

Статья вторая.—13 ноября.

Настаивая на необходимости возможно скорѣе организовать представительство страны, мы и не думали указывать въ частности пути и средства его установленія. Мы считаемъ такую операцію трудной, но не невозможной; мы ввѣряемъ себя мудрости правительства національной обороны въ дѣлѣ выбора лучшихъ средствъ для подавленія несчастья. По нашему мнѣнію, необходимо обсудить два пункта. Перваго пункта мы придерживаемся безусловно: для спасенія націи собраніе необходимо. Второй пунктъ гораздо менѣе важенъ: собраніе, созванное для продолженія войны или заключенія міра, должно отличаться отъ учредительнаго собранія, которое урегулируетъ нашу будущую политическую судьбу. Учредительное собраніе можетъ быть назначено только въ сравнительно спокойное время, на основаніи зрѣлыхъ разсужденій, съ помощью однообразнаго, точно контролируемаго выбора. Но подобные выборы кажутся намъ невозможными во время переживаемаго нами кризиса. Страны, занятые войсками непріятели, не могли бы принять въ нихъ участія безъ соглашенія на это Пруссіи, безъ котораго гораздо лучше обойтись. Сообразно французскимъ идеямъ, впрочемъ подверженнымъ въ этомъ отношеніи основательной критикѣ, учредительное собраніе должно быть многочисленнымъ. Возможно, что многочисленное собраніе плохо выполнитъ печальное и страшное порученіе, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящее время. Наконецъ, учредительное собраніе является собраніемъ по преимуществу политическаго характера. Въ собраніи, которое рѣшитъ наше будущее, партіи могутъ быть крайне различны. Напротивъ, собраніе, которое нужно избрать теперь, должно стоять выше всѣхъ партійныхъ дѣленій, должно почти игнорировать ихъ. Оно должно думать только объ одномъ: какъ вывести Францію изъ того страннаго положенія, въ которое повергли ее нѣкоторыя основныя упорныя ошибки въ дѣлѣ политической философіи. Людей, желающихъ непосредственнаго созыва учредительнаго собранія, вполне разумно беспокоить избираемые собранія, изложенія своихъ убѣжденій, предложенія кандидатовъ, свободное обращеніе кандидатовъ и избранныхъ.

Все это возможно только при условіи соглашенія съ непріятелемъ. Что касается насъ, то мы считаемъ возможными выборы безъ всякаго разрѣшенія со стороны прусскихъ властей; мы считаемъ возможнымъ быстрое назначеніе делегатовъ безъ предварительной правильной кандидатуры. Всякій департаментъ вотируетъ сейчасъ же послѣ извѣщенія; избранные или назначенные делегаты направляются въ Туръ; раньше прибывшіе собираются, составляютъ собраніе; вновь прибывающіе присоединяются къ нимъ. Конечно, будутъ пробѣлы, нѣкоторые департаменты будутъ представлены сравнительно поздно, но это не важно. Тотъ или другой департаментъ не сможетъ устроить правильныхъ выборовъ. Но мы будемъ имѣть данныя о господствующихъ желаніяхъ общественнаго мнѣнія, и этого достаточно. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ невозможно будетъ никакое назначеніе, даже назначеніе делегатовъ сразу. Тогда ядро собранія, уже сформированнаго въ Турѣ, сдѣлаетъ представителями этихъ департаментовъ прежнихъ депутатовъ, пользующихся тамъ завѣдомымъ почетомъ и представляющихъ духъ этихъ департаментовъ. Ихъ прежнія мнѣнія не важны: теперь дѣло идетъ объ актѣ патріотизма, стоящемъ внѣ всякихъ мнѣній.

Но могутъ возразить, что такое собраніе будетъ собраніемъ нотаблей, собраніемъ съ аристократическимъ оттѣнкомъ, мало сообразнымъ съ нашей завистливой и подозрительной демократіей. Это вѣрно. Однако примиримся на время съ этими плохими предубѣжденіями. Когда мы выйдемъ изъ пропасти, мы займемся этими вопросами, а теперь будемъ спасаться. Страна спасается только актами вѣры и довѣрія къ уму и добродѣтели нѣсколькихъ гражданъ. Пусть же небольшое число еще существующихъ истинныхъ аристократовъ извлечетъ васъ изъ вашего несчастнаго положенія; послѣ вы отомстите имъ, исключивъ ихъ изъ вашихъ палатъ, изъ вашихъ избирательныхъ совѣтовъ. Въ настоящій моментъ нужны люди выдающагося ума и сердца. Эти люди требуютъ привиллегій только въ моментъ опасности; перенесемъ же эти привиллегіи. Миссія собранія, которое нужно составить, — вести переговоры съ правительствомъ, крайне аристократическимъ, высоко цѣнящимъ превосходство рожденія и превосходство образованія. Признайте на время духъ вашего противника; послѣ, въ мирное время, вы получите удовлетвореніе.

Конечно, было бы лучше, если бы Франція въ прежнихъ учрежденіяхъ нашла составъ для этой временной палаты. Въ эти дни ясны, чѣмъ когда либо, увидѣли ту страшную пустоту, которую оставляетъ въ странѣ отсутствіе провинціальныхъ учреждений и настоящей мѣстной аристократіи. Какъ давно у насъ не было серьезныхъ генеральныхъ совѣтовъ! Если бы эти совѣты собрались въ нѣсколькихъ департаментахъ и взяли бы на себя выборы делегата, указываемаго общественнымъ мнѣніемъ, то этого делегата нужно было бы принять съ радостью. Если, какъ говорятъ, нѣкоторые департаменты желаютъ приступить къ выборамъ, не ожидая оффиціального приглашенія, то это вполне хорошо. Навѣрное, это самые передовые департаменты Франціи въ дѣлѣ политической жизни. Мы должны скоро принять и сгруппировать

всѣ быстрыя и чистосердечныя выраженія мнѣній. Не нужно мелочныхъ формальностей, не нужно мелочнаго самолюбія. Самымъ недостойнымъ по отношенію къ этому собранію было бы считать себя кандидатомъ въ него,—кандидатомъ на плачь и трауръ!

Что же дѣлать кандидатамъ Парижа, чтобы быть на этомъ собраніи? Я не знаю. Да въ нихъ и нѣтъ безусловной необходимости. Парижъ будетъ представленъ делегаціей отъ правительства національной обороны, находящагося въ Турѣ, тѣми членами правительства, которые могутъ прибыть въ Туръ, Тьеромъ, депутатомъ Парижа, являющимся естественнымъ президентомъ собранія. Не думая исключать изъ такого верховнаго собранія дѣйствительныхъ членовъ правительства національной обороны, я, напротивъ, считаю ихъ членами этого собранія въ силу того вліянія, которое они оказываютъ съ такимъ патріотизмомъ и которое никто не думаетъ отнимать у нихъ. Новое собраніе было бы только расширеніемъ правительства національной обороны, прибавкой отъ страны къ этому правительству, чтобы помочь выполнить лежащую на немъ страшную задачу.

Какъ отправить изъ Парижа декретъ о собраніи и необходимыя для его выполненія инструкціи? Если недостаточны или совершенно прерваны сношенія, до послѣдняго времени позволявшія, хотя и неправильно, сообщаться съ провинціей, то нужно было бы, не поднимая вопроса о перемиріи, получить, прямо или черезъ посредство нейтральныхъ державъ, позволеніе у Пруссіи отправить декретъ и вмѣстѣ съ нимъ, если это возможно, члена парижскаго правительства. Пруссія, такъ же, какъ и мы, заинтересована, чтобы у насъ было правительство, снабженное всѣми полномочіями Франціи. Дозволяя пройти посольству и члену парижскаго правительства, Пруссія повиновалась бы только собственному интересу и не дѣлала бы намъ никакой милости.

Главное: съ одной стороны—не останавливаться на разсужденіяхъ педантизма, всегда преувеличивающаго въ регулярности; съ другой—забыть всѣ партійныя дѣленія. Прекрасный примѣръ послѣдняго дала намъ легитимистская и клерикальная партіи Запада. Питая мало симпатій къ правительству, явившемуся результатомъ революціи 4 сентября, онѣ храбро взяли за оружіе; онѣ служатъ главной цѣли этого правительства, дѣлу національной обороны. Ни одна фракція республиканской партіи не выказала такого самоотреченія. Раздѣлиться на партіи можно и послѣ; нѣтъ никакой необходимости, чтобы въ собраніи, которое должно только организовать, были даже слѣды раздѣленія между роялистами, имперіалистами, клерикалами и республиканцами.

Мы не знаемъ, что можетъ быть основательнаго въ шумѣ нѣкоторыхъ газетъ, ставящихъ себѣ цѣлью заставить страну подъ видомъ плебисцита принять условія мира, предложенныя побѣдителемъ. Этотъ шумъ не могъ быть вполне опредѣленнымъ и яснымъ, но идея такого рода, въ самомъ дѣлѣ, могла представиться уму нашихъ непріятелей. Это самое крупное вѣроломство; никогда нельзя было-бы сдѣлать болѣе жестокаго примѣненія этого опаснаго принципа плебисцита, изъ котораго можно извлечь со временемъ столь пагубныя послѣдствія. Если есть актъ, кото-

рый нація можетъ совершить только съ помощью делегации, то это дипломатическій актъ, мирный договоръ. Тысячи избирателей не умѣютъ читать, не имѣютъ никакихъ свѣдѣній по географіи. Нѣтъ такой уступки, какой не могъ бы добиться побѣдившій непріятель, если-бы онъ предложилъ разоренному крестьянину выборъ: миръ или уступка отдаленной провинціи, имя которой даже неизвѣстно неграмотному. Будемъ надѣяться, что не въ этомъ непосредственная опасность. Но средство совершенно отъратить ударъ этого рода—это созвать собраніе просвѣщенныхъ, патріотическихъ, мужественныхъ людей, которые дѣйствительно живутъ духомъ Франціи, воспоминаніями ея прошлаго. Безъ этого всегда слѣдуетъ опасаться, что непріятель обратитъ себѣ на пользу необходимость законнаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мира, который будетъ объявленъ въ странѣ, и прямо продиктуетъ запуганной провинціи условія, за непринятіе которыхъ провинція обвинитъ парижское правительство. Если даже эти условія будутъ совершенно недопустимы для всякаго истиннаго патріота, толпа приметъ ихъ, разъ между нею и искусителемъ не будетъ холоднаго сужденія собранія просвѣщенныхъ людей, избранныхъ недавно страной, несомнѣнно желающихъ мира, но способныхъ различать возможные условія отъ невозможныхъ. Дадимъ странѣ возможность заключить почетный миръ изъ страха, чтобы страна, находясь подъ вліяніемъ только непріятели, не заключила безъ насъ мира пагубнаго.

Статья третья.—28 ноября.

Уже три недѣли тому назадъ мы говорили, что правительство національной обороны должно постараться выполнить свою миссію, провозгласивъ созывъ собранія, которое можно было бы считать представительствомъ всей Франціи. Ясно, что созывъ такого собранія былъ бы гораздо легче, если-бы было заключено перемиріе, предложенное нейтральными державами. Но это перемиріе не было принято, и мы все же считаемъ возможнымъ утверждать, что, даже при неудачѣ предложенія нейтральныхъ державъ, составленіе собранія еще очень желательно и что при всей трудности оно не является совершенно невозможнымъ.

Большинство возраженій противъ нашего мнѣнія основано на недоразумѣніяхъ. Эти возраженія были бы умѣстны противъ созыва учредительнаго собранія; въ самомъ дѣлѣ, выборъ послѣдняго предполагаетъ спокойствіе, свободу, предварительныя разсужденія. Поэтому мы всегда особенно энергично настаивали на томъ, что собраніе, въ которомъ Франція нуждается въ настоящую минуту, должно отличаться отъ того собранія, которое намѣтитъ политическое будущее страны. Желая этого различія, мы руководились очень простыми соображеніями. Учредительное собраніе, которое будетъ уполномочено со временемъ дать Франціи правительство, будетъ заключать въ себѣ различныя партіи. Тамъ будутъ энергично представлены противоположныя мнѣнія; республиканцы, легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, клерикалы будутъ вести ожесточенную борьбу; необхо-

димо, чтобы до выборов эти мнѣнія были ясно выражены въ программахъ, афишахъ, на общественныхъ собраніяхъ. Но въ настоящую минуту мы погибли бы, если-бы проявились такіа раздѣленія. Теперь всѣ партіи должны идти вмѣстѣ, должны позабыть о собственномъ существованіи. Спасеніе можно купить только этою цѣною.

Мы вѣримъ въ то, что было сказано три недѣли тому назадъ. Но мы не будемъ возвращаться къ выраженному тогда обѣщанію. Положеніе измѣнилось; мы наканунѣ великихъ рѣшительныхъ событій. Будемъ ждать и надѣяться. Если-бы мы продолжали настаивать, могло-бы показаться, что мы играемъ роль оппозиціи, которая такъ далека отъ насъ въ такой торжественный моментъ. Правительство національной обороны было бы неправо, считая своими врагами тѣхъ людей, которые, не принимая никакого участія въ событіи 4 сентября, съ жаромъ во-тировали за новую власть со времени плебисцита 3 ноября, продолжая считать ее представителемъ принципа національнаго единства, но въ тоже время отнимая у нея почетную независимость сужденій, отъ которой они никогда не отказывались при режимахъ, въ которыхъ свобода сужденій не была первымъ принципомъ. Возможно, что это правительство, въ особенности послѣ 3 ноября, имѣло въ насъ болѣе вѣрную поддержку, чѣмъ въ тѣхъ людяхъ, которые путемъ бунта создали его и черезъ нѣсколько дней хотѣли ниспровергнуть.

Съ болью въ сердцѣ мы видѣли, какъ невѣрно поняла нашу мысль демократическая партія, въ которой рядомъ съ менѣе возвышенными элементами всегда было много патриотизма и душевной теплоты. Подобно всѣмъ истиннымъ гражданамъ, мы стараемся, не претендуя на непогрѣшимость, найти средства помочь нашему бѣдному отечеству выйти изъ той пропасти, въ которую оно низвергнуто. Неправа демократическая партія, думая, что для этого достаточно приемовъ поверхностнаго якобинизма. Эта партія,—безъ которой нечего и думать обойтись, но которая одна не въ силахъ регулировать судьбы націи,—совершила бы капитальную ошибку, если-бы думала управлять Франціей безъ согласія провинцій. Утверждать, что возможно предписывать большинству, имѣя принципомъ всеобщее избирательное право, значитъ возвращаться въ порочномъ кругѣ. Крайне неприятно также, что наиболѣе видныя органы демократической партіи не особенно заботятся изслѣдовать предлагаемыя имъ разсужденія и слишкомъ склонны видѣть враговъ въ тѣхъ, кто не раздѣляетъ всѣхъ ихъ мнѣній. Будемъ избѣгать всякихъ раздѣленій. Мы входимъ въ періодъ тяжелыхъ испытаній; при такихъ обстоятельствахъ необходима холодность мышленія. Пусть же всѣ стараются слушать только голосъ разума и чувство долга.

Письмо Штрауссу.

18-го августа 1870 года въ Gazette d'Augsbourg появилось письмо Штраусса, въ которомъ послѣдній оказалъ мнѣ

честь, обратившись ко мнѣ со своими сужденіями о событіяхъ времени. Оно оканчивалось такъ:

„Быть можетъ, вы найдете также страннымъ и то, что эти строки доходятъ до Васъ только черезъ посредство газеты. Конечно, въ болѣе спокойное время я былъ-бы увѣренъ въ Вашемъ согласіи; но при настоящемъ положеніи дѣлъ, прежде чѣмъ мое письмо попадетъ въ Ваши руки, а Вашъ отвѣтъ въ мои, будетъ упущенъ настоящій моментъ. Кромѣ того, я считаю, что при настоящемъ критическомъ положеніи можетъ быть полезнымъ, если два человѣка, принадлежащіе къ двумъ соперничающимъ націямъ, независяще другъ отъ друга и чуждые всякаго партійнаго духа, обмѣняются своими безпристрастными, но совершенно свободными мнѣніями относительно причинъ и значенія настоящей борьбы; вѣдь написанныя мною только что страницы только въ томъ случаѣ вполнѣ достигнутъ своей цѣли, если побудятъ Васъ къ подобному же изложенію Вашихъ чувствъ, сдѣланному съ Вашей точки зрѣнія“.

Я отозвался на это приглашеніе; и вотъ 16-го сентября 1870 года въ *Journal des Débats* появился мой отвѣтъ, который я и воспроизвожу теперь. Наканунѣ въ той же газетѣ былъ напечатанъ переводъ письма Штраусса.

Милостивый Государь!

Ваши возвышенныя философскія рѣчи дошли до насъ среди этого адскаго неистовства, какъ вѣсть о мирѣ; онѣ доставили большое утѣшеніе намъ, а въ особенности мнѣ, такъ какъ я обязанъ Германіи самымъ цѣннымъ для меня,—философіей и даже, скажу, пожалуй, религіей. Будучи въ семинаріи Св. Сульпиція, я началъ 1843 въ году знакомиться съ Германіей по Гете и Гердеру. Мнѣ показалось, что я вошелъ въ храмъ, и съ того самаго времени все, что до тѣхъ поръ казалось мнѣ великолѣпнымъ, достойнымъ Божества, стало производить на меня впечатлѣніе желтыхъ и засохшихъ бумажныхъ цвѣтовъ. Такимъ образомъ эта война, какъ я уже писалъ Вамъ въ самомъ началѣ враждебныхъ дѣйствій, преисполнила меня горемъ, вслѣдствіе ужасныхъ бѣдствій, которыя неминуемо должны были слѣдовать за ней, во вторыхъ, вслѣдствіе ненависти и ложныхъ толковъ, которые будутъ распространяться благодаря ей, и того вреда, который она нанесетъ успѣху истины. Громадное несчастье людей состоитъ въ томъ, что Франція не понимаетъ Германіи, а Германія не понимаетъ Франціи; и эта ошибка въ дальнѣйшемъ будетъ только увеличиваться. Опровергать фанатизмъ можно, только противопоставивъ ему таковой-же; послѣ войны мы встрѣтимся съ одержимыми страстью умами, которымъ трудно будетъ переносить нашъ свободный и обширный, свѣтлый умъ.

Ваши мысли объ исторіи развитія германскаго единства въ высшей степени правильны. Въ тотъ самый моментъ, когда я получилъ номеръ *Gazette d'Augsbourg* съ Вашимъ прекраснымъ письмомъ, я какъ разъ былъ занятъ составленіемъ статьи для *Revue des Deux Mondes*, которая появится на этихъ дняхъ и въ которой я излагалъ взгляды, тождественные съ

Вашими. Ясно, что съ тѣхъ поръ, какъ отвергнули принципъ законнаго престолонаслѣдія, то для того, чтобы опредѣлить основаніе территоріальныхъ раздѣленій государствъ, существуетъ только право національностей, т. е. естественныхъ группъ, опредѣляемыхъ племенемъ, исторіей и желаніемъ народа. Но если есть національность, которая имѣетъ явное право на полную свою самостоятельность, то это безъ сомнѣнія, національность германская. За Германіей—славнѣйшее имя; я хочу сказать о ея первенствующей роли въ исторіи, ея духъ, литературъ, геніяхъ, о ея пониманіи какъ божескихъ, такъ и человѣческихъ дѣлъ. Германія произвела важнѣйшій переворотъ вѣковъ, именно реформацію; сверхъ того, сто лѣтъ тому назадъ Германія произвела одно изъ самыхъ блестящихъ интеллектуальныхъ движеній, какое когда-либо существовало; осмѣлюсь сказать, что это движеніе увеличило глубину и ширину человѣческаго духа на цѣлую ступень, такъ что непрічастные къ этому культурному движенію относятся къ пережившимъ его на себѣ, точно такъ-же, какъ знающій элементарную математику относится къ знающему дифференціальное исчисленіе.

Для всякаго образованнаго, не ослѣпленнаго рутинной и предвзятыми поверхностными мнѣніями, человѣка было ясно, что столь значительная интеллектуальная сила, соединенная съ такой нравственностью и серьезностью, должна была произвести соотвѣтствующее политическое движеніе, что германская нація была призвана взять на себя во внѣшней матеріальной и практической области роль, по своему значенію соотвѣтствующую той роли, которую она имѣла въ области духа. Законность требованій Германіи увеличивалась еще тѣмъ, что необходимость союза была для нея мѣрой предосторожности, оправдываемой примѣромъ печальныхъ нелѣпостей первой Имперіи,—нелѣпостей, которыя отвергаютъ какъ просвѣщенные французы, такъ и Германцы; противъ повторенія такихъ нелѣпостей необходимо было употреблять мѣры предосторожности, такъ какъ нѣкоторые лица съ большимъ неразуміемъ еще до сихъ поръ возстановляютъ воспоминанія объ этомъ.

Итакъ, въ 1866 году мы (я говорю здѣсь отъ лица одной небольшой группы истыхъ либераловъ) съ величайшей радостью получили предвѣстіе того, что Германія станетъ на положеніе первоклассной державы. Вамъ было пріятно, не меньше, чѣмъ намъ, видѣть это великое и счастливое событіе осуществившимся благодаря прусской арміи. Вы лучше всѣхъ показали, сколь многого еще недостаетъ, чтобы Пруссія стала Германіей. Но, какъ бы то ни было, въ этомъ отношеніи наше мнѣніе, я думаю, раздѣляете и Вы: именно, что объединенная Германія, по устроеніи этого объединенія Пруссіей, поглотитъ ее самое, подобно тому, какъ дрожжи, поднявшія тѣсто, исчезаютъ потомъ изъ него. Что же касается того высококомѣрнаго и завистливаго педантизма, который намъ иногда не нравится въ Пруссіи, то мы видимъ также, что мало-по-малу занимаетъ главное мѣсто и рѣшительно укореняется германскій духъ съ его удивительной широтой, съ его поэтическими и философскими стремленіями. То, что было

мало симпатично въ нашихъ инстинктахъ въ феодальной и очень умѣренно парламентской странѣ, въ которой господствуетъ небольшое дворянство, затронутое узкой и полной предразсудковъ ортодоксіей, это мы забываемъ, точно такъ-же, какъ забываете это и вы сами, и видимъ въ дальнѣйшемъ будущемъ только Германію, эту великую и свободную націю, предназначенную побуждать къ рѣшительнымъ шагамъ въ политическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ вопросахъ и, быть можетъ, осуществить то, что мы пытались сдѣлать во Франціи и чего до сихъ поръ не достигли: именно, научную рациональную организацію государства.

Какимъ образомъ эти мечтанія были обмануты? Какъ они уступили мѣсто горчайшей дѣйствительности? Свои мысли по этому поводу я изложилъ въ *Revue*. Вотъ онѣ въ двухъ словахъ: можно представлять нѣкоторыя ошибки французскаго правительства какъ угодно большими, но несправедливо было-бы забывать, что поведеніе прусскаго правительства во многихъ отношеніяхъ также заслуживаетъ порицанія. Вы знаете, что планы Бисмарка были сообщены въ 1865 году императору Наполеону III, и онѣ, въ общемъ, согласился съ ними. Если это согласіе произошло вслѣдствіе того убѣжденія, что германское объединеніе было исторической необходимостью, и что было желательно, чтобы это объединеніе произошло съ полной пріязнью со стороны Франціи, то императоръ Наполеонъ III былъ тысячу разъ правъ. Я самъ знаю, что приблизительно за мѣсяць до начала враждебныхъ дѣйствій 1866-го года императоръ Наполеонъ III былъ увѣренъ въ успѣхѣ Пруссіи, и что онѣ даже желалъ этого успѣха. Къ несчастью, нерѣшительность и привычка къ противорѣчивымъ поступкамъ, слѣдующимъ одинъ за другимъ, повредили императору въ этомъ случаѣ точно такъ-же, какъ во многихъ другихъ. Побѣда при Садовой прогремѣла безъ всякаго результата. О непостижимая измѣнчивость! Сбиваемый съ толку бахвальствомъ военной партіи, смущаемый упреками оппозиціонной партіи, императоръ дошелъ до того, что сталъ разсматривать какъ поражение то, что для него должно было быть побѣдой и чего онѣ во всякомъ случаѣ желалъ и добивался.

Если успѣхъ оправдываетъ все, то прусское правительство можетъ быть вполне оправдано; но вѣдь мы, милостивый государь, философы; мы имѣемъ наивность думать, что и выигравшій могъ быть неправъ. Для полученія тайной поддержки отъ императора Наполеона III и отъ Франціи прусскому правительству пришлось снизойти до просьбъ. Хотя ничего условлено не было, однако прусское правительство должно было выказывать по отношенію къ императору и къ Франціи знаки признательности и симпатіи. Одинъ вашъ соотечественникъ, выказывающій въ данное время расположеніе къ Франціи, даже большее, чѣмъ я желалъ бы видѣть отъ благороднаго человѣка, говорилъ мнѣ, что Германія въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, была обязана Франціи величайшей признательностью за активное, хотя и отрицательное, участіе, которое эта послѣдняя приняла при ея образованіи. Берлинскій кабинетъ, руководимый принципомъ гор-

дости, имѣвшимъ въ будущемъ непріятныя послѣдствія, смотрѣлъ на дѣло иначе.

Конечно, территориальныя расширения имѣютъ мало значенія, когда дѣло касается націи, заключающей въ себѣ отъ 30 до 40 милліоновъ человекъ; для Франціи пріобрѣтеніе Савойи и Ниццы было скорѣе непріятно, чѣмъ полезно. Можно пожалѣть однако, что прусское правительство не допустило смягченія строгости въ своихъ требованіяхъ въ Люксембургскомъ дѣлѣ. Хотя Люксембургъ и былъ уступленъ Франціи, однако отъ этого Франція не увеличилась, а Германія не уменьшилась; но этой незначительной уступки было достаточно для удовлетворенія поверхностныхъ сужденій, съ которыми нужно считаться въ странѣ со всеобщей подачей голосовъ; эта уступка дала французскому правительству возможность замаскировать свое отступленіе. Въ одномъ огромномъ замкѣ крестоносцевъ Kalaat-el-hosp, который еще находится въ Сиріи, среди развалинъ на камнѣ видна надпись красивымъ шрифтомъ XII столѣтія; такую надпись династія Гогенцоллерновъ, должно быть, вырѣзала на щитахъ каждаго своего замка; надпись эта слѣдующая:

Sit tibi copia,
 Sit sapientia
 Forma que detur;
 Inquinat omnia
 Sola superbia
 Si comitetur

Въ дѣлахъ, не касающихся войны, человекъ съ безпристрастнымъ умомъ можетъ почти равнымъ образомъ дѣлать упреки, которыхъ заслуживаетъ какъ французское, такъ и прусское правительство. Вы знаете, что я думаю о послѣдующихъ событіяхъ, о жалкомъ дипломатическомъ происшествіи или, скорѣе, о жестокой игрѣ оскорбленнаго самолюбія, которое направило на человѣчскій родъ всѣ бичи, чтобы отомстить за ничтожныя ссоры дипломатовъ. Я былъ въ Тромсое, гдѣ великолѣпный видъ снѣжнаго полярнаго моря наводилъ меня на мысли объ островахъ Смерти нашихъ кельтическихъ и германскихъ предковъ, когда я узналъ эту ужасную новость: никогда я не проклиналъ такъ, какъ въ тотъ день, злой рокъ, который, казалось, приговорилъ нашу бѣдную страну быть руководимой, только невѣжествомъ, самонадѣянностью и бездѣйствіемъ.

Что ни говори, а эта война никоимъ образомъ не была неизбежна. Франція совершенно не желала войны. Не нужно судить объ этомъ по газетнымъ разглагольствованіямъ и по уличнымъ толкамъ. Франція—страна глубоко миролюбивая; всѣ ея заботы были направлены на разработку огромныхъ источниковъ богатства, которыми она обладаетъ, и на демократическіе и социальные вопросы. Король Людовикъ Филиппъ вполне вѣрно понималъ это. Онъ понималъ, что Франція съ ея вѣчной раной, готовой всегда открыться (отсутствіе династіи или всѣми признанной конституціи), не можетъ вести большой войны. Нація, выполнившая свою программу и стремящаяся къ равенству, не могла бы бороться съ молодыми, полными заблужденій народами,

проходящими самую горячую пору своего развитія. Повѣрьте мнѣ, единственные причины этой войны—слабость нашихъ конституціонныхъ учрежденій и тѣ пагубные совѣты, которые давались императору самонадѣянными и ограниченными полководцами, а также тщеславными или несвѣдущими дипломатами. Воля народа не играетъ здѣсь никакой роли; наоборотъ, эта необыкновенная манифестація, показавшая, что наполеоновская династія пустила свои корни въ самую глубь страны, должна была подать надежду, что императоръ вскорѣ мало-по-малу станетъ оставлять свои привычки отчаяннаго игрока. Намъ кажется, что человѣкъ, обладающаго огромными территоріальными богатствами, должно меньше привлекать испытывать свое счастье бросаньемъ игральной кости, чѣмъ человѣкъ, богатства котораго подлежатъ сомнѣнію. Дѣйствительно, чтобы избѣгнуть опасностей всеобщаго волненія, нужно было держаться выжидательной политики. Сколько вопросовъ въ дѣлахъ этого бѣднаго человѣчества нужно устранять, не умѣя разрѣшить ихъ! А черезъ нѣсколько лѣтъ съ удивленіемъ замѣчаютъ, что вопроса собственно уже и не существуетъ. Существовала ли когда нибудь такая національная ненависть, какъ та, которая въ продолженіе шести столѣтій раздѣляла Францію и Англію? Еще двадцать пять лѣтъ тому назадъ, во времена Людовика Филиппа, эта ненависть была довольно сильна; почти всѣ говорили, что она можетъ окончиться только войной; ненависть эта исчезла, какъ по волшебству.

Естественно, милостивый государь, просвѣщенные либералы послѣ этого рокового часа имѣли только одно желаніе: увидѣть окончаніе того, что не должно было и начинаться.

Франція жестоко ошиблась, высказавъ желаніе противодѣйствовать внутреннимъ движеніямъ Германіи; но и Германія сдѣлала не менѣе грубую ошибку, пожелавъ нанести ударъ цѣлости Франціи. Ничего нельзя придумать лучше этого плана, если имѣть въ виду гибель Франціи; разрозненная Франція начнетъ волноваться и погибнетъ. Тѣ дѣйствительно послѣдовательны въ желаніи нанести себѣ ущербъ, кто думаетъ, какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые Ваши соотечественники, что Франція должна отдѣлиться отъ многихъ народовъ; они отлично видятъ, что этотъ ущербъ и будетъ концомъ Франціи. А тѣ, которые, подобно Вамъ, увѣрены, что Франціи необходимо согласіе съ остальнымъ свѣтомъ, должны взвѣсить послѣдствія, вызываемыя раздробленіемъ. Я могу говорить здѣсь совершенно безпристрастно. Всю жизнь я учился быть истымъ патриотомъ, какимъ долженъ быть всякій честный человѣкъ, но въ то же время я старался беречь себя отъ излишняго патриотизма, ведущаго къ заблужденіямъ. Впрочемъ моя философія—это идеализмъ; гдѣ я вижу благо, красоту и истину, тамъ и есть мое отечество. Во имя вѣчныхъ, истинныхъ, идеальныхъ интересовъ я пришелъ бы въ отчаяніе, если бы Франція перестала существовать. Франція необходимо должна существовать для противодѣйствія педантизму, догматизму и узкому ригоризму. Вы должны согласиться съ этимъ, такъ какъ вы такъ хорошо поняли Вольтера. То легкомысліе, которое намъ ставятъ въ упрекъ, на самомъ дѣлѣ серьезно и честно. По-

смотрите: если особенный складъ нашего ума, съ его достоинствами и недостатками, померкнетъ, то упадетъ, навѣрное, и степень человѣческаго сознанія. Разница необходима, и первая обязанность человѣка, старающагося проникнуть въ планы Божіи по истинѣ набожнымъ сердцемъ, состоитъ въ терпѣннѣи и почитаніи даже тѣхъ органовъ духовной жизни человѣчества, ниспосылаемыхъ Провидѣніемъ, которые для него наименѣе подходящи и симпатичны. Не такъ давно вашъ знаменитый Моммзенъ въ письмѣ, немного опечалившемъ насъ, сравнивалъ нашу литературу съ мутными водами Сены и старался предохранить отъ нея міръ, какъ отъ яда. Что же! Этотъ суровый ученый, стало быть, знаетъ лишь наши шуточные газеты да нашъ глупый театр-буффъ! Будьте увѣрены, что за жалкой шарлатанской литературой, имѣющей успѣхъ у толпы, у насъ, какъ и вездѣ, есть еще совершенно иная Франція, отличная отъ Франціи XVII и XVIII вѣковъ, но, однако, одного и того же происхожденія: во первыхъ, группа высокоцѣнныхъ и полныхъ совершенной серьезности людей, а, во вторыхъ, отборное, милое и въ то же время серьезное общество, общество остроумное, снисходительное, любезное знающее все безъ всякаго ученія, инстинктивно разгадывающее послѣднія философскія открытія. Смотрите, не затрагивайте этого. Франція, страна очень разнообразная, представляетъ ту особенность, что нѣкоторыя германскія насажденія часто принимаются въ ней лучше, чѣмъ на своей природной почвѣ; можно было бы доказать это примѣрами изъ исторіи нашей литературы XII вѣка, эпическими пѣснями, схоластической философіей и готической архитектурой. Вы, кажется, думаете, что распространеніе здравыхъ германскихъ идей можетъ быть облечено какими либо радикальными мѣрами? Отбросьте эту ложную мысль: именно тогда это распространеніе было бы прекращено совершенно; страна со страстью обратилась бы къ своимъ старымъ національнымъ привычкамъ и свойственнымъ ей ошибкамъ.—„Тѣмъ хуже для страны!“—скажутъ ваши восторженные.—„Тѣмъ хуже для человѣчества!“—прибавлю я. Уничтоженіе или ослабленіе одного члена причиняетъ страданія всему тѣлу.

Наступаетъ торжественный часъ. Во Франціи существуютъ два умственныхъ теченія! Приверженцы одного разсуждаютъ такъ: „Окончимъ какъ можно скорѣе эту отвратительную войну; уступимъ все, и Эльзасъ и Лотарингію; подпишемъ мирный договоръ; затѣмъ смертельная ненависть, непрерывныя приготовленія, союзъ съ кѣмъ угодно, безграничное довѣріе ко всѣмъ честолюбивымъ требованіямъ Россіи; единственная цѣль, единственный двигатель жизни—истребительная война противъ германской расы“. Приверженцы другого теченія говорятъ: „Спасемъ цѣлость Франціи, будемъ развивать конституціонныя учрежденія, исправимъ наши ошибки, не помышляя найти себѣ удовлетвореніе въ войнѣ, несправедливыми зачинщиками которой были мы сами, но заключивъ съ Германіей и Англіей союзъ, послѣдствіемъ котораго будетъ то, что міръ пойдетъ по пути либеральной цивилизаціи“. Германія рѣшитъ, какой изъ этихъ двухъ политикъ слѣдовать

Франціи, и тѣмъ самымъ она опредѣлитъ положеніе цивилизаціи въ будущемъ.

Ваши пылкіе германисты ссылаются на то, что Эльзась—земля германская, несправедливо отнятая отъ германской имперіи. Замѣтьте, что всѣ національности имѣютъ „плохо выкроенные края“; когда принимаются разсуждать объ этнографіи каждаго округа, то этимъ даютъ поводъ къ безконечнымъ раздорамъ. Отличныя провинціи, жители которыхъ говорятъ на французскомъ языкѣ, не составляютъ части Франціи, и это очень выгодно даже для самой Франціи. Славянскія земли принадлежатъ Пруссіи. Эти аномаліи оказываютъ большую услугу успѣхамъ цивилизаціи. Напримѣръ, присоединеніе Эльзаса къ Франціи представляетъ изъ себя фактъ, наиболѣе способствовавшій распространенію германизма; именно благодаря Эльзасу къ намъ постоянно прибываютъ изъ Германіи книги, идеи, ученія. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы выставить этотъ вопросъ на разсмотрѣніе Эльзасскому населенію, то подавляющее большинство высказалось бы за продолженіе союза съ Франціей. Развѣ достойно Германіи насильно удерживать за собой противящуюся, раздраженную, ставшую неприемлимой провинцію, въ особенности послѣ разрушенія Страсбурга? Иногда, право, духъ захватываетъ отъ дерзости вашихъ государственныхъ мужей. Прусскій король, кажется, принужденъ взять на себя тяжелую обязанность разрѣшить французскій вопросъ, дать Франціи правительство и, слѣдовательно, поручиться за него. Но возможно ли даже умышленно отыскать подобную, трудную задачу? Какъ же не видѣть того, что слѣдствіемъ такой политики будетъ занятіе Франціи тремя или четырьмястами тысячъ людей на вѣчныя времена? Стало бытъ, Германія хочетъ посоперничать съ Испаніей XVI-го вѣка? Что же будетъ съ ея великой и возвышенной интеллектуальной культурой? Пусть Германія боится того, что въ тотъ день, когда придетъ время самыхъ славныхъ лѣтъ для германской расы, періоду ея военнаго господства, повлекшаго, быть можетъ, за собой пониженіе интеллектуальнаго и моральнаго уровня, предпочтутъ первые годы нашего вѣка, когда, побѣжденная и униженная до крайней степени, она сдѣлаетъ для міра самое высокое умственное откровеніе, которое знало когда либо человѣчество до сихъ поръ.

Удивляются тому, что нѣкоторые изъ вашихъ лучшихъ умовъ не видятъ этого, и въ особенности, тому, что они выказываютъ себя противниками вмѣшательства Европы въ эти вопросы. Миръ не можетъ быть заключенъ, какъ это кажется, непосредственно между Франціей и Германіей; онъ можетъ быть дѣломъ рукъ только Европы, такъ какъ она порицаетъ эту войну и должна желать, чтобы ни одинъ изъ членовъ ея европейской семьи не былъ слишкомъ ослабленъ. Вы справедливо говорите о гарантіи противъ возвращенія вредныхъ мечтаній; но какой гарантіи потребовала-бы Германія отъ Европы, если-бы эта послѣдняя вновь свято опредѣлила дѣйствительныя границы и запретила, во чтобы то ни стало, передвигать опредѣленные старинными договорами предѣлы? Всякое иное разрѣшеніе вопроса подастъ поводъ къ безконечнымъ раздорамъ. Сдѣлай Европа это,

и она положить на будущее время основаніе зачатію плодотворнѣйшаго учрежденія, я хочу сказать о центральной власти, своего рода конгрессѣ Соединенныхъ Европейскихъ Государствъ; это учрежденіе будетъ судить націи, давать имъ распоряженія и исправлять принципы національности на принципы федераціи. Вплоть до нашихъ дней эта центральная сила европейской общины выказывалась почти только во временныхъ коалиціяхъ противъ народа, добившагося всеобщаго господства; было-бы хорошо, если-бы образовалось нѣчто въ родѣ постоянной предупредительной коалиціи для сохраненія общихъ важныхъ интересовъ, которые со всѣмъ тѣмъ составляютъ интересы разума и цивилизаціи.

Принципъ европейской федераціи можетъ также дать основаніе посредничеству, подобному тому, какое представляла Церковь въ средніе вѣка. Иногда пытались навязать подобную роль демократическимъ стремленіямъ и тому значенію, которое имѣютъ въ наши дни соціальныя проблемы. Современный ходъ исторіи представляетъ изъ себя своего рода колебаніе между вопросами патріотическими, съ одной стороны, и демократическими и социальными—съ другой. Эти послѣдніе имѣютъ свою законную сторону и послужатъ, быть можетъ, въ смыслѣ умиротворенія будущаго времени. Извѣстно, что демократическая партія, несмотря на свои заблужденія, занимается важнѣйшими для отечества вопросами; приверженцы этой партіи подаютъ другъ другу руку, не глядя на національные раздоры, и съ полнымъ безразличіемъ относятся къ вопросамъ честолюбія, постоянно затрагиваемымъ аристократіей и военнымъ сословіемъ. Тысячи несчастныхъ людей, по причинамъ, понятнымъ имъ только наполовину, убиваютъ въ данное время другъ друга, не питая никакой взаимной ненависти; у нихъ есть общія потребности, общіе интересы. Что они когда-нибудь, наконецъ, поймутъ другъ друга и вопреки приказу военачальника протянутъ другъ другу руки, это, безъ сомнѣнія, только мечта. Можно видѣть въ этомъ не только хитрость: насильственная политика Пруссіи можетъ послужить осуществленію идей, которыхъ она и не подозрѣваетъ. Трудно даже представить, что неистовство этой толпы людей оставитъ прежнія аристократіи, долго будетъ избивать кроткія массы людей, разъ эта толпа проникнется демократическими стремленіями и экономическими идеями, сущность которыхъ именно въ томъ, чтобы не считаться съ національнымъ соперничествомъ.

Ахъ, дорогой учитель! Какъ хорошо поступилъ Іисусъ, основавъ царство Бога, міръ, стоящій выше ненависти, зависти и гордости, въ которомъ наиболѣе цѣннѣе не того (какъ въ наше печальное время), который дѣлаетъ болѣе всѣхъ зла, который поражаетъ, убиваетъ и оскорбляетъ, который больше всѣхъ лжетъ, безчестнѣе, хуже воспитанъ, наименѣе заслуживаетъ довѣрія и вѣроломнѣе всѣхъ, кто больше совершилъ дурныхъ поступковъ, имѣлъ дьявольскія мысли, кто наиболѣе глухъ къ состраданію, пощадѣ, кто не имѣетъ никакой вѣжливости, кто захватываетъ врасплохъ своего противника и зло шутитъ надъ нимъ,—но того, кто мягче и скромнѣе другихъ, кто дальше другихъ отъ са-

моувѣренности, кичливости и жестокости, кто уступаетъ всему міру и считаетъ себя послѣднимъ! Война представляетъ изъ себя цѣлую сѣть грѣховъ, состояніе, противное природѣ, въ которомъ приказываютъ считать хорошими тѣ поступки, которыхъ въ другое время приказываютъ избѣгать, какъ пороковъ и недостатковъ; на войнѣ считаютъ долгомъ пользоваться несчастьемъ ближняго, и того, кто сталъ бы оказывать добро вмѣсто зла и примѣнять евангельскія предписанія о прощеніи обидъ и о смиреніи, сочли-бы вздорнымъ и заслуживающимъ порицанія. Царство Бога устранило то, что позволяло войти въ Валгаллу. Не замѣтили-ли Вы, что ни въ восьми заповѣдяхъ блаженства, ни въ нагорной проповѣди, ни въ Евангеліи, ни во всей первоначальной христіанской литературѣ нѣтъ ни одного слова о томъ, что военныя доблести ведутъ въ царство небесное?

Будемъ опираться на эти заповѣди мира, которыя ускользаютъ отъ людей, одураченныхъ своею гордостью, увлеченныхъ мыслью о своей вѣчности и забывающихъ, такъ не по философски, о смерти. Никто не имѣетъ права оставаться безучастнымъ къ несчастью своей страны; но христіанинъ, какъ и философъ, всегда имѣетъ побужденіе къ жизни. Царство Бога не знаетъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ: оно состоитъ въ радости для сердца, ума и воображенія, которой побѣжденный наслаждается больше побѣдителя, если онъ лучше воспитанъ нравственно и имѣетъ больше силы духа. Развѣ вашъ великій Гете и достойный удивленія Фихте не научили насъ, какъ можно вести благородную и, слѣдовательно, счастливую жизнь среди униженій, которымъ подвергалось ихъ отечество извнѣ? Наконецъ, причиной моего душевнаго покоя является слѣдующее: въ прошломъ году, во время выборовъ въ законодательный корпусъ, я выставилъ свою кандидатуру; я не былъ избранъ; мои афиши висятъ еще на стѣнахъ деревень Сень-Марнскаго округа; на нихъ можно прочесть слѣдующее: „Нѣтъ революціи, нѣтъ войны! Война была бы такъ же гибельна, какъ и революція“. Чтобы имѣть спокойную совѣсть въ такія времена, какъ наши, нужно имѣть возможность сказать себѣ, что не избѣгалъ систематически общественной жизни, а тѣмъ болѣе, что не искалъ ея.

Будьте всегда увѣрены въ моей дружбѣ и самыхъ возвышенныхъ чувствахъ по отношенію къ Вамъ.

Парижъ, 13 сентября 1870 года.

Новое письмо Штрауссу.

Парижъ, 15 сентября 1871 года.

Въ концѣ Вашего письма въ Gazette d' Augsbourg отъ 18-го августа 1870 года, адресованнаго на мое имя, Вы предложили мнѣ изложить мои взгляды относительно ужаснаго положенія, созданнаго послѣдними событіями. Я сдѣлалъ это: мой отвѣтъ на Ваше письмо появился 16-го сентября въ Journal

des Débats, а наканунѣ былъ напечатанъ въ той же газетѣ переводъ Вашего письма, присланный намъ Вашимъ образцовымъ переводчикомъ, Карломъ Виттеромъ. Если Вы желаете хорошо обсудить положеніе Парижа въ эту эпоху, то Вы, вѣроятно, признаете, что этотъ журналъ съ большимъ усердіемъ давалъ свѣдѣнія объ этомъ. Осада началась на слѣдующій день, и всякое сообщеніе между Парижемъ и остальнымъ міромъ оказалось прерваннымъ въ продолженіе пяти мѣсяцевъ.

Спустя много времени послѣ заключенія перемирія, въ февралѣ 1871 года, я получилъ извѣстіе, которое удивило меня: именно, что 2-го октября 1870 года Вы помѣстили въ Gazette d'Augsbouurg отвѣтъ на мое письмо отъ 16-го сентября. Вы, конечно, не думали, чтобы прусская блокада была такъ серьезна, какъ это было на самомъ дѣлѣ; вѣдь, если-бы Вы знали это, то, вѣроятно, не обратились-бы ко мнѣ съ публичнымъ письмомъ, котораго я самъ не могъ прочесть и на которое я не могъ отвѣчать. При такихъ трудныхъ обстоятельствахъ недоразумѣнія весьма возможны; необходимо, чтобы лицо, къ которому обращаются съ вопросомъ, могло дать объясненіе и, если это нужно, внести поправки въ приписываемыя ему мнѣнія. Въ данномъ случаѣ боязнь ошибки не была химерой. Среди многихъ другихъ поправокъ, которыя въ дѣйствительности мнѣ нужно было бы внести въ Вашъ отвѣтъ отъ 2-го октября, одна поправка имѣетъ особенное значеніе. Васъ обмануло выраженіе: „договоры 1814 года“, которое мы во Франціи часто употребляемъ для общаго обозначенія договоровъ, опредѣляющихъ границы Франціи во время паденія первой Имперіи, и поэтому Вы думали, что я послѣ сраженія при Седанѣ просилъ возвращенія уступокъ 1815 года. Меня разсердило то, что Вы выставили меня передъ нѣмецкой публикой способнымъ на такіе абсурды. Мнѣ кажется, изъ всего того, что я писалъ относительно этой пагубной войны, ясно вытекаетъ та мысль, что нужно держаться тѣхъ національныхъ границъ, которыя опредѣлила исторія, и что всякое новое присоединеніе безъ согласія населенія будетъ ошибкой и даже преступленіемъ.

Одно обстоятельство еще больше увеличило мои непріятности. Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ я узналъ о существованіи Вашего письма отъ 2-го октября, я узналъ также, что въ Gazette d'Augsbouurg не былъ напечатанъ переводъ моего письма отъ 16-го сентября, такъ что эта газета сначала черезъ Ваше посредство предложила мнѣ вступить въ споры, видѣла Journal des Débats, положеніе котораго было затруднительно по инымъ причинамъ, и напечатала подъ шумъ народнаго ропота Ваши полныя надменности строки, а потомъ отказалась представить побѣдоносной публикѣ Германіи мои полныя смиренія строки, въ которыхъ я умолялъ о малой толикѣ великодушія и жалости къ моему побѣжденному отечеству. Я знаю, что Вы раскаялись въ этомъ поступкѣ; но здѣсь я поражаюсь, на что способенъ Вашъ восторженный патріотизмъ; вѣдь, вмѣсто того, чтобы прекратить споры, въ которыхъ Вашъ противникъ лишень слова, черезъ нѣсколько дней въ этой самой Gazette d'Augsbouurg Вы напе-

чатали отвѣтъ на то письмо, которое сами заставили меня написать и опубликовать которое не нашли возможнымъ. Вотъ гдѣ я ясно вижу различіе между нашими способами пониманія жизни. Страсть, которая Васъ наполняетъ и которая кажется Вамъ здравой, способна принудить Васъ къ нехорошему поступку. Въ противоположность этому, у насъ французовъ старой школы есть другая слабость: мы думаемъ, что утонченная чуткость благороднаго человѣка должна стоять впереди всѣхъ его обязанностей, впереди всякой страсти, всякаго вѣрованія, впереди чувствъ къ родинѣ, впереди религіи. Но мы ошибаемся въ этомъ, такъ какъ вѣдь съ нами не поступаютъ подобнымъ образомъ; и мы, какъ и всѣ вообще люди съ утонченной чуткостью, играемъ роль одураченныхъ среди людей, которые насъ болѣе не понимаютъ.

Правда, Вы мнѣ оказали, только-что честь, за что я, какъ должно, признателенъ Вамъ. Вы самолично перевели мое отвѣтное письмо и помѣстили его въ брошюрѣ вмѣстѣ со своими двумя письмами¹⁾. Вы желали, чтобы эти брошюры продавались въ пользу учрежденія для германскихъ инвалидовъ. Сохрани меня Богъ дѣлать Вамъ намеки насчетъ литературной собственности! Дѣло, которому Вы меня заставили способствовать, является дѣломъ человеколюбія, и если моя жалкая проза могла доставить нѣсколько сигаръ тѣмъ, кто разграбилъ мой маленькій домъ въ Севрѣ, то я Вамъ благодаренъ за то, что Вы дали мнѣ возможность согласовать свое поведеніе съ нѣкоторыми заповѣдями Іисуса Христа, которыя я считаю наиболѣе основательными. Но замѣтьте еще слѣдующіе тонкіе отгѣнки. Если-бы Вы мнѣ позволили опубликовать Ваше письмо, то я, конечно, никогда, во вѣки вѣковъ не издалъ-бы его въ пользу нашего дома инвалидовъ. Васъ увлекаетъ цѣль; страсть Вамъ мѣшаетъ видѣть прихоти пресыщеннаго человѣка, которыя мы называемъ вкусомъ и тактомъ.

Для меня уже прошло то время, которое всегда временно бываетъ у людей, проповѣдующихъ умѣренность въ критическое время. Какъ событія, такъ и подавляющее количество мнѣній обманули меня. Я не могу однако сказать Вамъ, что мнѣнія мои перемѣнились. Подождемъ лѣтъ десять, пятнадцать; я твердо увѣренъ, что просвѣщенная часть Германіи признаетъ тогда, что, совѣтуя ей спокойно воспользоваться своей побѣдой, я былъ ея лучшимъ другомъ. Я не вѣрю въ прочность вещей, доведенныхъ до крайности, и я былъ-бы очень удивленъ, еслибы абсолютная вѣра въ добродѣтель какого-нибудь племени, которую напри- мѣръ исповѣдуютъ Бисмаркъ и Мольтке, не привела къ несчастью.

Довѣряясь государственнымъ и военнымъ дѣятелямъ Пруссіи, Германія какъ-бы сѣла верхомъ на ретивую лошадь, которая понесетъ ее совсѣмъ не туда, куда хочетъ она сама. Вы ведете слишкомъ опасную игру. На что похоже ваше поведеніе? Оно совершенно похоже на поведеніе Франціи въ ту эпоху, которую ей болѣе всего ставятъ въ упрекъ. Въ 1792 году Европейскія державы вызываютъ Францію на бой. Франція разбиваетъ ихъ,

¹⁾ Leipzig, Hurzel, 1870 годъ.

на что она имѣла полное право; но затѣмъ она доводитъ свои побѣды до крайности, въ чемъ и была ея ошибка. Чрезмѣрность всегда вредна; излишняя самоувѣренность—это единственный порокъ, который наказывается на этомъ свѣтѣ. Торжество есть всегда ошибка и во всякомъ случаѣ является чѣмъ-то мало философскимъ. *Debemur mortī nos nostraque.*

Не воображайте, что вы болѣе другихъ ограждены отъ ошибокъ. Вотъ уже цѣлый годъ ваши журналы выказываютъ себя не менѣе свѣдущими, конечно, чѣмъ наши, но точно также пристрастными, безнравственными и безразсудными. Они не замѣчаютъ горы передъ самыми своими глазами, они не замѣчаютъ все возрастающей оппозиціи Славянъ противъ Германцевъ,—оппозиціи, которая клонится къ страшной борьбѣ. Они не видятъ, что, стирая съ лица земли сѣверный полюсъ, они тоже самое дѣлаютъ и съ южнымъ, что Германскую солидарность создала солидарность Франціи, что своей смертью Франція отомститъ Германіи и окажетъ ей самую скверную услугу. Другими словами, Германія дѣлаетъ ошибку, уничтожая своего противника. Кто не имѣетъ антитезы, у того нѣтъ смысла жизни. Если-бы не было болѣе приверженцевъ ортодоксіи, то ни Вы, ни я не существовали-бы; мы очутились-бы лицомъ къ лицу съ глупымъ и грубымъ матеріализмомъ, и онъ убилъ-бы насъ гораздо скорѣе, чѣмъ богословы. Германія вела себя по отношенію къ Франціи такъ, какъ будто у нея никогда не должно быть другого противника. А заповѣдь древняго мудреца *Amata nquam osurgis* теперь должна быть измѣнена: нужно такъ ненавидѣть, какъ если-бы пришлось когда-нибудь войти въ союзъ съ тѣмъ, кого ненавидятъ; вѣдь не знаютъ, у кого придется когда-нибудь искать дружбы.

Ни къ чему не послужить, если я скажу, что вотъ уже шестьдесятъ или семьдесятъ лѣтъ мы поступаемъ точно такимъ же образомъ, что въ это время мы устроили въ Европѣ убійственную, грабительскую и завоевательную войну, въ чемъ сами мы упрекаемъ Германію за 1870-ый годъ. Все это промахи первой Имперіи, которые всегда служатъ намъ укоромъ; это дѣло того поколѣнія, съ которымъ мы имѣемъ мало общаго и слава котораго не принадлежитъ намъ. Очевидно, неправильно мы привыкли считать XIX-ый вѣкъ вѣкомъ, знаменующимъ собою эпоху цивилизаціи, мира, промышленности, народной власти. „Какимъ образомъ, говорятъ, вы считаете преступленіемъ и постыдными дѣйствіями тѣ уступки, на которыя соглашались иногда такіа благородныя племена, какъ ваше, и которыми вы сами воспользовались?“—Отмѣтимъ даты. Право прежней эпохи можетъ и не быть правомъ эпохи современной. Чувство національностей возникло менѣе ста лѣтъ тому назадъ. Фридрихъ II въ своемъ отрѣченіи отъ германскаго языка и литературы былъ, какъ нѣмецъ, не хуже Вольтера, француза, воспользовавшись исходомъ битвы при Росбахѣ. Уступка провинцій представляла изъ себя тогда только передачу недвижимыхъ имуществъ отъ одного владѣтеля къ другому; а населеніе часто относилось къ этому индифферентно. Таково народное сознаніе. Мы создали его въ свѣтѣ нашей революціей; мы передали его другимъ народамъ, ко-

торыхъ мы побѣждали и часто несправедливо. Это сознаніе стало нашей догмой. Вотъ почему мы, французскіе либералы, были за Венеціанцевъ, за Миланцевъ противъ Австріи; за Богемію, за Венгрію противъ вѣнской централизаціи; за Польшу противъ Россіи; за Грековъ и турецкихъ Славянъ противъ Турціи. Со стороны Милана, Венеціи, Богеміи, Венгріи, Польши, Грековъ и турецкихъ Славянъ былъ высказанъ протестъ, и этого намъ было достаточно. Равнымъ образомъ мы были на сторонѣ жителей Рима противъ папы или скорѣе противъ чужеземнаго принужденія, поддерживавшаго у нихъ притязанія папы. Вѣдь мы не могли допустить, чтобы какая либо народность была принесена въ жертву религіозной идеѣ, предъявляющей притязанія на территорию, якобы необходимую для ея земного существованія. Въ освободительной войнѣ Америки многіе свѣтлые умы, мало симпатизировавшіе Южнымъ Штатамъ, все же не считали себя въ правѣ выйти изъ ассоціаціи, въ которой не хотѣли больше участвовать, съ того момента, когда путемъ суровыхъ жертвъ узнали всю серьезность своихъ желаній въ этомъ отношеніи.

Въ этомъ политическомъ правилѣ нѣтъ ничего глубокаго, ничего трансцендентнаго. Но съ помощью эрудиціи и метафизики нужно остерегаться быть болѣе справедливымъ, болѣе человѣчнымъ. Война никогда не кончится, если будутъ допущены проскрипціи за насилія прошлаго. Лотарингія безъ сомнѣнія принимала участіе въ образованіи германской имперіи; но Голландія, Швейцарія, даже Италія вплоть до Беневента, а начиная съ Верденскаго договора, и вся Франція, подразумѣвая здѣсь даже Каталонію, точно также принимали участіе въ этомъ. По языку и племеннымъ признакамъ Эльзасъ теперь—германская страна; но, до захвата германскими народностями, Эльзасъ былъ страной кельтической, точно такъ же, какъ и нижняя часть Германіи. Однако, отсюда мы не заключаемъ, что южная Германія должна принадлежать Франціи; но также нельзя утверждать, что по древнему праву Метцъ и Люксембургъ принадлежатъ Германіи. Никто не можетъ опредѣлить, на чемъ и когда остановятся такіа археологическія раскопки. Почти вездѣ, гдѣ ревностные патріоты Германіи объявляютъ германскія права, тамъ и мы могли-бы объявить прежнія кельтическія права; а до кельтическаго періода, говорятъ, тамъ были другіе иноземцы, Финны и Лапландцы; до Лапландцевъ тамъ существовали пещерные жители; а еще до нихъ, орангутанги. По такой философіи исторіи въ мірѣ законно только право орангутанговъ, незаконно отнятое у нихъ вѣроломствомъ цивилизованныхъ людей.

Но будемъ менѣе абсолютны; рядомъ съ правомъ умершихъ дадимъ мѣсто и праву живущихъ. Вѣчнымъ основаніемъ національныхъ правъ не можетъ служить мирный договоръ 843-го года, заключенный между тремя варварскими властелинами, которые при дѣлежѣ, ужъ, навѣрно, заботились только о своихъ личныхъ удобствахъ. Бракъ Маріи Бургундской съ Максимилианомъ не свяжетъ навсегда стремленія народовъ. Немыслимо допустить, чтобы человѣчество могло быть связаннымъ на безконечные вѣка браками, сраженіями, договорами ограниченными, не-

вѣжественныхъ эгоистичныхъ созданій, управлявшихъ въ среднѣе вѣка дѣлами здѣшняго міра. Нѣкоторые Ваши историки, напримѣръ, Ранке и Зибель, видятъ въ исторіи только списокъ княжескихъ властолюбивыхъ замысловъ и дипломатическихъ хитростей, благодаря которымъ какая нибудь провинція оказывается во власти, по большей части, чужеземной династіи, свладѣвшей ею. Но эти историки столь же мало оказываются философами, какъ и простодушная школа, желающая доказать, что французская революція ознаменовала собою совершенно новую эру въ исторіи. Возможной въ дѣйствительности намъ кажется только золотая середина между двумя этими крайностями. Нѣкоторые изъ насъ отвергаютъ равенство отдѣльныхъ людей и равенство племенъ, какъ существенную основную ошибку. Образованная часть человѣчества должна господствовать надъ низшею частью; человѣческое общество представляетъ изъ себя многоэтажное зданіе, въ которомъ должна царить мягкость, доброта (выказывать послѣднюю человѣкъ долженъ даже по отношенію къ животнымъ), но не равенство. Однако, европейскіе народы, какъ ихъ создала исторія, являются какъ бы перами большого сената, каждый членъ котораго неприкосновененъ. Европа—это конфедерація государствъ, связанныхъ общею идеей цивилизаціи. Индивидуальность cadaquo народа создается, безъ сомнѣнія, племенными особенностями, рѣчью, исторіей, религіей, но также еще чѣмъ-то болѣе осязательнымъ, а именно дѣйствительнымъ согласіемъ, желаніемъ, по которому различныя отдѣльныя части государства живутъ совмѣстной жизнью. До несчастнаго присоединенія Ниццы, ни одинъ французскій кантонъ не хотѣлъ отдѣляться отъ Франціи. Этого достаточно, чтобы считать преступленіемъ со стороны Европы—всякое расчлененіе Франціи, хотя послѣдняя не является единой ни по языку, ни по населенію. Напротивъ того, отдѣльныя части Бельгіи и Швейцаріи, а до нѣкоторой степени и острова Ля-Манша, совсѣмъ не желали принадлежать Франціи, хотя господствующимъ языкомъ тамъ былъ французскій. Уже только благодаря этому было бы преступленіемъ стараться отнять ихъ силою. Эльзась и по языку, и по населенію—страна германская; но онъ не желаетъ составлять часть Германіи, и это разрѣшаетъ вопросъ. Говорятъ о правахъ Франціи, о правахъ Германіи: эти разсужденія трогаютъ насъ гораздо меньше, чѣмъ право Эльзасцевъ, по которому они могутъ жить, какъ хотятъ, повинувшись власти только со своего собственнаго согласія.

Не порицайте нашу французскую либеральную школу за ея взглядъ на право народностей уступать себя только по собственному согласію, какъ на одинъ изъ видовъ божественнаго права. Для лицъ, не признающихъ, подобно намъ, принципа династіи, по которому все государство поневолѣ подлежитъ личнымъ правамъ государя, остается только вышеупомянутое право человѣческое. Такъ же, какъ легитимистская нація борется на жизнь и смерть за свою династію, мы должны приносить огромныя жертвы тѣмъ, кто, будучи связанъ съ нами вѣчнымъ договоромъ, не переноситъ больше этого насилія. Мы не допускаемъ уступки живыхъ существъ; нѣтъ ничего лучше, какъ покинуть терри-

торіи, подлежащія уступкѣ; но люди, живущіе тамъ—существа свободныя, и нашъ долгъ заставляетъ уважать ихъ.

Наша политика—это политика права народовъ; ваша политика—политика племенъ; и мы думаемъ, что наша политика лучше. Слишкомъ рѣзкое раздѣленіе челоуѣчества на племена,—помимо того, что оно основывается на ошибочныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, такъ какъ въ очень немногихъ странахъ есть дѣйствительно чистое племя,—можетъ повести только къ истребительнымъ и, позвольте мнѣ такъ выразиться, „зоологическимъ“ войнамъ, подобнымъ тѣмъ, которыя ведутъ различные виды грызуновъ и плотоядныхъ для поддержанія своей жизни. Таковъ будетъ конецъ этой обильной смѣси, составленной изъ многочисленныхъ и при томъ всѣхъ необходимыхъ элементовъ и называемой челоуѣчествомъ. Вы подняли надъ міромъ знамя этнографической и археологической политики вмѣсто знамени политики либеральной; но она окажется роковой для васъ. Сравнительная филологія, созданная и перенесенная вами на почву политики, сыграетъ съ вами дурную шутку. Этой политикой увлекаются славяне; всякій славянскій школьный учитель для васъ врагъ, термитъ, разрушающій вашъ домъ. Какъ можете вы думать, что славяне не поступятъ съ вами такъ же, какъ и вы поступали съ другими и, во всемъ слѣдуя за вами, не послѣдуютъ и въ этомъ по вашимъ стопамъ? Всякое утвержденіе германизма есть вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденіе славянизма; всякая попытка къ централизаціи съ вашей стороны есть вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе, „низвергающее“ славянъ, освобождающее и отдѣляющее ихъ. Краткій обзоръ австрійскихъ дѣлъ показываетъ это съ очевидностью. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ славянинъ увидитъ, что вы изъ его имени сдѣлали синонимъ раба; онъ увидитъ эту долгую историческую эксплоатацію его племени ¹⁾. Славянъ въ два раза больше, чѣмъ васъ, и когданибудь славянинъ, какъ Апокалипсическій драконъ, хвостъ котораго сметаешь треть всѣхъ звѣздъ, поведетъ за собой изъ центральной Азіи толпу старыхъ знакомцевъ Чингисъ-хана и Тамерлана. Подумайте, насколько лучше было бы сохранить до этого дня призывъ къ разуму, нравственности, общности принциповъ! Подумайте, какая тяжесть ляжетъ на мировые вѣсы, когда Богемія, Моравія, Кرواتія, Сербія и всѣ славянскія народности Оттоманской имперіи, навѣрное, предназначенныя къ освобожденію, племена еще героическія, воинственныя и требующія, чтобы ими ктонибудь повелѣвалъ, соберутся вокругъ этого большого Московскаго конгломерата, который соединяетъ уже въ одной славянской породѣ столько различныхъ элементовъ и который, повидимому, назначенъ быть ядромъ будущаго объединенія славянъ, такъ же, какъ почти не-греческая Македонія, почти не-итальянскій Пьемонтъ, почти не-германская Пруссія были средоточіемъ образованія греческаго, итальянскаго и нѣмецкаго единства. Вы слишкомъ благоразумны для того, чтобы надѣяться на признательность, которою Россія обязана вамъ. Одна изъ тайныхъ причинъ сквернаго расположенія къ намъ

²⁾ Непереводаемая игра словъ: slave (славянинъ), esclave (рабъ).

Пруссіи та, что она обязана намъ отчасти своей культурой. Одной изъ обидъ Россіи когда-нибудь будетъ то, что нѣмцы цивилизовали ее. Они въ одно и то же время будутъ отрицать и сознаваться въ этомъ, и воспоминаніе это будетъ раздражать ихъ: С.-Петербургская академія будетъ злиться на Берлинскую за то, что она была совершенно нѣмецкой, а Берлинская злится теперь на насъ за то, что она была наполовину французской. Нашъ вѣкъ—вѣкъ господства крѣпостного надъ господиномъ; а славянинъ былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ крѣпостнымъ, да и теперь еще отчасти является таковымъ.

Итакъ, въ день славянскаго завоеванія мы будемъ имѣть значенія больше васъ, такъ же, какъ Аѣины подъ римскимъ владычествомъ имѣли еще блестящую исторію, между тѣмъ какъ Спарта уже больше не имѣла ея.

Не полагайтесь на этнографію или, по крайней мѣрѣ, не примѣняйте ее слишкомъ усердно къ политикѣ. Пользуясь германской этимологіей, вы и города Лотарингіи считаете Прусскими. Имена: Вѣна (Vindobona), Вормсъ (Worms), Майнцъ (Mogontiacum)—галльскія; но мы никогда не потребуемъ отъ васъ этихъ городовъ. Если-же когда-нибудь славяне потребуютъ обратно самую Пруссію, Померанію, Силезію и Берлинъ на томъ основаніи, что все это славянскія названія, если они устроятъ на Эльбѣ и Одерѣ то, что вы сдѣлали на Мозелѣ, если они занесутъ на свою карту эти города и провинціи, то что вы тогда скажете? Нація не есть синонимъ племени. Маленькая и такъ прочно устроенная Швейцарія насчитываетъ три языка, три или четыре племени, двѣ религіи. Нація представляетъ изъ себя долговѣчную—конечно, не вѣчную—ассоціацію отчасти однородныхъ провинцій, образующихъ ядро, вокругъ котораго группируются другія провинціи, связанные другъ съ другомъ или общими интересами, или историческими событіями, получившими значеніе этихъ интересовъ. Англія, наиболѣе совершенная нація, съ этнографической и исторической точекъ зрѣнія представляетъ изъ себя націю смѣшанную. Чистые Бретонцы, Бретонцы романизованные, Ирландцы, Каледонійцы, Англо-Саксы, Датчане, чистые Нормандцы, французскіе Нормандцы—все это смѣшалось здѣсь.

Я смѣло могу сказать, что никакая нація не потерпитъ столько, какъ Германія, изъ за этихъ ошибочныхъ разсужденій. Вы лучше меня знаете, что великое господство германскаго племени надъ міромъ отъ V-го по XI-ый вѣкъ состояло не столько въ завоеваніи различныхъ племенъ, сколько въ томъ, что оно вводило въ міръ новый принципъ власти. Въ то время, какъ германизмъ господствовалъ надъ всѣмъ западомъ, собственно Германія состояла изъ немногаго. Славянскія владѣнія доходили до самой Эльбы, а галльскія племена имѣли твердые устои; такимъ образомъ германская имперія представляла изъ себя отчасти только феодальное государство, господствовавшее надъ славянскими и галльскими землями. Имѣйте въ виду, что въ этотъ вѣкъ воскресенія мертвыхъ могутъ происходить странныя вещи. Если въ Германіи исключительно будетъ господствовать національное чув-

ство, то она окажется вынужденной сильно сузить поле своего нравственного обаянія. Богемія, уже наполовину поглощенная германизмомъ, ускользаетъ отъ васъ, какъ проглоченная удавомъ добыча, которая оживетъ въ пищепроводѣ чудовища и будетъ дѣлать отчаянныя усилія выйти оттуда. Я охотно вѣрю, что славянское сознаніе умерло въ Силезіи; но вамъ никогда не удастся ассимилировать Познань. Это должно быть предпринято сразу, пока пациентъ дремлетъ; если онъ проснется, то его умъ болѣе не поймаютъ врасплохъ. Всеобщее подозрѣніе къ вашему объединительному господству и къ вашимъ ученіямъ распространяется съ каждымъ днемъ. Громадныя усилія удалить туземцевъ, въ которыхъ будутъ видѣть предшественниковъ вашихъ армій, будутъ надолго въ порядкѣ вещей. Незамѣтное проникновеніе вашихъ эмигрантовъ въ большіе города сдѣлалось однимъ изъ наиболѣе важныхъ и благодѣтельныхъ фактовъ нашего вѣка, но оно въ скоромъ времени уменьшится. Германецъ, разоблачивъ свой аппетитъ къ завоеваніямъ, будетъ идти впередъ, только какъ завоеватель. Подъ самой мирной внѣшностью будутъ видѣть врага, старающагося укорениться въ странѣ другого. Повѣрьте мнѣ: то, что вы потеряли, слабо вознаграждено полученными вами пятью миллиардами.

Всякій долженъ остерегаться всего исключительнаго и самобытнаго въ своемъ умѣ. Не будемъ воображать, что мы имѣемъ столько основаній думать, что виновны во всемъ наши противники. Отецъ небесный заставляетъ свое солнце восходить надъ разными зрѣлищами съ равнымъ благоволеніемъ. То, что мы считаемъ дурнымъ, часто оказывается полезнымъ и необходимымъ. Что-же касается меня, то я сердился-бы на міръ, въ которомъ всѣ вели-бы такую-же жизнь, какъ и я. Какъ и Вы, я долженъ, какъ клеркъ прежнихъ временъ, наблюдать за нравственными правилами; но я былъ бы въ отчаяніи, если бы въ мірѣ не было людей, стремящихся къ болѣе свободной жизни. Я не богатъ, но не могъ бы жить въ обществѣ, гдѣ бы не было богатыхъ. Я не католикъ, но я очень доволенъ тѣмъ, что существуютъ еще католики, сестры милосердія, сельскіе священники и кармелиты; я могъ бы умалчивать обо всемъ этомъ, но я не сдѣлаю этого. У васъ также нѣкоторые сносятъ то, что на нихъ не походитъ; если-бы весь міръ былъ устроенъ по вашему образцу, то, вѣроятно, міръ былъ бы немного угрюмъ и скученъ; даже ваши женщины съ трудомъ сносятъ эту излишнюю мужскую строгость. Этотъ міръ представляетъ изъ себя зрѣлище, устраиваемое божествомъ для самого себя. Будемъ же осуществлять намѣренія великаго дирижера, стараясь сдѣлать это зрѣлище возможно болѣе блестящимъ, возможно болѣе разнообразнымъ.

Ваше германское племя, повидимому, всегда вѣритъ въ Валгаллу; но Валгалла никогда не будетъ царствомъ Божиимъ. Благодаря своей военной славѣ, Германія рискуетъ оставить безъ вниманія свое истинно призваніе. Возьмемъ вмѣстѣ всѣ великія и истинныя задачи, задачи соціальныя, которыя можно резюмировать такъ: найти разумную организацію, настолько справедливую, насколько это возможно для человѣчества. Эти задачи были

поставлены Франціей въ 1789 и 1848 годахъ; но вѣдь вообще не рѣшаетъ задачу тотъ, кто поставилъ ее. Франція взялась за нее слишкомъ просто: она думала, что нашла исходъ въ чистой демократіи, во всеобщемъ избирательномъ правѣ и въ мечтахъ о коммунистической организаціи труда. Двѣ попытки не имѣли успѣха, и эта двойная неудача была причиной досадныхъ реакцій, къ которымъ слѣдуетъ отнестись снисходительно, если подумать, что инициатива въ подобномъ случаѣ имѣетъ большое значеніе. Возьмитесь вы въ свою очередь за эти задачи. Создайте для человѣка внѣ государства и потому внѣ семьи общество, которое его воспитываетъ, поддерживааетъ, исправляетъ, помогаетъ и дѣлаетъ счастливымъ; это дѣлала церковь, переставшая теперь выполнять эту функцію. Реформируйте церковь или дайте что нибудь взамѣнъ ея. Но чрезмѣрный патріотизмъ мѣшаетъ этому универсальному творенію, основаніемъ котораго является изреченіе Святого Павла: Нѣсть Эллінъ, ни Іудей. Это справедливо уже потому, что ваши великіе люди, не бывшіе чрезмѣрными патріотами, уже восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ указывали этотъ широкій путь, и мы въ этомъ являемся ихъ учениками. Я боюсь, что ваше ультра-патріотическое поколѣніе, отталкивая все не чисто германское, приготовитъ для себя очень ограниченную аудиторію. Іисусъ и основатели христіанства не были германцами; и Святой Бонифацій, и ирландцы, научившіе васъ письму во времена Каролинговъ, и Итальянцы, дважды или трижды бывшіе нашими учителями во всѣхъ отношеніяхъ, то же не были германцами. Вашъ Гете признавалъ, что благодаря Вольтеру и Дидро онъ кое-чѣмъ обязанъ этой „развращенной“ Франціи. Предоставимъ этотъ узкій фанатизмъ низшимъ слоямъ общественнаго мнѣнія. Позвольте мнѣ сказать вамъ слѣдующее: вы пали! Вы оказались болѣе узкими патріотами; чѣмъ мы. У насъ нѣкоторые высшіе люди отыскивали въ своей философіи спокойствіе и безпартійность; у васъ же я не знаю ни одного человѣка, исключая демократическую партію, который не колебался бы въ своихъ равнодушныхъ сужденіяхъ, который не оказался бы ни разу несправедливымъ, который не совѣтовалъ бы въ національныхъ отношеніяхъ поступать постыдно съ точки зрѣнія правилъ личной морали.

Но я останавливаюсь: было-бы слишкомъ наивно говорить теперь объ умѣренности, справедливости, братствѣ, благодарности и взаимныхъ обязанностяхъ между народностями. Поведеніе, котораго заставили васъ держаться въ присоединенныхъ провинціяхъ, въ концѣ концовъ деморализуетъ васъ. Вы будете вынуждены признать всѣ свои принципы ложными, считать преступниками тѣхъ людей, которыми вы должны будете дорожить, тѣхъ людей, которые не сдѣлаютъ ничего другого, кромѣ того, что сдѣлали съ такимъ благородствомъ вы послѣ Іены; всѣ ваши моральныя идеи идутъ къ полному развращенію. Наша система равновѣсія въ Европѣ скоро отойдетъ въ область мечтаній; наши либеральныя изреченія превратятся скоро въ устарѣлый жаргонъ. Благодаря дѣятелямъ Прусскаго государства, Франція съ этихъ поръ надолго будетъ имѣть одну цѣль: обратно завоевать поте-

рянныя провинціи. Разжигать все возрастающую ненависть славянъ противъ Германіи, покровительствовать панславизму, исполнять всѣ безъ исключенія требованія русскихъ, восхвалять въ глазахъ повсюду разсѣянной католической партіи возстановляющееся значеніе папы въ Римѣ; во внутренней политикѣ полагаться на легитимистскую и клерикальную восточную партію, которая одна владѣетъ огромнымъ фанатизмомъ,—вотъ какую политику создаетъ настоящее положеніе дѣлъ. Это совершенно противоположно тому, о чемъ мы мечтали. Нельзя въ одно и тоже время служить двумъ противоположнымъ цѣлямъ; не мы будемъ совѣтовать истребленіе того, что мы любили, не мы дадимъ планъ искуснаго разрѣшенія римскаго вопроса, не мы сдѣлаемся русскими или папистами, которые совѣтуютъ относиться недовѣрчиво и недоброжелательно къ иностранцамъ. Но чего же вы хотите? Съ другой стороны, мы совершимъ преступленіе, если, совѣтуя еще смѣлая и безкорыстныя цѣли, будемъ стараться помѣшать странѣ выслушать голосъ двухъ милліоновъ французовъ, требующихъ помощи въ дѣлѣ возстановленія своего прежняго отечества.

Франція готова сказать, какъ вашъ Гервегъ: „Довольно такой любви! Испробуемъ теперь ненависть“. Но я не послѣдую за ней въ этомъ новомъ опытѣ, въ которомъ, впрочемъ, она и не будетъ имѣть успѣха; Франція менѣе всего держится рѣшенія ненавидѣть. Во всякомъ случаѣ, жизнь слишкомъ коротка для того; чтобы стоило терять свое время и напрягать силы въ такой жалкой игрѣ. Я работалъ въ своей скромной сферѣ съ дружескими чувствами къ Франціи и Германіи; и если теперь настало „время прекратить поцѣлуи“, какъ говоритъ Экклезіастъ, то я удаляюсь. Я не стану совѣтовать ненависть, послѣ того какъ совѣтовалъ любовь; я замолчу. Строгая и гордая германская добродѣтель наказываетъ насъ, какъ Прометея, за наши смѣлая попытки и за нашу безразсудную „филантропію“. Но мы можемъ сказать вмѣстѣ съ великимъ побѣжденнымъ: „Юпитеръ, не смотря на свою гордость, хорошо поступилъ бы, если-бы былъ скромнѣе. Теперь пусть онъ будетъ побѣдитель, пусть спокойно царствуетъ, полагаясь на грохотъ своего грома и потрясая рукой своей дышащій огнемъ жезлъ. Все это не предохраняетъ отъ того, что когда-нибудь онъ позорно низвергнется со своей страшной высоты. Я вижу, какъ онъ самъ создаетъ себѣ врага, страшно трудно побѣдимое чудовище, которое найдетъ пламя сильнѣе молніи, грохотъ сильнѣе грома. Тогда побѣжденный онъ пойметъ по своему опыту, какая разница между царствованіемъ и рабствомъ“.

Примите увѣреніе, милостивый государь и знаменитый учитель, въ моихъ самыхъ искреннихъ чувствахъ къ Вамъ.

Конституціонная монархія во Франціи.

Исторія не какая-нибудь непоколебимая математическая наука, но въ то же время она и не простое нагроможденіе случайныхъ фактовъ. Если-бы исторія управлялась исключительно силой

необходимости, можно было-бы предугадать все; если-бы она была простой игрой страстей и фортуны, нельзя было бы предвидѣть ничего. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что міровыя событія, обманывая подчасъ предположенія наиболѣе проникательныхъ умовъ, тѣмъ не менѣе поддаются извѣстнымъ опредѣленіямъ. Дѣла, уже свершившіяся, содержатъ для того, кто умѣетъ отличить существенное отъ случайнаго, главные штрихи будущаго. Участіе случая ограничено. „Маленькая песчинка въ мочевоомъ пузырьѣ Кромвелля“ сдѣлалась въ XVII в. важнымъ событіемъ. Но философія исторіи Англіи не зависитъ отъ такого мелкаго факта. Величайшій геній не въ состояніи предсказать здоровье или болѣзнь, хорошее или дурное настроеніе князей, ссоры и примиренія значительныхъ лицъ, дипломатическія интриги и различныя случайности войны, ибо событія этого рода происходятъ въ мірѣ, гдѣ разумъ безсиленъ. Камердинеръ какого-нибудь властелина могъ бы внести значительныя поправки въ сочиненія величайшихъ ученыхъ, касающіяся важныхъ событій его времени. Однако, эти инциденты, не поддающіеся ни предсказаніямъ, ни опредѣленіямъ а priori, въ цѣломъ совершенно ступшевываются. Прошлое показываетъ намъ правильный рисунокъ, гдѣ все послѣдовательно и поддается объясненію; будущее подвергнетъ суду наше время, подобно тому, какъ мы подвергаемъ прошедшее, и увидитъ неминуемыя слѣдствія тамъ, гдѣ мы склоны видѣть только личную волю и сплетеніе случайностей.

Въ этомъ смыслѣ мы хотѣли бы предложить нѣкоторыя свои наблюденія, касающіяся великихъ событій 1869 г. Эти наблюденія будутъ представлены не въ освѣщеніи философскаго индифферентизма. Мы не придаемъ преувеличеннаго значенія участію разума въ ходѣ міровыхъ событій; но мы не думаемъ также, что пришло время изгнать общественную жизнь и предоставить исторію интригамъ и насилію. Мы всегда въ правѣ бросить упрекъ тому, кто критикуетъ событія своего времени, не принимая въ нихъ участія. Но тотъ, кто, какъ порядочный человѣкъ, сдѣлалъ все отъ него зависящее, тотъ, кто высказывалъ свое мнѣніе, не заботясь о производимомъ имъ впечатлѣніи,—у того совѣсть можетъ быть вполне чиста. Мы не обязаны нашей родинѣ измѣнять ради нея истинѣ, поступаться нашимъ чутьемъ и тактомъ; точно также мы не обязаны слѣдовать ея прихотямъ и принимать на вѣру всѣ догматы, пользующіеся успѣхомъ. Мы обязаны говорить прямо, не стѣсняясь, то, что считаемъ истиной, не принося въ жертву ни малѣйшаго оттѣнка ея.

I.

Французская революція—фактъ до такой степени необычайный, что ее можно поставить во главѣ въ причинѣ всѣхъ событій, имѣющихъ мѣсто въ наше время. Нѣтъ того выдающагося событія во Франціи, которое не было бы прямымъ слѣдствіемъ этого важнаго факта, глубоко измѣнившаго условія жизни нашей страны. Какъ все великое, героическое, отважное, какъ все превышающее обычную мѣру человѣческихъ силъ, французская

революція будетъ въ продолженіе многихъ вѣковъ служить предметомъ споровъ, разногласій, предлогомъ для любви и ненависти, сюжетомъ для драмъ и романовъ. Однимъ словомъ, французская революція (имперія, по моему мнѣнію, составляетъ съ ней одно цѣлое) есть слава Франціи, есть преимущественно ея эпопея. Но почти всегда бываетъ такъ, что націи, имѣющія въ своей исторіи такой исключительный фактъ, искупаютъ его долгими страданіями и расплачиваются за него своимъ національнымъ существованіемъ. Такъ было съ Іудеей, съ Греціей и съ Италіей. За все великое, что онѣ создали, чѣмъ міръ живетъ и пользуется, онѣ должны были переживать въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ униженія и національную смерть. Национальная жизнь—это нѣчто ограниченное, посредственное: для того, чтобы сдѣлать что-нибудь выдающееся, универсальное, нужно разорвать узкую сѣть націонализма; но вмѣстѣ съ этимъ мы подрываемъ свое отечество, какъ собраніе предразсудковъ и остановившихся въ своемъ развитіи идей, съ которыми все человѣчество не смогло бы согласиться. Націи, создавшія религію, искусство, науку, государство, церковь, папство (все принадлежащее не одной націи, а всему міру), были больше, чѣмъ націями; но въ то же время онѣ умаляли свое національное значеніе, падая жертвой ими же созданнаго. Я думаю, что Революція будетъ имѣть для Франціи послѣдствія аналогичныя, хотя менѣе продолжительныя, ибо дѣло Франціи было не такъ велико и менѣе универсально, чѣмъ дѣла Іудеи, Греціи и Итали. Мнѣ кажется, что можно провести точную параллель между настоящимъ положеніемъ нашего отечества и Германіей въ XVII в. Германія ознаменовала XVI вѣкъ великимъ дѣломъ—реформаціей; въ XVII вѣкѣ она искупила ее крайнимъ политическимъ упадкомъ. Возможно, что на XIX вѣкѣ будутъ смотрѣть въ исторіи Франціи, какъ на искупленіе Революціи. Подобно отдѣльнымъ индивидуумамъ, націи не могутъ безнаказанно переступать срединной линіи, составляющей границу здраваго разума и возможнаго.

Если Революція, дѣйствительно, создала въ мірѣ для Франціи положеніе страны поэтической и романтической, то съ другой стороны она повела Францію, съ точки зрѣнія требованій обыкновенной политики, по пути случайностей. Цѣль, которую преслѣдовала Франція своей революціей, не отличается отъ конечной цѣли другихъ современныхъ націй: справедливое, честное, человѣколюбивое общество, обеспечивающее право и свободу всѣхъ, требующее въ этомъ отношеніи возможно меньше жертвъ отъ каждаго. И тѣмъ не менѣе Франція, пролившая потоки крови, въ наше время очень далека отъ своей цѣли, въ то время, какъ Англія, не знавшая революцій, почти достигла ея. Другими словами, Франція представляетъ собой своеобразное зрѣлище страны, которая слишкомъ поздно стремится стать позади націй, считавшихся ею раньше отсталыми, вновь поступаетъ въ школу къ народамъ, бывшимъ прежде, по ея мнѣнію, ея учениками, и стремится къ подражанію въ дѣлахъ, въ которыхъ до того, казалось, обнаруживала большую оригинальность.

Причина этой исторической странности несложна. Несмотря на дивный огонь, воодушевлявший Францію въ концѣ XVІІІ вѣка, она была довольно невѣжественна въ вопросахъ объ условіяхъ существованія націи и человѣчества. Ея чудовищная попытка ввела ее въ сильное заблужденіе: она совершенно не захотѣла считаться съ законами современной свободы. Есть ли это фактъ отраднѣй или печальнѣй, но свобода нашего времени не имѣетъ ничего общаго ни со свободой древнихъ, ни со свободой республикъ среднихъ вѣковъ. Она гораздо дѣйствительнѣе, но менѣе блестяща. Для Фукидида и Макіавелли она была бы совершенно непонятна, и тѣмъ не менѣе подданный королевы Викторіи въ тысячу разъ свободнѣе, чѣмъ былъ когда бы то ни было гражданинъ Спарты, Аѳинъ, Венеціи и Флоренціи. Правда, нѣтъ больше этихъ лихорадочныхъ республиканскихъ агитацій, полныхъ опасностей и благородства, нѣтъ больше городовъ съ такимъ утонченнымъ, живымъ и аристократическимъ населеніемъ, но вмѣсто всего этого существуютъ большія, тяжелыя на подъемъ массы, въ средѣ которыхъ образованность составляетъ достояніе немногихъ, но которыя въ большой степени содѣйствуютъ развитію цивилизаціи, неся на алтарь отечества рекрутскими наборами и податями неопцѣнимый кладъ самопожертвованія, покорности и здраваго смысла. Примѣръ такого строя, менѣе другихъ имѣвшаго мѣсто во всѣхъ остальныхъ націяхъ, но болѣе другихъ бывшаго въ состояніи сохранить ихъ силы, дала Англія. Англія изъ всѣхъ странъ достигла либеральнаго строя исключительно развитіемъ учрежденій среднихъ вѣковъ, а не помощью революціи. Своей свободой Англія не обязана ни Кромвеллю, ни республиканцамъ 1649 г. Эта свобода вытекаетъ изъ всей ея исторіи, изъ уваженія, питаемаго ею въ одинаковой степени къ правамъ короля, сеньоровъ, коммунъ и корпорацій всякаго рода. Франція идетъ по противоположному пути. Король давно стеръ всѣ права сеньоровъ и коммунъ; нація свела на нѣтъ права короля. Франція хотѣла философски рѣшить вопросъ, требовавшій историческаго разрѣшенія: она полагала, что свобода достигается господствомъ народа и именемъ центральной власти, въ то время, какъ свобода есть результатъ небольшихъ мѣстныхъ побѣдъ, слѣдующихъ другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ и заключается въ медленныхъ реформахъ. Англія, не заботившаяся ни о какой философіи, Англія никогда не рвавшая со своими традиціями, если не считать одного момента заблужденія, въ которомъ она тутъ же раскаялась, Англія, исповѣдывавшая вмѣсто абсолютнаго догмата—господства народа—болѣе умѣренный принципъ: нѣтъ управленія безъ народа и противъ народа,—Англія была въ тысячу разъ свободнѣе Франціи, горделиво водрузившей философское знамя правъ человѣка. Все это потому, что господство толпы не приводитъ къ конституціонному управленію. Государство, основанное по образцу французскаго, слишкомъ сильно; далеко не обезпечивая общей свободы, оно только поглощаетъ ее; форма этого государства—конвентъ или деспотизмъ. То, что вытекало изъ революціи, не могло, въ концѣ, концовъ, многимъ отличаться отъ Консульства и Имперіи. То, что вытекало изъ та-

кого опредѣленія общества, не могло быть ничѣмъ другимъ, какъ администраціей, сѣтью префектуръ, ограниченныхъ гражданскимъ уложеніемъ, машиной, ограничивавшей націю свивальникомъ, въ которомъ нація не могла ни двигаться, ни крѣпнуть. Нѣтъ ничего несправедливѣе ненависти, питаемой радикальной французской школой къ дѣлу Наполеона. За исключеніемъ нѣкоторыхъ заблужденій, вытекавшихъ изъ самой личности этого необыкновеннаго человѣка, дѣло Наполеона въ общемъ ничто иное, какъ революціонная программа, по мѣрѣ возможности проводившаяся въ жизнь. Наполеонъ не существовалъ бы, если-бы окончательная конституція Республики не отличалась существенно отъ конституціи VIII года.

Въ основу всѣхъ революціонныхъ попытокъ Франціи легло ложное во многихъ отношеніяхъ представленіе о человѣческомъ обществѣ. Сначала это заблужденіе прикрывалось прекраснымъ порывомъ энтузіазма въ борьбѣ за свободу и право, какъ это было въ первые годы Революціи; но когда потухъ этотъ дивный огонь, осталась социальная теорія, господствовавшая во времена Директоріи, Консульства и Имперіи, и отмѣтившая своей печатью все, что было создано въ это время.

По этой теоріи, которая смѣло можетъ быть названа материализмомъ въ политикѣ, общество не есть ничто религіозное или священное. Оно стремится къ одной цѣли: чтобы всѣ, составляющіе его, индивидуумы наслаждались возможно большимъ благополучіемъ, не заботясь объ идеальномъ назначеніи человечества. Къ чему, по ихъ мнѣнію, возвышать, облагораживать человѣческую совѣсть? Все дѣло только въ томъ, чтобы удовлетворить возможно большее число людей, обезпечить каждому родъ счастья, довольно вульгарнаго и относительнаго, ибо душа благородная должна питать отвращеніе къ подобному счастью и возмущаться обществомъ, имѣющимъ притязаніе навязать его ей. Съ точки зрѣнія просвѣщенной философіи, общество есть великое дѣло Провидѣнія. Оно создано не человѣкомъ, а самой природой, для того, чтобы на нашей планетѣ расцвѣтала жизнь умственная и моральная. Человѣкъ не можетъ существовать обособленно. Человѣческое общество, мать всѣхъ идеаловъ, непосредственно создано высшей волей, дабы все хорошее, истинное, прекрасное имѣло въ мірѣ созерцателей. Высокая функція человечества не ограничивается обыкновеннымъ сосуществованіемъ индивидуумовъ. Общество есть іерархія. Всѣ индивидуумы благородны, священны, всѣ существа (даже животныя) имѣютъ свои права; но не всѣ существа равны, ибо всѣ они—члены огромнаго тѣла, части безконечнаго организма, исполняющаго божественную работу. Французская демократія часто впадаетъ въ заблужденіе, отрицая эту божественную работу. Въ своихъ взглядахъ на наслажденіе отдѣльнаго индивидуума, какъ на единственную цѣль общества, она должна придти къ отрицанію правъ идеи и господства разума. Отрицая національное неравенство на основаніи того, что этнографическія различія исчезли въ ней съ незапамятныхъ временъ, Франція пришла къ универсальной посредственности, какъ къ социальному совершенству. Да хранитъ насъ

Богъ отъ мечтаній возвать къ жизни отжившее! Но не требуя востановленія правъ благороднаго происхожденія, мы находимъ, что права, даваемыя рожденіемъ, во многихъ отношеніяхъ выше правъ, даваемыхъ богатствомъ; и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ несправедливостью, но справедливое раздѣленіе, имѣющее своей отправной точкой заслуги и добродѣтели, скорѣе находитъ примѣненіе въ обществѣ, гдѣ положеніе въ свѣтѣ дается не богатствомъ, а происхожденіемъ.

Жизнь человѣческая была бы невысказанна, если бы человѣкъ отнялъ у себя право подчинять животныхъ своимъ потребностямъ. Но она была бы еще менѣе возможна, если бы мы придерживались отвлеченныхъ воззрѣній, въ силу которыхъ всѣ люди, рождаясь, имѣютъ одинаковыя права на богатство и права социальныя. Такое положеніе вещей, кажущееся съ перваго взгляда вполне справедливымъ, положило бы окончательный предѣлъ добродѣтели; роковымъ образомъ оно привело бы къ ненависти и борьбѣ двухъ половъ, ибо природа создала внутри человѣческаго рода различіе, имѣющее свое неоспоримое назначеніе. Буржуазія совершенно правильно находитъ, что, уничтоживъ королевство и наслѣдственный аристократизмъ, мы остановимся передъ наслѣдственнымъ богатствомъ. Рабочій въ свою очередь справедливо находитъ, что, уничтоживъ наслѣдственное богатство, мы остановимся передъ неравенствомъ половъ, а если онъ достаточно разсудителенъ, то пойметъ, что мы остановимся также передъ неравенствомъ силъ и способностей. Самый экзальтированный утопистъ находитъ вполне справедливымъ предоставить людямъ, доведеннымъ въ его воображеніи до состоянія полного равенства, права пользованія для своихъ нуждъ животными. И все-таки одинаково несправедливо какъ то, что одинъ родится богатымъ, такъ и то, что другой при рожденіи получаетъ преимущества знатнаго происхожденія, ибо ни тотъ, ни другой не приложили личныхъ усилій для достиженія даннаго преимущества. Обыкновенно исходятъ изъ той точки зрѣнія, что дворянское достоинство имѣетъ своимъ началомъ личныя заслуги; но такъ какъ заслуги не могутъ быть наслѣдственными, то легко доказать, что наслѣдственное дворянство—нелѣпость. Тутъ-то и кроется вѣчное заблужденіе Франціи относительно награждающаго по заслугамъ правосудія, удерживающаго якобы ея равновѣсіе. Соціальная причина возникновенія дворянства, разсматриваемаго, какъ полезное общественное учрежденіе, коренилась не въ желаніи вознаграждать заслуги, а скорѣе въ желаніи вызвать ихъ, сдѣлать нѣкоторыя изъ нихъ доступными и даже легкими. Если бы оно въ состояніи было доказать, что справедливости нѣтъ въ официальныхъ общественныхъ учрежденіяхъ,—кое-что было бы уже сдѣлано. Девизъ: „достоинѣйшему“ имѣетъ въ политикѣ очень мало примѣненія.

Французская буржуазія заблуждалась, думая основать справедливое общество съ помощью системы соревнованія, специальныхъ школъ и правильнаго повышенія въ чинахъ. Народъ безъ всякаго труда доказалъ ей, что дитя бѣдныхъ родителей исключается изъ общаго конкурса и увѣрилъ ее, что справедливость

восторжествуетъ только тогда, когда всѣ французы при рожденіи будутъ поставлены въ одинаковыя условія. Другими словами, въ отношеніи отдѣльныхъ индивидуумовъ общество немислимо при излишнемъ преувеличеніи идеи вознаграждающаго по заслугамъ правосудія. Нація, которая придерживалась бы такой программы, осудила бы себя на неизлѣчимую слабость. Уничтоживъ наследственное право, она разрушила бы семью или сдѣлала бы ее вполнѣ произвольной, чѣмъ вооружила бы противъ себя населеніе отдѣльныхъ мѣстностей, и даже цѣлыя націи, сохранившія старые принципы. Та раса является всегда побѣдоносной, въ которой семья и собственность наиболее сильно организованы. Человѣчество—это таинственная лѣстница, серія послѣдствій, вытекающихъ одно изъ другого. Трудолюбивыя поколѣнія народа и крестьянъ создали честнаго и бережливаго буржуа; буржуа въ свою очередь создалъ дворянина, человѣка, освобожденнаго отъ матеріальныхъ заботъ, предавашагося всецѣло безкорыстнымъ занятіямъ. Каждый въ свою очередь есть стражъ извѣстной традиціи, чрезвычайно важной для прогресса цивилизаціи. Нѣтъ двухъ моралей, двухъ наукъ, двухъ воспитаній. Есть только одно цѣлое, интеллектуальное и моральное, блестящій результатъ работы ума человѣческаго, въ которую каждый, исключая людей эгоистичныхъ, внесъ свою лепту и участвуетъ въ ней въ большей или меньшей степени.

Не признавать закона, въ силу котораго одни классы должны жить славой и наслажденіемъ другихъ, значитъ уничтожать человѣчество. Демократъ считаетъ простачкомъ крестьянина стараго закала, работавшаго на своихъ господъ, любившаго ихъ и наслаждавшагося ихъ благородной жизнью; которую другіе проводятъ въ потѣ лица своего. Конечно, это противорѣчитъ ограниченной и замкнутой жизни, проходящей, какъ въ наше время, за десятью замками. При настоящемъ состояніи общества преимущество одного человѣка надъ другимъ сдѣлалось чѣмъ-то исключительнымъ и личнымъ; радоваться удовольствію и благородству другого считается неестественнымъ. Но не всегда было такъ. Когда мимо Гюббіо или Ассиза проходила свадебная кавалькада его молодого господина, онъ не чувствовалъ зависти. Всѣ тогда принимали участіе въ жизни другъ друга. Бѣднякъ наслаждался богатствомъ богача, монахъ—радостями мірянъ, мірянинъ—молитвами монаха. Искусство, поэзія, религія существовали для всѣхъ.

Смогутъ ли возмѣстить все это холодныя наблюденія экономиста? Будутъ ли они въ состояніи обуздать высокомеріе увѣренной въ своихъ силахъ демократіи, которая, не остановившись передъ фактомъ власти, сдѣлаетъ попытку не остановиться и передъ фактомъ собственности. Найдутся ли голоса достаточно краснорѣчивые для того, чтобы заставить 18-ти лѣтнихъ юношей согласиться съ доводами стариковъ, чтобы увѣрить молодые и пылкіе соціальныя классы, вѣрующіе въ радость и неразочарованные наслажденіями жизни, въ невозможности всеобщаго наслажденія, въ невозможности того, чтобы всѣ были одинаково образованны, возвышенны, добродѣтельны, въ самомъ утонченномъ смыслѣ

этого слова? Кто увѣритъ ихъ, что необходимо существованіе людей досуга, ученыхъ, хорошо воспитанныхъ, которые сдѣлали бы доступнымъ идеаль и другимъ людямъ? Событія скажутъ имъ объ этомъ. Превосходство церкви и сила, обеспечивающая ея будущее, заключается въ пониманіи ея хода вещей, въ умѣнни заставить понять его и другихъ. Церковь знаетъ, что лучшіе люди часто падаютъ жертвой классовъ, считающихъ себя избранными. Но ей извѣстна воля природы, въ силу которой жизнь человѣчества должна пройти извѣстныя ступени. Она знаетъ и сознаетъ, что невѣжество нѣсколькихъ людей даетъ образованіе одному и труды многихъ позволяютъ небольшой кучкѣ вести жизнь знатныхъ людей; тѣмъ не менѣе она не называетъ первыхъ избранными, а вторыхъ—лишенными правъ, ибо дѣло человѣчества для нея недѣлимо. Уничтожьте этотъ великій законъ, поставьте всѣхъ людей на одну ступень, дайте имъ одинаковыя права, безъ связи подчиненности общему дѣлу человѣчества, и вы получите въ результатѣ эгоизмъ, посредственность, обособленность, сухость, невозможность жить, нѣчто въ родѣ жизни нашихъ временъ, и жизни слишкомъ мрачной даже для народа. Съ точки зрѣнія правъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, принесеніе одного человѣка въ жертву другому—несправедливо; но въ томъ, чтобы всѣ подчинились высшему дѣлу человѣчества, нѣтъ ничего несправедливаго. На обязанности религіи лежитъ объяснить эти тайны и обѣщать въ мірѣ идеальномъ утѣшенія за всѣ жертвы земной жизни.

Вотъ чего не могла постичь Революція послѣ того, какъ прошло великое и священное опьяненіе первыхъ дней. Въ результатѣ Революція сдѣлалась антирелигіозной, атеистичной. Общество, о которомъ она мечтала въ печальные дни, послѣдовавшіе за лихорадочными вспышками, въ дни попытокъ сосредоточиться въ самомъ себѣ, есть ни что иное, какъ толпа матеріалистовъ, въ которой добродѣтель замѣнена дисциплиной. Отрицательный базисъ, который дали французскому обществу сухіе и жесткіе люди, можетъ дать только невоспитанный и высокомерный народъ; ихъ кодексъ—результатъ недовѣрія—считаетъ въ принципѣ мѣриломъ всего деньги, т. е. наслажденіе. Зависть—вотъ вкратцѣ вся моральная теорія этихъ лже-законодателей. Зависть приводитъ къ равенству, но не къ свободѣ. Держа человѣка всегда на сторожѣ, что бы его собратья не захватили принадлежащаго ему имущества, мы препятствуемъ возникновенію привязанности между классами. Нѣтъ общества безъ любви, безъ традицій, безъ уваженія, безъ взаимной уступчивости. Ложно понимая добродѣтель и смѣшивая ее съ жестокими требованіями того, что каждый считаетъ своимъ правомъ,—демократическая школа не видитъ того, что великая добродѣтель націи заключается въ безропотномъ подчиненіи традиціонному неравенству. Эта школа считаетъ самой добродѣтельной націей не націю самоотверженную, преданную, идеалистическую во всѣхъ отношеніяхъ, а націю самую буйную, наиболѣе подверженную революціямъ. Самый интеллигентный демократъ искренно удивится, если мы скажемъ ему, что существуютъ еще въ мірѣ добродѣтельныя расы, какъ напри-

мѣръ, жители Помераніи, феодальныя расы, полныя скрытой силы, понимающія долгъ такъ, какъ его понимаетъ Кантъ, не придающія слову „революція“ никакого значенія.

Первое слѣдствіе этой угрюмой и поверхностной философіи, слишкомъ рано занявшей мѣсто философіи Монтеスキе и Тюрго, было упраздненіе королевской власти. Умамъ, пропитаннымъ матеріалистической теоріей, существованіе королевской власти должно было казаться аномаліей. Немногіе понимали въ 1792 году, что существованіе всего хорошаго должно быть охраняемо учрежденіями, правда, дающими нѣкоторымъ преимуществамъ, но въ то же время составляющими органы національной жизни, безъ которыхъ совершенно не развивались бы нѣкоторыя изъ нашихъ потребностей. Эти маленькія укрѣпленія, гдѣ хранились вклады общества, казались феодальными башнями. Отрицалось все: традиціонное подчиненіе, всѣ историческіе договоры, всѣ символы. Королевская власть была первымъ изъ договоровъ, насчитывающимъ тысячу лѣтъ существованія, символомъ, котораго не могла понять ребяческая философія исторіи, бывшая въ то время въ ходу. Ни одна нація не создала болѣе совершенной легенды, чѣмъ легенда великой королевской власти Капетинговъ, бывшей чѣмъ то въ родѣ религіи, зародившейся въ С.-Денисѣ, освященной въ Реймсѣ собраніемъ епископовъ; она имѣла свои обряды, свое богослуженіе свое священное муро, свою хоругвь. Каждой національности соотвѣтствуетъ извѣстная династія, воплощающая геній и интересы націи. Сознаніе націи можетъ быть только тогда сильнымъ и опредѣленнымъ, когда она заключаетъ неразрывимый союзъ съ домомъ, обязаннымъ по договору не имѣть интересовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ дѣлами и интересами націи. Никогда это отождествленіе не было такъ полно, какъ между домомъ Капетинговъ и Франціей. Король Франціи былъ больше, чѣмъ король; онъ былъ жрецомъ, и, подобно Давиду, носилъ въ одно и то же время кардинальскую мантию и шпагу. Въ своихъ рѣшеніяхъ онъ получаетъ указанія свыше. Король Англіи очень мало заботится объ охраненіи справедливости; онъ только защищаетъ отъ притязанія бароновъ свои права; еще меньше заботится о ней король Германіи, занятый всецѣло охотой въ горахъ Тироля, въ то время, какъ міровыя событія идутъ своимъ чередомъ. Только одинъ король Франціи справедливъ: окруженный своими напыщенными и торжественными клерками, заботящійся о справедливости, онъ похожъ на Соломона. Его коронованіе, перенятое у королей Израиля, чрезвычайно своеобразно и единственно въ своемъ родѣ. Франція создала восьмое таинство, котораго удостаивались только въ Реймсѣ: таинство королевскаго достоинства. Священный король творилъ чудеса. Онъ-первоклассное духовное лицо. Папѣ, потребовавшему его къ себѣ именемъ Господа Бога, онъ отвѣчаетъ, указывая на помазаніе: „я также избранникъ Божій.“ Онъ позволяетъ себѣ неслыханныя вольности по отношенію къ преемнику Петра. Такъ, одинъ разъ онъ приказываетъ схватить его и объявить еретикомъ; въ другой разъ угрожаетъ ему сожженіемъ. Поддерживаемый учеными Сорбонны, онъ увѣщаетъ его, отрѣшаетъ его отъ

церкви. Не смотря на все это лучший король,—непорочный, смиренный, простой Людовикъ причисленъ къ лику святыхъ. Онъ имѣетъ своихъ мистическихъ поклонниковъ; добродѣтельная Жанна д'Аркъ не отдѣляетъ его отъ св. Михаила и св. Катерины. Эта бѣдная дѣвушка буквально жила религіей Реймса. Несравнимая легенда, святой миѣ! Это обыкновенный ножъ, на долю котораго выпадаетъ обязанность рубить голову преступника. Убійство 21-го января есть съ точки зрѣнія идеалиста—самое отталкивающее дѣло материализма, постыдное хвастовство низости и неблагодарности, отвратительной грубости и забвенія прошлаго.

Но значить ли это, что старый режимъ, воспоминаніе о которомъ новое общество хотѣло уничтожить съ особеннымъ ожесточеніемъ, встрѣчающимся только у выскочекъ по отношенію къ облагодѣтельствовавшимъ ихъ господамъ,—что этотъ старый строй не имѣлъ за собой крупной вины? Да, вина была, и если бы я занялся теперь общей философіей нашей исторіи, я показалъ бы, что королевская власть, дворянство, духовенство, парламентъ, города, университеты древней Франціи,—что всѣ они не исполнили своихъ обязанностей и что революціонеры 1793 г. только довершили рядъ ошибокъ, послѣдствія которыхъ въ данное время тяжело тяготѣютъ надъ нами. Величіе свое нужно искупить. Франція задумала расширить границы королевской власти до безконечности. Королевская власть въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ мы встрѣчаемъ ее въ Англии, гдѣ король только вооруженный и получающій жалованіе штатгальтеръ, казалась Франціи жалкой. Съ XIII вѣка англійскій король, вѣчно воевавшій со своими подчиненными и ограниченный хартіями, сдѣлался для нашихъ французскихъ поэтовъ предметомъ насмѣшекъ; онъ не былъ достаточно могущественнымъ. Власть французскаго короля сдѣлалась слишкомъ священной, и дѣла помазанника были внѣ контроля. Боссюэ вполнѣ послѣдователенъ, сравнивая теорію французскихъ королей со священнымъ писаніемъ. Если бы королевская власть въ Англии обладала такимъ же оттѣнкомъ мистицизма, бароны и коммуны никогда бы не ослабили такъ короля. Королевская власть во Франціи поглотила всѣ силы націи для того, чтобы создать блестящій метеоръ правленія Людовика XIV. На другой день послѣ того, какъ государство почувствовало себя въ рукахъ одного въ этомъ могущественномъ единствѣ, въ томъ состояніи, до котораго довелъ его великій король съ его центральнымъ всемогуществомъ, оно неизбежно должно было принятъ за восстановление своей подорванной свободы и, считая королевскую власть излишней, стало обращаться съ ней, какъ съ формой, ненужной послѣ отлитія статуи. Такимъ образомъ Ришелье и Людовикъ XIV были великими революціонерами, истинными основателями Республики. Огромная королевская власть Людовика XIV есть точная копія республики 1793 г. съ ея ужающей концентраціей власти, представляющей неслыханное, невиданное доселѣ чудо. Примѣры республикъ нерѣдки въ исторіи, но республики эти представляютъ собой города или маленькія конфедеративныя государства. Республика же, насчитывающая тридцать милліоновъ душъ, не имѣетъ себѣ подобной. Предоставленная въ теченіе

4—5 лѣтъ нерѣшительности опьяненнаго человѣка, огромная машина пошла затѣмъ на свое прежнее мѣсто, въ руки могущественнаго деспота, который раньше сумѣлъ съ необыкновенной ловкостью организовать новое движеніе, а потомъ кончилъ, подобно всѣмъ деспотамъ. Потерявъ отъ высокомерія разсудокъ, онъ подвергъ страну, отдавшуюся его власти, самымъ жестокимъ притѣсненіямъ, которыя можетъ испытать страна, и вернулъ династію, изгнанную Франціей съ величайшимъ позоромъ.

II.

Сходство такого хода событій съ тѣмъ, что происходило въ XVII вѣкѣ въ Англіи, можно замѣтить безъ особаго труда. Оно поразило всѣхъ въ 1830 г., когда національное движеніе промышленнаго законнаго вѣтви Бурбоновъ на боковую линію, болѣе расположенную принять во вниманіе новыя потребности времени; Людовикъ Филиппъ казался французамъ Вильгельмомъ III, и можно было надѣяться, что слѣдствіемъ столькихъ волненій будетъ спокойное водвореніе конституціоннаго режима во Франціи. Какой то миръ, спокойствіе и забвеніе прошлаго вошли въ бѣдное встревоженное сознаніе французовъ. Все было прощено, даже безумія и преступленіе; новое поколѣніе считало себя избраннымъ, призваннымъ пожинать плоды ошибокъ предыдущихъ поколѣній. Но это было великое заблужденіе. Случилась наиболѣе необъяснимая въ исторіи нечаянность; шайка вертопраховъ, которыхъ могла бы усмирить палка городского, свергла династію, оплотъ надежды и политической вѣры наиболѣе осмысленной части общества. Чтобы уничтожить теорію, задуманную лучшими умами, съ виду чрезвычайно соблазнительную, достаточно было момента необдуманности со стороны однихъ и слабости со стороны другихъ.

Чѣмъ же объяснить эту странную неудачу? Почему во Франціи не произошло того, что произошло въ Англіи? Почему Людовикъ Филиппъ не сдѣлался французскимъ Вильгельмомъ III, славнымъ основателемъ новой эры въ исторіи нашей страны? Можетъ быть, скажутъ, что это была вина самого Людовика Филиппа? Но это было-бы несправедливо. Людовикъ Филиппъ дѣлалъ ошибки, но ошибки должны прощаться всякому правительству. Тотъ, кто взялъ бы на себя управленіе мірскими дѣлами съ условіемъ быть праведнымъ и непогрѣшимымъ,—не правилъ бы ни одного дня. Во всякомъ случаѣ Вильгельмъ III заслужилъ въ гораздо большей степени быть свергнутымъ съ престола, чѣмъ Людовикъ-Филиппъ. Больше всего упрекали Людовика-Филиппа за его непопулярность, неумѣніе заставить полюбить себя, стремленіе къ личной власти, нерадивость къ внѣшней славѣ, за возвратъ къ партіи легитимистовъ, въ ущербъ партіи, сдѣлавшей его королемъ, за усилія вернуть королевскія прерогативы. Но все это въ гораздо большей степени можетъ быть поставлено въ упрекъ Вильгельму III. Почему же результаты были такъ различны? Это зависѣло безусловно отъ различія странъ и эпохъ. Дѣла историческія, возможныя для народа серьезнаго и осно-

вательнаго, полнаго довѣрія къ правамъ наслѣдственности, имѣющаго непобѣдимое отвращеніе къ борьбѣ съ существующимъ государемъ, могутъ быть невозможны въ эпоху умственнаго легкомыслія и резонерствующаго безразсудства. Впрочемъ, республиканское движеніе 1649 г. было безконечно менѣе глубоко, чѣмъ движеніе 1792 г. Англійскому движенію 1649 года не удалось создать императорской власти; Кромвелль не былъ Наполеономъ. Въ концѣ концовъ республиканская партія Англій не имѣла второго поколѣнія. Уничтоженная раставраціей Стюартовъ, изгнанная во время гоненій или убѣжавшая въ Америку,—она не имѣла уже значительнаго вліянія на дѣла Англій. Въ XVIII вѣкѣ Англія, казалось, поставила себѣ задачей искупить преувеличеніемъ роялизма и ортодоксіи минутныя заблужденія XVII вѣка. Потребовалось болѣе 150 лѣтъ для того, чтобы смерть Карла I перестала оказывать давленіе на политику, для того, чтобы допускалось извѣстное свободомысліе, чтобы не требовалось публичныхъ заявленій о своей чрезмѣрной приверженности и законной власти. Такимъ же образомъ сложились бы обстоятельства во Франціи, если бы роялистическая реакція 1796—1797 года сумѣла завладѣть ею. Реставрація была бы произведена съ гораздо большей искренностью, и Революція сдѣлалась бы въ исторіи Франціи тѣмъ, чѣмъ она была въ исторіи Англій: инцидентомъ, не имѣющимъ послѣдствій. Наполеонъ, поддерживаемый огромными средствами всей Франціи, спасъ своимъ гениемъ Революцію, далъ ей форму, организацію, неслыханный доселѣ военный престижъ.

Слабая и неинтеллигентная реставрація 1814 года никоимъ образомъ не могла вырвать съ корнемъ идеи, глубоко вкоренившейся въ націю и увлекшей за собой послѣдующее энергичное поколѣніе. Во времена Реставраціи и Людовика Филиппа Франція продолжала жить воспоминаніями объ Имперіи и Республикѣ. Революція опять завладѣла симпатіями всѣхъ. Въ то время какъ въ Англій, со времени реставраціи Карла II и послѣ 1688 г., республику безустанно подвергали проклятіямъ, когда произнести имя Карла I-го, не назвавъ его палачемъ и имя Кромвелля безъ эпитета узурпаторъ—значило скомпрометтировать себя въ глазахъ общества,—во Франціи сдѣлалось правиломъ говорить объ событіяхъ революціи въ оправдательномъ и восхищенномъ тонѣ. Важно то обстоятельство, что отецъ новаго короля принималъ замѣтное участіе въ Революціи; на новую династію привыкли смотрѣть, какъ на извѣстный компромиссъ съ Революціей, а не какъ на наслѣдницу законной королевской власти. Образовалась новая республиканская партія, примкнувшая къ нѣкоторымъ патриархамъ, пережившимъ 1793 годъ. Партія эта, игравшая значительную роль въ іюль 1830 г., но не сумѣвшая заставить восторжествовать свои независимыя теоретическія убѣжденія, не переставала пробивать бреши въ новомъ правительствѣ. Перемѣна 1688 г. въ Англій не имѣла ничего революціоннаго, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ это слово. Не народъ произвелъ эту перемену; онъ не насилывалъ ничьего права, кромѣ правъ сверженнаго короля. У насъ, наоборотъ, 1830-ый годъ

далъ полную свободу анархическому вліянію и глубоко унизили партію легитимистовъ. Партія эта, заключающая въ себѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наиболѣе основательные и моральные элементы страны, объявила жестокою борьбу новой династіи, то отстраняя ее отъ участія въ дѣлахъ и мѣшая ей упрочиться на единственномъ базисѣ, на которомъ можетъ утвердиться династія, на элементѣ консервативномъ, то потворствуя республиканской партіи. Такимъ образомъ Орлеанскій домъ не могъ основательно утвердиться; достаточно было дуновѣнія вѣтра, чтобы опрокинуть его. Вильгельму III прощалось все, Людовику Филиппу—ничего. Роялистическій принципъ былъ достаточно силенъ въ Англіи, чтобы выдержать извѣстныя преобразованія, но онъ не былъ достаточно силенъ во Франціи. Конечно, если бы республиканская партія имѣла то значеніе въ Англіи при Вильгельмѣ III, какое она имѣла во Франціи при Людовикѣ-Филиппѣ, если бы эта партія имѣла поддержку въ партіи Стюартовъ, конституціонное устройство въ Англіи длилось бы недолго. Тутъ Англіи пригодилось ея огромное преимущество—именно ея колонизаторская способность. Америка сдѣлалась громоотводомъ республиканской партіи, иначе эта партія осталась бы, какъ болѣзнетворный ядъ, въ чревѣ своей матери-родины и помѣшала бы возникновенію конституціоннаго строя. То, что сильно и искренно, не можетъ затеряться. Эти республиканскіе изгнанники стали отцами тѣхъ, которые начали войну за независимость въ концѣ XVIII вѣка. Революціонный элементъ пріобрѣлъ въ Англіи не разрушающій, а созидающій характеръ; вмѣсто того, чтобы раздирать свое отечество, они создали Америку. Если бы вмѣсто воюющей Франціи была Франція колонизаторская, если бы отважный и предприимчивый духъ, колонизирующій у другихъ націй, былъ способенъ на нѣчто другое, чѣмъ на заговоры и борьбу за абстрактные принципы, мы не имѣли бы Наполеона. Республиканская партія, изгнанная реакціей, эмигрировала бы въ 1798 г. и основала бы гдѣ-нибудь далеко Новую-Францію, которая, по закону всѣхъ колоній, была бы теперь отдѣльной республикой. Къ сожалѣнію, наши междоусобія оканчивались только изгнаніями. Вмѣсто Соединенныхъ Штатовъ мы имѣемъ Синнамари и Ламбезію! Въ то время, какъ эти несчастные колонисты умирали, бѣжали подобно каторжникамъ, ожидали новой революціи или какой-нибудь амнистіи, ихъ родина—мать продолжала безъ намека на успѣхъ разбираться въ грозныхъ задачахъ, которыя привели ея сыновей къ изгнанію.

Образованію теоріи, извратившей національное сужденіе относительно важнаго вопроса о формахъ правленія, столько же содѣйствовало грубое заблужденіе философіи, сколько и личныя наклонности самой Франціи. Поводъ къ заблужденіямъ подалъ примѣръ Америки. Республиканская партія всегда приводила этотъ примѣръ, считая его наиболѣе достойнымъ подражанія и полагая, что и другія страны безъ затрудненія могутъ послѣдовать въ этомъ отношеніи за Америкой. Но это мнѣніе было очень поверхностно. То, что колоніи, привыкшія къ независимому самоуправленію порываютъ связь со своей родиной-матерью и послѣ

этого обходятся безъ королевской власти, охраняя свою общественную безопасность федеративными договорами, — очень естественно. Этотъ способъ отдѣляться отъ своего ствола, подобно черенку, носящему въ себѣ зародышъ жизни — есть вѣчный принципъ колонизаціи, одно изъ условій прогресса всего человѣчества, а Арійской расы въ особенности. Виргинія и Каролина были республиками до войны за независимость. Война эта совершенно не измѣнила внутренняго устройства Штатовъ; она только порвала нить, связывавшую ихъ съ Европой и ставшую для нихъ неудобной, и замѣнила ее федеративной связью. Дѣло это не было революціоннымъ. Въ основѣ этого движенія лежало въ высшей степени консервативное пониманіе права — аристократическій и законный духъ свободы. Когда Канада и Австралія, привыкшія къ самоуправленію, увидятъ, что слабая связь, соединяющая ихъ съ Англійей, порвалась, — онѣ такъ же будутъ продолжать жить собственной жизнью, почти не замѣтивъ переменъ. Если бы Франція основательно предприняла колонизацію Алжира, Алжиръ имѣлъ бы данныя стать скорѣе республикой, чѣмъ Франція. Колоніи, населеніе которыхъ образовалось изъ людей, недовольныхъ своей родиной и ищущихъ большей свободы, ближе къ республикѣ, чѣмъ ихъ родина-мать, связанная своими старыми привычками и предрасудками.

Такъ продолжала существовать во Франціи радикальная республиканская партія, не допускавшая развиваться конституціонной королевской власти. Положеніе Франціи не могло сравниться съ положеніемъ Англии; съ правой, съ лѣвой и въ центрѣ она имѣла дѣло съ совершенно непримиримой партіей, отрицательно относившейся къ существующему образу правленія, партіей, не говорившей правительству: „сдѣлайте то-то и то-то, — и мы на вашей сторонѣ“, а дававшей понять ему: „что бы вы ни сдѣлали, мы будемъ противъ васъ“. Какъ бы тамъ ни было, республика есть предѣлъ всякаго человѣческаго общества, но средства къ достиженію ея понимаются двоякимъ, совершенно различнымъ образомъ. Основать республику силой, разрушивъ всѣ препятствія, — такова мечта пылкихъ умовъ. Есть путь болѣе умѣренный и болѣе вѣрный: сохранить старинныя королевскія фамиліи, какъ драгоценныя памятники и воспоминанія старины — не есть фантазія любителя древностей: династіи сохранившіяся такимъ образомъ, станутъ необыкновенно удобнымъ элементомъ для состава конституціоннаго правленія въ дни кризиса. Придутъ ли когда нибудь страны, идущія, подобно Англии, по этому пути къ совершенной республикѣ, не знающей наслѣдственныхъ династій, со всеобщей подачей голосовъ? Спросить объ этомъ — то же самое, какъ предложить вопросъ: достигнетъ ли гипербола своей асимтоты. Не безразлично ли это для насъ, когда она въ дѣйствительности такъ близко подходитъ къ ней, что разстояніе совершенно незамѣтно для глаза. Вотъ чего не понимаетъ французская республиканская партія. Ради внѣшности республики она жертвуетъ дѣйствительностью. Чтобы не пойти по большой проторенной дорогѣ, дѣлающей нѣсколько поворотовъ, она предпочитаетъ броситься въ пропасть и въ трясины. Рѣдко можно видѣть такую

честность съ такимъ отсутствіемъ политическаго разума и проницательности.

1848-ой годъ обнажилъ рану, и развитые умы приняли принципъ философіи нашей исторіи. Революція 1848 г. не была слѣдствіемъ безъ причины (такое утвержденіе было бы лишено смысла), но это слѣдствіе—совершенно не соотвѣтствовавшее своей видимой причинѣ. Толчекъ былъ незначителенъ, паденіе огромно. Въ 1848 г. случилось то, что случилось бы въ Англии, если бы Вильгельмъ III испыталъ на себѣ одинъ изъ взрывовъ остраго недовольства его правленіемъ. Если бы это было такъ, въ исторіи Англии все перевернулось бы вверхъ дномъ. Въ Англии достаточно сильна была приверженность народа къ законности и страхъ передъ республикой, чтобы простить новой династіи нѣкоторые тяжелые моменты. Во Франціи достаточно было моральнаго ослабленія націи, недостатка вѣры въ королевскую власть, энергіи республиканской партіи, чтобы свергнуть тронъ, не давъшей ничего кромѣ разорительныхъ засѣданій. Въ тотъ день увидѣли, въ какомъ гибельномъ положеніи осталась Франція послѣ революціи. Если бы революція и республика пустили во Франціи менѣе глубокіе корни, Орлеанскій домъ, а вмѣстѣ съ нимъ и парламентскій режимъ, навѣрное окрѣпли бы; если бы республиканская идея сдѣлалась господствующей, она увлекла бы за собой страну послѣ многихъ реакцій и событій, и республика основалась бы; но ни одно изъ этихъ предположеній не осуществилось. Республиканскій духъ былъ достаточно силенъ, чтобы помѣшать продолжительности конституціонной королевской власти, но недостаточно силенъ, чтобы основать республику. Отсюда ложное и смѣшное положеніе, прямо предназначенное для того, чтобы повести Францію къ печальному упадку. То, что случилось въ 1848 г., могло случиться еще нѣсколько разъ. Постараемся разгадать его скрытые законы и тайныя причины.

Когда мы видимъ, что человекъ умеръ отъ насморка, мы не заключаемъ отсюда, что насморкъ есть смертельная болѣзнь, а скорѣе, что у этого человека были больныя легкія. Незначительность болѣзни, отъ которой умирало іюльское правительство, заставляетъ насъ предположить, что слишкомъ жалка была его конституція.

Маленькое волненіе было однимъ изъ тѣхъ, которыя правительство должно умѣть переносить изъ страха стать неспособнымъ къ жизни. Какимъ образомъ іюльское правительство, съ виду такое крѣпкое, вдругъ оказалось слабымъ? Причина заключалась въ отсутствіи того, что даетъ правительству здоровыя легкія, крѣпкое сердце и прочныя внутренности. Я имѣю въ виду основательную связь между борющимися частями страны. Чувство глубокой гуманности, помѣшавшее Людовику Филиппу дать сраженіе, было недостаточно для того, чтобы объяснить причину его паденія: оно только вызвало недовѣріе къ его правамъ. Республиканская партія, сдѣлавшая революцію, была незначительнымъ меньшинствомъ. Въ странѣ, гдѣ правительство было бы менѣе сплочено и гдѣ мнѣнія не были бы такъ разъединены, большинству удалось бы взять перевѣсъ; но провинція не могла

допустить еще мысли, что можно противостоятъ движенію, взявшему свое начало въ Парижѣ; болѣе того, если партія, принимавшая участіе въ движеніи 24-го февраля 1848 г., была мало-численна, то число людей, могущихъ взять подъ свое покровительство побѣжденную династію, было тоже весьма незначительно. Партія легитимистовъ восторжествовала, и, не строя баррикадъ, добилась въ этотъ день полного удовлетворенія. Орлеанская династія не умѣла, не смотря на свое глубокое прямодушіе и рѣдкую честность, ни взывать къ сердцу народа, ни заставить полюбить себя.

Что сдѣлаетъ Франція, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ фактомъ, совершеннымъ бунтующимъ меньшинствомъ? Страна, не имѣющая династіи, избранной единогласно, всегда неувѣренна и затруднена въ своихъ дѣйствіяхъ. Франція покорилась. Она приняла республику, не вѣря въ нее, изподтишка, рѣшившись измѣнять ей. Случай не заставилъ долго ждать себя. Голосованіе 10-го декабря, было явнымъ отреченіемъ отъ республики. Партія, сдѣлавшая февральскую революцію, испытала на себѣ законъ возмездія. Да простятъ намъ вульгарное выраженіе: она сыграла скверную штуку съ Франціей, и Франція отплатила ей тѣмъ же. Она поступила подобно честному буржуа, съ которымъ уличные мальчишки подняли бы возню и на котораго нахлобучили бы красную шапочку. Этотъ достойный человѣкъ позволилъ бы, пожалуй, изъ любви къ спокойствію продѣлать надъ собой все это, но затаилъ бы противъ нихъ нѣкоторую месть. Неожиданность выборовъ была отвѣтомъ на неожиданный бунтъ. Конечно, поведение Франціи можно было бы считать болѣе достойнымъ и законнымъ, если бы она, при извѣстии о революціи, стала лицомъ къ врагу, вѣжливо остановила бы комиссаровъ временнаго правительства при выходѣ ихъ изъ дилижанса и созвала бы нѣчто въ родѣ генеральныхъ совѣтовъ, которые возстановили бы монархію; но нѣкоторыя причины, слишкомъ очевидныя для того, чтобы нуждаться въ объясненіи, сдѣлали такой образъ дѣйствій невозможнымъ. Страна, которой даютъ всеобщее избирательное право, всегда бываетъ немного скрытной. Въ своихъ рукахъ она имѣетъ всемогущее орудіе, сѣющее повсюду гражданскія войны. Когда увѣрены въ томъ, что непріятель долженъ пройти чрезъ ущелье его враговъ, гдѣ онъ принужденъ будетъ выдерживать пальбу, не имѣя возможности отвѣчать на нее, его не будутъ атаковать. Франція ждала, и въ декабрѣ 1848 г. нанесла республиканской партіи кровавое оскорбленіе. Если февральскія дѣла доказали, что Франція неособенно привержена къ конституціонной монархіи и Орлеанскому дому, то выборы десятаго декабря показали, что она не болѣе была привержена и къ республикѣ. Политическая слабость этой великой страны выказала себя въ своемъ настоящемъ свѣтѣ.

Что же сказать о послѣдующихъ событіяхъ? Государственные перевороты не пользуются нашей большой симпатіей, чѣмъ революціи; мы и не любимъ революцій оттого, что онѣ влекутъ за собой государственные перевороты. Нельзя, однако, согласиться съ основными требованіями партіи 1848 г. Эта партія, — не знаю,

въ силу какого божественнаго права,—присваиваетъ себѣ власть, отрицаемую у всякой другой партіи, въ силу которой Франція настолько крѣпко скована, что противозаконные поступки, имѣвшіе своей цѣлью разорвать эти цѣпи, казались преступленіемъ въ то время какъ февральская революція была, по ея мнѣнію славнымъ дѣломъ. *Qui tulerit Gracchos de seditione querentes?* Убивающій шпагой умретъ отъ шпаги. Если бы ружья, которыми цѣпились въ Соэе и герцогиню Орлеанскую, были неповинны, штыки, разогнавшіе собраніе 2-го декабря 1851 г., не имѣли бы также за собой вины. Для насъ каждое насиліе есть пощечина для страны, нанесеніе ранъ главнымъ частямъ государственнаго устройства—лишній шагъ въ лабиринтѣ, не имѣющемъ выхода, и мы имѣемъ право сказать объ этихъ всѣхъ злосчастныхъ дняхъ:

*Excidat illa dies aevo, nec postera credan
Saecula; nos etiam taceamus, et oblita multa.
Nocte tegi nostrae patiamur crimina gentis.*

III.

Императоръ Наполеонъ III и незначительная группа людей, раздѣлявшихъ его сокровенные взгляды, предложили правительству Франціи программу, хотя и не основанную на исторіи, но не лишенную оригинальности. Они хотѣли оживить традицію имперіи, воспользоваться этой величественной легендой, столь живой въ народѣ, заставить съ помощью всеобщаго избирательнаго права заговорить народное чувство въ пользу этого, съ помощью того же права установить наследственность императорской власти и, слѣдуя столь дорогой для Франціи идеѣ, устроить благопріятные для Франціи выборы. Во внутренней политикѣ они хотѣли личнаго правительства императора съ видимымъ парламентскимъ правительствомъ, сведеннымъ къ нулю; во внѣшней—блестящей и дѣятельной роли, чтобы путемъ войнъ и дипломатіи доставить Франціи то мѣсто, которое она занимала среди европейскихъ націй шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ и потеряла только послѣ 1814 года.

Франція въ теченіе семнадцати лѣтъ производила этотъ опытъ съ терпѣніемъ, которое можно было бы назвать образцовымъ, если бы было хорошо для націи такъ долго отрекаться, когда дѣло идетъ о ея судьбахъ. Въ чемъ же этотъ опытъ? Какіе его результаты?

Прежде всего можно ли сказать, что основался новый домъ Наполеона, т. е., что онъ создалъ около себя тѣ чувства личной гуманности и почтенія, которыя составляютъ силу династіи? Относительно этого не нужно льстить себя иллюзіями. Эгоизмъ, скептицизмъ, индифферентизмъ правителей, общее убѣжденіе, что имъ ничѣмъ не обязаны,—совершенно иссушили сердце страны. Вопросъ сталъ вопросомъ выгоды. Общественное благосостояніе страшно увеличилось бы, если бы вопросъ былъ поставленъ такъ: революція или нѣтъ? Тогда второй выходъ былъ бы предпочтенъ огромнымъ большинствомъ. Но часто страна, не желающая революціи, дѣлаетъ все для ея появленія.

Во всякомъ случаѣ, нечего уже и думать о чувствахъ нѣжности и вѣрности, испытываемыхъ нѣкогда страной по отношенію къ своимъ королямъ.

Можно принять въ счетъ тѣхъ людей, которые испытывали къ наполеоновской династіи чувства, подобныя чувствамъ роялиста періода реставраціи къ королевскому семейству. Наполеоновскихъ легитимистовъ почти нѣтъ; въ этотъ фактъ правительство не можетъ достаточно глубоко проникнуть.

Часть программы императора Наполеона III, касающаяся военной славы и выдающейся роли Франціи, имѣла свое величіе, и люди, съ точки зрѣнія общихъ интересовъ цивилизаціи, признательные императору за крымскую и итальянскую войны, не могутъ строго судить о всѣхъ пунктахъ иностранной политики второй имперіи. Но ясно, что Франція не согласна съ подобными идеями. При всеобщемъ голосованіи предложеніе: „не нужно войны“ — получило бы несравненно больше голосовъ, чѣмъ предложеніе: „не нужно революціи.“ Франція такъ же героична, какъ и сентиментальна. Преимущества одной европейской націи передъ другими сдѣлалось невозможнымъ при настоящемъ положеніи обществъ. Угрожающія намѣренія, неразумно выраженные съ этой стороны Рейна (въ этомъ отношеніи болѣе виноватымъ было не правительство), вызвали у германскихъ націй волненіе, которое проявится, когда они будутъ считать себя въ силахъ навязать намъ свои желанія. Въ этотъ день исчезнетъ сила Пруссіи въ германскомъ тѣлѣ; вѣдь эта сила существовала только изъ-за боязни Франціи. Въ этотъ день исчезнетъ, по всей вѣроятности, и стремленіе къ политическому единству, столь мало отвѣчающее германскому духу и всегда бывшее у нѣмцевъ только охранительной мѣрой, съ нетерпѣніемъ переносимой, противъ сильно организованнаго сосѣда.

Достаточно было измѣнить одинъ этотъ пунктъ первоначальной программы императора Наполеона III, чтобы измѣнилась вся программа внутренняго управленія. Императоръ Наполеонъ III никогда не считалъ себя въ силахъ управлять безъ избираемой палаты; но долго, если не всегда, онъ рассчитывалъ быть господиномъ выборовъ. Такой расчетъ могъ осуществиться только при вѣчныхъ войнахъ, вѣчныхъ побѣдахъ. Личное правительство возможно только при условіи вѣчной славы, постоянныхъ успѣховъ. Вѣдь только ослѣпляя страну благополучіемъ, можно надѣяться, что избиратель будетъ класть въ урну тотъ шаръ, который вложить ему въ руки администрація. Было совершенно неизбежно, что Франція въ одинъ прекрасный день пожелаетъ воспользоваться могущественнымъ оружіемъ и приметъ на себя отвѣтственность за дѣла отечества. Въ политикѣ нельзя долго играть призраками. Нужно было ожидать, что видимое парламентское правительство, за которымъ всегда наблюдалъ императоръ Наполсонъ III, сдѣлается серьезной дѣйствительностью. Послѣдніе выборы перевели это предположеніе въ область свершившихся фактовъ. Майскіе и іюньскіе выборы 1869 года показали, что законъ нашего общества не могъ быть закономъ римскаго цезаризма. Въ началѣ римскій цезаризмъ былъ также дес-

потизмомъ, окруженнымъ республиканскими фикціями; но деспотизмъ убилъ эти фикціи. У насъ произошло обратное: представительныя фикціи убили деспотизмъ. Этого не случилось при первой имперіи, такъ какъ тогда выборы въ законодательный корпусъ были совершенно призрачны. Событія послѣднихъ мѣсяцевъ лучше всего доказываютъ, какимъ образомъ созданный Англійей идеаль правительства насильно навязывается всѣмъ государствамъ. Часто говорятъ, что Франція не создана для такого правительства. Франція доказала только-что, что она думаетъ обратное. Во всякомъ случаѣ, если бы это было такъ, я сказалъ бы, что нужно отказаться отъ всѣхъ надеждъ на будущее Франціи. Либеральный режимъ абсолютно необходимъ для всѣхъ современныхъ націй.

Тотъ, кто не сможетъ приспособиться къ нему, погибнетъ. Прежде всего либеральный режимъ дастъ націямъ, принявшимъ его, огромное преимущество передъ націями, не умѣющими къ нему примѣниться. Нація, неспособная ни къ свободѣ прессы, ни къ свободѣ собраній, ни къ свободѣ политической, всегда будетъ превзойдена и побѣждена націями, имѣющими возможность нести эту свободу. Эти послѣднія всегда будутъ болѣе образованны, болѣе развиты, лучше управляемы.

Есть еще одна причина, въ силу которой Франція должна неминуемо погибнуть, если она дѣйствительно осуждена въ жертву фатальной альтернативѣ: анархизмъ или деспотизмъ. Единственный выходъ изъ анархіи—огромное военное сословіе, которое кромѣ того, что истощаетъ и разрушаетъ націю, можетъ сохранить свое вліяніе на нее только при условіи вѣчныхъ побѣдъ надъ другими націями. Угнетающій военный режимъ внутри страны неминуемо приводитъ къ иноземнымъ войнамъ; побѣжденная и униженная армія не можетъ оказывать энергичнаго давленія, а между тѣмъ нація, осужденная систематически вести внѣшнія войны, при настоящемъ положеніи Европы должна считать себя потерянной. Она вызоветъ противъ себя безконечныя коалиціи и нашествія. Вотъ какимъ образомъ шаткое состояніе внутренняго строя Франціи составляетъ для нея внѣшнюю опасность и дѣлаетъ изъ нея націю воюющую, хотя общее мнѣніе таково, что она очень миролюбива. Равновѣсіе Европы требуетъ, чтобы всѣ націи сохраняли приблизительно одно и то же политическое устройство. *Ebrius inter sobrios* не былъ бы терпимъ въ общемъ концертѣ. Первая республика была послѣдовательна въ своей пропагандистской войнѣ: она чувствовала, что французская республика не сможетъ существовать, не будучи окружена республиками другихъ народовъ.

Со всѣхъ сторонъ мы приходимъ къ тому заключенію, что Франція не медля должна вступить на путь представительстваго правленія. Тутъ долженъ былъ бы возникнуть предварительный вопросъ: подчинится ли императоръ Наполеонъ III этой перемѣнѣ ролей? Измѣнитъ ли онъ въ этомъ пунктѣ программу, которая составляетъ для него не простой вопросъ самолюбія, но его вѣру, его энтузіазмъ, вѣрованія, объясняющія всю его жизнь? Любя до фанатизма свой идеаль, который онъ считаетъ един-

ственно великимъ и благороднымъ, идеаль, отвергнутый Франціей, не почувствуетъ ли Наполеонъ непобѣдимаго отвращенія къ этому образу правленія съ его спокойствіемъ, бережливостью, маленькими министерскими войнами, представлявшемуся ему раньше картиной вырожденія, соединеннаго въ его представленіи съ мало уважаемой имъ династіей? Выйдетъ ли онъ изъ круга совѣтниковъ и посредственныхъ министровъ, въ средѣ которыхъ онъ, кажется, находитъ полное удовлетвореніе? Можетъ ли государь, облеченный плебисцитомъ всѣми народными правами, быть защитникомъ парламента? Не является ли плебисцитъ отрицаніемъ конституціонной монархіи? Явилось ли когда-либо такое правленіе слѣдствіемъ государственнаго переворота? Можетъ ли оно существовать рядомъ съ всеобщимъ избираемымъ правомъ. Уваженіе, которымъ мы обязаны личности государя, запрещаетъ намъ разбирать эти вопросы. Впрочемъ, характеръ Наполеона III представляетъ загадку, говорить о которой нужно съ большою осторожностью даже въ томъ случаѣ, если мы будемъ обладать данными, неизвѣстными пока ни одному человѣку.

Мало есть историческихъ личностей, характеристики которыхъ болѣе бы нуждались въ поправкахъ, и если въ продолженіе 50 лѣтъ не нашлось такого глубокаго, добросовѣстнаго и внимательнаго критика, какъ С.-Бевъ, который съ величайшей осторожностью старается не стирать противорѣчій, а разъяснять ихъ,— то императора Наполеона III никогда не будутъ знать таковымъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Мы приведемъ только одно соображеніе. Уваженіе къ расѣ и крови, бывшее когда-то рѣшающимъ въ исторіи, въ значительной степени потеряло свое значеніе. Замѣны, невозможныя при прежнемъ режимѣ, могутъ стать возможными теперь. Достоинство фамилии, бывшее когда-то непоколебимымъ, какъ, напр. фамиліи Бурбоновъ, могло подходить только къ извѣстной роли; теперь оно способно переносить много видоизмѣненій. Историческая роль и раса теперь не считаются недѣлимыми. Если наслѣдникъ Наполеона I выполнить дѣло, противорѣчащее дѣлу Наполеона I, въ этомъ не будетъ ничего немыслимаго. Общественное мнѣніе стало такимъ неограниченнымъ властелиномъ, что всякое имя, каждый человѣкъ, есть то, что оно дѣлаетъ изъ него. Возраженія à priori, дѣлаемые нѣкоторыми противъ возможности конституціоннаго будущаго въ царствованіе фамиліи Бонапартовъ, еще не имѣютъ рѣшающаго значенія. Фамилія Капетинговъ, ставшая въ дѣйствительности представительницей французской національности и третьяго сословія, была въ основѣ ультра-германской, ультра-феодалной.

Подобно архитектурѣ, приходящей черезъ ошибки и неудачные опыты къ извѣстному стилю, каждая страна, наталкиваемая судьбою на извѣстныя событія, умѣетъ извлечь изъ нихъ ту пользу, къ которой стремится. Мы пользуемся благодѣянiami королевской власти, хотя королевская власть основалась рядомъ преступленій, мы извлекаемъ пользу изъ послѣдствій Революціи, хотя Революція была сплетеніемъ жестокостей. Въ силу печаль-

наго закона вещей человекъ становится разумнымъ тогда, когда силы его совсѣмъ истощаются. Трудно было угодить, и прекрасное было отвергнуто. Изъ страха передъ худшимъ остались при посредственности. Кокетка, отказывавшая лучшимъ женихамъ, въ концѣ концовъ часто выходитъ замужъ по разсудку. Тѣ, которые мечтали о Республикѣ безъ республиканцевъ, доходятъ до того, что задумываютъ правленіе фамиліи Бонапартовъ безъ бонапартистовъ. Они мечтаютъ о такомъ положеніи вещей, при которомъ эта фамилія, освобожденная отъ компрометирующей ее свиты, создавшей, однако, ея второе восшествіе, нашла бы лучшую опору и болѣе вѣрныхъ совѣтниковъ въ тѣхъ, кто, правда, не содѣйствовалъ возвеличенію этой фамиліи, но охотно принялъ ее отъ имени всей Франціи, какъ наиболѣе способную найти исходъ изъ безвыходнаго положенія, въ которое поставила насъ судьба. Правда, нѣтъ ни одной конституціонной династіи, явившейся слѣдствіемъ государственнаго переворота. Висконти, Сфорцы, тираны, созданные, республиканскими междоусобіями, не представляютъ матеріала, годнаго для основанія законной монархіи. Такія монархіи основывались только особенной крѣпостью и возвышенностью германской расы въ варварскія и бессознательныя эпохи, когда возможно было забвеніе и когда человечество жило въ таинственныхъ потемкахъ, кладущихъ основу благоговѣнію. *Fata viam inveniunt...* Необыкновенный вызовъ, брошенный Франціей всѣмъ историческимъ законамъ, принуждаетъ дѣлать эти выводы съ крайней осторожностью. Поднимемся выше и, пренебрегая тѣмъ, что можетъ быть разрушено случайно завтрашняго дня, поищемъ, какія основанія должна имѣть страна для возникновенія въ ней конституціонной монархіи, какіе мотивы позволяютъ надѣяться на ея побѣду и какія опасенія могутъ остаться относительно ея упроченія.

IV.

Мы видѣли, что особенная черта Франціи,—черта, глубоко отличающая ее отъ Англіи и другихъ европейскихъ государствъ (исключая до нѣкоторой степени Италію и Испанію),—это та, что республиканская партія составляетъ внутри ея значительный элементъ. Партія эта, бывшая достаточно сильной, чтобы свергнуть Людовика-Филиппа и навязать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ свою теорію Франціи, подверглась послѣ 2 декабря униженіямъ. Исчезла ли она вслѣдствіе этого? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Успѣхъ ея въ продолженіе 17 послѣднихъ лѣтъ былъ очень замѣтенъ. Она не только держалась, благодаря тому, что овладѣла большинствомъ населенія въ Парижѣ и въ большихъ городахъ; она завоевала даже цѣлыя страны. Весь поясъ окрестностей Парижа принадлежитъ ей. Демократическій духъ, такой, какимъ мы знаемъ его въ Парижѣ,—съ его суровостью, повелительнымъ тономъ, съ его обманчивымъ простосердечіемъ мыслей, съ его робкой подозрительностью, неблагодарностью,—покорилъ какимъ-то непонятнымъ образомъ нѣкоторые деревенскіе округа. Въ деревнѣ отношеніе хозяина фермы и работника такое же, какъ от-

ношеніе рабочихъ и хозяевъ въ мануфактурныхъ городахъ; крестьяне будутъ съ такой же увѣренностью заниматься политикой, носящей высокомерный радикальный и завистливый характеръ, какъ и рабочіе Бельвилля и Сенъ-Антуанскаго предмѣстья. Идея всеобщаго равноправія, манера представлять себѣ государство въ видѣ оплачиваемой гражданской службы, которой мы не обязаны ни уваженіемъ, ни благодарностью,—нѣчто въ родѣ американской беззаастѣнчивости, притязанія быть такими же мудрыми, какъ лучшіе люди государства, желаніе свести политику на обыкновенное совѣщаніе относительно желаній большинства,—вотъ духъ, проникающій все дальше и дальше, даже въ деревни. Я не сомнѣваюсь, что этотъ духъ будетъ съ каждымъ днемъ прогрессировать и что на будущихъ выборахъ онъ выкажетъ себя всюду, гдѣ будетъ господствовать, еще болѣе требовательнымъ и неговорчивымъ, чѣмъ въ этомъ году.

Но сможетъ ли все-таки когда-нибудь республиканская партія перетянуть на свою сторону большинство и заставить восторжествовать американскія учрежденія? Не думаю. По своей сущности эта партія должна быть меньшинствомъ. Если бы она пришла къ соціальной революціи, она смогла бы создать новые классы, но классы эти на слѣдующій день послѣ обогащенія стали бы монархическими. Самыя насущныя потребности Франціи, ея духъ, ея достоинства и недостатки, дѣлаютъ для нея королевскую власть необходимой. На слѣдующій день послѣ того, какъ радикальная партія свергнетъ монархію, журналисты, литераторы, артисты, ученые, люди высшаго свѣта, женщины составятъ заговоръ съ цѣлью основать другую монархію, ибо она отвѣчаетъ на насущнымъ потребностямъ Франціи. Одной нашей любезности достаточно, чтобы сдѣлать изъ насъ плохихъ республиканцевъ. Очаровательное преувеличеніе старинной французской вѣжливости, учтивость, бросающая насъ къ ногамъ тѣхъ, съ кѣмъ мы имѣемъ отношенія, составляютъ противоположность этой грубости, жестокости, этой сухости, которая придаетъ демократу вѣчное сознаніе его права. Франція отличается своимъ изяществомъ; она любитъ все изысканное, умѣетъ дѣлать только то, что аристократично. Мы—раса дворянъ; нашъ идеаль созданъ дворянами, а не честными буржуа, серьезными дѣльцами, какъ это было въ Америкѣ. Такія привычки удовлетворяются при существованіи высшаго общества, двора и принцевъ крови. Надѣются на то, что великія и лучшія дѣла Франціи также будутъ совершаться въ мірѣ буржуазномъ, не признавая другихъ неравенствъ, кромѣ имущественнаго,—безсмысленно. Ученые и сердечные люди, тратящіе весь свой жаръ на эту утопію, сами не смогутъ приспособиться къ подобному обществу. Люди, такъ жадно преслѣдующіе американскій идеаль, забываютъ, что раса эта не имѣетъ нашего блестящаго прошлаго, что она никогда не была благородной и что торговля и богатство занимали ее всю. Нашъ идеаль можетъ осуществиться только при правительствѣ, дающемъ блескъ всему, что приближается къ нему, и создающемъ отличіе внѣ богатства. Общество, въ которомъ заслуги человѣка и его превосходство надъ другими можетъ обнаружиться только въ формѣ про-

мышленности и торговли,—намъ глубоко антипатично, не потому, что промышленность и торговля кажутся намъ нечестными, но потому, что мы видимъ ясно, какъ все лучшее (напр., обязанности священника, магистрата, ученаго, артиста и серьезнаго писателя) совершенно противорѣчатъ коммерческому и промышленному духу; первый долгъ тѣхъ, кто отдается этимъ дѣламъ,—не искать богатства и не оцѣнивать матеріально своихъ дѣлъ.

Республиканская партія сможетъ мѣшать всякому либеральному правительству, ибо ей, вызывающей возмущенія, всегда будетъ возможно заставлять правительство вооружаться репрессивными законами, ограничивать права и усиливать военный элементъ. Сомнительно, чтобы она сама была въ состояніи утвердиться. Ненависть между ней и мирной партіей страны будетъ всегда существовать, все болѣе возбуждаясь, ибо партія эта всегда будетъ казаться странѣ помѣхой. Я боюсь, что она успѣетъ только вызвать родъ періодическихъ кризисовъ, за которыми послѣдуютъ жестокія вспышки; консервативная партія укажетъ на нихъ, какъ на признакъ выздоровленія, но въ дѣйствительности онѣ будутъ означать только упадокъ силъ и самымъ печальнымъ образомъ истощать темпераментъ Франціи. Въ этихъ конвульсивныхъ судорогахъ прекрасные элементы, нужные жизни націи, будутъ выброшены вмѣстѣ съ нечистыми элементами. Какъ это случилось въ 1848 г., либеральныя идеи страдаютъ отъ ихъ неминуемой солидарности съ партіей, которая, проповѣдуя великодушныя иллюзіи, производитъ неотразимое очарованіе на молодое воображеніе и обладаетъ цѣлой частью программы, общей съ программой либеральной школы. Можно бояться, что укоренившіяся привычки ума, извѣстная жесткость, много рутины и привычка во всѣхъ своихъ сужденіяхъ слѣдовать за Парижемъ (привычка, легко понимаемая у партіи преимущественно парижскаго происхожденія), заставятъ Францію вѣрить въ то, что революціи въ родѣ революцій 1830 и 1848 г., смогутъ возобновиться. Ничто не могло бы быть болѣе гибельнымъ. Время парижскихъ революцій миновало. Утверждая это, я руководжусь не столько матеріальными измѣненіями въ Парижѣ, сколько другими доводами, которые, по моему мнѣнію, окажутъ огромное давленіе на судьбы будущаго.

Одна причина—это возникновеніе всеобщаго избирательнаго права. Народъ, имѣющій это право, не допуститъ столицу дѣлать революціи. Если-бы такая революція произошла въ Парижѣ (вещь, къ счастью, невозможная), я увѣренъ, что провинціи не приняли бы ее, что на желѣзныхъ дорогахъ возвысились бы баррикады, дабы остановить распространеніе пожара и помѣшать снабженію съѣстными припасами столицы; такимъ образомъ парижскій бунтъ скоро прекратили-бы, и онъ не протянулся бы больше нѣсколькихъ дней. Самостоятельность провинцій сдѣлала въ 1848 г. большіе успѣхи.

Нужно принять во вниманіе еще другое соображеніе. Вся философія исторіи управляется вопросомъ о вооруженіи. Ничто не содѣйствовало такъ триумфу современнаго разума, какъ изобрѣтеніе пороха. Артиллерія убила кавалерію и феодализмъ, соз-

дала могущество королевской власти и государства, бесконечно ослабила невѣжество, сдѣлала невозможнымъ страшные взрывы татарскаго міра, образовавшагося въ центрѣ Азіи, который ослѣплялъ Европу и терроризировалъ весь христіанскій міръ. Искусное примѣненіе науки къ военному искусству приводитъ въ наше время почти къ такимъ же важнымъ революціямъ. Война все больше и больше дѣлается вопросомъ науки и индустрии. Успѣхъ будетъ имѣть самая богатая, самая ученая и торговая нація. Если мы изслѣдуемъ послѣдствія этой перемѣны внутри государствъ, намъ будетъ ясно, что отъ примѣненія *en grand* науки къ военному дѣлу извлечетъ пользу только правительство. Слѣдствіемъ артиллеріи было разрушеніе феодальныхъ замковъ; освобожденіе отъ этой усовершенствованной ловушки остановитъ революцію. Въ эпохи, когда вооруженіе мало усовершенствовано, слово гражданинъ почти равняется слову солдатъ; но какъ только наступательные приемы сдѣлались достояніемъ науки, требующимъ точныхъ орудій и спеціальнаго образованія, солдатъ имѣетъ огромное преимущество передъ невооруженной толпой. Все это ведетъ къ увѣренности, что революціи, начатыя гражданами, будутъ подавлены въ самомъ зародышѣ.

Вотъ что вполне ясно для іезуитовъ, захватывающихъ со своей обычной ловкостью Сень-Сиръ и Политехническую школу; они предвидятъ будущность тѣхъ, кто умѣетъ владѣть артиллерійскимъ орудіемъ и организованными силами, и признаютъ, что преимущество въ этомъ отношеніи принадлежитъ стариннымъ благороднымъ классамъ, менѣе буржуазіи занятымъ торговлею и вопросомъ доходныхъ гражданскихъ мѣстъ и посему даже болѣе способнымъ къ самоотверженію. Побѣда всегда на сторонѣ самоотверженныхъ. Германецъ покорилъ міръ, ибо онъ былъ болѣе способенъ къ чувству преданности, т. е. самоотверженія. Правда, демократическая партія также способна къ великимъ жертвамъ, но не къ тѣмъ, которыя заключаются въ способности умереть изъ чувства преданности и перенести высокоомѣріе аристократа, выше котораго стоитъ въ моральномъ отношеніи.

Франція, казалось, долго еще должна была избѣгать республики, даже тогда, когда республиканская партія образовала бы численное большинство. Франція видитъ, какъ внутри ея увеличивается народная масса, лишенная религіознаго идеала и отвергающая всякій соціальный принципъ, стоящій выше воли индивидуумовъ; другая часть общества, которая еще не прониклась этой себялюбивой идеей, каждый день уменьшается вслѣдствіе начальнаго обученія и пользованія избирательнымъ правомъ. Но противъ этой подымающейся волны захватывающихъ идей, которыя по своей молодости и неопытности не считаются съ нашими затрудненіями, возникаютъ высшіе интересы и потребности, требующіе разумной и научной организаци и направленія общества, не зависящаго отъ воли индивидуумовъ. Демократъ воображаетъ всегда, что сознаніе народа необыкновенно ясно, общественное мнѣніе не принимаетъ ничего неяснаго, колеблющагося, противорѣчиваго: считать голоса и дѣлать то, чего хочетъ большинство, кажется ему очень простой вещью. Но это иллюзіи;

долго еще общественное мнѣніе должно будетъ быть отгаданнымъ, предчувствованнымъ, предполагаемымъ и до нѣкоторой степени управляемымъ. Этимъ воспользуются монархіи, которыя на слѣдующій день послѣ учрежденія республики выкажутъ себя еще болѣе грозными даже въ глазахъ тѣхъ, кто произвелъ или позволилъ произвести революцію.

Движеніе въ народныхъ классахъ, стремящееся дать индивидуумамъ все болѣе ясное сознаніе своихъ правъ, есть фактъ до такой степени очевидный, что желать противодѣйствовать ему было бы чистымъ безуміемъ. Обязанность политики заключается не въ томъ, чтобы подавлять это движеніе, а въ томъ, чтобы предвидѣть его и примѣняться къ нему. Ученые никогда не искали средствъ остановить приливы и отливы; они сдѣлали лучше: они такъ точно опредѣлили законы явленія, что мореходецъ знаетъ точно каждую минуту состояніе моря и извлекаетъ себѣ изъ этого большія выгоды. Все дѣло въ томъ, чтобы подымающаяся волна не унесла необходимой плотины и, возвращаясь назадъ, не оставила бы гибельныхъ послѣдствій. Но, по всей вѣроятности, это будетъ случаться каждый разъ, когда французской демократіей будетъ руководить жестокой, педантичный, угрюмый якобинизмъ, который будоражитъ страну, даетъ ей подчасъ крылья, но никогда не приведетъ ее къ устойчивому строю. Партія эта можетъ сдѣлать революцію, но господство ея послѣ этого протянется не больше двухъ мѣсяцевъ. Даже въ тотъ день (предположеніе маловѣроятное), когда она получитъ на выборахъ большинство голосовъ, она также не сможетъ создать ничего, ибо элементы, которыми она располагаетъ, превосходны для агитаціи, но неустойчивы, легко разъединяемы и неспособны доставить прочныхъ, созидающихъ элементовъ. Сила ея,— правда, великая,—отчасти случайна. Десять разъ мнѣ приходилось слышать во время избирательной компаніи слѣдующіе разговоры: „Мы недовольны правительствомъ! оно обходится намъ слишкомъ дорого; оно правитъ въ угоду чуждымъ намъ идеямъ; мы подадимъ голоса за кандидата крайней оппозиціи.—Вы революціонеры?—Ничуть! революція была бы окончательнымъ несчастіемъ. Все дѣло въ томъ, чтобы произвести впечатлѣніе на правительство, заставить его измѣниться, держать его въ ежовыхъ рукавицахъ.—Но если палата, состоящая изъ революціонеровъ, означаетъ сверженіе правительства...—нѣтъ, революціонеровъ будетъ всего двадцать или тридцать, а правительство такъ сильно! Оно имѣетъ такъ много ружей!“ Эти наивныя разсужденія показываютъ, насколько велики заблужденія радикальной лѣвой, когда она думаетъ, что народъ желаетъ ее ради нея же. Большая часть страны принимаетъ ея сторону для того, чтобы наказать правительство, далеко не считая эту партію способной служить ей опорой. „Насъ избираютъ, значитъ насъ любятъ“,—такое заключеніе было бы наиболѣе опаснымъ со стороны уважаемыхъ членовъ такъ называемой крайней оппозиціи. Ихъ выбираютъ, дабы дать урокъ правительству, будучи увѣрены, что у правительства хватитъ силы выдержать этотъ урокъ. Въ тотъ день, когда это не было бы такъ, когда увидѣли-бы, что суще-

ствование правительства подвергается опасности, произошел бы переворотъ, ибо радикальная партія подчинена своеобразному закону, въ силу котораго часъ ея побѣды есть начало ея упадка. Ея триумфъ есть ея конецъ; часто люди, избравшіе и выдвигавшіе ее раньше, рукоплещутъ ея униженію.

Въ дѣйствительности, порядокъ въ современныхъ обществахъ Европы до такой степени не терпитъ противорѣчій, что продолжительныя междоусобія стали невозможными. Иногда приводятъ въ примѣръ знаменитыя республики Италіи и Греціи, создавшія поражающую насъ цивилизацію внутри государства, по своей политикѣ аналогичнаго Террору. Но отсюда нельзя ничего заключить для нашихъ обществъ, въ которыхъ пружины гораздо сложнѣе. Испанія и испанскія республики въ Америкѣ, даже Италія, могутъ въ большей степени переносить анархію, чѣмъ Франція, ибо въ этихъ странахъ матеріальная жизнь болѣе легка, меньше источниковъ богатства, ростъ денегъ и кредитъ менѣе развиты. Терроръ въ концѣ этого вѣка остановилъ бы всякую жизнь. Въ наше время было бы еще хуже. Подобно тому, какъ существо несложной структуры можетъ переносить разнообразную среду, въ то время, какъ границы жизни животныхъ болѣе утонченной организаціи, напр., человѣка, сужены до того, что легкое измѣненіе въ ихъ привычкахъ влечетъ за собой смерть, точно также наши цивилизаціи, чувствительныя, какъ научные приборы, не переносятъ кризисовъ. Онѣ обладаютъ, если можно такъ выразиться, нѣжнымъ темпераментомъ; градусомъ больше или меньше, и мы можемъ убить ихъ. Недѣля анархіи повлекла бы за собой непредвидѣнныя потери; черезъ мѣсяць, быть можетъ, остановились бы желѣзныя дороги. Мы создали механизмъ безконечной точности, орудія, приводящіяся въ движеніе довѣріемъ и предполагающія глубокое общественное спокойствіе, правительство въ одно и то же время прочно установленное и серьезно контролируемое. Я знаю, что въ Соединенныхъ Штатахъ дѣло обстоитъ далеко не такъ: тамъ терпятъ беспорядки, исторгавшіе бы у насъ тревожные крики. Причина та, что конституціонная основа Соединенныхъ штатовъ въ дѣйствительности никогда не была поколеблена. Эти американскія страны, слабо управляемыя, напоминаютъ европейскія страны, гдѣ династія не есть предметъ раздора. Онѣ питаютъ уваженіе къ закону и конституціи, которая у нихъ играетъ такую же роль, какъ въ Европѣ догматъ законности. Сравнить страны съ социалистическими тенденціями, вродѣ нашей, гдѣ столько лицъ ждуть отъ революціи улучшенія своей судьбы, съ государствами, гдѣ человѣкъ, всецѣло занятый частными дѣлами, требуетъ отъ правительства очень мало защиты, есть величайшая ошибка, которую можно сдѣлать въ філософіи исторіи.

Потребность государственнаго строя, испытываемая нашими старинными европейскими обществами одновременно съ усовершенствованіемъ оружія, дастъ въ общемъ правительствамъ столько же силы, сколько отнимаютъ у него ежедневно успѣхи революціонныхъ идей. Подобно религіи, государственный строй будетъ имѣть своихъ фанатиковъ. Современные общества представля-

ють ту особенность, что они кажутся очень кроткими, пока принципы ихъ въ опасности, но дѣлаются неумолимыми, когда имъ начинаютъ внушать сомнѣнія относительно ихъ продолжительности. Запуганное общество подобно испугавшемуся человѣку: оно не имѣетъ уже той моральной стоимости. Современное общество употребитъ тѣ же средства, какія употребляло католическое общество XIII и XVI вѣка для защиты своего существованія, которому угрожала опасность; средства эти проявятся въ болѣе успѣшныхъ и менѣе жестокихъ, но не менѣе страшныхъ формахъ. Если старинныя династіи окажутся безсильными или если онѣ, что весьма возможно, сами откажутся отъ управленія при условіяхъ, недостойныхъ ихъ, тогда снова прибѣгнутъ къ подестамъ Италіи среднихъ вѣковъ, отягощая ими народъ и создавая условія жизни по заранѣе составленной кровавой программѣ. Эта эпоха подестовъ, пресыщенныхъ славой и желающихъ въ награду за свои заслуги большихъ выгодъ, станетъ эпохою пытокъ. Пытки всегда возвращаются во времена эгоизма и измѣны, которыя убиваютъ всякую личную преданность, когда іерархія человѣчества основывается на страхѣ и одинъ человѣкъ беретъ верхъ надъ другими тѣмъ, что терзаетъ ихъ плоть. Вновь увидятъ подеста Висконти, пытки Ахеменидовъ и Тимура. Только случайные диктаторы, подобно генераламъ испанской Америки, возьмутъ на себя этотъ трудъ. Но такъ какъ наши расы отличаются большой преданностью, которой онѣ никогда не измѣнятъ, такъ какъ, съ другой стороны, еще долго останутся живы пережитки старинныхъ династій, то, вѣроятно, вновь будетъ возвратъ къ законности и даже феодализму послѣ каждой жестокой диктатуры. Въ многихъ мѣстностяхъ населеніе будетъ требовать возвращенія старинныхъ богатыхъ фамилій, привыкшихъ владѣть орудіемъ. стать во главѣ ихъ, дабы бороться съ анархіей и образовать центръ мѣстнаго сопротивленія. Не разъ будутъ умолять традиціонныхъ представителей національныхъ ролей вернуться къ своей задачѣ, и возвратитъ во чтобы то ни стало странамъ, заключавшимъ когда-то договоры съ ихъ предками, миръ, вѣру и честь. Можетъ быть, эти представители заставятъ просить себя и захотятъ согласиться только на невозможныхъ условіяхъ; возможно даже, что народъ будетъ просить ихъ не принимать никакихъ должностей и въ интересахъ народа оставить нетронутой полноту власти, на которую будутъ смотрѣть, какъ на драгоценнѣйшую собственность націи. Въ виду нѣкоторыхъ фактовъ, совершавшихся недавно въ Греціи, Мексикѣ, Испаніи, демократическая партія говоритъ иногда съ усмѣшкой: „нѣтъ больше королей“. Дѣйствительно, будетъ время, когда обезцѣненная королевская власть не будетъ имѣть достаточно прелести, чтобы привлечь способныхъ и уважающихъ себя принцевъ. Дай Богъ, чтобы когда-нибудь не пришлось за презрительное отношеніе къ жалованнымъ правамъ просить государей вновь подарить ихъ всѣ и распутать узелъ медленно помощью личныхъ, мѣстныхъ и кратковременныхъ уступокъ и грамотъ.

Возвращеніе варваровъ, т. е. новая побѣда менѣе сознательныхъ и менѣе культурныхъ частей человѣчества надъ болѣе

сознательной и болѣе культурной, кажется съ перваго взгляда невозможнымъ. Выяснимъ хорошенько этотъ вопросъ. Въ мірѣ еще существуетъ запасъ варварскихъ силъ, которыя почти всѣ подвластны Россіи. Пока цивилизованныя націи будутъ сохранять свою крѣпкую организацію, роль этихъ варваровъ почти ничтожна. Но, конечно, когда (да сохранить насъ отъ того Богъ!) проказа эгоизма и анархіи погубитъ наши западныя государства, варварство вновь приметъ на себя свою обязанность, состоящую въ томъ, чтобы поднять мужество испорченныхъ цивилизованныхъ народовъ, заставить дѣйствовать живительный инстинктъ, послѣ того какъ разумъ изгналъ подчиненность, показать, что чувство преданности, въ силу котораго человекъ позволяетъ убитъ себя за своего господина (поступокъ, считаемый демократами глупымъ и низкимъ), дѣлаетъ его сильнымъ, дѣлаетъ его властелиномъ земли. Не нужно скрывать отъ себя въ самомъ дѣлѣ, что конечный предѣлъ демократическихъ социалистическихъ теорій есть полное ослабленіе. Нація, которая стала-бы слѣдовать этой программѣ, отвергая идею славы, социальнаго блеска, личнаго превосходства, сводя все къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей толпы, т. е. къ тому, чтобы доставить наслажденіе возможно большому числу, должна была бы быть всегда готовой къ пораженію, и жизнь ея всегда была бы въ величайшей опасности.

Какъ предотвратить эти гибельныя предположенія, на которыя мы указываемъ не какъ на опредѣленные опасенія, а какъ на возможность? Реакціонной программой? Давя, разрушая, крѣпче стягивая узду, управляя съ все возрастающей суровостью? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Политика эта была началомъ всего зла: она окончательно можетъ все погубить. Либеральная программа является въ то же время истинно консервативной программой Конституціонная, ограниченная и контролируемая монархія, децентрализація, уменьшеніе правительства, сильная организація общины, кантона, округа; широкій просторъ, даваемый личной активности въ области искусства, разума, науки, индустріи, колонизаціи; безусловно миролюбивая политика, забвеніе всякихъ притязаній на територіальные захваты въ Европѣ; развитіе хорошей системы первоначальнаго и высшаго образованія, способнаго дать правамъ развитого класса базисъ солидной философіи; учрежденіе верхней палаты, которая составлялась бы часто мѣняющимся способомъ выборовъ и исполняла на-ряду съ простымъ численнымъ представительствомъ гражданъ представительство интересовъ, обязанностей, специальностей, различныхъ способностей; нейтральность правительства въ вопросахъ социальныхъ, полная свобода ассоціацій; послѣдовательное раздѣленіе государства и церкви,—это условіе искренности въ религіозныхъ вопросахъ—вотъ все, о чемъ мечтаютъ тѣ, кто ищетъ спокойнымъ разумомъ, не ослѣпленнымъ неумѣреннымъ патріотизмомъ, пути возможнаго. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—это политика раскаянія, заключающая въ себѣ признаніе, что теперь гораздо нужнѣе исправлять ошибки и критиковать Революцію, чѣмъ продолжать ее. Я представляю себѣ подчасъ, что французскій духъ переживаетъ время поста, родъ политической діеты, въ продол-

женіе которой наше положеніе напоминает положеніе умнаго челоуѣка, искупающаго грѣхи молодости, или обманутаго путешественника, принужденнаго обойти кругомъ самой дальней до-рогой гору, на которую онъ думалъ взобраться по отвѣсу. Революціи, какъ и междоусобія, укрѣпляютъ, если отъ нихъ скоро освобождаются; онѣ убиваютъ, если продолжаются долго. Блестящія и отважныя предпріятія не удавались намъ; попробуемъ пути болѣе смиренныя. Инициативы Парижа были гибельны; посмотримъ, что въ состояніи сдѣлать идущія галопомъ провинціи. Будемъ бояться этихъ надменныхъ и высокомерныхъ требованій своихъ правъ, которыя такъ рѣдко могутъ увѣнчаться успѣхомъ. Пусть мнѣ дадутъ примѣръ свободы, по крайней мѣрѣ, во Франціи, взятой съ бою и сохраненной.

Никто не любитъ больше меня этотъ необыкновенный центръ жизни и мысли, называемый Парижемъ, и никто не восхищается имъ больше меня. Если хотите—это болѣзнь, но болѣзнь въ родѣ жемчужины, драгоценная и изящная гипертрофія. Парижъ *raison d'être* Франціи. Называя его средоточіемъ наукъ и искусства, я хочу, чтобы его называли также средоточіемъ моральнаго разложенія, лишь бы только со мной согласились, что на этомъ навозѣ вырастаютъ дивныя цвѣты, изъ которыхъ нѣкоторыя составляютъ большую рѣдкость. Слава Франціи заключается въ ея умѣнїи поддерживать эту дивную, долго длящуюся выставку своихъ лучшихъ произведеній. Но не нужно заблуждаться относительно того, какой цѣной купленъ этотъ поражающій насъ результатъ. Столицы поглощаютъ и ничего не производятъ. Не нужно, доводя зло до крайности, рисковать превратить Францію то въ голову безъ туловища, то въ туловище безъ головы. Политическое значеніе Парижа уже не должно быть преобладающимъ. Провинція начинаетъ принимать двѣ вещи, данныя ей пока Парижемъ: революцію и правительство, съ одинаковой антипатіей. Французская демократія одна не дастъ ничего прочнаго; если не будутъ осторожны съ ней, она повлечетъ періодическія истребленія, гибельныя для Франціи, ибо парижская демократія есть, съ другой стороны, необходимый ферментъ, возбуждающее, безъ котораго изсякла бы жизнь Франціи. Общественныя собранія послѣдняго избирательнаго періода въ Парижѣ обнаружили полное отсутствіе политическихъ способностей. Будучи госпожей въ своей сферѣ, демократія поставила на очередь вопросъ о своего рода надбавкѣ относительно парадоксовъ. Кандидаты слѣдовали требованіямъ толпы и были оцѣнены ею только сообразно ихъ декламаторской силѣ; общественное умѣренное мнѣніе не могло заставить выслушать себя или должно было напрягать свой голосъ. Парижъ игнорируетъ двѣ главныя добродѣтели политической жизни: терпѣніе и забвеніе. Политика патріарха Іакова, желавшаго, чтобы все стадо соразмѣряло свои шаги съ шагами новорожденныхъ ягнятъ,—совершенно нужна ея дѣламъ.

Въ общемъ, ошибка либеральной партіи во Франціи заключается въ непониманіи ею того, что каждое политическое устройство должно имѣть консервативныя основы. Въ Англіи парламентское правленіе стало возможнымъ только послѣ изгнанія ради-

кальной партіи,—изгнанія, производившагося съ какимъ-то неистовымъ стремленіемъ къ законности. Не можетъ быть ничего обезпечено политикѣ, пока не заставятъ служить прогрессу устойчивыя и солидныя партіи, составляющія балластъ страны. Либеральная партія 1830 года считала слишкомъ легкимъ дѣломъ заставить восторжествовать свою программу насильно, прямо мѣшая партіи легитимистовъ. Враждебное отношеніе этой партіи, или устраненіе себя отъ дѣлъ страны составляютъ великое несчастье Франціи. Удалившись отъ общественной жизни, законная аристократія отказывается обществу въ томъ, чѣмъ обязана ему, т. е. въ покровительствѣ, въ наставленіяхъ, примѣрахъ благородной жизни, въ лучшихъ образцахъ серьезности. Грубость, недостатокъ воспитанія во Франціи, неумѣніе жить, скука, отсутствіе уваженія, ребяческая мелочность провинціальной жизни,—происходятъ оттого, что лица, которыя обязаны странѣ дать типъ дворянъ, исполняющихъ публичныя должности, облеченныхъ общепризнанной властью, покидаютъ общество, предаваясь все больше и больше замкнутой и уединенной жизни. Партія легитимистовъ есть, однимъ словомъ, необходимый слой для каждаго политическаго фундамента въ нашемъ обществѣ. Даже Соединенные Штаты имѣютъ эту главную основу каждаго общества въ своихъ религіозныхъ и героическихъ памятникахъ, въ классѣ нравственныхъ, гордыхъ, серьезныхъ, положительныхъ гражданъ, представляющихъ изъ себя камни, годные для постройки государственнаго зданія. Остальные—только песокъ; изъ него нельзя построить ничего основательнаго, сколько бы мы не вкладывали въ него жара и мысли.

Провинціальная часть страны съ каждымъ днемъ все больше и больше проникается сознаниемъ своей силы. Что она думаетъ? Чего хочетъ? Никогда состояніе общественнаго мнѣнія не было такъ очевидно. Партія эта есть партія либеральная, но не революціонная; конституціонная, но не республиканская; она хочетъ контроля надъ властью, но не ея разрушенія; конца личнаго правленія, но не уничтоженія династіи. Я нисколько не сомнѣваюсь, что если бы правительство восемь мѣсяцевъ тому назадъ открыто взяло ея сторону, отказалось отъ оффиціальныхъ кандидатовъ, отъ искусственнаго раздѣленія округовъ, предоставивъ странѣ возможность самостоятельно производить выборы, то выборы не составили бы палаты, всецѣло проникнутой этими принципами, и палата эта имѣла бы достаточно силы, какъ признанная выразительница народной воли, переносить наиболее трудныя времена. Когда-нибудь будетъ также трудно постичь, почему императоръ Наполеонъ III не воспользовался этимъ средствомъ для достиженія согласія страны при заключеніи брачнаго договора, раздѣлить вмѣстѣ съ нимъ отвѣтственность передъ неизвѣстнымъ будущимъ, равно какъ понять, почему Людовикъ Филиппъ не видѣлъ въ народныхъ правахъ способа расширенія основъ своей династіи. Дѣйствительно, провинція гораздо серьезнѣе относится къ выборамъ, чѣмъ Парижъ. Живя политической жизнью только разъ въ шесть лѣтъ, она придаетъ выборамъ значеніе, котораго не придаетъ имъ Парижъ съ его вѣчнымъ

легкомысліемъ. Парижъ, занятый коренными протестами, не смотритъ на выборы, какъ на избирательство важныхъ представителей, а какъ на предлогъ къ насмѣшливымъ манифестаціямъ. Провинція не знаетъ этихъ тонкостей; ея депутатъ есть дѣйствительно ея уполномоченный, и она такъ и относится къ нему. Представляла ли бы палата, избранная охотно, безъ вмѣшательства правительства, — опасность для династіи? Имѣла ли бы въ ней радикальная оппозиція болѣе значительное число представителей? Я держусь совершенно противоположнаго мнѣнія. Въ большинствѣ случаевъ выборы враждебныхъ и даже поносимыхъ кандидатовъ были способомъ протестовать противъ кандидатовъ официальныхъ и прислуживающихъ. Официальная кандидатура вноситъ смуты въ дѣло выборовъ и лишаетъ его искренности не только вслѣдствіе прямаго давленія, оказываемаго правительствомъ въ свою пользу, но еще вслѣдствіе того ложнаго положенія, въ которое она ставитъ независимаго избирателя. Дѣйствительно, для послѣдняго теперь главная задача заключается не въ томъ, чтобы выбрать кандидата, который явился бы лучшимъ выразителемъ его убѣжденій и былъ бы наиболѣе способенъ служить странѣ, а въ томъ, чтобы устранить во что бы то ни стало кандидата официального. Отсюда болѣе оттѣнковъ, болѣе преимуществъ. Такъ какъ крайнія убѣжденія находятъ вѣрный успѣхъ у толпы, для которой рѣзкія заключенія, шумныя рѣчи имѣютъ большее значеніе, чѣмъ умѣренныя убѣжденія, и въ виду того, что демократическая партія имѣетъ организацію, съ которой не можетъ сравниться ни одна партія, и обладаетъ большимъ фанатизмомъ, — либералы слѣдуютъ по теченію и, не смотря на свое нежеланіе, принимаютъ радикальнаго кандидата. Во Франціи весьма распространено неправильное мнѣніе, будто, требуя большаго, получаютъ меньшее и что радикальная оппозиція есть орудіе прогресса, сила давленія правительства; все это вѣрно относительно умѣренной оппозиціи, но не относительно оппозиціи радикальной, которой представляютъ только препятствія для прогресса, помѣху уступкамъ, вслѣдствіе внушаемаго ею страха и вызываемыхъ ею репрессивныхъ мѣръ.

Болѣе чѣмъ когда-бы то ни было усилія политики должны быть направлены не на разрѣшеніе вопросовъ, а на ожиданія, пока они сами ослабнутъ; жизнь націи, подобно жизни отдѣльныхъ индивидуумовъ, есть компромиссъ противорѣчій. Относительно сколькихъ вещей нужно признать, что невозможно жить ни съ ними, ни безъ нихъ, и мы все-таки живемъ. Принцъ Наполеонъ разумно говорилъ нѣсколько дней тому назадъ тѣмъ, которые хотятъ отложить свободу на то время, когда не будетъ во Франціи ни соперничающихъ династій, ни революціонной партіи: „Вы будете долго ждать“. Исторія не упрекнетъ политику тѣхъ, кто при такомъ положеніи дѣлъ согласится прибѣгнуть къ уловкѣ. Предположите, что членъ старшей или младшей линіи Бурбоновъ когда-нибудь будетъ править во Франціи; это случится не потому, что большинство Франціи станетъ легитимистами или орлеанистами, а потому, что колесо фортуны приведетъ къ условіямъ, въ которыхъ этотъ членъ Бурбоновъ найдетъ

для себя подходящій удобный моментъ. Франція до того позволила загдохнуть въ себѣ привязанность къ династіи, что даже законность должна входить случайными и преходящими путями. Современный позитивизмъ до такой степени искоренилъ всякую метафизику, что самая ограниченная идея имѣетъ тенденцію распространяться: народные выборы тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ они современнѣе, такъ что черезъ пятнадцать лѣтъ можно будетъ вывести слѣдующее странное заключеніе: „Поколѣніе, вотировавшее такой-то вопросъ, умерло въ партіи: выборы потеряли свою цѣну и должны быть возобновлены“. Это есть противорѣчіе идеи среднихъ вѣковъ, въ силу которой договоръ былъ тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ былъ стариннѣе. Однимъ словомъ, это есть отрицаніе національнаго принципа, ибо національный принципъ, подобно религіи, предполагаетъ договоры независимые отъ индивидуальной воли, договоры, передаваемые отъ отца къ сыну по наслѣдству. Отказывая націи въ возможности узнать будущее, они все сводятъ къ пожизненнымъ контрактамъ,—что я говорю: къ контрактамъ, скоро преходящимъ,—которые экзальтированные люди хотѣли заключить на одинъ только годъ, пока не будетъ такъ называемаго непосредственнаго правительства,—государства, гдѣ національная воля будетъ лишь минутной прихотью. Что станется при такихъ политическихъ взглядахъ съ неприкосновенностью націи? Какъ отрицать право отдѣленія, когда все сводится къ матеріальному акту существующей воли гражданъ? Правда, нація не есть только собраніе составляющихъ ее единицъ; она не можетъ всецѣло зависѣть отъ выборовъ: она извѣстнымъ образомъ—идеаль, понятіе абстрактное, находящееся внѣ личной воли. Принципъ правленія то же не можетъ быть сведенъ на обыкновенный совѣтъ общихъ выборовъ, т. е. къ удовлетворенію и исполненію того, что большинство считаетъ для себя выгоднымъ. Такіе матеріалистическіе взгляды содержатъ въ себѣ въ сущности призывъ къ борьбѣ: объявляя себя *ultima ratio*, всеобщее избирательное право исходитъ изъ той точки зрѣнія, что большинство есть синонимъ силы; оно предполагаетъ, что если-бы меньшинство не склонялось предъ рѣшеніемъ большинства, оно имѣло-бы всѣ данныя быть побѣжденнымъ. Заключеніе это, однако, невѣрно, ибо меньшинство можетъ быть болѣе энергичнымъ и болѣе искусно владѣть оружіемъ: „Насъ двадцать, а вы одинъ“—говоритъ всеобщее избирательное право:—„уступите добровольно или мы заставимъ васъ силой“!—„Васъ двадцать, но я правъ, и самъ могу примѣнить къ вамъ силу: уступите!“—говоритъ человекъ вооруженный.

Fata viam inveniunt! Счастливы тотъ, кто, подобно Боецію, могъ написать свое „Утѣшеніе философіи“ на развалинахъ міра. Будущность Франціи загадка, не разрѣшимая ни однимъ проникательнымъ умомъ. Правда, другія страны также возбуждаютъ важные вопросы: Англія съ удивительнымъ спокойствіемъ рѣшаетъ смѣлые вопросы, которые считаются у насъ областью утопистовъ; но повсюду дебаты имѣютъ предѣлъ, повсюду есть ограниченная арена, законы битвы, герольды, судьи. У насъ сама конституція—форма и даже существованіе об-

щества—вѣчно подвергаются сомнѣнію. Можетъ-ли страна устоять при подобномъ режимѣ? Вотъ о чемъ мы спрашиваемъ себя съ безпокойствомъ. Обыкновенно успокаиваютъ себя мыслью, что великая нація, подобно человѣческому тѣлу, есть машина, такъ дивно уравновѣшенная и такая устойчивая, что сама создаетъ нужные ей органы и, теряя, вновь воспроизводитъ ихъ. Быть можетъ, въ нашемъ революціонномъ рвеніи мы такъ далеко повели ампутацію, что, думая удалить только болѣзненные наросты, коснулись главныхъ органовъ жизни настолько, что упорное недомоганіе больного зависитъ только отъ серьезныхъ пораненій, нанесенныхъ нами его внутренностямъ. Вотъ причина, въ силу которой мы должны быть очень осторожны и должны дать возможность этому все еще здоровому, хотя глубоко поврежденному, тѣлу залѣчить свои внутреннія раны и вернуться къ нормальнымъ условіямъ жизни.

Однако, поспѣшимъ признать: такіе блестящіе недостатки, какъ недостатки Франціи, являются въ то-же время хорошими качествами. Франція еще не выпустила изъ своихъ рукъ скипетра ума, вкуса, изящнаго искусства, аттицизма; еще долго она будетъ привлекать къ себѣ вниманіе культурнаго человѣчества и будетъ представлять изъ себя загадку, относительно которой будетъ спорить европейское общество. Дѣла Франціи таковы, что они раздѣляютъ и волнуютъ иностранцевъ такъ-же или даже больше, чѣмъ дѣла ихъ собственной страны. Величайшее неудобство политическаго положенія Франціи—неожиданность. Но неожиданность имѣетъ двѣ стороны: кромѣ дурныхъ шансовъ есть хорошіе, и мы нисколько не были-бы удивлены, если-бы послѣ печальныхъ приключеній Франціи выпали на долю годы выдающагося блеска. Если-бы, утомившись, наконецъ, удивлять міръ, Франція захотѣла принять участіе въ своего рода политическомъ успокоеніи, она могла-бы получить обширное и славное удовлетвореніе въ частной дѣятельности. Какъ сумѣла-бы Франція соперничать съ Англіей въ мирномъ завоеваніи земного шара и въ покореніи всѣхъ низшихъ расъ?! Франція не можетъ только одного: быть посредственной. Вообще Франція терпитъ страданія за то, что она осмѣлилась выступить противъ боговъ. Если даже будущее таитъ въ себѣ величайшее несчастіе для Франціи и если судьба французъ, какъ судьба грековъ, евреевъ, итальянцевъ,—возбуждать со временемъ состраданіе міра и даже его улыбки, то все-же міръ не забудетъ, почему Франція упала въ эту бездну нищеты: Франція дѣлала смѣлые опыты, которыми пользуются всѣ; она до безумія любила справедливость, она съ непредусмотрительностью генія допустила возможность идеала, который немислимъ при матеріальной и душевной бѣдности рода человѣческаго.

Участіе семьи и государства въ дѣлѣ воспитанія ¹⁾).

Милостивыя Государыни и Милостивые Государя!

Вы только что слышали благородную, прекрасную рѣчь, вы сказанную съ такимъ высокимъ авторитетомъ. Я вполне присоединяюсь къ ней. Вмѣстѣ съ нашимъ достойнымъ и просвѣщеннымъ предсѣдателемъ ²⁾ я думаю, что для современныхъ обществъ вопросъ о воспитаніи—это вопросъ о жизни и смерти,—вопросъ, отъ котораго зависитъ будущее. У насъ на этотъ счетъ существуютъ твердыя убѣжденія. Мы никогда не отступимъ отъ того философскаго принципа, что всякій человѣкъ имѣетъ право на просвѣщеніе. Мы твердо вѣримъ, что просвѣщеніе благодѣтельно, что, если оно и создаетъ иногда нѣкоторыя опасности, то оно даетъ и прекрасныя средства для борьбы съ ними. Пусть люди, не вѣрящіе въ реальность долга, смотрящіе на мораль, какъ на иллюзію, проповѣдуютъ печальное положеніе о необходимомъ огрубѣніи извѣстной части рода человѣческаго; намъ-же, глубоко вѣрующимъ въ абсолютность нравственности, нельзя считаться съ такимъ мнѣніемъ. Какою бы ни было цѣною, чтобы ни произошло, дайте намъ больше свѣта! Вотъ нашъ девизъ, и мы никогда не оставимъ его.

Многіе, иногда даже порядочные, люди находятся въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Я это знаю. Они боятся прогресса, который въ наши дни просвѣщаетъ и часть человѣчества, раньше оставшуюся непросвѣщенной. „Есть, говорятъ они, такія низкія работы, за которыя просвѣщенный и культурный человѣкъ никогда не возьмется. Пробужденіе сознанія всегда сопровождается извѣстнаго рода возмущеніемъ; при широкомъ распространеніи просвѣщенія будетъ немыслимъ порядокъ, немыслимо уваженіе власти, безъ чего до этого времени нельзя было существовать“. Вотъ, господа, доводы очень скверные, я даже дерзну сказать: нечестивые. Этими доводами пользовались цѣлые вѣка, чтобы поддерживать рабство. „Рабство необходимо, такъ какъ есть такія низкія занятія, на которыя никогда не согласится свободный человѣкъ“. Рабство исчезло, но міръ не погибъ отъ этого. Исчезнетъ и невѣжество, и міръ не погибнетъ. Доводы, противъ которыхъ я встаю, исходятъ изъ низкой и ложной доктрины: что образованіе имѣетъ только практическую цѣль, что кто по своему социальному значенію не умѣетъ цѣнить культуру духа, тотъ и не нуждается въ ней. Съ этой точки зрѣнія, литература нужна только литераторамъ, хорошія манеры, развитіе вкуса нужно только человѣку высшаго свѣта, а наука—только ученымъ. Бѣдные люди должны оставаться невѣждами, потому что воспитаніе и знанія были бы бесполезны имъ. Господа, это богохульство! Культура ума и культура души—это долгъ cadaго человѣка. Это не простыя украшенія: это такія-же священныя вещи, какъ сама ре-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная 19 апрѣля 1869 года на засѣданіи въ помѣщеніи королевскаго принца.

²⁾ Карно, депутатъ законодательнаго корпуса.

лигія. Если бы культура ума—была суетой, „наименьшей суетой изъ суетъ“, какъ сказалъ Боссюэ, то можно было бы согласиться, что она не для всѣхъ, точно такъ же, какъ не для всѣхъ роскошь. Но если культура ума нѣчто священное по преимуществу, то никто не долженъ быть лишенъ ея. Вѣдь никто и никогда не осмѣлился сказать, по крайней мѣрѣ въ христіанской странѣ, что религія существуетъ только для избранныхъ, что человѣкъ бѣдный, униженный—долженъ быть изгнанъ изъ церкви. Но, господа, образованіе, культура души,—это наша религія; мы не имѣемъ права лишать ея ни одного человѣка. А *privi* приговорить человѣка къ лишенію образованія—значить не признавать въ немъ души, не признавать, что онъ сынъ Бога и свѣта. Это верхъ нечестія, и я присоединяюсь вполне къ уважаемому г. Карно, чтобы объявить этому нечестію войну на жизнь и на смерть. Говорили, что побѣда при Садовой была побѣдой народнаго учителя: это справедливо, милостивые государи! Народъ, который не обратитъ должнаго вниманія на эту часть своей задачи, не только не исполнитъ долга передъ своими гражданами, но неизбежно обречетъ себя къ полному паденію по сравненію съ другими націями. Доктрина, провозглашающая огрубѣніе части рода человѣческаго, не только нечестива, но и неразумна: она ведетъ исповѣдующее ее общество къ печальному возврату варварства. „Берегитесь вы, желающіе держать народъ въ невѣжествѣ!—сказалъ Мирабо; вамъ оно угрожаетъ больше всего; развѣ вы не видите, какъ легко превратить грубое животное въ разъяренное?“.

Вопросъ, который я хочу специально обсудить передъ Вами, наиболѣе трудный изъ всѣхъ вопросовъ, касающихся общественнаго образованія. Я хочу обсудить вопросъ о взаимныхъ правахъ семьи и государства въ воспитаніи ребенка. Эта проблема разрѣшалась самымъ противорѣчивымъ образомъ. Она зиждется на наиболѣе глубокихъ принципахъ ученія объ обществѣ, и на нихъ-то я прошу прежде всего обратить Ваше серьезное вниманіе.

За чрезвычайно рѣдкими исключеніями человѣкъ рождается въ обществѣ: независимо отъ своего выбора, съ первыхъ дней своего рожденія онъ дѣлается членомъ того общества, въ которомъ онъ родился. Семья, община или городъ, кантонъ, департаментъ, или провинція, государство, церковь, или революціонная община, каковы бы они ни были,—вотъ тѣ группы, которыя я называлъ бы естественными въ томъ смыслѣ, что каждый принадлежитъ имъ при рожденіи, становится сразу участникомъ всѣхъ ихъ выгодъ и повинностей. Установить справедливое равновѣсіе между противоположными правами этихъ разнообразныхъ группъ,—вотъ великая проблема человечества. Ни одна часть этой задачи не представляетъ такихъ трудностей, какъ вопросъ о воспитаніи. Во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ гражданскаго управленія подданный, членъ государства, считается взрослымъ, свободнымъ, отвѣтственнымъ за свои поступки и способнымъ разсуждать и понимать. Когда же дѣло идетъ о воспитаніи, то подданный, будучи еще ребенкомъ и находясь подъ опекой, не способенъ располагать своей волей. Выборъ учителя,—выборъ, къ которому онъ совершенно не причастенъ,—рѣшитъ всю его жизнь. Другими сло-

вами, его жизнь будетъ совершенно различна, въ зависимости отъ того, какъ направить его воспитаніе его отецъ, мать, городъ, въ которомъ онъ родился, государство, подданнымъ котораго онъ состоитъ, церковь, въ которой ему суждено было родиться. Въ этихъ случаяхъ опыты производятся надъ живымъ существомъ, надъ душами и притомъ надъ молодыми, и государство обязано принять въ нихъ участіе.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ это существо вполне поддающееся воспитанію. Тотъ даръ, которымъ каждый изъ насъ обладаетъ при рожденіи, ровно ничего не значитъ, если общество не даетъ ему возможности развиться и не указываетъ должнаго употребленія. И у животнаго до нѣкоторой степени можно развить способности воспитаніемъ, но только въ незначительной степени; во всякомъ случаѣ, одно только человѣчество способно, какъ сказалъ Гердеръ, капитализировать свои открытія, добавлять новыя приобрѣтенія къ прежнимъ; точно также каждый изъ насъ наследуетъ безконечное количество самопожертвованій, опыта размышленій, которыя составляютъ наше родовое наследіе, нашу связь съ прошлымъ и будущимъ. Нѣтъ философіи болѣе поверхностной, чѣмъ та, которая, считая человѣка существомъ эгоистичнымъ и преходящимъ, думаетъ объяснить его и внушить ему обязанности внѣ того общества, часть котораго онъ составляетъ. Это то-же самое, какъ если-бы разсматривать пчелу независимо отъ ея улья и говорить, что только для себя пчела строитъ свою ячейку. Человѣчество—это такое цѣлое, въ которомъ всѣ части солидарны другъ съ другомъ. Мы всѣ имѣемъ предковъ. Тѣ друзья истины, которые много вѣковъ тому назадъ страдали за нее, завоевали намъ право мышленія; длинному ряду честныхъ и безвѣстныхъ поколѣній мы обязаны отечествомъ, свободнымъ и гражданскимъ существованіемъ. Именно воспитаніе на всѣхъ своихъ стадіяхъ позволить намъ участвовать въ этомъ сокровищѣ мысли и науки,—сокровищѣ, постоянно увеличивающемся, которое мы получили отъ прошлаго и передадимъ будущему. Это сокровище принадлежитъ обществу, которое имъ пользуется. Въ какой же формѣ, чьими руками, съ какими гарантіями должно происходить это пользованіе?

Одинъ принципъ признается всѣми здравомыслящими людьми нашего времени: это—принципъ, по которому обществу или общинѣ, провинціи, государству слѣдуетъ приписывать только то, чего не въ состояніи выполнить отдѣльные или свободно соединившіеся люди по собственной волѣ. Соціальный прогрессъ въ будущемъ выразится въ томъ, что цѣлая масса вопросовъ, которыми занято государство, будетъ передана вѣдѣнію частной инициативы. Напримѣръ, религія была въ свое время государственнымъ дѣломъ; теперь же государство больше не вѣдаетъ ея, и исповѣданіе религіи дѣлается все болѣе и болѣе свободнымъ. Можемъ-ли мы представить себѣ общество, въ которомъ всеобщее обученіе разсматривается, какъ свободное дѣло, и предоставлено усмотрѣнію только отдѣльнаго лица или семьи; общество, въ которомъ совершенно отсутствуетъ надзоръ за всеобщимъ обученіемъ, въ которомъ государство или община занимаются школой,

въ которую отецъ ведетъ своего сына, не больше, чѣмъ оно занимается вопросомъ о томъ, гдѣ отецъ покупаетъ сыну платье; общество, въ которомъ каждый выбираетъ себѣ учителя, врача, адвоката только на основаніи своего мнѣнія объ ихъ способностяхъ, нисколько не заботясь о томъ, дипломированы-ли они государствомъ. Да, безъ сомнѣнія, такое общество можно себѣ представить. Въ тотъ день, когда будетъ возможно подобное отсутствіе надзора со стороны государства, совершится огромный интеллектуальный и моральный прогрессъ. Вѣдь общество тѣмъ болѣе совершенно, чѣмъ меньше государство занимается имъ. Но этотъ день далекъ отъ насъ. Всѣ страны міра, даже свободная Америка, больше, чѣмъ какая бы то ни было другая страна, не считаютъ возможнымъ предоставить цѣликомъ заботу объ общественномъ образованіи частнымъ лицамъ. Несомнѣнно и то, что осуществленіе такой системы въ настоящее время страшно уменьшило бы число людей, которымъ доступно образованіе, и понизило бы его уровень. Не будемъ обсуждать эту утопію, которая, можетъ быть, со временемъ слѣдается дѣйствительностью, — утопію абсолютно-свободнаго образованія, когда ни государство, ни кантонъ, ни департаментъ, ни община совершенно не будутъ вмѣшиваться въ него ни для поддержки, ни для надзора. Мы будемъ изслѣдовать, какъ въ нашемъ современномъ обществѣ можно совмѣстить интересы государства съ священными интересами семьи и личности.

Чѣмъ глубже мы будемъ всматриваться въ прошлую жизнь, тѣмъ больше будемъ убѣждаться, что государство имѣло твердыя и даже преувеличенныя права на воспитаніе ребенка. Въ этихъ маленькихъ греческихъ обществахъ, которыя теперь, на разстояніи вѣковъ, кажутся намъ идеальными, воспитаніе, какъ и религія, было исключительно дѣломъ государства. Малѣйшія детали въ дѣлѣ воспитанія были узаконены; всѣ занимались одними и тѣми-же гимнастическими упражненіями, всѣ учили однѣ и тѣ-же пѣсни, всѣ участвовали въ одинаковыхъ религіозныхъ церемоніяхъ, всѣ проходили одну школу. Измѣнить что-либо считалось преступленіемъ, которое наказывалось смертью; „развращать молодежь“, т. е. отвращать ее отъ государственнаго воспитанія, считалось серьезнымъ преступленіемъ (свидѣтель этому Сократъ), и этотъ режимъ, который показался-бы намъ невыносимымъ, былъ тогда прекрасенъ, потому что міръ былъ молодъ, городъ давалъ столько радостей и столько жизни, что можно было ему простить всѣ его несправедливости и даже всю тиранію. Прекрасный барельефъ, найденный Бейле въ Аѣинахъ у подножія Акрополя, показываетъ намъ военную пиррическую пляску эфебовъ: вотъ они, съ мечами въ рукахъ, дѣлаютъ упражненія съ такимъ единодушіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такой индивидуальностью, которая поражаетъ насъ; муза управляетъ ихъ упражненіями. Въ этомъ барельефѣ чувствуется такая гармонія жизни, о которой мы теперь не имѣемъ ни малѣйшаго представленія. Объясняется это очень просто. Вѣдь древній городъ составлялъ тогда одну семью: всѣ тамъ были одной крови. Борьбы, раздѣляющей у насъ семью, церковь, государство, тогда не существовало; наши ученія объ

отдѣленіи церкви отъ государства, о свободныхъ и государственныхъ школахъ, тогда не имѣли никакого смысла. Городъ въ одно и то же время былъ семьей, церковью и государствомъ.

Такая организація, повторяю, была возможна только въ очень маленькихъ республикахъ, основанныхъ на благородствѣ расы; въ большихъ-же государствахъ такое насиліе надъ душой было бы невыносимой тираніей. Посмотримъ, въ чемъ собственно заключалась свобода въ этихъ маленькихъ греческихъ городахъ. Свобода—это была независимость города, но ничуть не свобода каждаго лица, не право индивидуума развиваться по своему желанію вопреки духу города. Если индивидуумъ желалъ развиваться такимъ образомъ, онъ долженъ былъ покидать отечество: онъ уѣзжалъ въ колоніи или искалъ убѣжища въ большихъ городахъ, гдѣ принципъ интеллектуальной и моральной культуры не былъ такъ узокъ. Въ современномъ смыслѣ люди, навѣрно, были болѣе свободны въ Персіи, чѣмъ въ Спартѣ, и именно эта тиранія древней дисциплины грековъ была нѣкоторымъ образомъ причиной паденія большихъ государствъ, какъ, на примѣръ, Римской имперіи, гдѣ народъ составлялъ смѣсь разной крови и разныхъ расъ.

Римская имперія, господа, къ сожалѣнію, совершенно пренебрегала общественнымъ образованіемъ, и, конечно, это было одной изъ причинъ ея слабости. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что если бы хорошіе римскіе императоры отъ Нерва до Марка Аврелія обращали больше вниманія на народное воспитаніе, то быстраго паденія имперіи можно было-бы избѣжать. Христіанство сдѣлало то, чего не сумѣла сдѣлать имперія. Не смотря на тысячи преслѣдованій, вопреки карательнымъ законамъ и цѣлому ряду мѣръ, которыя принимались съ цѣлью воспрепятствовать образованію тайныхъ обществъ, христіанство открыло эру великихъ усилій свободы и дало начало образованію большихъ ассоціацій внѣ государства. Оно захватывало человѣка глубже, чѣмъ когда-бы то ни было раньше. Церковь оживила въ нѣкоторомъ смыслѣ греческій городъ, создала въ обществѣ, полномъ эгоизма, маленькій мірокъ, въ которомъ человѣку открывалось поприще для любви и благодѣяній. Съ момента побѣды христіанства въ IV вѣкѣ государство и городъ почти совершенно снимаютъ съ себя заботы о воспитаніи; одна церковь занята имъ, и вотъ, господа, посмотрите, какъ опасно бываетъ слѣдовать въ людскихъ дѣлахъ по одному направленію: ассоціація душъ, такъ повысившая уровень человѣческой нравственности, низвела въ теченіе шести-семи вѣковъ умственный уровень къ нулю. Вспомните VI, VII, VIII, IX и X вѣка: это долгій сонъ, во время котораго человечество забыло всѣ научныя традиціи древности и впало въ полное варварство.

Пробужденіе свершилось во Франціи, именно въ Парижѣ, который былъ тогда наиболѣе законнымъ центромъ всей Европы, въ царствованіе Филиппа-Августа или, вѣрнѣе, въ царствованіе Людовика младшаго и Сюжера, въ эпоху Абеяра. Тогда было основано нѣчто удивительное и необычайное: я говорю объ основаніи парижскаго университета, которому вскорѣ явились подра-

жанія во всей латинской Европѣ. Парижскій университетъ, появившійся около 1200 года, представлялъ совершенно новое и оригинальное явленіе. Рожденный церковью, рожденный на паперти Собора Парижской Богоматери, онъ-почти все время остается подъ ревностнымъ надзоромъ церкви и еще во времена революціи ученныя степени парижскаго университета выдавались настоятелемъ Собора Парижской Богоматери. Но усилившаяся тогда новая власть, власть короля Франціи, беретъ университетъ подъ свое покровительство и лишаетъ его вѣдѣнія церкви. Король Франціи, объявивъ парижскій университетъ своимъ старшимъ сыномъ, въ дѣйствительности эмансипировалъ и создалъ этотъ великій режимъ образовательныхъ учрежденій, полунезависимыхъ отъ государства, обладающихъ громадными богатствами внѣ государства и приносившихъ и приносящихъ еще такіе прекрасные плоды въ Германіи и Англіи. Протестантская реформа въ тѣхъ странахъ, гдѣ она была принята, закончила эмансипацію университетовъ и поставила школу около церкви, почти рядомъ съ ней, на мѣсто, котораго она никогда до тѣхъ поръ не занимала. Въ католическихъ же странахъ, наоборотъ,—благодаря усердію іезуитовъ, значеніе университетовъ уменьшилось, и направленіе воспитанія было въ нихъ, по моему мнѣнію, чрезвычайно несовершенно. Но вернемся къ нашему времени и къ нашей системѣ, которая послѣ многихъ колебаній со времени національнаго Собранія 1789 года до нашихъ дней, повидимому, окончательно установилась и которую можно считать своего рода хартіей соглашенія между различными, одинаково законными требованіями.

Всѣ дѣянія французской революціи характеризуются именно преувеличеніемъ идеи государства. Увлеченные больше могущественнымъ энтузіазмомъ, чѣмъ чувствомъ реальности, люди того времени думали, что возможно въ нашихъ великихъ современныхъ націяхъ осуществить идею древняго гражданина, который жилъ только для государства. Это была благородная ошибка. Безъ сомнѣнія, современный человѣкъ имѣетъ отечество, и для него, если потребуется, онъ сумѣетъ совершить подвиги, равные самымъ славнымъ подвигамъ древняго героизма; но это отечество уже не можетъ быть узкой раковинной, чѣмъ нибудь вродѣ военныхъ учрежденій Спарты или древнихъ республикъ. Для этого наши современныя государства слишкомъ велики. Отечество, по нашему мнѣнію,—это свободное общество, которое каждый любитъ потому, что оно даетъ ему возможность развить свою индивидуальность, но которое никого не должно притѣснять. Французская революція недостаточно ясно понимала это или даже совсемъ забыла объ этомъ, такъ какъ ея первые взгляды на воспитаніе удивительны. Почти всѣ протоколы генеральныхъ штатовъ (эти истинныя программы революціи) настаиваютъ одновременно и на созданіи одной общей системы общественнаго образованія и на провозглашеніи свободы обученія. Это была истина. Просто надо удивляться сколько правоты и справедливости кроется въ первыхъ шагахъ революціи. Планъ Талейрана, прочитанный на засѣданіяхъ 10 и 11 сентября 1791 года въ Учредительномъ Соб-

рані, представляет самую замѣчательную теорію общественнаго образованія, которая когда либо предлагалась въ нашей странѣ. Свободѣ удѣлено въ ней достаточно широкое мѣсто. Ея уже меньше въ планѣ, предложенномъ Кондорсе въ Законодательномъ Собраніи 20 го апрѣля 1792 года. Это родъ сектантскаго упорства, которое въ сознаніи своего величія перестаетъ видѣть дѣйствительныя требованія жизни. Во времена Конвента дѣло обстоитъ еще хуже: всѣ грезятъ Спартой. По мнѣнію того времени, ребенка должны отнимать отъ семьи, чтобы воспитывать его сообразно съ цѣлями государства. Родители (истинные воспитатели ребенка, не забывайте этого никогда, господа!) находятся въ нѣкоторомъ подозрѣніи. Всѣхъ обуяла странная лихорадка, рождались самыя противорѣчивыя идеи. Во время этихъ грезъ всѣ были поражены, услыхавъ, что страшное собраніе вдругъ возвѣстило: „свобода обученія“. Но это былъ только кратковременный лучъ. Планы Директоріи и Консульства были основаны на томъ принципѣ, что образованіе дается только государствомъ. Воспитаніе становится сначала функціей государства, а затѣмъ дѣломъ корпораціи, вполнѣ зависимой отъ государства. Организациа общественнаго образованія 1802 года и императорскій университетъ 1806 года основаны на этомъ принципѣ. Воспитаніе этого времени носить вполнѣ военный характеръ: каждая школа представляетъ полкъ, раздѣленный на роты со своими солдатами и капралами; все дѣлается подъ бой барабана; хотятъ создать скорѣе солдатъ, чѣмъ людей. Внутренній міръ находится въ полномъ пренебреженіи; на религію и нравственность не обращаютъ почти никакого вниманія. Разумѣется, религія занимаетъ извѣстное мѣсто въ уставѣ; у нея свои часы, свои упражненія, но это религія оффиціальная, религія полка, нѣчто въ родѣ военнаго богослуженія, при которомъ совершаютъ упражненія и слышны только слова команды и лязгъ ружей. Въ этой религіи нѣтъ и слѣда истинной религіи и истинной морали, которую черпаютъ въ семейныхъ традиціяхъ, въ урокахъ матери, въ фантастическихъ грезахъ свободной юности. Поэтому сухость, суровость и узость характеризуютъ это время. Только маленькія семинаріи, терпимыя, но строго ограниченныя, служили нѣкоторымъ убѣжищемъ отъ стѣсненій; тамъ могла образоваться поэтическая душа Ламартина. Вспомните первыя минуты гнѣва поэта противъ „этихъ геометрическихъ людей, которые одни имѣли тогда право слова, которые подавляли насъ, молодыхъ людей. Пользуясь невыносимой тираніей своего тріумфа, они думали высушить въ насъ все то, что въ нихъ давно было убито, самую нравственную, божественную, мелодичную сторону человѣческой мысли. Ничто не въ состояніи изобразить всю заносчивую скудость того времени тѣмъ, которые этого не испытали“.

Я не стану рассказывать о дальнѣйшей борьбѣ, происходившей уже въ наше время. Достаточно будетъ сказать, что установилось своего рода соглашеніе между тѣми, которые хотѣли-бы, чтобы только государство занималось образованіемъ, и тѣми, которые хотѣли-бы, чтобы образованіе предоставлено было всецѣло частной инициативѣ. Въ этой новой системѣ государ-

ство играетъ только роль ревнителя, главнаго попечителя образованія. Оно приноситъ матеріальныя жертвы, какія приносятъ и города; общество, наконецъ, занимается стороною, кажушейся ему наиболѣе важной; но оно никого не насилуетъ. Оно не наказываетъ отца, виновнаго въ томъ, что онъ не даетъ воспитанія своему сыну. Отецъ, которому не нравятся правительственныя школы, можетъ выбирать другія школы. Я не касаюсь того, насколько этотъ идеаль осуществленъ въ дѣйствительности; я не стану изслѣдовать въ особенности того, вноситъ-ли государство въ дѣло общественнаго образованія тотъ либеральный и основательный духъ, который такъ необходимъ въ подобномъ дѣлѣ. Я касаюсь только общей системы и я одобряю эту систему,—разумеется, если она добросовѣстно выполняется,—какъ примиряющую права семьи и государства.

Въ самомъ дѣлѣ, ясно, что система воспитанія, подобная древне-греческой,—система однообразная, обязательная для всѣхъ, отнимающая дитя у семьи, подвергающая его дисциплинѣ, система, при которой страдало-бы сознание родителей,—въ наши дни абсолютно невозможна. Не будучи воспитательной машиной, это была-бы машина огрубѣнія, глупости и невѣжества. Всѣ взгляды эпохи революціи (исключая плана Талейрана) и въ особенности университета Наполеона I, обладали въ этомъ смыслѣ неизлѣчимымъ недостаткомъ. Прочтите расписание занятій въ 1802 году; вотъ что вы читаете въ немъ: „все, касающееся ѣды, отдыха, прогулокъ, сна, должно совершаться всѣми одновременно и вмѣстѣ... Въ каждомъ лицѣ должна быть библіотека въ 1500 томовъ; всѣ библіотеки должны содержать одни и тѣ-же произведенія. Ни одно другое произведеніе не можетъ находиться въ библіотекѣ безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ“.

Вотъ то, что Тьеръ называетъ „наилучшимъ созданіемъ царствованія Наполеона“. Мы позволяемъ себѣ не быть съ нимъ одного мнѣнія. Такая однообразность воспитанія, такой оффиціальныи духъ были-бы равносильны интеллектуальной смерти націи. Нѣтъ, совсѣмъ не таковъ нашъ идеаль! Государство должно поддерживать уровень, но не дѣлать его обязательнымъ. Я колеблюсь даже, должно-ли государство назначать какой-либо обязательный *minimum* образованія. О существованіи нравственной обязанности отца давать своему сыну необходимое образованіе, дѣлающее его человѣкомъ, я не стану говорить, такъ какъ это слишкомъ ясно. Но нужно-ли вписать это въ законы, нужно-ли назначить наказаніе за неисполненіе этой обязанности? Да, повторяю, я колеблюсь. Если отецъ или мать (случай довольно частый) должны будутъ сами или съ помощью другихъ лицъ давать своему ребенку воспитаніе, кажущееся имъ лучшимъ, то какъ можно будетъ доказать, что это воспитаніе равносильно тому, какое дается въ первоначальныхъ школахъ? Подвергать ребенка экзамену? Этотъ экзамень беспокоитъ меня. Кто заставитъ его экзаменоваться? Къ чему приведетъ этотъ экзамень? Разумеется, если практическіе люди станутъ увѣрять меня, что такое узаконеніе необходимо, чтобы снять ту тяжесть невѣжества, которая насъ давитъ, я соглашусь съ ними; но я не думаю, что по-

ложеиіе въ дѣйствительности таково. Совсѣмъ не то съ бесплатностью первоначальнаго образованія; это было-бы желательнo; слѣдовало-бы, чтобы отецъ, который не даетъ образованія своему сыну, былъ-бы неправъ. Пусть на него падетъ порицаніе общества. Но я не хочу ничего больше. Истинная санкція въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ дѣлахъ морали, состоитъ въ томъ, чтобы съ помощью свободы создать такое сильное общественное мнѣніе, которое было-бы строго къ проступкамъ, совершенно недоступнымъ закону.

Впрочемъ, здѣсь нужно принимать во вниманіе капитальное различіе, которое позволить намъ глубже вникнуть въ нашъ вопросъ. Изъ различныхъ элементовъ, составляющихъ культуру человѣка, одинъ элементъ можетъ быть полученъ, и при томъ въ полной мѣрѣ, только отъ государства; есть и другіе элементы, въ которыхъ государство совершенно некомпетентно. Въ самомъ дѣлѣ, моральная и интеллектуальная культура человѣка составляется изъ двухъ различныхъ элементовъ: съ одной стороны образованіе, приобрѣтеніе извѣстнаго количества положительныхъ знаній, различныхъ сообразно съ призваніемъ и способностями молодого человѣка; съ другой стороны—воспитаніе, одинаково необходимое всякому, воспитаніе, которое дѣлаетъ человѣка приличнымъ, честнымъ, хорошо воспитаннымъ. Ясно, что вторая часть наиболѣе важна. Можно быть невѣжественнымъ во многихъ вещахъ, быть даже невѣжей въ полномъ смыслѣ слова; но нельзя быть человѣкомъ безъ нравственныхъ принциповъ, человѣкомъ, скверно воспитаннымъ. Къ сожалѣнію, слишкомъ ясно, что эти два основныхъ элемента человѣческой культуры могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Развѣ не видимъ мы каждый день людей умныхъ, но лишенныхъ всякаго нравственнаго развитія, доброты, иногда и честности? Развѣ мы не видимъ, съ другой стороны, превосходныхъ людей, деликатныхъ, развитыхъ нравственно, которые вмѣстѣ съ тѣмъ погружены въ мракъ невѣжества и нелѣпости? Ясно, что совершенство заключается въ томъ, чтобы соединить эти двѣ вещи. И изъ этихъ частей одну: образованіе,—только государство можетъ доставить должнымъ образомъ; что касается другой части: воспитанія,—то для нея государство не можетъ много сдѣлать. Предоставьте образованіе инициативѣ и выбору частныхъ лицъ, и оно будетъ очень слабо. Достоинство учителя не будетъ достаточно соблюдено, оцѣнка его познаній будетъ производиться самымъ произвольнымъ, поверхностнымъ образомъ. Предоставьте, съ другой стороны, воспитаніе государству: оно сдѣлаетъ все, что въ его силахъ и устроить въ концѣ концовъ только большіе интернаты, это несчастное наслѣдіе іезуитовъ XVII и XVIII вѣковъ, гдѣ дитя, отдѣленное отъ семьи, удаленное отъ свѣта и отъ общества другого пола, не можетъ приобрѣсти ни нравственнаго развитія, ни душевной деликатности. Сознаюсь, что насколько я поддерживаю привиллегію государства въ дѣлѣ образованія въ собственномъ смыслѣ слова, настолько-же я хотѣлъ-бы, чтобы государство отказалось отъ своихъ интернатовъ; отвѣтственность за нихъ велика: только семья можетъ оказать здѣсь свое плодотворное содѣйствіе. Воспитаніе—

это—уваженіе того, что дѣйствительно хорошо, велико и прекрасно; это вѣжливость, прекрасная добродѣтель, которая замѣняетъ много другихъ добродѣтелей; это—тактъ, который тоже почти добродѣтель. Но не учитель можетъ научить всему этому.

Гдѣ можетъ ребенокъ или молодой человекъ научиться этой чистотѣ, этой деликатности совѣсти, основѣ всякой солидной нравственности, этому цвѣту чувства, который будетъ со временемъ украшеніемъ человека, этой тонкости ума, состоящей изъ совершенно неуловимыхъ оттѣнковъ? Въ книгахъ, внимательно выслушиваемыхъ урокахъ, въ стихахъ, выученныхъ наизусть? Ни въ коемъ случаѣ, господа! Этимъ вещамъ можно научиться въ той атмосферѣ, въ которой живешь, въ томъ обществѣ, въ которомъ находишься; имъ научаются только въ семьѣ и больше нигдѣ. Образованіе дается въ классѣ, въ лицѣ, въ школѣ; воспитаніе получается въ родительскомъ домѣ; въ этомъ отношеніи учителемъ является мать, сестры. Вспомните, господа, прекрасный рассказъ Жана Хризостома о его поступленіи въ школу ритора Либаніуса, въ Антиохіи. Либаніусъ имѣлъ обыкновеніе спрашивать новичка, поступающаго къ нему въ школу, о его прошломъ, о его родныхъ, о его странѣ. На вопросъ такого рода Жанъ рассказалъ, что его мать, Антуза, овдовѣвшая въ двадцать лѣтъ, не хотѣла вторично выйти замужъ, чтобы посвятить себя всецѣло его воспитанію. „О Боги Греціи!—воскликнулъ старый риторъ:—какія матери и какія вдовы у этихъ христіанъ“! Вотъ Вамъ образецъ, господа! Да, только глубоко серьезная и нравственная женщина можетъ исцѣлить язвы нашего времени, передѣлать воспитаніе человека, привить вкусъ къ добру и красотѣ. Для этого нужно принять ребенка, не довѣрять его наемнымъ заботамъ, разставаться съ нимъ только на время классныхъ занятій и ни въ одномъ возрастѣ не лишать его общества женщины. Я настолько убѣжденъ въ этихъ принципахъ, что хотѣлъ бы видѣть, чтобы у насъ приняты обычай, который существуетъ въ другихъ странахъ и далъ тамъ прекрасные результаты. Я хотѣлъ бы, чтобы школы обоихъ половъ раздѣлялись возможно позже, чтобы школы были общими до тѣхъ поръ, пока это возможно, и чтобы этой общей школой руководила женщина. Мужчина въ присутствіи женщины испытываетъ чувство чего-то болѣе слабаго, болѣе деликатнаго, болѣе развитаго въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ онъ самъ. Этотъ неясный, но глубокій инстинктъ служилъ базисомъ всей цивилизаціи; мужчина черпалъ въ этомъ чувствѣ желаніе подчиняться, оказывать услугу существу болѣе слабому, доказывать ему свою тайную симпатію любезностью и вѣжливостью. Такимъ образомъ общество мужчины и женщины имѣетъ большое воспитательное значеніе. Воспитаніе человека невысказанно безъ женщины. Мнѣ скажутъ, что раздѣленіе половъ въ школахъ, которое я оспариваю, дѣлается въ интересахъ нравственности; я убѣжденъ, что это одна изъ причинъ того малаго уваженія къ женщинѣ, которое, къ сожалѣнію, замѣчается у нѣкоторой части молодежи. Нѣмецкое юношество безусловно болѣе нравственно, чѣмъ наше, а между тѣмъ его воспитаніе гораздо свободнѣе и носитъ менѣе казарменный характеръ.

Мнѣ скажутъ: „Вы намѣчаете химерическій идеалъ: даже въ большомъ городѣ такая система воспитанія была бы чрезвычайно трудной при нашихъ нравахъ. Въ маленькихъ городахъ, въ селеніяхъ это совершенно невозможно; вѣдь интернатъ—необходимое слѣдствіе того факта, что не каждая семья имѣетъ въ своемъ распоряженіи такое образовательное учрежденіе, куда она могла бы посылать своихъ дѣтей“. Я знаю, что подобный идеалъ будетъ чрезвычайно трудно осуществить во многихъ случаяхъ. Я настаиваю только на томъ, чтобы къ интернатамъ прибѣгали исключительно въ случаяхъ крайней необходимости. Я хочу, чтобы даже тогда, когда разлука ребенка съ семьей необходима, обходились безъ этого безнадежнаго средства. Въ Германіи, которая такъ далеко ушла впередъ въ вопросахъ воспитанія, почти совсѣмъ нѣтъ интернатовъ. Какъ же тамъ обходятся безъ нихъ? Если нужно разлучиться съ ребенкомъ, то его помѣщаютъ у родственниковъ, друзей, пасторовъ, у учителей, имѣющихъ у себя на дому учениковъ десять. Въ томъ возрастѣ, когда, по нашему мнѣнію, за ребенкомъ необходимъ постоянный надзоръ, его безъ боязни предоставляютъ самому себѣ; ребенокъ долженъ жить, питаться, проявлять свою личность въ большомъ городѣ. Позвольте мнѣ привести здѣсь одно воспоминаніе моего дѣтства. Я родился въ маленькомъ городкѣ Нижней-Бретани, въ которомъ была школа, содержимая почтенными духовными, прекрасно преподававшими латынь. Отъ этого благочестиваго дома исходилъ такой запахъ старины, который и теперь приводитъ меня въ восторгъ, когда я вспоминаю объ этой школѣ; въ этомъ домѣ я чувствовалъ себя перенесеннымъ во времена Роллэна, или отшельниковъ Портъ-Рояля. Эта школа воспитывала все молодое поколѣніе города и окрестностей на 6—8 миль кругомъ. Въ ней было очень мало интерновъ. Молодые люди, родители которыхъ жили внѣ города, нанимали себѣ квартиры у горожанъ, находившихъ въ этомъ небольшую статью дохода для себя; родители, пріѣзжавшіе по средамъ на базаръ, привозили своимъ дѣтямъ провизію на цѣлую недѣлю; квартиранты вели общее хозяйство съ большой сердечностью, веселостью и экономіей. Это была система среднихъ вѣковъ и теперь еще система Англіи и Германіи. Пусть наши обычаи не допускаютъ такого устройства, пусть Парижъ въ его новомъ видѣ такъ мало способствуетъ тому, чѣмъ былъ этотъ городъ со времени его существованія, т. е. городомъ науки,—я просилъ бы только одной вещи: пансіоны, если только они необходимы, не должны содержаться государствомъ: пусть они будутъ частными учрежденіями, находящимися подъ наблюденіемъ родителей и выбранныхъ ими отвѣтственныхъ лицъ.

Отвѣтственность! Вотъ главное слово, которое содержитъ въ себѣ секретъ почти всѣхъ нравственныхъ реформъ нашего времени. Разумѣется, очень удобно возложить на чужую совѣсть то, что составляетъ нашу гордость и наше бремя, но средство такого рода никуда не годится. Ошибка нашихъ старыхъ французскихъ привычекъ въ дѣлѣ воспитанія, какъ и во многихъ другихъ дѣлахъ, — это желаніе найти способъ какъ-бы уменьшить свою отвѣтственность. У родителей было одно жела-

ніе: найти такой хорошей домъ, которому можно было-бы доверить съ чистой совѣстью своего ребенка, чтобы больше не думать о немъ. Но, господа, это очень безнравственно! Ничто не освобождаетъ человѣка отъ его обязанностей, отъ его отвѣтственности передъ Богомъ. Этотъ обычай помѣщать ребенка на время его воспитанія внѣ его семьи, повторяю, представляетъ наслѣдіе системы, введенной іезуитами, которые такъ часто вводили въ заблужденіе нашу страну въ дѣлѣ воспитанія. Какой тактики придерживались іезуиты въ XVI и XVII вѣкахъ, чтобы добиться своей цѣли и захватить въ свои руки воспитаніе юношества? Ихъ тактика была очень проста. Прежде всего они овладѣвали умомъ матери, указывая ей всю ужасную отвѣтственность ея передъ Богомъ за воспитаніе ребенка. Затѣмъ ей предлагали чрезвычайно удобное средство избѣгнуть этой отвѣтственности, именно—доверить ребенка Ордену. Ей со всѣми предосторожностями объясняли, что она недостаточно компетентна въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ, что въ такихъ случаяхъ лучше всего положиться на людей авторитетныхъ (ужасное заблужденіе! въ этихъ дѣлахъ самой авторитетной является мать). Отданный въ руки лучшихъ учителей, ребенокъ не отягощалъ болѣе совѣсти своихъ родителей. Увы! Мать, слишкомъ часто легкомысленная, охотно прислушивалась къ этимъ уговорамъ: она не очень сердилась зато, что съ нея снимали эти суровыя заботы. Такимъ образомъ всѣ были довольны: мать могла въ одно и то-же время предаваться всѣмъ удовольствіямъ и быть увѣренной, что попадетъ въ рай,—вѣдь, святой отецъ ручался ей въ этомъ. Вотъ какимъ образомъ произошло это гибельное отдѣленіе ребенка и матери! вотъ какимъ образомъ къ нашимъ національнымъ нравамъ была привита эта язва! Такимъ образомъ были основаны эти гигантскія колледжи, образцомъ которыхъ можетъ служить колледжъ Людовика Великаго, принадлежавшій тогда іезуитамъ. Это открытіе казалось восхитительнымъ, но оно было гибельнымъ, и мы до сихъ поръ еще не искупили его. Женщина сняла съ себя самую благородную обязанность,—обязанность, которую она одна можетъ выполнить. На семью, которую считали неподходящей средой для воспитанія, смотрѣли, какъ на препятствіе: она находилась въ подозрѣніи, ее отстраняли насколько возможно, ребенка предостерегали отъ вліянія его родителей, дни выхода къ нимъ считались днями опасности для ребенка. Даже университетъ подражалъ интернатамъ іезуитовъ больше, чѣмъ слѣдовало, и эта организація на манеръ полковой сдѣлалась характерной чертой французскаго воспитанія. Я думаю, что изъ этого не можетъ выйти ничего хорошаго. Церковь, монастырь, средневѣковой колледжъ (совершенно непохожій на наши лицеи) по своему воспитывали человѣка, создавали болѣе или менѣе полный типъ воспитанія. Одна только вещь никогда не воспитывала человѣка,—это казарма. Посмотрите, какія печальныя воспоминанія сохраняетъ часто наше юношество о тѣхъ годахъ, которые должны были бы быть самыми счастливыми въ ихъ жизни. Посмотрите, какъ мало изъ этихъ интернатовъ выносятъ солидныхъ нравственныхъ принциповъ и этого счастливаго неумѣнія дѣлать зло. Оди-

наковый режимъ не въ состояніи создавать разнообразныя индивидуальности; любовь между учителемъ и учениками почти невозможна при такой постановкѣ воспитанія.

Кто же, въ самомъ дѣлѣ, тотъ учитель, съ которымъ интересъ лица сталкивается больше всего? Это надзиратель, репетиторъ, слѣдящій за приготовленіемъ уроковъ. Конечно, между этими почтенными учителями встрѣчаются многіе самоотверженные и преданные; но я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы государство въ состояніи было всегда сформировать достаточный штатъ такихъ учителей, которые были бы на высотѣ своего призванія. Совсѣмъ не то съ преподавателями: только государство въ состояніи имѣть штатъ выдающихся преподавателей. Съ надзирателями совершенно обратное. Обреченный на второстепенное положеніе по сравненію съ преподавателями и администраціей, штатъ надзирателей въ правительственныхъ учрежденіяхъ, за рѣдкими, весьма почтенными, исключеніями, всегда будетъ оставлять желать лучшаго. Но подобный штатъ надзирателей, почти не имѣющій никакого значенія, когда государство ограничивается своей истинной ролью: давать образованіе приходящимъ ученикамъ,—этотъ штатъ играетъ важную роль, когда государство беретъ на себя непосильную работу сформировать всего человѣка.

Въ этомъ отношеніи замѣчается большое различіе между нашими обычаями и обычаями Англіи и Германіи. Особенно въ Англіи надзоръ за деталями воспитанія въ дѣйствительности меньше, чѣмъ у насъ. Вы, на примѣрѣ почувствуете разницу. У насъ ученику задаютъ уроки на каждый день. Не только одинъ преподаватель провѣряетъ, сдѣланъ ли урокъ: въ промежуткѣ между двумя уроками надзиратели слѣдятъ за тѣмъ, чтобы урокъ былъ сдѣланъ. На извѣстные часы ученика запираютъ въ комнату: въ эти часы за нимъ слѣдятъ, запрещаютъ читать книги, не относящіяся къ заданному уроку; надзиратель безпрестанно подгоняетъ его. Въ Англіи дѣло поставлено совершенно иначе. Если ученикъ пришелъ въ классъ и не приготовилъ урока, его очень строго наказываютъ. На перемѣнахъ ему предоставляютъ полную свободу; его дѣло, начать ли съ приготовленія уроковъ или отложить ихъ до послѣднихъ минутъ. Ему позволено всякое чтеніе, кромѣ безнравственнаго. Онъ долженъ только сдѣлать урокъ,—вотъ все, что требуется отъ него. Я предпочитаю эту систему, такъ какъ она лучше воспитываетъ чувство долга. Излишнія запретительныя мѣры кажутся проявленіемъ мудрости; одно только неудобство—это срѣзать въ одно и то же время корень добра и зла, то есть свободу. Все, что низводитъ человѣка на степень автомата, уменьшаетъ его цѣнность и понижаетъ уровень націи, достаточно неразумной для того, чтобы думать, что общественный порядокъ, тѣмъ кричше, чѣмъ слабѣе каждый индивидуумъ въ отдѣльности.

Милостивыя государыни и милостивые государи! Возвратимся во всякомъ дѣлѣ къ тѣмъ традиціямъ, которымъ одинаково научаетъ насъ и христіанство, и здравая философія. Наиболѣе славная черта Франціи—это умѣнье лучше всякой другой націи видѣть свои собственные недостатки и умѣнье критически

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Современные вопросы.	
Предисловіе	5
Философія современной исторіи	18
Высшее образованіе во Франціи	48
Научныя изслѣдованія въ Германіи	70
Нѣсколько словъ о состояніи умовъ въ 1849 году. . .	75
Интеллектуальная и моральная реформа Франціи.	
Предисловіе	97
Болѣзнь.	102
Средства	127
Война между Франціей и Германіей.	155
О созывѣ собранія во время осады	174
Письмо Штрауссу	182
Новое письмо Штрауссу	191
Конституціонная монархія во Франціи	201
Участіе семьи и государства въ дѣлѣ воспитанія. . .	234—247

Віцебскіи педагогическіи
ІНСТИТУТЪ ім. С. М. КИРОВА